В. ГРИНГМУТ
СОБР. СТАТЕЙ
Р 8/166
в.3
Р
8
166

11586-8

СОБРАНІЕ СТАТЕЙ

В. А. Грингмута.

Выпускъ третій.

МОСКВА.
„Русская Печатня". Садовая-Тріумфальная, домъ № 170.
1910.

2007044874

ОТДѢЛЪ I.

Политическія статьи.

ВЫПУСКЪ III.

Вопросы русской жизни.

I.

Школьныя традиціи.

Московская I Гимназія отпраздновала на-дняхъ свой столѣтній юбилей.

Въ рѣчахъ, произнесенныхъ на этомъ торжествѣ и въ прочитанныхъ на немъ адресахъ, очень много говорилось о „традиціяхъ“, которыми школа должна дорожить, тщательно ихъ храня и передавая дальнѣйшимъ поколѣніямъ своихъ учениковъ и наставниковъ.

Дѣйствительно, добрыя традиціи играютъ весьма важную роль въ жизни учебно-воспитательнаго заведенія. Весь авторитетъ педагогической дисциплины покоится на педагогическихъ традиціяхъ, установленныхъ долгимъ поучительнымъ опытомъ предшествовавшихъ поколѣній педагоговъ, выработавшихъ опредѣленную форму учебно-воспитательнаго дѣла изъ живой его практики.

Вся школьная жизнь состоитъ, какъ и дѣйствительная жизнь, изъ тысячи мелочей, но въ школѣ каждая эта мелочь должна имѣть свою логически-обоснованную *raison d'être*, такъ какъ школа должна представлять собою наивысшій достижимый для насъ идеалъ твердой законности, строгаго порядка и гармонической цѣлесообразности.

Иначе и быть не можетъ. Школа должна воспитывать въ своихъ питомцахъ чувство долга, покорность закону, любовь къ труду и порядку. А это возможно лишь въ томъ случаѣ, если, по выраженію извѣстнаго германскаго педагога Негельсбаха, „для ученика сама школа является синонимомъ законности, долга, правды и порядка“. А законность и порядокъ въ школѣ зиждутся прежде всего на традиціяхъ.

Всѣмъ извѣстно, какую педагогическую силу имѣютъ германскія и англійскія средне-учебныя классическія школы. Онѣ являются въ настоящее время лучшими школами во всемъ мірѣ. Чѣмъ же объясняется это ихъ столь выдающееся преимущество? Да ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, что онѣ свято хранятъ свои учебно-воспитательныя традиціи, органически развивая ихъ по мѣрѣ накопляющагося педагогическаго опыта, но не ломая ихъ, наперекоръ присущему имъ основному духу, выработанному цѣлымъ рядомъ поколѣній выдающихся педагоговъ.

Дѣти учатся въ этихъ школахъ въ той же высокой, чистой гуманитарной атмосферѣ, въ которой учились ихъ отцы, дѣды и прадѣды, и въ которой будутъ учиться ихъ дѣти, внуки и правнуки. Каждое отдѣльное учрежденіе въ этихъ школахъ, каждое правило и каждый обычай освя-

щены долгимъ временемъ и тщательно соблюдаются благоговѣйно уважающими ихъ наставниками и учениками. Чувство долга можетъ воспитываться и развиваться только при такихъ именно условіяхъ, при сознаніи, что существующее въ школѣ правило создано не вчера, по чьей-либо фантазіи, а выработано, какъ нѣчто необходимое и обязательное, путемъ долговременнаго педагогическаго опыта.

Вотъ почему мы вполнѣ понимаемъ, если въ рѣчахъ и адресахъ, привѣтствовавшихъ столѣтній юбилей I Гимназіи, такъ много говорилось о школьныхъ „традиціяхъ".

А между тѣмъ оказывается, что этого столь важнаго педагогическаго элемента *въ русскихъ школахъ нѣтъ.*

Въ самомъ дѣлѣ, изъ исторіи той же I Гимназіи мы узнаемъ, что въ теченіе ста лѣтъ организація Гимназіи измѣнялась не менѣе *одиннадцати* разъ.

Въ среднемъ, слѣдовательно, каждыя десять лѣтъ отмѣнялась предыдущая „традиція" и заводилась новая, или, другими словами, каждой „традиціи" хватало лишь на полтора гимназическіе курса. При такихъ условіяхъ, конечно, ни о какой дѣйствительной традиціи и рѣчи быть не можетъ. Правда, нѣкоторыя „традиціи" длились менѣе десяти лѣтъ, другія долѣе, но отъ этого сущность дѣла не мѣняется, такъ какъ о дѣйствительной школьной традиціи можно было бы говорить лишь въ томъ случаѣ, если бъ она длилась не менѣе сорока или пятидесяти лѣтъ; въ Англіи и Германіи она длится почти уже цѣлое столѣтіе.

Чѣмъ же объясняется это столь прискорбное, столь вредное для русской школы явленіе?

Роковымъ недоразумѣніемъ, отъ котораго мы никакъ отдѣлаться не можемъ.

Мы никакъ не можетъ усвоить себѣ слѣдующей совершенно безспорной истины:

Русскіе университеты должны стоять на одной высотѣ съ лучшими университетами въ мірѣ, университетами германскими, которые только потому занимаютъ такое высокое мѣсто, что обладаютъ спеціальными подготовительными школами, каковыми являются хорошія истинно-классическія гимназіи. Такія именно гимназіи должны быть и у насъ, какъ единственно-раціональная подготовительная школа для нашихъ университетовъ.

Безъ истинно-классическихъ гимназій наши университеты не только никогда не сравняются съ университетами германскими, но будутъ влачить жалкое, лже-научное, рабское существованіе, выпуская изъ своихъ стѣнъ научныхъ невѣждъ, которымъ необходимо еще доучиваться и переучиваться въ заграничныхъ, преимущественно германскихъ, университетахъ, прежде чѣмъ приступить къ сколько-нибудь плодотворной научной дѣятельности.

Два раза въ теченіе истекшаго столѣтія вышеизложенная истина пробивала себѣ путь въ наши высшія учебныя сферы: при графѣ Уваровѣ и при графѣ Толстомъ. Но и эти оба раза она окончательно восторжествовать

не могла и приводила лишь къ созданію полу-классическихъ или лже-классическихъ гимназій, которыя упорно выдавались у насъ за „настоящія“ классическія школы, вводя въ заблужденіе и Правительство, и общество, приписывавшія очевидные недостатки этихъ школъ настоящему классицизму. И оба раза, вмѣсто того, чтобы превратить лже-классицизмъ нашихъ гимназій въ классицизмъ настоящій, онъ вовсе выбрасывался изъ нашихъ школъ и замѣнялся фантастическими учебными системами, подвергавшими нашихъ дѣтей всевозможнымъ экспериментамъ, какъ это дѣлается врачами и біологами *in anima vili.*

Гдѣ же тутъ взяться школьной традиціи, прочнымъ школьнымъ порядкамъ и обычаямъ, освященнымъ авторитетомъ долголѣтняго опыта? Несчастная наша гимназія вѣчно мѣняла одну систему на другую и не могла остановиться ни на одной, такъ какъ ни одна изъ нихъ никакого традиціоннаго авторитета въ глазахъ Правительства и общества, наставниковъ, родителей и воспитанниковъ не имѣла и имѣть не могла. А въ такой школѣ не можетъ поддерживаться учебно-воспитательная дисциплина, не можетъ воспитываться и развиваться въ ученикахъ чувство долга, безъ котораго вообще невозможно какое бы то ни было нравственное воспитаніе.

Школы графа Толстого просуществовали у насъ почти тридцать лѣтъ. Это все-таки нѣкоторый „фондъ“ для образованія традицій. Поэтому, пока еще не слишкомъ поздно, необходимо вернуться къ этимъ именно школамъ, устранить въ нихъ всѣ недостатки, вызванные ихъ ложнымъ классицизмомъ, превратить ихъ въ *настоящія* классическія школы, и затѣмъ держаться неуклонно этого ихъ типа до образованія прочной школьной традиціи, которую слѣдуетъ свято беречь, совершенствуя ее, въ присущемъ ей духѣ, согласно съ развивающимся педагогическимъ опытомъ.

Лишь при этомъ условіи наши гимназіи будутъ доставлять русскимъ университетамъ тотъ контингентъ юныхъ, дѣйствительно подготовленныхъ къ научному труду, силъ, который дастъ нашимъ высшимъ научнымъ школамъ возможность не только сравняться съ лучшими университетами вселенной, но и превзойти ихъ.

Другихъ путей къ этой, столь желанной для всѣхъ насъ, цѣли—*нѣтъ.*

Всякій иной путь приведетъ Россію лишь къ полному научному разоруженію, ко вторичной реварваризаціи.

II.

Вѣковой вопросъ дворянства.

Въ ближайшую среду, 14 января, на сценѣ нашего Малаго Театра будетъ поставлена трагедія покойнаго графа П. И. Капниста *Сенъ-Марсъ*, и впервые, послѣ долгаго времени, историческая зала нашего образцоваго театра огласится словами, проникнутыми глубокимъ чувствомъ и высокою государственною мудростью, о значеніи дворянства въ монархическомъ государствѣ.

Вотъ съ какими словами въ IV дѣйствіи благородный защитникъ правъ дворянства, маркизъ де Сенъ-Марсъ, обращается къ королю Франціи:

„Дворянство!.. Дворянство... Да... Пусть этотъ цвѣтъ народа,—а не толпа чиновниковъ наемныхъ Васъ окружитъ,—вооружите ихъ довѣріемъ Вашимъ, Государь,—пусть въ этой средѣ всегда себѣ находитъ мѣсто все лучшее, святое изъ народа: талантъ, наука, благородный трудъ и каждый подвигъ доблестный!.. Ручьями воды живой и благотворной пусть вливается народной жизни сила въ среду дворянства... Вѣрьте, Государь, что въ этомъ лишь одномъ, и только въ этомъ, *Самодержавье прочную опору себѣ найдетъ*“!..

Въ этихъ словахъ заключается все великое, вѣковое значеніе дворянства.

Въ монархическомъ государствѣ Государь правитъ народомъ, являющимся, однако, не хаотическою массой отдѣльныхъ песчинокъ, а стройнымъ организмомъ, гармонически-слаженнымъ изъ отдѣльныхъ взаимодѣйствующихъ и взаимно пополняющихъ сословій.

Каждое изъ этихъ сословій имѣетъ свои жизненные интересы, вытекающіе изъ его образа жизни и рода занятій, обусловленныхъ тѣмъ принципомъ раздѣленія труда, которымъ держится весь основной организмъ государства. Всѣ эти сословія равно необходимы государству, а потому и равно дороги Государю. Всѣ они дѣйствуютъ въ своей спеціальной сферѣ, соблюдая вѣковыя традиціи своего сословія, дающія имъ возможность съ бо́льшимъ совершенствомъ примѣнять къ своему дѣлу унаслѣдованныя отъ предковъ спеціальныя знанія и техническіе пріемы, подчиняя, однако, свои сословные интересы—интересамъ общегосударственнымъ.

Однимъ изъ видовъ такого сословно-государственнаго труда является трудъ, спеціально выпадающій на долю дворянства, трудъ *выполненія Государевой Воли въ управленіи государствомъ*.

Этотъ трудъ также можетъ успѣшно выполняться лишь благодаря унаслѣдованнымъ отъ предковъ традиціямъ, благодаря выработанному вѣками вѣрному пониманію Верховной Воли и точному, добросовѣстному ея исполненію, основанному на беззавѣтномъ чувствѣ долга и на близкомъ знаніи жизненныхъ нуждъ народа и его характера.

Вотъ почему дворянство является *ближайшимъ* къ Государю сословіемъ, получая непосредственно отъ Него порученіе исполнять Его Волю; вотъ почему оно является *служилымъ* сословіемъ, неся вѣрой и правдой самоотверженную службу своему Государю; вотъ почему, наконецъ, оно является *правящимъ* сословіемъ, предоставляя Государю всѣ свои лучшія силы, какъ орудія управленія государствомъ, но орудія не слѣпо-механическія (бюрократическія), а прозорливыя, живыя и животворныя.

Съ этой, единственно правильной, точки зрѣнія, мы вполнѣ понимаемъ Сенъ-Марса, который говоритъ королю:

„Пусть дворянство, этотъ цвѣтъ народа, а не толпа чиновниковъ наемныхъ Васъ окружитъ“.

Но дворянство не должно быть замкнутою кастой, ибо тогда въ немъ могутъ проявиться эгоистическіе, олигархическіе инстинкты. Дворянство

должно быть именно „цвѣтомъ народа“, а для этого „въ его средѣ пусть всегда себѣ находитъ мѣсто все лучшее, святое изъ народа: талантъ, наука, благородный трудъ и каждый подвигъ доблестный“. Лишь при этомъ условіи „въ среду дворянства вливается сила народной жизни ручьями воды живой и благотворной“.

Такъ говоритъ Сенъ-Марсъ *королю Франціи*, представителю *западнаго* абсолютизма, носителю идеи *феодальной* монархіи, который, поэтому, едва ли могъ ясно понимать развиваемый предъ нимъ принципъ обновленія дворянства „ручьями живой воды народной“, ибо феодальный король, отдававшій *покоренный* его предками народъ въ безконтрольное управленіе своимъ леннымъ графамъ и баронамъ, народа своего не зналъ и не цѣнилъ.

Не таковъ Русскій Самодержавный Царь. Его сердцу одинаково близки всѣ сословія Его народа, которымъ Онъ управляетъ по завѣту Христову, какъ отецъ своими дѣтьми. Онъ поручаетъ тѣ или другія государственныя должности дворянству для управленія народомъ, но Онъ обусловливаетъ это управленіе точными законами, ограждающими мирный трудъ и свободу каждаго сословія, и строго слѣдитъ, чтобы дворянство не злоупотребляло даруемыми ему полномочіями. Вотъ почему было отмѣнено у насъ крѣпостное право, какъ подававшее поводъ къ такимъ злоупотребленіямъ. Къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ этимъ правомъ, противорѣчившимъ принципу *Русскаго* Самодержавія, отмѣнены были и всѣ прочія права дворянства по преимущественному *служенію* Царю и Государству. Дворянство было отодвинуто въ этомъ служеніи на второй планъ, его мѣсто заняли: съ одной стороны—сухая, не знающая народной жизни, бюрократія, а съ другой—чуждая государственныхъ традицій интеллигенція.

Мы знаемъ, къ чему эти двѣ новыя силы привели Россію. Вся надежда ея снова обращается къ забытому, затертому дворянству, которое, увы, за это время лишилось многихъ своихъ прежнихъ силъ, и нравственныхъ, и матеріальныхъ: часть его утратила земли и потеряла непосредственную связь съ народомъ, другая „обюрократилась“ въ петербургскихъ канцеляріяхъ, третья „одемократилась“ въ земскихъ собраніяхъ, четвертая—пошла въ купцы и фабриканты.

Но главная масса русскаго дворянства все-таки осталась на своей традиціонной позиціи, на русской *землѣ*, несмотря на то, что эта позиція стала за послѣднее время чисто-боевою и чрезвычайно опасною, ибо противъ нея ведутъ свои атаки и бюрократія, и интеллигенція, и утратившее чувство законности крестьянство. Всѣ эти три элемента стараются уничтожить дворянство, лишивъ его всякаго значенія въ государствѣ и возводя на него клевету, долженствующую лишить его Царскаго довѣрія.

Враги дворянства отлично знаютъ, почему они такъ на него ополчились: они видятъ въ немъ главную опору Самодержавія, а потому всѣ удары, наносимые ими дворянству, имѣютъ конечною своею цѣлью разрушеніе всего государственнаго строя Россіи.

Вотъ почему для насъ именно въ настоящее время такъ знаменательны слова Сенъ-Марса:

„Вооружите дворянъ довѣріемъ Вашимъ, Государь... Вѣрьте, что въ

этомъ лишь одномъ, и только въ этомъ, Самодержавье прочную опору себѣ найдетъ".

Но сохраненіе дворянства въ государствѣ необходимо еще и по другой причинѣ.

О ней говоритъ кардиналу Ришелье, врагу дворянства, кавалеръ Де-Ту, другъ Сенъ-Марса, въ слѣдующихъ словахъ:

„*Чтобъ въ людяхъ голосъ чести не умолкъ, чтобъ не угасла въ нихъ любовь къ искусству, чтобъ высшаго достигнуть идеала*, — среди стремленій дикихъ и бездушныхъ, насъ охватившихъ, — намъ необходимо до времени — отъ гибели спасти ту *высшую сословную среду*, которую вы сокрушить стремитесь, которая, *какъ вождь передовой, — нужна для младшей братіи*... И въ этомъ я убѣжденъ и — умереть готовъ".

Да, дѣйствительно, дворянство должно быть въ государствѣ носителемъ высшихъ, лучшихъ этическихъ и эстетическихъ идеаловъ и вести къ нимъ младшую братію, всегда готовую увлечься „дикими и бездушными стремленіями".

Сенъ-Маръ борется съ кардиналомъ Ришелье, геніальнымъ представителемъ той слѣпой государственной силы, которую мы называемъ „бюрократизмомъ". Великому кардиналу приходилось созидать единство Франціи усиленіемъ королевской власти путемъ ослабленія власти его феодаловъ. Это была тяжкая, но необходимая государственная операція, и заслуга кардинала Ришелье заключается именно въ томъ, что онъ ее предпринялъ и провелъ. Но онъ провелъ ее съ жестокимъ, безсердечнымъ, узкимъ фанатизмомъ противъ дворянства, и въ этомъ его великая ошибка: онъ безо всякой надобности оскорбилъ родовое дворянство, сдѣлалъ его предметомъ ненависти въ глазахъ народа и этимъ подготовилъ ту катастрофу, которая поглотила въ концѣ XVIII вѣка не только дворянство, но и само Самодержавіе, для котораго ослабленное дворянство уже не могло служить должнымъ оплотомъ.

Но этого мало. Великій кардиналъ такъ деспотически проявлялъ свою власть не только ради государственной пользы, но и ради своихъ собственныхъ, чисто-эгоистическихъ интересовъ. Адское властолюбіе охватило его на вершинѣ его политической карьеры, и онъ проявлялъ свою безсердечную самозванную диктатуру не только надъ дворянствомъ и всею Франціей, но и надъ самимъ королемъ, которому онъ уже пересталъ служить, начавъ ему повелѣвать.

Противъ этого именно *узкаго доктринерства* и *надменнаго властолюбія* кардинала Ришелье ратуетъ Сенъ-Маръ, а не противъ его великаго дѣла объединенія Франціи. И въ своихъ словахъ, обращенныхъ ко всемогущему кардиналу, онъ съ огненнымъ краснорѣчіемъ клеймитъ тѣхъ государственныхъ дѣятелей, которые, получивъ отъ Господа великіе дары ума и воли, употребляютъ ихъ не на благо народа, а на усиленіе своей личной власти и на упорное проведеніе своихъ доктринъ, ставя себя выше Государя:

„Уже топоръ сверкаетъ роковой, ужъ подо мной разверзлася могила, и праздными теперь мои слова быть не должны... Но я готовъ сказать, что

Господомъ вамъ данъ великій геній, сказать, что вы великій человѣкъ... Но отъ того, кому дано такъ много, и спросится не мало!.. Вы извнѣ могущества броней отчизну нашу и славою чудесно облекли!.. Сплотите же и внутреннія силы монархіи!.. *Уравновѣсьте жъ мудро призванье всѣхъ сословій въ государствѣ и въ нихъ посѣйте миръ, а не раздоръ*".

Какой глубокій смыслъ лежитъ въ этихъ послѣднихъ словахъ, и какое великое въ нихъ поученіе и для современной намъ Россіи!

Развѣ всѣ наши внутреннія неурядицы не зависятъ отъ того, что между сословіями Россіи бюрократическое доктринерство посѣяло раздоръ вмѣсто мира, съ явнымъ намѣреніемъ уничтожить земельное дворянство, а слѣдовательно и дворянство вообще, вопреки даже ясно выраженной Волѣ Государевой? И развѣ не направлена эта Воля къ тому, чтобы „мудро уравновѣсить призванье всѣхъ сословій въ государствѣ"? Развѣ не къ той же цѣли стремится и только что изданный 8-го января Высочайшій Указъ.

Содѣйствовать Верховной Волѣ въ этомъ ея благомъ стремленіи является поэтому обязанностью каждаго Русскаго человѣка, дорожащаго своею Родиной и желающаго избавить ее отъ роковыхъ послѣдствій той пагубной доктринерской политики, отъ которой тщетно Сенъ-Маръ старался отклонить всемогущаго кардинала.

III.

Анти-японская политика Англіи.

Что Англія всѣми силами старается вызвать Русско-Японскую войну, которой не желаютъ ни Русское, ни Японское правительства,—это для всѣхъ очевидно.

Но для чего нужна Англичанамъ война?

На этотъ вопросъ у насъ почти всюду слышится одинъ и тотъ же отвѣтъ:

„Англія—нашъ заклятый врагъ, а потому она желаетъ, чтобы Японія нанесла Россіи если не смертельный, то во всякомъ случаѣ весьма тяжкій, чувствительный ударъ".

— Едва ли это такъ,—говорилъ на-дняхъ въ нашемъ присутствіи здравомыслящій Русскій человѣкъ, которому было высказано только что приведенное объясненіе истинной причины англійской политики.—Что Англія коварна, это всѣмъ извѣстно, но чтобъ она была глупа, этого про нее никто не скажетъ. Не правда ли?

Конечно, ужъ одно ея коварство доказываетъ ея умъ и дальновидность.

— Ну, вотъ видите. Такъ можно ли допустить, чтобъ она не предвидѣла единственно возможный исходъ Русско-Японской войны?

— Что мы въ пухъ и прахъ разобьемъ Японію?

— Ну, само собою разумѣется. Въ этомъ никто во всей вселенной не сомнѣвается, кромѣ развѣ жалкой горсти нашихъ „либеральныхъ" космополитовъ.

— Что же изъ этого слѣдуетъ?

— Да очень просто: *Англія желаетъ, чтобы Россія сокрушила Японію.*

— Да вѣдь Японія—нѣжно любимая союзница Англіи.

— А для чего же существуетъ коварство Англіи, какъ не для того именно, чтобы чужими руками губить тѣ наивныя націи, которыя еще способны вѣрить въ дружбу и союзъ Англіи, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, Японцы по неопытности, Французы—по легкомыслію, а Итальянцы—по той баснословной близорукости, по которой они до сихъ поръ еще находятся въ Тройственномъ Союзѣ.

— Все это вѣрно, но чѣмъ же объяснить эту „коварную жестокость“ Англіи, желающей подвести подъ сокрушительный ударъ Россіи какую-то тамъ маленькую Японію?

— „Какую-то маленькую Японію“? Вы такъ презрительно смотрите на Японцевъ?

— Ну да? Вы сами же убѣждены въ ничтожествѣ Японіи сравнительно съ Россіей.

— Да, сравнительно съ Россіей, но не сравнительно съ Англіей.

— Такъ вы думаете, что Англичане боятся японскихъ войскъ и броненосцевъ?

— Нѣтъ, но они боятся будущей экономической, а слѣдовательно и политической конкуренціи Японіи.

— Полноте! Какая можетъ быть конкуренція между ютящимися на своихъ островкахъ Японцами и міровою имперіей Англіей?

— А какая возможна была конкуренція между ютившимися на своемъ островѣ Англичанами и міровымъ владычествомъ Испаніи и Голландіи?

— Да, вы вотъ на что намекаете...

— А то какъ же? Англія ясно видитъ и вполнѣ понимаетъ, чѣмъ грозитъ ей быстрый ростъ энергичнаго, предпріимчиваго Японскаго народа, который на Дальнемъ Востокѣ желаетъ играть ту же роль, какую Англія играла сперва въ Европѣ, а затѣмъ и въ другихъ частяхъ свѣта, въ особенности же въ Азіи, которую она рѣшила подчинить себѣ и, дѣйствительно, въ значительной мѣрѣ и подчинила своею циническою торгово-промышленною дѣятельностью. Не Россія грозна Англіи на Дальнемъ Востокѣ, ибо Англія знаетъ, какъ велики миролюбіе, справедливость и мудрая сдержанность Бѣлаго Царя, Который давно бы могъ выгнать Англичанъ изъ Индіи (гдѣ русскія войска были бы встрѣчены милліонами туземнаго населенія съ распростертыми объятіями, какъ освободители отъ тяжелаго британскаго ига), но который этого не дѣлалъ изъ чувства рыцарской лойяльности и идеальнаго безкорыстія. Но эти чувства совершенно чужды Японцамъ, ставящимъ себя во главѣ „панмонголизма“, имѣющаго цѣлью изгнать европейцевъ изъ Азіи, а слѣдовательно и Англичанъ изъ Индіи, или, по крайней мѣрѣ, вытѣснить и уничтожить экономическое господство Англичанъ въ Азіи и очистить омывающія Азію моря отъ англійскаго торговаго флага.

— Такъ что, по вашему мнѣнію, Англія даже будетъ очень довольна, если Россія еще болѣе усилитъ свое положеніе на Дальнемъ Востокѣ, разбивъ на голову Японцевъ?

— Англичане отлично знаютъ, что Россія и безъ того такъ непомѣрно сильна на Дальнемъ Востокѣ, что побѣда надъ Японіей увеличитъ ея политическій вѣсъ лишь на нѣсколько золотниковъ, ибо азіятскіе народы найдутъ эту побѣду совершенно естественною и нормальною. Зато пораженіе Японіи будетъ несомнѣнно имѣть роковое значеніе для всей „панмонгольской“ идеи вообще и для японскаго главенства въ особенности. Вотъ почему для Англіи такъ необходимо, чтобъ Японія очертя голову бросилась на великана Россію и получила отъ нея должную и серіозную кару.

— Такъ что, по вашему мнѣнію, если Россія разобьетъ Японію, она только окажетъ услугу Англіи и будетъ, такъ сказать, играть роль жандарма хитроумнаго Джонъ-Буля?

— Я этого не говорю. Россія сама также заинтересована въ томъ, чтобъ Японія была поставлена на свое мѣсто и наказана за ту дерзость, съ какою она бросается на насъ, по наущенію своихъ мнимыхъ друзей. Да и „панмонгольскимъ“ фантазіямъ Россія должна на первыхъ же порахъ дать достодолжный сильный отпоръ, о которомъ въ Азіи должна сохраниться память на вѣчныя времена. Но всего этого можно достигнуть и безъ войны съ Японіей.

— Какъ же это такъ?

— Рѣшительно отказавъ Японцамъ въ какихъ бы то ни было уступкахъ и ставъ во всеоружіи морскихъ и сухопутныхъ силъ на берегахъ Дальняго Востока, такъ чтобы даже ослѣпленные фанатизмомъ Японцы сразу прозрѣли и ясно поняли, что имъ и думать невозможно о какой бы то ни было войнѣ съ Россіей. Этимъ сразу будетъ сбита спѣсь Японцевъ и разрушены всѣ козни Англіи.

IV.

Земская школа.

Когда намъ приходилось указывать на недостатки земскихъ школъ, мы всегда слышали возраженія съ двухъ сторонъ: со стороны земцевъ и со стороны чиновниковъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Земцы говорили:

— Какіе могутъ быть въ нашихъ школахъ недостатки, когда за ними ежедневно наблюдаютъ директора и инспектора народныхъ училищъ?

А чиновники поддерживали земцевъ и говорили:

— О какихъ такихъ „земскихъ“ школахъ вы говорите? Всѣ онѣ — школы министерскія, такъ какъ находятся подъ нашимъ надзоромъ.

На это мы отвѣчали, что министерскій надзоръ за земскими школами есть только фикція, такъ какъ инспектора народныхъ училищъ не имѣютъ физической возможности слѣдить за тѣмъ, что́ творится въ земскихъ школахъ. Намъ не вѣрили.

И вотъ правительственная ревизія, заглянувъ въ школы Тверского земства, нашла въ нихъ вопіющія доказательства атеистической и революціонной пропаганды.

Кто въ ней виновенъ?

Если вышеприведенныя, дѣлавшіяся намъ, возраженія справедливы, то вся вина должна пасть на Министерство Народнаго Просвѣщенія.

Признаетъ ли оно себя виновнымъ? Конечно, нѣтъ. Оно теперь скажетъ то же самое, что говорили и мы: „инспектора народныхъ училищъ не имѣютъ физической возможности слѣдить за тѣмъ, что́ творится въ земскихъ школахъ".

Да, но въ такомъ случаѣ Министерство должно быть послѣдовательнымъ и либо совершенно отречься отъ земскихъ школъ,—что́ *невозможно*, либо совершенно взять ихъ въ свои руки,—что́ *безусловно необходимо* и чего мы постоянно и настойчиво требовали.

Если Министерство этого не сдѣлаетъ, то останется еще одинъ исходъ,—тотъ исходъ, къ которому прибѣгло Тверское *Уѣздное* Земство,—передача земскихъ школъ въ Духовное Вѣдомство. Тогда мы могли бы быть вполнѣ спокойными за нашу народную школу. Теперь же невольно сердце сжимается въ ужасѣ при мысли, что въ сотняхъ и тысячахъ раскинутыхъ по Россіи земскихъ школъ земскіе учителя и учительницы сознательно, систематически соблазняютъ „малыхъ сихъ", отравляя народную душу своимъ безбожнымъ, преступнымъ ученіемъ!

Да, такихъ школъ сотни, и тысячи, и десятки тысячъ. Наши земства вѣдь хвастаются *количествомъ* своихъ школъ и ставятъ себѣ это количество въ заслугу передъ обществомъ и Правительствомъ.

Мы теперь знаемъ, каково *качество* этихъ школъ, и приходимъ къ заключенію: чѣмъ больше *такихъ* школъ, тѣмъ хуже!

Сколько разъ приходилось повторять намъ эту истину, эту аксіому, встрѣчая какое-то близорукое непониманіе даже тамъ, гдѣ этого всего менѣе можно было ожидать. Надѣемся, что теперь самые близорукіе люди станутъ зрячими, когда прочтутъ „Правительственное Сообщеніе" о томъ, что́ творится въ школахъ Тверского Земства.

Мы говоримъ: „что́ творится", ибо мы не имѣемъ еще права сказать: „что́ творилось".

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что Правительство немедленно принялось за политическую дезинфекцію земскихъ школъ Тверской губерніи,—но когда еще она завершится! Скорѣе бы состоялось предположенное превращеніе земскихъ школъ Тверского уѣзда въ школы церковно-приходскія!

Съ какою ясностью представляется намъ теперь истинная причина того конфликта, который въ концѣ истекшаго года возникъ между Тверскимъ Губернскимъ и Уѣзднымъ земствами изъ-за земскихъ школъ Тверского уѣзда! Для гг. Петрункевичей тутъ важна была не одна только принципіальная сторона дѣла: они прямо опасались, что, съ передачей организованныхъ ими школъ въ чужое вѣдомство, обнаружится вся ихъ развращающая народъ тенденція. Вотъ почему они съ такимъ остервенѣніемъ набросились на консервативное большинство Уѣзднаго Земства, налагая на него тяжкія и несправедливыя денежныя кары за то, что оно рѣшилось „разрушить блестяще-поставленное школьное дѣло Тверского

Земства". Вотъ почему сообщники г. Петрункевича, сидящіе въ редакціяхъ „либеральныхъ" газетъ и журналовъ, поспѣшили ему на помощь, превознося великія заслуги Тверского Земства по „блестящей постановкѣ его образцовыхъ школъ".

Мы теперь знаемъ, каковы эти заслуги, мы теперь видимъ, въ чемъ заключалась эта „блестящая постановка" земскихъ школъ, такъ „образцово" развращавшихъ крестьянское населеніе, и мы теперь понимаемъ, почему, напримѣръ, *Вѣстникъ Европы* или *Русскія Вѣдомости* такъ краснорѣчиво ратовали за эти возмутительныя, преступныя школы.

Или, можетъ-быть, эти закадычные друзья гг. Петрункевичей *не знали*, что творилось въ этихъ школахъ?

Такъ пусть они прямо заявятъ объ этомъ своемъ незнаніи и отрекутся отъ Тверскихъ революціонныхъ пропагандистовъ, хотя бы для того, чтобы представить Тверской скандалъ „совершенно исключительнымъ, ничего не имѣющимъ общаго съ прочими земствами".

А если они не отрекутся отъ гг. Петрункевичей и К°, то какъ же они оградятъ себя отъ прямого обвиненія въ томъ, что они *знали* о революціонной пропагандѣ въ земскихъ школахъ Тверской губерніи и вполнѣ *сочувствовали* этой пропагандѣ?

Во всякомъ случаѣ, мы бросаемъ имъ это обвиненіе открыто и прямо въ лицо. Посмотримъ, какъ они на него отвѣтятъ, если они только не предпочтутъ закутаться въ трусливое и лицемѣрное молчаніе.

Но это—ихъ дѣло. А наше дѣло должно заключаться въ томъ, чтобы спасти русское крестьянство отъ развращающаго вліянія земскихъ школъ.

Мы въ сотый разъ ставимъ вопросъ: можемъ ли мы и впредь съ прежнимъ равнодушіемъ оставлять просвѣщеніе и воспитаніе русскаго крестьянства въ рукахъ революціонной пропаганды? Въ Тверскомъ Земствѣ была произведена ревизія, и возмутительныя дѣйствія этой пропаганды были обнаружены. Можемъ ли мы быть увѣрены, что нѣтъ такой же пропаганды въ другихъ земствахъ, въ которыхъ ревизіи не производилось? Конечно, нѣтъ. А уже одна *возможность* такого вопіющаго зла приводитъ въ ужасъ каждаго истинно-Русскаго человѣка! Вѣдь вотъ и въ Полтавскомъ Земствѣ таилась та же пропаганда въ статистической организаціи, пока она тоже не была обнаружена правительственною ревизіей.

Мы, конечно, снова услышимъ избитое возраженіе: „Земскія школы находятся подъ ежедневнымъ надзоромъ правительственнаго инспектора".

Бросьте, господа, эту вздорную аргументацію. Что можетъ сдѣлать одинъ инспекторъ на 500, 600 и даже 800 школъ? Ровно ничего. Мы видимъ, по примѣру Тверского Земства, какою жалкою ролью должепъ довольствоваться правительственный инспекторъ, имѣя противъ себя сплоченную, искусно-руководимую организацію „земскихъ людей", отъ которыхъ вполнѣ зависѣло назначеніе и смѣщеніе учителей и учительницъ, слушавшихъ однихъ только „земцевъ" и совершенно игнорировавшихъ правительственную инспекцію. Нужно разъ навсегда разстаться съ иллюзіей, будто эта инспекція имѣетъ хоть какое бы то ни было значеніе въ земскомъ школьномъ дѣлѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ она предотвра-

тила бы ту возмутительную пропаганду, которую обнаружила правительственная ревизія въ Тверскихъ земскихъ школахъ.

Нѣтъ, такъ дальше дѣло идти не можетъ.

Тверская ревизія ясно доказала необходимость двухъ коренныхъ мѣръ:

1) Передачи земскихъ школъ въ надежныя и твердыя руки Правительства, будь то Министерство Народнаго Просвѣщенія или Святѣйшій Сѵнодъ.

2) Полнаго преобразованія нашихъ земствъ, съ тою цѣлью, чтобъ они исключительно занимались своимъ мѣстнымъ *хозяйственнымъ* дѣломъ, не вступали въ политическій антагонизмъ съ Правительствомъ и не развращали Русскаго народа.

V.

Наше народное просвѣщеніе.

Среди всезахватывающихъ волненій, вызванныхъ нагрянувшею на насъ войной, совершилось въ нашей внутренней жизни крупное событіе, которое въ другое время привлекло бы къ себѣ всеобщее вниманіе.

Г. Э. Зенгеръ оставилъ, по болѣзни, свой постъ Министра Народнаго Просвѣщенія.

Уходъ его снова обостряетъ то безотрадное положеніе, въ которомъ вотъ уже четвертый годъ пребываютъ всѣ разсадники нашего народнаго просвѣщенія, наши низшія, среднія и высшія школы.

То тяжелое наслѣдіе, которое Г. Э. Зенгеръ принялъ отъ своего предшественника, онъ нынѣ передастъ своему преемнику съ увеличенною тяжестію. А тяжесть эта увеличилась отъ того, что учебное дѣло на мѣстѣ стоять не можетъ: оно *либо* идетъ впередъ, *либо* движется вспять, а затѣмъ быстро падаетъ и приходитъ въ разстройство. При Г. Э. Зенгерѣ учебное дѣло впередъ не пошло, а потому для него открыта была лишь вторая альтернатива.

Было бы несправедливо ставить это грустное явленіе въ вину одному лишь бывшему Министру.

Въ немъ соединены были многія качества, необходимыя для Министра Народнаго Просвѣщенія въ нормальное, спокойное время школьной жизни:—глубокая ученость, близкое знакомство съ учебнымъ дѣломъ, въ особенности со столь сложнымъ и труднымъ дѣломъ университетскимъ, ясный и открытый умъ, доброе сердце и чуткая отзывчивость ко всему доброму, большая работоспособность и немалая житейская опытность, соединенная съ тонкимъ, осторожнымъ тактомъ. При нормальныхъ условіяхъ этихъ качествъ было бы совершенно достаточно для Министра Народнаго Просвѣщенія, но при тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ, не по своей винѣ, находился Г. Э. Зенгеръ, ихъ было слишкомъ мало.

Кому не извѣстны эти прискорбныя, невыносимыя условія?

Среднія и высшія школы находились безъ уставовъ, въ какомъ-то временномъ, переходномъ состояніи, при которомъ съ каждымъ днемъ все болѣе падала дисциплина, являющаяся первою, необходимѣйшею основой

для школьнаго дѣла, такъ какъ безъ законности и дисциплины немыслимы ни воспитаніе, ни образованіе.

Съ другой стороны, злонамѣренная пропаганда охватила собой значительную часть тѣхъ низшихъ школъ, которыя находятся почти всецѣло въ рукахъ нашихъ земствъ, страдающихъ многими крупными недостатками, какъ въ этомъ пришлось недавно убѣдиться по официальнымъ документамъ.

Рядомъ съ этими удручающими явленіями мы видимъ общество, совершенно сбитое съ толку разнузданною печатью, приведшею своимъ назойливымъ невѣжествомъ въ полное смятеніе всю нашу школьную систему.

При такихъ условіяхъ будущій Министръ Народнаго Просвѣщенія не можетъ опираться ни на какую-либо прочную школьную организацію, ни на печать, ни на общество, а долженъ искать опоры лишь въ довѣріи Государя, въ собственной совѣсти и въ личномъ авторитетѣ.

Онъ долженъ прежде всего водворить порядокъ и дисциплину въ нашу высшую, среднюю и низшую школу и преградить къ нимъ доступъ атеистической и противогосударственной пропагандѣ.

Но одновременно съ этимъ онъ долженъ превратить наши университеты въ истинныя святилища серіозной науки, въ которыхъ не терпѣлось бы ничего ей чуждое или враждебное; онъ долженъ, согласно ясно выраженной Волѣ Государевой, сдѣлать наши гимназіи серіозными учебными заведеніями, подготовляющими своихъ питомцевъ къ высшей школѣ научнаго образованія; онъ долженъ создать рядомъ съ гимназіями реальныя и профессіональныя школы самыхъ различныхъ типовъ; онъ, наконецъ, долженъ превратить наши народныя школы въ разсадники крестьянства, просвѣщеннаго ученіемъ Православной Церкви и подготовленнаго къ мирной сельской трудовой жизни.

Но для достиженія этого нормальнаго состоянія нашего народнаго просвѣщенія необходимо, чтобы будущій его руководитель былъ самъ убѣжденный истинно-Русскій человѣкъ, преданный слуга своему Царю и вѣрный истолкователь Его Державной Воли. Онъ долженъ идти прямымъ путемъ, не входя ни въ какіе компромиссы съ врагами Православія, Самодержавія и Русской народности, въ какихъ бы сферахъ онъ ихъ ни встрѣчалъ. Онъ, наконецъ, долженъ быть чуждъ всякаго бюрократическаго формализма, столь гибельнаго въ живомъ педагогическомъ дѣлѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердо стоять за воспитаніе нашего юношества въ чувствахъ долга и труда.

А для этого онъ долженъ *любить* это юношество горячею, но истинною любовью, думающею о будущемъ его благѣ, а не о временныхъ ему поблажкахъ.

Великую поддержку въ своемъ трудѣ онъ найдетъ не только со стороны всѣхъ благомыслящихъ родителей, но и со стороны самого учащагося юношества, которое гораздо чище и лучше своей репутаціи, ему составленной кучкой негодяевъ, отодвинувшихъ своими безобразіями большинство скромныхъ и честныхъ товарищей на задній планъ. Стоило только появиться настоящему всенародному патріотическому настроенію, какъ во

главѣ его поспѣшила стать масса Русскихъ студентовъ, предъ которыми замолкли прежнія шайки безусыхъ „соціалъ-демократовъ“.

Нѣтъ, еще не поздно возвратить нашимъ школамъ ихъ прежній истинно-русскій духъ вѣры и любви къ Родинѣ!

А потому будемъ молить Господа, да пошлетъ Онъ Государю нашему такого именно мужа глубокаго ума, твердой воли и любящаго сердца, которому можно было бы поручить возстановленіе нашего школьнаго дѣла и исцѣленіе его отъ удручающихъ его тяжкихъ недуговъ!

VI.

Наши друзья и враги.

Если съ человѣкомъ, по его ли или по чужой винѣ, стрясется несчастіе, онъ можетъ найти себѣ горькое утѣшеніе въ возможности сдѣлать точную провѣрку своихъ друзей и враговъ. Враговъ окажется, конечно, несравненно больше, чѣмъ друзей, такъ какъ всѣ безъ исключенія полудрузья очутятся въ такомъ случаѣ въ лагерѣ открытыхъ враговъ. Но это — фактъ вполнѣ естественный и особенно удручать подвергшагося тяжкому испытанію человѣка не можетъ. Но трудно и почти невозможно мириться ему съ мыслью, что отъ него отворачиваются и тѣ люди, которыхъ онъ считалъ искренними друзьями и на участіе которыхъ онъ могъ разсчитывать.

Какъ съ отдѣльными людьми, такъ и съ націями.

На Россію нагрянуло тяжкое испытаніе. Что Россія была далека отъ того, чтобы намѣренно вызвать то положеніе, въ которомъ она нынѣ находится, — это никакому сомнѣнію не подлежитъ, а потому она считать себя виновною не можетъ. Не могутъ считать ее виновною и всѣ ея друзья, сочувствіе которыхъ въ данную минуту было бы для нея великимъ утѣшеніемъ.

Въ особенности это утѣшеніе было бы дорого въ виду того циническаго злорадства, съ которымъ относятся къ Россіи такіе отъявленные ея враги, какъ, напримѣръ, Англія, отъ которой мы, конечно, ничего другого не ожидали, такъ какъ никогда Англичане насъ въ своей дружбѣ не увѣряли и всегда отъ души желали намъ всякаго зла.

Но уже менѣе понятно намъ то враждебное зложелательство, съ которымъ къ Россіи, напримѣръ, относится, съ самаго начала нашего столкновенія съ Японіей, почти вся итальянская печать. Еще пять мѣсяцевъ тому назадъ та же печать съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала пріѣзда въ Римъ нашего Царя и вся поголовно, за исключеніемъ двухъ, трехъ соціалистическихъ листковъ, увѣряла насъ въ своей горячей и безкорыстной любви къ Россіи, ожидая отъ нея заключенія выгоднаго для Италіи торговаго договора. Куда дѣлись всѣ эти пламенныя любовныя объясненія? Они уступили мѣсто мелкому, злостному, чисто итальянскому издѣвательству надъ Россіей и надъ ея мнимыми „пораженіями“ въ Японскомъ морѣ. Таково,

по крайней мѣрѣ, настроеніе большинства Итальянскаго народа, тогда какъ правительство короля Виктора-Эммануила держитъ себя совершенно корректно въ своихъ „дружескихъ“ отношеніяхъ къ Россіи.

Не только корректно, но и, повидимому, искренно сочувствуетъ Россіи въ ея борьбѣ съ Японіей правительство императора Вильгельма. Но, къ удивленію нашему, совершенно иначе относятся къ намъ подданные Германскаго императора, значительная часть которыхъ, судя по германской печати, открыто стала на сторону Японіи. Правда, Японцы сами по себѣ не особенно симпатичны Нѣмцамъ, но Нѣмцы имъ желаютъ всякаго успѣха противъ Россіи, „чтобы сбить спѣсь съ этихъ Русскихъ, непомѣрно возвысившихся рядомъ съ Германіей“. Впрочемъ, мы должны оговориться: мы судимъ, какъ мы уже сказали, о настроеніи народа въ Германіи по нѣмецкимъ газетамъ, значительная часть которыхъ серіозно вѣритъ въ какую-то предстоящую „внутреннюю катастрофу Россіи“. Опѣ поэтому охотно подпѣваютъ нашимъ злѣйшимъ врагамъ, которые прямо спекулируютъ на какой-то фантастическій „Портъ-Артурскій погромъ“ который де по примѣру „Севастопольскаго погрома“ [1]) долженъ будетъ произвести въ Россіи „либеральную эволюцію“ съ тѣмъ „увѣнчаніемъ зданія“, о которомъ такъ усиленно мечтаютъ непавистники Россіи. А между тѣмъ мы знаемъ, что эти мечты теперь именно, благодаря войпѣ, разсѣявшей нашъ „либеральный“ кошмаръ, менѣе сбыточны, чѣмъ когда-либо.

На ту же „внутреннюю смуту“ въ Россіи разсчитываютъ, очевидно, и австрійскія газеты, въ отличіе отъ мадьярскихъ, которыя за послѣднее время стали смотрѣть на Россію болѣе трезвыми глазами. Конечно, мы не огорчаемся, видя, какъ австрійскіе Поляки съ особою радостью даютъ свободу той традиціонной ненависти, съ которою они всегда относятся къ намъ, гдѣ это только возможно. Но что тѣ же враждебныя чувства къ намъ питаютъ и австрійскіе Нѣмцы, насъ поражаетъ какъ довольно странное явленіе, въ виду тѣснаго сближенія Россіи и Австріи на Балканскомъ полуостровѣ. Или, можетъ-быть, Габсбургскіе патріоты тоже разсчитываютъ на какой-нибудь „Портъ-Артурскій погромъ“, который де отвлечетъ Россію отъ Балканскаго полуострова, предоставивъ его одной Австро-Венгріи? Напрасные разсчеты!

Но гдѣ же, наконецъ, наши вѣрные друзья?

Когда-то „друзьями Россіи“ называли себя Американцы; но мы давно уже знаемъ цѣну ихъ дружбы, опредѣляющуюся бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ долларовъ. Мы, конечно, можемъ во всякое время купить себѣ любовь Америки, если къ тому будетъ желаніе, но мы всегда будемъ знать, что Америка броспится въ чужія объятія, коль скоро ея любовь тамъ будетъ оплачена еще болѣе высокою суммой.

Но вотъ Франція. Это вѣдь не прежній, а теперешній нашъ „другъ и союзникъ“. Развѣ Франція не за насъ? Смотря по тому, о какой Фран-

[1]) О нелѣпости выраженія „Севастопольскій погромъ“ превосходно написалъ Б. М. Юзефовичъ въ недавно вышедшей книгѣ: „*Печать, Политика и Школа*. Бесѣды на темы изъ текущей жизни“ (Кіевъ, 1903 года).

ціи вы говорите. Французскій народъ, конечно, всецѣло стоитъ на нашей сторонѣ, но правительственный якобинскій „блокъ“ въ Парламентѣ нисколько не раздѣляетъ чувствъ Французскаго народа и относится къ намъ съ полнымъ равнодушіемъ, чтобы не сказать съ затаенною враждой. Одинъ уже г. Жорэсъ чего стóитъ, требующій разрыва русско-французскаго договора! Конечно, президентъ республики г. Лубэ и министръ иностранныхъ дѣлъ г. Делькассэ дѣлаютъ все, что̀ могутъ, чтобы сохранить добрыя отношенія съ Россіей; но что̀ въ сущности могутъ они сдѣлать, имѣя противъ себя руссофобское большинство Палаты?

Такъ гдѣ же, наконецъ, наши друзья? Неужели мы совсѣмъ одиноки?

Нѣтъ, за насъ громко высказываются наши родные братья Славяне, въ особенности славные борцы за славянскую идею Чехи и, какъ ни слабо, въ матеріальномъ отношеніи, ихъ чисто-отвлеченное сочувствіе намъ, оно исходитъ отъ искренняго сердца и потому намъ такъ невыразимо дорого [1]).

Славяне должны понимать, и они, повидимому, дѣйствительно понимаютъ, что мы, сражаясь на Дальнемъ Востокѣ, не только не забываемъ своего историческаго призванія на Востокѣ Ближнемъ и на ближайшемъ къ намъ Юго-Западѣ, но, что, напротивъ, Россія выковываетъ себѣ на Желтомъ Морѣ тотъ мечъ, безъ котораго она не можетъ исполнить свою великую миссію на Черномъ Морѣ.

Итакъ, вотъ результатъ провѣрки нашихъ друзей въ возникшихъ для насъ тяжелыхъ обстоятельствахъ.

Ни одно государство въ цѣломъ своемъ національномъ и правительственномъ составѣ не становится на нашу сторону. Намъ сочувствуетъ лишь императоръ Вильгельмъ безъ своего народа, Французская нація безъ правительственнаго большинства своего парламента и Чешскій народъ, не имѣющій ни своего государства, ни своего правительства.

И вотъ мы, въ сущности, въ начавшейся борьбѣ не имѣемъ возможности опереться на какія-либо реальныя и активныя сочувствія. Мы предоставлены самимъ себѣ точно такъ же, какъ это было 25 лѣтъ тому назадъ, когда мы переходили Дунай и Балканы и подошли побѣдоносно къ самому Царьграду.

Одиночество насъ не пугаетъ. Мы настолько сильны и матеріально, и въ особенности духовно, что сумѣемъ справиться съ коварнымъ врагомъ и безо всякаго посторонняго сочувствія.

Но мы должны твердо помнить, какъ лицемѣрно намъ въ тяжелую минуту измѣнили даже повидимому искренніе друзья, и когда Господь намъ поможетъ выйти съ честью изъ ниспосланнаго намъ тяжелаго испытанія, намъ придется впредь уже дѣйствовать такъ, чтобы не подвергать себя снова такимъ разочарованіямъ, какія намъ теперь приходится испытывать.

---

[1]) Вотъ текстъ телеграммы, отправленной чешскою радикальною партіею русскому министру Иностранныхъ Дѣлъ:

„Въ тотъ моментъ, когда великій Русскій народъ предпринимаетъ тяжкую борьбу противъ своихъ тайныхъ и явныхъ враговъ въ защиту благороднѣйшихъ цѣлей цивилизаціи и гуманности, мы, сыновья Чешскаго народа, выражаемъ Русскому народу свое искреннѣйшее сочувствіе. Да побѣдитъ Русскій народъ всѣхъ своихъ противниковъ въ интересахъ человѣчества и на пользу всѣхъ Славянъ“.

VII.

Міровая борьба.

Мы такъ близко стоимъ къ переживаемымъ нами событіямъ, что никакъ не можемъ примѣриться къ нимъ; мы не знаемъ, открылась ли только новая страница въ исторіи Россіи, или же—новая скрижаль исторіи вселенной.

Вотъ почему и въ обществѣ, и въ печати, и въ Россіи, и за границей слышатся самые разнообразные взгляды на значеніе и продолжительность начавшейся войны: одни думаютъ, что она кончится чуть не въ два мѣсяца, другіе предсказываютъ, что она продолжится два года, третьи, наконецъ, полагаютъ, что она не кончится и въ двадцать лѣтъ.

Само собою разумѣется, что послѣднее предсказаніе основывается на предположеніи, что въ первоначальную Русско-Японскую войну ввяжутся постепенно и другія державы, такъ что въ концѣ-концовъ война эта превратится въ міровую борьбу изъ-за міровой гегемоніи.

Кто можетъ взять на себя уже теперь, когда еще война не наполнила собою и трехъ недѣль, рѣшить, которое изъ вышеприведенныхъ предсказаній справедливо? Умъ человѣческій пѣмѣетъ предъ рѣшеніемъ такой задачи, въ составъ которой входятъ столь различныя данныя, изъ коихъ многія извѣстны лишь одному Божьему Провидѣнію.

Нѣтъ, рѣшить эту задачу невозможно: можно лишь приступить къ ея анализу, насколько онъ доступенъ человѣческому разуму.

При анализѣ этомъ приходится отмѣтить въ русско-японскомъ столкновеніи присутствіе различныхъ элементовъ, какъ матеріальнаго, такъ и психическаго свойства, и притомъ элементовъ какъ временныхъ, случайныхъ, такъ и существенныхъ, и постоянныхъ.

Если бы мы имѣли дѣло лишь съ матеріальными элементами, то предсказать продолжительность и исходъ начавшейся войны было бы сравнительно легко: стоило бы только подсчитать и сравнить боевыя, финансовыя и экономическія силы обоихъ противниковъ, чтобы придти къ тому заключенію, что война не продолжится и года и кончится полнымъ пораженіемъ Японцевъ.

Но можно ли допустить, что къ такому исходу войны равнодушно отнесутся тѣ государства, которыя уже теперь открыто выражаютъ Японцамъ свое сочувствіе, не стѣсняясь даже оказывать имъ всякую помощь въ предѣлахъ „дружественнаго нейтралитета?"

Правда, Англія и Америка не могутъ желать чрезмѣрнаго развитія Японскаго могущества на Дальнемъ Востокѣ, но еще менѣе желательно имъ такое же развитіе могущества Россіи. Вотъ почему легко предположить, что Англія и Соединенные Штаты, если, можетъ-быть, сами и воздержатся отъ вмѣшательства въ Русско-Японскую войну, то воспользуются первымъ случаемъ, чтобы втравить въ нее какую-нибудь третью враждебную Россіи

воюющую страну. А таковою, конечно, всего легче можетъ явиться Китай, относящійся къ Россіи съ нескрываемою расовою ненавистью.

Такимъ образомъ, не матеріальные, а національно-психическіе элементы играютъ главную роль въ этомъ міровомъ вопросѣ: японская сумасбродная манія величія, англійское тщеславное властолюбіе, американская торгашеская алчность, китайская фанатическая ненависть къ Европейцамъ и русскій беззавѣтный патріотизмъ, готовый пожертвовать всѣмъ ради Бога, Царя и Отечества.

Которая изъ этихъ этическихъ силъ выйдетъ побѣдительницей изъ завязавшейся ожесточенной борьбы? Та сила, въ которой содержится всего болѣе нравственныхъ элементовъ, а такою именно силой является сила Россіи. Вотъ почему мы такъ увѣренно смотримъ на начавшуюся міровую борьбу, которая можетъ кончиться лишь торжествомъ праваго дѣла, за которое стоитъ во всеоружіи своего народнаго духа Православная Россія.

Но и перечисленныя нами остальныя силы, уступая русской силѣ въ нравственной мощи, не уступаютъ ей въ интенсивности своей энергіи. Безумное тщеславіе, алчность, властолюбіе, ненависть и фанатизмъ являются чрезвычайно сильными факторами во всемірной исторіи, а потому Россія, твердо уповая на предстоящую ей побѣду, должна знать, что она достанется ей лишь послѣ упорной, тяжелой борьбы.

Для каждаго, кто вдумчиво слѣдитъ за ходомъ исторіи человѣчества, начавшаяся нынѣ борьба является *борьбою неизбѣжной*. Рано или поздно Россія должна была принять на себя эту борьбу, и не отъ нея зависѣло выбрать съ этою цѣлью наиболѣе для нея удобное время.

Рѣшеніе вопроса *Ближняго* Востока вполнѣ зависѣло отъ воли Россіи, и она могла приступить къ нему по своему благоусмотрѣнію, сообразуясь съ политическимъ положеніемъ одной Европы. Не то вопросъ *Дальняго* Востока. Онъ могъ всегда возникнуть и принять острую форму не по усмотрѣнію Россіи, а по усмотрѣнію ея непримиримыхъ враговъ, которымъ, конечно, выгодно было выбрать съ этою цѣлью время, наименѣе удобное для Россіи.

Они такъ и сдѣлали, и напали на Россію изъ-за угла, разсчитывая на ея неподготовленность къ борьбѣ.

Но Россія лишь на минуту была потрясена неожиданнымъ ударомъ и тотчасъ же оправилась отъ него, выступивъ съ полнымъ сознаніемъ своей мощи на поприще открывшейся передъ ней міровой борьбы.

Въ этой борьбѣ враги Россіи имѣютъ очень опредѣленную цѣль: нанести смертельный ударъ русскому могуществу въ Азіи, а тѣмъ самымъ и въ Европѣ.

Вы думаете, что Японія желаетъ только захватить себѣ Корею, которая ей будто бы нужна, какъ колоніальная область для японскаго населенія, „задыхающагося“ отъ тѣсноты на своихъ островахъ? Вы глубоко ошибаетесь. На этихъ островахъ Японцы вовсе не задыхаются, такъ какъ громадныя пространства земли Японіи доселѣ остаются безъ культуры. И вовсе не одна Корея составляетъ предметъ вожделѣній Японцевъ.

Вотъ, послушайте, что говоритъ японскій дипломатъ, откровенно изложившій японскія мечты во *Frankfurter-Zeitung*:

„Японскій дипломатъ видитъ въ начавшейся войнѣ борьбу расъ и выражаетъ увѣренность, что она должна открыть собою новую славную эпоху въ Восточной Азіи. Ближайшими цѣлями войны онъ намѣчаетъ: уничтоженіе русскаго флота въ Тихомъ Океанѣ, занятіе Портъ-Артура, Ляо-Яна, Мукдена, Владивостока и Хабаровска и полученіе съ Россіи крупной контрибуціи (500 милліоновъ іенъ), а также капитала Восточно-Китайской желѣзной дороги со всѣми связанными съ нею правами“ [1]).

Вотъ какія „ближайшія“ цѣли Японцы уже теперь рѣшаются открыто признавать, а сколько они еще пока таятъ про себя „дальнѣйшихъ цѣлей“! Вѣдь *mania grandiosa* въ своихъ фантазіяхъ предѣловъ не знаетъ.

Вотъ, слѣдовательно, тотъ ударъ, который Японія—т.-е., въ сущности, Англія и Америка—думаютъ нанести Россіи. Россія должна отразить его равнымъ ударомъ, а для этого ей нужно собраться со всѣми своими силами. Такіе удары напосятся великими государствами лишь въ самыя рѣшительныя минуты ихъ исторической жизни. Такая минута наступила нынѣ и для Россіи.

Но Россія, говорятъ, не подготовлена надлежащимъ образомъ къ такой тяжелой борьбѣ. Похвалить ее за это, конечно, никто не можетъ; но скажите, когда же она была „надлежаще подготовлена“ къ предстоявшимъ ей великимъ военнымъ кризисамъ? А между тѣмъ, всѣ эти кризисы кончались величайшею ея славой.

Нѣкоторая безпечность лежитъ несомнѣнно въ нашей крови и, какъ бы мы ни старались подражать нѣмецкой аккуратной „всеготовности“, мы ея, вѣроятно, могли бы достигнуть лишь тогда, когда сами превратились бы въ Нѣмцевъ. Враги наши, конечно, всегда пользовались и будутъ пользоваться этимъ природнымъ нашимъ недостаткомъ. Сколько разъ Татары заставали насъ врасплохъ! Съ какою плохою подготовкой мы шли и подъ Нарву, и навстрѣчу Наполеону, и въ Севастополь! Какъ ловко воспользовались Турки въ Плевнѣ все тою же нашею безпечною неподготовленностью! И что же? Россія всякій разъ выходила изъ каждаго подобнаго тяжелаго кризиса все съ новою славой, съ новыми силами, съ новою жизненною энергіей. Дѣло въ томъ, что въ русскомъ характерѣ безпечная небрежность во время мира превращается, лишь только наступаетъ война, въ безпечную лихую удаль, для которой никакихъ преградъ не существуетъ.

Кто знаетъ? Такъ, можетъ-быть, угодно Провидѣнію, чтобы Русскій народъ выдавался среди прочихъ народовъ вселенной не столько совершенствомъ своихъ внѣшнихъ боевыхъ силъ, сколько величіемъ своего внутренняго непреоборимаго духа, одерживающаго побѣды при такихъ условіяхъ, при которыхъ всѣ остальные народы терпѣли бы неминуемыя пораженія.

Мы еще разъ повторяемъ, что не беремъ на себя роли пророка, такъ какъ въ предстоящую намъ задачу входитъ слишкомъ много данныхъ, не-

[1]) См. *Русск. Вѣд.* 1904 г. № 42.

вѣдомыхъ уму человѣческому. Но, изучая доступные намъ элементы этой задачи, мы не видимъ въ нихъ признаковъ, чтобы начавшаяся борьба могла быть борьбой маловажною и скоропреходящею. Все, повидимому, указываетъ на то, что мы стоимъ на порогѣ дѣйствительно великой міровой борьбы.

VIII.

„Вѣчный миръ".

Въ парижской газетѣ *Temps* (19 февраля н. ст.) появилось открытое письмо извѣстнаго французскаго академика Жюля Клареси, адресованное графу Льву Толстому.

Въ этомъ письмѣ Клареси очень тонко и изящно иронизируетъ надъ гр. Толстымъ и надъ его проповѣдью „вѣчнаго мира", которая де получила такое разительное опроверженіе въ виду начавшейся войны. Французскій академикъ предполагаетъ, что „въ великомъ писателѣ проснулся севастопольскій воинъ", и что теперь „подъ черепомъ маститаго старца происходитъ страшная борьба между иллюзіями вѣчнаго мира и реальною дѣйствительностью патріотической войны".

Отвѣтилъ ли что-нибудь самъ гр. Толстой на это письмо, мы не знаемъ. Но за него поспѣшилъ заступиться и жестоко отдѣлать французскаго писателя одинъ изъ петербургскихъ публицистовъ*) за то, что г. Клареси указываетъ на „противорѣчіе, въ которомъ долженъ очутиться якобы Л. Н. Толстой", тогда какъ онъ, петербургскій публицистъ, видитъ только „великую скорбь—скорбь надъ неосуществившимся и увы, еще столь далекимъ отъ осуществленія идеаломъ мира". А затѣмъ идутъ длинныя разсужденія азбучнаго характера о „разницѣ идеально-мыслимаго и реально-осуществляемаго".

Такимъ образомъ всему дѣлу придается такой видъ: Толстой де всегда говорилъ о вѣчномъ мирѣ, какъ о какомъ-то лишь „мыслимомъ идеалѣ" и никогда не утверждалъ, чтобъ онъ могъ реально „осуществиться". А потому напрасно де французскій академикъ злорадствуетъ надъ мнимымъ противорѣчіемъ, которое будто бы должно озадачить Толстого.

На самомъ же дѣлѣ, какъ извѣстно, проповѣдь Толстого вовсе не состояла въ изображеніи „вѣчнаго мира", какъ какого-то неосуществимаго идеала: въ такомъ изображеніи ничего не было бы ни новаго, ни вреднаго, ибо всякій можетъ сентиментально вздыхать объ отвлеченной идеѣ „вѣчнаго мира", ясно, однако, сознавая, что идея эта, пока люди будутъ людьми, а не безгрѣшными ангелами, никогда не будетъ осуществлена.

Проповѣдь Толстого въ томъ именно и заключалась, что она хотѣла увѣрить насъ, будто „вѣчный миръ" не только осуществимъ вообще, но даже можетъ быть осуществленъ нами сейчасъ же, при данныхъ обстоятельствахъ: для этого слѣдуетъ де только уничтожить нашъ государственный строй и упразднить всѣ арміи. Вотъ въ этомъ именно и заключается вся ложь и весь вредъ этой проповѣди.

*) Homo Novus въ № 64 *Руси* 1904 г.

А слѣдовательно очень ошибается Жюль Клареси, если полагаетъ, что гр. Толстой въ настоящее время озадаченъ какимъ-либо противорѣчіемъ Отъ возрожденія въ немъ патріотическихъ чувствъ онъ застрахованъ, такъ какъ онъ отрекся отъ родины и вмѣсто нея любитъ „все человѣчество“, а начавшуюся войну онъ считаетъ лишь подтвержденіемъ своей теоріи, доказывающей, что войны прекратятся лишь тогда, когда исчезнутъ государства и ихъ боевыя силы. И ужъ, конечно, если бъ онъ сталъ отвѣчать французскому писателю, онъ отвѣтилъ бы не тѣмъ сентиментальнымъ туманомъ, въ какой окутываетъ свои мысли вышеозначенный петербургскій публицистъ, заканчивающій, напримѣръ, свою статью слѣдующими глубокомысленными словами:

„Объединенный интересъ—вотъ истинный сократитель войнъ. И когда эти интересы объединятся во вселенскомъ началѣ,—право войны исчезнетъ, потому что война будетъ поражать объединенный интересъ всего человѣчества“.

Къ этому финалу, видите ли, „идетъ исторія“.

Оставимъ эти пустыя пророчества, которыя тѣмъ легче произносить, что ихъ никто изъ насъ провѣрять не будетъ, а обратимъ лучше вниманіе на то, что̀ творится предъ нашими глазами и что̀, слѣдовательно, доступно немедленной провѣркѣ.

Въ осуществимость „вѣчнаго мира“ особенно вѣрили фантазеры французской „великой“ Революціи. Съ ихъ легкой руки, въ теченіе всего истекшаго XIX вѣка проповѣдь „вѣчнаго мира“ все усиливалась и расширялась; а между тѣмъ реальная дѣйствительность шла своимъ историческимъ ходомъ совершенно наперекоръ всей этой носившейся въ воздухѣ проповѣди. Съ самаго начала XIX столѣтія возникла въ Европѣ борьба національностей съ невиданнымъ доселѣ ожесточеніемъ, которое шло все возрастая и достигло въ началѣ XX столѣтія самыхъ крайнихъ, непримиримыхъ формъ. Каждая раса, каждое племя, каждая нація пришли къ индивидуальному самосознанію, которое чѣмъ дальше, тѣмъ становится рѣзче, сообразно съ общимъ историческимъ духомъ времени.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно отрицать, что *индивидуализмъ* является тѣмъ именно принципомъ, который уже въ настоящее время всюду торжествуетъ свою будущую культурную побѣду? Все воспитаніе европейскаго юношества начинаетъ клониться къ тому, чтобы выработать въ каждомъ человѣкѣ „самостоятельнаго бойца за свою индивидуальность“, высшимъ выразителемъ котораго является пресловутый „сверхчеловѣкъ“ Ницше. А что такое общій характеръ націи, какъ не средній выводъ изъ отдѣльныхъ характеровъ ея членовъ? Вотъ почему и каждая нація стремится къ своей индивидуализаціи, къ самопознанію своихъ качествъ, къ развитію ихъ до высшаго совершенства и къ защитѣ своихъ спеціальныхъ интересовъ и своего личнаго національнаго достоинства; и если иныя изъ нихъ, а можетъ-быть и всѣ, мечтаютъ стать „сверхнаціями“, то это совершенно соотвѣтствуетъ историческому духу времени, который, слѣдовательно, не приближаетъ насъ къ утопіи „вѣчнаго мира“, а, напротивъ, стремительно отъ нея удаляетъ. Во всякомъ случаѣ, мы стоимъ въ началѣ XX вѣка неизмѣримо

дальше отъ осуществленія этой утопіи, чѣмъ стояли въ концѣ XVIII вѣка, когда вся Европа съ наивнымъ восторгомъ тоже внимала сентиментальнымъ пѣснямъ о „братствѣ народовъ“, лившимся изъ устъ французскихъ Якобинцевъ, начитавшихся тѣхъ же бредней Жанъ-Жака Руссо какъ и графъ Левъ Толстой.

Намъ приходится слышать и такія разсужденія:

Вѣчный миръ былъ бы уже теперь осуществленъ, если бы не эти дикари Японцы, ничего не смыслящіе въ международномъ правѣ.

Ну, а Англичане? А Американцы? Развѣ они не знаютъ наизусть всѣ законы, правила и обычаи международнаго права, развѣ они не говорили восторженныхъ фразъ о великомъ значеніи Гаагской конференціи, и развѣ они, тѣмъ не менѣе, не сочувствуютъ всею душой японскимъ варварамъ (тоже участвовавшимъ въ этой конференціи), и развѣ мы удивимся, если они сочтутъ нужнымъ содѣйствовать Японіи не только словомъ, но и дѣломъ? А развѣ мы, къ тому же, не видѣли, что съ тѣхъ поръ, какъ состоялась Гаагская конференція, не прошло ни одного года, который не ознаменовывался бы тою или другою войной, заставлявшею браться за оружіе культурныя христіанскія государства?

Такимъ образомъ, всѣ признаки ясно указываютъ на то, что „вѣчный миръ“ является пустой химерой, о которой можно мечтать, какъ о какомъ-то совершенно сказочномъ „золотомъ вѣкѣ“, но руководствоваться которою въ реальномъ мірѣ всегда будетъ дѣломъ не только очень наивнымъ, но и чрезвычайно вреднымъ.

Взглянемъ на этотъ вопросъ еще со слѣдующей стороны:

Проповѣдники „вѣчнаго мира“ обыкновенно ссылаются на аналогію разрѣшенія частныхъ споровъ внутри государства не посредствомъ, а мирнымъ судомъ. Они забываютъ, что частныя лица подчиняются невыгоднымъ для нихъ судебнымъ приговорамъ не добровольно, не по какому-либо нравственному влеченію, а потому, что они физически *вынуждены* подчиняться этимъ приговорамъ, имѣя противъ себя всю подавляющую могущественную *вооруженную* силу государства. При столкновеніи же государствъ такой высшей могущественной *вооруженной* силы надъ спорящими государствами нѣтъ и быть не можетъ, а потому никто не въ состояніи лишить государство возможности защищать всею своею собственною силой свои кровные, жизненные интересы, коль скоро они нарушены другимъ государствомъ.

Но, говорятъ намъ, въ будущемъ все это измѣнится.

Почему измѣнится? Какіе признаки указываютъ на это измѣненіе? Мы только что видѣли признаки совершенно обратнаго значенія.

А что касается „будущаго“, то, если вѣрить нашимъ либеральствующимъ оппонентамъ, мы всѣ идемъ къ будущему „соціальному государству“. А это государство можетъ осуществиться либо путемъ страшныхъ кровавыхъ „революцій“, то-есть междоусобныхъ и международныхъ *войнъ*, либо путемъ „эволюціи“, посредствомъ подъема индивидуальнаго самосознанія рабочихъ классовъ въ ихъ непрестанной „мирной“ *войнѣ* съ капитализмомъ. Но эта „мирная“ война возможна лишь посредствомъ настоящей *кровавой*

войны между отдѣльными группами рабочихъ во время стачекъ, когда стачечники, по теоріи соціализма, имѣютъ право нападать съ оружіемъ въ рукахъ на своихъ товарищей, не желающихъ оставаться безъ работы, а тѣ, конечно, имѣютъ право на самозащиту.

Такимъ образомъ, даже внутри государства частныя столкновенія интересовъ начинаютъ разрѣшаться не судомъ, а вооруженнымъ насиліемъ, настоящею *войной*, и устраняются Государствомъ опять-таки вооруженною же силой.

Таковы явленія, предвѣщающія зарю будущаго „соціальнаго государства“ и служащія опять-таки противопоказателями какого-нибудь грядущаго „вѣчнаго мира“.

Апостолы „вѣчнаго мира“, конечно, возразятъ намъ обычнымъ своимъ дешевымъ аргументомъ:

„Значитъ вы желаете войны и не хотите содѣйствовать осуществленію великой мировой идеи?“.

Что отвѣчать на такую банальную фразу?

Я очень люблю теплую весну и ненавижу зимніе морозы. Я очень желалъ бы, чтобы была „вѣчная весна“. Но я знаю, что эта пустая, неосуществимая, „маниловская“ мечта противорѣчитъ естественнымъ законамъ, а потому было бы безумнымъ и преступнымъ, съ своей стороны, если бъ я во время весны пересталъ заботиться о необходимой защитѣ своего дома и всей своей семьи противъ будущихъ неминуемыхъ морозовъ. Если я желаю, чтобъ и зимой всѣмъ намъ было тепло, я долженъ и весной уже думать о предстоящихъ холодахъ и тщательно противъ нихъ вооружаться.

Такъ точно и съ „вѣчнымъ миромъ“. Вздыхать о немъ разрѣшается всѣмъ, но серіозно вѣрить въ его осуществимость могутъ лишь такія сентиментальныя дамы, какъ баронесса Зутнеръ, или такіе „наивные“ пророки, какъ графъ Толстой.

IX.

Духовная гигіена нашихъ войскъ.

Мы присутствуемъ при великомъ подъемѣ духа нашего общества, устремившагося съ полнымъ единодушіемъ къ заботамъ о сохраненіи физическаго здоровья нашихъ доблестныхъ воиновъ, идущихъ въ далекій походъ на защиту Отечества. Всѣ мы заботимся о врачебномъ уходѣ за будущими ранеными и увѣчными и о возможно лучшихъ гигіеническихъ условіяхъ, въ которыхъ будутъ находиться какъ здоровые, такъ и больные воины на Дальнемъ Востокѣ. И заботы наши имѣютъ несомнѣнно громадное значеніе не только для настоящаго времени, но и для будущности Россіи.

Въ самомъ дѣлѣ, русское воинство, идущее теперь отстаивать своею грудью честь, славу и цѣлость Россійской Имперіи, является нынѣ драгоцѣннѣйшимъ сокровищемъ Россіи, которое мы должны свято беречь, охраняя его отъ всякаго излишняго страданія. Чѣмъ охотнѣе оно идетъ проливать свою кровь за наше благосостояніе и за наше мирное житіе, тѣмъ

съ большею любовью должны мы относиться къ каждому изъ этихъ нашихъ ратоборцевъ, облегчая имъ, по возможности, ихъ великій подвигъ сердечнымъ попеченіемъ объ ихъ здоровьѣ какъ во время длинныхъ, тяжелыхъ переходовъ, такъ и на полѣ кровавыхъ сраженій, и на перевязочныхъ пунктахъ и лазаретахъ, спасая раненыхъ и больныхъ отъ смерти и всячески способствуя ихъ выздоровленію. Не только чувство христіанской любви и сострадапія къ ближнимъ руководитъ насъ въ этихъ заботахъ и попеченіяхъ, но и чувство благодарности: мы преклоняемся предъ этими людьми, идущими навстрѣчу смерти ради насъ и ради дѣтей нашихъ, спасая ихъ отъ позора и если не отъ физическаго, то отъ нравственнаго рабства.

Но если они, совершая великій христіанскій подвигъ, идутъ для того, чтобы *душу положить за други своя*, то не должны ли мы, изъ чувства все той же благодарности, взять на себя попеченіе не объ одномъ только ихъ матеріальномъ, но и объ ихъ духовномъ благосостояніи? Не слѣдуетъ ли намъ столь же бережно относиться къ ихъ нравственному, какъ и къ ихъ физическому здоровью, разъ они для насъ являются такимъ безцѣннымъ сокровищемъ? Не должны ли мы, наконецъ, стремиться къ тому, чтобы поставить ихъ въ здоровыя, правильныя условія духовной гигіены?

Правда, военный бытъ представляетъ самъ по себѣ эти здоровыя условія духовной жизни. Человѣкъ, закаленный въ честномъ бою за Царя и Отечество, выдвигается на всю жизнь изъ ряда своихъ современниковъ въ сферѣ государственной этики. Достаточно вспомнить доблестныхъ „Николаевскихъ“ воякъ, которые до конца жизни своей пользовались высокою славой безукоризненной честности въ исполненіи своего гражданскаго долга. Да и теперь русскій солдатъ, принявшій огненное крещеніе, восходитъ и въ своихъ глазахъ, и въ глазахъ своихъ соплеменниковъ, на высшую ступень образцоваго государственнаго служенія, налагающаго на него и болѣе высокія нравственныя обязанности. Мы поэтому въ правѣ ожидать, что начавшаяся война, оказавшая уже такое благое вліяніе на подъемъ нашего національнаго патріотическаго самосознанія, принесетъ благіе плоды и на долгіе годы послѣ своего окончанія, когда теперешніе герои наши вернутся въ свои семьи и будутъ поддерживать въ нихъ своими повѣствованіями и своимъ личнымъ примѣромъ высокое чувство беззавѣтной преданности Царю и Отечеству.

Но если мы на это надѣемся, то враги Россіи этого именно и опасаются. Они несомнѣнно будутъ пытаться предотвратить ожидаемыя нами благія послѣдствія войны, покушаясь посѣять въ чистыя души нашего христолюбиваго воинства злые плевелы своихъ разрушительныхъ ученій.

Вотъ почему намъ и предстоитъ такъ тщательно заботиться о духовной гигіенѣ нашихъ войскъ на Дальнемъ Востокѣ. И здѣсь профилактика должна играть такую же выдающуюся роль, какъ и въ заботахъ о физическомъ ихъ здоровьѣ.

Если мы примемъ надлежащія мѣры къ тому, чтобы въ организуемые нынѣ общественные санитарные и благотворительные отряды не могъ проникнуть ни одинъ изъ тѣхъ зловредныхъ элементовъ, которые у насъ вся-

чески ищутъ сближенія съ простымъ народомъ въ цѣляхъ его развращенія, то мы этимъ предохранимъ наши войска на Дальнемъ Востокѣ отъ такого зла, которое для нихъ гораздо опаснѣе коварныхъ ударовъ и смертоносныхъ снарядовъ непріятеля. Отрава, которую мнимые „друзья народа“ стараются влить въ душу простолюдина, погубитъ не только его, но и другихъ, соприкасающихся съ нимъ въ походной жизни людей, а затѣмъ заразитъ собою и въ мирное время его семью и близкихъ ему лицъ.

Въ нашей памяти еще слишкомъ свѣжи возмутительныя похожденія такихъ „общественныхъ народныхъ дѣятелей“, какъ, напримѣръ, Полтавскіе статистики, Тверскіе учителя и Новоторжскіе врачи, чтобы мы могли оставаться спокойными при мысли, что эти негодяи могутъ какъ-нибудь проникнуть въ наши столь симпатичныя патріотическія учрежденія, предназначенныя нести ближайшее попеченіе о нашихъ раненыхъ и больныхъ воинахъ.

Въ эти учрежденія, между прочимъ, жертвуются массами книги, предназначенныя для чтенія тѣхъ же больныхъ и раненыхъ солдатъ. Мы твердо надѣемся, что книги эти подвергаются строгому предварительному контролю, дабы среди нихъ не оказались разныя подпольныя „народныя“ книжки, которыя въ такомъ изобиліи издаются за границей для того, чтобы подорвать въ Русскомъ народѣ вѣру въ Бога и преданность Царю.

Если мы не позаботимся съ такимъ же стараніемъ о духовной гигіенѣ нашихъ войскъ, съ какимъ мы заботимся объ ихъ физическомъ санитарномъ благосостояніи, то мы рискуемъ, спасая ихъ отъ смерти тѣлесной, подвергать ихъ смерти духовной и создать такимъ образомъ внутри Россіи цѣлую массу союзниковъ для будущихъ ея внѣшнихъ враговъ. Неужели таковою можетъ быть наша благодарность русскимъ воинамъ за ихъ великій христіанскій подвигъ? Неужели таковою можетъ быть наша забота о будущемъ нашей Родины?..

Пусть насъ не упрекаютъ въ томъ, что мы говоримъ о какой-то воображаемой опасности: она, къ сожалѣнію, слишкомъ реальна, столь же реальна, какъ она была и въ Полтавѣ, и въ Новомъ Торжкѣ, гдѣ она проявилась во всемъ своемъ ужасѣ лишь послѣ долгихъ лѣтъ легкомысленнаго и близорукаго ея отрицанія.

Много придется приложить старанія и въ Полтавской, и въ Тверской губерніяхъ, чтобы залѣчить тѣ раны, которыя тамъ нанесены народной душѣ преступною пропагандой. Предохранимъ же отъ этихъ ранъ народную душу на Дальнемъ Востокѣ!

X.

„Правду, и только правду“.

Таковъ завѣтъ, данный русской печати съ высоты Царскаго Престола. Государь Императоръ выразилъ надежду, что русская печать „воспользуется своимъ большимъ вліяніемъ на общественное настроеніе, чтобы вносить въ него *правду, и только правду*“.

Это значитъ, что русская печать должна всего болѣе остерегаться лжи, дабы этою ложью не вліять пагубнымъ образомъ на общественное мнѣніе.

Этотъ завѣтъ имѣетъ для печати вообще, а для русской печати въ особенности, громадное, первостепенное значеніе.

Ни въ какой области общественной дѣятельности мы не замѣчаемъ такого тлетворнаго вліянія лжи, какъ именно въ области печати. Тому есть много причинъ, на которыя намъ неоднократно уже приходилось указывать. Въ печати говоритъ всякій, кто хочетъ,—и честный, и безчестный человѣкъ, и строгій праведникъ, и профессіональный враль. А такъ какъ честные люди по природѣ весьма разборчивы въ средствахъ и за денежными эффектами не гонятся, то имъ въ печати поневолѣ приходится уступать первенствующую роль людямъ безнравственнымъ и безчестнымъ, которые, въ погонѣ за шумными эффектами и дешевою популярностью, ничѣмъ не стѣсняются: ни совѣстью, которой у нихъ нѣтъ, ни правдой, которая сама по себѣ никакого для нихъ значенія не имѣетъ. Прибавьте къ этому, что періодическая печать на Западѣ уже сдѣлалась, а у насъ начинается дѣлаться чисто-коммерческою, спекулятивною аферой, и вы поймете, что она подчиняется вліянію такихъ сферъ, въ которыхъ денежная нажива стоитъ выше всякихъ интересовъ правды.

Но *такъ* пусть будетъ на Западѣ: а въ Россіи *такъ* не должно быть; въ особенности не должно быть теперь, когда для русской печати требованіе говорить „правду, и только правду" является уже не отвлеченнымъ *pium desiderium*, а прямымъ, Высочайшею Волею указаннымъ, закономъ.

Русскій журналистъ есть прежде всего вѣрный подданный Самодержавнаго Русскаго Царя, а потому Воля Царская является для него безусловнымъ закономъ, нравственною святынею, строгое служеніе которой должно быть руководящимъ началомъ всей его профессіональной дѣятельности.

Нужно прежде всего ясно уразумѣть великое значеніе сказанныхъ Государемъ словъ. Въ нихъ Русскимъ журналистамъ не дается какое-то новое „право", какъ это, повидимому, поняли нѣкоторыя газеты, въ нихъ на Русскихъ публицистовъ возлагается строгая *обязанность*, которую они и безъ того должны были всегда имѣть въ своей памяти, но о которой многіе давно забыли.

Та служба, которую несетъ русская печать, есть не только служба общественная, но и государственная. Газетная редакція есть публичная каѳедра, съ которой редакторъ и его сотрудники читаютъ всему народу проповѣди и лекціи, сообщаютъ ему различныя свѣдѣнія, просвѣщаютъ его въ религіозномъ, философскомъ, политическомъ, научномъ, литературномъ и художественномъ отношеніяхъ.

Эти публичныя каѳедры имѣютъ величайшее значеніе не только для общества, но и для всего государства. Смотря по тому, проповѣдуется ли въ нихъ ложь или правда, нравственность или безнравственность, онѣ могущественно содѣйствуютъ либо оздоровленію общества и укрѣпленію государства, либо ихъ разложенію и разрушенію.

Можетъ ли, поэтому, Правительство относиться равнодушно къ столь важному вопросу о томъ, *кто* говоритъ съ этихъ публичныхъ каѳедръ и *что* съ нихъ говорится? Конечно нѣтъ. Вотъ почему Правительство, пекущееся, по долгу своему, о благѣ государства, заботится о томъ, чтобы лица, которымъ открытъ доступъ на эти публичныя каѳедры, говорили „правду, и только правду". Это столько же право, какъ и обязанность Правительства. А слѣдовательно оно имѣетъ безспорное право и прямую обязанность не допускать къ этимъ каѳедрамъ завѣдомыхъ лгуновъ и удалять съ нихъ тѣхъ лицъ, которыя стали бы злоупотреблять дарованнымъ имъ правомъ и стали бы публично проповѣдывать не правду, а ложь.

Значитъ ли это, что цензура должна слѣдить теперь зорче, чѣмъ прежде, за тѣмъ, чтобы въ русской печати царила „только правда" и изгонялась всякая ложь? При теперешнемъ положеніи русской печати можно отвѣчать на этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, лишь утвердительно.

Мы не поклонники цензуры. Наши читатели знаютъ, что мы всегда отстаивали такую организацію печати въ Россіи, которая оберегала бы доступъ ко всенароднымъ политическимъ каѳедрамъ съ такою же тщательностью, съ какою учебная организація охраняетъ доступъ къ каѳедрамъ научнымъ. Предоставьте право говорить съ публицистическихъ каѳедръ только людямъ серіозно образованнымъ, безупречнымъ въ нравственномъ отношеніи, въ которыхъ вы увѣрены, что они будутъ говорить народу „правду, только правду", тогда цензура превратится въ синекуру и станетъ излишнею.

Но пока вы даете возможность говорить всенародныя политическія проповѣди людямъ, которымъ вы сами не довѣряете, вслѣдствіе ихъ невѣжества, умственной и нравственной незрѣлости, грубой алчности и безсовѣстности,—вы поневолѣ принуждены слѣдить зорко за каждымъ ихъ словомъ, чтобъ они не издѣвались надъ правдой и не заражали общественнаго настроенія возмутительною ложью.

XI.

Огорченные.

Вся Россія радуется, видя, что коварные Японцы никакъ не могутъ добиться успѣха въ своихъ военныхъ потугахъ. Прошло уже полтора мѣсяца со времени перваго предательскаго удара ихъ на Портъ-Артуръ, за которымъ послѣдовали второй, третій и четвертый удары, а надежды ихъ на захватъ этой русской твердыни не только не увеличились, но, повидимому, совершенно исчезли. А за все это время наши сухопутныя силы въ Маньчжуріи съ каждымъ часомъ быстро растутъ и уже достигли въ настоящее время такихъ размѣровъ, которые вполнѣ обезпечиваютъ побѣду русскаго оружія надъ японскимъ. Въ серіозныхъ органахъ печати Западной Европы авторитетные военные писатели уже теперь считаютъ войну „математически" проигранною японскими войсками, „такъ что дальнѣйшія ея перипетіи для военной науки никакого интереса представить уже не могутъ".

Вотъ почему радость Россіи вполнѣ естественна, замѣнивъ собою то удрученное настроеніе, которое было вызвано первыми телеграммами генерала Алексѣева, не знавшаго еще 27 января всѣхъ размѣровъ понесеннаго японскою эскадрой урона, вслѣдствіе котораго, какъ теперь оказывается, первое столкновеніе наше съ Японцами кончилось *нашею*, а не ихъ побѣдой.

Но если радуется Россія, то враги ея, конечно, огорчены.

Огорчены, разумѣется, прежде всего ближайшіе друзья Японіи—какъ Англичане, такъ и Американцы, столь слѣпо разсчитывавшіе на то, что Японцы застанутъ насъ врасплохъ и, благодаря этому, одержатъ надъ нами съ самаго же начала цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ, вслѣдъ за которыми на Россію поднимется и весь Китай.

Огорчены они и тѣмъ, что въ Россіи не вспыхнула та „революція", на которую всѣ они такъ твердо надѣялись, приписывая жалкой кучкѣ негодяевъ, ведущихъ въ Россіи „революціонную пропаганду", какую-то фантастическую роль „выразителей всенароднаго возстанія".

Огорчены, конечно, и сами эти „выразители", тщетно ждавшіе японскихъ побѣдъ для успѣнія своей преступной дѣятельности, которая сразу лишилась успѣха при пробудившемся пламенномъ патріотическомъ духѣ Русскаго народа.

Огорченъ г. Петръ Струве, видя, что всѣ его предсказанія о внѣшнихъ и внутреннихъ катастрофахъ, долженствовавшихъ сокрушить Русское Правительство, оказались совершенно пустымъ вздоромъ, такъ что пасквильный его журналъ, вслѣдствіе этого, теперь уже выходитъ изъ моды.

Огорчены и наши „либералы", надѣявшіеся на то, что Портъ-Артуръ будетъ для Россіи вторымъ „Севастополемъ" и вынудитъ Правительство пойти на компромиссъ съ требованіями „либеральной" программы. Они готовы были проливать слезы надъ паденіемъ Портъ-Артура и восторгаться героизмомъ погибшихъ его защитниковъ, лишь бы затѣмъ съ патріотическимъ негодованіемъ взвалить весь „позоръ" этой катастрофы на Правительство, которое де „ничего не предвидѣло, все перепугало, не оказалось на высотѣ своего призванія", а потому должно капитулировать передъ гг. Струве и Стасюлевичемъ. И вдругъ—какое разочарованіе! Вмѣсто паденія—непреоборимая стойкость, вмѣсто катастрофы и позора—торжество и слава, вмѣсто народнаго уныція—небывалый подъемъ патріотическаго духа, вмѣсто растерянности и ошибокъ Правительства—спокойное и твердое проведеніе ясно намѣченныхъ плановъ. Какъ же при такихъ обстоятельствахъ доказывать народу, что Правительство де ничего безъ „общества" сдѣлать не можетъ, и что въ виду этого нужно посадить ему на шею „общественнаго" руководителя въ видѣ „парламента" или „земскаго собора"? Такая проповѣдь звучала бы теперь возмутительною фальшью, а потому о ней и думать нечего. Какъ же тутъ не придти въ уныніе и не огорчиться?

Очень ужъ огорчены наши „либералы" настоящимъ неудержимымъ подъемомъ патріотическаго духа. Они, въ виду этого, рѣшились впервые нарушить то единодушіе, которое охватило всю русскую печать тотчасъ послѣ объявленія войны, и бросаютъ намъ теперь вызовъ къ возобновленію

нашей съ ними вражды, которая, какъ мы полагали, должна была умолкнуть на все время, пока Россія занята борьбой со внѣшнимъ врагомъ. Они презрительно называютъ насъ „патріотами своего отечества“ и упрекаютъ насъ въ распространеніи „шовинизма“, „иллюзій“ и „самообольщеній“, которые должны де скоро прекратиться. Эти „патріоты чужого отечества“ припоминаютъ, что и въ 1877 году „не обошлось безъ иллюзій и самообольщеній, но широкому ихъ распространенію помѣшало быстрое прекращеніе первоначальныхъ успѣховъ“ *). А теперь, такъ какъ не явилось такого же „быстраго прекращенія“, то, къ великому огорченію нашихъ „либераловъ“, „иллюзіи и самообольщенія“, то-есть высокій подъемъ патріотическаго духа, безпрепятственно, широко распространяется по всей Россіи, мѣшая „либеральной“ антиправительственной пропагандѣ.

Огорчены наши „патріоты чужого отечества“ и тѣмъ, что Россія не теряетъ изъ виду возможности военнаго столкновенія съ державами, открыто сочувствующими Японіи, и уже теперь думаетъ объ увеличеніи своего флота для возможнаго столкновенія съ Англичанами или Американцами.

„Было бы слишкомъ наивно,—говорятъ они,—предполагать, что одни толки о будущемъ флотѣ остановятъ Англичанъ и Американцевъ въ предпріятіяхъ противъ Россіи, или усилятъ наше международное положеніе и нашъ престижъ за границей... Наше современное международное положеніе можетъ быть крайне серіознымъ именно въ виду ненадежности нейтралитета такихъ двухъ великихъ державъ, какъ Англія и Соединенные Штаты, и мы должны употреблять всѣ усилія для поддержанія существующихъ дружественныхъ связей съ этими націями, а не упражняться въ дешевыхъ псевдопатріотическихъ угрозахъ, дающихъ лишь матеріалъ для насмѣшекъ заграничной прессы“ **).

Какъ вамъ нравится эта рекомендуемая нашими „либералами“ политика? Англійскія и американскія газеты открыто выражаютъ намъ всю свою злобу и вражду, а мы должны проглатывать всѣ оскорбленія и „употреблять всѣ усилія“, чтобы сохранить къ себѣ дружбу этихъ господъ! Не знаешь, чего больше въ этомъ совѣтѣ—глупости или трусости.

Огорчены наши „либералы“ и тѣмъ враждебнымъ настроеніемъ къ Россіи, которымъ проникнуты Англія и Соединенные Штаты. Но знаете ли вы, какая причина этой вражды? А вотъ послушайте.

„Безполезно было бы закрывать глаза на тотъ безспорный фактъ, что враждебное намъ настроеніе въ Англіи и Сѣверной Америкѣ питается главнымъ образомъ непріятными разсказами и отчетами о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, и что эти разсказы и отчеты значительно повредили международной репутаціи Россіи въ глазахъ западныхъ государствъ за послѣдніе годы“ ***).

Позвольте, а кто же сочинялъ эти „непріятные разсказы и отчеты о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ?“ Кто „питалъ этими разсказами и отчетами враждебное намъ настроеніе въ Англіи и Сѣверной Америкѣ?“ Кто „повредилъ этими разсказами и отчетами за послѣдніе годы международной репутаціи Россіи въ глазахъ западныхъ государствъ?“ Кто, какъ не та же „либеральная“ печать, какъ не тѣ же „патріоты чужого отечества“ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* и *Вѣстникѣ Европы*, которые съ систематическимъ

*) *„Вѣстникъ Европы“*, 1904 г., февраль, стр. 194.

**) Тамъ же, стр. 358—359.

***) Тамъ же, стр. 359—360.

цинизмомъ наполняли столбцы и страницы своихъ изданій всѣмъ, что только могло такъ или иначе повредить Россіи въ глазахъ Западной Европы?

Западная Европа вѣрила также всѣмъ тѣмъ возмутительнымъ клеветамъ, которыя печаталъ въ своемъ пасквильномъ журналѣ г. Петръ Струве. Что же сдѣлала наша „либеральная“ печать для опроверженія этихъ клеветъ и для охраненія чистоты той „международной репутаціи“ Россіи, о которой эта же печать теперь такъ печалится? Ровно ничего. Ни единымъ словомъ ни *Русскія Вѣдомости*, ни *Вѣстникъ Европы* не возставали противъ столь позорной и вредной дѣятельности своего штутгартскаго сообщника, а, напротивъ того, поддерживали его всѣми доступными имъ средствами. А теперь они проливаютъ крокодиловы слезы о томъ, что „враждебное намъ настроеніе въ Англіи и Сѣверной Америкѣ питается главнымъ образомъ непріятными разсказами и отчетами о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, повредившими международной репутаціи Россіи!“ Какое отвратительное змѣиное лицемѣріе! Сами они оклеветали Россію и сами же о ней кручинятся!

Посмотрите, какъ они изворачиваются въ своихъ словоизвитіяхъ! Поставьте имъ прямой вопросъ, на который имъ приходится открыто и честно отвѣтить либо *да*, либо *нѣтъ*,—и эти Тартюфы тотчасъ же трусливо умолкаютъ и стараются увѣрить всѣхъ, что они не могутъ дать честнаго и прямого отвѣта вслѣдствіе „презрѣнія къ вопрошающему“. Какая жалкая уловка, къ которой такъ легко „для пущаго эффекта“ прибѣгать всякому уличенному въ неблаговидномъ дѣлѣ трусу, желающему пустою фразой se donner une contenance и увильнуть отъ честнаго, откровеннаго признанія.

Вотъ мы и теперь ставимъ имъ прямой вопросъ: осуждаютъ ли они г. Петра Струве за то, что онъ своею дѣятельностью „повредилъ международной репутаціи Россіи въ глазахъ западныхъ государствъ?“ Если они осуждаютъ эту дѣятельность, то почему они ни единымъ словомъ ей не противодѣйствовали, какъ это неоднократно дѣлали *Гражданинъ*, *Московскія Вѣдомости* и даже *С.-Петербургскія Вѣдомости*? Если же они ея *не* осуждаютъ, то признаютъ ли они и себя самихъ виновными въ томъ, что международная репутація Россіи поколеблена въ глазахъ западныхъ государствъ? . . . . . .

Огорчены, можетъ-быть, будутъ наши „патріоты чужого отечества“ и этими новыми вопросами, но пусть они сами пеняютъ на себя. Они вызвали ихъ своею новою клеветой на русскій патріотизмъ и своимъ новымъ лицемѣріемъ, которому нужно же положить конецъ. Пора вамъ снять свои маски и положить карты на столъ! Не пустыхъ, банальныхъ отвѣтовъ ожидаемъ мы отъ васъ, а честныхъ и ясныхъ—*да* или *нѣтъ*.

Вы опять, можетъ-быть, захотите увильнуть, сославшись на то, что никто де намъ не далъ права ставить такіе вопросы. Но вы очень хорошо знаете, что мы ставимъ ихъ по праву открытой полемики, которая вся въ сущности и заключается въ *вопросахъ* и *отвѣтахъ*, и чѣмъ эти вопросы и отвѣты точнѣе и опредѣленнѣе, тѣмъ скорѣе достигается цѣль полемики,—тѣмъ скорѣе выясняется та *правда*, которая должна быть идеаломъ журналиста вообще, а русскаго журналиста въ особенности.

XII.

Земскія мистеріи.

Въ Москвѣ на истекшей недѣлѣ засѣдало нѣчто въ родѣ „Всероссійскаго Съѣзда представителей земства",—первый и пока еще очень жалкій эмбріонъ того „собора", о которомъ такъ мечтаютъ наши либеральные земцы.

Засѣданіемъ этого Съѣзда руководилъ, само собою разумѣется, не кто иной, какъ самъ Д. Н. Шиповъ, главный „лидеръ" всего нашего „прогрессивнаго земства", краснорѣчивый проповѣдникъ всякаго рода свободы, свѣта и гласности.

Но на этотъ разъ онъ почему-то отступилъ отъ своихъ принциповъ и тщательно закуталъ засѣданія созваннаго имъ Земскаго Съѣзда въ непроницаемые покровы глубочайшей тайны. Представители гласности тщетно пытались проникнуть въ эту тайну: предъ ними герметически запирались двери зала засѣданій, точно такъ же какъ и замыкались уста земцевъ, къ которымъ они обращались за разъясненіями. Словомъ, ясно было лишь одно, что совершаются „великія земскія мистеріи". Что касается самого „мистагога", Д. Н. Шипова, то онъ объяснялъ всѣ эти тайнодѣйствія самымъ невиннымъ образомъ,—заботой объ организаціи обще-земской помощи больнымъ и раненымъ воинамъ.

Но, по правдѣ сказать, это объясненіе никого не удовлетворило. Помощь больнымъ и раненымъ—столь высокая, симпатичная цѣль, что идти къ ней не только можно, но и должно открытымъ, гласнымъ путемъ, а не путемъ какихъ-то тайныхъ конспирацій.

Впрочемъ, всѣ эти „тайны" являются таковыми лишь для тѣхъ, кто ничего въ настоящей земской дѣятельности не желаетъ видѣть, кромѣ ея показной стороны. Но тотъ, кто сколько-нибудь знакомъ съ основнымъ характеромъ нашего „прогрессивнаго" земства, прекрасно видитъ и понимаетъ, что̀ скрывается за этою показною стороной.

Да и сама эта показная сторона очень сомнительна.

Что̀ бы сказалъ нашъ великій земскій мистагогъ, если бы начальникъ какой-нибудь губерніи обложилъ ея населеніе военнымъ налогомъ въ пользу раненыхъ и затѣмъ представилъ бы собранныя такимъ путемъ сотни тысячъ въ видѣ собственной заслуги? А что же дѣлаетъ земство той или другой губерніи, „жертвующее" сотни тысячъ на военныя нужды, какъ не то же самое, что̀ сдѣлалъ бы вышеупомянутый губернаторъ? *Своихъ* денегъ земство не имѣетъ на общегосударственныя нужды, а потому оно можетъ жертвовать лишь *чужія* деньги, облагая населеніе своей губерніи особымъ военнымъ налогомъ и присвоивая себѣ въ сущности прерогативу, принадлежащую лишь Императорскому Правительству. Вѣдь нѣтъ такого закона, который давалъ бы земствамъ право на такую именно дѣятельность. А между тѣмъ они даже похваляются этою дѣятельностью, требуя себѣ благодарности, въ качествѣ „великихъ и щедрыхъ жертвователей", на ряду съ такими лицами, которыя не изъ чужого кармана, а изъ собственныхъ кровныхъ достат-

ковъ кладутъ свою лепту на алтарь Отечества безо всякихъ заднихъ мыслей *).

Помилуйте, скажутъ намъ: какія же въ такомъ благомъ, святомъ дѣлѣ могутъ быть заднія мысли?

Весьма разнообразныя, но всѣ клонящіяся къ одной и той же цѣли,— къ побѣдѣ земства надъ Правительствомъ.

Вотъ приблизительная программа настоящей земской дѣятельности.

Пожертвованія въ пользу раненыхъ даютъ земствамъ возможность:

1) Реабилитировать себя въ глазахъ Правительства и общества;

2) Съ цѣлью обсужденія общихъ мѣръ, устраивать общероссійскіе земскіе съѣзды, которые должны служить прецедентомъ для такихъ же съѣздовъ съ другими уже цѣлями;

3) Тратить впредь земскія деньги и на общегосударственныя цѣли, вопреки прямому смыслу закона, ссылаясь на прецедентъ теперешнихъ пожертвованій въ пользу раненыхъ всей Имперіи;

4) Привести въ разстройство земскіе бюджеты и этимъ доказать необходимость отмѣны закона объ ихъ фиксаціи;

5) Провести всюду, даже на поляхъ сраженія, рѣзкое различіе между *общественною* (земскою) и *правительственною* помощью.

Въ виду такой программы, которая, можетъ-быть, содержитъ въ себѣ еще другіе, болѣе важные, пункты, становится понятнымъ изреченіе одного изъ нашихъ земскихъ „лидеровъ“:

— Война, на первый взглядъ, разстроила наши планы, но теперь мы и войну обратимъ въ свою пользу.

Намъ это изреченіе представлялось въ видѣ какой-то таинственной загадки, но происходившія въ Москвѣ на прошлой недѣлѣ „великія земскія мистеріи“, а также перечисленные нами выше пять пунктовъ земской программы разъяснили намъ смыслъ этой загадки, и намъ остается только преклониться предъ мудростью великаго земскаго мистагога-мистификатора.

XIII.

Личность въ исторіи.

Тяжкая потеря, которую Россія испытала въ лицѣ столь трагически погибшаго адмирала Макарова, невольно вызываетъ на размышленіе о значеніи индивидуальной личности въ развитіи мірового историческаго процесса.

Какъ извѣстно, существуютъ двѣ историческія школы, держащіяся совершенно противоположныхъ взглядовъ на ту роль, которую личность играетъ въ исторіи.

Одна изъ нихъ, главой которой можетъ считаться Карлейль, создавшій такъ-называемый „культъ героевъ“, приписываетъ весь процессъ че-

*) Въ дворянскихъ собраніяхъ, напримѣръ, дворяне жертвуютъ каждый изъ своего кармана, распредѣляя между собою порядокъ и количество вносимыхъ жертвъ. Земцы же возлагаютъ всю массу „своихъ“ жертвъ на своихъ избирателей (и неизбирателей), сами же лично участвуютъ въ этой массѣ въ незначительной лишь долѣ.

ловѣческой исторіи однимъ лишь „великимъ людямъ“, являвшимся инициаторами всѣхъ выдающихся міровыхъ событій, направлявшимъ затѣмъ эти событія по своему личному усмотрѣнію въ ту или другую сторону и дававшимъ имъ то значеніе, которое они доселѣ сохраняютъ въ исторіи человѣчества.

Другія историческія школы, въ особенности школа матеріалистическая, совершенно отрицаютъ рѣшающее вліяніе „великихъ людей“ на ходъ міровыхъ событій, которыя де являются лишь результатами матеріальныхъ (географическихъ и экономическихъ) условій, въ которыя поставлены тѣ или другія группы человѣчества.

Какъ тотъ, такъ и другой взглядъ на значеніе личностей въ исторіи страдаетъ крайнею односторонностью.

При внимательномъ отношеніи къ исторіи культурнаго человѣчества мы находимъ въ ней глубокій логическій смыслъ, проявляющійся лишь при сопоставленіи цѣлыхъ рядовъ столѣтій, но далеко не ясный для лицъ, жившихъ въ теченіе этихъ столѣтій, хотя бы и вліявшихъ на современный имъ ходъ событій. Дмитрій Донской, созидавшій Московское царство, Іоаннъ Грозный, утверждавшій его основы на вѣки вѣчные, такъ что ихъ не могло потрясти Польское лихолѣтье съ Дмитріемъ Самозванцемъ, расчистившимъ путь для столь плодотворнаго воцаренія Дома Романовыхъ, Петръ Великій, превратившій Московское царство въ имперію Всероссійскую, Екатерина Великая, явившаяся, послѣ всѣхъ сложныхъ, безотрадныхъ перипетій русскаго престолонаслѣдія въ XVIII вѣкѣ, достойною преемницей Петра и прародительницей цѣлаго ряда великихъ Государей,— всѣ они оказываются носителями *одной и той же великой русской культурно-государственной идеи*, но не въ ея окончательно выразившейся формулѣ, а лишь въ постепенномъ ея развитіи, и каждому изъ этихъ Вождей Россіи принадлежала лишь одна, современная ему, часть развивающейся идеи, и лишь нѣкоторымъ изъ нихъ дана была возможность предугадывать въ болѣе или менѣе ясной формѣ ближайшую по времени часть этого развитія.

Отъ кого же зависитъ созданіе великой исторической идеи и неуклонная послѣдовательность ея развитія въ теченіе длиннаго ряда столѣтій?

Разумѣется, не отъ какихъ-либо низменныхъ матеріальныхъ условій, которыя играютъ очень видную, но отнюдь не рѣшающую роль въ міровой исторіи человѣчества. Есть Высшая Божественная Сила, властвующая какъ надъ космическими, такъ и надъ историческими явленіями вселенной, съ тою разницей, что въ первомъ рядѣ явленій орудіями творчества этой Высшей Силы служатъ міровыя стихіи, а во второмъ—силы человѣческія, какъ общенародныя, такъ и индивидуальныя, таящіяся въ отдѣльныхъ выдающихся лицахъ.

Такой взглядъ на исторію человѣчества удѣляетъ должное значеніе всѣмъ элементамъ и двигателямъ этой исторіи, какъ матеріальнымъ, такъ и духовнымъ, какъ индивидуальнымъ, такъ и общественнымъ.

Великіе люди, работающіе поочередно надъ развитіемъ одной и той

же великой идеи, являются на работу въ назначенное имъ время со своими индивидуальными характерами и талантами и исчезаютъ тогда, когда это необходимо для дальнѣйшаго развитія этой идеи, уступая мѣсто новымъ лицамъ, отличающимся иной разъ совершенно противоположными свойствами и дарованіями. Иные изъ нихъ имѣютъ громадное, титаническое вліяніе на ходъ событій и представляютъ собой поистинѣ историческихъ „героевъ“, но и они являются лишь крупными звеньями одной и той же цѣли развитія какой-либо великой исторической идеи. То, что сдѣлали Александръ Великій, Цезарь, Карлъ, Наполеонъ, Петръ въ теченіе своей жизни, совершенно ничтожно въ сравненіи съ тѣми безконечными міровыми результатами, которые вызваны были ихъ кратковременною дѣятельностью въ теченіе послѣдующихъ столѣтій, постепенно выяснявшихъ ту великую идею, надъ развитіемъ которой каждый изъ нихъ трудился, помышляя, можетъ-быть, о совершенно иныхъ, вѣрныхъ или ложныхъ, возможныхъ или несбыточныхъ идеяхъ.

При такомъ взглядѣ на исторію становится совершенно яснымъ и наше отношеніе къ переживаемымъ нами историческимъ событіямъ.

Видѣть въ исторіи одно лишь хаотическое нагроможденіе безсмысленныхъ случайностей можетъ лишь тотъ, кто намѣренно закрываетъ глаза на всю прошлую исторію человѣчества, въ которой мы находимъ столько логической послѣдовательности и стройной гармоніи. А такъ какъ сознательное созданіе этой послѣдовательности и гармоніи никогда не зависѣло ни отъ народныхъ группъ, ни отъ отдѣльныхъ лицъ, то остается одна лишь возможность — признаніе той Высшей Силы, руководящей историческими судьбами каждаго народа, которую мы называемъ Божественнымъ Промысломъ, вліяющимъ на ходъ историческаго процесса. Не слѣпой случай, а Промыслъ Божій призываетъ, по неисповѣдимымъ Своимъ замысламъ и путямъ, однихъ лицъ къ выдающейся исторической дѣятельности и отзываетъ другихъ отъ нея, дабы очистить путь ихъ преемникамъ.

Культурно-государственная идея Россіи развивается уже въ теченіе длиннаго ряда столѣтій и съ каждымъ столѣтіемъ становится яснѣе въ своей глубокой величавости. Такія великія идеи совершаютъ въ исторіи свой полный циклъ и не обрываются на недосказанномъ словѣ. Историческая идея Россіи еще далеко не досказана. Она впервые появилась на свѣтъ Божій, когда Россія въ Кіевѣ принимала наслѣдіе Византіи, она крѣпла качественно въ борьбѣ съ Востокомъ, она быстро развилась въ количественномъ отношеніи въ соприкосновеніи съ Западомъ, который ея не понялъ и до сихъ поръ еще ясно не понимаетъ. А между тѣмъ настала для Россіи новая борьба съ Востокомъ (а можетъ-быть, и съ Западомъ), въ которой русской культурно-государственной идеѣ предстоитъ развернуться во всю свою ширь и мощь.

Этотъ, можетъ-быть, величайшій, періодъ русской исторіи Промыслъ Божій возложилъ на рамена нашего поколѣнія, и не намъ съ ограниченнымъ человѣческимъ умомъ судить о причинахъ — почему эта тяжкая, отвѣтственная задача не была возложена на нашихъ отцовъ или на нашихъ сыновей. Намъ нужно принять эту задачу съ покорностью предъ Божіей

Волей и исполнять ее добросовѣстно, по мѣрѣ силъ своихъ, не впадая въ уныніе при какихъ-либо неудачахъ и утратахъ, какъ бы онѣ намъ тяжкими ни казались, сознавая, что не намъ судить объ ихъ своевременности и конечной цѣлесообразности.

Невыразимо жалко намъ, по человѣчеству, погибшаго адмирала Макарова, столь беззавѣтно отдавшаго себя на службу Царю и Родинѣ. Но можемъ ли мы разгадать конечное значеніе этой тяжелой жертвы? Макаровъ желалъ блага Россіи и умеръ для этого блага. Въ чемъ выразится благо, вызванное его героическою смертью, и когда, при какихъ обстоятельствахъ оно выразится,—мы этого не знаемъ и знать не можемъ.

То, что по волѣ Провидѣнія Макаровъ долженъ былъ сдѣлать въ общей работѣ русской исторической идеи — это онъ сдѣлалъ. Продолженіе этой работы Господь Богъ, черезъ Волю Царскую, назначилъ его преемнику, который несомнѣнно также вложитъ лучшую часть своего *я* въ постепенное развитіе той великой идеи, которою только и жива Россія.

XIV.

Общественные безобразники.

Въ Москвѣ есть тѣсно-сплоченная кучка людей, задавшихся цѣлью вносить смуту въ различныя Общества, съѣзды и собранія, превращая ихъ въ арену скандальныхъ безобразій подъ дешевымъ флагомъ „либеральнаго прогресса“.

Эти общественные безобразники дѣйствуютъ не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ, гдѣ только собираются всероссійскіе и иные съѣзды съ научными, техническими, педагогическими или другими какими-либо цѣлями. Но главная штабъ-квартира ихъ находится въ Москвѣ; здѣсь они заранѣе организуютъ свои набѣги на то или иное Общество или собраніе, въ которыхъ они чинятъ свои скандалы либо въ качествѣ „публики“, либо въ качествѣ „членовъ“, благо сдѣлаться членомъ большинства нашихъ Обществъ такъ легко и удобно.

Какова бы ни была спеціальная цѣль этихъ Обществъ, Московскій кружокъ скандалистовъ всегда найдетъ возможность внести въ Общество, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, обсужденіе излюбленныхъ ими „жгучихъ вопросовъ современности“, которые всѣ клонятся къ одной и той же цѣли—къ признанію негодности современнаго положенія дѣлъ въ Россіи.

Присмотритесь внимательнѣе къ скандаламъ, періодически возникающимъ на этой почвѣ въ нашихъ Обществахъ и собраніяхъ, и вы убѣдитесь, что главными режиссерами этихъ безобразныхъ комедій, главными агитаторами и коноводами „демонстрацій“ являются все тѣ же лица, съ одною и тою же программой и съ одними и тѣми же способами дѣйствій. То они „срываютъ“ какое-нибудь неугодное имъ засѣданіе, то они „бойкотируютъ“ товарищей, не подчиняющихся ихъ партійнымъ указамъ, то, наконецъ, они „выживаютъ“ препятствующихъ имъ высшихъ должностныхъ лицъ изъ того или другого Общества.

Послѣднимъ краснорѣчивымъ примѣромъ безобразной дѣятельности этихъ господъ является скандалъ, учиненный ими въ засѣданіи (9 апрѣля) Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

Цѣль ихъ была совершенно ясна: выжить изъ Общества неугоднаго имъ президента, князя А. Г. Щербатова, отдавшаго всю свою душу Обществу Сельскаго Хозяйства, но тщетно ограждавшаго его серіозныя и полезныя занятія отъ всякой либеральной болтовни. А Московскій Кружокъ общественныхъ безобразниковъ давно уже облюбовалъ это Общество, какъ наиболѣе удобную арену для инсценировки своихъ „либеральныхъ“ представленій. Вѣдь отъ сельскохозяйственныхъ вопросовъ рукой подать до вопросовъ о „правовомъ порядкѣ“. Стоитъ только съ пафосомъ воскликнуть: „можетъ ли въ Россіи процвѣтать сельское хозяйство, пока Россія изнемогаетъ подъ тяжкимъ игомъ современнаго положенія“,—и поводъ къ преніямъ о государственномъ переустройствѣ Россіи уже найденъ. *C'est simple comme bonjour!* Да, но при князѣ Щербатовѣ подобныя эволюціи были невозможны, а потому—долой князя Щербатова!

Съ этою цѣлью Кружокъ московскихъ общественныхъ скандалистовъ тщательно выработалъ и подготовилъ разыгравшійся 9 апрѣля „инцидентъ“, который долженъ былъ вынудить князя Щербатова къ сложенію съ себя должности президента Общества.

Состоящая при Обществѣ Земледѣльческая Школа нашла себя недавно вынужденною удалить изъ своихъ стѣнъ 12 учениковъ за учиненныя ими безобразія, нетерпимыя въ благоустроенномъ заведеніи. Вотъ за этихъ-то исключенныхъ безобразниковъ и рѣшилъ заступиться Кружокъ общественныхъ скандалистовъ, и потребовалъ въ засѣданіи 9 апрѣля Общества Сельскаго Хозяйства обсужденія кары, постигшей вышеупомянутыхъ учениковъ.

Засѣданіе было переполнено членами мужскаго и женскаго пола, ничего общаго съ сельскимъ хозяйствомъ не имѣющими, но игравшими роль послушныхъ статистовъ и статистокъ въ рукахъ опытныхъ устроителей общественныхъ скандаловъ. Кружокъ поставилъ предсѣдателю запросъ объ исключенныхъ ученикахъ, несмотря на то, что этотъ вопросъ не значился въ утвержденномъ порядкѣ даннаго засѣданія и долженъ былъ, по заявленію предсѣдателя, князя Щербатова, разсматриваться въ ближайшемъ засѣданіи Совѣта, 15 апрѣля.

Но согласно установленной Кружкомъ программѣ скандала требовалось немедленное обсужденіе этого вопроса, а потому, послѣ бурныхъ рѣчей, направленныхъ противъ князя Щербатова, былъ инсценированъ заключительный театральный эффектъ,—„выраженіе порицанія предсѣдателю за его произвольный образъ дѣйствій“.

Послѣ этого, Кружокъ увѣренъ, что князь Щербатовъ вынужденъ будетъ уступить свое президентское мѣсто лицу, готовому подчиниться требованіямъ Московскихъ общественныхъ безобразниковъ.

Но не слишкомъ ли рано господа эти празднуютъ свою „побѣду“? Можно ли допустить, чтобы такое почтенное и дѣльное учрежденіе, какъ Императорское Общество Сельскаго Хозяйства, превратилось въ какой-то

балаганъ либеральной болтовни? Да и вообще, можно ли допустить такое ненормальное явленіе, что у насъ нельзя созвать ни научнаго, ни техническаго съѣзда безъ постояннаго опасенія, что, рядомъ съ утвержденною серіозною программой его дѣятельности, Кружокъ общественныхъ безобразниковъ не выработаетъ другой, пустозвонной „либеральной“ программы и не сдѣлаетъ съ нею набѣга на открывшійся съѣздъ или собраніе?

Всему этому долженъ быть, наконецъ, положенъ предѣлъ—во имя серіозной науки, дѣловой техники, здоровой общественной дѣятельности и государственнаго порядка.

Если, какъ слышно, въ Петербургѣ идетъ, наконецъ, рѣчь объ освобожденіи нашихъ земскихъ собраній отъ заполонившаго и извратившаго ихъ „третьяго элемента“, то необходимо освободить и наши научныя и техническія Общества и собранія отъ тѣхъ же вредныхъ паразитовъ, которые являются тождественными и съ вышеозначенными земскими чужеядными элементами.

XV.

Гдѣ міровая задача Россіи?

I.

Какъ это ни странно, но въ нашемъ обществѣ слышатся иногда сужденія, являющіяся рѣзкимъ диссонансомъ среди общаго высокаго національнаго подъема, вызваннаго нашею войной противъ азіатскихъ „цивилизованныхъ“ варваровъ.

Мы не говоримъ о нашихъ „либеральныхъ“ японофилахъ, почерпающихъ свои убѣжденія изъ пасквилей г. Струве и старающихся затѣмъ распространить свои измѣнническіе взгляды среди народа хотя бы въ тѣхъ копѣечныхъ изданіяхъ, которыми такъ справедливо возмущается газета *Свѣтъ* *). Нѣтъ, мы здѣсь имѣемъ въ виду лицъ вполнѣ благомыслящихъ, искреннихъ патріотовъ, не могущихъ однако возвыситься до объявшаго въ настоящее время всю Россію народнаго энтузіазма. Они составили себѣ точно-опредѣленную программу внѣшнихъ и внутреннихъ вопросовъ, которыми, по ихъ мнѣнію, Россія только и должна заниматься, такъ какъ де въ рѣшеніи однихъ этихъ вопросовъ и заключается все ея историческое призваніе. Если внезапныя міровыя событія иногда отвлекаютъ Россію отъ этихъ вопросовъ, она должна, по мнѣнію этихъ почтенныхъ людей, какъ-нибудь отбояриться отъ этихъ событій, — какъ бы велики они ни были,—и скорѣе, скорѣе вернуться къ рѣшенію своихъ завѣтныхъ программныхъ задачекъ, дальше которыхъ ее будто бы ничто и интересовать не можетъ.

Мы еще могли бы понимать лицъ, доказывающихъ, что у Россіи вообще нѣтъ никакихъ историческихъ задачъ, ни великихъ, ни малыхъ, а

*) См. *М. В.* № 106, 1904 г. Дневникъ печати. *Перлъ народной литературы.*

что живетъ она „такъ себѣ“, зря, безъ вѣтрила и руля, неизвѣстно почему и для чего. Въ такомъ нигилистическомъ воззрѣніи на судьбу Россіи есть своя логика, хотя и очень невѣжественная. Но какою логикой могутъ руководиться люди, признающіе глубокій смыслъ въ историческомъ развитіи Россіи и вѣрящіе въ ея историческое призваніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ пытающіеся ограничить ее въ этомъ призваніи, говоря, напримѣръ, что будущность ея лежитъ только въ Европѣ, а отнюдь не въ Азіи?

Само существованіе современной Россіи опровергаетъ въ корнѣ чисто-отвлеченную, кабинетно-географическую теорію о мнимомъ существованіи какихъ-то двухъ отдѣльныхъ материковъ, именуемыхъ Европой и Азіей. Европа есть, въ сущности, небольшой полуостровъ на западномъ берегу великаго Азіатскаго материка. Правда, этотъ полуостровъ сыгралъ въ культурно-историческомъ отношеніи ту же роль на своемъ материкѣ, какую нѣкогда небольшой эллинскій полуостровъ сыгралъ по отношенію ко всей Европѣ. Но уже и въ тѣ отдаленныя времена для геніальныхъ государственныхъ умовъ никакихъ границъ между Европой и Азіей не существовало. Когда Великій Александръ, ставъ во главѣ Эллады, повелъ ее на тогдашній Дальній Востокъ, въ Аѳинахъ или въ Спартѣ могли тоже находиться глубокомысленные патріоты, доказывавшіе какъ дважды два четыре, что у Эллады никакихъ задачъ на Востокѣ нѣтъ, такъ какъ тамъ нѣтъ у нея ни единоплеменниковъ, ни единовѣрцевъ, а что Александру Македонскому слѣдовало бы ограничиться рѣшеніемъ чисто-эллинскихъ задачъ—освобожденіемъ Грековъ изъ-подъ того или другого ига, примиреніемъ враждующихъ мелкихъ государствъ и городовъ въ самой Элладѣ и созданіемъ единаго эллинскаго союзнаго государства въ противовѣсъ сѣвернымъ, южнымъ, восточнымъ и западнымъ „варварамъ“. О, съ какою горячею убѣдительностью эти близорукіе патріоты доказывали всю „безусловную необходимость“ рѣшенія всѣхъ этихъ задачъ, видя въ этомъ рѣшеніи единственное историческое призваніе Эллады, единственную ея культурную миссію! Они не видѣли того, что̀ могъ прозрѣвать только великій геній Александра. Этотъ вдохновенный носитель эллинскаго идеала расширилъ мощнымъ порывомъ культурную арену Греціи до устьевъ Нила и источниковъ Инда и создалъ впервые то европейско-азіатское культурное государство, которое по идеѣ и формѣ было воспринято и поочередно осуществлено его преемниками: Римомъ, Византіей и Россіей.

Когда Римъ посылалъ свои побѣдоносные легіоны на Дальній Востокъ, Дальній Западъ и Дальній Сѣверъ, онъ не имѣлъ сентиментальныхъ цѣлей спасти тамъ или освободить какихъ-либо единоплеменниковъ. Римскіе орлы являлись всюду провозвѣстниками римской государственной идеи и плодотворной, живительной греко-римской культуры. И совершалась эта „романизація“ тогдашняго историческаго міра не по единичной личной волѣ исполнявшихъ ее Римскихъ императоровъ, а въ силу органическаго развитія римской исторической идеи.

А вѣдь въ Римѣ тоже могли существовать искреннѣе мелочные патріоты, видѣвшіе историческую миссію Рима въ рѣшеніи различныхъ, сравнительно микроскопическихъ, внутреннихъ задачъ или внѣшнихъ вопросовъ,

касавшихся тѣхъ или другихъ побережій одного лишь Средиземнаго моря. Они, вѣроятно, тоже упрекали вершителей римскихъ судебъ въ измышленіи слишкомъ широкихъ и смѣлыхъ „всемірныхъ“ плановъ. Если бы Римляне послушали этихъ умниковъ, то восточные варвары, нагрянувшіе на Европу во время переселенія народовъ, не нашли бы себѣ преграды въ ея романской могущественной культурѣ, которой они сами такъ быстро принуждены были подчиниться, а смели бы съ лица земли всѣ завѣщанныя человѣчеству культурныя сокровища греко-римской цивилизаціи.

II.

Точно въ такомъ же положеніи находится теперь и Россія, великая преемница перваго и втораго Рима.

Для всякаго серіознаго мыслителя совершенно праздным является вопросъ: какимъ Россія является государствомъ,—„европейскимъ“ или „азіатскимъ“? Она является ни тѣмъ, ни другимъ, а совершенно своеобразнымъ, самобытнымъ государствомъ, *государствомъ Русскимъ*, къ которому не подходитъ ни европейская, ни азіатская мѣрка.

Россія существуетъ и мощно развивается не по европейскимъ или азіатскимъ шаблонамъ; Самодержавная Власть ея Царей является осуществленіемъ чисто православно-христіанскаго идеала, не имѣющаго ничего общаго ни съ азіатскимъ деспотизмомъ, ни съ европейскимъ феодализмомъ.

Логическимъ ходомъ исторіи Россія, постепенно развиваясь, расширилась нынѣ отъ Сѣвернаго, Балтійскаго и Чернаго морей до береговъ Тихаго Океана. Гдѣ въ ней кончается Европа и начинается Азія, — этого она не знаетъ, ибо все громадное занимаемое ею пространство является единою Россійскою Имперіей. Жизненные интересы этой Имперіи весьма разнообразны, но всѣ они для нея одинаково дороги, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Вся она представляетъ собою живой организмъ, каждая часть котораго имѣетъ важное значеніе для всего цѣлаго и для всѣхъ остальныхъ его частей. Поочередно та или другая часть привлекаетъ къ себѣ особое вниманіе и попеченіе Русскаго Правительства и народа, и на это время забота ихъ не сосредоточивается съ одинаковою интенсивностью на остальныхъ частяхъ организма, находящихся въ болѣе или менѣе нормальныхъ условіяхъ. Но кто же въ такихъ случаяхъ можетъ посовѣтовать Русскому Правительству или Русскому народу махнуть рукой на которую-либо изъ страдающихъ въ данную минуту частей—на томъ основаніи, что она де находится на Западѣ или на Востокѣ, а Россія должна де исключительно интересоваться своими восточными или западными задачами и сдѣлаться исключительно либо „азіатскимъ“, либо „европейскимъ“ государствомъ?

Вотъ почему на вопросъ: „гдѣ міровая задача Россіи, въ Европѣ или въ Азіи?“—можно дать только одинъ отвѣтъ: „и въ Европѣ, и въ Азіи“. Но лучше всего не заботиться объ этихъ чисто-внѣшнихъ географическихъ терминахъ, а стараться уяснить себѣ, не *гдѣ* находится, а *въ чемъ* заключается міровая задача Россіи.

Конечно, никто не можетъ дать вполнѣ точнаго отвѣта на этотъ вопросъ особенно въ настоящее время, когда Россія переживаетъ одинъ изъ величайшихъ кризисовъ своего историческаго бытія. Могли ли современники Владиміра Святого, Димитрія Донского, Іоанна Грознаго и Алексѣя Михайловича,—мы уже не говоримъ о современникахъ Петра Великаго,—отдавать себѣ ясный отчетъ о значеніи каждой изъ переживаемыхъ ими критическихъ эпохъ въ стройномъ историческомъ развитіи Русскаго государства? Точно такъ же и мы не можемъ взять на себя подробное истолкованіе этого значенія, которое въ этомъ историческомъ развитіи имѣетъ та великая эпоха, которая начинаетъ развертываться предъ нашими изумленными взорами. Не имѣя яснаго сознанія, гдѣ Промысломъ Божіимъ поставлены будущіе предѣлы переживаемаго нами кризиса, и какое мѣсто займетъ онъ въ историческомъ призваніи Россіи, мы уже по одному этому не можемъ раздѣлять ошибку кабинетныхъ филистеровъ, старающихся направить быстро-несущуюся колесницу Россіи на узенькую „европейскую“ колею старыхъ программныхъ вопросовъ, составляющихъ будто бы всю суть міровой задачи Россіи.

Можемъ, конечно, утверждать и доказывать, что переживаемая нами эпоха не по плечу нашему поколѣнію; можно перечислять по пальцамъ всѣ наши „ошибки“, безъ которыхъ де Японцы не начали бы войны; можно, наконецъ, составить списки разныхъ ненормальныхъ явленій нашей внутренней жизни, вызванныхъ войной: все это пища для глубокомысленныхъ разглагольствованій и остроумнаго балагурства въ „ученыхъ“ кабинетахъ и свѣтскихъ салонахъ, въ которыхъ такъ охотно оперируютъ различные „спеціалисты“, критикующіе вкривь и вкось всѣ дѣйствія Россіи.

На самомъ же дѣлѣ Исторія идетъ своимъ ходомъ, не обращая вниманія на всѣхъ этихъ мелкихъ критикановъ и не спрашивая насъ, по плечу ли выпавшая намъ задача: если не по плечу, то тѣмъ хуже для насъ, а не для Исторіи, которую мы тѣмъ менѣе будемъ въ силахъ остановить въ ея гигантскомъ ходѣ: она лишь раздавитъ насъ, очищая путь для другого, болѣе достойнаго, ея поколѣнія, которое окажется на высотѣ совершающейся великой миссіи Россіи.

Что же касается до нашихъ „ошибокъ“, то онѣ могли быть лишь ближайшимъ *поводомъ* къ войнѣ, а отнюдь не ея *причиной*, такъ какъ война Японіи противъ Россіи, какъ главной носительницы христіанской культуры на Востокѣ, давно уже была рѣшена въ Токіо, гдѣ ждали лишь какого-нибудь предлога, чтобы ее начать. А списокъ нашихъ внутреннихъ ненормальныхъ явленій можетъ составляться досужими людьми до безконечности: озадачивать же онъ можетъ лишь тѣхъ наивныхъ людей, которые, вѣроятно, не подозрѣвали, что война *по необходимости* должна вызывать самыя разнообразныя ненормальности въ нашей внутренней жизни: à la guerre comme à la guerre.

Мы еще разъ повторяемъ: если вы признаете, что Россія имѣетъ свою историческую задачу, то согласитесь, что она ее исполнитъ, идя по пути, намѣченному ей Богомъ, а не близорукимъ, ограниченнымъ умомъ человѣческимъ. Россія уже давно стоитъ предъ своими „европейскими“ зада-

чами и никакъ до сихъ поръ рѣшить ихъ не могла. Кто знаетъ, не суждено ли ей пріобрѣсти неслыханную мощь въ рѣшеніи своей „азіатской“ задачи, послѣ которой „европейскіе“ вопросы разрѣшатся чуть не сами собой въ желанномъ для Россіи порядкѣ? Точно такъ же, напримѣръ, сразу рѣшились всѣ внутреннія столь запутанные вопросы Германіи, послѣ того какъ она „кровью и желѣзомъ“ разрѣшила свой вѣковой споръ съ Франціей.

Такой взглядъ на міровую задачу Россіи не есть „шовинизмъ“, а есть признаніе Промысла Божія, ведущаго Россію не всегда вѣдомыми намъ путями, какъ черезъ удачи, такъ и черезъ невзгоды, къ постоянному расширенію и укрѣпленію ея могущества для исполненія ея міровой задачи, которою является, быть-можетъ, *просвѣщеніе всего міра свѣтомъ истинной христіанской культуры.*

Мы говоримъ: „быть-можетъ“, ибо, какъ уже сказано, намъ, современникамъ совершающихся великихъ міровыхъ событій, не дано точнаго уразумѣнія ихъ великаго историческаго смысла; но еще менѣе позволительно втискивать міровую задачу Россіи въ узкія рамки какой-то кабинетной программы, установленной обыкновеннымъ, столь ограниченнымъ, бѣднымъ человѣческимъ умомъ.

XVI.

Жалкіе люди.

Будущій графъ Левъ Толстой, который предприметъ художественное изображеніе переживаемой нами исторической эпохи въ какомъ-нибудь новомъ романѣ „Миръ и Война“, отведетъ несомнѣнно особое мѣсто нашему „обществу“, на глазахъ котораго развертываются великія событія Дальневосточной эпопеи.

Сколько отмѣтитъ великій романистъ характерныхъ и куріозныхъ явленій, которыя нашимъ потомкамъ покажутся совершенно невѣроятными!

Онъ, конечно, опишетъ съ тонкимъ юморомъ нашихъ сверхъучепыхъ академиковъ, которые подъ громъ кровопролитныхъ сраженій спорятъ между собою о *ятѣ* и *гжицѣ*, объ *е* и *ѣ*. Онъ изобразитъ сверхневѣжественныхъ публицистовъ, которые съ одинаковымъ фельетоннымъ восторгомъ восхваляютъ героевъ Чемульпо и поборниковъ безграмотнаго правописанія. Вообще русская печать, по всей вѣроятности, будетъ играть выдающуюся роль въ этомъ общественно-политическомъ романѣ, въ которомъ найдутъ себѣ мѣсто, напримѣръ, и тѣ писатели, которые нашихъ героевъ-богатырей, проливавшихъ свою кровь при защитѣ своихъ ближнихъ и своей Родины, сравниваютъ съ проститутками *).

*) См. *Русь* 1904 г., № 126: „Мы обязаны отнестись не только къ самой проституткѣ, а и къ ремеслу ея, хотя со скорбью, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ уваженіемъ, котораго достойна всякая профессія, если только она не включаетъ насилія надъ законными правами ближняго,— если она не есть профессія сыщика или заплечнаго мастера. Много есть на землѣ прискорбныхъ функцій, которыя исчезнутъ, когда міръ станетъ лучше. Такова, хотя бы, функція пушкаря, посылающаго смертельную мину въ броненосецъ, на которомъ поселено 700 человѣческихъ жизней, и въ который вложено не знаю сколько милліоновъ рублей отъ народнаго пота“.

Но будущій бытописатель отмѣтитъ и другія характерныя явленія, вызванныя войной въ современной ей публицистикѣ, напримѣръ, отрезвленіе нѣкоторыхъ „интеллигентовъ“, которые, предъ реальнымъ фактомъ военной опасности, сбросили съ себя всякія туманныя иллюзіи и стали смотрѣть на дѣло прямыми русскими глазами. Такъ, онъ укажетъ на А. С. Суворина, „Маленькія Письма“ котораго стали проявлять, подъ впечатлѣніемъ военныхъ событій, много здраваго смысла и искренняго патріотизма *).

Но еще интереснѣе будетъ изображеніе тѣхъ „интеллигентовъ“, которые, оставаясь при своихъ прежнихъ безсмысленныхъ иллюзіяхъ, возмущаются здравыми взглядами г. Суворина. Никакъ съ этими взглядами не можетъ мириться, напримѣръ, газета *Русь*, преслѣдующая г. Суворина съ какою-то особенною затаенною злобой, причины которой, вѣроятно, будутъ разоблачены въ будущемъ романѣ. Можетъ-быть, будетъ отмѣченъ слѣдующій характерный полемическій эпизодъ:

Г. Суворинъ, какъ и всѣ истинно-Русскіе люди, высказалъ сожалѣніе о томъ, что мы въ военномъ отношеніи оказались „неготовыми“ къ начавшейся войнѣ. Наша военная неготовность, справедливо замѣтилъ г. Суворинъ, вредно отражается не только на нашей внѣшней, но и на внутренней жизни. Вотъ его слова:

„Предположимъ, что случилось бы какъ разъ обратное тому, что случилось. Не Японцы, а мы начали, или если Японцы, то мы были во всей своей готовности. Что бы теперь говорили? Говорили бы: прекрасное дѣло, что Сибирская дорога прошла по Маньчжуріи, что Портъ-Артуръ нами занятъ, что Маньчжурія занята, что наше значеніе на Дальнемъ Востокѣ утверждено, что намъ не страшны ни Китай, ни Японія, ни Англія, что мы можемъ спокойно заняться нашимъ внутреннимъ строемъ. Вѣдь это непремѣнно говорили бы!“

И вотъ газета *Русь* (№ 129) набрасывается на г. Суворина за эти вполнѣ разумныя слова:

„Очень возможно,—восклицаетъ она,—что и говорили бы. Толпа со словъ своихъ пророковъ часто говоритъ не то, что слѣдуетъ“.

Итакъ, по мнѣнію *Руси*, намъ не слѣдуетъ радоваться будущимъ побѣдамъ нашимъ на Дальнемъ Востокѣ. Намъ не слѣдуетъ занять тамъ такое положеніе, которое дало бы намъ возможность не страшиться ни Китая, ни Японіи, ни Англіи, а спокойно заняться нашими внутренними дѣлами! Этому, видите ли, можетъ радоваться только „толпа“. А намъ слѣдуетъ желать обратнаго. Вотъ какъ *Русь* формулируетъ свои желанія:

„Слѣдуетъ же и слѣдовало говорить всѣмъ, у кого есть голова на плечахъ, одно, что сила внутренняя есть сила и внѣшняя, что это не двѣ разныя силы, а двѣ формы проявленія одной и той же силы. „Занятія внутреннимъ строемъ“ и успѣхи культуры—это и есть „вся готовность“. И до войны, и во время войны, и по окончаніи ея—одна задача только и можетъ быть передъ глазами: нормальныя и здоровыя условія внутренняго строя“.

Значитъ, Россія, по мнѣнію петербургской газеты, не имѣетъ „нормальныхъ и здоровыхъ условій внутренняго строя“, а потому она и не имѣетъ „внѣшней силы“.

---

*) Правда, въ остальныхъ отдѣлахъ издаваемой г. Сувориныхъ газеты мы еще встрѣчаемъ очень многое, что возмущаетъ душу Русскаго человѣка, какъ о томъ свидѣтельствуетъ „Письмо къ издателю“ г. Д. Павлова. (*М. В.*, 113). Но личныя статьи г. Суворина можно въ настоящее время читать съ полнымъ имъ сочувствіемъ.

Да развѣ въ самомъ дѣлѣ у Россіи нѣтъ внѣшней силы? По „либеральной“ логикѣ выходитъ—что нѣтъ; этимъ будто бы и объясняются приходящія съ Дальняго Востока грустныя вѣсти.

Но позвольте! Вѣдь если *Петропавловскъ* наскочилъ на японскую мину, а генералъ Засуличъ не успѣлъ во-время отвести свой авангардъ, рвавшійся на бой съ Японцами, то это вовсе не доказываетъ, что у насъ „нѣтъ внѣшней силы“. Неужели, по логикѣ нашихъ либераловъ, этихъ несчастій не случилось бы, еслибъ у насъ были „нормальныя и здоровыя условія внутренняго строя“?

Мы теперь понимаемъ, почему господа либералы такъ опасаются побѣды русскаго оружія. Вѣдь если мы одержимъ блестящую побѣду надъ Японцами, то это, по той же „либеральной“ логикѣ, будетъ свидѣтельствовать о томъ, что у насъ *есть* внѣшняя сила, и мы, слѣдовательно, уже обладаемъ „нормальными и здоровыми условіями внутренняго строя“, ибо „сила внѣшняя есть сила и внутренняя“. А тогда вѣдь вся „либеральная программа“ лишилась бы всякой силы и всякаго смысла.

Вотъ, еслибы получить второй „Севастополь“, тогда другое дѣло: тогда „либеральная“ программа, по мнѣнію ея проповѣдниковъ, получила бы реальную основу и могла бы разсчитывать на успѣхъ.

О, конечно, „наши либералы“ никогда не выкажутъ своей радости при пораженіи Россіи. Напротивъ того, они публично будутъ плакать и рыдать, усиливая, по возможности, уныніе и растерянность народа, и при этомъ будутъ твердить свои „либеральныя“ причитанія: „а все это случилось потому, что у насъ нѣтъ нормальныхъ и здоровыхъ условій внутренняго строя“.

И дался имъ этотъ Севастополь, или, какъ они говорятъ, „Севастопольскій погромъ“!

Б. М. Юзефовичъ въ своей прекрасной книгѣ *Печать, Политика* и *Школа* съ полною убѣдительностью доказалъ, что никакого „погрома“ Россія въ Севастополѣ не испытала, такъ какъ, утративъ одну лишь крѣпость, войска ея увѣнчали свою Родину неувядаемою славой *). Столь же нелѣпо утверждать, будто безъ паденія Севастополя въ Россіи не совершились бы тѣ великія реформы, которыя послѣдовали за его паденіемъ. *Post hoc non propter hoc.*

Неужели, еслибы русскимъ войскамъ удалось до конца отстоять Севастопольскія твердыни, въ Россіи до сихъ поръ еще процвѣтали бы крѣпостное право, старая судебная продажная волокита, въ губернскихъ городахъ царили бы Щедринскіе „помпадуры“, и въ Россіи не было бы ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ съ телефонами? Россія, безо всякаго сомнѣнія, обновилась бы послѣ Крымской войны совершенно независимо отъ ея исхода, а просто въ силу своего историческаго развитія, точно такъ же, какъ она обновилась при Петрѣ по логическому ходу своей внѣшней и внутренней исторіи, а не вслѣдствіе побѣды Шведовъ подъ Нарвой. Вѣдь это только самые наивные изъ „либеральныхъ“ младенцевъ могутъ довольствоваться пережевываніемъ старой жвачки о „благодѣтельномъ вліяніи

*) См. *Моск. Вѣд.* 1904 г., № 46.

Севастопольскаго погрома" и, по аналогіи, создавать себѣ надежды на такія же послѣдствія отъ какихъ-нибудь Японскихъ побѣдъ для измѣненія современнаго внутренняго строя Россіи!

Но мы отвлеклись отъ первоначальной нашей мысли о томъ художественномъ бытописателѣ, который обезсмертитъ свое имя, изобразивъ въ яркихъ образахъ переживаемую нами великую историческую драму съ ея истинными героями, съ величавою, восторженною народною стихіей и съ тѣми близорукими, жалкими людишками, которые или совсѣмъ не замѣчали совершавшихся вокругъ нихъ колоссальныхъ событій, или придавали имъ совершенно ничтожное или же превратное, безсмысленное значеніе...

XVII.

Общественная дисциплина.

Всѣ мы знаемъ, что̀ такое дисциплина военная. Когда-то мы знали, что̀ такое дисциплина школьная, но мы совершенно не имѣемъ понятія о дисциплинѣ общественной.

Мы уже слышимъ возраженіе. „Да развѣ можетъ быть общественная дисциплина? Дисциплина можетъ быть лишь тамъ, гдѣ есть обязательная служба, гдѣ требуется безпрекословное повиновеніе начальству, словомъ, тамъ, гдѣ есть служебная іерархія, гдѣ существуютъ начальники и подчиненные. А въ обществѣ ничего этого нѣтъ. Тамъ всѣ между собою равны, никто никому приказывать не можетъ, никто никого не обязанъ и слушать, а слѣдовательно, ни о какой тутъ дисциплинѣ и рѣчи быть не можетъ".

Съ этимъ мы согласиться не можемъ. Дисциплина можетъ существовать въ различныхъ случаяхъ общественной жизни и безо всякой служебной іерархіи. Для этого достаточно лишь, чтобы въ данномъ обществѣ существовало *чувство долга*.

Возьмите многолюдныя общественныя собранія—будетъ ли то во храмѣ, или въ театрѣ, или во время какого-либо праздненства подъ открытымъ небомъ. Чѣмъ выше будетъ въ культурномъ отношеніи собравшееся общество, чѣмъ живѣе въ немъ будетъ чувство долга, тѣмъ больше будетъ порядка въ данномъ собраніи, тѣмъ живѣе въ немъ проявится общественная дисциплина, не потому, чтобы тысячи собравшейся публики боялись нѣсколькихъ десятковъ присутствующихъ тутъ распорядителей или блюстителей порядка, а потому, что всѣ добровольно подчиняются требованіямъ этого порядка, зная, что нарушеніе его можетъ повлечь за собой иной разъ страшную катастрофу.

Дисциплины въ обществѣ нѣтъ лишь тамъ, гдѣ общество не чувствуетъ никакого своего долга, гдѣ оно позволяетъ себѣ самые неразумные поступки безо всякой логической послѣдовательности, вопреки здравому смыслу и прямымъ указаніямъ благоразумія.

Совершается кровавое безчеловѣчное преступленіе. Общество негодуетъ на изверга-преступника. Но вотъ его хватаютъ, судятъ и кругомъ виноватаго оправдываютъ, и то же общество рукоплещетъ этому оправданію, не-

смотря на то, что извергъ, выпущенный на свободу, завтра совершитъ еще болѣе возмутительное преступленіе, къ великому негодованію того же общества.

Такая непослѣдовательность свидѣтельствуетъ именно о томъ, что общество не чувствуетъ своего долга предъ правосудіемъ, предъ своею собственною безопасностью, угождая, изъ слабохарактерности, преступникамъ и развращая этимъ въ народѣ чувство справедливости.

Возьмемъ другой примѣръ. Вы часто слышите въ нашемъ обществѣ жалобы на то, что де „полиція ни за чѣмъ не смотритъ"; а потребуйте, въ виду этихъ жалобъ, отъ общественнаго управленія необходимыя суммы на усиленіе и усовершенствованіе полиціи, и вы отъ тѣхъ же общественныхъ говоруновъ услышите „благородные протесты" противъ такой „непроизводительной" траты общественныхъ денегъ.

Мы уже не говоримъ объ отсутствіи общественной дисциплины, проявившемся у насъ не такъ давно при реформѣ нашихъ среднихъ и высшихъ школъ. „Общество" металось изъ одной стороны въ другую, требовало сегодня одного, завтра другого, ратовало за отмѣну всякаго серіознаго ученія, натравливало учениковъ на учителей, вслѣдствіе чего хорошія наши школы стали плохими, а плохія отвратительными. И здѣсь общество, по своей некультурности, не чувствовало своего долга предъ своими дѣтьми, предъ школой, предъ Родиной, и предавалось своимъ эгоистическимъ инстинктамъ, идущимъ наперекоръ общественному и государственному порядку.

Но *какъ* вселить въ общество необходимое ему чувство долга, чувство дисциплины? И *кто* можетъ вселить въ него это чувство?

Могучимъ факторомъ въ этомъ отношеніи можетъ быть лишь повышеніе культурно-національнаго чувства нашего общества, укрѣпленіе его духовной солидарности во имя общихъ высшихъ идеаловъ любви къ Родинѣ въ ея прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Намъ нужна хорошая высоко-культурная національная школа, изъ которой выходило бы здоровое, культурно-дисциплинированное общество, а не тѣ, хромающіе на оба колѣна, умственные неврастеники, которые выходятъ теперь изъ нашихъ школъ, пополняя собой ряды нашихъ безвольныхъ общественныхъ анархистовъ.

И вотъ на такое требованіе намъ приходится слышать такой отвѣтъ: „Помилуйте, что вы говорите! Кто же можетъ создать у насъ такую школу? У насъ пѣтъ людей. Кто станетъ давать нашимъ школамъ то національно-культурное направленіе, о которомъ вы говорите, когда сами учителя нашихъ школъ часто такъ враждебно относятся къ нашей національной культурѣ? Прежде чѣмъ національизовать наши гимназіи, нужно національизовать наши университеты, откуда выходятъ гимназическіе педагоги. А на это нужны долгіе, долгіе годы. Теперь же у насъ положительно нѣтъ людей!"

Нѣтъ, отвѣтимъ мы, для этого нужна только твердая дисциплинованная воля Правительства. Пусть Правительство подастъ намъ примѣръ строго дисциплинованной организаціи, и общественная дисциплина всюду явится сама собой.

Если всѣ правительственныя мѣропріятія, съ устраненіемъ междуведомственнаго антагонизма, будутъ исходить изъ одного яснаго опредѣлен-

наго принципа, требуя яркаго проявленія этого принципа во всей государственной жизни, во всѣхъ ея крупныхъ и мелкихъ органахъ, то немедленно же воскреснетъ и общественная дисциплина, немедленно же найдутся и дѣльные люди, готовые съ радостью и бодростью исполнять свой культурный долгъ передъ Родиной.

Но для этого нужно, чтобъ этотъ долгъ былъ ясно формулованъ самимъ Правительствомъ.

Мы знаемъ многихъ честныхъ, добросовѣстныхъ и дѣльныхъ людей, которые, не понимая, что именно отъ нихъ въ настоящее время требуется, замкнулись въ свою скорлупу и терпѣливо ждутъ, куда, наконецъ, направится государственный корабль: направо или налѣво. Другіе, пользуясь тою же неизвѣстностью, рѣшаютъ дѣло по собственному своему желанію, объявляя, что уже въ ближайшую осень курсъ *долженъ* пойти въ угодномъ имъ направленіи, встрѣчая горячій отпоръ со стороны своихъ противниковъ, увѣряющихъ, что они заставятъ курсъ идти въ противоположную сторону. Какая же при этихъ условіяхъ можетъ быть общественная дисциплина?

Весьма естественно, что общественная анархія нарушаетъ и дисциплину служебную. Мы, пожалуй, скоро вернемся къ тѣмъ временамъ шестидесятыхъ годовъ, когда одинъ изъ губернаторовъ, отрѣшая отъ должности вреднаго въ политическомъ отношеніи чиновника, лично извинился предъ нимъ, увѣряя его, что онъ лишь подчиняется волѣ министра, нисколько ей не сочувствуя, и когда другой губернаторъ ухаживалъ за сосланными въ его городъ политическими преступниками, увлекая этимъ и другихъ лицъ къ политическимъ преступленіямъ...

Но лучше не вспоминать объ этихъ ужасныхъ временахъ полнѣйшаго умственнаго шатанія и возмутительнаго двуличія.

Мы еще разъ повторяемъ: люди у насъ есть, призовите ихъ только и дайте имъ ясную, опредѣленную, „прямолинейную“, какъ выразился генералъ Глазовъ, программу,—и вы тотчасъ увидите, что у васъ отбоя не будетъ отъ дѣльныхъ кандидатовъ на самые трудные и отвѣтственные посты.

Твердая правительственная воля тѣмъ и хороша, что она сразу вызываетъ къ себѣ полное сочувствіе въ народѣ и въ обществѣ, которое само становится исполненнымъ столь же твердой воли, ясно сознавая свой долгъ и создавая ту твердую общественную дисциплину, при которой только и возможна здоровая общественная и государственная жизнь.

XVIII.

Фундаментъ Русскаго Самодержавія.

Одна изъ петербургскихъ газетъ сдѣлала два чрезвычайно важныя открытія.

Во-первыхъ, она открыла, что Русское Самодержавіе не имѣетъ никакого фундамента!

Тотъ фактъ, что Русское Самодержавіе просуществовало столько столѣтій на благо Россіи, обходится петербургскими публицистами простымъ молчаніемъ, такъ какъ имъ, въ противномъ случаѣ, пришлось бы при-

знаться въ полной нелѣпости своего утвержденія. Вѣдь безъ фундамента Русское Самодержавіе не могло бы такъ долго и такъ могущественно развиваться, вмѣстѣ съ величественнымъ развитіемъ самой Россіи. Они отлично знаютъ, что Русское Самодержавіе дѣйствительно имѣетъ прочный фундаментъ и ни въ какомъ другомъ фундаментѣ не нуждается. Они знаютъ, что этотъ непоколебимый фундаментъ заключается въ Православіи Русскаго народа и въ беззавѣтной преданности его Царскому Престолу. Но сознаніе этого неоспоримаго факта очень неудобно для петербургскихъ „либераловъ". Они поэтому дѣлаютъ видъ, будто этого факта вовсе не существуетъ, будто Русское Самодержавіе въ самомъ дѣлѣ, такъ себѣ, въ воздухѣ виситъ, вслѣдствіе чего будто бы нужно „подвести подъ него" какое-нибудь болѣе или менѣе прочное основаніе.

Само собой разумѣется, что, по мнѣнію этихъ господъ, такимъ основаніемъ можетъ служить только всенародная говорильня, подъ благовиднымъ предлогомъ „широкаго самоуправленія" и подъ названіемъ какой-то общеземской „Думы".

Они такъ прямо и говорятъ, что нынѣ на очередь выступили „мысли о Думѣ, которая, подъ покровительствомъ закона, приняла бы участіе въ огромной работѣ Правительства въ нашей великой странѣ". А потому они предлагаютъ „гласное обсужденіе возможности правительственнаго учрежденія такой Думы, подведенія фундамента широкаго самоуправленія подъ зданіе Самодержавія, на благо Россіи" *).

Вѣрнѣе было бы сказать — „подведенія разрушительной мины подъ фундаментъ Самодержавія".

Вѣдь точно такими же лицемѣрными заботами о спасеніи Верховной Власти прикрывались первые шаги французскихъ революціонеровъ, увлекшихъ за собой столько наивныхъ людей, воображавшихъ, будто созывъ, „на благо Франціи", первой французской Думы, извѣстной подъ именемъ „Генеральныхъ Штатовъ", 1-го мая 1789 года, могъ въ самомъ дѣлѣ „упрочить монархическую власть во Франціи", тогда какъ на самомъ дѣлѣ вся эта затѣя могла кончиться лишь тою катастрофой, которою она дѣйствительно и кончилась.

Другое открытіе, сдѣланное тѣми же публицистами, заключается въ томъ, что у насъ въ Россіи „нынѣ не считаются, къ счастью, преступленіемъ мысли о Думѣ и гласное обсужденіе возможности правительственнаго учрежденія такой Думы".

Поставивъ такимъ образомъ на очередь вопросъ о подведеніи Думы въ видѣ „фундамента" подъ зданіе Русскаго Самодержавія, вышеозначенные публицисты дѣйствительно не замедлили приступить и къ обсужденію этого вопроса. Они намѣчаютъ цѣлый рядъ подготовительныхъ работъ, или своего рода *апрошей*, посредствомъ которыхъ можно „почти незамѣтно" подвести эту самую Думу подъ Самодержавіе. Требуя „наибольшей доступной людямъ свободы", они рекомендуютъ вводить „свободу" постепенно, начавъ со „свободы совѣсти", за которою пойдутъ „свобода мысли и слова",

*) См. *Спб. Вѣд.* 1904 г., № 98.

затѣмъ какія-то „экономическія“ мѣропріятія, пока не явится „политическое благоустройство, которое должно создаться безъ боли и ломки, почти незамѣтнымъ образомъ“ *).

Само собой разумѣется, что *Вѣстникъ Европы*, который, послѣ *Освобожденія* бѣглаго маркиста Струве, является главнымъ органомъ русскихъ „конституціоналистовъ“, поспѣшилъ принять участіе въ открытыхъ петербургскими публицистами дебатахъ о такомъ лакомомъ для нашихъ „либераловъ“ вопросѣ. Вполнѣ сочувствуя конечной цѣли вышеприведенной подготовительной программы, *Вѣстникъ Европы*, однако, протестуетъ противъ ея постепенности. Онъ требуетъ сразу *всей* свободы.

„Постепенность,—говоритъ органъ г. Стасюлевича,—доведена въ этой программѣ до своего крайняго выраженія. Если бы нашею задачей былъ разборъ ея по существу, намъ не трудно было бы доказать, что, слишкомъ заботясь о практичности, она именно потому становится непрактичною: обособленность реформъ—плохая гарантія ихъ успѣха“ **).

Мы никакъ не можемъ согласиться съ почтеннымъ журналомъ.

„Постепенность“ вышеприведенной программы вовсе кажущаяся: она на самомъ дѣлѣ столь же радикальна, какъ и программа г. Стасюлевича: стоитъ только осуществить первую ея часть, какъ—не пройдетъ и года—будутъ осуществлены и всѣ остальныя ея части.

„Первою свободой, провозглашенною въ 1789 году передъ созывомъ Генеральныхъ Штатовъ, была полная разнузданность печати, которую пригласили просвѣтить народъ своими преніями. Въ то же время правительство допустило основаніе первыхъ клубовъ, которые должны были играть столь пагубную роль во всѣхъ нашихъ революціяхъ. Эти мѣры только увеличили смятеніе и экзальтацію. Франція тотчасъ была наводнена политическими брошюрами. Одинъ любитель собралъ ихъ въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ 1788 года въ количествѣ 2,500, и его коллекція еще не была полною“ ***).

А затѣмъ все пошло дальше быстро, неудержимо, какъ оно всегда и всюду пойдетъ, коль скоро правительство повѣритъ первымъ льстивымъ завѣреніямъ вожаковъ народовластія.

Но въ 1789 году верховная власть могла еще предаваться иллюзіямъ о томъ, что будто бы разныя „народныя Думы“ могутъ спасти монархію отъ крушенія, такъ какъ опытъ искусственнаго парламентаризма нигдѣ еще ни разу не производился. Правительство могло думать, что „совѣщанія съ народомъ“ могли послужить „на благо Франціи“. Оно жестоко ошиблось. Ему пришлось совѣщаться не съ народомъ, а съ алчными до власти демагогами, государственными карьеристами, думавшими о своихъ личныхъ эгоистическихъ интересахъ въ ожесточенной партійной борьбѣ изъ-за правительственной власти, а вовсе не о благѣ народа, о которомъ дѣйствительно искренно можетъ печись лишь Самодержавный Монархъ, стоящій выше

*) *Вѣстникъ Европы*, 1904 г., май, стр. 432.

**) См. *Спб. Вѣд.* 1904 г., № 94.

***) Charles d'Héricault. *La Révolution*. Paris. 1883, p. 33.

всякихъ партій и отвѣчающій за Свой народъ не передъ кучкой властолюбивыхъ интригановъ, а передъ Господомъ Богомъ.

Ошибка правительства Людовика XVI и явившаяся ея послѣдствіемъ столѣтняя исторія всей Западной Европы служатъ яркимъ предостереженіемъ противъ повторенія такой же ошибки. Теперь она была бы совершенно непростительною и не могла бы быть оправдана никакими смягчающими обстоятельствами, ибо не можетъ уже быть мѣста иллюзіямъ тамъ, гдѣ есть ясное фактическое знаніе.

А потому мы рѣшительно не понимаемъ, почему петербургскіе публицисты полагаютъ, что прежде „подводить Думу подъ Самодержавіе считалось преступленіемъ", а теперь этотъ безусловно пагубный маневръ считается дозволительнымъ, или даже, можетъ-быть, желательнымъ. Во всякомъ случаѣ, если они считаютъ себя въ правѣ ставить въ настоящее время этотъ вопросъ на обсужденіе, то и мы считаемъ себя въ правѣ, ради блага Россіи, сопротивляться ихъ вредной затѣѣ всѣми доступными намъ средствами.

Русское Самодержавіе покоится, слава Богу, на вѣковомъ и прочномъ фундаментѣ. Это и вызываетъ досаду всѣхъ его враговъ. Вотъ почему они такъ стараются подвести подъ него свои мины, и вотъ почему всѣ истинно-Русскіе люди должны давать имъ открытый, сильный, непреклонный и неумолимый отпоръ.

XIX.

„Не время!"

Какъ наши внѣшніе, такъ и наши внутренніе враги возлагали большія надежды на Японскую войну, которая, по ихъ расчетамъ, должна была вызвать въ Россіи чуть не революцію.

Расчеты эти на первыхъ же порахъ не только не оправдались, но были совершенно уничтожены всеобщимъ, единодушнымъ подъемомъ духа народа и образованнаго общества, тотчасъ же собравшагося тѣсными рядами вокругъ стяга Самодержавнаго Правительства на защиту Родины отъ дерзкаго нападенія коварныхъ язычниковъ.

Предъ этимъ внезапнымъ взрывомъ патріотическаго энтузіазма смолкла вся заграничная и наша внутренняя крамола, утративъ всякую надежду на какой-либо успѣхъ при столь неожиданныхъ и неблагопріятныхъ для нея обстоятельствахъ.

Но вотъ началась война, и потянулись мѣсяцы медленнаго, по необходимости, сосредоточенія нашихъ войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Наша „либеральная" пропаганда снова зашевелилась: она подумала, что можно будетъ эксплуатировать въ свою пользу отсутствіе немедленныхъ громкихъ побѣдъ нашего воинства. Она окончательно подняла ликующую голову, когда насъ такъ потрясла трагическая гибель *Петропавловска*, и тотчасъ составила цѣлый планъ кампаніи.

„Либеральная интеллигенція" должна была всюду—на улицѣ, въ школѣ, на фабрикахъ, въ студенческихъ „нумерахъ" и великосвѣтскихъ

салонахъ, въ земскихъ, научныхъ и иныхъ съѣздахъ и собраніяхъ—шептать, ворчать, говорить, кричать, орать, что Правительство-де совсѣмъ окончательно запуталось, что Россіи стоитъ на краю гибели, что спасти ее можетъ только земство и „общество", „земскій соборъ" или „народная Дума", и что для этого нужно теперь же учредить „общеземскую организацію", допустить совращеніе Русскихъ людей изъ Православія подъ предлогомъ „свободы совѣсти" и разнуздать печать подъ видомъ „свободы слова", дабы все закончить подведеніемъ „конституціи" подъ Самодержавіе и тѣмъ вызвать общую государственную катастрофу.

Распредѣливъ свои роли, наши „земскіе либералы" немедленно подняли занавѣсъ и стали разыгрывать сочиненную ими пьесу подъ искуснымъ режиссерствомъ Д. Н. Шипова, при громкихъ рукоплесканіяхъ всей „либеральной" печати, предвидѣвшей уже полную отмѣну цензуры, въ то время какъ главѣйшей публикѣ внушалось убѣжденіе, что „къ осени" уже будетъ у насъ всеобщая свобода съ „Земской Думой" во главѣ.

И вдругъ всѣ эти планы разлетѣлись прахомъ. Для этого стоило только министру Внутреннихъ Дѣлъ не утвердить выбора г. Шипова въ предсѣдатели Московской Земской Управы *).

— Какъ!—воскликнули наши „либералы".—Развѣ Правительство еще живо? Вѣдь оно, по нашимъ понятіямъ, должно гдѣ-то тамъ стоять съежившись въ углу, предоставивъ полную свободу дѣйствія нашей пропагандѣ. А оно у насъ отниметъ главнаго нашего режиссера! Вѣдь какъ Художественный театръ живетъ и дышитъ однимъ только Станиславскимъ, такъ и мы говоримъ и дѣйствуемъ по указаніямъ Д. Н. Шипова. Какъ же смѣетъ Правительство выходить изъ назначенной ему роли бездѣятельности. Non, ce n'est pas de jeu! Такъ играть невозможно!

Такъ говорятъ открытые враги Правительства. Но встрѣчаются и мнимые его друзья, которые съ озабоченнымъ лицомъ, многозначительно кивая головой, твердятъ въ „серіозныхъ" гостиныхъ и аристократическихъ клубахъ:

— Да, конечно, Шипова убрать надо было. Но только не теперь. Не время! Не время!

— Да почему же не время?—спрашиваемъ мы ихъ.

— Да вотъ, теперь, во время войны, не слѣдуетъ раздражать общественное мнѣніе. Нужно идти ему навстрѣчу, дѣлать ему уступки, идти на компромиссы. Теперь не время диктаторствовать.

— Какъ не время! Да вѣдь диктаторы въ Римѣ и назначались какъ разъ во время опасныхъ войнъ и ни на какіе компромиссы съ „общественнымъ мнѣніемъ" не шли, а требовали себѣ безпрекословнаго повиновенія.

— Да то было въ Римѣ, а мы вѣдь въ Россіи.

— Такъ что же! Мы тѣмъ паче должны ревностно служить Самодержавному Вождю Россіи.

*) Кстати: намъ достоверно извѣстно, что хождение въ Москвѣ нелѣпые слухи о какомъ-то письмѣ министра къ г. Шипову *лишены всякаго основанія*.

— Нѣтъ, какъ хотите, теперь не время, не время говорить такія слова.

Да когда же, по-вашему, будетъ время говорить ихъ? Теперь намъ болѣе, чѣмъ когда-либо, необходима твердая, опытная рука у правительственнаго кормила, которая положила бы конецъ всѣмъ нашимъ внутреннимъ неурядицамъ и въ „обществѣ“, и въ печати, и въ школѣ...

— Вотъ тоже въ школѣ! Генералъ Глазовъ хочетъ теперь ввести „дисциплину“ въ школахъ и даже въ университетахъ!

— Ну, да, конечно: это давно уже необходимо сдѣлать.

— Да, но только *не теперь*! Теперь не время! Развѣ можно во время войны раздражать нашу молодежь?

— Но позвольте! Вѣдь *до* войны тоже говорили, что ее не слѣдуетъ „раздражать“, не слѣдуетъ требовать отъ нея, чтобъ она соблюдала порядокъ, училась! Тогда, вѣроятно, тоже было „не время“ это дѣлать?

— Да, конечно.

— Ну, въ такомъ случаѣ простите меня, вы хотите, чтобы Правительство походило на того господина, который „никогда не находилъ времени“ умыться и такъ все время и ходилъ не мытымъ, не чесанымъ. Вы называете себя другомъ Правительства, а хотите, чтобы оно играло роль какого-то жалкаго труса, не исполняло бы своихъ прямыхъ обязанностей и предоставляло бы „земской вольницѣ“ казнить и миловать Русскій народъ! Да съ чѣмъ же это сообразно? Вы называете себя другомъ Правительства—и желаете, чтобъ оно исполняло волю своихъ злѣйшихъ враговъ, которые того только и добиваются, чтобы Правительство сказало: „мнѣ теперь не время существовать, потому, что Россія находится въ опасности“. Что бы вы сказали о капитанѣ корабля, который въ тихую погоду красовался бы въ живописныхъ позахъ на своемъ мостикѣ, а въ тяжелую бурю притулился бы въ своей каютѣ, предоставивъ управлять судномъ кому угодно, тогда какъ *въ это именно время* на всемъ суднѣ должна царить желѣзная, неумолимая дисциплина и безпрекословное повиновеніе одному лишь капитану? Теперь „не время“ для разумной, крѣпкой энергіи Правительства? Да вѣдь теперь именно оно болѣе чѣмъ когда-либо чувствуетъ всю ту гигантскую мощь предапнаго Самодержавію народа, которая въ мирныя времена таится и лишь подразумѣвается въ глубинѣ народной души, а нынѣ, въ минуту національнаго кризиса, проявилась съ такою неотразимою ясностью во всемъ своемъ стихійномъ величіи. И вы говорите, что въ такое именно время Правительство должно показать себя недостойнымъ выраженнаго ему народомъ довѣрія и позорно спустить свой флагъ предъ злѣйшими врагами Россіи? Да полноте! Развѣ вы не видите, что враги эти за это короткое время уже два раза опшблись! Сперва въ народѣ, который, вопреки ихъ расчетамъ, пошелъ съ такимъ единодушіемъ на войну, а не на революцію: а затѣмъ въ Правительствѣ, которое не спасовало предъ вражескою пропагандой, а рѣшительнымъ ударомъ отрубило ей голову. И вы утверждаете, что теперь не „время“ было это дѣлать?

Я вамъ скажу, что теперь дѣйствительно *не время* дѣлать. Теперь не время заигрывать съ врагами Россіи и повторять лживыя сплетни, позоря-

ція доброе имя нашей Родины. Теперь не время жертвовать, ради личныхъ интересовъ, общимъ благомъ Отечества. Теперь не время, предъ лицомъ врага Россіи, сводить свои старые счеты съ личными врагами. Теперь не время издѣваться надъ тяжелымъ кризисомъ Родины намѣреннымъ возбужденіемъ мелочныхъ препирательствъ о пошлѣйшихъ орѳографическихъ, порнографическихъ и иныхъ дрязгахъ, которыми преисполнены петербургскія газеты. Теперь не время всякими измышленіями дискредитировать Правительство въ глазахъ общества и народа, играя этимъ въ руку враговъ Россіи, въ особенности если этимъ гнуснымъ дѣломъ занимаются люди, состоящіе на службѣ Императорскаго Правительства и пользующіеся своимъ привилегированнымъ положеніемъ, чтобы съ тѣмъ бо́льшимъ японскимъ коварствомъ наносить ему свои предательскіе удары. Теперь, наконецъ, не время думать о чемъ-либо иномъ, чѣмъ о полномъ торжествѣ, съ Божіею помощью, надъ внѣшними и внутренними врагами Россіи.

XX.

Москва и Петербургъ.

Возмутительная выходка *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, сочинившихъ завѣдомо-ложныя извѣстія о государственной измѣнѣ Московскихъ финансистовъ, была, очевидно, инсценирована съ тою, между прочимъ, цѣлью, чтобы лишній разъ обрушиться на Москву со всею тою злобою, которую „истый“ Петербургъ издавна питаетъ къ Первопрестольной Столицѣ, этому сердцу Россіи.

„Истые“ петербуржцы, вѣроятно, сами не повѣрили той гнусной клеветѣ, которою вздумали запятнать добрую славу Москвы *С.-Петербургскія Вѣдомости*, но они несомнѣнно рукоплескали тѣмъ пошлостямъ, которыми эта газета наговорила по адресу всѣхъ москвичей на основаніи ею же выдуманнаго вздора. А тутъ еще балаганному глумленію подвергался московскій патріотизмъ, который такъ глубоко ненавистенъ „истому“ петербуржцу.

На-дняхъ мы провели недѣлю въ Петербургѣ. Сколько разъ намъ пришлось выслушать, при встрѣчахъ даже съ добрыми знакомыми, послѣ первыхъ привѣтствій слѣдующій, почти стереотипный, ироническій вопросъ:

— Ну, что у васъ тамъ, въ Москвѣ? Небось восторгаются „славными подвигами“ нашей арміи и флота? Москва, вѣроятно, не унываетъ и все еще вѣритъ въ „неприступность“ Портъ Артура и въ „геніальность“ Куропаткина?

А то приходилось выслушивать и такіе комплименты:

— Ну, что вы, московскіе патріоты, все еще предаетесь всякимъ тамъ иллюзіямъ о „великой миссіи“ Россіи на Дальнемъ Востокѣ? Бросьте этотъ вздоръ и займитесь лучше несравненно болѣе важнымъ вопросомъ о реформѣ нашего правописанія.

А третьи прямо говорили:

— Что же это вы, московскіе патріоты, не поддержали г. Шипова? Если бы не этотъ проклятый московскій патріотизмъ, то уже теперь въ Москвѣ засѣла бы Общеземская Дума, которую такъ легко было бы ввести въ государственный обиходъ при теперешней неудачной войнѣ.

Да, московскій патріотизмъ сталъ поперекъ горла „истымъ“ петербуржцамъ. Вотъ почему органъ г. Столыпина и попытался заподозрить искренность московскаго патріотизма, оклеветавъ его своими лживыми извѣтами и обвинивъ его въ государственной измѣнѣ.

Цѣль эта болѣе чѣмъ ясна. Вѣдь еще недавно тѣ же *С.-Петербургскія Вѣдомости* утверждали, что Русское Самодержавіе не имѣетъ „фундамента“, и что поэтому необходимо-де „подвести“ подъ него, въ качествѣ фундамента, общеземскую „Думу“.

Конечно, московскій патріотизмъ никогда не согласился бы на такую коварную измѣну Самодержавію, а воспротивился бы всѣми силами ея осуществленію. Въ виду этого петербургскимъ „либераламъ“ необходимо забросать Москву клеветническою грязью и свести ее патріотизмъ на-нѣтъ.

Эту отвратительную обязанность приняли на себя *С.-Петербургскія Вѣдомости*, утратившія за послѣднее время послѣдніе признаки даже элементарнаго благоразумія.

XXI.

Задача генерала Глазова.

Мы на-дняхъ *) говорили, что вся Россія съ нетерпѣніемъ ждетъ отъ генерала В. Г. Глазова здраваго, яснаго, твердаго слова, которое успокоило бы изнывшія отъ боли сердца русскихъ родителей, съ ужасомъ помышляющихъ о тѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, въ которыя они вынуждены отдавать своихъ дѣтей, и которыя являются для нихъ не учебно-воспитательными заведеніями, а школами празднословія, безпорядка и политическаго разврата.

Недавняя мужественная рѣчь новаго Оренбургскаго попечителя официально признала это невыносимое состояніе нашихъ учебныхъ заведеній, „дальше котораго идти некуда“, а потому необходимо покинуть тотъ губительный путь, по которому наша злополучная школа такъ быстро двигалась въ послѣдніе годы своего существованія.

Спасти нашу школу отъ окончательной гибели,—вотъ къ чему призванъ Высочайшею Волей генералъ Глазовъ, и все славное прошлое этого Русскаго человѣка является намъ ручательствомъ, что если онъ принялъ на себя эту столь трудную задачу, то онъ ее дѣйствительно и выполнитъ.

Не объ этомъ, слѣдовательно, тревожатся русскіе родители, не сомнѣвающіеся въ томъ, что новый управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія съ теченіемъ времени сумѣетъ справиться со всѣми препятствіями, которыя уже возникли и еще несомнѣнно возникнутъ на его пути. Хаосъ, воцарившійся въ нашемъ Учебномъ Вѣдомствѣ, такъ великъ, что

*) См. *Моск. Вѣд.* 1904 г., № 145.

устраненіе его потребуетъ много упорнаго труда и весьма продолжительнаго времени. Точно такъ же, какъ генералъ Куропаткинъ, генералъ Глазовъ имѣетъ полное право требовать отъ насъ „терпѣнья, терпѣнья и терпѣнья“: но если генералъ Куропаткинъ имѣетъ столь же неоспоримое право до поры до времени *скрывать* свой планъ кампаніи, видя въ этой тайнѣ залогъ его успѣха, то у генерала Глазова, наоборотъ, успѣхъ предпринимаемой имъ кампаніи зависитъ отъ полной, откровенной гласности его плана. Чѣмъ скорѣе будутъ извѣстны основныя черты этого плана, тѣмъ скорѣе всѣ попечители, директора, инспектора, преподаватели, воспитатели, ученики и родители будутъ знать *à quoi s'en tenir*, тѣмъ скорѣе будутъ приняты мѣры къ тому, чтобы новый учебный годъ, какъ въ низшихъ и среднихъ, такъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, начался при совершенно новой атмосферѣ порядка, дисциплины и религіозно-нравственнаго уклада.

Довольно будетъ однихъ этихъ общихъ этическихъ очертаній новаго плана генерала Глазова, *выраженныхъ въ столь же ясной и твердой формѣ*, въ какой они были впервые провозглашены въ Высочайшемъ Рескриптѣ отъ 10 іюня 1902 г. и тотчасъ вся Россія вздохнетъ свободно, поймавъ, что наступилъ конецъ всѣмъ тѣмъ ужасамъ нравственной и умственной распущенности, которая заполнила наши школы.

Ничего другого пока русскіе родители отъ новаго министра и не ожидаютъ, прекрасно понимая, что онъ еще не можетъ выступить предъ Россіей съ выработаннымъ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ планомъ учебной реформы; они желаютъ знать лишь *самое главное*; что сыновей и дочерей ихъ впредь уже не будутъ въ правительственныхъ заведеніяхъ пріучать къ лѣни и распущенности, къ неисполненію своего долга, къ дерзкому неповиновенію родителямъ и наставникамъ, къ Толстовскому атеизму и ко всякимъ антинаціональнымъ политическимъ бреднямъ. Уже теперь, весной, всѣ безсовѣстные соблазнители „малыхъ сихъ“, вторгшіеся за послѣднее время въ нашу школу, должны ясно понять, что съ осени доступъ въ нее имъ будетъ закрытъ, что министръ не потратитъ дорогого времени на то, чтобы созывать безконечныя, многоголовыя, а потому и безполезныя комиссіи для обсужденія вопроса о томъ, какъ спасти наши школы, а твердою рукой вырветъ вредные плевелы изъ столь дорогой намъ нивы народнаго просвѣщенія, руководствуясь единственно духовнымъ благомъ порученныхъ его попеченію русскихъ дѣтей. Тутъ самое зло и способъ лѣченія его такъ ясны, что не можетъ быть ни малѣйшаго колебанія предъ примѣненіемъ этого способа. Ни законоучитель, проповѣдующій ученикамъ толстовство, ни преподаватель исторіи, восхваляющій предъ русскими дѣтьми всѣ мерзости Французской Революціи, ни учитель словесности, издѣвающійся надъ Татьяной Пушкина и Лизой Тургенева, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ развращать своихъ учениковъ и учениць всѣми мерзостями Горькаго и Андреева,—такихъ „наставниковъ“ и „развивателей“ въ русской школѣ быть не должно, будь она низшая, средняя или высшая.

Отъ воспитанія нашихъ дѣтей зависитъ вся будущая Россія. Она обратится къ нашему поколѣнію съ безпощаднымъ, заслуженнымъ упрекомъ, если мы въ нашихъ школахъ подготовимъ ей умственно и нравственно развращенныхъ дѣятелей, ни къ чему не годныхъ верхоглядовъ, людей безъ чувства долга, безъ вѣры въ Бога, безъ преданности Царю и безъ любви къ Отечеству.

Спасти насъ отъ этого тяжкаго упрека, вернуть нашей школѣ полную возможность воспитывать серіозныхъ, дѣльныхъ, истинно-Русскихъ людей, такова задача генерала Глазова, и если онъ исполнитъ ее, заслуга его предъ Царемъ и Россіей будетъ поистинѣ безпредѣльна.

XXII.

Николай Ивановичъ Бобриковъ.

Мы назвали (№ 153) мученически скончавшагося генерала Бобрикова „образцовымъ окраиннымъ генералъ-губернаторомъ".

Объяснимся.

Нѣтъ такого государства въ мірѣ, въ которомъ окраинныя провинціи имѣли бы такое выдающееся государственное значеніе, какъ въ Россіи. Не только по своему географическому положенію, но и по характеру своего населенія, и по прошлой своей исторической жизни русскія окраины представляютъ, каждая въ отдѣльности, цѣлый конгломератъ серіозныхъ и сложныхъ задачъ, которыя разрѣшить можетъ только человѣкъ высокаго государственнаго ума, серіознаго, разносторонняго образованія и твердой, разумной воли.

Такимъ именно человѣкомъ и былъ Николай Ивановичъ Бобриковъ.

Мы помнимъ его въ то еще время, когда онъ, въ 1897 году, только что готовился къ тому высокому посту, къ которому его призывала Высочайшая Воля. Окруживъ себя всею доступною ему исторической литературой по Финляндскому вопросу, онъ по цѣлымъ днямъ предавался серіознѣйшему его изученію.

— Я не хочу,—говорилъ онъ,—явиться въ край съ тѣмъ, чтобы тамъ на мѣстѣ изучать его исторію подъ руководствомъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя такъ усердно и такъ искусно его исказили. Пусть они съ первыхъ же моихъ шаговъ узнаютъ, что я нахожусь во всеоружіи подробнаго знанія ихъ предшествующей дѣятельности. Тогда у нихъ пропадетъ охота ставить мнѣ западни и ловушки.

Когда мы въ прошломъ году въ бесѣдѣ съ Николаемъ Ивановичемъ напомнили ему эти слова, онъ съ улыбкой намъ отвѣтилъ:

Ну, положимъ, я ошибся: они все-таки вначалѣ ставили мнѣ не мало западней и ловушекъ, такъ какъ никакъ не могли повѣрить, что я уже въ тонкости успѣлъ изучить ихъ софизмы. Они не были пріучены къ тому, чтобы чуять въ русскомъ государственномъ человѣкѣ серіознаго знатока Финляндскаго вопроса. И дѣйствительно, если бъ я въ 1897 году не

подготовился основательнымъ образомъ къ теперешней моей должности, я на первыхъ же порахъ невольными ошибками испортилъ бы все дѣло и скомпрометтировалъ бы свое положеніе. Правда, я изучилъ тогда лишь половину того, что мнѣ нужно было знать; другую половину я изучилъ на мѣстѣ. Но она была бы для меня совершенно недоступна безъ той первой, основной половины.

Намъ невольно приходятъ на память слова другого государственнаго дѣятеля, отправлявшагося на одинъ изъ важныхъ окраинныхъ постовъ. На нашъ вопросъ, ознакомился ли онъ съ исторіей того края, въ которомъ ему предстояло дѣйствовать, онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, извините, я книжекъ не читаю; мнѣ нужна живая жизнь, а не мертвая буква.

Очень довольный этою фразой, которую можетъ выставить въ свое оправданіе всякое легкомысленное невѣжество, мой сановникъ отправился въ назначенную ему окраину, окунулся въ „живую жизнь“, ничего въ ней не разобралъ и, барахтаясь, надѣлалъ столько ошибокъ, что потомъ и самъ не зналъ, какъ изъ нихъ выпутаться.

Къ тому же 1897 году относится и другой высказанный Николаемъ Ивановичемъ принципіальный взглядъ на отношеніе окраиннаго генералъ-губернатора къ своимъ предшественникамъ.

— Я ясно вижу,—говорилъ онъ,—въ чемъ грѣшили прежніе генералъ-губернаторы Финляндіи. Но разъ я буду назначенъ на этотъ постъ, я никогда не позволю себѣ указывать населенію на мое разногласіе съ лицами, занимавшими этотъ постъ раньше меня. Если вообще жалоба преемника на своего предшественника является признакомъ дурного воспитанія и ограниченнаго ума, то такая жалоба на нашихъ окраинахъ является тою ошибкой, которая, по пословицѣ, „хуже преступленія“.

— Почему именно?

— А потому, что всѣ наши окраинные вопросы возникли, въ сущности, изъ непослѣдовательности и вѣчныхъ противорѣчій нашей политики. А потому на окраинахъ генералъ-губернаторы, со своей, по крайней мѣрѣ, стороны, не должны содѣйствовать увѣренности мѣстнаго населенія въ непрочности правительственныхъ мѣропріятій.

Мы неоднократно имѣли впослѣдствіи возможность провѣрить глубокую основательность этого мудраго правила. Сколько разъ приходилось намъ видѣть прискорбную картину окраинныхъ администраторовъ, открыто похвалявшихся тѣмъ, что они систематически уничтожаютъ благотворныя мѣропріятія своихъ предшественниковъ, къ великой радости злѣйшихъ враговъ Россіи!

Н. И. Бобриковъ приступилъ къ своему служенію Русской идеѣ на Финляндской окраинѣ съ заранѣе составленнымъ планомъ, распредѣленнымъ въ послѣдовательномъ порядкѣ на цѣлый рядъ лѣтъ. Встрѣчавшіеся инциденты въ финляндской жизни вносили въ этотъ планъ тѣ или другія поправки, но въ основныхъ своихъ чертахъ онъ оставался неизмѣннымъ. Шагъ за шагомъ, съ вѣрнымъ, почти математическимъ, расчетомъ, Н. И. Бобриковъ отвоевывалъ у финляндскаго сепаратизма тѣ позиціи, которыя

онъ обманнымъ образомъ, пользуясь нашимъ благодушнымъ слѣпымъ довѣріемъ, занялъ въ началѣ XIX столѣтія, и на которыхъ онъ, какъ казалось, такъ прочно укрѣпился, подъ шумъ нашихъ „великихъ реформъ", во второй половинѣ того же столѣтія.

Русскіе люди, не посвященные въ этотъ систематическій планъ Финляндскаго генералъ-губернатора, склонны были, въ особенности на первыхъ порахъ его дѣятельности, обвинять его въ чрезмѣрной медлительности, удивляясь, что онъ не принимаетъ той или другой рѣшительной мѣры противъ махинацій финляндскихъ крамольниковъ.

— Я теперь еще не могу принять этой мѣры, — говорилъ Николай Ивановичъ тѣмъ, кто ему высказывалъ такіе упреки,—такъ какъ я рѣшилъ принять ее лишь по прошествіи (такого-то) времени, когда предварительно будутъ осуществлены законнымъ порядкомъ другія мѣры, безъ которыхъ данная мѣра должнаго значенія имѣть не можетъ. Потерпите, всему придетъ свой срокъ.

Съ желѣзною энергіей, съ несокрушимою силою воли, при неутомимой дневной и ночной работѣ, совершалъ свое великое дѣло этотъ истинно-Русскій богатырь, служа вѣрой и правдой Царю и Россіи.

Да, это дѣйствительно былъ образцовый окраинный генералъ-губернаторъ: онъ явился на свой постъ съ серіозною подготовкой, съ должнымъ уваженіемъ къ преемственнымъ традиціямъ Русской Государственной идеи, съ глубоко и зрѣло обдуманнымъ планомъ дѣйствій и съ несокрушимой волей отдать себя всецѣло на служеніе этой идеѣ и на осуществленіе этого плана.

Трудно будетъ замѣнить такого выдающагося государственнаго дѣятеля, тѣмъ болѣе, что въ Финляндіи теперь нуженъ генералъ-губернаторъ именно Бобриковскаго закала, человѣкъ въ тонкости знающій финляндскій вопросъ и имѣющій полную возможность и силу разрѣшить его въ тѣхъ твердыхъ нормахъ, которыя были указаны Н. И. Бобрикову Верховною Властью и которыхъ онъ съ такимъ неуклоннымъ, доблестнымъ самоотверженіемъ держался до послѣдняго своего издыханія...

XXIII.

Новая англійская басня.

Англичане неутомимы въ изобрѣтеніи всевозможныхъ небылицъ съ цѣлью выставить Россію на краю гибели или, по крайней мѣрѣ, наканунѣ какой-то всепотрясающей катастрофы.

То англійскія газеты сообщаютъ намъ о неминуемой окончательной побѣдѣ японцевъ надъ всѣми нашими сухопутными и морскими силами, то онѣ пугаютъ насъ начавшеюся будто бы революціей во всѣхъ главныхъ городахъ и внутреннихъ губерніяхъ Россіи, то онѣ грозятъ намъ какимъ-то громаднымъ мятежомъ на всѣхъ нашихъ окраинахъ, сигналъ къ которому будто бы данъ злодѣйскими револьверными выстрѣлами, раздавшимися въ Финляндскомъ Сенатѣ.

Теперь онѣ выдумали новую, еще болѣе нелѣпую, басню на ту же тему о предстоящемъ какомъ-то „ближайшею осенью“ или „по окончаніи войны“ государственномъ переворотѣ въ Россіи, который будетъ де устроенъ не внутреннею революціей и не окраиннымъ мятежомъ, а самимъ Русскимъ Правительствомъ, совершенно будто бы растерявшимся въ виду „побѣдоносныхъ подвиговъ“ японскихъ войскъ.

„Растерянность“ Правительства дошла будто бы уже до того, что, по словамъ *Daily Chronicle*, въ Петербургѣ назначена комиссія, вырабатывающая какой-то фантастическій проектъ объ учрежденіи въ Россіи парламента „съ правомъ лишь совѣщательнаго голоса“.

Мало того, англійская газета, выпустившая эту утку, старается увѣрить своихъ читателей, что „комиссія“ эта назначена де „самимъ Правительствомъ“.

Это уже верхъ нелѣпости!

Мы не можемъ поручиться за то, чтобы какіе-нибудь шалые „интеллигенты“, политиканствующіе адвокаты и журналисты не устроили въ Петербургѣ той или другой „комиссіи“ для разработки какихъ-либо своихъ вздорныхъ „проектовъ“.—когда же у насъ не было такихъ тайныхъ совѣщаній въ разныхъ „конспиративныхъ“ квартирахъ?—Но мы можемъ вполнѣ поручиться, что Правительство не имѣетъ ничего общаго съ подобными глупыми и вредными затѣями.

Въ самомъ дѣлѣ, не видѣть глупости и вреда этихъ затѣй можетъ развѣ только круглый либералъ, либо совершенно наивный человѣкъ.

Лондонская газета хвастается, что она де знакома даже съ ходомъ работъ этой миѳической комиссіи, которая будто бы, „отвергнувъ различныя западныя конституціонныя формы, остановилась на Германскомъ Рейхстагѣ, какъ на наиболѣе подходящемъ къ русскимъ идеаламъ“ (!?).

Ну что можетъ быть глупѣе такого разсужденія? Отъ него такъ и отдаетъ не правительственною мудростью, а „либеральною“ софистикой, разсчитанною на близорукость нѣкоторой части нашихъ консерваторовъ.

Мы такъ и видимъ этихъ „либеральныхъ“ софистовъ, старающихся „отвести глаза“ нашимъ монархистамъ слѣдующими приблизительно доводами:

— Вы думаете, что мы враги Самодержавія? Напротивъ, мы желаемъ спасти его, подведя подъ него фундаментъ въ видѣ „земской думы“ или „земскаго собора“. Не пугайтесь, это не будетъ такой парламентъ, какъ во Франціи или въ Австріи, гдѣ депутаты дѣлаютъ столько скандаловъ; въ нашемъ парламентѣ все будетъ чинно и благородно, какъ въ Германскомъ Рейхстагѣ, который вѣдь не мѣшаетъ самодержавію Вильгельма II. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь Вильгельмъ II дѣлаетъ все, что хочетъ. А у насъ будетъ еще болѣе скромный и невинный парламентъ безъ рѣшающаго голоса, а лишь съ голосомъ совѣщательнымъ. Пусть Правительство лишь *знаетъ* волю народа: оно можетъ и не исполнять ея. Но зато Правительство избавится отъ той тяжелой отвѣтственности, которая теперь всецѣло на немъ лежитъ...

Какъ знакома намъ каждая изъ этихъ фальшивыхъ, вкрадчивыхъ фразъ! Сколько разъ мы изобличали ихъ лживость, когда намъ приходилось встрѣчать ихъ въ разсужденіяхъ коварныхъ враговъ или близорукихъ друзей!

Начнемъ съ „аналогіи“ Германскаго Рейхстага. Какому же серіозному политику не извѣстно, что если въ Германскомъ Рейхстагѣ пока еще творится меньше скандаловъ, чѣмъ въ другихъ парламентахъ, то этому причиной не его якобы болѣе мудрый уставъ, а то пренебреженіе, съ которымъ такія титаническія натуры, какъ Бисмаркъ и Вильгельмъ II, всегда относились къ Рейхстагу и ко всей германской конституціи. Они смотрѣли на нее, какъ на вредную помѣху, завидуя полному Самодержавію Русскаго Царя, которое дало бы имъ возможность безпрепятственно развернуть всѣ свои силы на пользу Германіи. Но Вильгельмъ II знаетъ, что весьма скоро наступитъ время, когда и Германскій Рейхстагъ превратится въ арену позорной партійной драки, и когда Германское правительство поставлено будетъ предъ дилеммой: либо совершенно сбросить съ себя иго Парламента и вернуться къ абсолютизму, чтобы спасти Германію отъ соціальной революціи, либо покорно преклонить свою голову предъ г. Бебелемъ и прочими маркенстами.

Дѣло въ томъ, что парламентаризмъ разлагаетъ и разрушаетъ государство въ одномъ случаѣ скорѣе, въ другомъ медленнѣе, но предотвратить этотъ процессъ разложенія *невозможно*, разъ только государство вступило на роковой, гибельный путь парламентаризма.

Вотъ на этотъ путь наши „либералы“ и хотятъ заманить Россію, вертя предъ ея глазами примѣръ „благонравнаго“ будто бы Германскаго Рейхстага.

— А нашъ парламентъ, — говорятъ они, — будетъ еще благонравнѣе, такъ какъ у него будетъ лишь „совѣщательный“, отнюдь не обязательный для Правительства, голосъ.

Вотъ въ этомъ-то „совѣщательномъ, необязательномъ“ голосѣ и зарыта собака. Сколько наивныхъ, благомыслящихъ Русскихъ людей попадается на эту довольно грубую удочку!

Разъяснимъ, уже не въ первый разъ, въ чемъ тутъ дѣло.

Если въ настоящее время Государственный Совѣтъ принимаетъ, большинствомъ голосовъ, или даже единогласно, какое-нибудь рѣшеніе, то оно, дѣйствительно, для Государя *не* обязательно, и никто не можетъ упрекнуть Государя въ томъ, что Онъ не исполнилъ „народной воли“, коль скоро Онъ не согласился съ „мнѣніемъ“ Государственнаго Совѣта.

Но создайте какое-нибудь выборное учрежденіе, которое, *à tort ou à raison*, будетъ считать себя „собраніемъ представителей народа“ или „выразителей народной воли“, хотя бы первоначально „безо всякаго рѣшающаго голоса“, — и вы этимъ самымъ уничтожите Самодержавіе Русскаго Царя и ввергнете Россію въ бездонную пропасть революціи.

Ибо одно изъ двухъ: либо Монархъ всегда долженъ подчиняться „народной волѣ“, выраженной „народными представителями“, будутъ ли они

собраны въ „Земскую Думу“, въ „Земскій Соборъ“ или въ простой парламентъ: либо Монархъ этой народной волѣ не подчинится.

Въ первомъ случаѣ смѣшно было бы говорить о какомъ-либо „Самодержавіи“.

А во второмъ случаѣ неминуемо возникнетъ тотъ непримиримый, хотя и фиктивный, „конфликтъ“ между Царемъ и народомъ, *котораго доселѣ на Руси не бывало*, и котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ждутъ наши либералы для того, чтобы на немъ основать свою антимонархическую пропаганду „о Царѣ, дѣйствующемъ наперекоръ народной волѣ“.

Что же можетъ быть вреднѣе для Самодержавія и для Россіи, какъ не созданіе такого выборнаго учрежденія, которое лишь первое, короткое, время будетъ имѣть, для отвода глазъ, „одинъ лишь совѣщательный голосъ“, съ тѣмъ чтобъ очень быстро превратиться, при слѣдующихъ же выборахъ, въ самый шаблонный демагогическій парламентъ съ категорическирѣшающимъ голосомъ и этимъ положить начало революціонному броженію и распаденію Россіи?

Что такое положеніе вещей очень желательно нашимъ „либераламъ“, это вполнѣ понятно, точно такъ же понятно и то, что они сочли нужнымъ посвятить въ свои планы петербургскаго корреспондента лондонской газеты.

Но если они его увѣрили, что ихъ преступнымъ замысламъ сочувствуетъ „само Русское Правительство“, то они сыграли надъ корреспондентомъ злую шутку, благодаря которой онъ поспѣшилъ сообщить своей газетѣ, столь лакомой до всякаго вздора о Россіи, такую невообразимо нелѣпую утку!

XXIV.

Проблескъ свѣта въ школьномъ мракѣ.

Этимъ проблескомъ мы обязаны Алексѣю Сергѣевичу Суворину, который, наконецъ, пришелъ собственными путями къ открытію той великой истины, которая давнымъ-давно извѣстна всѣмъ серіознымъ педагогамъ, на которой мы лично всегда такъ твердо настаивали, но которая была совершенно упущена изъ виду въ хаосѣ мнѣній, погрузившемъ въ такой непроглядный мракъ нашъ злосчастный школьный вопросъ.

Мы совершенно искренно благодаримъ г. Суворина за открытіе имъ той великой истины, такъ какъ теперь на нее обратитъ вниманіе и Петербургъ, для котораго г. Суворинъ, какъ извѣстно, является высшимъ авторитетомъ во всѣхъ безъ исключенія вопросахъ русской жизни.

Вотъ эта истина въ изложеніи почтеннаго издателя *Новаго Времени* (№ 10.155):

„*Мы и работаемъ, и учимся меньше, чѣмъ всѣ другія страны Европы**). Несомнѣнно же и вѣрно, что мы *отъ всѣхъ отстали* какъ въ земледѣльческой культурѣ, такъ и въ промышленности, въ высшемъ образованіи, въ наукахъ, въ искусствахъ, въ техническихъ знаніяхъ, *отстали такъ, что безъ Европы не можемъ обойтись ни на*

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

чисъ, безъ ея ученыхъ книгъ, безъ ея изобрѣтеній, безъ ея машинъ, безъ ея техниковъ...

„Неужели мы умнѣй и способнѣй всѣхъ этихъ народовъ, отъ которыхъ мы отстали? Или бросить и образованіе, и всѣ науки, или *надо работать и учиться по крайней мѣрѣ столько, сколько учатся и работаютъ въ Европѣ.* А мы еще кричимъ о переутомленіи!“

Къ этому совершенно-вѣрному выводу г. Суворинъ пришелъ, узнавъ изъ какой-то сравнительной таблицы, что въ Россіи гораздо больше неучебныхъ дней, чѣмъ въ другихъ государствахъ Европы. И вотъ г. Суворинъ вычислилъ, что въ 4-годичномъ курсѣ *высшихъ* учебныхъ заведеній:

Русскихъ учатся . . 1 годъ и 295 дней.
Французы . . . . . 2 года и 74 дня.
Англичане . . . . . 2 года и 158 дней.
Австрійцы . . . . . 2 года и 206 дней.
Американцы . . . . 2 года и 210 дней.
Нѣмцы . . . . . 2 года и 230 дней.
Голландцы. . . . . 2 года и 334 дня.
Датчане . . . . . 2 года и 364 дня.

„Отсюда слѣдуетъ, что воспитанники нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній занимаются наукой въ теченіе 4 лѣтъ менѣе, чѣмъ всѣ другіе европейцы и американцы, въ такой мѣрѣ:

на 148 дней менѣе, чѣмъ французы,
на 232 дня менѣе, чѣмъ англичане,
на 280 дней менѣе, чѣмъ австрійцы,
на 284 дня менѣе, чѣмъ американцы,
на 304 дня менѣе, чѣмъ нѣмцы,
на 334 дня менѣе, чѣмъ голландцы,
на 364 дня менѣе, чѣмъ датчане.

Затѣмъ г. Суворинъ констатируетъ, что „если взять 8-лѣтній курсъ *средне-учебныхъ* заведеній, то наши гимназисты учатся менѣе англичанъ на 232 дня, менѣе американцевъ на 296 дней, менѣе нѣмцевъ на 360 дней и менѣе датчанъ на 456 дней“.

Тутъ, однако, сдѣлаемъ маленькую поправку: г. Суворинъ упускаетъ изъ виду, что въ Россіи гимназисты учатся только 8 лѣтъ, *а въ Германіи цѣлыхъ 9*, и что, слѣдовательно, наши гимназисты учатся менѣе нѣмцевъ не на 360, а на 490 дней.

Но какъ бы то ни было, разница между *количествомъ* времени посвящаемаго ученію въ русскихъ среднихъ школахъ и въ среднихъ школахъ Запада прямо поразительна. А если мы обратимся къ *качеству* этого ученія, которое такъ непзмѣримо высоко на Западѣ сравнительно съ качествомъ нашего русскаго ученія, съ его жалкими преподавательскими силами, убогими учебными пособіями и возмутительными во всѣхъ отношеніяхъ школьными помѣщеніями, то впечатлѣніе получается прямо ошеломляющее, при видѣ русской средней школы, какъ позорно плетущейся въ хвостѣ западно-европейскихъ средне-учебныхъ заведеній. Чего же тутъ удивляться, если мы, по справедливому выраженію г. Суворина, такъ далеко отстали отъ Европы, „что безъ Европы не можемъ обойтись ни на часъ“, и что поэтому намъ „надо работать и учиться, по крайней мѣрѣ, столько, сколько учатся и работаютъ въ Европѣ“.

Отъ словъ перейдемъ къ дѣлу. Не станемъ пока гоняться за голландцами и датчанами, которые учатся еще усерднѣе нѣмцевъ, и постараемся, по крайней мѣрѣ, сравняться съ послѣдними.

Мы видѣли, что русскіе гимназисты учатся меньше, чѣмъ ихъ нѣмецкіе товарищи, *на цѣлые 490 дней*. Въ самомъ дѣлѣ, курсъ германской гимназіи продолжается 2.250 дней, а курсъ русскихъ гимназій только 1.760 дней *).

Итакъ, требуется, для того, чтобы мы, по крайней мѣрѣ, столько же учились, сколько учатся въ Германіи, *прибавить* еще 490 дней къ русскому учебному времени. Кажется, ясно?

Какъ же послѣ этого можно вѣрить тревожному слуху, будто въ предполагаемыхъ у насъ новыхъ гимназіяхъ учебное время будетъ не увеличено, а *уменьшено* на цѣлый учебный годъ (то-есть на 220 учебныхъ дней)?

Вѣдь это былъ бы совершенно убійственный регрессъ для русской школы, для русской науки, для русскаго просвѣщенія.

Посудите сами:

Въ *германскихъ* гимназіяхъ учатся 2.250 дней.

Въ теперешнихъ *русскихъ*—1.760 дней.

Въ (будущихъ?) *русскихъ* учились бы только 1.540 дней.

Если бы совершилось такое страшное паденіе русскихъ гимназій, то намъ нужно было бы поставить крестъ надъ русскимъ просвѣщеніемъ и совершенно отказаться отъ мысли догнать Европу, научный прогрессъ которой съ каждымъ годомъ становится все интенсивнѣе и быстрѣе.

Какъ примирить эти удивительныя противорѣчія, съ которыми мы встрѣчаемся въ нашей учебной реформѣ? Съ одной стороны, намъ безусловно необходимо сравняться съ Европой, а съ другой — насъ хотятъ заставить учиться еще меньше чѣмъ теперь, когда мы уже и безъ того учимся *несравненно меньше* чѣмъ въ Европѣ! „Неужели",—вполнѣ справедливо спрашиваетъ г. Суворинъ,—„мы умнѣй и способнѣй всѣхъ этихъ народовъ, отъ которыхъ мы отстали?" Или мы, можетъ-быть, ужъ такія бездарныя тупицы, что не должны и думать о томъ, чтобы сравняться съ Европой?

А то вотъ и еще противорѣчіе: у насъ признаютъ тотъ очевидный фактъ, что въ нашихъ университетахъ плохо учатся и творятся всякія безобразія вслѣдствіе *чрезмѣрнаго переполненія* университетовъ „учащеюся" будто бы молодежью. Требуется, слѣдовательно, принять мѣры къ тому, чтобъ университеты наши не были переполнены, и чтобы въ нихъ поступали лишь молодые люди, отличающіеся даровитостью, основательною и спеціальною для университетской науки подготовкой и искреннимъ влеченіемъ къ серіозной научной работѣ. И что же? Съ этою цѣлью иные реформаторы предлагаютъ открыть доступъ въ университетъ всѣмъ ученикамъ и реальныхъ, и чуть не городскихъ училищъ! Такая реформа не только еще болѣе переполнила бы наши университеты необозримою толпой уже совершенно неподготовленной и „неучащейся" молодежи и окончательно

*) См. подробныя вычисленія въ брошюрѣ В. Грингмута *Нашъ классицизмъ*. Москва. 1890 г., стр. 16—17.

упразднила бы послѣдніе слѣды научнаго значенія нашихъ университетовъ. Точно также уже признано, что наши гимназическіе классы такъ переполнены, что въ нихъ невозможны ни ученіе, ни дисциплина. И вотъ *понижаютъ* уровень гимназическаго ученія и такимъ образомъ привлекаютъ туда еще бо́льшія массы учениковъ! Вѣдь, согласитесь, что все это логическіе абсурды.

Генералу В. Г. Глазову предстоитъ внести въ этотъ хаосъ противорѣчій ясный свѣтъ логики и здраваго смысла.

Его задача имѣетъ двѣ стороны: *временную и постоянную.*

Ему необходимо вернуть нашей школѣ тотъ *порядокъ и дисциплину*, которые она утратила въ послѣдніе злополучные годы ея жалкаго существованія. Но этого недостаточно: ему необходимо *поднять ее въ научномъ отношеніи до уровня лучшихъ европейскихъ школъ.*

А для этого нужно въ точности знать этотъ европейскій уровень, никогда не упуская изъ виду всего того, что́ достигается лучшими европейскими, то-есть германскими школами, а также и тѣ средства, которыми онѣ достигаютъ своихъ столь выдающихся успѣховъ. Къ сожалѣнію, именно этотъ послѣдній вопросъ *систематически* игнорировался нашими послѣдними многоголовыми учебными комиссіями, дѣйствовавшими заодно съ нашею невѣжественною либеральною печатью, подъ общимъ грубо-варварскимъ девизомъ: „Европа намъ не указъ“. Вотъ почему такъ драгоцѣнно напоминаніе г. Суворина о томъ, какъ далеко отстали мы отъ Европы, и о томъ, что надо „работать и учиться, по крайней мѣрѣ, столько, сколько учатся и работаютъ въ Европѣ“.

Впрочемъ, объ задачи, предстоящія генералу Глазову, въ сущности между собою совпадаютъ: стоитъ только организовать въ школахъ, какъ среднихъ, такъ и высшихъ, серіозное, усердное, плодотворное ученіе, и тотчасъ же сами собой водворятся въ школахъ и дисциплина, и порядокъ, въ особенности если будутъ приняты мѣры, чтобы какъ тѣ, такъ и другія школы не страдали отъ того чрезмѣрнаго переполненія, при которомъ немыслимы ни строгій порядокъ, ни серіозное ученіе.

Тогда останется только еще забота о томъ подъемѣ *духовно-нравственнаго* и *національнаго* воспитанія въ нашей школѣ, которое, конечно, составляетъ предметъ неустаннаго попеченія новаго министра.

Но объ этомъ когда-нибудь въ другой разъ.

XXV.

Новѣйшій памфлетъ гр. Толстого.

Въ началѣ Японской войны извѣстный французскій писатель Жюль Клартн обратился къ графу Льву Толстому съ „открытымъ письмомъ“, напечатаннымъ въ свое время въ газетѣ *Temps*.

Письмо это, написанное въ изысканныхъ выраженіяхъ, должно было, по наивному мнѣнію автора, поставить гр. Толстого въ весьма затруднительное и даже безвыходное положеніе.

Французскій писатель руководился такими соображеніями:

„Гр. Толстой безусловный противникъ войны, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ Русскій. Какая, слѣдовательно, должна происходить „буря подъ его черепомъ", „когда онъ, какъ философъ, долженъ бороться противъ войны, а какъ сынъ Россіи, долженъ стоять за вооруженную борьбу съ ея врагами".

Всѣмъ, кто сколько-нибудь ближе знаетъ гр. Толстого, должна была броситься въ глаза явная несообразность такого разсужденія, первая посылка котораго настолько же вѣрна, насколько ошибочна вторая.

Да, гр. Толстой — противникъ войны; но онъ давно уже пересталъ быть Русскимъ, съ тѣхъ поръ, приблизительно, какъ онъ пересталъ быть православнымъ.

А потому настоящая война не могла вызвать въ немъ никакихъ „коллизій чувствъ", и подъ его черепомъ не произошло никакой бури, ибо графъ Толстой нынѣ совершенно чуждъ Россіи, и для него совершенно безразлично, будутъ ли японцы владѣть Москвой, Петербургомъ и всею Россіей, лишь бы Россія скорѣе подписала миръ съ Японіей, на какихъ угодно, хотя бы самыхъ унизительныхъ и постыдныхъ условіяхъ. Такъ пошло и подло чувствовать, думать и высказываться не можетъ ни одинъ Русскій человѣкъ, а потому считать Толстого Русскимъ можетъ развѣ только такой Французикъ, какъ Кларти, не имѣющій ни малѣйшаго понятія ни о Русскихъ, ни о Россіи.

Весьма понятно, поэтому, что „открытое письмо" французскаго писателя нисколько не задѣло гр. Толстого, который ничего на него и не отвѣтилъ; зато теперь онъ выпустилъ за границей возмутительнѣйшій памфлетъ противъ Россіи, съ которою онъ уже окончательно порываетъ всякія связи. Если онъ еще живетъ въ предѣлахъ Россіи, то и это объясняется лишь великодушіемъ Русскаго Правительства, чтущаго еще бывшаго талантливаго писателя Льва Николаевича Толстого, съ которымъ теперешній старый ясно-полянскій маніакъ и богохульникъ ничего общаго, кромѣ имени, не имѣетъ. Онъ такъ же отрекся отъ своей прежней свѣтлой дѣятельности, какъ отрекся отъ Церкви, Царя и Отечества.

Это не въ первый разъ, что Толстой пишетъ за границей измѣнническіе памфлеты противъ Россіи. Всѣ еще помнятъ, какъ онъ, если не ошибаемся, во время голодовки 1890 года, напечаталъ въ лондонской газетѣ *Daily News* возмутительнѣйшую пасквиль на Россію. Пока эта мерзость гуляла по заграничной печати, гр. Толстой молчалъ; а когда въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* появились выдержки изъ этой гнусной статьи, открывшія поклонникамъ гр. Толстого настоящій безобразный видъ ихъ идола, тогда гр. Толстой, черезъ своихъ присныхъ, началъ отрекаться отъ своихъ словъ, пока, наконецъ, англійская газета сама не изобличила его во лжи.

Этотъ инцидентъ въ то время показалъ, между прочимъ, почему гр. Толстой предпочитаетъ печатать свои возмутительнѣйшія произведенія не въ Россіи, а за границей. Онъ это дѣлаетъ не только изъ страха предъ правительственною цензурой, которая, конечно, не могла бы смотрѣть равнодушно на его анархическую и кощунственную проповѣдь, а главнымъ образомъ изъ страха предъ несравненно болѣе грозною цензурой Русскаго

народнаго чувства, которое такъ возмутилось бы этою проповѣдью, что своими мѣрами заставило бы проповѣдника бѣжать изъ Россіи, еслибы даже онъ попрежнему пользовался великодушнымъ покровительствомъ Русской Власти, которой онъ за это отплачиваетъ такою черною, адскою неблагодарностью.

Такъ и теперь: послѣднее возмутительное его произведеніе съ жадностью перепечатывается за границей и восхваляется всѣми врагами Россіи, въ особенности японцами и англичанами, причемъ иные издѣваются надъ Россіей, которую такъ „авторитетно“ ругаетъ „великій“ Толстой, а иные смѣются надъ очевидною нелѣпостью „философскихъ“ доводовъ Толстого, котораго де лишь такіе „жалкіе, отсталые варвары“, какъ Русскіе, могутъ „боготворить“, какъ „великаго писателя земли Русской“.

А въ Россіи наивные поклонники гр. Толстого, не имѣющіе возможности читать всѣ тѣ пакости, которыя онъ печатаетъ за границей, попрежнему остаются въ блаженномъ недоумѣніи, за что̀ Русскіе люди, знающіе *всю* дѣятельность Толстого, и явную, и подпольную, и заграничную, такъ глубоко ею возмущаются.

А между тѣмъ вся теперешняя слава Толстого основана на этой именно двуличной, измѣннической его дѣятельности.

Еслибы Правительство сочло возможнымъ сорвать личину съ гр. Толстого и показать его Русскому народу во всей его безобразной наготѣ, то этимъ положенъ былъ бы конецъ всему нашему „толстовству“, и тогда, но только тогда, можно было бы предоставить старому сумасброду спокойно доживать свой вѣкъ въ его Ясной Полянѣ и хоронить тамъ свою бывшую славу.

XXVI.

Реформа русской семьи.

Кто это говорилъ, что въ Россіи печать не имѣетъ вліянія на законодательную дѣятельность Государства, и что будто бы всякая полезная мѣра, предлагаемая печатью и одобряемая Правительствомъ, потому только не осуществляется, что инициатива ея исходитъ не изъ законодательныхъ сферъ, а изъ кабинета какого-нибудь журналиста?

Извѣстный публицистъ *Новаго Времени* г. Розановъ, составившій себѣ громкое имя проповѣдью „свободной любви“, можетъ, съ документами въ рукахъ, засвидѣтельствовать полную неосновательность вышеприведеннаго мнѣнія. Онъ можетъ также разрушить и другую легенду, сложившуюся вокругъ мнимой бездѣятельности нашего высшаго церковнаго управленія, которое будто бы стало недоступнымъ для животрепещущихъ вопросовъ общественной жизни.

Г. Розановъ выдвинулъ въ печати вопросъ объ уничтоженіи термина „незаконнорожденныхъ“ дѣтей, — и вопросъ этотъ былъ рѣшенъ согласно желанію г. Розанова.

Г. Розановъ возсталъ противъ церковнаго запрещенія лицамъ, уличеннымъ въ прелюбодѣяніи, вступать, по расторженіи нарушеннаго ими брака, въ новый бракъ,—и нынѣ это церковное запрещеніе устранено.

Г. Розановъ потребовалъ упрощенія и облегченія брачныхъ разводовъ и вопросъ этотъ тотчасъ же сталъ обсуждаться въ нашихъ законодательныхъ сферахъ.

Ободренный этимъ успѣхомъ, г. Розановъ выдвигаетъ теперь въ печати [1]) цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ все въ той же области устраненія строгихъ брачныхъ законовъ, съ цѣлью постепеннаго приближенія нашего общества къ идеалу свободной любви.

Съ этою цѣлью онъ предлагаетъ, прежде всего, смотрѣть на заповѣди Евангельскія не какъ на нравственные *законы*, а лишь какъ на совершенно ни для кого не обязательные „совѣты“. Вотъ его слова:

Слово Спасителя, что „кто женится на разведенной прелюбодѣйствуетъ“ и, слѣдовательно, кто замужъ выходитъ за разведеннаго прелюбодѣйствуетъ же, можно и слѣдуетъ, конечно, истолковывать вовсе не въ видѣ закона, имѣющаго судебное или духовно-судебное значеніе, но въ видѣ евангельскаго совѣта, даннаго совѣсти христіанъ, какъ лицъ единичныхъ... Пусть каждый, согрѣшившій въ бракѣ и посягающій на новый бракъ, вздохнетъ про себя, пожалѣетъ о слабости своей, скажетъ себѣ упрекъ. Но уже если онъ не въ силахъ удержаться,—пусть вступаетъ въ бракъ.

Таковы аргументы, которыми руководствуется г. Розановъ въ данномъ вопросѣ, и которыми, по его увѣренію, руководствовалась высшая церковная власть, разрѣшившая теперь вступать въ новый бракъ лицамъ, по прелюбодѣянію которыхъ расторгнутъ былъ первый бракъ.

Очевидно, и седьмую Заповѣдь *Не прелюбы сотвори* г. Розановъ и его друзья разсматриваютъ тоже лишь какъ благодушный „совѣтъ“, столь же необязательный, какъ и добрые „совѣты“: *Не укради* и *Не убей*. Какъ легка будетъ жизнь, если мы отбросимъ всѣ заповѣди Ветхаго и Новаго Завѣтовъ и будемъ смотрѣть на нихъ лишь какъ на необязательные „совѣты“, которые будемъ спокойно нарушать, лишь „вздыхая про себя и жалѣя о слабости своей“, или безъ этихъ формальностей, сохраняя, однако, за собой, на этомъ новомъ пути, имя послѣдователей Христа, истинныхъ христіанъ!

Г. Розановъ предлагаетъ вниманію нашего высшаго церковнаго управленія, усвоившаго, по его словамъ, такую именно точку зрѣнія на брачные вопросы, слѣдующія дальнѣйшія мѣры въ томъ же направленіи, въ виду того, что „мы—въ процессѣ, въ пути, а не на покоѣ, не дома“:

Во-первыхъ,—упрощеніе развода до самыхъ крайнихъ предѣловъ легкаго комфорта.

Во-вторыхъ,—новыя либеральныя мѣры о теперешнихъ „внѣбрачныхъ“ дѣтяхъ, дабы никто не стѣснялся плодить ихъ въ свое удовольствіе.

Въ-третьихъ,—отмѣна всякихъ формальностей при совершеніи брака, на основаніи слѣдующаго довода:

Какъ счастливо Ромео и Юлія шли къ „патеру Мартыну“ [2]) благословиться, ибо то было уединенно, лично, а не было какимъ-то объектомъ формальностей. Такъ ли тепло и задушевно идутъ теперь, при бездѣ формальностей, вѣнчаться къ священнику?

[1]) № 10.174 *Новаго Времени*, отъ 29 іюня 1904 г.

[2]) Плохо знаетъ г. Розановъ своего Шекспира: Ромео и Юлію благословляетъ не „патеръ Мартынъ“, а монахъ Лоренцо.

Въ-четвертыхъ,—признаніе многоженства допустимымъ въ христіанской семьѣ. Мотивъ къ этому признанію—

лежитъ въ томъ простомъ наблюденіи, что Спаситель, обличивъ всѣ грѣхи паралльскіе, нигдѣ и ни однимъ словомъ не обмолвился и не высказалъ порицанія полигаміи.

Это мотивъ, очевидно, чрезвычайно важный, ибо онъ открываетъ широкіе горизонты для христіанина, получающаго возможность со спокойною совѣстью творить всякія дѣла, запрещенныя юридическими и нравственными законами, коль скоро Спаситель спеціально не назвалъ и не запретилъ каждаго изъ этихъ дѣлъ. Такъ, напримѣръ, Спаситель ничего не говоритъ о тѣхъ актахъ, особенно дорогихъ пылкому любовному воображенію г. Розанова, которые навѣяны ему миѳологическими сказаніями о Ледѣ и Европѣ. Значитъ, и они должны быть разрѣшаемы христіанину.

Г. Розановъ приводитъ примѣры своей интимной дружбы съ сильными міра сего, чрезъ которыхъ онъ, очевидно, надѣется добиться осуществленія своихъ идеаловъ, ведущихъ къ ослабленію брачныхъ и семейныхъ узъ и къ водворенію совершенно свободной любви по тѣмъ образцамъ, которые намъ даетъ окружающая насъ природа.

Легко понять, какими благими результатами эта широкая реформа отразится на всей нашей семейной и общественной жизни, и какъ скоро мы дойдемъ до счастливаго культурнаго состоянія тѣхъ племенъ Дальняго Востока, среди которыхъ браки такъ легко заключаются на короткое время и такъ же легко расторгаются „безо всякихъ формальностей“.

Въ настоящее время вступленіе въ бракъ требуетъ не только „бездну формальностей“, но и очень заботливаго и внимательнаго отношенія къ вопросу о томъ, насколько женихъ и невѣста своими умственными и нравственными качествами представляютъ гарантіи для будущей счастливой, неразрывной жизни, что̀ такъ мѣтко выражено Шиллеромъ, совѣтовавшимъ „вступающему въ вѣчный союзъ тщательно испытать, сходится ли сердце съ сердцемъ, такъ какъ увлеченіе коротко, а раскаяніе протянется долго“:

Drum prüfe, wer sich ewig bindet,
Ob sich das Herz zum Herzen findet;
Der Wahn ist kurz, die Reu' ist lang.

По осуществленіи всѣхъ идеаловъ г. Розанова уже никакихъ подобныхъ „тщательныхъ испытаній“ не потребуется: сегодня сошелся,—завтра разошелся, и все „безо всякихъ формальностей“, и такъ легко, „тепло и задушевно“, какъ это дѣлаютъ и всѣ прочія твари земныя.

Въ настоящее время мужья и жены несутъ иногда терпѣливо свой крестъ *ради дѣтей*, чтобы сохранить имъ семейное воспитаніе и обезпечить имъ счастливую будущность.

Въ грядущей Россіи г. Розанова всѣ эти „кресты“, всѣ эти „ограниченія эгоистическихъ стремленій“, всѣ эти тяжелыя „жертвы ради дѣтей“ станутъ излишними: сегодня сошелся,—завтра разошелся, согласно личному влеченію, ибо въ этомъ *личномъ влеченіи*—весь смыслъ жизни, по мнѣнію г. Розанова и его друзей.

Ну, а дѣти? Эка важность! Ихъ можно выбросить, какъ щенятъ или котятъ. При этомъ можно, хотя это и не обязательно, „вздохнуть про себя.

покалѣть о слабости своей, сказать себѣ упрекъ". Впрочемъ и это излишне: вѣдь, „Спаситель нигдѣ и ни однимъ словомъ не обмолвился и не высказалъ порицанія" выбрасыванію дѣтей, какъ щенять и котять. А все, что Спаситель не запретилъ, все это, по мнѣнію г. Розанова, разрѣшено истинному христіанину.

Да, свѣтлая заря всходитъ надъ русскою семьей!

XXVII.

Антонъ Павловичъ Чеховъ.

Близкій другъ безвременно-скончавшагося А. П. Чехова, даровитый артистъ Шаляпинъ, въ одной изъ застольныхъ рѣчей въ честь своего друга, опредѣлилъ его какъ писателя, всюду видѣвшаго въ окружавшемъ его обществѣ „пошлость" и съ чрезвычайною вѣрностью изобразившаго эту „пошлость" въ своихъ произведеніяхъ.

Нельзя не признать мѣткости этого опредѣленія Чехова какъ „поэта пошлости", если имѣть въ виду его послѣднія крупныя, въ особенности драматическія, произведенія, въ которыхъ выразилось его особое „чеховское" міросозерцаніе, столь глубоко-проникнутое грустнымъ, безвыходнымъ пессимизмомъ. Но это опредѣленіе было бы совершенно не вѣрно, еслибы мы захотѣли примѣнить его къ первымъ, лучшимъ, произведеніямъ Чехова, когда онъ такъ щедро дарилъ насъ своими маленькими разсказами, этими перлами здороваго, русскаго юмора. Это было въ то время, когда и самъ онъ еще былъ здоровъ, и когда все, что онъ творилъ, давалось ему такъ легко, исходя изъ его богатаго дара тонкой юмористической наблюдательности и веселой бодрости: этотъ даръ, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, сравнялъ бы его въ этомъ отношеніи съ Островскимъ и даже съ Гоголемъ.

Но вотъ, въ физическомъ здоровьѣ Чехова совершился этотъ роковой переломъ, который не скрылся отъ его опытнаго глаза врача, и который, вызвавъ въ немъ тихую грусть, наложилъ такой же грустный, безнадежный отпечатокъ и на его творческую дѣятельность. Его здоровый юморъ сталъ проявляться все рѣже и рѣже, постепенно превращаясь въ грустную иронію; его тонкая наблюдательность осталась тою же, но стала невольно останавливаться на однихъ лишь безотрадныхъ явленіяхъ окружавшаго его общества, на тѣхъ именно „духовныхъ дефектахъ" нашей интеллигенціи, которые такъ вѣрно опредѣлилъ г. Шаляпинъ общимъ именемъ „пошлости".

Чеховъ стоялъ *цѣлою головой* выше этой жалкой, пошлой интеллигенціи, а потому такъ ясно и видѣлъ этотъ ея главный недостатокъ. Для этого совершенно достаточно было возвышаться надъ нею именно настолько, насколько возвышался надъ ней Чеховъ. Но этого не было достаточно, чтобы не только замѣтить пошлость нашей интеллигенціи, но и распознать причины этого ея „духовнаго дефекта" и указать на вѣрныя средства къ его исцѣленію.

Чеховъ уподоблялся прозорливому врачу-діагносту, который, призванный къ постели тяжко-больного, сразу находитъ и называетъ сущность болѣзни страдальца, а на вопросы растерянныхъ, умоляющихъ его родственниковъ, съ грустною улыбкой отвѣчаетъ:

- Я не знаю, ни чѣмъ вызвана эта болѣзнь, ни чѣмъ можно было бы облегчить страданія больного, а о томъ, какъ ему вернуть здоровье,—вы меня лучше и не спрашивайте: я вамъ тутъ никакого совѣта дать не могу. Плачьте и предоставьте больного неизбѣжной его судьбѣ. Утѣшайтесь надеждой, что когда-нибудь, черезъ нѣсколько столѣтій или даже тысячелѣтій, настанетъ такое свѣтлое время, когда никакихъ болѣзней не будетъ.

Что сдѣлаютъ несчастные родственники при такомъ отвѣтѣ „тонкаго діагноста"? Они поспѣшатъ поблагодарить его за его вѣрное опредѣленіе болѣзни и обратятся къ какому-нибудь другому опытному врачу-терапевту, который поставитъ на ноги ихъ дорогого больного.

Не такимъ ли „тонкимъ", но совершенно безпомощнымъ діагностомъ являлся Чеховъ, такъ мѣтко всюду опредѣлявшій глубокій духовный изъянъ нашей интеллигенціи, ея поголовную пошлость, и съ грустью признававшій свою неспособность найти причину этого изъяна и средства къ его исцѣленію?

А между тѣмъ, и эта причина, и эти средства давно уже были найдены Гоголемъ, который тоже вооружился всею силой своего природнаго юмора на борьбу именно съ пошлостью современнаго ему общества, указавъ, затѣмъ, въ своей безсмертной *Перепискѣ съ друзьями* на истинную причину этой пошлости, на забвеніе нашимъ обществомъ Церкви Христовой, къ которой онъ и призывалъ своихъ современниковъ, какъ къ единственному средству для своего возвышенія надъ земною пошлостью въ стремленіи къ высшимъ идеаламъ.

Такъ точно поступаетъ и Левъ Толстой, который не только указываетъ на духовные изъяны нашей интеллигенціи, но и старается исцѣлить ихъ, но, къ сожалѣнію, не истиннымъ, а совершенно извращеннымъ христіанствомъ.

Не таковъ Чеховъ: онъ ограничивается лишь констатированіемъ этихъ изъяновъ, не подозрѣвая даже ихъ глубокой связи съ атеизмомъ во всѣхъ разнообразныхъ его формахъ, опустошившимъ душу нашей интеллигенціи и сдѣлавшимъ ее добычей той страшной пошлости, которая всюду проявляется въ словахъ, мечтахъ и дѣйствіяхъ нашей интеллигенціи. Онъ въ этомъ сходенъ со Щедринымъ, который тоже стоялъ лишь одной головой выше окружавшей его интеллигенціи и ясно видѣлъ ея духовные изъяны, но не могъ предложить никакихъ средствъ къ ихъ исцѣленію. Но Щедринъ безпощадно бичевалъ это общество ядовитыми скорпіонами своей злобной сатиры, изображая пошлость своихъ современниковъ въ преувеличенномъ, карикатурномъ и часто даже извращенномъ видѣ. А. Чеховъ въ своихъ психологическихъ діагнозахъ никогда ни на шагъ отъ реальной истины не отступалъ. Съ фотографическою точностью изображалъ онъ всѣ проявленія пошлости нашей интеллигенціи, которыя возбуждали въ немъ своею мнимою неисцѣлимостью не щедринскую адскую злобу, а Чеховскую тихую грусть.

Да это и вполнѣ понятно: злоба вообще была чужда мягкому характеру Чехова и его доброму, отзывчивому сердцу, привлекавшему къ себѣ сердца всѣхъ тѣхъ, кто его зналъ. Знать Чехова и любить его было одно и то же. Вотъ чѣмъ объясняется то всеобщее сочувствіе, съ которымъ всегда относилась къ нему такъ близко знавшая и такъ любившая его Москва, въ отличіе отъ чуждаго ему Петербурга. Вотъ почему Москва хоронила и оплакивала его почти какъ дорогого своего сына, готовая преувеличить, какъ всегда бываетъ въ такія минуты общаго сердечнаго порыва, его дѣйствительныя литературныя заслуги.

Пройдетъ время, и Чеховъ займетъ въ пантеонѣ русской словесности свое почетное, но скромное мѣсто, какъ писатель, фотографически-вѣрно изобразившій пошлость русской интеллигенціи, жившей въ послѣдніе годы XIX и въ первые годы XX столѣтій.

И дѣйствительно, различные типы современныхъ намъ интеллигентныхъ пошляковъ онъ изображалъ съ изумительною вѣрностью; но чтобы соединить ихъ въ одно художественное цѣлое,—на это у него уже не хватало силъ: всѣ его „драмы“ являлись, въ сущности, рядомъ не особенно тѣсно связанныхъ картинъ, служащихъ фономъ для дѣйствій того или другого типа и вызывающихъ общее безпросвѣтно-тупое, унылое „настроеніе“, но не оставляющихъ въ зрителяхъ такого яркаго, опредѣленнаго впечатлѣнія, которое мы получаемъ отъ всѣхъ истинныхъ произведеній искусства.

Сценическому успѣху своихъ драмъ Чеховъ обязанъ былъ не столько самому себѣ, сколько такимъ даровитымъ режиссерамъ, какъ Станиславскій и Немировичъ-Данченко, которые изощряли свою богатую фантазію, чтобы всячески новыми, поразительными сценическими эффектами придать на театральныхъ подмосткахъ драмамъ ту *жизнь* Чехова, которую такъ трудно было находить въ нихъ при простомъ ихъ чтеніи. Великія произведенія драматической поэзіи всегда проигрываютъ на сценѣ, даже при хорошемъ исполненіи, какъ проигрываютъ всѣ великія до безконечности идеи при всякой, хотя и геніальной, попыткѣ реальнаго, конечнаго ихъ осуществленія. Драмы Чехова, наоборотъ, всегда только выигрывали на сценѣ Художественнаго театра, преобразуясь изъ неясной, монотонной тусклости въ кипучую и сверкающую разнообразіемъ жизнь, благодаря виртуозной техникѣ вышеназванныхъ режиссеровъ, которые болѣе легкую задачу точнаго копированія современной русской жизни всегда разрѣшаютъ, конечно, съ несравненно большею удачей, чѣмъ изображеніе, напримѣръ, жизни древне-римской, для чего требуются не одни только глаза, но и нѣкоторое образованіе.

Какъ доказательство мнимой геніальности Чехова приводятъ обыкновенно то обстоятельство, что „имя его извѣстно даже въ Европѣ“. Доказательство это не Богъ знаетъ какое, если принять во вниманіе, что Европа, напримѣръ, совсѣмъ не знаетъ Щедрина, который, какъ талантъ, во всякомъ случаѣ не ниже Чехова, тогда какъ та же Европа очень близко знаетъ Горькаго, между тѣмъ какъ о Пушкинѣ и Гоголѣ она почти ровно

ничего не знаетъ, кромѣ однихъ ихъ именъ, а о Грибоѣдовѣ, Писемскомъ, Гончаровѣ, Островскомъ она даже и именъ не знаетъ.

Но это другое дѣло. Мы во всякомъ случаѣ можемъ радоваться, что Европа знаетъ Чехова, и притомъ знаетъ его съ лучшей его стороны: очень многіе изъ его прелестныхъ маленькихъ разсказовъ переведены на европейскіе языки, и здоровый безобидный юморъ ихъ по достоинству оцѣненъ заграничною критикой и публикой. Но Европа совсѣмъ не знаетъ ни *Чайки*, ни *Дяди Вани*, ни *Трехъ Сестеръ*, ни *Вишневаго Сада*, то-есть тѣхъ именно произведеній, въ которыхъ наша интеллигенція изобличается въ пошлости и за которыя она изобличителя своего возноситъ до небесъ.

XXVIII.

Вячеславъ Константиновичъ Плеве.

Это былъ, въ полномъ смыслѣ слова, государственный человѣкъ.

Онъ, несомнѣнно, представилъ бы собой крупное явленіе въ любую эпоху нашей исторіи, а среди современныхъ намъ развинченныхъ, надорванныхъ характеровъ онъ возвышался истиннымъ гигантомъ своею *ясною мыслью*, *глубокимъ умомъ*, *желѣзною волей* и *золотымъ сердцемъ*.

Счастливое, гармоническое сочетаніе этихъ, столь рѣдкихъ самихъ по себѣ, качествъ въ одномъ человѣкѣ дѣлало его въ высшей степени обаятельнымъ для всѣхъ, кто приближался къ нему, хотя и для простой съ нимъ бесѣды, не говоря уже о тѣхъ, кто находился въ постоянныхъ съ нимъ сношеніяхъ, имѣя такимъ образомъ полную возможность близко изучить и по достоинству оцѣнить всѣ различныя стороны его цѣльной, вполнѣ уравновѣшенной, индивидуальности.

Ясность мышленія была его первымъ, тотчасъ же бросавшимся въ глаза, качествомъ, отличавшимъ его въ особенности въ высшихъ петербургскихъ сферахъ отъ всей этой массы изящно-говорящихъ и смутно мыслящихъ, поверхностно-любезныхъ людей, которые сперва чаруютъ и затѣмъ разочаровываютъ всѣхъ насъ, русскихъ „провинціаловъ“, въ особенности москвичей. Можно съ увѣренностью сказать, что никто никогда такого разочарованія въ Вячеславѣ Константиновичѣ не испытывалъ. Въ немъ тотчасъ же сказывался солидно-образованный питомецъ Московскаго Университета, глубокій умъ котораго прошелъ строгую логическую дисциплину и привыкъ не скользить надъ представляющимися ему вопросами и задачами, а подвергать ихъ серіозному аналитическому изученію. Онъ умѣлъ внимательно слушать своего собесѣдника, а потому и вполнѣ его понимать; онъ умѣлъ излагать свои собственныя мысли съ такою категорическою ясностью, что собесѣдникъ, въ свою очередь, вполнѣ понималъ его мысли, желанія или совѣты и разставался съ нимъ съ чувствомъ полнаго удовлетворенія. Всѣ подчиненные покойнаго министра всегда въ точности знали, чего онъ отъ нихъ требовалъ, а потому легко и охотно исполняли эти требованія.

— Вы не повѣрите, говорилъ намъ одинъ изъ старыхъ губернаторовъ,—какое блаженство служить при такомъ министрѣ, съ которымъ ни-

какихъ недоразумѣній у меня быть не можетъ, такъ какъ я въ точности знаю, чего онъ отъ меня ждетъ, а онъ, въ свою очередь, отдастъ себѣ совершенно ясный отчетъ въ томъ, чего я жду отъ него.

А другой, непосредственно подчиненный Вячеславу Константиновичу, администраторъ выразился о своихъ дѣловыхъ, служебныхъ бесѣдахъ съ нимъ въ такихъ словахъ:

— Каждая изъ этихъ бесѣдъ является для меня практическою лекціей государственной философіи. Слушаешь, и не знаешь, чему болѣе дивиться, громадному ли всеобъемлющему политическому опыту „профессора", глубинѣ ли его мыслей или ясности ихъ изложенія. И никогда ни одной пустой фразы, ни малѣйшаго риторическаго эффекта! Я помню еще Валуева: того можно было заслушаться, такъ красиво онъ говорилъ, а какъ очнешься, такъ и не вспомнишь, что онъ собственно хотѣлъ сказать. У Вячеслава Константиновича совсѣмъ не то: его рѣчь васъ не очаровываетъ какою-либо блестящею красотой: зато она васъ просвѣщаетъ, научаетъ и оставляетъ такое неизгладимое впечатлѣніе, что вы затѣмъ до конца жизни будете помнить каждое ея мѣткое, глубоко-продуманное слово. Ахъ, какой онъ умница!

Да, его дѣйствительно можно было назвать *„умницей"*. Онъ быстро распознавалъ и схватывалъ сущность самыхъ сложныхъ явленій, тотчасъ же находилъ вѣрное рѣшеніе трудныхъ, запутанныхъ задачъ, проявляя при этомъ такую живую инициативу и такіе оригинальные пріемы, что онъ ими иной разъ озадачивалъ людей, привыкшихъ къ болѣе шаблонной рутинѣ въ своей государственной дѣятельности. Но это не были пріемы какого-нибудь „геніальнаго дилеттантизма", для котораго не существуетъ никакихъ, ни юридическихъ, ни логическихъ, законовъ, и который старается *épater le bourgeois* широкими размахами своего необузданнаго фантастическаго произвола. Съ другой стороны, это не были пріемы хитроумнаго кляузничества и коварнаго крючкотворства, исходящіе изъ тонкаго, ехиднаго инквизиторскаго ума, всегда готоваго совершить величайшія беззаконія „на законномъ основаніи": нѣтъ, это были пріемы столь же легальные, сколько и лояльные, ибо одна изъ драгоцѣнныхъ характерныхъ чертъ В. К. Плеве была его благодарная откровенность. Онъ имѣлъ, какъ выражаются французы, „мужество своихъ мнѣній" и всегда ихъ прямо высказывалъ: какъ это дѣлаютъ люди со здравымъ умомъ, съ цѣльнымъ характеромъ. Даннаго имъ слова онъ никогда не измѣнялъ и не нарушалъ: это твердо знали какъ его друзья, такъ и его враги, всегда ясно понимавшіе *à quoi s'en tenir*. Но если онъ не стѣснялся всѣмъ въ глаза говорить правду, то, въ свою очередь, и онъ умѣлъ выслушивать ту правду, которую ему говорили въ глаза, если даже она, повидимому, должна была ему и не нравиться. На самомъ же дѣлѣ онъ, какъ умный человѣкъ, выше всего ставилъ полную, искреннюю правду и, выслушавъ ее, всегда былъ за нее благодаренъ.

Но зато всякую ложь онъ глубоко ненавидѣлъ и боролся съ нею съ той *желѣзною энергіей*, на которую мы указали какъ на третье его выдаю-

щееся качество. Онъ не могъ мириться ни съ фальшью, ни съ обманомъ, а такъ какъ вся наша либерально-революціонная пропаганда всецѣло зиждется на подлой лжи и безсовѣстномъ обманѣ, распространяемыхъ и въ народѣ, и въ обществѣ, и въ школѣ, и въ печати, прибѣгая вмѣстѣ съ тѣмъ къ самымъ гнуснымъ подпольнымъ средствамъ, то весьма понятно, что честная, благородная душа В. К. Плеве должна была возмущаться этою пропагандой и объявить ей безпощадную войну. Непоколебимая твердость его воли проявлялась, однако, не въ одной только этой борьбѣ. Ее чувствовали и цѣнили всѣ его подчиненные, которыхъ она постоянно побуждала къ неуклонному, беззавѣтному исполненію своего долга и къ тому неустанному труду, которому онъ самъ подавалъ примѣръ своею неутомимою, всегда ровною, бодрою и плодотворною дѣятельностью. Каждую мѣру, которую онъ признавалъ полезною, онъ приводилъ въ исполненіе съ систематическою послѣдовательностію, какія бы препятствія онъ ни встрѣчалъ на своемъ пути; всѣ намѣченныя имъ обширныя реформы онъ, безо всякаго сомнѣнія, привелъ бы къ успѣшному завершенію, если бъ ему не было суждено столь преждевременно разстаться съ жизнью и съ тѣмъ служеніемъ Родинѣ, которому эта жизнь всецѣло была посвящена.

Но было бы ошибочно отождествлять его твердую волю и систематическую настойчивость съ какимъ-либо слѣпымъ упрямствомъ. Люди съ глубокимъ, яснымъ умомъ никогда упрямыми не бываютъ, то-есть никогда не настаиваютъ на своемъ мнѣніи, коль скоро ихъ убѣдятъ въ его неосновательности. Къ тому же, какъ мы сказали, Вячеславъ Константиновичъ обладалъ еще однимъ качествомъ, которое совершенно исключаетъ сухое, узкое упрямство. Мы говоримъ объ его по-истинѣ *золотомъ сердцѣ*, которое такъ высоко цѣнили всѣ близко знавшіе его люди. Никто не умѣлъ такъ входить въ чужое положеніе, такъ вникать въ чужую нужду, какъ этотъ „грозный Олимпіецъ“. Богатый жизненный опытъ и природная доброта дѣлали его душу доступною самымъ искреннимъ, горячимъ побужденіямъ, и мы лично знаемъ много примѣровъ, когда покойный министръ являлся истиннымъ христіаниномъ не только по вѣрѣ, но и по дѣламъ. Сдѣлать кому-либо добро было великою для него радостью, и онъ неоднократно говорилъ, что его высокое положеніе имѣетъ для него лишь одну привлекательную сторону — большую возможность дѣлать добро. Эта его доброта удивительно сочеталась и съ его открытымъ, благороднымъ характеромъ, и съ его твердою волей, и съ глубокимъ яснымъ умомъ, такъ что всѣ эти качества взаимно другъ-друга дополняли, вызывая ту спокойную, гармоническую уравновѣшенность, которая и составляла основную характерную черту въ его государственной дѣятельности.

Много еще увидитъ Россія Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ, которые будутъ отличаться тѣми или другими достоинствами, но едва ли многіе изъ нихъ будутъ обладать тѣмъ рѣдкимъ сочетаніемъ качествъ, которое составляло индивидуальную особенность нашего незабвеннаго Вячеслава Константиновича, и въ этомъ отношеніи мы понесли въ немъ, дѣйствительно, незамѣнимую утрату...

XXIX.

„Кабинетный" вопросъ.

Тотчасъ послѣ трагической кончины В. К. Плеве, въ Петербургѣ ловкою рукою былъ пущенъ, въ видѣ пробнаго шара, вопросъ о настоятельной, будто бы, необходимости преобразовать высшее управленіе Россіи по западно-европейскому образцу, придавъ ему форму „министерскаго кабинета", во главѣ котораго стоялъ бы всемогущій „премьеръ".

Этотъ „премьеръ", видите ли, имѣлъ бы задачу объединять разрозненныя цѣли въ своей программѣ вѣдомства, давая имъ одно общее направленіе и устраняя тѣ взаимныя пренія и столкновенія, которыя тормозятъ ихъ дѣятельность къ великому вреду для всего государства.

Цѣль эта, несомнѣнно, прекрасна, и для людей близорукихъ подобная реформа другой цѣли и имѣть не можетъ.

А на самомъ дѣлѣ это не такъ. Разсмотримъ вопросъ поближе.

Если *de jure* у насъ въ Россіи никогда „первыхъ министровъ" не было, то *de facto* они неоднократно появлялись въ видѣ всевластныхъ временщиковъ, „объединявшихъ" все управленіе Россіи до такой степени, что сводили къ нулю не только всѣхъ министровъ, но и самого Монарха. Намъ нечего называть ихъ имена, они всѣмъ извѣстны, точно такъ же, какъ всѣмъ извѣстно и ихъ пагубное вліяніе на внутреннюю жизнь Россіи; это вліяніе далеко превосходитъ тотъ вредъ, который Россія несомнѣнно нынѣ терпитъ отъ несогласованности отдѣльныхъ вѣдомствъ.

Появленіе такихъ „премьеровъ" въ наше смутное и тревожное время было бы болѣе опаснымъ, чѣмъ когда-либо, такъ какъ въ прежнія эпохи Русской исторіи временщики упрочивали свою власть во всякомъ случаѣ не на демагогіи; при современныхъ же намъ обстоятельствахъ, могущественное положеніе „премьера" было бы немыслимо безъ заигрыванія со злѣйшими врагами Россіи, какъ мы это уже видѣли въ печальной памяти „диктатурѣ сердца" графа Лорисъ-Меликова, готовившагося даже, въ угоду нашимъ революціонерамъ, ввергнуть Россію въ омутъ государственнаго переворота. А въ настоящее время „премьерство" было бы, по необходимости, повтореніемъ той же „диктатуры сердца", съ еще болѣе грозными послѣдствіями.

Мы уже слышимъ готовое возраженіе: „Во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ существуютъ министерскіе кабинеты съ премьерами во главѣ, а между тѣмъ эти премьеры вовсе не являются временщиками: почему они непремѣнно таковыми будутъ у насъ въ Россіи?"

Вотъ нашъ отвѣтъ: въ конституціонныхъ государствахъ всѣ министры, въ томъ числѣ и „первые" министры, являются представителями тѣхъ или другихъ политическихъ партій, непрестанно борющихся изъ-за правительственной власти. Въ этой борьбѣ одерживаетъ верхъ то одна, то другая партія, которая и захватываетъ въ свои руки министерскіе посты, замѣщая ихъ „своими" людьми, служащими

не интересамъ государства, а интересамъ своей партіи. Отъ этого, несомнѣнно, страдаетъ вся государственная жизнь страны, такъ какъ въ ней нѣтъ никакой послѣдовательности въ политикѣ, и каждый новый кабинетъ совершаетъ цѣлый переворотъ въ личномъ составѣ администраціи, при чемъ хорошіе администраторы зачастую уступаютъ мѣсто плохимъ только потому, что послѣдніе принадлежатъ къ партіи, очутившейся въ данный моментъ у кормила правленія. При такихъ условіяхъ, министерскіе кабинеты имѣютъ значеніе какихъ-то эфемерныхъ группъ, а „премьеры“ ихъ являются покорными слугами парламентскаго большинства, помышляя лишь о томъ, чтобы сорвать съ него въ критическія минуты какой-нибудь „вотумъ довѣрія“, дающій имъ возможность еще нѣкоторое время засѣдать за казенною трапезой вокругъ государственнаго пирога. Не имѣя возможности безусловно разсчитывать на поддержку ни главы государства, ни парламента, конституціонные „премьеры“, очевидно, во временщиковъ или диктаторовъ обратиться не могутъ. Такія исключенія, какъ Бисмаркъ, стоящій выше Рейхстага и даже выше императора, только подтверждаютъ правило.

Совсѣмъ не то у насъ въ Россіи. Наши министры выбираются и назначаются не своекорыстными интригами парламентскихъ партій, а личнымъ довѣріемъ Государя Императора. Они дѣйствуютъ подъ личнымъ Его руководствомъ не въ интересахъ той или другой партіи, а въ интересахъ всего государства. Они сходятъ каждый со своего поста лишь въ томъ случаѣ, если это найдетъ нужнымъ Государь, а не вслѣдствіе случайнаго результата парламентской лотереи. Вотъ почему у насъ бываютъ министры, остающіеся долгіе годы на своемъ посту, и другіе, занимающіе ихъ сравнительно лишь короткое время, въ зависимости отъ личнаго довѣрія Государя, которымъ они, по своимъ заслугамъ, имѣютъ счастіе пользоваться.

Такое положеніе вещей вполнѣ соотвѣтствуетъ какъ правовому порядку нашего Государства, облекающему Императора Всероссійскаго всею неограниченною полнотой Верховной Власти, такъ и глубоко-религіозному представленію Русскаго народа, видящаго въ своемъ Царѣ—Помазанникѣ Божіи, единаго Хозяина Земли Русской, а въ русскихъ министрахъ—покорныхъ слугъ своего Государя, осуществляющихъ не свою, а Его политику на благо всей Россіи. Такое положеніе вещей обезпечиваетъ и личное, непосредственное, живое общеніе между Государемъ и каждымъ министромъ, и даетъ Государю возможность лично контролировать дѣятельность каждаго министра съ точки зрѣнія его товарищей, имѣющихъ также постоянное непосредственное общеніе съ Государемъ. При такихъ условіяхъ исключается возможность преобладающаго, безконтрольнаго вліянія одного какого-нибудь министра, то-есть возможность появленія такого временщика, который парализовалъ бы своимъ исключительнымъ вліяніемъ плодотворную дѣятельность всѣхъ остальныхъ своихъ товарищей.

А это послѣднее обстоятельство и явилось бы результатомъ образованія у насъ „однороднаго кабинета“ съ „премьеромъ“ во главѣ, который сталъ бы между Государемъ и остальными министрами, превративъ послѣднихъ въ покорныхъ себѣ слугъ, назначеніе, дѣятельность и судьба

которыхъ зависѣла бы отъ личнаго усмотрѣнія уже не Государя, а самого „премьера“. Такіе министры, конечно, никогда не дерзнули бы критиковать дѣйствія своего „премьера“, который, поэтому, развернулъ бы свое властолюбіе со всею смѣлостью безконтрольнаго могущества. При этомъ, какъ мы уже сказали выше, онъ самыми обстоятельствами былъ бы вынужденъ, для сохраненія своего поста, опираться на нашихъ демагоговъ, дѣлая имъ опасныя, роковыя для государства, уступки, дабы этимъ терроризовать высшія правительственныя сферы и доказать, что онъ, „премьеръ“, является *l'homme providentiel*, безъ котораго погибнетъ вся Россія.

Нѣтъ, Россія ни въ „кабинетѣ“, ни въ „премьерѣ“ не нуждается. Въ Россіи можетъ быть только одинъ „премьеръ“, объединяющій всю ея государственную жизнь, и имъ можетъ быть только Государь. Никому Онъ Своихъ Верховныхъ Правъ не передовѣряетъ, никакого „вице-императора“ рядомъ съ Собою не назначаетъ. Онъ Самъ лично руководитъ всею дѣятельностью каждаго изъ Своихъ министровъ и знакомится такимъ образомъ непосредственно съ нуждами государственной жизни во всѣхъ ихъ животрепещущихъ подробностяхъ. По Своему усмотрѣнію Онъ созываетъ Своихъ министровъ и на общія совѣщанія подъ личнымъ Его предсѣдательствомъ, съ тѣмъ именно, чтобъ объединить ихъ дѣятельность, чтобы выслушать ихъ взаимную критику и произнести въ спорныхъ вопросахъ Свое рѣшающее слово. Если Государь найдетъ нужнымъ, Онъ можетъ превратить подобныя совѣщанія и въ постоянное, періодически-функціонирующее учрежденіе, и тогда дѣятельность отдѣльныхъ министровъ окажется еще болѣе объединенною, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она останется вполнѣ извѣстною и удобоконтролируемою для Самого Государя, такъ какъ никакой „премьеръ“ не будетъ укрывать ее отъ Государя своимъ исключительнымъ вліяніемъ.

Столь быстро появившійся въ Петербургѣ пробный шаръ о „кабинетѣ“ и „премьерѣ“ столь же быстро и лопнулъ. Если мы остановились на этомъ вопросѣ, то лишь для того, чтобъ указать на истинную цѣль его возникновенія.

XXX.

Надежда Россіи.

Изъ мрачной грозовой тучи, нависшей надъ Россіей, блеснулъ яркій солнечный лучъ, озарившій свѣтлою, ликующею радостью Августѣйшую Семью Русскаго Царя и весь народъ Русскій: родился давно-желанный, давно-жданный Наслѣдникъ Русскаго Императорскаго Престола!

Являясь живыми свидѣтелями этого великаго историческаго событія, мы передадимъ потомкамъ нашимъ тѣ чувства духовнаго восторга, которыя мы испытали при первомъ о немъ извѣстіи.

Мы радуемся этому событію прежде всего потому, что оно, несомнѣнно, исполнило радостью сердца возлюбленныхъ нашихъ Царя и Царицы, увидавшихъ въ немъ осуществленіе Своихъ желаній, по святымъ молитвамъ

Своимъ, возвышеннымъ съ чистою вѣрой къ Престолу Всевышняго. А если радость Русскихъ Царей всегда отражается радостью же въ сердцахъ Ихъ народа, то въ настоящее время народъ вдвойнѣ радуется, видя озарившую Царя милость Божію: онъ служитъ благимъ утѣшеніемъ Отцу великой Русской семьи въ переживаемыя ею столь тяжкія времена, когда внѣшніе и внутренніе враги Россіи ополчились на нее съ фанатическою злобой и смѣлою увѣренностью въ успѣхъ своихъ адскихъ замысловъ.

Среди этого сгустившагося мрака гражданской и военной непогоды явился намъ Ангелъ съ небесъ, Высокоповорожденный невинный Младенецъ, и возсіялъ яркимъ свѣтомъ надежды, предъ которою исчезли всѣ сомнѣнія и тревоги, уступивъ мѣсто духовной бодрости и глубокой увѣренности въ неминуемомъ торжествѣ Русскаго праваго дѣла.

Отнынѣ взоры всей Россіи будутъ прикованы къ колыбели, въ которой безмятежно покоится Первородный Сынъ Русскаго Царя, Наслѣдникъ Русскаго Престола, Надежда Русскаго народа. Съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ будемъ мы слѣдить за постепеннымъ воспитаніемъ Царственнаго Младенца, Отрока, Юноши, до той поры, когда Царемъ Царствующихъ Онъ будетъ призванъ на великую чреду Верховнаго Вождя и Правителя Россіи.

Многаго отъ Него будетъ ждать Русскій народъ, но и Онъ будетъ въ правѣ многаго ожидать отъ Своего народа.

Мы, прежде всего, должны сохранить Ему все достояніе Его Вѣнценосныхъ Предковъ въ полномъ его духовномъ и матеріальномъ составѣ: глубокую Православную Вѣру Русскаго народа, беззавѣтную его преданность Самодержавному Престолу, непорочную славу Русскаго имени, цѣлость и единство Государства Россійскаго въ настоящихъ его предѣлахъ, со включеніемъ тѣхъ областей, которыми Россія обогатится въ правленіе нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

А сохранить неприкосновенность всѣхъ этихъ нашихъ сокровищъ мы можемъ лишь въ томъ случаѣ, если и сами будемъ строго соблюдать завѣты Русской государственности, и дѣтей своихъ будемъ воспитывать въ строгомъ соблюденіи этихъ завѣтовъ.

Но то и другое въ настоящее время немыслимо безъ упорной борьбы. Намъ приходится не только отражать натискъ враговъ на стѣны той Русской твердыни, въ которой мы находимся, но и вытѣснять ихъ изъ этой твердыни, въ которую они сумѣли пробраться вслѣдствіе своей змѣиной хитрости и коварнаго предательства многихъ измѣнниковъ изъ нашей же среды.

Въ наши семьи входятъ, въ качествѣ учителей и воспитателей, молодые люди обоего пола съ атеистическою и анархическою проповѣдью на устахъ, а если намъ удалось оградить своихъ дѣтей отъ этого умственнаго разврата и мы отдаемъ ихъ въ правительственныя школы, то тамъ ихъ ждетъ тотъ же развратъ въ еще болѣе обаятельной и авторитетной личинѣ лже-науки, посредствомъ которой правительственные профессора готовятъ своихъ довѣрчивыхъ слушателей не къ трудовой, гражданской жизни и не къ плодотворной, серіозной научной дѣятельности, а къ анар-

хическому бунту, къ гнуснымъ преступленіямъ и къ тяжкимъ уголовнымъ карамъ. Какъ же намъ не возстать на защиту нашихъ дѣтей противъ этихъ развратителей, ведущихъ свое преступное дѣло съ систематическою послѣдовательностью въ союзѣ съ „легальною“ и „подпольною“ печатью, которая, каждая по-своему, стремится все къ одной и той же цѣли—къ разрушенію религіозныхъ, нравственныхъ и государственныхъ основъ Россіи?

Если мы не дадимъ рѣшительнаго и окончательнаго отпора этимъ злѣйшимъ врагамъ Русскаго народа, то что же останется отъ Россіи черезъ четверть вѣка, когда родившійся нынѣ Наслѣдникъ Всероссійскаго Престола потребуетъ насъ къ отвѣту, въ виду приближенія того времени, когда Ему, по волѣ Божьяго промысла, будетъ предстоять вступленіе на этотъ Престолъ? Вѣдь если исполнятся вожделѣнія тѣхъ людей, которые завладѣли и нашею школой, и нашею печатью и съ такимъ обдуманнымъ постоянствомъ активно и пассивно содѣйствуютъ и анархическому „террору“, и окраинному обособленію, и разграбленію Россіи иностранцами, и униженію національной чести и славы Россіи предъ иноземною, даже азіатскою, заносчивостью, — *если*, говоримъ мы, *враги Россіи достигнутъ своей цѣли*,—то легко себѣ представить, сколько въ этотъ періодъ времени убудетъ и духовной, и матеріальной силы у Россіи, которая, обобранная со всѣхъ сторонъ, недостойна будетъ далѣе носить это великое имя и обратится въ какую-нибудь жалкую анархическую „Московію“.

Но они этой цѣли не достигнутъ.

Мы теперь же, не покладая рукъ, не щадя ни силъ, ни жизни своей, должны вступить съ ними въ борьбу, защищая грудью драгоцѣннѣйшее свое достояніе и давая съ бодрою энергіей и непоколебимою твердостью рѣшительный отпоръ всякому ихъ поползновенію нанести тѣмъ или инымъ путемъ духовный или матеріальный вредъ Россіи.

Мы, однако, можемъ разсчитывать на полный успѣхъ въ этой борьбѣ лишь въ томъ случаѣ, если во главѣ борцовъ за славу и единство Россіи будетъ находиться само Правительство, т.-е. тѣ „первые слуги“ Царя, которые стоятъ у подножія Императорскаго Престола съ тѣмъ, чтобы вѣрно и точно исполнять Царскую Волю и подавать намъ примѣръ самоотверженнаго служенія своему Монарху съ оставленіемъ въ сторонѣ всѣхъ личныхъ интересовъ и съ единственною заботой объ истинномъ благѣ Россіи.

При этомъ условіи мы можемъ быть покойны: надежда Россіи сбудется, и по мѣрѣ того, какъ Высоконоворожденный Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ будетъ, съ помощью Божіей, расти и развиваться на радость Своихъ Державныхъ Родителей и всего Русскаго народа,—предъ Его очами будетъ быстро расти и могуче развиваться сила Россіи...

Сколько радостныхъ упованій соединяется съ однимъ этимъ именемъ *Алексѣй*, коимъ нареченъ Наслѣдникъ Всероссійскаго Престола! Не напоминаетъ ли это имя Тишайшаго Царя и Его мудрое правленіе среди святынь Московской старины? Какъ много для Русскаго сердца слилось въ этомъ дорогомъ имени! И въ глубинѣ этого сердца уже шевелится и дру-

гая надежда: не знаменуется ли этимъ именемъ болѣе яркое призваніе Первопрестольной Москвы, съ ея истинно-русскими завѣтами, въ грядущей жизни Россійской Имперіи?..

XXXI.

За что убили Плеве?

Вотъ уже идетъ четвертая недѣля послѣ трагической кончины В. К. Плеве, а газетные толки о его дѣятельности все еще не прекращаются.

Оно и понятно: В. К. Плеве былъ крупный, многосторонній и многодѣятельный государственный человѣкъ, а потому его политическая личность можетъ служить неисчерпаемою темой для газетной критики и полемики.

Но есть и еще чрезвычайно существенная причина, возбуждающая и эту критику, и эту полемику.

В. К. Плеве занималъ постъ министра Внутреннихъ Дѣлъ всего два года и три мѣсяца, изъ коихъ первый годъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ посвященъ сосредоточенному ознакомленію съ текущими дѣлами и личнымъ составомъ всего обширнаго, подчиненнаго ему, вѣдомства, ознакомленію съ внутреннимъ положеніемъ Россіи, съ ея сильными, здоровыми сторонами, съ ея временными и органическими недугами и съ разнородными причинами, вызывающими эти недуги. Лишь внимательно и серіозно осмотрѣвшись во всѣхъ этихъ столь сложныхъ вопросахъ и основательно ихъ изучивъ, В. К. Плеве могъ приступить, начиная со второго года своего министерства, къ составленію обширной программы своей будущей политики и къ первымъ шагамъ ея осуществленія.

Такимъ образомъ его государственная дѣятельность продолжалась всего какіе-нибудь полтора года, когда она внезапно была прервана катастрофой 15 іюля.

Представьте себѣ, что Бисмаркъ палъ бы жертвой убійства, произведеннаго Карломъ Блиндомъ 7 мая 1866 года, и что журналисты въ то время начали бы тотчасъ же обсуждать государственную дѣятельность будущаго канцлера Германской имперіи. Легко можно себѣ вообразить, какъ ошибочны были бы эти сужденія, такъ какъ активная дѣятельность Бисмарка, какъ прусскаго министра, тоже считала въ то время за собой лишь какіе-нибудь два года.

Мы вовсе и не думаемъ приравнивать покойнаго министра Внутреннихъ Дѣлъ къ „желѣзному канцлеру“, какимъ мы его знали въ полномъ расцвѣтѣ его генія, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія. Но мы утверждаемъ, что Бисмаркъ въ началѣ 1866 года еще немногимъ превосходилъ Плеве 1904 года, представляясь своимъ современникамъ тоже какимъ-то „непонятымъ сфинксомъ“, и еслибы онъ въ то время умеръ, то судъ, произнесенный надъ нимъ журналистами, былъ бы совершенно таковъ же, какъ и судъ, произносимый ими надъ В. К. Плеве: Бисмаркъ де только всѣхъ взбудоражилъ, никого не удовлетворилъ, и никто де о его смерти не пожалѣетъ. И это о человѣкѣ, котораго черезъ пять лѣтъ вся Германія уже боготворила!

Если бы Бисмарка въ началѣ 1866 года спросили, каковы всѣ подробности его государственной программы, онъ ихъ, конечно, никому, за исключеніемъ своего короля, не сказалъ бы, не только потому, что великіе люди вообще болтливостью не отличаются, но и потому, что всякій здравомыслящій государственный человѣкъ не связываетъ своей дѣятельности подробными программами, а творитъ свободно, какъ художникъ, сообразуясь въ своемъ вдохновеніи со всевозможными внѣшними и внутренними обстоятельствами, неуклонно стремясь лишь въ главной, основной своей цѣли.

Вы входите въ мастерскую живописца; онъ только-что началъ громадную картину, надъ которою будетъ работать 5, 6 лѣтъ.

Нѣкоторыя части его громаднаго холста лишь загрунтованы, на другихъ уже видится легкая подмалевка, на третьихъ вырисовываются въ самыхъ общихъ чертахъ фигурные эскизы, а кое-гдѣ видѣлся уже почти законченныя частицы.

И вотъ вы, „дилеттантъ“ (ибо серіозный критикъ воздержится въ данномъ случаѣ отъ всякаго сужденія), набрасываетесь на эти готовыя частицы, находите въ нихъ, по вашему мнѣнію, ошибки и, на основаніи этихъ ошибокъ, вы осуждаете и всю картину, и самого художника. А почему вы знаете, сохранились ли бы эти ошибки черезъ 6 лѣтъ во вполнѣ оконченной картинѣ? Онѣ легко, можетъ-быть, совершенно исчезли бы, еслибъ это нашло нужнымъ вдохновеніе самого художника, или же онѣ получили бы иной характеръ въ общей гармоніи всего художественнаго творенія, рисующагося лишь въ воображеніи художника, но совершенно невиднаго постороннему глазу.

Вотъ почему художники такихъ неоконченныхъ картинъ никому и не показываютъ, являясь на судъ, какъ публики, такъ и критики, лишь со вполнѣ законченными произведеніями.

Въ иномъ положеніи находится государственный дѣятель. Онъ можетъ оставлять при себѣ лишь свои предположенія, но какъ только онъ приступаетъ къ ихъ осуществленію, онъ немедленно становится жертвой критики своихъ товарищей, своихъ подчиненныхъ, всей печати и всего общества, какъ мы это видѣли на примѣрѣ того же Бисмарка.

При такихъ условіяхъ государственный реформаторъ можетъ успѣшно закончить свое твореніе лишь при двухъ условіяхъ: *во-первыхъ*, при желѣзной энергіи, которая дастъ ему возможность, пользуясь довѣріемъ своего Государя, не сбиваться съ пути криками окружающей его слѣпой и завистливой толпы: и, *во-вторыхъ*, при достаточномъ времени, дающемъ ему возможность полнаго достиженія намѣченной имъ цѣли.

Этимъ вторымъ условіемъ В. К. Плеве не обладалъ, но въ этомъ не его вина, а вина его убійцъ.

И вотъ снова встаетъ предъ нами вопросъ: кто его убійцы? За что они его убили?

Мы говоримъ не о тѣхъ его убійцахъ, которые непосредственно организовали динамитную катастрофу 15 іюля. Они столь же виновны въ ней, какъ и итальянскіе *bravi*, совершавшіе кровавыя преступленія по указанію тѣхъ лицъ, интересамъ которыхъ соотвѣтствовала внезапная смерть

того или другого лица. Is fecit, cui prodest, преступленіе совершилъ тотъ, кому оно выгодно, — гласитъ мудрое юридическое правило, и въ этомъ смыслѣ Вячеслава Константиновича Плеве убили всѣ тѣ, кто теперь съ большею или меньшею откровенностью радуется этому убійству, всѣ тѣ, кто при жизни боролись съ нимъ, выставляя его какимъ-то „деспотомъ“ или „врагомъ“ Россіи.

Послѣ „подпольной“ Россіи всего больше его убійству, несомнѣнно, радуется та спеціальная „земская“ Россія, къ которой принадлежатъ отнюдь не всѣ наши земскіе дѣятели, а лишь та антиправительственная земская клика, которая группируется вокругъ Д. Н. Шипова, прислушиваясь къ указаніямъ бѣглаго марксиста Петра Струве.

Мы констатировали этотъ несомнѣнный фактъ тотчасъ послѣ катастрофы 15 іюля въ статьѣ „Кому нужна смерть В. К. Плеве“ *), въ которой указывали на тѣхъ земскихъ дѣятелей, которые, пріютивъ у себя пресловутый „третій элементъ“, находились чрезъ него въ связи съ харьковскими и полтавскими безпорядками, ведя вмѣстѣ съ тѣмъ открытую пропаганду противъ Правительства, во главѣ котораго стоялъ В. К. Плеве.

Одна изъ петербургскихъ газетъ сочла нужнымъ заступиться за „чаянія и стремленія либеральныхъ группъ русскаго общества“, которыя де мы желаемъ „скомпрометтировать“, устанавливая „связь земскихъ дѣятелей съ аграрными безпорядками“:

„Утвержденіе это,—говоритъ петербургскій журналистъ, - нелѣпо уже a priori, потому что сравнительно крупнымъ землевладѣльцамъ, какими въ большинствѣ являются земскіе дѣятели, никоимъ родомъ не могутъ нравиться ни аграрные безпорядки, ни мечты о „„черныхъ передѣлахъ““ **).

Петербургская газета намѣренно игнорируетъ „земскихъ дѣятелей“, которые не только не являются крупными землевладѣльцами, но у которыхъ положительно нѣтъ ни кола, ни двора, и которые, присосавшись къ нашимъ земствамъ, съ *ихъ полнаго согласія*, стремятся и къ аграрнымъ безпорядкамъ, и къ черному передѣлу.

А затѣмъ тѣсную связь между земскою борьбой противъ В. К. Плеве и убійствомъ 15 іюля открыто констатируетъ главный вождь этой борьбы, Петръ Струве, который, въ офиціальномъ заграничномъ органѣ нашихъ земцевъ Шиповскаго толка, говоритъ слѣдующее:

„Въ 1904 году Плеве выгналъ изъ Тверской губерніи лучшихъ земскихъ людей и не захотѣлъ даже слушать и терпѣть главу московскаго земства Д. Н. Шипова. *Тотъ, кто не желалъ слушать самаго спокойнаго голоса даже самыхъ умѣренныхъ земскихъ людей и не хотѣлъ терпѣть съ ихъ стороны никакой, даже самой скромной, самостоятельности,*—тотъ, очевидно, фатально шелъ подъ... бомбы“ ***).

Такъ говоритъ Петръ Струве, а въ этой области онъ вполнѣ компетентенъ. Благодаря ему, мы дѣйствительно знаемъ, *кто* убилъ Плеве.

Впрочемъ, Струве съ полною откровенностью признается, что руководимое имъ земство стремится не къ какой-либо мѣстной хозяйственной дѣятельности, а къ водворенію *конституціи* въ Россіи, для чего де осо-

*) См. № 207 *Моск. Вѣд.* 1904 г.
**) См. № 228 *Руси.*
***) *Освобожденіе* № 52, стр. 36.

бенно удобно переживаемое нами тяжелое военное время, когда можно съ внутренней стороны напасть на Русское Правительство съ такою же энергіей, съ какою со внѣшней стороны на него нападаютъ японцы.

Этимъ подпольнымъ совѣтомъ руководствуется, очевидно, и петербургскій либеральный журналъ *Право*, который, по поводу смерти В. К. Плеве и возникшихъ толковъ о мнимой необходимости образовать „кабинетъ министровъ“ для объединенія вѣдомственной дѣятельности,—доказываетъ, что для „полной согласованности“ этой дѣятельности необходимо „осуществленіе задуманной въ шестидесятыхъ годахъ программы въ ея полномъ видѣ“.

„Реформы шестидесятыхъ годовъ“, видите ли, „задуманы были по весьма широкой и полной программѣ, но, благодаря польскому возстанію, Правительство остановилось, программа была прервана“, какъ это де видно изъ словъ, сказанныхъ Императоромъ Александромъ II, заявившимъ будто бы, „что Онъ готовъ подписать какую угодно конституцію (?!), *но боится, что это приведетъ Россію къ распаденію на куски*“).

Мы такимъ образомъ видимъ, что наши конституціоналисты спѣшатъ воспользоваться временнымъ отсутствіемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы открыто требовать конституціи, несмотря на то, что они отлично знаютъ, что *конституція дѣйствительно привела бы Россію къ полному расчлененію.*

Эту элементарную истину прекрасно зналъ и В. К. Плеве. Вотъ почему наши конституціоналисты имѣли въ немъ такого убѣжденнаго противника. Вотъ за что́ они его и убили.

XXXII.

Къ вопросу объ „общеземскихъ“ агитаціяхъ.

Отмѣна тѣлесныхъ наказаній, примѣнявшихся еще доселѣ волостными судами, провозглашенная Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ 11 августа, встрѣчена всею Россіей какъ самостоятельный актъ Высочайшей Воли, вызванный любвеобильнымъ движеніемъ Царскаго сердца и примѣромъ такихъ же гуманныхъ мѣръ, принятыхъ прежде царствовавшими Державными Вождями Россіи, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ и слова самаго Манифеста:

„Издавна принятыя въ нашемъ законодательствѣ наказанія этого рода постепенно, изволеніемъ Державныхъ Нашихъ Предшественниковъ, исключены были изъ числа общихъ карательныхъ мѣръ“.

Не такъ, однако, посмотрѣли на это дѣло наши либеральные „общеземцы“. Инициативу провозглашенной Высочайшею Волей мѣры они, во что бы то ни стало, хотятъ приписать исключительно только себѣ. Имъ желалось бы доказать, что если бы наши земства не вели противозаконныхъ агитацій, то Высочайшая Воля не проявила бы Своего любвеобильнаго попеченія о Русскомъ народѣ.

) См. *Право* 1904 г. № 31, стр. 1,563.

Господа эти теперь хвастаются тѣмъ, что они сознательно нарушали законъ, постоянно возбуждая просьбы и ходатайства со стороны земскихъ и городскихъ самоуправленій по вопросу, совершенно не входившему въ ихъ компетенцію. Эти просьбы и ходатайства, конечно, на точномъ основаніи закона, отклонялись Правительствомъ, напоминавшимъ земствамъ о прямыхъ ихъ законныхъ обязанностяхъ. Общеземцы приходили въ уныніе.

„У многихъ опускались руки.

„Стоитъ ли хлопотать, стоитъ ли настаивать; опять отклонено такое-то ходатайство по формальнымъ (читай: „законнымъ") причинамъ, въ сотый разъ читаешь статьи на ту же тему, съ которой всѣ согласны, по тщету которой чувствуешь съ первыхъ же строкъ.

„Нужно было и стоитъ работать, просить и хлопотать: изъ сотенъ и тысячъ просьбъ создалось впечатлѣніе неотложнаго вопроса, выяснилось съ недвусмысленною опредѣленностью общественное о немъ мнѣніе, и мѣра, имѣвшая бы, при другихъ условіяхъ, второстепенное значеніе мѣстной или групповой программы, выросла въ народный идеалъ, удовлетвореніе котораго стало святою и счастливою задачей правительства.

„Такимъ образомъ, одновременно съ реформою мы имѣемъ случай привѣтствовать доказательство пользы, а не тщеты общественной дѣятельности и работы общественной мысли. Случайные измышленія могутъ тонуть въ морѣ проектовъ, на ряду съ бюрократическими предположеніями, но освященные народнымъ сознаніемъ идеалы, выдержавъ испытаніе времени и борьбы, не могутъ не всплыть на поверхность, не могутъ не добиться торжественнаго признанія"*).

Трудно себѣ представить болѣе грубую по своей безтактности выходку, подстрекающую наши земства къ новой, еще болѣе усиленной противозаконной дѣятельности, къ новымъ общеземскимъ ходатайствамъ по общегосударственнымъ вопросамъ, вступая въ борьбу съ Правительственными Властями, дабы „добиться торжественнаго признанія" тѣхъ или другихъ „идеаловъ".

Никакой подобной борьбы въ Самодержавной Россіи быть не можетъ. Законы Россійской Имперіи въ точности опредѣляютъ компетенцію какъ Правительства, такъ и земства. Строгое соблюденіе этихъ законовъ обязательно для всѣхъ, а слѣдовательно и для нашихъ „либераловъ", тѣмъ болѣе, что они сами себя выставляютъ безупречными поборниками законности. А потому всѣ ихъ „общеземскія" агитаціи по общегосударственнымъ вопросамъ вдвойнѣ предосудительны.

Кто же не знаетъ, что всѣ эти агитаціи имѣютъ своею цѣлью сплотить отдѣльныя земства въ одну общую организацію, придать ей, вмѣсто присвоеннаго ей закономъ мирнаго хозяйственнаго характера, противозаконную боевую политическую роль какого-то самозваннаго „народнаго представительства", предъявляющаго Правительству общегосударственныя требованія и вступающаго съ нимъ въ борьбу для того, чтобы добиться исполненія этихъ требованій. Такимъ путемъ „общеземцы" надѣются вызвать въ общественномъ и народномъ мнѣніи совершенно фальшивое представленіе, будто все добро въ государствѣ происходитъ отъ земства, а не отъ Правительства. Представленіе же это наши „либералы" желаютъ укрѣпить въ народномъ сознаніи, какъ основу для дальнѣйшей ихъ направленной противъ Самодержавія дѣятельности.

*) *Новое Время* 1904 г., № 10.218.

Все это всѣмъ хорошо извѣстно, и было бы по меньшей мѣрѣ странно, если бы Правительство игнорировало истинное значеніе всей этой вредной и лживой агитаціи и не принимало мѣръ къ возстановленію истины и къ огражденію законовъ отъ направленной противъ нихъ злоумышленной смуты.

А истина заключается въ томъ, что отмѣна тѣлесныхъ наказаній какъ 11 августа 1904 года, такъ и 17 апрѣля 1863 года, была вполнѣ самостоятельнымъ актомъ Высочайшей Воли Самодержавнаго Государя, внушеннымъ Ему Господомъ Богомъ и постояннымъ Отеческимъ вѣченіемъ Его любвеобильнаго сердца ко „ввѣренной Ему Промысломъ великой семьѣ Русскаго народа".

XXXIII.

Кто будетъ министромъ?

Кто будетъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ?

Таковъ вопросъ, который волновалъ бы нынѣ Россію, если-бъ она не слѣдила съ такимъ трепетнымъ волненіемъ за рѣшеніемъ совершенно иныхъ роковыхъ вопросовъ на Дальнемъ Востокѣ, которые, повидимому, не имѣютъ ничего общаго съ вопросами внутренней политики Россіи.

Но это лишь повидимому: между тѣми и другими вопросами существуетъ тѣсная связь, такая же связь, какая существуетъ между внѣшнимъ физическимъ и внутреннимъ духовнымъ состояніемъ человѣка.

Если бы во внутренней жизни Россіи все обстояло благополучно, мы не переживали бы теперь столь тяжелыхъ дней борьбы, и, наоборотъ, если бъ эта внѣшняя борьба не приняла съ самаго начала такого удручающаго характера, внутреніе враги Россіи не посмѣли бы и думать ни объ „активной", ни о „пассивной" революціонной пропагандѣ.

Война, по всѣмъ видимостямъ, затянется надолго, и нашимъ доблестнымъ войскамъ предстоитъ, вѣроятно, еще не мало тяжкихъ физическихъ и нравственныхъ испытаній, пока имъ, наконецъ, удастся вырвать окончательную побѣду изъ рукъ дерзкаго врага. А потому для Россіи является въ высшей степени важнымъ вопросъ, въ чьихъ рукахъ, по Державной Волѣ Верховнаго Вождя Россіи, будетъ сосредоточена въ предстоящіе долгіе мѣсяцы испытанія вся сила этой борьбы.

Но такіе же мѣсяцы не менѣе тяжелаго испытанія предстоятъ Россіи и во внутренней ея жизни, такъ какъ внутреніе ея враги, какъ вѣрные союзники ея внѣшнихъ враговъ, до тѣхъ поръ не положатъ своего оружія, пока не будутъ разбиты на голову военныя силы японскаго микадо.

Кто же будетъ бороться съ этими внутренними врагами Россіи? Будущій министръ Внутреннихъ Дѣлъ. А такъ какъ для этой борьбы нужна, по меньшей мѣрѣ, такая же непоколебимая твердая воля, какою обладаетъ Куропаткинъ, и такая же пламенная вѣра и безвавѣтная преданность Царю и Россіи, какою одушевленъ Стессель, то весьма понятно, почему всѣ истинно-Русскіе люди съ волненіемъ ожидаютъ рѣшенія вопроса: кого

Державная Воля Русскаго Царя назначитъ на столь важный и отвѣтственный въ настоящее время постъ министра Внутреннихъ Дѣлъ?

Вѣдь во внутренней жизни Россіи борьба идетъ не изъ-за Портъ-Артура или Ляояна, не изъ-за Кореи или Манчжуріи, а изъ-за Самодержавной Власти, изъ-за святости Православной Церкви, изъ-за жизненныхъ интересовъ Русскаго народа,—словомъ, *изъ-за существованія самой Россіи.*

Если-бъ эти три основы Русскаго Государства не подвергались постоянно штурмамъ нашихъ анархистовъ, соціалистовъ и либераловъ (которые, отличаясь другъ отъ друга лишь родомъ своего оружія, подобно артиллеристамъ, пѣхотинцамъ, кавалеристамъ и шпіонамъ, тѣсно соединены между собою общностью своихъ преступныхъ цѣлей), если бы, говоримъ мы, Россіи не приходилось считаться съ этими внутренними своими врагами, то мы могли бы спокойно взирать на временное очищеніе нашими войсками не только Манчжуріи, но хотя бы даже и Восточной Сибири, зная напередъ, что мы немпуемо съ большою лихвой покроемъ всѣ эти случайныя утраты.

Но, коль скоро каждая временная неудача наша на Дальнемъ Востокѣ будетъ служить орудіемъ антигосударственной борьбы въ рукахъ нашихъ внутреннихъ смутьяновъ, Россіи постоянно можетъ грозить опасность, что они своею подпольною и „легальною“ агитаціей могутъ произвести давленіе на тѣ или другія болѣе шаткія петербургскія сферы, которыя вздумаютъ „спасать Россію“ посредствомъ „уступокъ“ ея злѣйшимъ врагамъ. А эти враги только и мечтаютъ о какой-нибудь „уступкѣ“, чтобы, такъ или иначе, вышибить хоть одинъ камень изъ фундамента Самодержавія, зная, что тогда уже будетъ предрѣшена трагическая судьба и всего фундамента, и всей Россіи.

Вотъ почему для насъ такъ важенъ вопросъ: кто будетъ доблестнымъ защитникомъ нашего внутренняго Портъ-Артура?

XXXIV.

Кто виноватъ?

Кто виноватъ въ томъ, что у насъ до сихъ поръ еще такъ мало войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій?

На этотъ вопросъ у насъ въ настоящее время слышатся самые разнообразные отвѣты: одни ищутъ источника этого прискорбнаго явленія въ какихъ-то недоразумѣніяхъ на Дальнемъ Востокѣ, другіе находятъ его въ разныхъ петербургскихъ сферахъ, третьи, наконецъ, винятъ во всемъ все еще недостаточную де провозоспособности Сибирской магистрали.

Мы не станемъ разбирать, насколько основательны эти различныя обвиненія, изъ которыхъ въ каждомъ, вѣроятно, есть своя доля правды, не имѣющая, однако, рѣшающаго значенія.

Вѣдь главная наша бѣда заключается не въ томъ, что мы до сихъ поръ такъ медленно или такъ мало перевезли войскъ въ Манчжурію, а въ томъ, что начало войны застало насъ въ Манчжуріи въ такомъ, почти

безоружномъ, положеніи, что потребовалась спѣшная перевозка туда такого громаднаго количества войскъ, которое и по истеченіи семи мѣсяцевъ войны все еще оказывается окончательно неперевезеннымъ.

Съ другой стороны, теперь уже является вполнѣ установленнымъ, что наше безоружное положеніе въ Манчжуріи было очень хорошо извѣстно японцамъ во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ, и что они именно поэтому и рѣшили напасть на насъ *врасплохъ*: этого они, конечно, не сдѣлали бы, если-бъ знали, что встрѣтятъ насъ во всеоружіи и на берегахъ Ялу, и на всемъ Манчжурскомъ и Корейскомъ побережьѣ, гдѣ наше отсутствіе дало имъ теперь возможность такъ легко произвести свои десанты.

Вотъ причина всѣхъ нашихъ невзгодъ, оттянувшихъ на долгое время начало нашихъ наступательныхъ дѣйствій, которое совпадаетъ съ нашимъ численнымъ превосходствомъ надъ войсками микадо.

Чѣмъ же вызвана была наша безпечность, изъ которой насъ такъ внезапно пробудила коварная атака японцевъ, произведенная ими въ роковую ночь 27 января?

Она была вызвана нашею полною увѣренностью, что намъ нечего было опасаться какой бы то ни было войны, такъ какъ де „желѣзный вѣкъ международныхъ войнъ окончательно уже канулъ въ вѣчность", какъ объ этомъ поэтически говорится въ брошюрахъ баронессы Зутнеръ, „уступивъ мѣсто безоружному братству народовъ".

Мы повѣрили этимъ утопіямъ, зачитываясь краснорѣчивыми изданіями австрійской фантазерки, обращавшейся къ намъ съ призывами „долой оружіе!" и убѣждавшей насъ, что самый де вѣрный способъ избѣжать нападенія врага заключается въ „саморазоруженіи". Мы повѣрили ей, что вѣковая непогрѣшимая аксіома „если хочешь мира, готовь войну" *(si vis pacem, para bellum)* теперь уже сдана въ архивъ, такъ какъ де теперь никто не нападетъ на государство, коль скоро всѣмъ будетъ извѣстно, что оно къ войнѣ не готово.

Японцы воспользовались нашимъ легковѣріемъ и однимъ ударомъ разсѣяли всю эту пустую дамскую болтовню, призвавъ насъ къ суровой дѣйствительности и къ признанію забытой нами вѣковой истины.

И вотъ теперь баронесса Зутнеръ, слѣдуя правилу qui s'excuse s'accuse, старается какъ-нибудь оправдаться.

Въ сентябрьской книжкѣ *Deutsche Revue* она напечатала статью: „Что сдѣлали друзья мира для возможно быстраго прекращенія Русско-Японской войны?"

Съ самаго начала она говоритъ, что „поставила себѣ цѣлью лишь созданіе гигіеническихъ условій, предотвращающихъ заразу, а не лѣченіе зараженныхъ", что она „стремится лишь къ постройкѣ огнеупорныхъ домовъ, но не беретъ на себя тушенія уже разразившагося пожара", но что, тѣмъ не менѣе, она со своими друзьями „пацифистами" энергически работала надъ предотвращеніемъ, а затѣмъ и надъ прекращеніемъ Русско-Японской войны.

Баронесса перечисляетъ цѣлый рядъ очень краснорѣчивыхъ циркуляровъ, съ которыми она и ея друзья обращались съ конца декабря прошлаго

года до іюля текущаго года къ Россіи и Японіи и къ другимъ державамъ Стараго и Новаго Свѣта, и въ которыхъ ясно доказывалось, что начавшаяся война совершенно де излишня при существованіи „международнаго трибунала“ и „общества пацифистовъ“, съ самой баронессой во главѣ.

Вся эта пустая фразеологія лишена серіознаго интереса, за исключеніемъ того факта, который отмѣчается баронессой Зутнеръ въ началѣ января 1904 года, слѣдовательно наканунѣ самой войны:

„*Японія*,—говоритъ она,—*рѣшительно отклоняетъ какъ международный судъ, такъ и посредничество третьей державы*, тогда какъ Россія не выражаетъ отвращенія ни отъ того, ни отъ другого *).

Для насъ это теперь вполнѣ понятно: Японія въ январѣ потому именно такъ упорно и рвалась къ войнѣ, что чувствовала себя къ ней готовою и *знала, что Россія къ войнѣ совершенно не готова*.

Въ виду этого, какою невольною злою ироніей звучитъ другая фраза баронессы Зутнеръ, которую она высказываетъ 28 января (10 февраля), то-есть на другой же день послѣ вѣроломнаго нападенія японцевъ на безоружную Россію.

„Итакъ, духъ насилія взялъ верхъ въ придворныхъ сферахъ Токіо и Петербурга (?!). Война разразилась. Къ сожалѣнію, это совершившійся фактъ. Оба противника обвиняютъ другъ друга, желая свалить съ себя отвѣтственность за войну, послѣдствія которой необозримы. Русское Правительство упрекаетъ японское въ томъ, что оно даже не дождалось его отвѣта до разрыва дипломатическихъ сношеній, а Японія обвиняетъ Россію въ намѣренномъ затягиваніи дѣла и въ той угрозѣ, которая заключалась въ военныхъ приготовленіяхъ въ Манчжуріи. Вотъ новая иллюстрація ошибочности столь любимаго военными партіями правила *si vis pacem, para bellum. Военныя приготовленія одного противника всегда выставляются другимъ, какъ оправданіе своего нападенія*“. („Die Kriegsvorbereitungen des einen werden immer vom andern als Rechtfertigung des Losschlagens geltend gemacht“).

Совершившіяся событія какъ разъ доказываютъ ошибочность не старой аксіомы, а новаго, выдуманнаго баронессой, правила.

Военныя приготовленія Японіи вовсе не послужили намъ какимъ-либо оправданіемъ не только для нападенія на нее, но даже и для какихъ-либо подготовленій къ этому нападенію. А съ другой стороны, именно отсутствіе этихъ приготовленій и возбудило военный пылъ японцевъ, которые и не начали бы настоящей войны, если-бъ не разсчитывали на полную неподготовленность Россіи.

Было бы смѣшно, еслибъ мы на вопросъ: „кто виноватъ въ настоящей войнѣ?“ отвѣтили: „Баронесса Берта фонъ-Зутнеръ“. Въ ней столько же виноватъ и графъ Левъ Толстой со своими лжехристіанскими преступными бреднями.

Оба они служатъ лишь выразителями новомодной декадентской „философіи“ туманнаго, расплывчатаго космополитизма, пришедшагося такъ по

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

вкусу нашей развитенной „либеральной“ интеллигенціи. Не она ли всегда кричала противъ „милитаризма“, не она ли возставала противъ „обремененія государственнаго бюджета расходами на армію и флотъ“, не она ли протестовала противъ „совершенно излишнихъ“ военныхъ приготовленій?

Носители этихъ „либеральныхъ“ идей всячески тормазили всѣ сколько-нибудь широкіе планы военнаго и морского вѣдомства, считая „непроизводительными“ и „негуманными“ всѣ траты на военныя силы Россіи, какъ объ этомъ столь краснорѣчиво сказано въ книгахъ и брошюрахъ баронессы Зутнеръ и графа Толстого.

Теперь надѣемся, всѣмъ имъ стало ясно, что каждый *милліонъ*, не потраченный своевременно на грозное вооруженіе, *то-есть на сохраненіе мира*, неизбѣжно влечетъ за собою *десятки милліоновъ*, тратимыхъ на кровопролитную войну.

XXXV.

„Элементарные факты современной исторіи“.

Въ одной изъ предыдущихъ нашихъ статей, говоря о различіи между самодержавнымъ и конституціоннымъ государственнымъ строемъ, мы указали, между прочимъ, на тотъ общеизвѣстный фактъ, что въ „конституціонныхъ государствахъ всѣ министры, въ томъ числѣ и *первые*, являются представителями тѣхъ или другихъ политическихъ *партій*, непрестанно борющихся изъ-за правительственной власти. Въ этой борьбѣ одерживаетъ верхъ то одна, то другая партія, которая и захватываетъ въ свои руки министерскіе посты, замѣщая ихъ *своими* людьми, служащими не интересамъ государства, а интересамъ своей партіи.“ *

И вотъ *Вѣстникъ Европы*, въ только-что вышедшей своей сентябрьской книжкѣ, находитъ въ этомъ нашемъ констатированіи столь безспорнаго факта „незнакомство съ элементарными фактами современной политической исторіи“.

Какіе же аргументы приводитъ петербургскій органъ нашихъ либераловъ въ подтвержденіе своего тезиса? Всего на-всего *одинъ* аргументъ, да и тотъ никуда негодный. Вотъ онъ во всей своей буквальной точности:

„Къ числу конституціонныхъ государствъ г. Spectator не откажется, конечно, отнести Германскую имперію и Прусское королевство: но развѣ имперскій канцлеръ и прусскій первый министръ является представителемъ торжествующей партіи, развѣ это званіе переходитъ изъ рукъ въ руки каждый разъ, когда измѣняется составъ большинства въ Рейхстагѣ или въ Прусской Палатѣ депутатовъ?“

Разберемся, въ чемъ тутъ дѣло.

Элементарнымъ фактомъ современной политической исторіи является существованіе не менѣе *пятидесяти* конституціонныхъ государствъ на земномъ шарѣ, не считая даже мелкихъ европейскихъ и американскихъ республикъ.

* См. № 203 *Московск. Вѣдом.* 1904 г. „Кабинетный вопросъ“ и выше, стр. 78.

Во всѣхъ этихъ государствахъ, — за исключеніемъ лишь *двухъ* (а въ сущности лишь *одного*) Германской имперіи и Прусскаго королевства, управляемыхъ *по совершенно исключительной* полусамодержавной системѣ *однимъ и тѣмъ* же монархомъ, — функціонируетъ тотъ именно механизмъ *партійнаго* правительства, на который мы и указали. Въ этомъ механизмѣ и заключается вся сущность той пресловутой „свободной игры парламентскихъ учрежденій" (le libre jeu des institutions parlementaires), которою такъ хорошатъ всѣ убѣжденные парламентаристы, а въ томъ числѣ и наши „либералы", желающіе и Россію наградить такою же „свободною игрой".

Мы, слѣдовательно, имѣли полное право, характеризуя *сущность* конституціонныхъ государствъ, указать на *партійность* ихъ правительствъ, какъ на всѣмъ извѣстное *общее правило*, дѣйствующее въ *сорока восьми* конституціонныхъ государствахъ; а „либеральные" шарлатаны хотятъ опровергнуть насъ, указавъ на *единственное исключеніе* изъ этого неопровержимаго общаго правила!!

Мы лучшаго мнѣнія о читателяхъ *Вѣстника Европы*, чѣмъ редакція этого журнала: мы не думаемъ, что имъ не извѣстны такіе „элементарные факты современной политической исторіи".

Что касается *нашихъ* читателей, то имъ очень хорошо извѣстно совершенно исключительное положеніе, занимаемое, со временъ Бисмарка, Германіей и Пруссіей въ ряду конституціонныхъ государствъ.

Нашимъ читателямъ также извѣстны неоднократно-производившіяся атаки германскихъ „либераловъ" противъ „бисмарковскаго абсолютизма", за то что онъ не признавалъ „истиннаго конституціонализма" и обходился безъ „отвѣтственности министерствъ предъ парламентомъ". Нашимъ читателямъ извѣстна и та масса запальчивыхъ рѣчей, которыя на эту тему произнесъ одинъ Евгеній Рихтеръ, главный либеральный болтунъ въ Германскомъ Рейхстагѣ и въ Прусской Палатѣ Депутатовъ. Имъ, наконецъ, извѣстно и то горячее сочувствіе, которое выражали Рихтеру русскіе „либералы", съ *Вѣстникомъ Европы* во главѣ, за его „мужественное отстаиваніе истинныхъ принциповъ конституціонализма", которые де *нарушались* именно тѣмъ, что составъ германскихъ и прусскихъ министерствъ *не* измѣнялся каждый разъ, когда измѣнялся составъ большинства въ Рейхстагѣ или въ Прусской Палатѣ Депутатовъ.

Все это нашимъ читателямъ отлично извѣстно; но такъ же все это извѣстно и читателямъ *Вѣстника Европы*, которые, конечно, имѣютъ право недоумѣвать, почему ихъ лейбъ-органъ вздумалъ выставлять Германію и Пруссію, какъ идеальныя конституціонныя государства, тогда какъ на самомъ дѣлѣ конституціонный режимъ въ нихъ „искаженъ".

Наши же читатели ничего удивительнаго тутъ не найдутъ.

Они знаютъ, что главная цѣль нашихъ „либераловъ" заключается въ томъ, чтобъ уничтожить Самодержавіе въ Россіи и замѣнить его конституціонализмомъ. Этой цѣли они надѣются достигнуть не только путемъ *насилій*, которыя они предоставляютъ своимъ сообщникамъ—анархистамъ, но и путемъ *убѣжденія* нашихъ правительственныхъ сферъ въ томъ, что необходимо де ввести у насъ конституцію, хотя бы на первыхъ порахъ

и въ той маскированной, ограниченной полусамодержавіемъ, формѣ, которую мы видимъ въ Пруссіи и Германіи.

Они готовы даже и на меньшее, хотя бы на какой-нибудь земскій соборъ „съ чисто-совѣщательнымъ голосомъ“, ибо они очень хорошо знаютъ, что тутъ *дѣло только въ первомъ шагѣ.*

Если имъ дадутъ „совѣщательную“ говорильню, то они, пользуясь ею, добудутъ ей и „рѣшающій“ голосъ. Затѣмъ они придерутся къ первому же „конфликту“ между Самодержавнымъ Правительствомъ и „представителями народа“, чтобы добиться „конституціоннаго ограниченія“ этого Правительства, хотя бы по германскому шаблону,—по которому де „императоръ вѣдь дѣлаетъ все, что̀ хочетъ“,—съ тѣмъ чтобы потомъ наброситься на „своеволіе“ такого императора и добиться „конституціонныхъ гарантій“ посредствомъ „отвѣтственности министровъ предъ парламентомъ“, то-есть они будутъ добиваться введенія того именно *партійнаго* принципа въ образованіе министерствъ, который, какъ мы видѣли, составляетъ сущность „истиннаго конституціоннаго режима“.

Въ Германіи режимъ этотъ примѣняется, какъ извѣстно читателямъ *Вѣстника Европы*, лишь въ „искаженномъ“ видѣ; а наши читатели знаютъ, что въ этомъ „искаженіи“, предоставляющемъ еще нѣкоторую долю инціативы императору Вильгельму, и кроется причина той сравнительной силы, которою Германія превосходитъ остальныя конституціонныя государства.

Но эта сила возросла бы во сто кратъ, если-бъ императоръ Вильгельмъ пользовался такою же неограниченною, самодержавною властью, какою пользуется Императоръ Всероссійскій.

Вотъ что̀ намъ говорятъ „элементарные факты современной политической исторіи“.

XXXVI.

Что̀ намъ завѣщала Екатерина Великая?

Открытіе въ Вильнѣ памятника Екатеринѣ Великой отвлекло на нѣсколько мгновеній вниманіе Россіи отъ тяжкихъ событій, переживаемыхъ ею какъ во внѣшней, такъ и во внутренней ея жизни. Но воспоминаніе о Великой Императрицѣ могло бы служить намъ въ настоящее именно время глубокимъ назиданіемъ въ болѣе обширномъ смыслѣ, нежели тотъ, который непосредственно связанъ съ совершившимся въ Вильнѣ торжествомъ.

Заслуга Екатерины Великой предъ Россіей заключается въ томъ, что она сама, всею душой и всѣмъ умомъ проникшись не только государственнымъ, но и національнымъ величіемъ своего второго отечества, заставила, вмѣстѣ съ тѣмъ, и Европу преклониться предъ этимъ величіемъ и возбудила въ своихъ подданныхъ *государственное и національное самосознаніе*, какъ необходимое условіе для существованія и развитія великаго народа.

Этимъ самосознаніемъ былъ въ свое время преисполненъ и Петръ Великій. Но онъ въ Россіи былъ почти одинокъ. Онъ собралъ вокругъ себя лишь небольшую, сравнительно, стаю птенцовъ, которымъ сообщилъ

свою пламенную вѣру въ великое міровое призваніе Россіи. Всѣ почти остальные Его подданные относились болѣе или менѣе скептически къ Его великимъ преобразованіямъ, а Европа смотрѣла на Него, какъ на историческій куріозъ, какъ на баловня судьбы, со смертью котораго Россія, забывъ объ его новшествахъ, снова вернется къ своему прежнему, внѣевропейскому существованію.

Сильнымъ и здоровымъ національнымъ самосознаніемъ отличалась и до-Петровская Русь съ первыхъ временъ еще своей Кіевской зари, но лишь въ смыслѣ своего собственнаго, обособленнаго отъ остальнаго міра, существованія, безъ болѣе широкихъ государственныхъ и міровыхъ задачъ.

Къ этимъ міровымъ задачамъ впервые *призвалъ* Россію Петръ, но *увлекать* въ нихъ заставила насъ Екатерина.

Чѣмъ объяснить это чудодѣйственное вліяніе Великой Императрицы?

Тѣмъ, что Она такъ искренно, такъ горячо полюбила Россію.

Любовь Петра къ Россіи и Его увлеченіе ея славой и будущимъ величіемъ казались всѣмъ вполнѣ естественными: Онъ родился и воспитался въ Россіи, Онъ чувствовалъ въ Себѣ, вступивъ на престолъ Своихъ Предковъ, непосредственную, преемственную съ ними связь, побуждавшую Его свято хранить и увеличивать оставленное ими драгоцѣнное достояніе. Кому же и радѣть о величіи и славѣ Россіи, какъ не природному Русскому Царю, Который во всѣхъ Русскихъ людяхъ видитъ не только Своихъ подданныхъ, но Своихъ родныхъ братьевъ, дорогихъ сердцу земляковъ? Словомъ, Петръ Великій былъ по рожденію Своему истинно-Русскимъ Царемъ, и не въ этомъ было Его величіе, а въ томъ, что Онъ Своимъ могучимъ умомъ понялъ міровое призваніе Россіи и Своею желѣзною волей сразу вознесъ ее до высокаго уровня этого призванія.

Но въ Екатеринѣ II, продолжавшей дѣло Петра, было много лично Ей свойственныхъ, поражавшихъ своею необычайностью, сторонъ.

Она не *была*, а *стала* истинно-Русскою Царицей, и Она, женщина, не только исполняла дѣло, которое подъ стать было такому лишь гиганту, какъ Петру, но и сумѣла сдѣлать то, что Ему не удалось при жизни, пробудивъ во всей Россіи бодрое, величавое, національно-государственное самосознаніе и заставивъ Европу признать, что Россія не только вступила на арену міровой политики, но и навѣки останется въ ней, занявъ на ней первое мѣсто.

Что Екатерина II, при данныхъ ей отъ Бога обширныхъ и блестящихъ качествахъ ума, могла поставить Себѣ и Россіи великія міровыя задачи, это, конечно, было вполнѣ естественно; но что Она полюбила Россію не только какъ государство, но и какъ *націю*, какъ *народъ*, со всѣми его индивидуальными особенностями, что Она научилась цѣнить эти столь чуждыя ей на первыхъ порахъ особенности, что Она увидала въ немъ такія драгоцѣнныя качества, которыми остальные европейскіе народы не обладали, что Она, сбросивъ съ себя все спеціально-нѣмецкое, стала чисто-Русскою Царицей, не краснѣвшею за своихъ подданныхъ, а гордившеюся ими,—вотъ что̀ дѣйствительно стоитъ въ міровой исторіи, какъ единственный фактъ, вызывающій всеобщее изумленіе.

Петръ Великій стыдился „варварства“ своихъ подданныхъ и выбивалъ его изъ нихъ насильственными мѣрами, вводя европейскіе порядки въ Россію, не сообразуясь много съ ея національными особенностями. За исключеніемъ коренныхъ основъ Самодержавія и Православной Церкви, Онъ особенно не дорожилъ индивидуальными свойствами Русской государственной и общественной жизни, не различая въ нихъ истинно-культурныхъ элементовъ и элементовъ дѣйствительно-некультурныхъ, а цѣликомъ замѣнялъ ихъ цѣликомъ же взятыми европейскими порядками, какъ дѣйствительно вѣчно-культурными, такъ и случайными, обусловленными лишь спеціальнымъ временемъ и мѣстомъ. Это была великая, необходимая, но спѣшно и энергично произведенная работа, *a grands coups de hache*.

Совершенно иного свойства была государственная работа Екатерины. Она лучше Петра знала Европу, тонко различая въ ней и хорошія, и дурныя ея стороны. А потому *Она лучше Петра знала и Россію*, такъ какъ истинное знаніе предмета всегда возникаетъ изъ близкаго, тщательнаго сравненія его съ предметами аналогичными.

Если для Россіи необходимъ былъ великій преобразователь, вышедшій изъ нѣдръ ея народа, то ей затѣмъ столь же необходимъ былъ другой реформаторъ, пришедшій къ ней извнѣ, изучившій ее сперва совершенно объективно, но затѣмъ полюбившій ее всѣми силами пылкаго сердца и просвѣщеннаго ума.

Такимъ именно реформаторомъ была Екатерина, ясно поняившая великій завѣтъ, оставленный Петромъ всѣмъ его потомкамъ, и исполнившая его съ бо́льшимъ еще совершенствомъ, съ бо́льшею прочностью и съ бо́льшимъ знаніемъ какъ бывшей ей столь близкою Европы, такъ и ставшей ей столь дорогою Россіи.

Насъ, Русскихъ, часто и справедливо упрекаютъ въ томъ, что мы начинаемъ цѣнить свои національныя сокровища лишь тогда, когда ихъ оцѣнятъ иностранцы. Не заслуживаетъ ли этого упрека, какъ Русскій человѣкъ, и нашъ Великій Петръ? Не вызвалъ ли Онъ во всѣхъ Русскихъ, злымъ съчувствомъ государственнаго самосознанія, чувство національнаго самоуниженія, которое до сихъ поръ еще живетъ въ рядахъ нашихъ жалкихъ „либераловъ“, выродившись даже въ омерзительное чувство національнаго самоосмѣянія?

А мы уже видѣли, что безъ національнаго самосознанія великаго народа быть не можетъ.

Это поняла впервые у насъ Екатерина, которая снова пробудила въ Россіи любовь ко всему Русскому, но не ради московской обособленности, а ради мірового величія.

И эту національную любовь Она завѣщала намъ вмѣстѣ съ государственными завѣтами Великаго Петра.

Она научила насъ любить свой языкъ и дорожить имъ, какъ будущимъ міровымъ языкомъ, и этимъ Она положила начало всей нашей русской словесности, которая до нея лишь робко прозябала.

Находясь въ постоянныхъ живыхъ сношеніяхъ съ первыми писателями Западной Европы, Екатерина легко могла впасть въ соблазнъ, под-

чиниться ихъ идеямъ и навязать ихъ затѣмъ Россіи. Но нѣтъ, этого Она не сдѣлала, и нигдѣ самостоятельность Ея ума не проявила себя съ такимъ блескомъ, какъ именно въ этомъ отношеніи, служа вѣчнымъ назидательнымъ примѣромъ для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній Русскаго образованнаго общества. Она положила основанія не только для русской словесности, русской науки и русскаго искусства, но и для будущихъ всходовъ русской національной государственности и ея научнаго ученія.

Не слѣпое подражаніе Западу завѣщала Она намъ, но и не слѣпое его игнорированіе, а тщательное изученіе Европы, въ ея прошломъ и настоящемъ, дабы воспринять отъ нея все то, но и только то, что необходимо для нашего національнаго развитія.

Не самоуниженіе поставила Она намъ, какъ идеалъ нашей общественной и государственной жизни, а бодрую, твердую вѣру въ неизсякаемыя матеріальныя и духовныя силы Россіи, въ ея славную, великую будущность, въ ея міровое призваніе.

А эта вѣра никогда намъ не была болѣе необходима, чѣмъ въ настоящее время, когда ею должны всецѣло проникнуться всѣ силы Русскаго народа отъ высшихъ до низшихъ, дабы отстоять честь и славу Россіи и все великое ея достояніе, оставленное ей великими ея Царями-Собирателями Земли Русской, среди которыхъ сіяетъ вѣчнымъ блескомъ звѣзда Екатерины.

XXXVII.

Политическая задача Государственнаго Совѣта.

Функціи Государственнаго Совѣта Россійской Имперіи всѣмъ извѣстны, такъ какъ онѣ въ точности опредѣлены закономъ, и практическое ихъ проявленіе, недоступное широкой гласности въ своихъ подробностяхъ, тѣмъ не менѣе, въ главныхъ своихъ чертахъ, всегда бываетъ достояніемъ внимательно слѣдящаго за нимъ общественнаго мнѣнія. Функціи эти имѣютъ характеръ преимущественно *законодательный*. Но этимъ задача Государственнаго Совѣта не ограничивается, такъ какъ роль его въ живомъ организмѣ Русскаго Государства не лишена и *политическаго* значенія. Мало того, существуетъ даже стремленіе, въ извѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ сферахъ, преувеличить политическую роль Государственнаго Совѣта, придавъ ему значеніе какого-то парламента, въ которомъ государственные вопросы рѣшались бы путемъ игры въ „большинство“ и „меньшинство“,—то-есть тѣмъ именно путемъ, нелѣпость котораго до такой очевидности обнаружилась на практикѣ западно-европейскаго парламентаризма.

Мы всегда отмѣчали ошибочность подобнаго взгляда на значеніе нашего Государственнаго Совѣта, который, какъ извѣстно, является не какою-либо рѣшающею „палатой“ представителей тѣхъ или иныхъ политическихъ партій, а совѣщательнымъ собраніемъ Государевыхъ совѣтниковъ, удостоенныхъ, за свои личныя заслуги, Царскаго довѣрія и обязанныхъ, каждый въ отдѣльности, высказывать свое личное мнѣніе о законодатель-

ныхъ мѣрахъ, предложенныхъ Императорскимъ Правительствомъ на ихъ обсужденіе. Самодержавному Императору предоставляется полная свобода согласиться по какому-либо вопросу со всѣми Своими совѣтниками противъ одного изъ нихъ, или съ однимъ противъ всѣхъ остальныхъ, или даже не согласиться ни съ однимъ изъ нихъ и рѣшить вопросъ Своею Монаршею неограниченною Властью по Собственному Своему усмотрѣнію.

Такимъ образомъ, политическая роль Государственнаго Совѣта отнюдь не заключается въ правѣ рѣшать государственные вопросы въ томъ или иномъ смыслѣ, который затѣмъ сталъ бы обязательнымъ для Верховнаго Законодателя.

Но въ чемъ же, въ такомъ случаѣ, заключается эта политическая роль?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо имѣть въ виду, что тѣ законодательныя мѣры, которыя подвергаются на обсужденіе Государственнаго Совѣта, имѣютъ зачастую сами по себѣ болѣе или менѣе ярко выраженный политическій характеръ. Сюда принадлежатъ законы, призванные такъ или иначе разрѣшить тѣ жизненные вопросы Государства, которые, въ особенности за послѣднее время, стали въ нашемъ обществѣ предметомъ ожесточенныхъ препирательствъ между людьми и партіями различныхъ политическихъ убѣжденій. Таковы, напримѣръ, законы, касающіеся церковной, школьной, сословной, земской нашей жизни, которые имѣютъ въ настоящее время первостепенное значеніе для политическаго будущаго Россіи и могутъ,—смотря по тому, какой они получатъ политическій характеръ,—принести нашему Отечеству либо величайшую пользу, либо величайшій вредъ.

Вотъ почему весьма важно, чтобы законы эти, при выработкѣ ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ, подверглись тщательному обсужденію и съ политической ихъ стороны, дабы до Государя доходили правдивые голоса Его умудренныхъ опытомъ совѣтниковъ, указывающихъ не только на спеціально-техническое значеніе того или другого закона, но и на то вліяніе, которое онъ можетъ оказать на внутреннюю политическую жизнь Государства.

Эти правдивые голоса Царскихъ совѣтниковъ болѣе чѣмъ когда-либо необходимы въ переживаемое нами столь тяжкое время осложнившейся до крайности внутренней государственной и общественной жизни. Законодательный нашъ аппаратъ призванъ теперь, какъ извѣстно, къ усиленной дѣятельности, въ виду возможно скораго осуществленія великихъ реформъ, возвѣщенныхъ Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ отъ 26 февраля 1903 года и имѣющихъ крупнѣйшее политическое значеніе для настоящей и будущей жизни Россіи. А потому Государь въ правѣ ожидать, что законы, вызванные этими реформами, подвергнутся въ Государственномъ Совѣтѣ наиболѣе-внимательному разсмотрѣнію, дабы они, при своемъ примѣненіи, могли имѣть лишь самое благое вліяніе на политическую жизнь Государства.

Вотъ почему Монарху угодно было, предъ началомъ предстоящей сессіи Государственнаго Совѣта, почти единовременно призвать въ его

составъ трехъ такихъ видныхъ въ политическомъ отношеніи государственныхъ дѣятелей, какъ Б. В. Штюрмера, Н. А. Зиновьева и А. С. Стишинскаго.

Имя каждаго изъ нихъ является опредѣленнымъ политическимъ знаменемъ, ибо въ каждомъ изъ нихъ мы видимъ носителя лучшихъ идеаловъ истинно-Русской государственности.

Если первые два изъ вновь-назначенныхъ членовъ Государственнаго Совѣта проявили свои государственныя дарованія и выказали свои здравомысленныя убѣжденія на поприщѣ мѣстной жизни во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, гдѣ имъ дана была возможность столь близко узнать и изучить всѣ явныя и тайныя пружины, обусловливающія дѣятельность нашихъ земствъ, то третій изъ нихъ, А. С. Стишинскій, является опытнымъ и вѣрнымъ хранителемъ мудрыхъ традицій государственнаго центральнаго управленія, прочно заложенныхъ въ благословенное мирное царствованіе Императора Александра III графомъ Д. А. Толстымъ и свято соблюдавшихся его преемниками вплоть до В. К. Плеве, пожертвовавшаго своею жизнью въ борьбѣ за эти традиціи.

Значительно отличаясь другъ отъ друга своимъ личнымъ характеромъ, новые члены Государственнаго Совѣта несомнѣнно одушевлены однимъ общимъ, глубокимъ, искреннимъ чувствомъ беззавѣтной преданности основнымъ устоямъ Русскаго Государства,—Самодержавію его Царей, Православію его Церкви и національнымъ интересамъ его кореннаго Русскаго населенія.

Доселѣ они, въ своей практической государственной дѣятельности, мужественно отстаивали эти вѣковѣчные принципы Русскаго народа, а потому можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что теперь, получивъ, въ качествѣ Царскихъ совѣтниковъ, вполнѣ заслуженную ими индивидуальную независимость отъ какихъ-либо промежуточныхъ инстанцій, они окажутся достойными выпавшей на ихъ долю милости Царскаго довѣрія и будутъ еще съ большимъ рвеніемъ и съ большею зоркостью отстаивать тѣ же принципы, въ которыхъ заключается вся жизненная сила Россіи.

Эти принципы сдѣлались, какъ извѣстно, предметомъ наиболѣе ожесточенныхъ нападеній внутреннихъ враговъ Россіи, возымѣвшихъ почему-то увѣренность, что ихъ преступныя усилія именно теперь увѣнчаются успѣхомъ. Имъ уже мерещутся фантастическія государственныя реформы, извращающія ясныя указанія Высочайшаго Манифеста 26 февраля 1903 года. Эти свои реформы они и желали бы провести не только посредствомъ болѣе или менѣе откровенной пропаганды въ обществѣ, но и посредствомъ разныхъ, невинныхъ съ виду, законодательныхъ мѣръ, вредное политическое значеніе которыхъ обнаружилось бы лишь впослѣдствіи, при практическомъ ихъ примѣненіи.

Вотъ здѣсь и должна выразиться во всей своей силѣ великая политическая роль Государственнаго Совѣта, въ которомъ лица глубокаго государственнаго и общественнаго опыта всегда сумѣютъ разглядѣть и уразумѣть политическую сущность каждаго обсуждаемаго вопроса и истинныя намѣренія какъ защитниковъ, такъ и противниковъ даннаго его рѣшенія.

Чѣмъ сильнѣе будутъ бурлить хаотическія волны общественной жизни, столь стремительно старающіяся вторгнуться въ сферу Правительственной Власти, тѣмъ тверже и неприступнѣе должно возвышаться, какъ несокрушимая скала, государственное собраніе Царскихъ совѣтниковъ, стоящихъ выше всякихъ личныхъ и партійныхъ интересовъ и имѣющихъ въ виду лишь вѣрность Царю и благо Россіи.

XXXVIII.

Гдѣ намъ строить суда.

Тяжкая убыль въ боевыхъ судахъ, понесенная нами въ настоящую войну, налагаетъ на насъ обязанность принять всѣ мѣры къ тому, чтобы не только возмѣстить эту убыль, но и увеличить нашу морскую мощь настолько, чтобы побѣдоносно завершить наше ратоборство съ Японіей и оградить на ближайшее время Россію такимъ грознымъ флотомъ, чтобы никому уже не повадно было покушаться на ея честь, достоинство и территоріальную цѣлость.

Въ виду этого, никто не станетъ оспаривать необходимости, заставляющей насъ немедленно же приступить къ постройкѣ новыхъ боевыхъ судовъ въ весьма обширныхъ размѣрахъ.

Эти новыя суда должны быть, очевидно, раздѣлены на двѣ серіи.

Во-первыхъ, намъ необходимы такія суда, которыя могли бы принять участіе еще въ текущей войнѣ, которая, по всей вѣроятности, продолжится еще годъ, а то и цѣлые два. Такими судами могли бы, понятно, быть лишь суда небольшого водоизмѣщенія, миноносцы, контръ-миноносцы, легкіе крейсеры и т. п.

Во-вторыхъ, должна быть начата постройка большихъ крейсеровъ и броненосцевъ, по заранѣе тщательно выработанной программѣ, разсчитанной на цѣлый рядъ лѣтъ и имѣющей въ виду создать новыя могучія эскадры, которыя явились бы грознымъ стражами Россіи уже по окончаніи настоящей войны съ Японіей.

Всѣ согласны съ тѣмъ, что намъ прежде всего слѣдуетъ сосредоточить все свое вниманіе на сооруженіи *первой* указанной нами серіи боевыхъ судовъ, какъ болѣе настоятельно-необходимой. Никто, конечно, не будетъ спорить и о томъ, что эти „легкія“ суда должны быть изготовлены согласно послѣднимъ практическимъ указаніямъ боевого опыта, и притомъ въ самые ближайшіе по возможности сроки.

Но, къ крайнему нашему удивленію, разногласіе возникаетъ въ нѣкоторыхъ общественныхъ сферахъ, коль скоро поднимается вопросъ о томъ, *гдѣ* строить новыя суда: у насъ ли въ Россіи, или за границей.

Какъ это ни странно, но у насъ дѣйствительно раздаются голоса въ пользу преимущественнаго предпочтенія иностраннаго судостроительства, несмотря даже на тѣ тяжелые убытки для Русской Казны и на тѣ крайнія неудобства, съ которыми сопряжены, въ настоящее именно время, великіе военные заказы за границей.

Перечислять ли всѣ эти убытки и неудобства? Неужели они не очевидны не только для спеціалистовъ, но и для каждаго здравомыслящаго человѣка?

Прежде всего, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что всякія заграничныя судостроительныя фирмы, видя настоящую крайнюю нужду Россіи въ новыхъ судахъ, не постѣснятся заломить за построеніе таковыхъ чрезвычайно высокія цѣны, которыя, въ общей совокупности, дали бы возможность получить отъ русскихъ заводовъ большее число судовъ, чѣмъ сколько намъ могли бы дать заводы заграничные. Вѣдь владѣльцы, акціонеры и рабочіе этихъ заводовъ совершенно чужды патріотическаго, національнаго чувства, заставляющаго, мы увѣрены, русскіе заводы смотрѣть въ настоящее время на построеніе новыхъ русскихъ судовъ не какъ на исключительно коммерческое дѣло, а какъ на свое собственное, родное дѣло, ради котораго можно и слѣдуетъ поступиться крупными барышами.

Но кромѣ громадныхъ, совершенно излишнихъ, денежныхъ убытковъ, которые легко можетъ понести Россія, заказывая свои новыя суда за границей, ей могутъ грозить и другія весьма нежелательныя послѣдствія такой нераціональной политики.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы русскіе судостроительные заводы лишились тѣхъ заказовъ, на которые они, казалось бы, должны имѣть преимущественное право, они были бы поставлены въ необходимость сократить, а въ иныхъ случаяхъ даже и совершенно прекратить свою дѣятельность. А всякій знаетъ, какъ тяжело отражаются закрытія крупныхъ заводовъ на экономической жизни государства, вызывая тяжелые торгово-промышленные и биржевые кризисы и рабочія волненія, являющіяся слѣдствіемъ внезапной безработицы, поражающей сотни и тысячи трудящагося люда, привыкшаго къ спеціальной и сложной механической работѣ и не имѣющаго возможности найти примѣненіе своему, весьма цѣнному, спеціальному опыту и навыку—въ какихъ-либо другихъ отрасляхъ промышленности. А кому же можетъ быть желательно вызывать рабочія волненія въ настоящее именно, и безъ того уже тревожное, время?

Къ тому же необходимо имѣть въ виду и то обстоятельство, что война всегда отражается угнетающимъ образомъ на всѣхъ отрасляхъ промышленности, кромѣ тѣхъ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ самой войнѣ. Къ такимъ именно отраслямъ „военной“ промышленности принадлежитъ, прежде всего, судостроительство, которое призвано восполнить собой, до извѣстной мѣры, изъяны, вызываемые войной въ остальной экономической области государства. Но для всѣхъ очевидно, что эту весьма важную и необходимую функцію можетъ съ успѣхомъ выполнять лишь *національное*, а не иноземное судостроительство. Тѣ деньги, которыя мы тратимъ на войну, должны, по возможности, оставаться въ самой Россіи, а не уплывать за границу, откуда мы ихъ уже никогда не вернемъ. Неужели не ясно, что если мы потратимъ три милліона на постройку крейсера въ Россіи, то эти три милліона перейдутъ непосредственно въ обращеніе среды Русскаго народа, такъ что трата эта никакого убытка ему не принесетъ, тогда какъ тѣ же три милліона, уплаченные иностранному заводу,

будутъ выброшены изъ Русской Казны въ прямой убытокъ и Государству, и народу? Неужели нужно еще доказывать эту азбучную истину?

Мы часто, на этихъ же страницахъ, жаловались на то, что наша финансово-экономическая политика за послѣднія десять лѣтъ оказывала усиленное покровительство нашей промышленности въ ущербъ нашему сельскому хозяйству. Защитники этой политики возражали намъ, что промышленность намъ нужнѣе, чѣмъ сельское хозяйство, такъ какъ де Россія должна въ короткое время догнать и даже перегнать Европу въ промышленномъ отношеніи, дабы стать совершенно самостоятельною и независимою въ крупномъ металлургическомъ и машинномъ производствѣ. „Если, сохрани Боже,—говорили намъ,—грянетъ война, Россія должна имѣть полную возможность въ своихъ собственныхъ предѣлахъ сооружать все вооруженіе своей сухопутной рати и создавать новыя боевыя единицы своего морского флота".

И вотъ грянула война. Теперь, стало-быть, настало время пожать плоды тѣхъ тяжкихъ жертвъ, которыя вся страна приносила долгіе годы въ пользу промышленности. И что же? Когда заходитъ рѣчь о созданіи новыхъ морскихъ боевыхъ единицъ, намъ совѣтуютъ заказывать необходимыя намъ военныя суда на заграничныхъ заводахъ, удѣляя лишь какія-нибудь жалкія крохи нашимъ русскимъ заводамъ, которые мы такъ усиленно и старательно сооружали и оборудовывали въ мирное время, стараясь довести ихъ до полнаго совершенства!

Но, можетъ-быть, старанія эти не увѣнчались успѣхомъ? Напротивъ, каждый, кто знакомъ съ нашими судостроительными и машиностроительными заводами и имѣетъ достаточную компетентность, чтобы судить о нихъ, скажетъ съ полною увѣренностью, что они въ настоящее время ни въ чемъ не уступятъ лучшимъ заграничнымъ заводамъ. Мы говоримъ о такихъ оборудованныхъ заводахъ и верфяхъ, какъ Петербургскій Портъ, Севастопольскій Портъ, судостроительные заводы Балтійскій, Невскій, Николаевскій, Крейтона, Ланге, машиностроительные заводы Сормовскій, Франко-Русскій и т. п.

Но, въ такомъ случаѣ, почему же могутъ возникать предположенія обращаться съ заказами новыхъ судовъ преимущественно къ заграничнымъ, а не къ русскимъ заводамъ?

Вѣдь такіе антинаціональные заказы могли бы имѣть основаніе лишь при слѣдующихъ четырехъ условіяхъ:

1) Если бы постройка судовъ на русскихъ заводахъ обходилась Правительству значительно дороже, чѣмъ на заводахъ заграничныхъ.

2) Если бы въ качественномъ отношеніи построенныя въ Россіи суда слишкомъ значительно уступали заграничнымъ.

3) Если бы русскіе заводы работали гораздо медленнѣе, чѣмъ заводы иностранные.

4) Если бы только русскіе заводы были неаккуратны въ соблюденіи поставленныхъ имъ сроковъ для исполненія данныхъ имъ заказовъ.

При всемъ нашемъ національномъ чувствѣ мы, въ настоящее критическое время, примирились бы съ необходимостью заказывать новыя суда

за границей, если бы вышеперечисленныя нами предположенія были основательны. Но лица, близко знакомыя со всѣми подробностями русскаго и заграничнаго судостроительства, знаютъ, что этого нѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ, русскіе заводы строятъ новыя суда не дороже, не хуже, такъ же скоро (или, пожалуй, такъ же медленно), какъ и заграничные заводы, которые, во всякомъ случаѣ, особенною аккуратностью въ соблюденіи сроковъ похвалиться не могутъ.

Конечно, наши русскіе заводы, какъ сравнительно молодые, еще очень недавно могли спеціализироваться въ судостроеніи, и потому вышеприведенная оцѣнка ихъ дѣятельности относится, конечно, главнымъ образомъ, къ послѣднимъ годамъ, когда оборудованіе ихъ и пріобрѣтенный ими опытъ далъ имъ возможность достигнуть той высокой степени совершенства, которая хорошо извѣстна лицамъ близко знакомымъ съ военно-морскимъ дѣломъ. А потому отказывать имъ теперь въ столь заслуженномъ ими довѣріи, послѣ столь усиленно и успѣшно проявленной ими энергіи, было бы дѣломъ не только не раціональнымъ, но и не справедливымъ.

Но русскіе судостроительные заводы имѣютъ еще иныя спеціальныя преимущества предъ заводами заграничными.

Находясь въ Россіи и будучи во всѣхъ отношеніяхъ подчинены Русскому Правительству, они всецѣло находятся въ его рукахъ, исполняя безпрекословно всѣ его требованія и указанія, даже иной разъ непредусмотрѣнныя при заключеніи контрактовъ. Такой власти Правительство надъ заграничными заводами не имѣетъ, чувствуя себя по отношенію къ нимъ въ роли простого частнаго заказчика. Мы, конечно, не говоримъ, чтобы такое властное отношеніе Правительства къ русскимъ заводамъ составляло ихъ преимущество въ соблюденіи сроковъ даваемыхъ имъ заказовъ, такъ какъ разныя новыя техническія усовершенствованія, постоянно дѣлаемыя, по желанію Правительства, во время самой постройки и оборудованія судовъ, вызываютъ задержку въ работѣ и передѣлку уже исполненныхъ частей, затягивающую окончательную готовность судовъ иной разъ далеко за установленную норму. Но кто же станетъ отрицать, что Правительство зачастую можетъ быть поставлено въ очень затруднительное положеніе, когда въ строящихся за границей судахъ крайне необходимо ввести какое-нибудь новое усовершенствованіе, а строящіе ихъ заводы наотрѣзъ отказываются отъ какихъ бы то ни было отступленій отъ установленныхъ контрактомъ условій, или заставляютъ оплачивать ихъ новыми крупными суммами.

Сверхъ того, построенныя въ Россіи суда тотчасъ же, не выходя изъ Россіи, поступаютъ въ полное распоряженіе Морского Вѣдомства, тогда какъ суда, заказанныя за границей, должны еще моремъ придти въ Россію, подвергаясь, особенно въ военное время, всевозможнымъ рискамъ и опасностямъ. А если принять во вниманіе, что между заказомъ и исполненіемъ проходитъ иногда нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ, по нынѣшнимъ тревожнымъ временамъ, могутъ возникнуть самыя неожиданныя международныя осложненія, то легко можетъ случиться, что построенныя

за границей русскія суда прямо съ верфей попадутъ въ руки враговъ Россіи.

Въ виду всего этого, мы положительно отказываемся вѣрить въ возможность такого мнѣнія, будто для интересовъ нашего флота слѣдуетъ отдавать преимущество въ заказахъ новыхъ судовъ иностраннымъ заводамъ предъ русскими.

Вполнѣ понятно, что, разъ намъ нынѣ же необходимо заказать такое значительное число судовъ, хотя пока „легкихъ“, что русскіе заводы не въ состояніи построить ихъ всѣ одновременно, а строить ихъ послѣдовательно (группами) не позволяютъ вызванныя войной критическія обстоятельства,—то приходится, скрѣпя сердце, передать заграничнымъ заводамъ все то, что̀ не можетъ сразу быть поставлено на стапели русскихъ судостроительныхъ заводовъ; но, повторяемъ, это можно и должно сдѣлать лишь скрѣпя сердце, а не вслѣдствіе какого-либо легкаго отношенія къ столь серіозному вопросу, или вслѣдствіе рутиннаго взгляда на мнимую безукоризненность всего иностраннаго и негодность всего русскаго, намѣренно игнорируя тѣ громадные успѣхи, которые Россія за послѣднее время сдѣлала именно въ промышленномъ дѣлѣ.

Съ такимъ взглядомъ мы никакъ согласиться не можемъ, такъ какъ онъ не только противорѣчитъ національному чувству Русскаго человѣка, но и фактической очевидности,—не только жизненнымъ интересамъ Россіи, но и простому здравому смыслу.

XXXIX.

Преждевременныя ликованія.

1 октября (1904 г.) въ газетахъ появилось офиціальное сообщеніе о томъ, что „пересмотръ законоположеній о крестьянахъ предполагается энергично продолжать“.

Это въ высшей степени важное рѣшеніе является первымъ политическимъ актомъ новаго министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Мы никогда не сомнѣвались въ томъ, что таково именно и будетъ это рѣшеніе, вполнѣ согласующееся съ государственною мудростью и насущными интересами нашего Отечества.

Еще 25 сентября мы писали слѣдующее въ отвѣтъ *Русскимъ Вѣдомостямъ*, намекавшимъ на то, что крестьянская реформа будетъ прервана и замѣнена другою реформой, совершенно противоположнаго характера:

„Какъ намъ извѣстно изъ достовѣрнаго источника, крестьянская реформа *будетъ продолжаться* и при новомъ министрѣ *на тѣхъ же основаніяхъ*, которыя ей предуказаны во Всемилостивѣйшемъ Манифестѣ 26 февраля 1903 года, и которыя въ точности были соблюдены въ проектѣ, выработанномъ во время министерства В. К. Плеве“.

Тѣмъ не менѣе 28 сентября петербургская газета *Новости* сообщила въ весьма категорической формѣ слѣдующее сенсаціонное извѣстіе:

„Работы по пересмотру законоположеній о крестьянахъ *рѣшено пріо-*

остановить и возобновить ихъ *по новому плану*. Центръ тяжести въ работахъ предполагается перенести въ губерніи, въ особые комитеты съ участіемъ представителей отъ земства и дворянства. Работа этихъ комитетовъ послужитъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ основою при составленіи проекта новаго крестьянскаго Положенія".

Это извѣстіе было встрѣчено 29 сентября громкимъ восторгомъ со стороны *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, которыя заявили, что „то обстоятельство, что перемѣна плана работы причинитъ нѣкоторое замедленіе, не имѣетъ никакого значенія".

Легко можно себѣ представить изумленіе этихъ лжепророковъ, когда они прочли офиціальное сообщеніе отъ 1 октября о томъ, что работы по крестьянской реформѣ министръ Внутреннихъ Дѣлъ рѣшилъ не пріостанавливать, но *„энергично продолжать"* на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ онѣ доселѣ производились.

Въ виду этого мы совѣтовали бы нашимъ „общественникамъ" дорожить выраженнымъ имъ довѣріемъ новаго министра, въ собственномъ же ихъ интересѣ не злоупотреблять этимъ довѣріемъ и не приписывать министру намѣреній, которыя совершенно чужды серіозному государственному дѣятелю и вѣрному слугѣ своего Государя.

Пусть разочарованіе, постигшее ихъ въ вопросѣ о крестьянской реформѣ, послужитъ имъ и впредь назидательнымъ урокомъ.

XL.

Маклакя парламентаризма.

Наши „либералы" хотятъ во что бы то ни стало навязать намъ истасканный, изодранный западно-европейскій парламентаризмъ.

Они дѣлаютъ это со всѣми пріемами базарнаго маклачества, тщательно скрывая и замалчивая всѣ позорные дефекты этого негоднаго учрежденія, стараясь, какъ говорится, „показать товаръ лицомъ".

Перечисляя съ особымъ злорадствомъ всѣ дѣйствительные и мнимые недуги Россіи, эти господа, подобно ярмарочнымъ шарлатанамъ, обѣщаютъ сразу вылѣчить насъ однимъ универсальнымъ волшебнымъ элексиромъ—парламентаризмомъ, превознося на всѣ лады его чудодѣйственную силу.

Мы еще понимали бы эти восторженные панегирики, если бъ они произносились не теперь, а пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ наивныхъ иллюзій, вызванныхъ революціонными движеніями 1848 года. Тогда и въ Западной Европѣ близорукіе политики искренно вѣрили въ магическую силу обоготворенной ими панацеи парламентаризма, представлявшагося имъ во всемъ ореолѣ чисто-теоретическаго идеала. Но длившаяся затѣмъ пятидесятилѣтняя практика парламентаризма обнаружила всѣ его неприглядныя, отвратительныя стороны, начиная съ грубаго взяточничества и кончая дикими обструкціями и кулачными расправами въ парламентскихъ собраніяхъ.

Мы еще понимали бы, если бы наши „либеральные" шарлатаны объ-

щали создать намъ такой особый русскій парламентаризмъ, въ которомъ невозможны были бы всѣ возмутительныя безобразія, неотъемлемо-присущія западному парламентаризму. Но они этого не дѣлаютъ, они просто замалчиваютъ эти безобразія, отводя намъ глаза старыми напыщенными фразами 1848 года, какъ-будто эти фразы давно не опровергнуты позорной практикой парламентаризма.

Зато наши „либеральные“ софисты изобрѣли новые маклаческіе пріемы, чтобы во что бы то ни стало всучить намъ свой негодный товаръ.

Такъ, напримѣръ, имъ очень желалось бы скрыть тотъ общеизвѣстный фактъ, что весь парламентаризмъ основанъ на борьбѣ политическихъ партій, приводящей къ торжеству того или другого парламентскаго большинства, предъ которымъ должно преклониться правительство. И вотъ они говорятъ Русскому Правительству:

— Тутъ ничего такого страшнаго нѣтъ: бываютъ даже случаи, что иныя правительства вовсе и не подчиняются парламентскому большинству.

И вотъ, они указываютъ на примѣръ князя Бисмарка и Вильгельма II, на примѣръ датскаго министерства Эструпа и норвежскаго кабинета Станга, удерживавшихъ одно время за собою власть вопреки ясно выраженной волѣ парламентскаго большинства. Они даже ссылаются на теперешнее австрійское министерство Кэрбера, махнувшаго рукой на весь парламентаризмъ и управляющаго государствомъ на основаніи пресловутаго § 14, вызывающаго такое негодованіе среди всѣхъ парламентаристовъ*). Словомъ, наши „либералы“, которые въ свое время громили такихъ „деспотовъ“, какъ Бисмарка, Эструпа, Станга и Кэрбера за то, что они искажаютъ самую сущность парламентаризма, не подчиняясь „волѣ народа“, теперь не стыдятся выставить образъ дѣйствій этихъ государственныхъ людей, какъ явленіе нормальное, къ которому спокойно можетъ прибѣгнуть и Русское Правительство, если бъ оно вздумало обзавестись парламентомъ.

Легко можно вообразить себѣ, какимъ яростнымъ нападкамъ „либераловъ“, до уличной революціи включительно, подвергся бы въ такомъ парламентѣ русскій министръ-президентъ, который бы захотѣлъ послѣдовать примѣру вышеназванныхъ министровъ и не подчинился бы „волѣ народа“. Въ исторіи парламентаризма были, вѣдь, и другія попытки правительствъ бороться противъ парламентскаго большинства, *но всѣ онѣ неизбѣжно кончались пораженіемъ этихъ правительствъ*, какъ того требуютъ основные принципы парламентаризма**).

Еще безстыднѣе тѣ ссылки нашихъ „либераловъ“, которыя они, желая убаюкать Русское Правительство, дѣлаютъ на Швейцарію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, гдѣ министры зависятъ не отъ парламентовъ, а отъ президентовъ. Но кому же не извѣстно, что эти президенты выбираются лишь на нѣсколько лѣтъ и сами вынуждены подчиниться волѣ

*) *Вѣстникъ Европы* 1904 года, октябрь, стр. 875.

**) Почему *единственнымъ* исключеніемъ изъ этого правила (и то на долго ли?) является образъ правленія Бисмарка и Вильгельма II, мы уже указали въ № 245 *Московскихъ Вѣдомостей* 1904 г.

избравшей ихъ партіи? Кто же не знаетъ, до какихъ вопіющихъ безобразій доходитъ партійная борьба именно въ Соединенныхъ Штатахъ?

Обо всемъ этомъ тщательно умалчиваютъ наши „либеральные“ маклаки, показывая намъ изъ-подъ полы лишь внѣшнюю мишуру парламентаризма.

Но какъ аттестовать тотъ наглый пріемъ, къ которому прибѣгла газета *Право* въ своемъ № 39?

Она напечатала статью „Война и Бюрократія“, въ которой доказывается, что если мы въ японской войнѣ встрѣтили столько непріятныхъ „сюрпризовъ“, то это только потому, что у насъ нѣтъ парламента, и что всѣ эти сюрпризы прекратятся, лишь только „Престолъ, собравши вокругъ себя землю, будетъ славенъ, великъ и силенъ“.

Посмотримъ, какіе это были сюрпризы:

„Сюрпризомъ для насъ оказалось „коварство“ японцевъ, напавшихъ на насъ безъ объявленія войны, хотя послѣднюю свою войну съ Китаемъ они начали такимъ же точно „коварнымъ нападеніемъ“. Сюрпризомъ оказались и огромныя вооруженныя силы Японіи, и ея финансовая мощь, хотя составъ японской арміи былъ точно извѣстенъ нашему генеральному штабу, а финансовые ресурсы страны, конечно, были точно извѣстны нашей дипломатіи. Мы не предвидѣли того простого факта, что пятидесятимилліонный народъ можетъ располагать большими деньгами и снарядить большую хорошо вооруженную армію. Для насъ оказались неожиданностью высокія боевыя качества японскихъ войскъ, хотя на нашихъ глазахъ эти качества уже были испытаны и проявлены въ двухъ кампаніяхъ. Мы не предвидѣли той фанатической ненависти къ намъ, которую неминуемо должны были вызвать въ Японіи занятіе нами Портъ-Артура, оккупація Манчжуріи, сосѣдство нашихъ войскъ въ сѣверной Кореѣ. Самымъ большимъ сюрпризомъ для насъ оказались мы сами, наша собственная неподготовленность къ войнѣ, засвидѣтельствованная правительственными сообщеніями! Сюрпризомъ для всѣхъ оказалось малое количество нашихъ войскъ въ Манчжуріи...

„Перечислять всѣ наши сюрпризы и всѣ тѣ жертвы, которыхъ они намъ стоили, значило бы разсказать почти всю исторію Русско-Японской войны до послѣднихъ ея дней. Мы не предвидѣли всего того, чего не дано предвидѣть только крѣпко-спящему.

„Кто же виноватъ въ этомъ? Русское общество? Оно спало по распоряженію начальства. Въ теченіе многихъ лѣтъ принимались всѣ мѣры къ тому, чтобъ оно не пробудилось. Когда изрѣдка кто-либо пытался приподняться, встать на ноги и молвить человѣческое слово, это разсматривалось какъ нарушеніе общественнаго спокойствія и безопасности. Раздавался грозный окрикъ: „молчать, лежать смирно“, и сильная рука пришибала ницъ поднявшуюся голову. Россія за послѣдніе годы походила на дортуаръ въ участкѣ“.

Мы никогда еще не читали въ русской печати такого возмутительнаго, хлесткаго вздора. Но, конечно, при начавшейся у насъ свободѣ лжи намъ не то еще придется читать въ русскихъ газетахъ.

А что вся статья эта—сплошная ложь, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія для каждаго серіознаго, вдумчиваго человѣка.

Авторъ этой статьи, очевидно, хочетъ ошеломить своихъ читателей такимъ, приблизительно, софизмомъ: „только Россія могла быть озадачена столькими сюрпризами, потому что въ ней нѣтъ парламента: въ тѣхъ государствахъ, которыя наслаждаются парламентаризмомъ, такіе сюрпризы совершенно немыслимы".

Вотъ въ этомъ софизмѣ и заключается вопіющая ложь.

Въ самомъ дѣлѣ, если въ какомъ-либо государствѣ процвѣтаютъ парламентаризмъ и всякія „свободы", то это въ Англіи.

А развѣ для Англіи не оказались сюрпризомъ огромныя вооруженныя силы буровъ, хотя составъ бурской арміи былъ точно извѣстенъ англійскому генеральному штабу? Англичане не предвидѣли того простого факта, что буры располагали большими деньгами и могли снарядить большую хорошо вооруженную армію. Они не предвидѣли той ненависти къ англичанамъ, которую неминуемо должны были вызвать въ Трансваалѣ англійскіе уйтлендеры и хищническая политика Сесиль-Родса. А самымъ большимъ сюрпризомъ для нихъ оказались они сами, ихъ собственная неподготовленность къ войнѣ, засвидѣтельствованная правительственными сообщеніями. Перечислять всѣ ихъ сюрпризы и всѣ тѣ жертвы, которыхъ они имъ стоили, значило бы разсказать почти всю исторію Англо-Бурской войны.

А какимъ сюрпризомъ для всей парламентарной Европы было боксерское движеніе въ Китаѣ? А развѣ парламентарная Италія не испытала позорнѣйшаго сюрприза при Адуѣ, а парламентарная Австрія при Садовой?

А между тѣмъ авторъ статьи въ газетѣ *Право* хочетъ увѣрить насъ, что подобные сюрпризы возможны лишь для тѣхъ государствъ, которыя не имѣютъ парламента!

Или онъ и на вышеназванныя государства распространяетъ возмутительную клевету, взведенную имъ на Россію, утверждая, что всѣ они предъ огорошившими ихъ сюрпризами тоже походили на „дортуары въ участкѣ"? Или, можетъ-быть, онъ не знаетъ всѣхъ перечисленныхъ нами фактовъ?

Конечно, знаетъ, вѣдь онъ „профессоръ", но онъ, какъ истинный маклакъ, тщательно скрываетъ эти факты, чтобы продать товаръ лицомъ. Какъ это ему не стыдно!

XLI.

Союзники японцевъ.

Что у японцевъ есть союзники,—это всѣмъ извѣстно.

Точно такъ же всѣ знаютъ, что этими союзниками являются англичане, которые еще на-дняхъ оказали въ Нѣмецкомъ морѣ, а затѣмъ въ Лондонѣ такую энергичную поддержку своимъ желтымъ сообщникамъ, за которую послѣдніе, конечно, могутъ имъ быть лишь очень благодарны.

Но еще большую благодарность японцы приносятъ въ настоящее время другимъ своимъ союзникамъ,—русскимъ „либераламъ", которые нисколько

не уступаютъ англичанамъ въ содѣйствіи японцамъ, но далеко превосходятъ ихъ въ безправственности, такъ какъ они идутъ въ союзѣ съ японцами не на чужую, а на свою родную страну.

Представьте себѣ, что въ настоящее время въ Токіо явилась бы партія японскихъ политикановъ, которая, воспользовавшись тяжкимъ положеніемъ, въ которомъ находится японское правительство вслѣдствіе затянувшейся разорительной войны, напала бы на это правительство, взваливая на него цѣлую кучу справедливыхъ или несправедливыхъ обвиненій, возмущая противъ него общественное мнѣніе, подготовляя внутренній кризисъ, грозящій опрокинуть правительство и, во всякомъ случаѣ, лишить его возможности вести дальше войну. Вѣдь, не правда ли, эти люди были бы прямыми измѣнниками своему отечеству? Но мы были бы имъ весьма благодарны, такъ какъ они съ нами стремились бы къ одной и той же цѣли, работая надъ ослабленіемъ и пораженіемъ Японіи.

А потому легко можно себѣ представить, съ какою радостью японцы встрѣтили извѣстіе, что русская „либеральная“ партія подняла знамя противъ Русскаго Правительства, громко призывая его къ отвѣтственности за всѣ „сюрпризы“, которыми насъ наградила война, и требуя коренного государственнаго переворота въ Россіи.

Правда, японцы ожидали еще гораздо большаго отъ нашихъ „либераловъ“.

Начавъ свою войну съ Россіей, они разсчитывали не только на нашу военную неподготовленность, но и на казавшуюся имъ неминуемость внутренней у насъ революціи, которая, свергнувъ Самодержавіе, лишила бы Россію возможности продолжать войну и отдала бы ее на произволъ Японіи.

Въ неизбѣжности такой катастрофы были увѣрены и англичане, тѣмъ болѣе, что ихъ въ этомъ убѣждалъ, въ своемъ *Освобожденіи*, такой „знатокъ Россіи“, какъ бѣглый марксистъ Струве.

Всѣ эти коварные расчеты основывались, конечно, на томъ предположеніи, что первая половина войны будетъ, по необходимости, неудачна для Россіи, что дастъ русскимъ „либераламъ“ возможность съ бо́льшимъ успѣхомъ начать свою антиправительственную агитацію, дабы вызвать необходимое для японцевъ революціонное движеніе въ Россіи.

Дѣйствительно, наши „либералы“ съ великимъ усердіемъ принялись исполнять ту роль, которую имъ предоставили японцы въ ихъ общемъ походѣ противъ Россіи.

Мы еще на-дняхъ видѣли, какъ одинъ „либеральный“ кіевскій профессоръ, въ газетѣ *Право*, пуская въ ходъ безсовѣстную ложь, всячески старался играть въ руку японцевъ, изображая Русское Правительство въ видѣ какого-то баши-бузука, принуждающаго Русское общество терпѣть каторжныя муки, держа всю Россію какъ бы „въ дортуарѣ полицейскаго участка“.

Точно такъ же изъ кожи лѣзутъ въ своей антиправительственной агитаціи и другіе „либеральные“ союзники японцевъ въ столичныхъ и

провинціальныхъ газетахъ, радующіеся каждому успѣху японскихъ войскъ, какъ удобному оружію для своей измѣннической борьбы противъ Россіи.

Но конечнаго результата они все-таки такъ и не добились,—того результата, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ какъ они сами, такъ и ихъ союзники—японцы.

Не дождались японцы столь желаннаго имъ результата и въ Нѣмецкомъ морѣ, гдѣ ихъ союзникамъ, англичанамъ, не удалось взорвать Русскую эскадру. Этимъ мы обязаны бдительной энергіи нашего славнаго адмирала Рожественскаго.

Столь же бдительная энергія нужна Россіи и во внутренней ея жизни, дабы предотвратить еще болѣе грозные взрывы, подготовляемые союзниками японцевъ въ нашей, нынѣ совершенно разпузданной, печати.

Возмутительная профессорская статья въ газетѣ *Право* нынѣ свободно гуляетъ по всѣмъ „либеральнымъ“ органамъ Россіи, внося смуту и волненіе въ беззащитные умы всего населенія, и въ особенности въ умы нашей несчастной учащейся молодежи, для которой эта наглая ложь имѣетъ двойное авторитетное обаяніе, такъ какъ она не только напечатана въ „серіозной“ юридической газетѣ, но и подписана именемъ профессора. Какъ бы кто ни восторгался народившеюся у насъ „свободой печати“, но ни одинъ честный человѣкъ не можетъ сочувствовать той безсознательной лжи, которою пропитана эта статья, и въ которой мы уличили г. профессора *).

Съ ужасомъ думаешь, что та же циническая ложь проповѣдуется этимъ профессоромъ, въ видѣ „науки“, съ высоты университетской каѳедры, и что онъ за это сознательное развращеніе молодежи получаетъ отъ Правительства и жалованіе, и награды!

Какъ онъ, такъ и остальные, подобные ему, союзники японцевъ, разбрасываютъ такимъ подлымъ образомъ подводныя мины по Русскому житейскому морю на пути Русскаго Государственнаго корабля.

Неужели не найдется другого адмирала Рожественскаго, чтобы сразу положить предѣлъ этимъ гнуснымъ маневрамъ, производимымъ въ прямыхъ интересахъ Японіи?

XLII.

Надежды „либераловъ“.

— Cette fois-ci nous décrocherons la timbale!—съ восторженною увѣренностью говорятъ наши „либералы“, подразумѣвая подъ „timbale“ — конституцію.

А нѣкоторые съ еще большею самоувѣренностью прибавляютъ:

— Et si nous ne la décrochons pas, nous la crocheterons.

Къ этой конечной цѣли напрягаются теперь всѣ усилія нашихъ „либераловъ“. То, что имъ не удалось сдѣлать въ шестидесятыхъ годахъ, то, что у нихъ сорвалось въ мартѣ 1881 года, они твердо рѣшили тѣмъ или другимъ способомъ сорвать теперь, въ теченіе предстоящей зимы.

*) См. *Моск. Вѣд.* 1904 г., № 289 „Маніаки парламентаризма“ и выше, стр. 105.

Они хотятъ во что бы то ни стало устроить то, что они на своемъ рабьемъ языкѣ называютъ „весной“, и что, по ихъ объясненіямъ въ безчисленныхъ рѣчахъ и газетныхъ статьяхъ, сводится къ „участію въ управленіи Россіей“, то-есть къ уничтоженію Самодержавія.

Откройте любую ихъ газету, и вы встрѣтите всевозможныя варіаціи все на одну и ту же тему: все несчастье Россіи заключается де въ томъ, что она находится не подъ режимомъ „правоваго порядка“, что въ ней не исполняется „воля народа“, а лишь Державная Воля Русскаго Царя.

Та „свобода печати“, которой такъ добивались наши „либералы“, и которая теперь имъ дана въ видѣ опыта и „попустительства“ *), имѣла, какъ это мы предсказывали, и какъ мы это теперь видимъ, *единственною* цѣлью широкую пропаганду, какъ въ обществѣ, такъ и въ народѣ, демократическихъ принциповъ, которые привели къ крушенію самодержавной власти въ Западной Европѣ въ 1789 и въ 1848 годахъ.

Они стараются разрушить вѣрноподданническія чувства Русскаго народа и втолковать ему, что онъ долженъ освободиться отъ „бюрократіи“, а освободиться де онъ можетъ только посредствомъ „личнаго участія въ управленіи своею судьбой“, то-есть посредствомъ демократическаго парламентаризма, уничтожающаго основные принципы Царскаго Самодержавія. Такимъ образомъ оказывается, что и слово „*бюрократія*“ является въ рабьихъ устахъ нашихъ „либераловъ“ такимъ же макспрующимъ синонимомъ *самодержавія*, какъ и „*правовой порядокъ*“ является лишь маской *конституціи* и *парламентаризма*.

Долой эти маски! Дѣло идетъ о судьбѣ Россіи, и въ такомъ серіозномъ дѣлѣ маскарады не допустимы. Кладите свои карты на столъ, господа, какъ мы всегда кладемъ свои карты, и говорите съ полною откровенностью, дабы намъ не путаться въ недоразумѣніяхъ.

Вы идете *противъ* Самодержавія, и никто изъ васъ этого не отрицаетъ. *Мы* стоимъ и всегда будемъ стоять *за* Самодержавіе.

Вы хотите навязать Россіи конституцію, и вы убѣждены, что она ее спасетъ; а *мы* убѣждены, что она ее погубитъ.

Какъ же намъ не напрягать всѣхъ силъ, чтобы воспрепятствовать вамъ въ вашемъ пагубномъ намѣреніи, если вы напрягаете всѣ свои силы для осуществленія этого намѣренія.

Васъ много, а насъ мало. Но развѣ мы поэтому должны измѣнить своимъ убѣжденіямъ? Вѣдь и мы сочли бы позоромъ измѣнить своимъ убѣжденіямъ, если бы насъ было много, а васъ мало.

Но полно, много ли васъ? Вся русская интеллигенція - вѣдь это капля въ морѣ многомилліоннаго Русскаго народа, который весь стоитъ съ беззавѣтною преданностію за своего Самодержавнаго Царя. Вы еще не успѣли окончательно развратить его въ этотъ мѣсяцъ дарованнаго вамъ „попустительства“ своими статьями и воззваніями, направленными къ возбужденію народа противъ Правительства. Онъ весь стоитъ на сторонѣ своего Царя, и мы считаемъ своимъ долгомъ стоять на той же сторонѣ, а не на вашей.

*) Выраженіе „*Новаго Времени*“ 1904 г., № 10.289.

Мы уже потому не можемъ стоять на вашей сторонѣ, что ваша сторона есть сторона *лжи, обмана* и *измѣны*.

Вы *лжете*, говоря, что военныя наши тяжести вызваны отсутствіемъ у насъ парламента, такъ какъ если бъ у насъ былъ парламентъ, онъ свелъ бы почти къ нулю нашъ военный и морской бюджетъ подъ вліяніемъ вашихъ же безсмысленныхъ протестовъ противъ „милитаризма“.

Вы *обманываете* народъ, восхваляя ему, какъ какую-то панацею, изношенный, изодранный западный парламентаризмъ, тщательно скрывая всѣ его позорныя прорѣхи.

Вы *измѣняете* Россіи, играя въ руку японцамъ, для которыхъ затѣянная вами внутренняя смута Россіи несомнѣнно гораздо важнѣе паденія Порт-Артура.

Какъ же вы хотите, чтобы мы стояли на вашей сторонѣ? Какъ же вы хотите, чтобы мы не боролись съ вами тѣмъ же оружіемъ печатнаго слова, какимъ боретесь и вы?

Или, можетъ-быть, мы ошибаемся? Можетъ-быть, вы стоите за полную неприкосновенность Самодержавія? Можетъ-быть, вы вовсе и не желаете конституціи?

Въ такомъ случаѣ, вы это такъ прямо, откровенно и заявите. Тогда мы замолчимъ.

А пока вы этого не заявите, пока вы будете дѣлать то, что, по нашему убѣжденію, приноситъ зло Россіи, мы молчать не будемъ, ибо, по долгу своей совѣсти, молчать не можемъ.

XLIII.

Предположенный эскамотажъ.

Въ Московской Земской Управѣ происходятъ теперь, при тщательно закрытыхъ дверяхъ, обсужденія той „платформы“, которая будетъ провозглашена на предстоящемъ въ Петербургѣ „частномъ съѣздѣ предсѣдателей нѣкоторыхъ земскихъ управъ и нѣкоторыхъ земскихъ дѣятелей“.

Московскіе организаторы этого „съѣзда“ очень недовольны такимъ официально имъ разрѣшеннымъ ограничительнымъ названіемъ ихъ затѣи. Ихъ фантазіи предносятся другія, болѣе пышныя, названія въ родѣ „земскаго собора“, „всероссійской народной думы“ или, по крайней мѣрѣ, что-нибудь вродѣ гамбетговскаго „Grand Conseil des Communes de la France“. Но они утѣшаютъ себя тѣмъ, что эти названія отъ нихъ не уйдутъ, а пока можно довольствоваться и „частнымъ съѣздомъ“. Тѣмъ болѣе, что дѣло не въ названіи, а въ принципѣ, въ программѣ и въ результатѣ этого съѣзда.

Какъ намъ передаютъ, послѣдняя наша статья „Надежды либераловъ“ *) вызвала со стороны лицъ, близко знающихъ организаторовъ съѣзда, весьма существенную поправку.

*) См. *Моск. Вѣд.* 1904 г., № 294

Мы говорили, что гг. организаторы твердо рѣшили на этотъ разъ не дать маху и во что бы то ни стало сорвать себѣ конституцію, выражая свои надежды въ такой приблизительно формулѣ: „Cette fois-ci nous décrocherons la timbale, et si nous ne la décrochons pas, nous la décrocheterons".

— Pardon, говорятъ намъ люди свѣдущіе, ce n'est pas le mot: ils *l'escamoteront*.

И организаторами, какъ слышно, уже намѣченъ планъ этого эскамотажа:

Первый съѣздъ долженъ пройти очень „чинно и благородно", дабы увѣрить правительство, что и другіе подобные съѣзды всегда будутъ столь же „корректны" и что поэтому ихъ слѣдуетъ впредь не только каждый разъ разрѣшать „въ видѣ исключенія", но признать ихъ разъ навсегда законнымъ учрежденіемъ для выраженія народныхъ „желаній". Что касается народной „воли", то эта формула пока еще на первомъ съѣздѣ произнесена не будетъ, а лишь на второмъ или третьемъ, если бы Правительство вздумало не исполнить народныхъ „желаній".

Если Правительство пойдетъ на эту удочку и будетъ въ самомъ дѣлѣ смотрѣть на членовъ съѣзда не какъ на представителей ихъ личныхъ, властолюбивыхъ и узкопартійныхъ интересовъ, а какъ на представителей „Русскаго народа", то уже будетъ достигнута первая фикція для предположеннаго эскамотажа. Вторая фикція будетъ заключаться въ томъ, что Правительство должно де не только „знать" выражаемую гг. Шиповыми и Петрункевичами „волю Русскаго народа", но должно и „сообразоваться" съ ней, и „подчиняться" ей, во избѣжаніе тяжелыхъ конфликтовъ между Самодержавною Волею и „волей народа".

Если же Правительство скажетъ, что Русскій народъ не уполномочивалъ гг. Шиповыхъ и Петрункевичей быть его представителями и что если спросить народъ, онъ выберетъ себѣ совершенно иныхъ представителей,—тогда нужно поймать Правительство на словѣ и заставить его „спросить народъ" посредствомъ „свободно выбранныхъ" имъ представителей для засѣданія уже въ настоящемъ „земскомъ соборѣ".

Конечно, сперва, для отвода глазъ, можно будетъ выставить этотъ „земскій соборъ" по рецепту славянофиловъ „съ однимъ лишь *совѣщательнымъ* голосомъ". Но лишь только Правительство хотъ одинъ разъ осмѣлится не исполнить „совѣта", даннаго „народною волей", -конфликтъ будетъ готовъ, славянофильскій рецептъ будетъ выброшенъ за сортъ, и „земскій соборъ" превратится въ самый настоящій конституціонный парламентъ со всѣми его привилегіями и послѣдствіями. *Et le tour sera joué.*

Все дѣло лишь въ томъ, чтобы правительство согласилось съ демократическимъ софизмомъ, признавъ въ „выборныхъ людяхъ" выразителей „народной воли". —„Une fois que le Gouvernement aura *donné dedans*, говорятъ наши эскамотёры, il est perdu, et nous lui arracherons la constitution, comme un dentiste arrache une dent, sans douleur, sans que le patient s'en aperçoive"*).

*) Разъ только Правительство попадаетъ въ эту ловушку, оно пропало, и мы вырвемъ у него конституцію, какъ дантистъ, незамѣтно для пациента, вырываетъ зубъ безъ боли.

Таковы хитроумные разсчеты московскихъ организаторовъ петербургскаго „съѣзда“.

Но мы еще разъ повторяемъ, что московскіе престидижитаторы предаются преждевременнымъ ликованіямъ, и что имъ не удастся сыграть роль ярмарочныхъ дантистовъ, не удастся обморочить Правительство.

Прежде всего они сами себя обманываютъ: подчинившись какому-то самовнушенію, они вообразили себѣ, что Правительство провозгласило начало какой-то „новой политикѣ“, совершенно противоположной „личной“ политикѣ покойнаго министра Внутреннихъ Дѣлъ!

Они совершенно забыли въ своемъ гипнозѣ, что въ Россіи ни одинъ министръ не можетъ имѣть „личной“ политики, служа лишь исполнителемъ верховныхъ предначертаній Самодержавнаго Государя.

О какихъ-либо измѣненіяхъ въ государственной политикѣ Русскій народъ можетъ узнавать лишь изъ Высочайшихъ актовъ Державной Царской Воли, изъ Всемилостивѣйшихъ Манифестовъ, Указовъ, Рескриптовъ, а не изъ какихъ-либо другихъ источниковъ,

Послѣднимъ такимъ именно политическимъ актомъ былъ Манифестъ 26 февраля 1903 года, подробно и твердо опредѣлившій политику Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, кто бы ни былъ призванъ на постъ министра Верховною Волей Государя. Этимъ Манифестомъ опредѣлялась дѣятельность В. К. Плеве, имъ же опредѣляется и дѣятельность новаго министра; ни у того, ни у другого какой-либо „своей“ политики быть не могло и не можетъ.

Правда, можно одну и ту же политику примѣнять различными пріемами, зависящими отъ характера дѣятеля, осуществляющаго ее на практикѣ государственной жизни. И дѣйствительно, мы знаемъ, что характеръ В. К. Плеве отличался скорѣе скептицизмомъ, тогда какъ новый министръ проникнутъ довѣрчивымъ оптимизмомъ. Въ виду этого, весьма понятно, что, *стремясь къ одному и тому же политическому идеалу*, они могутъ иногда расходиться во взглядахъ относительно тѣхъ или другихъ способовъ достиженія этого идеала. Но какой же серьезный человѣкъ можетъ приписать новому министру сочувствіе тому, что прямо противорѣчитъ Высочайшей Волѣ, признавшей въ Манифестѣ 26 февраля 1903 года возможность развитія народнаго благосостоянія не иначе какъ „подъ сѣнію Самодержавной Власти“?

А между тѣмъ, такія именно намѣренія предписываются новому министру нашею „либеральною“ печатью!

Первый административный шагъ князя Святополкъ-Мирскаго посвященъ былъ, какъ извѣстно, крестьянской реформѣ, и тутъ князь ясно показалъ, насколько неизмѣримо выше онъ стоитъ надъ этими „либеральными“ инсинуаціями: для него безразлично, были ли одобрены основы новой крестьянской реформы его предшественниковъ, но для него въ высшей степени важно, что онѣ были одобрены Верховною Властью Государя, а потому онъ рѣшилъ энергично продолжать эту реформу *на этихъ именно, а не на иныхъ основахъ*, какъ бы „либеральная“ печать ни старалась увѣрить его въ необходимости исказить тѣ мѣропріятія его предшественника, которыя получили Высочайшее одобреніе, а слѣдовательно уже сдѣлались актами Верховной Воли.

Такъ, несомнѣнно, будетъ онъ поступать и впредь, ибо никто не можетъ сомнѣваться въ его искренней, безавѣтной преданности своему Государю и Его Самодержавной Власти.

А потому мы можемъ съ полною увѣренностію сказать, что если ликованія нашихъ „либераловъ" оказались преждевременными относительно какого-то „новаго плана" крестьянской реформы, то они окажутся уже совершенно нелѣпыми относительно той „весны", которою они морочатъ почтенѣйшую публику, увѣряя ее, что имъ удастся эскамотировать у Правительства „конституцію".

Намъ недавно пришлось встрѣтить скромнаго труженика, занятаго своимъ дѣломъ и лишь однимъ ухомъ прислушивающагося къ носящимся вокругъ него политическимъ толкамъ. Мы разговорились съ нимъ о войнѣ, и онъ съ грустью, почти машинально замѣтилъ:

— Да, вотъ Куропаткинъ отступилъ отъ Ляояна: видно, намъ безъ конституціи не обойтись!

Громкій смѣхъ присутствующихъ озадачилъ бѣдняка, который въ своей наивности повѣрилъ, что существуетъ какая-то связь между фланговымъ движеніемъ Куроки и отсутствіемъ у насъ конституціи. Достаточно было нѣсколько разъяснительныхъ словъ, чтобы растолковать ему нелогичность его вывода, и онъ самъ благодушно надъ нимъ разсмѣялся.

Но насъ поразилъ этотъ фактъ, какъ послѣдствіе той конституціонной пропаганды, которую такъ неустанно ведутъ въ нашемъ обществѣ внутренніе враги Россіи.

Теперь они особенно оперились и съ самоувѣренностью пророчествуютъ о близости „конституціи".

А между тѣмъ въ ихъ логическихъ выводахъ, которыми они стараются подкрѣпить свои пророчества, столько же наивности, какъ и въ вышеприведенномъ выводѣ о причинѣ Ляоянскаго отступленія.

XLIV.

Новая клевета на Каткова.

Воспроизведенныя нами (№ 308) безсмертныя слова великаго русскаго патріота, писавшаго не только для своихъ современниковъ, но и для назиданія всѣхъ смѣняющихся поколѣній Русскаго народа, имѣютъ яркое, живое значеніе въ переживаемые нами дни историческаго кризиса Россіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они кладутъ рѣшительный конецъ той лживой легендѣ, которую г. Суворинъ-сынъ попытался-было, со свойственнымъ ему легкомыслiемъ, создать въ своей газетѣ *Русь* (№ 325 отъ 5 ноября), съ цѣлью омрачить великую память покойнаго редактора-издателя *Московскихъ Вѣдомостей*.

Ратуя за учрежденіе земскихъ соборовъ въ современной Россіи, молодой петербургскій публицистъ сообщаетъ своимъ читателямъ, что „Катковъ даже и въ послѣдніе свои годы былъ сторонникомъ земскихъ соборовъ".

Г. Суворинъ-сынъ предвидитъ, что ему никто не повѣритъ, такъ какъ статьи Каткова налицо, и никто въ нихъ не найдетъ даже и намека на

то, чтобы Катковъ считалъ необходимымъ созывать земскіе соборы въ современной Россіи, тѣмъ болѣе, что онъ въ этомъ вопросѣ всегда рѣзко расходился съ И. С. Аксаковымъ, мечтавшимъ о такихъ соборахъ.

Но это нисколько не смущаетъ недостойнаго сына А. С. Суворина: „Между тѣмъ это совершенная правда", говоритъ онъ. „Въ статьяхъ Каткова, которыя писались имъ для требованій и разсчетовъ своего времени,— до такихъ взглядовъ его добраться не такъ легко, но самъ Катковъ въ разговорѣ нисколько ихъ не скрывалъ".

И вотъ молодой Суворинъ увѣряетъ, что 22 года тому назадъ, когда онъ еще былъ совершеннымъ юнцомъ, онъ слышалъ, что покойный А. И. Коломнинъ однажды случайно разговаривалъ съ покойнымъ Катковымъ. И вотъ этотъ разговоръ, никѣмъ никогда не записанный, молодой Суворинъ воспроизводитъ теперь на память съ чуть не стенографическою точностью, отмѣчая, при какихъ словахъ Катковъ „улыбался", а при какихъ—пѣтъ.

Этотъ апокрифическій разговоръ, приписываемый двумъ уже умершимъ случайнымъ собесѣдникамъ, г. Суворинъ-сынъ имѣетъ смѣлость понаслышкѣ выдавать за какой-то историческій документъ, доказывающій будто бы, что Катковъ говорилъ одно, а писалъ другое!

Вся публицистическая дѣятельность г. Суворина-сына является сплошною мальчишескою бравадой, для которой ничто не свято, которая, какъ говорится, „для краснаго словца не пожалѣетъ и отца". Можно ли поэтому ожидать, чтобъ онъ пожалѣлъ память политическаго врага и не навязалъ ему, „для требованій и разсчетовъ своего времени", совершенно ложные и позорные поступки, утверждая съ наглымъ цинизмомъ, что „это совершенная правда".

Нѣтъ, г. Суворинъ-сынъ, это—совершенная ложь.

Вы Каткова не видали и не читали, а потому вы Каткова не знаете, и лишь по вашему юному легкомыслію вы болтаете съ видомъ знатока о совершенно невѣдомыхъ вамъ предметахъ.

Люди, близко знавшіе великаго московскаго публициста, единогласно подтвердятъ, что того двуличія, которое вы ему приписываете, въ немъ никогда не было. *Онъ всегда говорилъ, что думалъ, и всегда писалъ, что говорилъ.* Въ этой его рыцарской честности не сомнѣвались даже и тѣ изъ его противниковъ, которые не сочувствовали тому, что онъ думалъ, говорилъ и писалъ.

Что касается земскихъ соборовъ, то у М. Н. Каткова былъ очень опредѣленный взглядъ на нихъ, который совершенно ясно и съ полною откровенностью и высказалъ 22 мая 1882 года, въ приведенной (№ 308) передовой статьѣ своей.

Мы лично имѣли великое счастье бесѣдовать съ М. Н. Катковымъ не одинъ разъ случайно, какъ покойный Коломнинъ, а цѣлые годы изо дня въ день, и вынесли изъ этихъ бесѣдъ глубокое неизгладимое убѣжденіе, что у этого великаго политическаго учителя земли Русской вся мысли, слова и дѣйствія находились всегда въ неразрывной между собою гармонической связи, и что поэтому совершенно вѣрно замѣчаніе близко знавшаго его лица, что „Катковъ въ свои передовыя статьи вложилъ все свое

политическое *я*, создавъ этимъ стройное и глубокое ученіе Русскаго государственнаго права". Въ этомъ можетъ убѣдиться каждый серіозный Русскій человѣкъ, ознакомившійся съ передовыми статьями великаго публициста, которыя всѣ изданы отдѣльно его наслѣдниками.

О земскихъ соборахъ намъ лично очень часто приходилось говорить съ М. Н. Катковымъ какъ разъ въ то время, къ которому г. Суворинъ-сынъ пріурочиваетъ свой апокрифическій анекдотъ, и никогда Михаилъ Никифоровичъ не высказывалъ по этому предмету иного мнѣнія, чѣмъ то, которое онъ высказалъ въ вышеприведенной статьѣ, и котораго и мы всегда держались и держимся.

А мнѣніе это заключается въ томъ, что Государь Императоръ имѣетъ неотъемлемое право въ качествѣ Самодержца созывать, всякій разъ когда Ему будетъ благоугодно, свѣдущихъ людей для обсужденія того или другого вопроса, но что учрежденіе „земскихъ соборовъ" съ постоянною законодательною функціей выборныхъ „народныхъ представителей", по образцу западныхъ парламентовъ, ограничивающихъ волю Государя, противорѣчило бы какъ историческому, такъ и основному смыслу Русскаго Царскаго Самодержавія, внѣ котораго спасенія для Россіи быть не можетъ.

Въ понедѣльникъ, 8 ноября—день ангела покойнаго Михаила Никифоровича.

Мы не можемъ лучше почтить его память, какъ воспроизведя въ этотъ день тѣ историческія строки, которыя онъ начерталъ о „Царскомъ пути" 25 апрѣля 1881 года, за 5 дней до великаго событія, заставившаго вздохнуть свободно всю благомыслящую Россію, принявшую какъ манну небесную Царственное слово, возвратившее въ Высочайшемъ Манифестѣ 29 апрѣля „Русскому народу Русскаго Царя Самодержавнаго, отъ Бога пріявшаго Власть Свою и лишь предъ Богомъ отвѣтственнаго".

XLV.

Самодержавіе, правовой порядокъ и бюрократія.

Наши либеральные софисты отожествляютъ Самодержавіе съ бюрократіей и противопоставляютъ ему правовой порядокъ.

Въ томъ и въ другомъ случаѣ они подтасовываютъ карты, разсчитывая на легкомысліе и невѣжество нашей публики.

Бюрократія есть несомнѣнное зло, но оно можетъ существовать какъ въ Самодержавномъ, такъ и въ республиканскомъ государствѣ; такъ, напримѣръ, въ современной Франціи бюрократическій централизмъ несравненно сильнѣе развитъ, чѣмъ въ Россіи. Но могутъ быть и самодержавныя и республиканскія государства, свободныя отъ бюрократіи.

Но если Самодержавіе, по своему существу, вовсе не тождественно съ бюрократіей, то Русское Самодержавіе, по своему же существу, вовсе не противоположно правовому порядку.

Подъ бюрократіей разумѣется всемогущая власть чиновниковъ, подъ правовымъ порядкомъ—торжество законности въ государственной жизни. И Русское Самодержавіе имѣетъ всѣ средства къ обузданію своеволія бю-

рократовъ и къ осуществленію принципа строгой законности во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ сферахъ.

Русское Самодержавіе вѣдь тѣмъ и отличается отъ восточнаго деспотизма, что послѣдній проявляетъ свою силу въ произволѣ, не подчиняющемся никакимъ законамъ, а Русское Самодержавіе всецѣло покоится на законномъ основаніи, дѣйствуетъ въ предѣлахъ точно установленныхъ законовъ и, обладая громадною законною силой, можетъ вполнѣ заставить всѣхъ и каждаго въ Государствѣ строго соблюдать существующіе законы, то-есть обезпечить въ государственной жизни строгій правовой порядокъ.

Это не только теорія,—это историческій фактъ.

У всѣхъ еще въ памяти славное царствованіе Александра III, Царя по преимуществу Самодержавнаго, при Которомъ чиновничій произволъ былъ доведенъ до минимума, строгая законность—до высшей своей степени, вслѣдствіе чего всѣ внутреннія силы Россіи возросли до пышнаго расцвѣта, среди глубокаго внутренняго и внѣшняго мира, а Россія заняла принадлежащее ей первое мѣсто въ міровой политикѣ.

Всѣ помнятъ этотъ быстрый подъемъ духа всей Россіи, благодаря Самодержавной политикѣ Царя-Миротворца.

Россія послѣ 1 марта была „полна измученными, извѣрившимися людьми". Какое же Александръ III примѣнилъ „средство противъ *упадка силъ въ лучшей части общества*, противъ этого ужаснаго зла, которое грозило неисчислимыми бѣдствіями нашему Отечеству".

Ничего другого, кромѣ торжественнаго провозглашенія принципа Самодержавія, справедливости и законности и строгаго соблюденія его въ государственной и общественной жизни.

„Человѣческія дѣйствія составляютъ результатъ настроенія. Дайте людямъ подъемъ духа, влейте въ сердца ихъ бодрость, вызовите увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, и вы увидите, что они сдѣлаютъ чудеса".

Александръ III вызвалъ эту увѣренность, усмиривъ внутреннюю смуту, „сковывавшую у насъ мысль и совѣсть", призвалъ къ жизни національную мощь Россіи,—„и страна въ короткое время переродилась, подобно тому, какъ подъ лучами весенняго солнца въ нѣсколько дней покрывается зеленью оттаявшая земля. Отовсюду явились скрытыя силы, дотолѣ томившіяся въ бездѣйствіи, подняли доходъ земледѣльца, создали базисъ для прочнаго процвѣтанія мануфактуръ и торговли. Производительный трудъ нашего даровитаго и терпѣливаго народа въ короткое время возстановилъ потери, которыя накликала" политика шаткаго безвластія, всѣмъ жертвовавшая для дешевой популярности. Тринадцать лѣтъ твердой законности „свободы и разумной работы безъ непужныхъ и вредныхъ помѣхъ, сдѣлали Россію просвѣщенною, богатою и довольною".

Приведенныя въ ковычкахъ слова заимствованы нами изъ передовой статьи „*Русскихъ Вѣдомостей*" (№ 314, отъ 11 ноября сего года) съ тою только разницей, что слова эти отнесены либеральною газетой къ *будущему* времени, когда, какъ она надѣется, въ Россіи будетъ уничтожено Самодержавіе, мы же ея слова перефразировали, отнеся ихъ къ недавнему

прошлому, къ царствованію Александра III, когда духовный подъемъ Россіи не былъ мечтой, а былъ дѣйствительнымъ фактомъ, какъ прямое послѣдствіе провозглашеннаго и твердо примѣненнаго принципа Самодержавія.

Все величавое царствованіе Царя-Миротворца имѣло не только громадное реальное значеніе, но еще болѣе важное значеніе принципіальное, явившись великимъ назиданіемъ для Русскаго Правительства, общества и народа, какъ бы говоря имъ:

„Хотите мира и счастья Россіи? Хотите немедленнаго спасенія послѣ какой-либо, сохрани Боже, тяжелой внѣшней или внутренней катастрофы? Берите примѣръ съ меня: я спустя три года послѣ Берлинскаго позора возвысилъ Россію до общепризнанной международной славы; я, на другой же день послѣ 1 марта, вернулъ Россіи внутренній миръ, покой, подъемъ духа и широкую, успѣшную, живую дѣятельность".

Какъ же можемъ мы забыть этотъ великій историческій урокъ?

Господа „либералы" стараются всячески игнорировать и замолчать великое и славное царствованіе Александра III, и въ этомъ именно и заключается вся ихъ низкая подлость, разсчитанная, какъ мы уже сказали, на легкомысліе и невѣжество ихъ читателей. Они похожи на врача, который, призванный къ дифтеритному больному, сдѣлалъ бы видъ, что онъ никогда ничего не слыхалъ объ антидифтеритной сывороткѣ и сталъ бы предлагать старыя, уже отвергнутыя наукой средства. Такого безсовѣстнаго шарлатана, конечно, слѣдуетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отстранить отъ больного, которому онъ ничего кромѣ вреда принести не можетъ. Съ такою же рѣшительностью слѣдуетъ отстранить и нашихъ „либеральныхъ" шарлатановъ отъ врачеванія Россіи, такъ какъ они, притворяясь, будто никогда не слыхали о великой живительной эпохѣ Царя-Самодержца, хотятъ отравить Россію такимъ завѣдомо-негоднымъ и опозорившимся на Западѣ зельемъ, какъ парламентарная конституція!

Мы еще разъ повторяемъ: Самодержавіе всего лучше можетъ обезпечить Россіи законный правопорядокъ и этимъ парализовать вредъ бюрократизма.

„Да, скажутъ намъ, но вѣдь теперь у насъ существуютъ и примѣняются различные исключительные законы, „осадное положеніе", экстренныя мѣры и т. д., противорѣчащія нормальному правовому порядку".

Совершенно вѣрно, но всѣ эти мѣры, по существу своему, вызваны вовсе не Самодержавіемъ, а тою войной, которую внутренніе враги Россіи, по собственному почину, первые объявили существующимъ государственнымъ законамъ.

Такія точно исключительныя мѣры борьбы примѣняются и конституціонными и республиканскими государствами, коль скоро является крайняя опасность, угрожающая существованію государства, когда „необходимо отстаивать безопасность и высшіе интересы государственнаго строя".

Развѣ мы не видѣли, что, на основаніи этого мотива, республиканская Франція не задумалась нарушить такой основной принципъ правового порядка, какъ несмѣняемость судей, чтобы обезпечить безопасность суще-

ствующей во Франціи формы правленія? Наши „либералы“ нашли въ свое время это нарушеніе вполнѣ естественнымъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что, если бъ они завтра захватили правительственную власть въ Россіи, они, борясь съ нами, ихъ противниками, боролись бы точь-въ-точь, какъ и ихъ единомышленники во Франціи борются съ націоналистами и монархистами.

Русскіе „либералы“ объявили войну Самодержавной Россіи безо всякаго ея вызова; они ведутъ организованную войну, какъ явную, такъ и подпольную, противъ существующихъ государственныхъ законовъ; этимъ самымъ они поставили себя внѣ защиты этихъ законовъ и вынудили Правительство принять исключительныя мѣры для борьбы съ ихъ беззаконіемъ.

Что бы вы сказали, если бы Японцы стали жаловаться на то, что они, при своемъ наступленіи въ Манчжуріи, встрѣчаютъ со стороны Русскаго Правительства не мирныя дѣйствія нормальнаго правового порядка, а совершенно исключительныя мѣры серіозной борьбы?

Къ такимъ же серіознымъ мѣрамъ противодѣйствія Русское Правительство вынуждено прибѣгать, охраняя государственные законы противъ ополчившихся на нихъ подпольныхъ и подпольныхъ „либераловъ“. Какъ только они окончательно прекратятъ свой походъ и подчинятся существующимъ законамъ, Самодержавіе тотчасъ же отмѣнитъ и свои исключительныя мѣры и всюду водворитъ нормальный правовой порядокъ.

Но въ томъ-то именно и дѣло, что наши „либералы“ стремятся не къ соблюденію существующихъ законовъ, а къ ихъ нарушенію. Они и слышать не хотятъ о томъ, чтобы прекратить свои военныя дѣйствія, направленныя противъ законнаго Правительства. Но въ такомъ случаѣ они и не имѣютъ права жаловаться на то, что и Правительство принимаетъ противъ нихъ исключительныя мѣры для огражденія мира и благосостоянія Россіи.

А что эти мѣры дѣйствительно могутъ обезпечить миръ, благосостояніе, славу и могущество Россіи — лучше всего доказало Самодержавное Царствованіе Александра III.

XLVI.

Софисты конституціонализма.

Мы еще въ долгу предъ *Вѣстникомъ Европы*, который въ своей ноябрьской книжкѣ все еще хочетъ во что бы то ни стало доказать основательность выдуманнаго кіевскимъ профессоромъ абсурднаго тезиса, будто конституціонныя государства никогда на войнѣ никакихъ непріятныхъ „сюрпризовъ“ испытывать не могутъ.

Въ опроверженіе этой нелѣпости мы указали на примѣръ Англіи, испытавшей „сюрпризы“ въ Трансваалѣ, на Италію, пораженную „сюрпризомъ“ въ Абиссиніи, и на Австрію, натолкнувшуюся на не менѣе ошеломляющій „сюрпризъ“ подъ Садовой, несмотря на то, что всѣ эти три государства наслаждаются благами парламентарной конституціи. Что же отвѣчаетъ намъ *Вѣстникъ Европы*? Про Англію и Италію онъ благоразумно умалчиваетъ, а про Австрію говоритъ буквально слѣдующее:

„Во время пораженія при Садовой Австрія не могла считаться ни парламентарною, ни даже конституціонною страной: дѣйствіе австрійской конституціи было пріостановлено въ сентябрѣ 1865 года".

Стало-быть, если бы въ сентябрѣ 1865 года не было пріостановлено дѣйствіе австрійской конституціи, то въ іюлѣ 1866 года Австрійцы разбили бы при Садовой прусскія войска, и тутъ уже самъ Мольтке ничего не могъ бы подѣлать! Вотъ логическій выводъ великихъ историковъ *Вѣстника Европы*!

Впрочемъ, тѣ же глубокомысленные невѣжды устанавливаютъ теперь новый изумительный, по своей наглой софистикѣ, тезисъ

Для *самодержавнаго* государства военные „сюрпризы" всегда являются *„продуктами непредусмотрительности и безпечности"*, а для *конституціонныхъ* государствъ какіе бы то ни было военные „сюрпризы" должны всегда считаться лишь *„простыми неудачами, возможными везъ и всегда"*, такъ какъ де нельзя „считать свободную политическую жизнь безусловною гарантіей противъ сюрпризовъ вообще".

Но позвольте, если конституціонному правительству, какъ и каждому человѣческому учрежденію, должно быть предоставлено право ошибаться, то почему же это право должно быть отнято у государства самодержавнаго?

Намъ говорятъ:

— Всѣ наши „сюрпризы" на Дальнемъ Востокѣ произошли отъ того, что у насъ нѣтъ конституціи.

— Хорошо, отвѣчаемъ мы, значитъ, если мы у себя введемъ конституцію, мы впредь уже будемъ гарантированы отъ подобныхъ сюрпризовъ?

— Нѣтъ, нисколько,—успокоиваютъ насъ,—неудачи возможны вездѣ и всегда, и конституцію нельзя считать безусловною гарантіей противъ сюрпризовъ вообще.

Покорно благодаримъ за такое утѣшеніе! Къ чему же тогда намъ и конституція?

Дѣйствительно Русскому Государству конституція совсѣмъ не нужна: она нужна лишь такимъ алчнымъ честолюбцамъ, какъ гг. Шиповы и Петрункевичи, которымъ во что бы то ни стало хочется забрать правительственную власть въ свои руки Въ этомъ именно заключается вся цѣль этихъ смутьяновъ, взбаламутившихъ наше общество, нашу печать и даже нѣкоторыя сферы петербургской бюрократіи, оказывая этимъ величайшую услугу всѣмъ нашимъ внѣшнимъ врагамъ.

Нѣтъ такого блага, котораго Самодержавіе не могло бы не только даровать, но и обезпечить Русскому народу. Но наши „либералы" не удовольствуются никакими благами, ни счастьемъ народа, коль скоро имъ не будетъ предоставлена выборная говорильня, посредствомъ которой они могли бы пробраться къ кормилу Власти, чтобы распредѣлить между собой и своими присными лучшія, вліятельнѣйшія и выгоднѣйшія мѣста въ государствѣ. Увѣряютъ, напримѣръ, что всѣ наши биржевики обратились теперь въ республиканцевъ, послѣ того какъ во Франціи биржевой маклеръ сдѣлался военнымъ министромъ: что же тутъ удивительнаго, если и нашимъ земскимъ болтунамъ грезятся министерскіе портфели и оклады,

до которыхъ они безъ парламентарной конституціи добраться никакъ не могутъ? А потому вынь да положь имъ конституцію.

Вотъ почему они, какъ мы видѣли, не брезгаютъ никакими средствами, ни ложью, ни обманомъ, лишь бы добиться своей цѣли.

Они *лгутъ*, приписывая удачи Японцевъ въ первый періодъ войны японской конституціи и нашему Самодержавію, тогда какъ всѣ серіозные люди знаютъ, что эти удачи вызваны нашимъ высокимъ, чистосердечнымъ миролюбіемъ, которому сами же „либералы" все время рукоплескали, и японской подлой, коварной запосчивости.

Они *обманываютъ* Русскій народъ, увѣряя его, будто конституція водворитъ спокойствіе и благополучіе въ Россіи, тогда какъ находящійся у насъ предъ глазами примѣръ конституціонной Австро-Венгріи доказываетъ какъ разъ противное. А Австро-Венгрія имѣетъ для насъ въ этомъ отношеніи очень назидательное значеніе, такъ какъ она представляетъ собою въ маломъ видѣ какъ разъ то же самое, что́ въ громадныхъ размѣрахъ будетъ твориться въ Россіи, если бы въ ней водворилось конституціонное правленіе, основанное на междоусобной борьбѣ партій и національностей.

Они поступаютъ въ высшей степени *безчестно*, тщательно скрывая всѣ вопіющіе недостатки парламентаризма, съ его развращающею народъ торговлей голосами, шарлатанствомъ и продажностью депутатовъ, партійными интригами, тиранніей „большинства" и вызванными ею „обструкціонными" безобразіями меньшинства.

Они *безсовѣстно* извращаютъ историческіе факты, увѣряя насъ, какъ мы только-что видѣли, будто Мольтке потому только разбилъ Австрійцевъ при Садовой, что за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ дѣйствіе австрійской конституціи было пріостановлено!

Если бы мы могли видѣть въ этихъ господахъ честныхъ противниковъ, которые говорили бы: „да, западныя конституціи имѣютъ массу недостатковъ, открыто признанныхъ государственными людьми Запада, какъ о томъ свидѣтельствуетъ богатая литература, посвященная изобличенію этихъ недостатковъ; но мы въ Россіи сумѣемъ избѣгнуть этихъ недостатковъ по такимъ-то и такимъ-то причинамъ",—если бъ они *такъ* говорили, мы могли бы уважать такихъ противниковъ и вступили бы съ ними въ серіозное и спокойное обсужденіе этого вопроса.

Но они этого *не* говорятъ: они знаютъ, что парламентаризмъ немыслимъ безъ этихъ вопіющихъ недостатковъ, а потому они молчатъ о нихъ и самымъ подлымъ и наглымъ образомъ хотятъ навязать намъ огуломъ весь западный конституціонный шаблонъ, со всѣми его безобразіями, разсчитывая на невѣжество русской „интеллигенціи"! Какъ же намъ относиться къ такимъ мошенникамъ,—желающимъ ввести Русскій народъ въ завѣдомо-пагубную для него сдѣлку,—какъ не съ величайшимъ презрѣніемъ и отвращеніемъ.

Еще Лессингъ совѣтовалъ честнаго противника встрѣчать благороднымъ оружіемъ логическаго спора, а лукаваго и невѣжественнаго самозванца (Stümper)—публицистическимъ хлыстомъ.

Газетная провокація.

Одною изъ формъ спеціально-русской революціонной агитаціи является, какъ извѣстно, „забастовка", практикуемая не только на фабрикахъ и заводахъ по преступному наущенію разныхъ Гапоновъ, но и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, по такому же наущенію разныхъ „ученыхъ" и газетныхъ демагоговъ.

Послѣдній видъ „забастовки" является выраженіемъ самыхъ низкихъ, антикультурныхъ стремленій, совершенно немыслимыхъ въ Западной Европѣ. Забастовка противъ ученія переноситъ насъ въ дикія времена Митрофанушки Простакова, который, какъ извѣстно, тоже забастовалъ противъ всякаго ученія, не понимая, что его невѣжество можетъ вредить лишь ему самому, и что, отказываясь учиться, онъ самъ себя обрекаетъ, въ видѣ тяжелой кары, на это невѣжество.

Точно такъ же и наша несчастная, сбитая съ толку, молодежь совершаетъ актъ грубѣйшей антикультурности, отказываясь отъ ученія, которое можетъ принести ему только пользу, какой бы дѣятельности молодые люди себя ни посвящали.

Правительство, конечно, не можетъ смотрѣть равнодушно на это умственное самоубійство русской молодежи и рѣшило принять мѣры къ тому, чтобъ ученіе въ „забастовавшихъ" заведеніяхъ возобновилось въ ближайшемъ времени для всѣхъ молодыхъ людей, желающихъ учиться, по удаленіи изъ заведеній тѣхъ, кто учиться не желаетъ.

И вотъ, московская „профессорская" газета пришла въ ужасъ отъ такой перспективы. Ну какъ въ самомъ дѣлѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ опять начнутъ учиться! Это немыслимо, это недопустимо!

Газета не сомнѣвается, что, „съ одной стороны, прекращеніе занятій не можетъ не отразиться неблагопріятно на развитіи нашего высшаго образованія", и „что пріостановка учебныхъ занятій на болѣе или менѣе продолжительное время не можетъ не сопровождаться многими неблагопріятными послѣдствіями для дѣла развитія и для распространенія просвѣщенія въ странѣ". Но стоитъ ли обращать вниманіе на такіе пустяки? Пусть гибнетъ просвѣщеніе, но да здравствуетъ революція! Пусть молодежь наша пребываетъ въ невѣжествѣ, лишь бы она оставалась стѣпымъ Панурговымъ стадомъ въ рукахъ революціонеровъ.

Вотъ почему „профессорская" газета, опасаясь, какъ бы это Панургово стадо не ускользнуло изъ ея рукъ, обратилась вчера къ студентамъ съ настойчивою рѣчью, призывающею ихъ къ дружному отпору Правительственной Власти, заботящейся о научномъ просвѣщеніи русской молодежи.

Вотъ аргументы, на основаніи которыхъ наши студенты не должны учиться.

„События послѣдняго времени произвели настолько сильное и тяжелое впечатлѣніе на все общество, что наиболѣе воспріимчивая его часть, молодежь, не могла въ особенности не подпасть этому впечатлѣнію, не могла не выйти изъ того спокойнаго духовнаго равновѣсія, которое необходимо для правильнаго и успѣшнаго хода научныхъ учебныхъ занятій".

Но неужели *всѣ* наши студенты оказались такими слабонервными институтками, что падаютъ въ обморокъ, какъ только берутъ въ руку научную книгу или входятъ въ университетскую аудиторію? Нѣтъ, не всѣ, а лишь нѣкоторые, но остальные обязаны „первничать" во имя „солидарности". Такъ и сказано въ упомянутой нами газетной прокламаціи.

„Различные представители молодежи, конечно, не въ одинаковой степени испытываютъ на себѣ это гнетущее настроеніе, но въ большинствѣ учащагося юношества живъ духъ солидарности, съ которымъ нельзя не считаться".

„Профессорская" газета, очевидно, очень дорожитъ этою антинаучною „солидарностью" студентовъ, не желающихъ учиться: мало того, она желала бы, чтобъ и Правительство болѣе дорожило этою нелѣпою *солидарностью обязательно-огульнаго невѣжества*, чѣмъ интересами народнаго просвѣщенія. Въ виду этого она даетъ Правительству слѣдующее предостереженіе:

„Уволивъ учащихся и открывъ снова пріемъ по выбору, мы предложимъ тѣмъ самымъ молодымъ людямъ—отречься отъ солидарности съ большинствомъ своихъ товарищей и имѣть въ виду только свои интересы".

Прокламація не хочетъ и знать, что эти „свои" интересы желающихъ учиться студентовъ совпадаютъ съ интересами и научнаго просвѣщенія, и государственнаго порядка, тогда какъ забастовавшіе противъ науки студенты дѣйствуютъ въ интересахъ невѣжества и анархіи.

До какихъ же поръ „профессорская" газета побуждаетъ студентовъ оставаться въ невѣжественной праздности, вступая въ открытую борьбу съ Правительствомъ?

„Надо дать перебродиться мысли и чувству, надо предоставить возможность взвѣсить всѣ доводы pro и contra, обсудить внимательно и всесторонне стоящія на очереди задачи русской гражданственности и просвѣщенія и возможные способы къ ихъ разрѣшенію, а затѣмъ сознательно и свободно придти къ опредѣленному заключенію, основанному на обдуманныхъ логическихъ выводахъ и доводахъ и принимающему во вниманіе всѣ практическія его послѣдствія. Въ этомъ обсужденіи могли бы принять участіе всѣ заинтересованныя въ русскомъ просвѣщеніи группы и лица: преподаватели и студенты, общественныя собранія и печать. Надо общими усиліями выяснить важный, неотложный вопросъ. Пусть уважаемые общественные дѣятели выскажутъ свободно свое мнѣніе по этому вопросу: пусть обсудятъ его всесторонне и преподаватели, и сами учащіеся, также съ полною свободой выраженія различныхъ взглядовъ. Не бѣда, если изъза этого придется на нѣкоторое время отложить правильный ходъ занятій, который во всякомъ случаѣ трудно осуществить немедленно. Всестороннее свободное обсужденіе дастъ возможность высказаться самымъ различнымъ

теченіямъ и приведетъ въ концѣ концовъ къ выработкѣ мнѣнія большинства. Это большинство приметъ, конечно, во вниманіе какъ всѣ обстоятельства момента и всѣ задачи, поставляемыя ходомъ нашего историческаго развитія, такъ и существенныя нужды народа и ближайшія цѣли самихъ учащихся, и придетъ, наконецъ, къ рѣшенію, основанному на справедливомъ согласованіи чувства съ мыслью, идеальныхъ стремленій съ ближайшими потребностями, горячихъ порывовъ съ долгомъ служенія наукѣ и народу".

И вотъ, пока будетъ длиться эта всеобщая безбрежная болтовня о „всѣхъ возможныхъ и нѣкоторыхъ иныхъ вопросахъ", и пока она не кончится разрѣшеніемъ „всѣхъ задачъ, поставляемыхъ ходомъ нашего историческаго развитія", то-есть пока не будетъ достигнуть идеалъ нашихъ „либераловъ", требующихъ свержения Самодержавія, — до тѣхъ поръ студенты не смѣютъ учиться!

И къ этой возмутительной и нелѣпой, антинаучной и антигосударственной, стачкѣ призываетъ нашу молодежь московская *профессорская* газета.

Тяжелую беретъ она на себя отвѣтственность предъ Россіей, если наша университетская молодежь послѣдуетъ этому глупому, безсердечному провокаторству, идущему со стороны людей, которые, сами ничѣмъ не рискуя, толкаютъ неопытныхъ юношей на преступное дѣло...

Опасное недоразумѣніе.

Революціонная смута, охватившая въ началѣ 1881 года нѣкоторую часть русскаго общества, по существу своему была вполнѣ тождественна съ тою смутой, которая въ настоящее время привела ту же, наиболѣе легкомысленную, часть общества въ состояніе какого-то заразительнаго изступленнаго психоза.

Тогда, какъ и теперь, въ газетахъ и общественныхъ собраніяхъ появленные трибуны доказывали на всѣ лады такія „очевидныя" будто бы истины, что „Правительство обанкротилось", что „Правительство должно призвать себѣ на помощь общественныхъ представителей", что „безъ парламента или земскаго собора Россія неминуемо погибнетъ".

Тогда, какъ и теперь, этотъ возмутительный вздоръ проповѣдывался не только въ обществѣ и печати, но и въ петербургскихъ правительственныхъ сферахъ, которыя настолько были запуганы кучкой анархистовъ, что искренно вѣрили, будто Россію могутъ спасти какіе-то русскіе болтуны, а не твердая, разумная воля энергичныхъ государственныхъ людей, безгранично преданныхъ Самодержавному Русскому Государю.

Но то, чего не понимали эти жалкіе трусы, то ясно понялъ Александръ III.

Онъ понялъ, что первымъ условіемъ для благосостоянія Россіи было немедленное, рѣшительное подавленіе начавшагося революціоннаго броженія и водвореніе прочнаго порядка, безъ котораго немыслимо приступать къ какимъ бы то ни было государственнымъ реформамъ. Онъ понялъ, что

созваніе земскаго собора, который неминуемо превратился бы въ шаблонный западный парламентъ, было бы истолковано и въ Россіи, и внѣ ея—какъ капитуляція Самодержавія предъ демократическою революціей, а слѣдовательно ввергло бы Россію въ непроглядный хаосъ государственной и общественной анархіи.

Вотъ почему Великій Монархъ рѣшительно отвергъ всякую мысль о земскомъ соборѣ, а вмѣсто него поручилъ водворить порядокъ и спокойствіе въ Россіи испытанному государственному мужу, который своею благоразумною желѣзною энергіей, пользуясь полнымъ довѣріемъ своего Государя и не встрѣчая, поэтому, никакихъ препятствій со стороны своихъ товарищей, далъ возможность Царю-Миротворцу положить основаніе тому славному царствованію, которое въ короткое время довело Россію до апогея славы, величія, мирнаго благоденствія и широкаго развитія ея національныхъ силъ.

Россія никогда не забудетъ этого своего возрожденія подъ прочною сѣнью Царскаго Самодержавія, которое нахапунѣ еще казалось пошатнувшимся, когда жалкая „диктатура сердца“ жалобно взывала къ „обществу“, увѣряя его въ своемъ довѣріи и умоляя его о помощи.

Не „общество“ спасло тогда Россію отъ революціи, а правительство: не земскій соборъ возродилъ тогда Русское Государство, а неограниченная власть Самодержавнаго Царя.

Точно такъ же и теперь: „общество“, общественное представительство, земскій соборъ или парламентъ, могутъ только погубить Россію, а спасти ее можетъ только все тотъ же Русскій Самодержавный Царь.

Защитники земскаго собора указываютъ на примѣръ безвреднаго и даже полезнаго функціонированія нѣсколькихъ земскихъ соборовъ, созывавшихся иногда въ стародавней Московской Руси, и предаются благодушной иллюзіи, что съ тѣхъ поръ въ русскомъ обществѣ ничто не измѣнилось, что оно все еще пребываетъ въ патріархальныхъ взглядахъ и нравахъ, которыми отличались степенные вѣрноподданные земскіе люди временъ Михаила Ѳеодоровича и Алексія Михайловича.

Эта наивная иллюзія тѣмъ менѣе извинительна, что послѣдніе четыре мѣсяца яснѣе, чѣмъ когда-либо, показали намъ, *каковы* наши современные „земскіе люди“.

Развѣ мыслимо было въ древнемъ Московскомъ Царствѣ, чтобы земскіе люди, самозванно собравшись противъ воли Царя, безчинствовали на разныхъ собраніяхъ и банкетахъ, возбуждая Русскій народъ идти мятежомъ противъ своего Государя? Развѣ не ясно, что современные земскіе соборы,—въ которыхъ засѣдать будутъ *такіе именно* „выборные“ земскіе люди,—будутъ прямою противоположностью древнимъ земскимъ соборамъ, а потому принесутъ не пользу, а вредъ Россіи?

Съ перваго же шага они предъявятъ Государю такія же несуразныя, дерзкія требованія, какія они теперь предъявляютъ въ своихъ революціонныхъ рѣчахъ и адресахъ, и притомъ они предъявятъ ихъ не лично отъ себя, а „отъ имени избравшаго ихъ народа“.

И вотъ создастся то, чего до сихъ поръ на Руси не бывало: разногласіе, споръ, борьба между Русскимъ Царемъ и *фикціей* Русскаго народа,—и эта борьба можетъ кончиться только либо страшною междоусобною войной и буйнымъ народнымъ мятежомъ, либо сверженіемъ Самодержавія демократическою, а вѣроятно и соціалистическою, революціей.

Есть и другіе добродушные мечтатели, которые полагаютъ, что всѣ эти роковыя послѣдствія земскаго собора наступятъ лишь въ томъ случаѣ, если соборъ этотъ будетъ *безсословнымъ*, тогда какъ *сословный* соборъ будетъ совершенно безвреденъ.

Но стоитъ только вспомнить исторію Французской революціи, чтобы понять всю ошибочность такого мнѣнія.

5 мая 1789 года были созваны генеральные штаты въ видѣ *сословнаго* собора, и тотчасъ же третье сословіе потребовало уничтоженія сословныхъ перегородокъ, а 20 іюня того же года уже образовалось *безсословное* національное собраніе, — и началась та революція, которая черезъ три года свергнула королевскую династію и послала на эшафотъ короля и королеву.

Точно такъ же и у насъ *сословный* земскій соборъ будетъ лишь первою ступенью къ собору *безсословному*, то-есть къ самому простому демократическому парламенту, который положитъ конецъ и Царскому Самодержавію, и Русскому Государству.

Поэтому весь вопросъ о сословномъ или безсословномъ земскомъ соборѣ является вопросомъ совершенно праздднымъ, такъ какъ онъ сводится лишь къ тому, будетъ ли Самодержавіе свергнуто годомъ раньше или позже.

Но мы не хотимъ и думать о такомъ ужасѣ, и мы заговорили о немъ лишь потому, что вся наша печать (за исключеніемъ *Гражданина*) въ одинъ голосъ требуетъ либо земскаго собора, либо парламента.

Если, чего Боже сохрани, эти требованія найдутъ себѣ откликъ въ Правительственныхъ сферахъ, то легко можетъ наступить опасное и для Россіи роковое недоразумѣніе: *для усмиренія революціи будетъ созванъ земскій соборъ, который во сто кратъ ее усилитъ.*

Нѣтъ, не въ содѣйствіи „общества“ и не въ его совѣтахъ нуждается Правительство, а въ глубокой вѣрѣ въ свои собственныя силы и собственное достоинство, въ той вѣрѣ, которая воодушевила Александра III, придавъ Ему ту энергію и тотъ авторитетъ, которыми Онъ спасъ Россію отъ пагубной революціонной смуты, отвергнувъ, съ яснымъ сознаніемъ Своего долга передъ Богомъ и Россіей, даже самую мысль о земскомъ соборѣ.

Неужели Его великій, столь назидательный примѣръ пропадаетъ даромъ для насъ, Его ближайшихъ потомковъ? Вѣдь это было бы непростительнымъ легкомысліемъ и неуваженіемъ къ Его памяти.

Если-бъ Его великій актъ благоразумной непоколебимой энергіи оказался неудачнымъ и привелъ бы Россію къ гибели, то можно было бы сомнѣваться въ необходимости повторенія того же акта въ настоящее время. Но вѣдь Онъ Своею энергіей не погубилъ, а *спасъ* Россію. Какъ

же можемъ мы, вопреки Его указанію, хвататься за противоположное средство, которое Онъ отвергъ, такъ какъ ясно понималъ всю его зловредность.

Нѣтъ, не земская говорильня намъ нужна, а твердыя, разумныя, послѣдовательныя мѣры Правительственной власти, которыя водворили бы миръ и порядокъ въ Россіи, раскрыли бы всю сѣть революціоннаго заговора, взбаламутившаго наше общество, явили бы предъ глаза всего народа истинныхъ виновниковъ этого заговора и подвергли бы ихъ примѣрной карѣ, невзирая на то или другое ихъ положеніе въ обществѣ и въ Государствѣ.

Русскій народъ долженъ ясно различать враговъ Царя и временно сбитыхъ съ толку вѣрныхъ Его подданныхъ, дабы первымъ противопоставить рѣшительный отпоръ, а другимъ помочь вступить на путь истины. Вотъ почему онъ въ правѣ ожидать, чтобы Правительство указало ему какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Тогда только, когда Правительство исполнитъ эту первостепенную свою обязанность, тогда только прекратится давящій насъ кошмаръ, тогда только разлетится та совершенно ложная, поддерживаемая „либералами", иллюзія— будто „весь народъ" ополчился противъ Самодержавія, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ противъ Самодержавія подняла знамя мятежа лишь ничтожная, но ловкая и смѣлая кучка политическихъ негодяевъ.

Славянофильскія иллюзіи.

Статья наша о земскомъ соборѣ (№ 32) вызвала смущеніе въ сосѣднемъ съ нами, и во многихъ отношеніяхъ столь близкомъ намъ, славянофильскомъ лагерѣ.

Мы ожидали и дѣйствительно получили изъ этого лагеря запросы, полные недоумѣнія.

„Какъ", спрашиваютъ насъ, „вы считаете защитниковъ земскаго собора врагами Самодержавія? Какое заблужденіе! Мы самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаемъ конституціонный парламентаризмъ именно потому, что онъ уничтожитъ Самодержавіе Русскихъ Царей, которымъ мы такъ же дорожимъ, какъ и вы, какъ и всѣ истинно-Русскіе люди. Мы стоимъ за земскій соборъ именно потому, что онъ ничего общаго не имѣетъ съ западными парламентами, такъ какъ ему будетъ принадлежать лишь *совѣщательный* голосъ, а рѣшающая власть должна будетъ всецѣло зависѣть отъ свободной Государевой Воли. Развѣ можно запретить Государю обращаться за совѣтомъ къ опытнымъ, заслуживающимъ довѣрія, Русскимъ людямъ? Вѣдь Онъ воленъ и принять эти совѣты, и отвергнуть ихъ. Гдѣ же тутъ опасность для Самодержавія?"

Вотъ нашъ отвѣтъ:

Если Государю угодно будетъ по собственному Своему усмотрѣнію и выбору вызвать къ Себѣ дѣйствительно опытныхъ, заслуживающихъ Его довѣрія и вѣрноподданныхъ Ему, Русскихъ людей, дабы выслушать ихъ личное мнѣніе о томъ или другомъ вопросѣ, въ которомъ они обладаютъ спеціальною компетентностью, то въ этомъ ни малѣйшей опасности для Самодержавія не будетъ. Ея не будетъ и въ томъ случаѣ, если Государь,

выслушавъ различныя мнѣнія созванныхъ, по Его выбору, свѣдущихъ людей, согласится или не согласится съ тѣмъ или другимъ изъ этихъ мнѣній.

Вотъ если бы господа славянофилы такимъ именно образомъ ставили вопросъ о Царскихъ совѣтникахъ, мы охотно протянули бы имъ руку.

Но, къ сожалѣнію, они желаютъ совершенно другого.

Они желаютъ, чтобы не Царь выбралъ этихъ совѣтниковъ Своею Самодержавною Волей, а чтобъ они были навязаны Ему выбравшимъ ихъ народомъ. Они желаютъ, чтобъ эти совѣтники говорили Государю не отъ имени своего *личнаго* опыта по вопросамъ, касающимся ихъ спеціальности, а *отъ имени всего народа* и по всѣмъ, безъ исключенія, государственнымъ вопросамъ. Они желаютъ создать чисто-демократическую зловредпѣйшую фикцію, будто изъ устъ этихъ совѣтниковъ (или случайнаго ариѳметическаго ихъ большинства) Государь можетъ услышать „подлинный голосъ и волю Русскаго народа".

А затѣмъ они предоставляютъ Государю согласиться или не согласиться съ этою мнимою „народною волей".

Нужно обладать чисто-славянофильскою наивною близорукостью, чтобы не предвидѣть тѣхъ роковыхъ послѣдствій, которыя неминуемо явятся, если Государь Императоръ, въ силу Своей неограниченной Самодержавной Власти, не найдетъ возможнымъ согласиться съ какою-либо „народною волей", высказанною земскимъ соборомъ по предложенію какого-нибудь г. Родичева или Петрункевича:

„Государь идетъ противъ воли народа!"—таковъ былъ бы крикъ, который раздался бы по всей Россіи, подхваченный всею арміей революціонной пропаганды, которая стала бы кричать на всѣ лады въ газетахъ, собраніяхъ, школахъ, на улицахъ, площадяхъ и „банкетахъ", что „нужно заставить Государя уважать и исполнять народную волю", и что этого де можно достигнуть лишь сверженіемъ Самодержавія и замѣной его—связывающею Царя по рукамъ и ногамъ—конституціей.

Тутъ не поможетъ, какъ мы это вчера доказали, и созваніе земскаго собора по отдѣльнымъ сословіямъ, какъ это предлагается нѣкоторою частію нашихъ славянофиловъ. Вся наша либеральная интеллигенція, съ С. Ю. Витте во главѣ, давно уже открыто и громко высказывается противъ остатковъ сословнаго строя Россіи, требуя окончательнаго ихъ уничтоженія и созданія совершенно безсословнаго строя. Какой же разумный человѣкъ можетъ ожидать, при такомъ разрушительномъ настроеніи нашего „либеральнаго" общества, — которое въ *выборномъ* земскомъ соборѣ получитъ несомнѣнно громадное преобладаніе, — чтобъ оно не уничтожило тотчасъ всѣ въ немъ сословныя перегородки, дабы слиться въ одинъ общій безсословный народный парламентъ?

Мы уже неоднократно представляли нашимъ славянофиламъ логическую картину этихъ, вовсе имъ не желательныхъ, но *неминуемыхъ* послѣдствій созыва *выборнаго* земскаго собора, какъ выразителя „народной воли".

И что же? Они ни разу, — повторяемъ: *ни разу*, — не пытались даже опровергнуть строгую логику нашихъ доводовъ, сознавая, что ихъ опро-

вергнуть невозможно, а потому они либо просто отмалчивались, либо ультра-наивно замѣчали, что вѣдь при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексіи Михайловичѣ земскіе соборы такихъ роковыхъ послѣдствій не имѣли. Они при этомъ забывали, что при московскихъ Царяхъ не существовало и нашей современной антимонархической „интеллигенціи", въ рукахъ которой неминуемо очутится всякій *выборный* земскій соборъ.

Весь вопросъ заключается, слѣдовательно, въ томъ, что Царь всегда имѣетъ право по Собственному выбору призвать кого угодно и сколько угодно изъ Своихъ вѣрноподданныхъ для того, чтобы выслушать ихъ *личныя* мнѣнія по тому или другому вопросу, въ которомъ они свѣдущи. Тутъ никогда не можетъ возникнуть даже мнимаго государственнаго конфликта, такъ какъ каждый изъ этихъ совѣтниковъ будетъ говорить отъ своего имени, а не отъ имени „народа". При этомъ Государь всегда будетъ воленъ во всякое время отпустить тѣхъ или другихъ своихъ совѣтниковъ и снова призвать ихъ, или замѣнить ихъ другими, сохраняя такимъ образомъ Свою полную, свободную Самодержавную Волю.

Но коль скоро земскій соборъ выйдетъ изъ народныхъ выборовъ, онъ уже будетъ имѣть притязанія представлять собою „весь Русскій народъ", и если бы Государю благоугодно было не согласиться съ этими „народными представителями", то тотчасъ же создалась бы фикція, что Русскій Царь и Русскій народъ не одно и то же, какъ это доселѣ было, а что между ними можетъ существовать разномысліе, а слѣдовательно раздоръ, а слѣдовательно и борьба.

Вотъ почему мы всегда протестовали и будемъ протестовать противъ созданія въ Россіи какого бы то ни было выборнаго народнаго представительства въ наше столь увлеченное антимонархическими идеями время.

Какъ земскому собору нашихъ славянофиловъ, такъ и парламенту нашихъ революціонеровъ, присуща одна и та же идея выборнаго народнаго представительства, которая, какъ мы показали, является въ настоящее время совершенно несовмѣстимою съ принципомъ Неограниченнаго Самодержавія и неразрывнаго единенія Самодержавнаго Царя съ вѣрноподданнымъ Ему народомъ.

А за нерушимость этого принципа мы всегда стояли и будемъ стоять до конца.

„Только одинъ вопросъ".

Среди защитниковъ земскаго собора мы встрѣтили нѣсколько лицъ которыя считаютъ всѣ высказанныя нами опасенія относительно созыва *выборнаго* земскаго собора вполнѣ основательными, но лишь въ томъ случаѣ, если такой земскій соборъ будетъ постояннымъ государственнымъ учрежденіемъ и будетъ вѣдать всѣ государственные вопросы.

„А тотъ земскій соборъ, — говорятъ они, — о которомъ мы мечтаемъ, будетъ имѣть совершенно другой характеръ: онъ будетъ созванъ для того, чтобы отвѣтить на *одинъ только вопросъ*: продолжать войну или нѣтъ? И какъ только онъ отвѣтитъ „да" или „нѣтъ", онъ тотчасъ же будетъ распу-

щенъ, такъ какъ земскіе соборы вообще должны созываться лишь въ самыя критическія минуты нашей государственной жизни".

Наивность такого разсужденія поистинѣ изумительна.

Представимъ себѣ, что такой именно экстренный земскій соборъ созванъ, и ему предложенъ на разрѣшеніе этотъ пресловутый „одинъ только вопросъ".

Неужели вы думаете, что найдется хоть одинъ сколько-нибудь серіозный членъ собора, который прямо такъ вамъ сразу и отвѣтитъ: „да, продолжать войну", или „нѣтъ, прекратить войну". Напротивъ, всѣ члены собора захотятъ отвѣтить на столь важный для всей судьбы Россіи вопросъ *en pleine connaissance de cause* и предложатъ со своей стороны цѣлый рядъ вопросовъ Правительству, призывая его, какъ это дѣлаютъ всѣ западные парламенты, къ отвѣту за его прошедшія, настоящія и будущія дѣянія.

Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ,—продолжать ли намъ войну, или нѣтъ, — члены собора найдутъ необходимымъ предварительно подробно уяснить себѣ причины, вызвавшія войну, то-есть разсмотрѣть всю предшествовавшую ей дипломатическую переписку между Россіей, Японіей и другими державами. Затѣмъ они захотятъ составить себѣ ясное понятіе о нашихъ финансовыхъ и военныхъ силахъ, дающихъ или не дающихъ намъ возможности продолжать войну, а для этого земскому собору потребуется проконтролировать дѣятельность нашего Финансоваго, Военнаго и Морского вѣдомствъ. Далѣе „соборные представители Русскаго народа" несомнѣнно укажутъ на тѣсную связь между внѣшними и внутренними вопросами Россіи, отъ рѣшенія которыхъ несомнѣнно зависитъ и вопросъ о томъ, можно ли продолжать войну, а потому они поставятъ рядъ требованій относительно различныхъ внутреннихъ реформъ. тщательно ознакомившись съ настоящимъ положеніемъ Россіи, то-есть съ дѣятельностью различныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Наконецъ они пожелаютъ узнать, на какихъ условіяхъ могъ бы быть заключенъ миръ съ Японіей, такъ какъ безъ изученія и обсужденія этихъ условій они не будутъ въ состояніи отвѣтить на предложенный имъ „одинъ только вопросъ".

Словомъ, этотъ экстренный земскій соборъ превратится въ самый обыкновенный парламентъ, и будетъ засѣдать не какіе-нибудь два, три дня, а долгіе мѣсяцы, разсматривая сотни вопросовъ, и въ концѣ концовъ, какъ это обыкновенно бываетъ, раздѣлится на двѣ половины, изъ коихъ одна скажетъ „да", а другая „нѣтъ", и все это — „отъ имени всего Русскаго народа"! Такимъ образомъ уже теперь можно предвидѣть, что въ результатѣ получится, послѣ долгихъ ожиданій, рѣшительный отвѣтъ „ни да, ни нѣтъ".

На это намъ возражаютъ: „этого никогда не будетъ. Правительство этого не допуститъ. Государь прямо спроситъ, продолжать ли Ему войну или нѣтъ, а земскій соборъ обязанъ будетъ, безо всякихъ разговоровъ, дать опредѣленный утвердительный и отрицательный отвѣтъ".

Но вѣдь это будетъ возмутительное насиліе надъ совѣстью людей, которыхъ принудятъ отвѣчать на то, чего они не знаютъ!

А затѣмъ, какое же будетъ положеніе Государя?

Онъ долженъ будетъ обратиться къ „представителямъ“ Своего народа съ признаніемъ, что Онъ со Своими министрами, зная всѣ мельчайшія подробности вопроса о войнѣ и мирѣ, никакъ не можетъ его рѣшить, а потому Онъ обращается за совѣтомъ къ людямъ, которые никакихъ подробностей этого вопроса не знаютъ, а должны просто наугадъ говорить „да“ или „нѣтъ“.

Легко себѣ вообразить, какъ Японцы будутъ ликовать, какъ вся Европа будетъ издѣваться надъ этимъ жалкимъ, плачевнымъ зрѣлищемъ полнаго безсилія Россіи!

„Да,—говорятъ намъ,—но зато съ Государя, если Онъ подчинится рѣшенію собора, будетъ снята всякая отвѣтственность за дальнѣйшую судьбу Россіи“.

Да, но съ этою отвѣтственностью будетъ снято съ Него и все Его Самодержавіе.

Самодержавный Царь идетъ во главѣ, а не позади Своего народа. Не народъ указываетъ Самодержавному Царю свою волю, а Царь—народу.

Православный Русскій Царь отвѣтственъ за Свой народъ предъ Богомъ, и Онъ съ благословенія Божія вступаетъ на трудную Царскую чреду не для того, чтобы избѣгнуть этой отвѣтственности, а для того, чтобы возложить ее на Себя.

Если онъ нуждается въ Своемъ многотрудномъ дѣлѣ въ совѣтахъ мудрыхъ, опытныхъ и вѣрныхъ ему людей, Онъ всегда можетъ призывать ихъ къ Себѣ по собственному усмотрѣнію и выбору, а затѣмъ, выслушавъ ихъ, дѣйствовать не какъ они Ему велятъ, а какъ велитъ Ему совѣсть передъ Богомъ и долгъ предъ Россіей, и притомъ не только предъ современною, но и предъ будущею ея исторіей.

Мы уже не говоримъ о той возмутительной лжи, которая присуща каждому „правительству“ народа, и о всемъ томъ обманѣ, безъ котораго не обходятся народные выборы, какъ это показываетъ намъ выборная практика Западной Европы.

Одна уже мысль о томъ, что Русскій Самодержавный Государь будетъ играть какую-то роль въ парламентской комедіи современнаго земскаго собора,—уже одна эта мысль приводитъ въ ужасъ каждаго здравомыслящаго русскаго человѣка, все равно, будутъ ли въ этомъ соборѣ лжепредставители Русскаго народа сразу рѣшать всѣ государственные вопросы, или они перейдутъ къ нимъ постепенно для отвѣта на „одинъ только вопросъ“.

Кровь, вопіющая къ небу.

Совершилось адское, чудовищное злодѣяніе!

Впервые, съ тѣхъ поръ какъ стоитъ Москва, она обагрилась Царственною кровью, пролитою злодѣйскимъ преступленіемъ!

Убитъ въ стѣнахъ Кремля нашъ Великій Князь!

Онъ былъ *нашимъ* съ самаго рожденія Своего, ибо Царь-Освободитель нарекъ ему имя Сергія, поставивъ его подъ покровительство Преподобнаго Сергія, Святаго Воспріемника Московскаго Царства.

Онъ былъ *нашимъ*, потому что всѣмъ сердцемъ полюбилъ Москву, проведя въ ней Свои отроческіе годы.

Онъ былъ *нашимъ*, такъ какъ Царь-Миротворецъ поставилъ Его надъ Первопрестольною Своею столицей, въ знакъ особой любви и къ Нему, и къ ней.

Онъ былъ *нашимъ*, потому что долгіе годы неустанно заботился и трудился на благо Москвы.

И вотъ, Онъ палъ жертвой адскаго злодѣянія, въ Своей Москвѣ, въ стѣнахъ Московскаго Кремля, у подножія его святынь!

Невинная кровь Его громко вопіетъ къ Небу не о личной мести за Него, а о спасеніи Россіи!

Мы видѣли, какъ на нашихъ глазахъ пали одинъ за другимъ цѣлый рядъ вѣрныхъ Царскихъ слугъ, но, увы, къ стыду нашему, всѣ эти жертвы были напрасны: онѣ насъ поражали ужасомъ, но не вразумляли; мы отзывались на нихъ жалкими словами, но не мужественнымъ дѣломъ, а иногда даже мы исполняли завѣты не убитыхъ, а убійцъ...

И вотъ мы дождались того, что Москва покрылась позоромъ, а вмѣстѣ съ ней и вся Россія, ибо все, что̀ испытываетъ Москва, испытываетъ и Россія.

Мы не уберегли того человѣка, который всѣмъ намъ Русскимъ служилъ примѣромъ прямотой и непоколебимостію своихъ истинно-русскихъ убѣжденій и беззавѣтною вѣрностію идеаламъ Александра III. Вѣрный своему долгу Русскаго Великаго Князя, Онъ не шелъ ни на какіе компромиссы съ врагами Россіи, и вотъ почему они именно на Немъ сосредоточили свою адскую злобу, видя въ Немъ надежнѣйшаго совѣтника Русскаго Царя; вотъ почему они, пользуясь нашею всеобщею преступною распущенностію, избрали именно Его своею жертвой!

Поймемъ ли мы, наконецъ, все значеніе этой искупительной жертвы за всѣ наши грѣхи, за наше слабоволіе, равнодушіе къ священнѣйшимъ нашимъ обязанностямъ, за нашу трусливую слабость, готовую на всякія уступки предъ напоромъ враговъ нашего Царя и нашей Родины, за наше нерадѣніе о благѣ нашихъ дѣтей, которыхъ мы отдаемъ на развращеніе въ притоны революціонной пропаганды, которыми нынѣ стали наши высшія учебныя заведенія, за наше небреженіе къ заповѣдямъ Господнимъ и къ нашей Православной Церкви, которую мы отдаемъ на поруганіе злѣйшимъ ея врагамъ!

Опомнимся ли мы, наконецъ, поймемъ ли мы, что мы уже привели Россію на край гибели, и что дальше такъ идти некуда по тому пути, по которому злой геній ведетъ Россію въ эти послѣдніе четыре мѣсяца, держа въ своихъ рукахъ всѣ нити той крамолы, которая поклялась погубить драгоцѣннѣйшія сокровища Россіи, Самодержавную Власть ея Царя, Православную Вѣру ея народа и его истинно-русскую душу.

Или, можетъ-быть, и эта жертва будетъ жертвою напрасною?

Нѣтъ, этого быть не можетъ! Какъ за искупительною жертвой Царя-Мученика послѣдовало возрожденіе Россіи подъ сѣнью Царя-Миротворца, такъ и теперь, вѣруемъ мы, настанетъ такое же возрожденіе наше послѣ несказаннаго ужаса 4 февраля. И какъ былъ бы счастливъ нашъ Великій Князь, если-бъ Онъ въ селеніяхъ праведныхъ могъ утѣшить Себя мыслью, что Онъ Своею кровью купилъ это возрожденіе Россіи!

Но все будетъ зависѣть отъ первыхъ же шаговъ Правительства, которыми оно отвѣтитъ на дерзкій вызовъ, брошенный ему крамолой.

Передъ Правительствомъ открываются два пути: или немедленное, безпощадное уничтоженіе крамолы, или...

Но о второмъ пути страшно и подумать: онъ равнялся бы безпощадному уничтоженію Россіи.

Боже Праведный! Упокой душу страстотерпца Московскаго Великаго Князя Сергія, и пошли намъ несокрушимую крѣпость духа, дабы исполнить тотъ долгъ, который намъ поставленъ его мученическою кончиной!

Политика уступокъ.

Неужели и послѣ потрясающаго событія,—объявшаго ужасомъ всю Москву,—въ Петербургѣ будутъ еще забавляться такою дѣтскою затѣей, какъ земскій соборъ?

„Да вѣдь нужно же,—говорятъ намъ,—что-нибудь сдѣлать для того, чтобъ успокоить общественное мнѣніе“.

Жалкіе люди! Вы думаете славянофильскими бреднями заглушить громовые раскаты динамитныхъ бомбъ!

Наивность вашего разсужденія бросается въ глаза.

Вы воображаете, что можно успокоить революціонно-настроенное общественное мнѣніе какими-либо уступками?

Вы думаете, что въ настоящее время земскій соборъ вполнѣ удовлетворитъ и успокоитъ то, что у насъ принято называть „общественнымъ мнѣніемъ“?

Московскія Вѣдомости въ теченіе болѣе сорока лѣтъ всегда неизмѣнно называли политику уступокъ Правительства предъ революціонными требованіями,—политикой *жалкаго безсилія*, вызывающею не уменьшеніе, а болѣе дерзкое усиленіе этихъ требованій,—и исторія послѣднихъ сорока лѣтъ неопровержимымъ краснорѣчіемъ фактовъ доказала безусловную справедливость такого взгляда.

Можно было бы провести безконечный перечень крупныхъ и мелкихъ событій за этотъ длинный періодъ времени, подтвердившихъ ту аксіому,—которая нуждается въ подтвержденіи развѣ лишь для очень наивныхъ политиковъ,—что революціонное движеніе тотчасъ же усиливается, какъ только ему дѣлается малѣйшая уступка. Достаточно будетъ напомнить политику уступокъ, вызвавшую польское возстаніе 1863 года: политику уступокъ, приведшую къ катастрофѣ 1 марта: политику уступокъ, завершившуюся кровавыми днями 9 января и сегодняшнимъ 4 февраля, и, наконецъ, политику уступокъ, выразившуюся въ разрѣшеніи возвратиться на родину

Финляндскимъ крамольникамъ и вызвавшую съ ихъ стороны не благодарность, а лишь усиленную до фанатизма революціонную дѣятельность!

И рядомъ съ этимъ сіяетъ неувядаемою славой политика Александра III, не дѣлавшая ни малѣйшихъ уступокъ революціонному движенію и этимъ совершенно его прекратившая и создавшая полное счастіе Русскаго народа.

Какъ же можно послѣ этого ожидать, что Правительство сдѣлаетъ теперь новую уступку революціонному броженію, чтобы вызвать новыя кровавыя катастрофы?

Когда Наполеонъ III, подъ конецъ своего царствованія, хотѣлъ сдѣлать какую-то уступку революціонному движенію и ожидалъ пріобрѣсти этимъ популярность, то графъ Морни сказалъ ему:

„*Oui, sire, le public vous applaudira, mais ce sont les balles qui vont siffler*“. *

Но въ данномъ случаѣ нельзя будетъ разсчитывать даже на рукоплескапія „публики“, то-есть нашего пресловутаго „общественнаго мнѣнія“, которое встрѣтитъ созывъ земскаго собора такимъ же свистомъ, какимъ „либеральная интеллигенція“ встрѣтила въ своей печати одну уже мысль объ его созывѣ.

Та „интеллигенція“, которая производитъ въ настоящее время всю революціонную агитацію посредствомъ гнусныхъ убійствъ и огульныхъ забастовокъ рабочихъ, студентовъ, профессоровъ, адвокатовъ и т. д., и которую Правительство, по совѣту славянофиловъ, должно „успокоить“ созывомъ земскаго собора,—эта интеллигенція и слышать не хочетъ объ этомъ соборѣ, а громко и открыто требуетъ на всѣхъ сходкахъ, собраніяхъ и банкетахъ созыва „учредительнаго собранія“ для полнаго уничтоженія Самодержавія.

Если Правительство сдѣлаетъ тотъ роковой, непростительный шагъ, что выскажется за созывъ земскаго собора, то этотъ шагъ будетъ истолкованъ нашимъ, нафанатизованнымъ революціонными идеями, „общественнымъ мнѣніемъ“, какъ признаніе Правительства въ своей безпомощной слабости, которою крамола немедленно воспользуется для еще бо́льшаго возвышенія своихъ требованій, для еще большей терроризаціи Правительства и общества.

„Да,—говорятъ намъ,—но вѣдь *что-нибудь* нужно сдѣлать, чтобы выйти изъ настоящаго невозможнаго положенія!“

О, конечно, не только „что-нибудь“, но даже очень многое, ясно опредѣленное, нужно сдѣлать, чтобы вернуть Россію въ нормальныя условія здоровой, дѣятельной жизни.

Но что́ же именно?

Необходимо вернуться къ незыблемымъ принципамъ твердой, разумной политики Александра III, не уступившаго революціи, а поборовшаго ее.

Неужели такъ трудно слѣдовать Его великому примѣру, который у всѣхъ еще въ живой памяти?

* Да, государь, публика будетъ апплодировать, но свистѣть будутъ пули.

Внутренніе враги Россіи—тѣ же самые въ настоящее время, которые были и въ началѣ Его царствованія: способъ дѣйствія ихъ, по существу своему, тоже остался тѣмъ же самымъ, а слѣдовательно и средства для побѣды надъ ними должны быть тѣми же самыми, которыя оказались столь успѣшными въ началѣ 80-тыхъ годовъ...

Конечно, крамола, оставаясь неизмѣнною въ своемъ качествѣ, измѣнилась теперь въ своей интенсивности: она усилилась, расширилась, стала болѣе смѣлою.

А потому и средства къ ея уничтоженію, оставаясь тѣми же самыми, должны тоже измѣниться въ своей интенсивности и тоже должны стать болѣе сильными, болѣе всеобъемлющими, болѣе рѣшительными.

И лишь тогда, когда мы успокоимъ страну не дряблыми уступками, а строго-выдержанными, послѣдовательными мѣрами разумной энергіи, мы можемъ приступить къ выработкѣ мѣръ для обновленія Россіи подъ сѣнію Самодержавія, подобно тому, какъ подъ тою же сѣнію обновилъ ее великій Миротворецъ.

А до тѣхъ поръ мы должны сосредоточить всю свою энергію на одномъ: сдѣлать невозможнымъ дальнѣйшее проявленіе революціонной пропаганды не гнушающейся даже такихъ безчеловѣчныхъ преступленій, какъ то, отъ котораго 4 февраля содрогнулась вся Москва.

Сообщники убійцы.

„Ложь и обманъ — отличительное явленіе нашего позорнаго времени. Ихъ вѣрное зеркало—наша „либеральная пресса“.

„Могила не приняла еще тѣла Царственнаго Страдальца, а уже сколько фальши наговорено по поводу ужасающаго событія! Какая логика, кромѣ логики обмана, была бы въ состояніи обратить фактъ совершившагося цареубійства въ доказательство необходимости „либеральныхъ учрежденій?“ Аргументаторы даже не замѣчаютъ, какую двусмысленную роль даютъ они „конституціонному движенію“, которому хотятъ сослужить службу.

„Одно изъ двухъ: если страшное преступленіе надлежитъ объяснять тѣмъ, что не сдѣлано надлежащей уступки „движенію“, то, значитъ, движенію этому слѣдуетъ приписать связь съ преступною шайкой, то выступающею, то удаляемою въ норы. Или шайка эта есть мѣстное пораженіе, наростъ, который надлежитъ вырвать съ корнемъ. Тогда причемъ же тутъ конституція? Воровъ ловятъ, отрядивъ стражу: пожаръ тушатъ, привозя трубы. Съ ними „общественныхъ договоровъ“ не заключаютъ. *Возстановить порядокъ, оградить спокойствіе, призвать людей, власть имѣющихъ, къ исполненію забытыхъ обязанностей*, вотъ задача минуты“.

Такъ писалъ Катковъ 5 марта 1881 года *).

*) Въ № 65 *Московскихъ Вѣдомостей*, 1881 г.

Онъ могъ бы написать то же самое и сегодня, 6 февраля 1905 года, если бы Господь сподобилъ его дожить до нашихъ тяжелыхъ, печальныхъ дней, ибо и нынѣ наша „либеральная пресса“ играетъ ту же возмутительную роль, какъ и на другой день послѣ гнуснаго злодѣянія 1 марта.

Въ петербургской печати тотчасъ же по полученіи извѣстія о возмутительномъ убійствѣ 1 февраля раздались *уже 5 февраля* громкіе голоса о томъ, что необходимо ввести „договоренный союзъ Верховной Власти съ народомъ“, то-есть, попросту сказать, конституцію, лишающую Русскаго Царя Его Самодержавныхъ правъ! Отождествляя, на своемъ языкѣ, Самодержавіе съ „бюрократіей“, голоса эти кричатъ, что „бюрократія, которая одна только повинна во всемъ, должна уступить мѣсто общественнымъ силамъ страны“, и что „робкія полумѣры не спасутъ бюрократіи“. Нужно, очевидно, чтобы Самодержавіе совершенно устранилось и во всякомъ случаѣ не боролось противъ крамолы, ибо „мѣры противъ крамолы могутъ быть приняты *не* охранительныя“. Крамола признается какою-то непобѣдимою для Самодержавія силой, а потому высказываются жалкія трусливыя недоумѣнія: „какъ остановить эти убійства, ставшія столь частыми? Вездѣ они рѣже, исключительнѣе, нежели въ нашей несчастной Россіи“.

При Александрѣ III Самодержавіе было въ полной своей силѣ. И что же? Были ли въ теченіе тринадцати лѣтъ этого славнаго Царствованія политическія убійства въ Россіи?

Нѣтъ, ихъ не было.

А были ли они въ послѣдніе годы передъ 1 марта 1881 года, когда Правительственная Власть влачила жалкое существованіе?

Да, они были въ то время столь же часты, какъ и въ настоящее время.

И въ 1881 г. господа „либералы“ тоже всегда становились на сторону убійцъ (о, конечно, фарисейски, какъ и теперь, умывая свои руки и протестуя противъ пролитой крови) и требовали немедленнаго исполненія политической программы этихъ негодяевъ, какъ необходимой, будто бы, и „единственной“ мѣры для водворенія порядка въ Россіи. Въ то время одинъ Катковъ изобличалъ всю подлую ложь этихъ требованій, предъявлявшихся Правительству „негальными“ сообщниками подпольныхъ крамольниковъ, и доказывалъ, что дѣйствительно *единственная* мѣра для политическаго успокоенія и возрожденія Россіи могла быть именно та, которую вслѣдъ за тѣмъ съ быстрымъ, полнымъ и неопровержимымъ успѣхомъ примѣнилъ Великій Царь-Миротворецъ.

Такъ почему же вы, господа „либералы“, намѣренно замалчиваете эти историческіе факты? Почему вы такъ безсовѣстно повторяете наглую ложь вашихъ единомышленниковъ 1881 года?

Вѣдь „либералы“ 1881 года имѣли то оправданіе, что еще *не знали* будущаго славнаго царствованія Александра III, умиротворившаго не только Россію, но и всю вселенную, въ которой Россія заняла, благодаря Ему, при полномъ пышномъ развитіи своихъ національныхъ силъ, первое, всѣми безпрекословно признанное, мѣсто. *А вы, гдѣ, это знаете.*

Какимъ же вы должны обладать колоссальнымъ цинизмомъ, чтобы сознательно лгать и морочить Русскій народъ!

Неужели даже у г. Суворина не хватаетъ гражданскаго мужества, чтобы признать тотъ простой историческій фактъ, что политическія убійства въ Россіи становятся эпидемическими лишь при ослабленіи Самодержавія, но что они исчезаютъ при его усиленіи, какъ мы это видѣли при Александрѣ III. Или г. Суворинъ уже успѣлъ забыть этотъ тринадцатилѣтній періодъ безмятежной счастливой жизни Россіи, когда никто не *мечталъ* о „веснѣ", такъ какъ всѣ, кромѣ попрятавшихся въ свои норы крамольниковъ, полною грудью вдыхали чистый весенній воздухъ національнаго возрожденія Россіи...

Итакъ, намъ совѣтуютъ принять программу убійцы нашего Великаго Князя, какъ въ свое время намъ совѣтовали принять программу убійцъ Императора Александра II.

И эти „либеральные" совѣтники увѣрены, что мы снова способны на такое безуміе, такъ какъ мы уже дважды дѣйствительно слѣдовали ихъ коварному совѣту.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ убійства министра Народнаго Просвѣщенія Н. П. Боголѣпова мы усердно принялись исполнять программу его убійцы и дошли теперь уже до превращенія нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ кадры чисто-революціонной арміи, открыто идущей въ походъ противъ Самодержавія; а послѣ убійства министра Внутреннихъ Дѣлъ В. К. Плеве, наши „земскіе" люди не только поспѣшили усвоить себѣ программу его убійцы, но провозгласили даже, какъ, напримѣръ, въ Тамбовѣ, совершенно открыто и безнаказанно его здравицу. Вѣдь для нихъ будетъ вполнѣ логично провозгласить тостъ и за гнуснаго злодѣя 4 февраля, если мы, принявъ его программу, примемся уничтожать Самодержавіе посредствомъ „земскихъ соборовъ", „парламентовъ", „конституцій" и другихъ демократическихъ орудій, обрекающихъ Самодержавіе на медленную или быструю, но одинаково вѣрную, смерть.

Нѣтъ, мы въ третій разъ на это добровольное ослѣпленіе не пойдемъ!

Россія стоитъ на распутьи предъ двумя совершенно опредѣленными дорогами:

Одна изъ нихъ — та, на которую ее хотятъ увлечь славянофилы (по наивности) и „либералы" (по злому умыслу) и въ концѣ которой стоитъ кровавая революція и гибель Россіи.

А другая дорога—это тотъ прямой исторический Царскій путь,—путь Александра III, ведущій къ миру и благоденствію Русскаго народа.

Да не отклонятъ Россію отъ этого пути ни тайная коварная крамола, ни ея явные лживые сообщники!

Объ этомъ мы всею душой молимъ Бога!

Чего они хотятъ?

Сегодня, 10 февраля, мы похоронили Великаго Князя.

Много было пролито горячихъ слезъ надъ Его безвременной могилой, и много было сказано сердечныхъ и назидательныхъ словъ по поводу этого страшнаго удара, поразившаго Россію.

Но какъ бы умилительны ни были слезы, какъ бы убѣдительны ни были слова, ихъ теперь недостаточно: нужно, чтобы къ нимъ присоединилось серіозное и, скажемъ прямо, грозное дѣло.

„Зловѣщая тѣнь налегла на Россію, -тѣнь грядущихъ событій, тѣнь приближающагося хаоса. Хаосъ можно предотвратить: для этого имѣются достаточныя силы. Благопріятная минута еще не упущена, — хотя многое сдѣлано и дѣлается, чтобы упустить ее".

Такъ начинаетъ свою статью одинъ изъ либеральныхъ петербургскихъ публицистовъ и затѣмъ даетъ совѣты — какими средствами слѣдуетъ *увеличить* „приближающійся хаосъ".

А потому и намъ необходимо послѣдовать его примѣру и ясно сознать всю важность настоящей минуты. А затѣмъ намъ слѣдуетъ разсмотрѣть, какими средствами долженъ быть *предотвращенъ* этотъ хаосъ, первые признаки котораго уже теперь такъ тяжело даютъ себя чувствовать всей Россіи.

Для этого прежде всего необходимо съ полною ясностью и откровенностью произвести анализъ обуявшей Россію революціонной смуты и точно опредѣлить какъ ея цѣль, такъ и ея средства.

Сдѣлать этотъ анализъ и это опредѣленіе вовсе не такъ трудно, какъ это можетъ казаться на первый взглядъ, такъ какъ и цѣль и средства настоящей смуты отличаются чрезвычайною простотой.

Чего хотятъ они, всѣ эти „легальные" крамольники, заполонившіе нашу печать, нашу школу и наши общественныя учрежденія? Чего хотятъ они, всѣ неразрывно связанные съ этими крамольниками, подпольные изверги-динамитчики?

Всѣ они хотятъ только одного:—уничтоженія Самодержавія въ Россіи.

Всѣ они кричатъ: „Россія задыхается, она не можетъ жить безъ свободы слова, безъ свободы печати, безъ свободы сходокъ"!

А когда Правительство имъ, въ видѣ опыта, дало всѣ эти свободы, на что они ее употребили? На *единственную* цѣль: на походъ противъ Самодержавія.

Они все время кричатъ объ „ужасахъ" бюрократіи, но требуютъ не реформы бюрократіи, а полной замѣны ея „общественными силами", ясно показывая этимъ, что подъ „бюрократіей" они разумѣютъ Самодержавіе, такъ что весь ихъ походъ противъ бюрократіи клонится все къ одной и той же единственной ихъ цѣли.

Да они этого нисколько и не скрываютъ, требуя въ своихъ рѣчахъ, статьяхъ и адресахъ все одного и того же:—уничтоженія Самодержавія.

Мы должны это твердо помнить и не даваться въ обманъ, слушая ихъ іереміады о томъ, что въ Россіи нѣтъ де той или другой „свободы". Если вы внимательно разберете ихъ жалобы, то вы найдете, что всѣ эти свободы имъ нужны исключительно все для той же цѣли, къ которой они стремятся самыми разнообразными путями и средствами.

Орудуетъ всею смутой небольшая шайка негодяевъ, живущихъ отчасти за границей, отчасти въ Россіи, и дѣйствующихъ подъ руководствомъ опытнаго и смѣлаго вожака.

Первымъ необходимымъ средствомъ для успѣха своей агитаціи шайка эта избрала, какъ и слѣдовало ожидать, созданіе иллюзіи полнаго будто бы сочувствія ей со стороны „всей Россіи". Съ этою цѣлью она пустила въ ходъ столь любимое у насъ средство „забастовки", и притомъ „всеобщей забастовки", которая должна длиться до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожено Самодержавіе Русскаго Царя.

Для того, чтобы забастовка эта отличалась многочисленностью участниковъ, революціонная шайка рѣшила подчинить своей пропагандѣ:

1) всѣ учебныя заведенія,

2) всѣ промышленныя заведенія,

3) всѣ общественныя учрежденія.

Такимъ образомъ, по разсчетамъ крамольниковъ, должна была создаться „страшная" фикція, будто „остановилась вся жизнь Россіи", которая де тогда только воскреснетъ изъ мертвыхъ, когда она совершенно лишится Царскаго Самодержавія.

И вотъ начались забастовки всѣхъ трехъ категорій.

Труднѣе всего было организовать забастовки рабочихъ, такъ какъ для этого требуются громадные капиталы, безъ которыхъ „бастующіе" рабочіе обречены на голодную смерть. Нелегко устроить и адвокатскія, врачебныя и аптекія забастовки, такъ какъ и тутъ затронуты личные денежные интересы „бастующихъ".

Вотъ почему эти два вида стачекъ удались лишь на половину, или вовсе не удались.

Зато высшія учебныя заведенія забастовали съ величайшею легкостью, такъ какъ „бастующіе" студенты вполнѣ увѣрены, что они не лишатся своихъ стипендій, а „бастующіе" профессора, возставшіе противъ Самодержавнаго Правительства, аккуратно получаютъ отъ этого Правительства свое мѣсячное содержаніе.

Вотъ почему эта позорнѣйшая изо всѣхъ стачекъ такъ блестяще удалась „при полномъ единеніи студентовъ и профессоровъ", сошедшихся въ общемъ чувствѣ поголовной лѣни на готовыхъ хлѣбахъ и полной безнаказанности, гарантируемыхъ имъ тѣмъ самымъ Правительствомъ, противъ котораго они такъ измѣннически ведутъ свою борьбу все съ тою же единственною цѣлью — уничтоженія Самодержавія...

Зная такимъ образомъ цѣль и средства революціонной крамолы, легко опредѣлить такъ же и цѣль и средства необходимой съ нею борьбы.

Прежде всего Правительство должно прекратить свою собственную забастовку, въ которую оно вступило съ 16 сентября 1904 года, когда впервые было произнесено роковое слово о „довѣріи", которое, какъ потомъ обнаружилось, было равносильно полному безсиліе Правительства и предоставленію полной свободы революціонной крамолѣ.

Этой крамолѣ никогда и во снѣ не снилась такая свобода. Она ею, конечно, и воспользовалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, приведшихъ къ трагическимъ событіямъ 9 января и 4 февраля, а также ко всеобщей забастовкѣ профессоровъ и студентовъ.

Если бы Правительство продолжало бездѣйствовать, то мы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пережили бы такую катастрофу, которая похоронила бы на вѣки всю Россію.

Но этого не будетъ, ибо первое условіе для побѣды надъ крамолой исполнилось. *Правительство возвращается къ активной дѣятельности.*

Но теперь оно найдетъ предъ собой задачу несравненно болѣе серіозную, чѣмъ она была пять мѣсяцевъ тому назадъ.

То, что тогда можно было сдѣлать двумя, тремя энергичными, разумными мѣрами для возстановленія полнаго порядка во внутренней жизни Россіи съ принесеніемъ лишь небольшого числа жертвъ, то потребуетъ теперь цѣлой системы строго-обдуманныхъ и послѣдовательно-выдержанныхъ репрессивныхъ мѣръ, такъ какъ теперь идетъ вопросъ не только о водвореніи порядка въ Россіи, а объ ея *спасеніи*, ибо она безъ сохраненія Самодержавія своихъ Царей жить не можетъ и распадется на жалкія, безпомощныя части.

Мы знаемъ, чего хочетъ крамола, а потому пора и Правительству заявить, наконецъ, свою волю.

Крамола хочетъ уничтожить Самодержавіе. Самодержавіе должно уничтожить крамолу, и оно должно сдѣлать это не только ради себя, но и ради Россіи.

Крамола нападаетъ *со всѣхъ сторонъ* на Самодержавное Правительство, а потому и Правительство должно *со всѣхъ сторонъ* напасть на крамолу и изгнать ее изовсюду, куда она вцѣдрилась, изъ печати, изъ школы, изъ общественныхъ учрежденій, изъ рабочей среды.

Одни репрессивныя мѣры сдѣлаютъ, конечно, лишь первую половину предстоящаго Правительству дѣла, но эта первая половина безусловно необходима для успѣха второй половины, когда должна наступить творческая дѣятельность Правительства. Когда у васъ горитъ домъ, вы должны *прежде всего* потушить пожаръ, а затѣмъ уже строить новый домъ. Одновременно тушить и строить было бы верхомъ безумія. Неужели это нужно еще доказывать?

Итакъ, мы знаемъ, чего *они* хотятъ и какія они употребляютъ средства для достиженія своей цѣли. Необходимо намъ опредѣлить и тѣ средства, которыми мы должны защитить Самодержавіе и спасти Россію.

Но объ этомъ въ слѣдующій разъ.

Что надо дѣлать?

Мы ясно и прямо указали на ту цѣль, къ которой стремится крамола, и на тѣ средства, которыя она пускаетъ въ ходъ для достиженія этой цѣли (№ 42).

Теперь намъ предстоитъ столь же ясно и прямо указать на ту цѣль, къ которой должно стремиться Правительство, и на тѣ средства, которыми оно располагаетъ для окончательной побѣды надъ крамолой.

Дѣло идетъ ни о чемъ другомъ, не о большей или меньшей „свободѣ", не о тѣхъ или иныхъ реформахъ и уступкахъ „общественному мнѣ-

нію",—дѣло идетъ объ одномъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ сокровищъ Россіи, о Самодержавіи ея Царей, о собственномъ ея спасеніи.

Переживаемый нами кризисъ настолько серіозенъ и опасенъ, что Правительство уже не можетъ ни гуманничать, ни кокетничать съ крамолой: Правительство должно смѣлою, диктаторскою рукой схватить крамолу тамъ, гдѣ она гнѣздится, и освободить отъ нея Россію, прекративъ, наконецъ, всю эту эпидемію умственнаго психоза, заразившаго нашу „интеллигенцію".

Главными позиціями, занятыми крамолой, являются: 1) печать, 2) высшія учебныя заведенія, 3) общественныя учрежденія и 4) рабочая среда.

1) Начнемъ съ печати.

Можетъ ли быть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что „либеральная" печать явилась главною сообщницей крамолы въ ея преступной пропагандѣ, поднявшей на ноги всѣхъ враговъ Самодержавія, сплотившей ихъ воедино и создавшей тотъ хаосъ, отъ котораго въ настоящую минуту такъ страдаетъ Россія? И печать эта, такъ усердно работавшая во вредъ Россіи и на пользу внѣшнему врагу, не скрываетъ своего подлаго дѣла, а гордится имъ, тѣмъ болѣе, что она доселѣ безпаказанно продолжаетъ его.

Этому слѣдуетъ положить рѣшительный предѣлъ. Правительство имѣетъ всѣ законныя къ сему средства. Говорятъ, цензура у насъ будетъ замѣнена судомъ. Но все равно,—при цензурѣ ли, или при судѣ,—революціонная пропаганда въ печати не можетъ быть терпима и должна быть прекращена тѣми средствами, какія предоставлены Правительству существующими законами.

Вся Россія видитъ, какъ ежедневно крамольная печать убѣждаетъ профессоровъ и студентовъ дружно идти противъ Правительства и до тѣхъ поръ не прекращать своей забастовки, пока не будетъ свергнуто Самодержавіе.

Вся Россія видитъ это и этимъ возмущается.

Но то же самое видитъ и Правительство и—тоже возмущается, а между тѣмъ оно имѣетъ всѣ законныя средства, чтобы сразу прекратить это возмутительное явленіе.

Когда гибнетъ наука, когда гибнутъ тысячи молодыхъ людей, когда со слезами на глазахъ слѣдятъ за этою гибелью несчастные родители, пожертвовавшіе послѣдніе гроши на воспитаніе своихъ дѣтей,—неужели Правительство остановится предъ немедленнымъ и рѣшительнымъ прекращеніемъ той газетной пропаганды, которая содѣйствуетъ всей этой позорной смутѣ? Неужели Правительство можетъ быть болѣе гуманнымъ къ негодной кучкѣ революціонныхъ писакъ, чѣмъ къ нашей молодежи, къ нашимъ дѣтямъ, сбитымъ съ толку этими писаками?

Прекратите пропаганду забастовокъ въ печати, и сами забастовки тотчасъ утратятъ половину своей силы. А вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ подорвана въ корнѣ и вся преступная пропаганда противъ Самодержавія.

Само собою разумѣется, что эта пропаганда, проявляющаяся не въ одпѣхъ только школьныхъ забастовкахъ, должна быть прекращена и во всѣхъ остальныхъ своихъ видахъ, культивируемыхъ въ современной печати.

Тутъ не можетъ быть двухъ мнѣній: или Правительство стоитъ на сторонѣ Самодержавія,—и тогда оно обязано защищать его всѣми законными мѣрами противъ враждебныхъ нападеній, гдѣ бы и въ какой бы формѣ они ни проявлялись: или Правительство не считаетъ нужнымъ этого дѣлать:—но тогда оно не исполняетъ прямого своего долга.

2) Прекращеніе печатной пропаганды школьныхъ забастовокъ уничтожитъ, какъ мы сказали, цѣлую половину ихъ эпидемической силы. Другая половина должна быть уничтожена въ самихъ школахъ строгимъ и справедливымъ дѣйствіемъ того же Правительства.

Во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ часть профессоровъ и студентовъ стоятъ за науку, за порядокъ и желаютъ учить и учиться. Этимъ профессорамъ и студентамъ Правительство обязано оказать всю могущественную поддержку, которую только можетъ оказать стоящее во всеоружіи Власти Императорское Правительство Самодержавнаго Царя.

Съ этою цѣлью слѣдуетъ немедленно устранить изъ университетовъ, а если нужно и изъ университетскихъ городовъ, всю ту дерзкую, мятежную толпу „бастующихъ профессоровъ и студентовъ", не постыдившихся опозорить Русскую науку нигдѣ не виданнымъ антикультурнымъ ея разгромомъ, и возставшихъ противъ Царя и Отечества.

Немедленное исключеніе строптивыхъ студентовъ изъ Университета и увольненіе измѣнниковъ-профессоровъ отъ службы Самодержавному Правительству, противъ котораго они возстали, съ лишеніемъ ихъ содержанія, чиновъ и пенсій,—сразу прекратитъ всѣ забастовки и вовсе не потребуетъ столько жертвъ, какъ это можно думать на первый взглядъ: громадная масса профессоровъ и студентовъ, освобожденная отъ террора, подъ которымъ ихъ теперь держитъ ничтожная кучка крамольниковъ, сразу опомнится и съ радостью примкнетъ къ тѣмъ здоровымъ элементамъ высшихъ учебныхъ заведеній, которые стоятъ за порядокъ, за науку, за ученіе.

3) Крамола въ общественныхъ учрежденіяхъ, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи, сводится къ извѣстной кучкѣ крикуновъ и ораторовъ и къ не менѣе извѣстной части публики, поддерживающей крамольныхъ краснобаевъ своими шумными одобреніями. Съ этимъ видомъ крамолы справится каждый губернаторъ, если только получитъ твердыя и ясныя указанія Правительства, и если онъ будетъ увѣренъ, что его строгія законныя мѣры всегда будутъ поддержаны тѣмъ же Правительствомъ.

4) Что же касается крамолы, нашедшей себѣ путь въ среду рабочихъ, то изъять ее изъ этой среды, конечно, труднѣе, но задача эта вполнѣ исполнима для Правительства, если оно приметъ серіозныя, разумныя и энергичныя мѣры.

Для рабочихъ забастовка не есть дѣло мальчишеской демонстраціи, какъ для профессоровъ и студентовъ: рабочіе мечтаютъ не объ уничтоженіи Самодержавной Власти, а объ улучшеніи своей профессіональной жизни. А потому Правительство, заботящееся объ этомъ улучшеніи и ограждающее рабочихъ отъ внѣшнихъ подстрекательствъ со стороны крамольной печати и безсовѣстныхъ агитаторовъ въ родѣ Гапона,—всегда можетъ разсчитывать,

что Русскіе рабочіе во всей своей массѣ будутъ всецѣло стоять на сторонѣ Самодержавія, а не на сторонѣ крамолы.

Таковъ долгъ Правительства въ виду настоящей смуты: онъ весь сводится къ одной ясно опредѣленной цѣли: къ *немедленному, безусловному* прекращенію крамольной пропаганды, стремящейся къ уничтоженію Самодержавія Русскаго Царя

Немедленнымъ это прекращеніе должно быть въ виду быстрой заразительности этой пропаганды, а *безусловнымъ* оно должно быть по той причинѣ, что Самодержавіе и революція ни въ какіе компромиссы между собой вступать не могутъ.

Какъ только Правительство ясно заявитъ о своемъ твердомъ намѣреніи прекратить крамолу и рѣшительно приступитъ къ исполненію этого намѣренія, вся благоразумная масса Русскаго народа, нынѣ приведенная въ уныніе вслѣдствіе отсутствія Власти, воспрянетъ духомъ; всѣ, колеблющіеся и уже переходившіе было въ ряды враговъ, съ радостью вернутся на правый путь, а враги эти окажутся въ столь ничтожномъ количествѣ, что ясно распознать и уничтожить ихъ будетъ уже легко.

Таковъ, по нашему искреннему и глубокому убѣжденію, единственно возможный выходъ изъ современнаго хаоса. Всякіе иные пути могутъ только усилить этотъ хаосъ и привести Россію къ полному крушенію.

Спасти Россію можно, только сохранивъ въ неприкосновенности Царское Самодержавіе. Ему теперь грозитъ начавшаяся крамола: съ нею нужно быстро и рѣшительно покончить, чтобы затѣмъ приступить, среди новой эры законнаго порядка, къ творческой дѣятельности Правительства на благо всему Русскому народу, искренно преданному своему Самодержавному Царю.

Издѣвательства надъ учащимся юношествомъ.

Насъ упрекаютъ въ томъ, что мы подняли голосъ противъ *всѣхъ* профессоровъ и *всѣхъ* студентовъ, обвиняя ихъ огульно въ возбужденіи переживаемаго нами безобразнаго школьнаго хаоса.

Читатели наши знаютъ, какъ не основательны эти упреки.

Мы съ самаго же начала рѣзко отдѣлили отъ бастующихъ смутьяновъ всѣхъ тѣхъ профессоровъ, а ихъ не мало, которые, какъ истинные люди науки, твердо стоятъ на научной почвѣ, не подписываютъ антиправительственныхъ протестовъ и не подстрекаютъ студентовъ къ антиправительственнымъ забастовкамъ. Точно такъ же мы не можемъ обвинять въ забастовкахъ *всѣхъ* студентовъ, такъ какъ мы знаемъ, какая масса студентовъ этимъ забастовкамъ не сочувствуетъ и противъ нихъ открыто протестуетъ.

Вотъ уже болѣе недѣли какъ ежедневно цѣлые столбцы *Новаго Времени* наполняются безчисленными письмами профессоровъ и студентовъ, имѣющихъ высокое гражданское мужество не подчиняться ни революціонному террору, ни тупоумному стадному чувству, а съ сознаніемъ собственнаго достоинства отстаивающихъ свои честныя убѣжденія, борясь за свободу труда и за освобожденіе науки отъ дикой, варварской крамолы.

Весьма понятно, что крамольники ошеломлены этимъ все усиливающимся, направленнымъ противъ нихъ потокомъ здраваго, трезваго смысла.

И вотъ они заметались, чтобы побороть этотъ здравый смыслъ какими-нибудь наскоро изобрѣтенными и, по ихъ мнѣнію, неотразимыми софизмами.

Съ особой силой нападаютъ они на протестующихъ противъ забастовки студентовъ, называя ихъ съ презрительнымъ укоромъ „свобододѣйствующими", возмущаясь тѣмъ, что эти, стоящіе за свои убѣжденія, молодые люди „не признаютъ рѣшенія большинства для себя обязательнымъ и готовы пойти наперекоръ этимъ рѣшеніямъ". Съ какою яркостью обнаруживается тутъ все возмутительное лицемѣріе нашихъ „либераловъ", порицающихъ *свободное* дѣйствіе и *свободное* выраженіе своихъ убѣжденій! Мы ясно видимъ, какую цѣну имѣютъ ихъ громкія фразы о „свободѣ слова", о „свободѣ совѣсти", и легко можемъ себѣ представить, какое деспотическое *угнетеніе* слова и мысли наступитъ у насъ, когда эти лицемѣры захватятъ въ свои руки правительственную власть, для чего они только и желаютъ навязать Россіи конституцію.

Такъ какъ профессора и студенты въ своихъ протестахъ указываютъ на неумѣстность школьныхъ смутъ „въ тяжелыя времена, переживаемыя нашимъ Отечествомъ", и на свою рѣшимость „исполнять свой долгъ въ полномъ соотвѣтствіи съ закономъ", и такъ какъ студенты признаются, что, „будучи неподготовленными къ политической жизни, они не могутъ брать на себя такой отвѣтственности, каковою является роль критика", -то „либералы" съ пѣной у рта на нихъ накидываются, обзывая ихъ „ябедниками" и „Молчалиными". А между тѣмъ тѣ же „либералы" все время кричатъ о необходимости „строгой законности" въ нашей жизни! Хороша же у нихъ логика, когда они называютъ чуть не преступниками тѣхъ людей, которые стоятъ за строгое соблюденіе законовъ.

Особенно негодуютъ наши „либералы" въ своихъ газетахъ противъ такихъ, особенно неудобныхъ имъ, неоспоримыхъ аксіомъ, какъ тѣ, на которыя твердо опираются протестующіе профессора и студенты, какъ, напримѣръ: „учебныя заведенія существуютъ для того, чтобы давать учащимся знанія", „трудъ—единственный источникъ человѣческой мудрости и власти", „дѣломъ можно помочь, а не словами... давайте лучше работать".

Что же отвѣчаютъ на это гг. „либералы"? Вотъ буквально ихъ слова:

„Къ чему эти раздражающія, надоѣдливыя банальности о необходимости труда?" *)

Хороши же защитники „истины", которыхъ истина „раздражаетъ", которымъ истина „надоѣдаетъ"!

Наши „либералы" называютъ себя также защитниками „гуманности"

Но посмотрите, какъ они издѣваются надъ истинно-гуманными чувствами протестующихъ противъ забастовокъ студентовъ, высмѣивая ихъ, за то, что они жалѣютъ о жертвахъ этихъ забастовокъ.

*) См. *Новости* 1905 г., №№ 37 и 38, статьи гг. М. Энгельгардта и Л. Половецкаго. Изъ этихъ статей мы заимствуемъ и остальныя, приводимыя нами, цитаты, такъ какъ эти статьи очень типичны по своему „либеральному" мракобѣсію.

„Жалѣютъ о самихъ забастовщикахъ и стараются объяснить имъ, что они теряютъ цѣлый годъ, что эта потеря денегъ, времени и здоровья вредна для нихъ.

„Жалѣютъ о гимназистахъ, которымъ тоже придется потерять годъ въ виду переполненія университетовъ.

„Жалѣютъ о крестьянахъ, то-есть о многострадальномъ народѣ, о многострадальномъ мужичкѣ, который платитъ на содержаніе высшихъ учебныхъ заведеній.

„О бѣдныхъ родителяхъ очень жалѣютъ"...

И на всѣ эти жалобы гг. „либералы" ничего не могутъ отвѣтить, кромѣ грубаго цинической хохота! Въ особенности возмутительно ихъ издѣвательство надъ студентами, жалѣющими своихъ родителей:

„Съ этой точки зрѣнія", гогочутъ либералы,—„бастовать можно лишь тѣмъ студентамъ, у которыхъ „„ни папаши, ни мамаши дома нѣту никого"".

Другими словами: плюньте на вашихъ родителей и на ихъ слезы и бастуйте себѣ вволю! Стоитъ ли обращать вниманіе на „предѣлы кругозора батюшекъ, матушекъ и тетушекъ, которые огорчаются о потерѣ молодыми людьми „„драгоцѣннаго времени"" и обузой лишній годъ содержать своего студента".

Можно ли себѣ представить болѣе жестокое, безсердечное отношеніе къ студентамъ со стороны этихъ фанатическихъ якобинцевъ, которые натравливаютъ молодыхъ людей не только на существующіе законы, на Правительство, на науку, но и на родителей, глумясь надъ святѣйшимъ чувствомъ сыновней любви!

Но развѣ для этихъ крамольниковъ есть что-нибудь святое? Ихъ идеалъ—превратить всѣ университеты въ революціонные клубы, а студентовъ—въ дикое стадо невѣжественныхъ бунтарей, *слѣпо* повинующихся деспотическимъ приказамъ главарей возмутительной крамолы. Они съ яростью предаютъ анаѳемѣ тѣхъ студентовъ, которые, помня свой долгъ и свое призваніе, хотятъ обогатиться прежде всего знаніемъ и потому рѣшили: „будемъ вести себя смирно, ходить на лекціи, кончать ученіе, а затѣмъ трудиться на поприщѣ инженеровъ, педагоговъ, адвокатовъ и т. д.". Личная свободная воля студентовъ топчется ногами, *) и имъ стараются вбить въ голову такія очевидныя нелѣпицы, что „„работа на поприщѣ"" оказывается *невозможною* подъ надзоромъ господина сельскаго стражника (?) и тѣхъ, что надъ нимъ (?); она *не могла* помѣшать ни оскудѣнію, ни разоренію, ни безправію, ни произволу, ни реакціи: она не *воспрепятствовала* странѣ дойти до такого состоянія, какое мы переживаемъ нынѣ... Стало-быть, не она выведетъ страну изъ этого состоянія".

Какой все это возмутительный вздоръ, и какое жалкое понятіе эти господа имѣютъ объ умственномъ развитіи нашихъ студентовъ, предпо-

*) Въ *Руси* (№ 30) г. Порошинъ старается втолковать родителямъ, что „если двѣ тысячи студентовъ сходятся въ одномъ общемъ шагѣ, то, очевидно, личная воля каждаго играетъ очень маленькую роль.

лагая, что всѣ они не въ состояніи различить ту очевидную ложь, которою пропитаны всѣ эти софизмы.

Нѣтъ, мы гораздо лучшаго мнѣнія о нашей учащейся молодежи: мы съ радостью видимъ, какъ наиболѣе благоразумная и дѣльная часть ея воспрянула противъ лицемѣрныхъ Тартюфовъ и безсовѣстныхъ крамольниковъ, которые хотятъ сбить ее съ толку изъ-за своекорыстныхъ гнусныхъ мотивовъ.

Пожелаемъ же полнаго успѣха протестующимъ противъ забастовки профессорамъ и студентамъ, мужественно отстаивающимъ свободу своихъ убѣжденій, свободу труда и свободу науки.

Царское слово.

Съ высоты Царскаго Престола раздалось державное слово, котораго Русскій народъ ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ.

Нынѣ, какъ четверть вѣка тому назадъ, Русскій Императоръ успокоиваетъ Свой народъ Своимъ словомъ объ *„освященныхъ Православною церковію и утвержденныхъ законами основныхъ устояхъ Государства Россійскаго“* и о *„вящшемъ укрѣпленіи истиннаго Самодержавія“*.

Всѣ мы твердо знали, что иначе Государь о великомъ значеніи Самодержавія никогда и не мыслилъ; но наши внутренніе враги смущали наше общество нелѣпыми толками о томъ, будто Царь не дорожитъ Своею Самодержавною Властью! Они вызвали этимъ вымысломъ ту страшную смуту въ умахъ Русскихъ людей, которою воспользовалась революціонная крамола для созданія ужаснаго кошмара, давящаго всю Россію.

Теперь народъ знаетъ, какимъ единомыслiемъ онъ неразрывно связанъ со своимъ Царемъ во взглядахъ на святость Православной Церкви, на незыблемость Самодержавнаго Престола и на истинное благо Русскаго народа.

Державное слово разсѣяло еще нѣкоторые другіе, мучившіе насъ, тревожные вопросы.

Исчезла тревога, навѣянная на насъ нашею японофильскою печатью, утверждавшею, будто Россія готова заключить позорный миръ съ Японіей. Государь прямо говоритъ, что война на Дальнемъ Востокѣ ведется *„за честь и достоинство Россіи, и за господство на водахъ Тихаго Океана, столь существенно необходимое для упроченія въ долготу вѣковъ мирнаго преуспѣянія не только нашего, но и иныхъ христіанскихъ народовъ“*, и призываетъ своихъ вѣрноподданныхъ Русскихъ людей *„къ святому и великому подвигу одолѣнія упорнаго врага внѣшняго“*.

Славу Богу, разсѣянъ туманъ, сгустившійся надъ нашей внутреннею жизнію, такъ какъ для всѣхъ стало ясно, какъ Государь относится къ той удручающей насъ смутѣ, которую крамола создала какъ въ подпольныхъ своихъ разбойничьихъ берлогахъ, такъ и на открытыхъ поприщахъ нашей печати, нашихъ общественныхъ учрежденій и нашей многострадальной школы. Смута эта, говоритъ Государь, *„поднялась на радость врагамъ*

нашимъ и къ великой, сердечной Нашей скорби". Мы теперь знаемъ, какъ намъ смотрѣть на отмѣченныхъ Царскимъ осуждающимъ словомъ „*ослѣпленныхъ гордынею злоумышленныхъ вождей мятежнаго движенія, посягающихъ на освященные Православною Церковію и утвержденные законами основные устои Государства Россійскаго*". Мы теперь знаемъ, какъ судить, вмѣстѣ со Своимъ вѣрноподданнымъ народомъ, Русскій Царь о преступныхъ крамольникахъ, пытающихся, „*разорвавъ естественную связь съ прошлымъ, разрушить существующій государственный строй и, вмѣсто онаго, учредить новое управленіе страною на началахъ Отечеству нашему не свойственныхъ*".

Теперь уже наши Правительственныя учрежденія и власти всѣхъ вѣдомствъ и степеней не будутъ имѣть отговорки для своего малодушнаго бездѣйствія, навлекшаго столько зла на Россію: теперь они всѣ услыхали твердое слово Царя, упрекающее ихъ за „*внутреннія настроенія послѣдняго времени и шатанія мысли, способствовавшія распространенію крамолы и безпорядковъ*", и напоминающее имъ „*долгъ службы и вѣрныя присяги*". Подумайте, до чего мы дошли! Правительственныя учрежденія и власти забыли свою присягу,—и Самому Государю приходится напоминать имъ объ ея велѣніяхъ! Будемъ надѣяться, что они во всѣхъ вѣдомствахъ и на всѣхъ ступеняхъ пробудятся, наконецъ, изъ своей пагубной апатіи и съ удвоенною энергіей исполнятъ Волю Царя, призывающаго ихъ „*къ усугубленію бдительности по охранѣ закона, порядка и безопасности, въ строгомъ сознаніи нравственной и служебной отвѣтственности передъ Престоломъ и Отечествомъ*".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь Императоръ обращается къ Своему народу со слѣдующимъ призывомъ: „*Мы призываемъ благомыслящихъ людей всѣхъ сословій и состояній, каждаго въ своемъ званіи и на своемъ мѣстѣ соединиться въ дружномъ содѣйствіи Намъ словомъ и дѣломъ въ святомъ и великомъ подвигѣ одолѣнія упорнаго врага внѣшняго, въ искорененіи въ землѣ Нашей крамолы и въ разумномъ противодѣйствіи смутѣ внутренней*".

Да, каждый изъ насъ,—въ своемъ мѣстѣ,—долженъ дружно содѣйствовать Государю и словомъ и дѣломъ въ Его благихъ заботахъ о Россіи. А потому всѣ истинно-Русскіе люди съ готовностью отзовутся на призывный кличъ своего Монарха:

„*Да станутъ же крѣпко вокругъ Престола Нашего всѣ Русскіе люди, вѣрные завѣтамъ родной старины, работая честно и совѣстливо о великомъ Государевомъ дѣлѣ въ единомысліи съ Нами*".

Да пошлетъ же Господь Царю вѣрныхъ, искреннихъ, неподкупныхъ слугъ, которые бы съ точностью исполняли Его Державную Волю, „честно и совѣстливо радѣя о великомъ Государевомъ дѣлѣ" и руководствуясь не тщеславнымъ властолюбіемъ и не личными цѣлями, а истиннымъ благомъ Русскаго народа!

Первый шагъ.

Въ Высочайшемъ Рескриптѣ, данномъ на имя министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 16 февраля 1905 года, Государю Императору благоугодно было возвѣстить о Своемъ намѣреніи отнынѣ привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній.

Боже, Царя храни!

Царская воля и наша „интеллигенція".

Вчера мы указали на безусловную необходимость *сперва* возстановить порядокъ и, согласно волѣ Государя, *„искоренить крамолу"*, дабы затѣмъ *„при спокойномъ и бодромъ состояніи духа всего населенія и страны"* приступить къ обсужденію и осуществленію предназначенныхъ Государемъ реформъ (№ 52).

На это намъ, въ полученномъ нами письмѣ, возражаютъ:

„Но вѣдь крамола уже побѣждена Высочайшимъ Рескриптомъ на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ: а потому смута немедленно уляжется среди общества, исполненнаго радостной благодарности за оказанное ему Рескриптомъ довѣріе; стачки и забастовки сразу прекратятся, и порядокъ, такимъ образомъ, *самъ собою* возстановится. А потому можно будетъ немедленно же приступить къ обсужденію и осуществленію намѣченныхъ реформъ".

Да, все это было бы возможно, если-бъ у насъ было дѣйствительно культурное общество, доступное чувству благодарности за оказываемыя ему Высочайшія милости,—общество, которое на Царское довѣріе отвѣтило бы Царю такимъ же довѣріемъ, предоставивъ Ему опредѣлить тотъ способъ, въ которомъ Его Волѣ будетъ угодно осуществить новую систему законодательныхъ работъ *„при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи"*.

Но, увы, такого общества, помнящаго свою присягу и свой долгъ передъ Государемъ, у насъ нѣтъ; у насъ есть дикая, наглая, сорвавшаяся теперь съ цѣпи „интеллигенція", не помнящая никакихъ велѣній долга, давно уже плюнувшая на свою присягу и опрометью рвущаяся къ тому, чтобы захватить въ свои руки всю Правительственную Власть. Отъ такой „интеллигенціи" нельзя ожидать ни честности, ни порядочности, ни благодарности, ни, вообще, проявленія какихъ-нибудь благородныхъ чувствъ. Каждую уступку она встрѣчаетъ лишь новыми требованіями, каждую милость—новою наглостью, и на свѣтлую любовь Царя отвѣчаетъ Ему мрачною враждой.

Какъ же можно, при такомъ характерѣ и при такомъ настроеніи нашей интеллигенціи, ожидать, что нарушенный революціоннымъ движеніемъ порядокъ „самъ собою" возстановится?

Напротивъ того, мы видимъ, что смута только усиливается, и нѣтъ сомнѣнія, что крамола этимъ воспользуется для своихъ преступныхъ цѣлей.

Въ самомъ дѣлѣ, рабочія забастовки не только не прекратились, но увеличились, университетскій антиправительственный мятежъ продолжается, а „либеральная“ печать съ неимовѣрною дерзостью возвысила свои революціонныя требованія.

Государь рѣшилъ привлекать народныхъ представителей „*къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній*“, но „*при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи*“ и „*къ вящшему укрѣпленію истиннаго Самодержавія*“.

А „либеральная“ печать уже теперь поднимаетъ свой дерзкій голосъ, вступая въ препирательства съ Верховной Волей Государя: намъ-де мало „народосовѣтія“, намъ надо „народное самоуправленіе“.

„Въ самомъ дѣлѣ“,—говоритъ эта печать, зачѣмъ же спрашивать совѣта у народа, если бы возможно было не сообразаться съ этимъ совѣтомъ... Въ законодательномъ сотрудничествѣ съ Верховною Властью неизбѣжно должно взять верхъ одно изъ двухъ началъ: или преобладаніе бюрократіи, или преобладаніе голоса народа въ лицѣ его представителей.

„Если бы сохранилось первое изъ этихъ началъ, то не стоило бы и собирать на совѣтъ людей, облеченныхъ народнымъ довѣріемъ. А если они будутъ собраны, то передъ ихъ голосомъ должна будетъ отступить на задній планъ бюрократія, которая народнымъ довѣріемъ не только не облечена на выборахъ, но и нравственно имъ рѣшительно не пользуется“.

Какъ видите, здѣсь выставляются чисто-революціонныя, народовластныя требованія, идущія совершенно вразрѣзъ съ Самодержавіемъ. Признается единственная воля въ государствѣ,—воля народа, передъ которою должны отступить на задній планъ не только лица, пользующіяся довѣріемъ Царя, но и Самъ Царь, по общепринятому конституціонному шаблону. На этомъ особенно настаиваетъ наша „легальная“ революціонная печать, ратуя за введеніе у насъ, вмѣсто Самодержавія,—„общаго порядка во всѣхъ конституціонныхъ странахъ“. Оговоренную въ Рескриптѣ „*незыблемость основныхъ законовъ Имперіи*“ она признаетъ ничего не значащими словами: „напрасно было бы,—говоритъ она,—бояться словъ, когда суть дѣла очевидна“. Во всякомъ случаѣ, по рѣшенію нашихъ „либераловъ“, Державная Воля должна отнынѣ принадлежать не Царю, а народу: они требуютъ этого какъ *conditio sine qua non* и настаиваютъ на полученіи гарантій въ томъ, „что народъ *дѣйствительно* получитъ право активнаго участія въ законодательствѣ страны, право возможно полнаго проявленія *своей державной воли*“ *).

*) Курсивъ нашъ. Всѣ цитаты взяты нами изъ газеты *Новости*, рѣшившейся говорить этимъ тономъ уже 20 февраля, то-есть на третій день послѣ Высочайшихъ Манифеста и Рескрипта. Такъ какъ эта дерзкая рѣчь, конечно, останется безнаказанною, то легко себѣ представить, какъ „либеральная“ печать будетъ говорить черезъ недѣлю, въ недѣли, мѣсяцъ и т. д.

Итакъ, вотъ каковы требованія нашей „интеллигенціи“ въ отвѣтъ на Рескриптъ Государя. Гдѣ же тутъ ожидать искорененія крамолы и прекращенія смуты?

Въ прошломъ сентябрѣ мы съ точностью предсказали всѣ тѣ прискорбныя событія, которыя затѣмъ послѣдовали въ декабрѣ и январѣ *).

Зная нравы нашей „интеллигенціи“, легко предвидѣть и тѣ событія, которыя отнынѣ будутъ совершаться на нашихъ глазахъ, если Правительство, въ сознаніи своего долга, съ самаго начала не положитъ предѣла готовой разразиться революціонной агитаціи.

Городскія думы и земскія собранія будутъ, конечно, вотировать „благодарственные адресы“, но при этомъ самовольно присвоятъ себѣ то право, которымъ Государь Императоръ облекъ исключительно министра Внутреннихъ Дѣлъ А. Г. Булыгина, въ виду его *„долголѣтней административной опытности и спокойной закрѣпленности характера“*. Не А. Г. Булыгинъ будетъ обсуждать *„послѣдовательно и осмотрительно“* въ своемъ Особомъ Совѣщаніи *„сложное и трудное“* дѣло законодательной реформы: его будутъ обсуждать и рѣшать съ легкомысленнымъ пыломъ наши городскіе и земскіе болтуны и шарлатаны, а затѣмъ они съ обычною имъ наглою назойливостью потребуютъ, чтобы именно *ихъ* рѣшенія, а не какія-либо другія, были приняты къ исполненію Особымъ Совѣщаніемъ А. Г. Булыгина, грозя въ противномъ случаѣ грандіозными безпорядками.

Такія же революціонныя рѣшенія будутъ приниматься и во всякихъ другихъ общественныхъ собраніяхъ и сходкахъ, въ школахъ, на банкетахъ и въ печати, при чемъ всюду будутъ выставляться требованія, чтобы составъ Особаго Совѣщанія А. Г. Булыгина зависѣлъ не отъ Воли Государя, а отъ „державной воли народа“, такъ какъ-де въ противномъ случаѣ всѣ рѣшенія Особаго Совѣщанія „не будутъ облечены авторитетомъ въ глазахъ общества“.

Тѣ же самозванные „органы народной воли“ будутъ открыто идти противъ Государевой Воли, требуя уничтоженія Самодержавія и замѣны Его народовластіемъ, отвергая „совѣщательное“ участіе народныхъ представителей въ законодательной работѣ и требуя созванія полновластнаго „учредительнаго собранія“, посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, для выработки конституціи на развалинахъ теперешнихъ основныхъ законовъ Имперіи.

Городскія думы и земскія собранія превратятся въ политическіе клубы, занимающіеся, вопреки закону, самыми разнообразными государственными дѣлами, ссылаясь на Высочайшій Указъ 18 февраля, разрѣшающій посылать „частнымъ лицамъ и *учрежденіямъ*“ въ Совѣтъ Министровъ „виды и предположенія по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія“.

Такіе же „виды и предположенія“ будутъ отнынѣ разрабатывать и всякія другія спеціальныя казенныя и общественныя учрежденія, отодвинувъ на задній планъ свои непосредственныя спеціальныя дѣла и заботы.

*) См. *Моск. Вѣд.* 1905 г., № 30.

Такимъ образомъ, все въ Имперіи станетъ вопросомъ, все начнетъ шататься, подвергаться критикѣ, осужденію и разрушенію. Наступитъ хаосъ во сто разъ большій, нежели тотъ, который мы пережили въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ...

Если Правительство не приметъ *съ первыхъ же шаговъ* необходимыхъ мѣръ къ строгому ограниченію этого своеволія и къ удержанію преобразовательнаго движенія въ точныхъ предѣлахъ, установленныхъ Волей Государя, то оно увидитъ въ скоромъ времени, какъ крамола и „интеллигенція“ смѣлымъ напоромъ перешагнутъ эти предѣлы и начнутъ открытую, безпредѣльную революціонную агитацію на всѣхъ пунктахъ Имперіи.

Мы останавливаемся передъ ужасомъ дальнѣйшихъ катастрофъ, такъ какъ намъ не хочется вѣрить, чтобы Правительство не сочло своимъ долгомъ немедленно, теперь же (черезъ недѣлю уже будетъ поздно), оградить твердою плотиной Россію и этимъ спасти ее и всѣ ея драгоцѣннѣйшія сокровища, о которыхъ такъ горячо и заботливо говоритъ Государь въ Своемъ Манифестѣ,—отъ страшной вздымающейся, всепоглощающей революціонной волны...

Мы молимъ Бога, чтобы предсказанія наши не оправдались, и чтобы Онъ внушилъ нашимъ правителямъ вооружиться всею силою духа, дабы въ точности исполнить Волю Государя, напомнившаго имъ *„долгъ службы и велѣнія присяги“* и призвавшаго ихъ *„къ усугубленію бдительности по охранѣ закона, порядка и безопасности, въ строгомъ сознаніи нравственной и служебной отвѣтственности передъ Престоломъ и Отечествомъ“*.

Мы исполнили свой долгъ и указали на грозящую опасность, дабы никто не могъ отговариваться ея „внезапностью“ и „непредвидѣнностью“, въ томъ случаѣ, если, не дай Богъ, она теперь же не будетъ предотвращена и разразится со всею своей силой надъ несчастною Россіей...

Три акта.

День 18 февраля 1905 года ознаменовался тремя чрезвычайно важными актами Самодержавной Воли Государя Императора: Высочайшимъ Манифестомъ, Именнымъ Высочайшимъ Указомъ Правительствующему Сенату и Высочайшимъ Рескриптомъ на имя министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Какъ Указъ, такъ и Рескриптъ касаются *отдѣльныхъ*, спеціальныхъ вопросовъ о сферѣ законодательной техники, тогда какъ Манифестъ является торжественнымъ провозглашеніемъ Высочайшей Воли Самодержавнаго Царя *въ области всей, безъ исключенія, государственной политики*.

Въ виду этого, выраженная въ Манифестѣ Высочайшая Воля становится съ момента ея обнародованія—въ силу основныхъ законовъ Россійской Имперіи и въ силу присяги на вѣрность подданства—*безусловно обязательною* для всѣхъ и каждаго изъ вѣрноподданныхъ Самодержца Всероссійскаго, для каждаго *„въ своемъ званіи и на своемъ мѣстѣ“*, стало-быть, и для каждаго изъ членовъ Совѣта Министровъ, значащагося въ Указѣ Сенату, для каждаго изъ членовъ Особаго Совѣщанія, учрежденнаго Рескриптомъ подъ предсѣдательствованіемъ министра Внутреннихъ Дѣлъ,

а также и для членовъ предполагаемой законодательной коллегіи, учрежденіе которой должно быть подготовлено означеннымъ Особымъ Совѣщаніемъ.

Въ виду этого, какъ Указъ, такъ и Рескриптъ должны быть разсматриваемы и толкуемы не иначе, какъ съ точки зрѣнія Манифеста и въ полномъ согласіи съ изложенною въ немъ Государевою Волей.

Воля эта изложена съ такою категорическою ясностью, что не можетъ вызвать ни малѣйшаго сомнѣнія или недоразумѣнія.

Государь прямо указываетъ въ Своемъ Манифестѣ какъ на *друзей* Россіи, такъ и на *враговъ* ея.

Манифестъ говоритъ о „*доблестнѣйшихъ сынахъ Россіи*“, которые „*съ беззавѣтною храбростію, сражаясь самоотверженно, полагаютъ жизнь свою за Вѣру, Царя и Отечество*“, объ „*извѣстной Государю исконной преданности Престолу вѣрнаго народа Его*“. Государь призываетъ къ „*дружному содѣйствію Ему*“ однихъ лишь „*благомыслящихъ людей всѣхъ сословій и всѣхъ состояній*“ и приглашаетъ стать крѣпко вокругъ Престола Царскаго тѣхъ Русскихъ людей, которые, по точному опредѣленію Государя, „*вѣрны завѣтамъ родной старины, радѣя честно и совѣстливо о всякомъ Государевомъ дѣлѣ въ единомысліи съ Нами*“.

Таковы *друзья* Россіи.

Враги ея характеризуются въ Высочайшемъ Манифестѣ съ неменьшею ясностью:

„*Ослѣпленные гордынею, злоумышленные вожди мятежнаго движенія дерзновенно посягаютъ на освященные Православною Церковію и утвержденные законами основные устои Государства Россійскаго, полагая, разорвавъ естественную связь съ прошлымъ, разрушить существующій государственный строй и, вмѣсто онаго, учредить новое управленіе страною на началахъ, Отечеству Нашему не свойственныхъ*“. Эти люди „*подняли смуту*“, какъ говоритъ Государь, „*на радость врагамъ нашимъ и къ великой сердечной Нашей скорби*“: они вызвали „*внутреннее нестроеніе послѣдняго времени и шатанія мысли, способствовавшія распространенію крамолы и безпорядка*“.

Государю благоугодно было также указать, каковъ долженъ быть долгъ благомыслящихъ людей по отношенію къ крамольникамъ: крѣпко стоя вокругъ Царскаго Престола, подъ стягомъ Самодержавной Царской Власти, вѣрноподданные русскіе люди, а также правительственныя учрежденія и власти всѣхъ вѣдомствъ и степеней, обязаны помнить долгъ службы и велѣнія присяги, усугубить бдительность по охранѣ закона, порядка и безопасности и „*соединиться въ дружномъ содѣйствіи Государю словомъ и дѣломъ во святомъ и великомъ подвигѣ одолѣнія упорнаго врага внѣшняго, въ искорененіи въ землѣ Нашей крамолы и въ разумномъ противодѣйствіи смутѣ внутренней*“.

Наконецъ, Государь ясно указываетъ и ту высокую, единственную цѣль, къ которой Онъ стремится и къ которой, „*въ единомысліи съ Нимъ*“, обязаны стремиться всѣ истинно-русскіе люди: —„*къ вящшему укрѣпленію истиннаго Самодержавія на благо всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ*“.

Обратимся теперь къ *Указу* и *Рескрипту* и разсмотримъ ихъ на общемъ фонѣ Манифеста 18 февраля, который, такъ же какъ и Манифестъ 29 апрѣля 1881 года, ясно и прочно опредѣляетъ тотъ прямой путь, по которому Россія доселѣ шествовала и впредь будетъ шествовать „подъ стягомъ Самодержавной Царской Власти и въ неразрывномъ единеніи съ Нею".

Именной Указъ Правительствующему Сенату открываетъ лишь новый путь для представленія Государю Императору на Его благое усмотрѣніе *„видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія"*.

Кому же даруется это право представлять Государю эти „виды и предположенія"? Государь прямо говоритъ:

„Всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, радѣющимъ объ общей пользѣ и нуждахъ государственныхъ".

Этими словами опредѣляется характеръ и самихъ „предположеній", которыя могутъ быть разсматриваемы и обсуждаемы въ Совѣтѣ Министровъ, состоящемъ, подъ Личнымъ предсѣдательствомъ Самодержавнаго Государя, изъ членовъ, обязанныхъ помнить *„долгъ службы и вѣрныя присяги"* и радѣющихъ *„въ единомысліи съ Государемъ"* о *„вящемъ укрѣпленіи истиннаго Самодержавія"*.

Коль скоро эти „предположенія" будутъ согласны съ основными принципами, высказанными въ Манифестѣ 18 февраля, коль скоро они будутъ соотвѣтствовать ясно выраженной въ этомъ Манифестѣ и обязательной для всѣхъ вѣрноподданныхъ Царской Волѣ и не будутъ противорѣчить истинному Самодержавію,—они могутъ быть предметомъ обсужденія въ Совѣтѣ Министровъ. Но если-бъ они, паче чаянія, исходили отъ теперешнихъ сѣятелей смуты и *„вождей мятежнаго движенія, дерзновенно посягающихъ на освященные Православною Церковію и утвержденные законами основные устои Государства Россійскаго"*, если-бъ они стремились, *„разорвавъ естественную связь съ прошлымъ, разрушить существующій государственный строй и, вмѣсто онаго, учредить новое управленіе страною на началахъ, Отечеству нашему не свойственныхъ"*, однимъ словомъ, если-бъ они клонились къ тому или другому, хотя бы малѣйшему ограниченію Самодержавной Царской Власти,—они, въ силу Манифеста 18 февраля, должны быть безусловно отвергнуты Совѣтомъ Министровъ, какъ преступныя посягательства на основные устои Государства Россійскаго, и Совѣтъ Министровъ обязанъ будетъ сдѣлать это, по словамъ того же Манифеста, *„въ строгомъ сознаніи нравственной и служебной отвѣтственности передъ Престоломъ и Отечествомъ"*.

Высочайшій Рескриптъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ возлагаетъ на послѣдняго предсѣданіе въ Особомъ Совѣщаніи, имѣющемъ цѣлью обсуждать новые законодательные пути и выработать сложное и трудное проведеніе сего преобразованія въ жизнь, *„но не иначе какъ при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи"*.

Слѣдовательно и Особое Совѣщаніе А. Г. Булыгина поставлено въ безусловную необходимость строго соблюдать въ своихъ работахъ всѣ требо-

вашія того же Манифеста 18 февраля, который отнынѣ будетъ Альфой и Омегой всей Русской государственной и общественной жизни.

А потому каждый переступающій твердую, ясную грань этого Манифеста долженъ считаться крамольникомъ и измѣнникомъ, нарушителемъ присяги на вѣрноподданство, данной своему Государю.

Таковымъ измѣнникамъ не можетъ быть мѣста ни въ Совѣтѣ Министровъ, ни въ Особомъ Совѣщаніи, ни въ какой-либо государственной комиссіи, ни въ иныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Вѣдь не измѣнниковъ присягѣ Государь призываетъ *„крѣпко стать вокругъ Царскаго Престола“*, а однихъ лишь „людей благомыслящихъ, лучшихъ, достойнѣйшихъ“. А противъ всѣхъ прочихъ, посягающихъ на незыблемость и неограниченность Царскаго Самодержавія, должна примѣняться требуемая Манифестомъ *„сила* законовъ“.

Русскіе люди хотятъ посвящать свои силы и содѣйствовать Самодержавному Царю въ Его заботахъ и трудахъ,—пусть посвящаютъ и содѣйствуютъ; хотятъ работать совмѣстно съ Императорскимъ Правительствомъ,—пусть работаютъ.

Но *какіе* люди? Развѣ крамольники и идущіе противъ требованій присяги, не хотящіе знать Царской Воли, требующей *„вѣщаго укрѣпленія истиннаго Самодержавія“*? Конечно, нѣтъ. Высочайшій Рескриптъ говоритъ лишь о „лучшихъ“ и о „достойнѣйшихъ“ выборныхъ людяхъ, а не о всѣхъ. *Не всѣ* слѣдовательно безъ разбора выборные люди будутъ имѣть право явиться съ вымышленными революціонными „требованіями народной воли“, а лишь достойнѣйшіе изъ нихъ могутъ быть „привлекаемы“ къ участію въ предварительной разработкѣ законовъ,—только такіе люди, которые будутъ *„въ единомысліи съ Царемъ“*, и которые свято будутъ исполнять Его Державную Волю о *„непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи“*.

Тѣмъ же людямъ, которые стремятся *„разрушить существующій государственный строй и, вмѣсто онаго, учредить новое управленіе страной, на началахъ, Отечеству нашему не свойственныхъ“*, то-есть всѣ наши „либералы-конституціоналисты“, которыхъ Государь называетъ *„ослѣпленными гордынею, злоумышленными вожделѣми мятежнаго движенія“*,—такимъ людямъ, по точному смыслу Манифеста, не можетъ быть мѣста ни въ Особомъ Совѣщаніи Министра Внутреннихъ дѣлъ, ни въ той коллегіи, въ которой будетъ происходить предварительное обсужденіе законовъ.

Вотъ этого-то именно наши конституціонные крамольники, именующіе себя „либералами“, и знать не хотятъ. Они знать не хотятъ Царской Воли, выраженной въ Высочайшемъ Манифестѣ; они составили заговоръ молчанія противъ сего Манифеста, и во всѣхъ своихъ рѣчахъ, статьяхъ и адресахъ говорятъ исключительно только объ Указѣ и Рескриптѣ, дѣлая видъ, будто Манифеста совсѣмъ не существуетъ!

Они благодарятъ Государя за оказанное имъ, либераламъ, „довѣріе“.

Развѣ довѣріе оказано тѣмъ лицамъ, которымъ приходится всенародно напоминать о томъ, чтобы они не забывали велѣній своей присяги? Неужели оно объявлено тѣмъ, кто мечтаетъ о конституціонномъ ограниче-

ніи Самодержавной Власти Царя и *„дерзновенно посягает на освященные Православною Церковію и утвержденные законами основные устои Государства Россійскаго“*.—тѣмъ крамольникамъ, противодѣйствовать которымъ Государь призываетъ *„благомыслящихъ людей всѣхъ сословій и состояній“*?

Нѣтъ, не такимъ людямъ объявлено довѣріе—находятся ли они въ составѣ бюрократіи или въ составѣ общественныхъ учрежденій и нашей „интеллигенціи“.—не этимъ явнымъ участникамъ и тайнымъ попустителямъ крамолы объявлено довѣріе:—довѣріе объявлено лишь тѣмъ, кого Государь призываетъ *„крѣпко стать вокругъ Царскаго Престола“*.

Вотъ подлинныя Царскія слова, которыми Государь опредѣляетъ тѣхъ лучшихъ, достойнѣйшихъ людей, заслуживающихъ Его довѣрія:

„Всѣ русскіе люди, вѣрные завѣтамъ родной старины, рапіующіе честно и совѣстливо о всякомъ Государевомъ дѣлѣ въ единомысліи съ Нами“.

Наши „либеральные“ революціонеры, дерзко игнорирующіе самое существованіе Высочайшаго Манифеста 18 февраля, тѣмъ самымъ обнаруживаютъ всѣ свои замыслы и планы, не только не имѣющіе ничего общаго съ укрѣпленіемъ основъ истиннаго Самодержавія, но явно враждебные ему.

А между тѣмъ—мы еще разъ повторяемъ—вся будущая государственная политика Россіи ясно опредѣлена именно этимъ Манифестомъ.

Пусть всѣ истинно-русскіе люди помнятъ, что единственно-возможный логическій выводъ изъ сопоставленія всѣхъ трехъ обнародованныхъ 18 февраля актовъ Державной Воли Русскаго Царя заключается въ слѣдующемъ:

Манифестъ есть обращеніе ко всѣмъ вѣрноподданнымъ, слѣдовательно, и ко всѣмъ Правительствующимъ и общественнымъ учрежденіямъ, и ко всѣмъ министрамъ и другимъ Царскимъ слугамъ. Тутъ *все* и *для всѣхъ* неуклонно обязательно: *это для всѣхъ безпрекословный долгъ.*

Ничто, ни одна іота въ Манифестѣ не ослабляется въ своемъ значеніи ни Указомъ, ни Рескриптомъ: эти два послѣдніе акта только примыкаютъ къ Манифесту, отнюдь не служа ему не только какимъ-нибудь ограниченіемъ, но даже и комментаріемъ.

Наоборотъ, только въ границахъ полнаго согласованія съ Манифестомъ, какъ по духу, такъ и по буквѣ, могутъ быть понимаемы и исполняемы Указъ и Рескриптъ,—только въ согласіи съ Манифестомъ могутъ быть примѣняемы на дѣлѣ возвѣщенныя Государемъ милости.

Организація монархической партіи.

До 18 февраля 1905 года партіи въ Россіи существовали лишь фактически, не имѣя опредѣленной организаціи.

Съ 18 февраля партіямъ въ Россіи придется существовать de jure въ качествѣ сплоченныхъ организмовъ.

До 18 февраля русское образованное общество фактически дѣлилось на двѣ главныя партіи, проявившіяся въ болѣе или менѣе ясныхъ очертаніяхъ съ начала XIX вѣка, изъ которыхъ одна называлась „западниче-

скою," „космополитическою", „демократическою", „либеральною", „конституціонною" и стремилась, подъ разными туманными предлогами, какъ къ конечной своей цѣли, къ ниспроверженію Самодержавія въ Россіи; а другая „русская", „славянофильская", „консервативная", „охранительная" партія,—путаясь иногда въ мелкихъ подробностяхъ, отстаивала, между прочимъ, и сохраненіе Самодержавія Русскихъ Царей. Эта партія называлась и „правительственною" въ тѣхъ случаяхъ, когда само Правительство охраняло Самодержавіе.

Съ 18 февраля эти двѣ партіи должны будутъ выступить уже не съ туманными, а съ ясными, точно опредѣленными программами и соотвѣтствующими имъ наименованіями. Одна изъ нихъ будетъ партіей *революціонною*, а другая—*монархическою*.

До 18 февраля можно было теоретически даже отрицать существованіе партій въ Россіи, на томъ де основаніи, что партіи мыслимы лишь въ конституціонныхъ государствахъ, гдѣ онѣ борются изъ-за правительственной власти.

Съ 18 февраля существованіе партій въ Россіи никѣмъ уже не можетъ отрицаться, такъ какъ революціонная партія готовится вырвать власть изъ рукъ Самодержавнаго Царя, а монархическая призывается Царемъ къ охранѣ этой Власти.

Словомъ, до 18 февраля партійная борьба въ Россіи была случайная, а иногда даже безсознательная, не систематическая, то усиливавшаяся, то прекращавшаяся, безъ явно и твердо намѣченной цѣли и программы.

Съ 18 февраля борьба будетъ открытая, острая, непрерывная изъ-за ясно опредѣленной цѣли.

Почему же 18-е февраля имѣетъ столь роковое для Россіи значеніе?

Развѣ обнародованные въ этотъ день акты Высочайшей Воли имѣли своею цѣлью усилить внутренній раздоръ въ Россіи, а не усмирить его?

Да, любвеобильное сердце Государя несомнѣнно разсчитывало на то, что дарованныя Имъ 18 февраля милости будутъ приняты съ благодарностью всѣмъ Русскимъ народомъ и Русскимъ обществомъ, которые затѣмъ, съ полнымъ довѣріемъ къ Царю, воздержатся отъ какихъ-либо новыхъ требованій, вернутся къ нормальной жизни и возобновятъ свои мирныя занятія въ ожиданіи осуществленія возвѣщенныхъ съ высоты Престола новыхъ законодательныхъ мѣръ.

Эта благая надежда Государя несомнѣнно и осуществилась бы, если-бъ наша революціонная партія была доступна высокому, благородному чувству долга, возлагаемаго на всѣхъ истинно-Русскихъ людей присягой, приносимой ими Самодержавному Государю.

Къ сожалѣнію, наши „либералы" не только забыли свою присягу, но даже негодуютъ, когда имъ о ней напоминаютъ, а Самодержавія они никогда не признавали и признавать не хотятъ.

Вотъ почему они послѣ 18 февраля не только не прекратили своей открытой борьбы противъ Самодержавія, но еще болѣе ее обострили: они оставили въ полной силѣ организованныя ими „боевыя забастовки", приступили уже 19 февраля къ формулированію новыхъ, явно революціон-

ныхъ требованій и съ неимовѣрною дерзостью поставили крестъ надъ Высочайшимъ Манифестомъ 18 февраля, признавъ его какою-то *quantité négligeable*, чѣмъ-то *nul et non avenu*, и предавъ его абсолютному игнорированію и полному забвенію.

Эта перчатка, нагло брошенная Самому Царю и всему Его вѣрноподданному народу, не могла остаться неподнятою благомыслящими людьми всѣхъ сословій и состояній, которыхъ Государь призываетъ въ Своемъ Манифестѣ соединиться въ дружномъ содѣйствіи Ему словомъ и дѣломъ для искорененія крамолы, стремящейся уничтожить Самодержавіе. На новый усиленный натискъ крамолы эти истинно-Русскіе люди воспрянули, дабы дать новый усиленный отпоръ крамольникамъ, и теперь уже завязалась борьба, которая можетъ прекратиться лишь полнымъ торжествомъ священныхъ началъ, провозглашенныхъ въ Манифестѣ 18 февраля.

Но день 18 февраля внесъ въ русскую жизнь еще новый элементъ партійной политической борьбы.

До сихъ поръ схватки между революціонною и монархическою партіями происходили на „общественной“ почвѣ: въ печати, въ земствахъ, въ городскихъ думахъ, въ дворянствѣ, въ судѣ, въ учебномъ и ученомъ мірѣ, въ клубахъ и различныхъ обществахъ, съѣздахъ и собраніяхъ.

Отнынѣ она будетъ происходить на почвѣ государственной, если только будутъ осуществлены въ той или другой формѣ *выборы*, долженствующіе дать кадры тѣхъ людей, достойнѣйшіе изъ которыхъ могутъ быть привлекаемы къ предварительному обсужденію законодательныхъ мѣропріятій.

Кто говоритъ: „выборы“, тотъ говоритъ: „партіи“; кто говоритъ: „партіи“, тотъ говоритъ: „борьба“.

Въ самомъ дѣлѣ, выборы безъ партійной борьбы не мыслимы, а потому нѣтъ никакого сомнѣнія, что вокругъ предположенныхъ выборовъ, если только имъ суждено осуществиться, возгорится ожесточенная борьба, которая еще болѣе усилитъ настоящій междоусобный раздоръ, такъ тяжело отражающійся на всей Россіи. Мы не говоримъ уже о томъ, что примѣръ Запада ясно показываетъ, какому страшному разврату содѣйствуютъ политическіе выборы, создающіе во время „предвыборной агитаціи“ открытое торжище голосовъ, подкупаемыхъ деньгами, водкой и лживымъ краснобайствомъ политическихъ шарлатановъ.

Если, дѣйствительно, политическіе выборы будутъ введены и въ Россіи, то партійная борьба приметъ у насъ неслыханные на Западѣ размѣры.

Къ этой именно борьбѣ уже дѣятельно готовится *революціонная* партія, которая надѣется съ перваго же натиска принудить Самодержавіе къ позорной капитуляціи.

Съ этою именно преступною цѣлью наши „либералы“ такъ энергически принялись за организацію своей партіи, которую они стремятся сдѣлать единою, тѣсно-сплоченною на пространствѣ всей Россіи.

А для организаціи *монархической* партіи у насъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще ничего не сдѣлано.

Правда, тамъ, гдѣ у насъ уже существуютъ выборы, то-есть въ дворянствѣ, въ земствѣ и въ городскихъ думахъ, организовываются *ad hoc* и

„либеральныя“ и „консервативныя“ партіи. Но эти партіи имѣютъ чисто-мѣстный, большею частью личный характеръ и не объединены общею государственною идеей.

Однако, за послѣдніе годы „либеральная“ партія уже приступила къ своей „всероссійской“ организаціи.

Усиліями бывшаго предсѣдателя Московской Губернской Земской Управы Д. Н. Шипова въ Москвѣ образовано было „общеземское бюро“, руководившее политическою дѣятельностью „либеральныхъ“ фракцій во всѣхъ земствахъ Россійской Имперіи. Результатомъ этой дѣятельности явился ноябрскій общеземскій съѣздъ въ Петербургѣ, положившій начало всему теперешнему внутреннему хаосу, подорвавшему правильную законную жизнь Россіи.

Бороться съ такою уже окрѣпшею и, къ сожалѣнію, уже одержавшею несомнѣнныя побѣды организаціей можетъ лишь столь же крѣпко организованная партія монархическая.

А потому каждый мыслящій, честный, истинно-Русскій человѣкъ обязанъ, по долгу своей вѣрноподданнической присяги, послѣдовать призыву своего Царя и поспѣшить къ содѣйствію Ему въ объявленной Имъ борьбѣ противъ крамольниковъ, стремящихся *„разрушить существующій Государственный строй и, вмѣсто онаго, учредить новое управленіе страною, на началахъ, Отечеству нашему не свойственныхъ“*.

А крамольники эти находятся не только въ подпольныхъ берлогахъ: они ведутъ свою преступную пропаганду во всѣхъ слояхъ общества и даже въ правительственныхъ сферахъ. Еще на-дняхъ князь Мещерскій въ своемъ *Гражданинѣ* (№ 17) указалъ на одного „директора департамента“, который осмѣлился громко въ клубѣ послѣ 18 февраля привѣтствовать „конецъ Самодержавія“, и „на высоко-превосходительнаго сановника“, который поднялъ на многолюдномъ обѣдѣ бокалъ „за конституцію“.

Мы, слѣдовательно, видимъ, какъ близко уже подошли къ Царю Его враги, руководимые проклятою рукой, безпощадно всѣми способами старающеюся толкнуть Россію въ бездонную пропасть.

Долѣе истинно-Русскіе люди медлить не могутъ.

Всюду—и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и въ провинціи—встрепенулись они, прочитавъ къ сердцу идущія слова Царскаго Манифеста и теперь всею душой стремятся словомъ и дѣломъ откликнуться на призывъ возлюбленнаго Монарха. Всюду нынѣ уже громко раздаются голоса, настойчиво высказывающіеся за необходимость объединиться, сплотиться, составить общую всероссійскую дружину вокругъ Царскаго Престола, для того чтобъ общими силами отразить начавшійся штурмъ на твердыню Самодержавія.

И вотъ, какъ въ столицахъ, такъ и провинціальныхъ городахъ, какъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ, такъ и на волостныхъ сходахъ, собираются Русскіе люди, чтобы вмѣстѣ подѣлиться мыслями объ опасности, созданной крамолою, и обсудить мѣры борьбы противъ этой опасности.

На этихъ случайныхъ, болѣе или менѣе многочисленныхъ, съѣздахъ и собраніяхъ идутъ толки о томъ, что нужно всѣмъ Русскимъ людямъ ближе узнать другъ друга и сговориться относительно общей программы

и способовъ ея осуществленія; высказываются мнѣнія, что слѣдуетъ въ каждомъ городѣ образовать союзы, братства, товарищества подъ священными стягами Православія и Самодержавія, дабы встрѣтить напоръ враговъ въ полномъ единодушіи и единомысліи съ Царемъ, какъ этого требуетъ Самъ Государь въ Своемъ Манифестѣ.

Да, этотъ всеобщій подъемъ Русскаго духа теперь необходимъ. Монархическая партія, твердо опирающаяся на ясно выраженную Верховную Волю Царя и на глубокую, завѣтную преданность многомилліоннаго народа Своему Самодержавному Государю, стоитъ и въ историческомъ, и въ нравственномъ, и въ количественномъ отношеніяхъ неизмѣримо выше той шайки крамольниковъ, которые лишь благодаря своей организованной наглой стремительности терроризуютъ всю Россію.

Въ виду этого, необходимо и монархической партіи организовать свои силы, которыя нынѣ разбросаны по всей Россіи и лежатъ втунѣ, безо всякаго единства дѣйствій, безъ программы и безъ вождей.

Теперь программа у насъ уже готова: это—Царскій Манифестъ 18 февраля. Это нашъ непоколебимый базисъ, отъ котораго мы никогда не отступимъ, всегда и всюду осуществляя въ жизни его священныя основы. Мы тѣмъ настойчивѣе будемъ напоминать всѣмъ и каждому дивныя слова этого Манифеста, чѣмъ упорнѣе враги Царя будутъ стараться игнорировать его.

Какъ мы уже сказали на-дняхъ, Манифестъ 18 февраля будетъ Альфой и Омегой всей нашей государственной и общественной жизни, и всѣ усилія враговъ Россіи будутъ безплодны, такъ какъ мы твердо будемъ держаться предписанной намъ Манифестомъ программы. Nous n'en démorderons pas!

А что касается вождей этого всероссійскаго монархическаго движенія, то они сразу обозначатся, какъ только истинно-Русскіе люди всюду будутъ сходиться вмѣстѣ для взаимнаго обсужденія тѣхъ мѣръ, коими слѣдуетъ осуществить требованія Державной Воли, изложенной въ Манифестѣ 18 февраля.

Въ каждомъ городѣ выдвинутся лица, отличающіяся своимъ умомъ, своею энергіей, своимъ авторитетомъ, вокругъ которыхъ сами собою сгруппируются остальные ихъ единомышленники, и чрезъ которыхъ они легко вступятъ въ общеніе съ тѣми группами, которыя уже образовались и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ.

Среди разнузданнаго кагала нашей „легальной“ революціонной прессы уже теперь раздаются, какъ въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ, одинокіе, но твердые голоса искренно-убѣжденныхъ органовъ печати, беззавѣтно преданныхъ великимъ идеямъ Православной Церкви, Царскаго Самодержавія и Русской народности. Эти органы точно также могутъ стать центрами людей, вѣрующихъ въ эти священныя начала и готовыхъ на самоотверженную дѣятельность для того, чтобъ обезпечить этимъ началамъ полное торжество на Руси.

Такимъ образомъ образуются многочисленные кадры великой общерусской монархической партіи, на которую Государь будетъ имѣть возможность твердо опираться въ Своей борьбѣ противъ крамолы, на какихъ бы ступеняхъ общественныхъ и правительственныхъ сферъ она ни гнѣздилась.

Итакъ, съ Божіей помощью, приступимъ къ этому великому дѣлу, къ этому необходимому, обязательному для каждаго истинно-Русскаго человѣка подвигу,—къ организаціи монархической партіи на основахъ Высочайшаго Манифеста 18 февраля, подъ сѣнью Православной Церкви, и на защиту Царскаго Самодержавія.

Къ организаціи Монархической партіи.

Вчера мы говорили о необходимости прочно организовать монархическую партію въ виду усиленной дѣятельности революціонной партіи, устраивающей всевозможные законные и противозаконные съѣзды для выработки своей программы и для обсужденія способовъ ея осуществленія.

По этому поводу мы находимъ въ *„Русскомъ Листкѣ“* (№ 60), подъ заглавіемъ „Открытыя карты“, слѣдующія весьма вѣрныя соображенія, къ которымъ мы вполнѣ присоединяемся.

„Масляница подарила Москву неожиданнымъ сюрпризомъ—съѣздомъ представителей городскихъ и земскихъ учрежденій.

„Съѣздъ этотъ упалъ на Москву, какъ снѣгъ на голову: знали о немъ только посвященные въ секретъ, и допускались къ участію лишь немногіе избранные.

„Тѣмъ не менѣе, мѣстная печать проникла за двери тайныхъ совѣщаній и приподняла уголокъ завѣсы, за которою возсѣдали гг. земскіе и городскіе представители.

„Выяснилось прежде всего, что устроенный съѣздъ не является случайнымъ, и что такіе съѣзды предположено созывать періодически.

„Когда зашелъ вопросъ о составѣ этихъ съѣздовъ, то на одномъ изъ засѣданій рѣшено было ограничить участіе въ нихъ исключительно лицами, принадлежащими къ либеральной партіи.

„Людей безразличнаго образа мыслей или консерваторовъ постановлено на эти съѣзды не приглашать.

„Такимъ образомъ, масляничный съѣздъ городскихъ и земскихъ дѣятелей правильнѣе было бы назвать не съѣздомъ представителей земскихъ и городскихъ учрежденій, а съѣздомъ *представителей либеральной партіи* этихъ учрежденій.

„Этотъ чисто-партійный съѣздъ является первымъ опытомъ подобнаго рода собраній въ Россіи *) и съ этой стороны заслуживаетъ глубокаго общественнаго вниманія къ себѣ.

„До сихъ поръ, когда русскіе общественные дѣятели случайно или намѣренно собирались гдѣ-нибудь, то во всѣхъ своихъ петиціяхъ, во всѣхъ своихъ рѣчахъ и резолюціяхъ неизмѣнно твердили, что „они—представители населенія, его избранники и главнаи нужды народныхъ“.

„Дѣйствуя отъ имени населенія и самозванно присвоивая своимъ взглядамъ, петиціямъ и резолюціямъ характеръ народныхъ пожеланій, эти господа внушали къ себѣ глубокое отвращеніе той части общества, кото-

*) Это не совсѣмъ вѣрно: ноябрьскій съѣздъ въ Петербургѣ былъ тоже чисто-партійнымъ собраніемъ.

рая больше всего любитъ правду и которая прекрасно знаетъ, что никому никакихъ особыхъ уполномочій населеніе не давало, и что всѣ попытки указанныхъ дѣятелей навязать свои взгляды народу—являются покушеніемъ съ негодными средствами.

„Повидимому, всесильное время, а отчасти и проникшія въ общество понятія чести и справедливости повліяли на нѣкоторыхъ нашихъ дѣятелей въ смыслѣ суженія сферы ихъ полномочій.

„Очевидно, имъ стало неудобно выдавать свои личныя вожделѣнія за стремленія народа и свои личныя петиціи всовывать въ руки населенія.

„Откровенное слово въ этомъ смыслѣ было высказано на только-что закончившемся съѣздѣ городскихъ представителей, который рѣшилъ на будущее время представлять собой нужды не всего населенія, а только извѣстной части его, исповѣдывающей либеральные принципы.

„Такую постановку дѣла нельзя не привѣтствовать. Карты открыты. Отнынѣ и общество, и печать будутъ всегда знать, что тотъ или иной собравшійся съѣздъ является партійнымъ, и что всѣ его резолюціи должны оцѣниваться лишь съ точки зрѣнія партіи. Здѣсь возможны будутъ и ошибки, и натяжки, но, по крайней мѣрѣ, имя народа не будетъ трепаться безъ толку, да и самое „представительство отъ населенія“ получитъ присущій ему смыслъ“.

„*Русскій Листокъ*“ обращаетъ вниманіе и на слѣдующее весьма важное обстоятельство:

„Представители либеральной партіи съѣхались безъ разрѣшенія. Мы не будемъ осуждать ихъ за это: пусть поступаютъ, какъ имъ нравится. Но рѣшатся ли на устройство подобнаго же съѣзда безъ разрѣшенія представители другихъ толковъ?

„Вѣроятно, нѣтъ. Не въ силу трусости, конечно, а исключительно въ силу уваженія къ существующимъ еще узаконеніямъ, представители, напримѣръ, консервативныхъ теченій не рѣшатся устроить съѣзда своей партіи, и, такимъ образомъ, пока привилегіей устройства съѣздовъ пользуется одна лишь либеральная партія.

„Получается странное явленіе: въ Россіи вполнѣ свободно собираются и говорятъ о чемъ угодно только представители такъ-называемаго либерализма, проникшіе во всѣ щели нашихъ частныхъ и общественныхъ учрежденій: со стороны можетъ показаться, что Россія сплошь пропитана ядомъ сомнѣній и порицаній; между тѣмъ въ дѣйствительности, конечно, дѣло обстоитъ иначе“.

Мы полагаемъ, что Императорское Правительство едва ли встрѣтитъ затрудненіе разрѣшить законный съѣздъ Монархической партіи, коль скоро революціонная партія невозбранно устраиваетъ незаконные съѣзды, явно враждебные не только Правительству, но и Верховной Власти.

Насколько мы слышали, въ Петербургѣ уже двинутъ вопросъ о такомъ строго-монархическомъ собраніи.

Новое политическое преступленіе.

Когда же, наконецъ, воспрянетъ у насъ Власть во всеоружіи своихъ грозныхъ законныхъ полномочій и положитъ конецъ той эпидеміи политическихъ убійствъ, которая, чуть не каждый день, поражаетъ смертельнымъ ударомъ вѣрныхъ Царскихъ слугъ?

Вотъ и вчера совершилось такое гнусное преступленіе: Выборгскій губернаторъ Николай Александровичъ Мясоѣдовъ тяжело раненъ тремя пулями дерзкимъ убійцей, вошедшимъ въ его кабинетъ вмѣстѣ съ ландсекретаремъ.

Кто знаетъ Николая Александровича, тотъ по достоинству оцѣнитъ все политическое значеніе этого новаго удара, нанесеннаго Русской Государственной идеѣ на Финляндской окраинѣ нашего Отечества. Этотъ истинно-Русскій человѣкъ принадлежитъ къ доблестной Бобриковской школѣ и остался вѣрнымъ ея системѣ, принесшей столь благіе результаты для умиротворенія Финляндіи подъ сѣнью Россіи.

Вотъ почему финляндская крамола, сразу оперившаяся послѣ мученической кончины Н. И. Бобрикова, выбрала своею жертвой именно Н. А. Мясоѣдова.

Но почему же крамола эта такъ быстро расправила свои крылья? Почему такъ внезапно увеличились ея силы?

Можетъ-быть, потому, что Русская Государственная идея стала проводиться въ Финляндіи еще съ большею энергіей, чѣмъ при Н. И. Бобриковѣ? О, конечно, нѣтъ. Если бы Финляндіи суждено было такое счастье, она теперь пользовалась бы порядкомъ и спокойствіемъ, которыми она такъ же отличалась бы отъ остальной Россіи, какъ это было при генералѣ Бобриковѣ. А теперь, увы, когда традиціи генерала Бобрикова выброшены за бортъ, Финляндія сразу пала до того низкаго, хаотическаго уровня, на которомъ нынѣ томится вся Россія.

Политика слабовольныхъ уступокъ снова обнаружила все свое пагубное значеніе.

У насъ все не хотятъ понять, что всякая уступка революціонной крамолѣ не только ея не успокаиваетъ, но лишь побуждаетъ ее къ новымъ проявленіямъ преступной дерзости.

Пока Н. И. Бобриковъ не дѣлалъ ни малѣйшей уступки финляндскимъ сепаратистамъ, они не смѣли шевельнуться, и жизнь его была въ безопасности. Но какъ только стало извѣстно, что онъ, подъ разными внѣшними вліяніями, склоняется на такую крупную ошибку въ угоду сепаратистамъ, какъ созывъ Финляндскаго Сейма, — онъ тотчасъ же былъ обреченъ на смерть и палъ въ самомъ Сенатѣ отъ руки подлаго убійцы.

Вся Финляндія содрогнулась отъ страха послѣ этого рокового для нея, — какъ она думала, — преступленія. Она ожидала, что теперь наступитъ конецъ всѣмъ уступкамъ сепаратизму, на которыя надѣялись крамольники, и что, какъ отвѣтъ на убійство генералъ-губернатора, представителя Самодержавнаго Русскаго Царя, наступитъ строгая кара всѣмъ

виновнымъ, и окончательно восторжествуетъ во всей мощи Русская Государственная идея.

И никто такъ не удивился, какъ сами же Финляндцы, когда, въ отвѣтъ на злодѣяніе крамольниковъ, послѣдовали новыя уступки революціонному сепаратизму. Финляндскій Сеймъ дѣйствительно былъ созванъ, и къ этому присоединился еще новый, ничѣмъ уже не объяснимый, шагъ,— возвращеніе изъ ссылки всѣхъ вожаковъ крамолы, съ самимъ Мехелиномъ во главѣ — этимъ заклятымъ, непримиримымъ врагомъ Россіи!

Истинно-Русская политическая система Н. И. Бобрикова была прервана: — и вотъ крамола сразу ожила и отпраздновала свое торжество убійствомъ преданнаго своему долгу прокурора Іонсона.

Сепаратисты выманили себѣ обѣщанія относительно отмѣны установленнаго Высочайшею Волей военнаго закона: — и вотъ они, въ видѣ благодарственной жертвы, обрекли на заклапіе губернатора Мясоѣдова.

Что же будетъ дальше?

Если будутъ новыя уступки, — будутъ и новыя убійства.

Вѣдь это непреложный законъ исторіи. Какъ же можно его игнорировать?

Россія нуждается въ порядкѣ и покоѣ. Воцарившійся у насъ хаосъ съ ежедневными революціонными демонстраціями, забастовками и преступленіями держитъ все мирное, трудолюбивое населеніе въ нервной тревогѣ; никто не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ; вся экономическая жизнь угнетена, пріостановилась; въ этомъ дикомъ кошмарѣ все, даже самое невѣроятное, уже кажется возможнымъ...

Вся Россія жаждетъ только того, чтобы сильная, разумная и стойкая Власть заявила, наконецъ, о своемъ существованіи и, прекративъ политику уступокъ, сразу освободила бы насъ отъ этого невыносимаго нравственнаго гнета и разсѣяла бы всѣ, окутавшіе насъ тлетворные туманы, вызванные алчнымъ властолюбіемъ на гибель Русскаго Царя, а съ нимъ и всей Россіи.

Вся Россія вздохнетъ свободно и возликуетъ при первомъ непреложномъ признакѣ этой сильной, послѣдовательной Власти, и въ этомъ всеобщемъ ликованіи исчезнетъ та ничтожная шайка крамольниковъ, которая, при отсутствіи Власти, выдаетъ себя за „Русское общество“ и даже за „Русскій народъ“, столь же шумно, какъ и безнаказанно, празднуя свой шабашъ по всему пространству терроризованной ею Россіи.

Какъ тутъ не вспомнить мудрыя слова, сказанныя незабвеннымъ графомъ М. Н. Муравьевымъ въ его всеподданнѣйшемъ Отчетѣ по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ (1863 — 1865): *)

„И тогда же имѣлъ счастіе всеподданнѣйше повергнуть на благовоззрѣніе Вашего Императорскаго Величества, что только энергическія мѣры, *не могущія понравиться Европѣ и даже нѣкоторымъ изъ нашихъ правительственныхъ лицъ*, **) одни будутъ въ силахъ возстановить законный порядокъ въ краѣ...

*) *Русская Старина* 1902 года. Іюнь.

**) Курсивъ вездѣ нашъ.

„Суды, учрежденные для сужденія лицъ, замѣшанныхъ въ политическіе безпорядки, служили только наглядною *насмѣшкою надъ слабымъ Правительствомъ и усиливали дерзость крамольниковъ*...

„Мысль о *возвращеніи высланныхъ за политическія преступленія изъ края лицъ*, къ сожалѣнію, поддерживаемая нѣкоторыми изъ главныхъ правительственныхъ дѣятелей, смѣю сказать, *есть мысль преступная*...

„Это не однажды подтверждалось горькимъ опытомъ. *Всякая мягкость принимается за слабость*, и если бы Правительство при самомъ началѣ проявленія манифестацій, вмѣсто примирительныхъ и *такъ-называемыхъ легальныхъ* мѣръ, употребило бы мѣры *справедливой строгости*, то мятежъ былъ бы подавленъ прежде полнаго развитія, и *много несчастныхъ* жертвъ было бы сбережено.

„Неблагоразумная гуманность есть жестокость и, смѣю сказать, въ послѣдствіяхъ своихъ есть преступленіе".

Мы знаемъ, какъ быстро М. Н. Муравьевъ возстановилъ мѣрами *справедливой строгости* миръ и порядокъ на Литвѣ, а косвеннымъ образомъ и въ Польшѣ, гдѣ революціонный хаосъ успѣлъ достигнуть несравненно болѣе грозныхъ размѣровъ, чѣмъ нынѣ онъ достигъ въ Россіи и ея западныхъ окраинахъ.

И вотъ мы снова возвращаемся къ той же мысли, на которой мы неоднократно настаивали: лишь *диктатура* вернетъ Россіи и всѣмъ ея окраинамъ порядокъ, прекратитъ массовыя и одиночныя кровавыя самоуправства, положитъ конецъ преступнымъ демонстраціямъ и забастовкамъ и дастъ возможность приступить къ зрѣло-обдуманнымъ, дѣйствительно-полезнымъ и прочнымъ реформамъ, въ которыхъ такъ нуждается государственная и общественная жизнь Россіи, и о которыхъ такъ усердно, но пока тщетно, печется любвеобильное сердце Царя.

Достаточно вспомнить, *сколько разъ* Государь съ высоты Престола указывалъ на крайнюю необходимость *религіознаго воспитанія нашего юношества*. Мы теперь видимъ, съ какимъ преступнымъ равнодушіемъ отнеслись къ этимъ золотымъ Царскимъ словамъ тѣ люди, которымъ ввѣрено воспитаніе нашихъ дѣтей: они бросили ихъ въ алчныя, цѣпкія руки крамолы, а та превратила ихъ во враговъ Царя и Россіи!

Священная воля Царя останется и впредь неисполненною Его лукавыми и небрежными слугами, пока имъ не напомнитъ о ней, со всею неумолимою строгостью закона, поставленный для сего Царемъ и снабженный Имъ полною властью временный, но идущій до конца своей задачи, диктаторъ.

Рано или поздно, его появленіе станетъ безусловно необходимымъ; но чѣмъ раньше онъ появится, тѣмъ меньше потребуется и жертвъ для водворенія того порядка, котораго съ такимъ мучительнымъ нетерпѣніемъ жаждетъ Россія.

Мукденъ русской революціи.

Всѣ истинно-Русскіе люди несомнѣнно встрѣтили съ искреннею радостію извѣстіе о тяжеломъ ударѣ, нанесенномъ нашимъ революціонерамъ.

Въ теченіе четверга, 17 марта, арестованы были въ Петербургѣ двѣнадцать анархистовъ, принадлежащихъ къ такъ-называемой „боевой организаціи". Среди нихъ оказались главные воякаи этой гнусной, преступной шайки, терроризовавшей столько времени всю Россію, начиная съ мирныхъ обывателей и кончая даже правительственными сферами. Одновременно съ этимъ удачнымъ арестомъ были задержаны и внѣ Петербурга выдающіеся члены той же шайки, при чемъ захвачены были чрезвычайно-важные документы, раскрывшіе яркую картину возмутительной дѣятельности этихъ негодяевъ.

Въ виду этого, можно теперь съ полною увѣренностію ожидать, что окончательно разоблаченъ будетъ и тотъ извергъ, который взялъ на свою душу ужасное преступленіе 4 февраля, и что теперь, когда власти имѣютъ въ своихъ рукахъ главный узелъ этого адскаго заговора, разоблачены будутъ и всѣ его подпольные и „легальные" сообщники, чѣмъ будетъ положенъ предѣлъ дальнѣйшему развитію этой возмутительной затѣи.

Революціонеры наши, конечно, въ отчаяніи. Они лишились самыхъ надежныхъ своихъ сообщниковъ, такъ какъ безъ террора они свою преступную „весеннюю" кампанію съ надлежащимъ успѣхомъ вести не могутъ. Для нихъ день 17 марта останется надолго памятнымъ, какъ день тяжелаго пораженія, какъ „Мукденъ русской революціи", и мы вполнѣ понимаемъ тяжелую скорбь офиціальнаго органа ихъ партіи, петербургскаго *Права*, который 20 марта жалуется на „трафаретныя формулы о внутреннемъ врагѣ, такъ безжалостно оборвавшія послѣднюю весну и превратившія ее въ долгую и жестокую зиму съ суровыми мятелями и вьюгами, которыя и до сихъ поръ уносятъ не мало жертвъ".

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ революціонныя демонстраціи, резолюціи, забастовки, незаконные съѣзды, банкетныя рѣчи и тому подобныя безобразія не имѣли бы никакого серіознаго значенія и были бы давно прекращены Правительствомъ, если-бъ оно не находилось въ атмосферѣ дурманящаго динамитнаго террора, начавшагося лѣтомъ прошлаго года и продолжавшагося до нашихъ дней цѣлымъ рядомъ діавольскихъ, кровавыхъ преступленій.

Будемъ надѣяться, что этому кошмару положенъ, наконецъ, предѣлъ 17 марта раскрытіемъ подпольныхъ пружинъ открыто-дѣйствующей революціонной пропаганды, и что, съ одной стороны, „легальные" крамольники, лишенные такихъ драгоцѣнныхъ сообщниковъ, утратятъ значительную долю своей дерзости, а съ другой,—Правительство, очнувшись отъ давящаго террора и получивъ ясное представленіе о тайномъ и явномъ механизмѣ поднявшейся у насъ революціи, приступитъ, наконецъ, къ исполненію своего долга и цѣлымъ рядомъ такихъ же рѣшительныхъ и удачныхъ мѣръ, какъ та, которою ознаменовался день 17 марта, выведетъ, наконецъ, Россію на путь закона, порядка и внутренняго мира.

Но для этого Правительству необходимо не только быть исполненнымъ добрыхъ намѣреній, но и быть *послѣдовательнымъ* въ ихъ осуществленіи.

Такъ, напримѣръ, Правительство весьма резонно рѣшило не допускать собранія революціоннаго Пироговскаго Съѣзда въ Москвѣ. Въ отвѣтъ на это, организаторы Съѣзда потребовали немедленной отмѣны принятаго Правительствомъ рѣшенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, провозгласили рѣзкую революціонную декларацію.

Что же сдѣлало Правительство? Оно уступило требованію организаторовъ Съѣзда и разрѣшило его открытіе, но съ *непремѣннымъ* условіемъ, чтобы Съѣздъ занимался только медициной, а не политикой.

Съѣздъ поспѣшилъ немедленно же самымъ грубымъ образомъ *нарушить* это условіе, устроивъ безобразныя во всѣхъ отношеніяхъ „засѣданія“ свои, закончившіяся 23 марта, *во время послѣдняго засѣданія*, колоссальною революціонною демонстраціей.

Весь этотъ скандалъ легко могъ бы быть устраненъ, если бы Правительство твердо осталось при первомъ, столь цѣлесообразномъ, своемъ рѣшеніи.

Это происходитъ, очевидно, отъ того, что Правительство еще не освоилось съ новымъ, болѣе безопаснымъ для него, положеніемъ, созданнымъ событіемъ 17 марта. Мы убѣждены, что оно постепенно войдетъ въ это новое положеніе и впредь уже не будетъ допускать, чтобъ его распоряженія такъ нагло игнорировались революціонною партіей, какъ это нынѣ сдѣлали организаторы и ораторы Пироговскаго Съѣзда.

Но для этого необходимо, чтобы по возможности скорѣе были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе подробности раскрытаго адскаго плана „боевой организаціи“,—конечно, въ предѣлахъ, указываемыхъ государственными интересами и предусмотрительностью производящагося слѣдствія,—дабы, вмѣстѣ съ правительственными лицами, и все населеніе Россіи могло воодушевиться бодростью въ борьбѣ съ внутренними врагами Россіи, въ ожиданіи примѣрной, безпощадной кары, которая неминуемо должна постигнуть злодѣевъ, уже попавшихся въ руки правосудія.

Московскіе съѣзды.

Вчера мы напечатали письма Московскаго предводителя дворянства и девятнадцати губернскихъ гласныхъ на имя предсѣдателя Московской Губернской Управы съ отказомъ участвовать въ „обще-земскомъ совѣщаніи“, имѣющемъ де быть въ Москвѣ 22 апрѣля 1905 г.

Мотивируется этотъ отказъ различными, болѣе или менѣе основательными, доводами, указывающими, между прочимъ, на тенденціозную партійность этого мнимаго „обще-земскаго съѣзда“ и на его самозванность, то-есть на тѣ коренные недостатки, которыми отличался пресловутый обще-земскій съѣздъ, собиравшійся 6—9 ноября 1904 г. въ Петербургѣ и положившій начало настоящему революціонному движенію.

Но на главную причину, по которой авторы вышеупомянутыхъ писемъ не могутъ участвовать въ предположенномъ „обще-земскомъ съѣздѣ“, они почему-то не указываютъ.

А главная причина, по которой не подобаетъ ни Московскому предводителю дворянства, ни вообще вѣрноподданнымъ русскимъ дворянамъ участвовать въ этомъ съѣздѣ, заключается въ томъ, что этотъ съѣздъ—незаконный, воровской, не только не разрѣшенный Правительствомъ, но и имѣющій явный антиправительственный, революціонный характеръ.

Организаторы этого противозаконнаго сборища отдаютъ себѣ ясный отчетъ въ его преступномъ характерѣ. Они сперва задумали было созвать съѣздъ снова въ Петербургѣ. Но затѣмъ они сообразили, что тамъ теперь уже нѣтъ князя Святополкъ-Мирскаго, а есть генералъ-губернаторъ Треповъ, грозно стоящій на-стражѣ закона и недопускающій никакихъ преступныхъ демонстрацій, сборищъ и съѣздовъ.

Убѣдившись въ томъ, что въ Петербургѣ имъ не удастся совершить замышляемое ими преступленіе, они рѣшили совершить его въ Москвѣ, въ которой еще недавно такъ блестяще удались революціонныя оргіи Сельско-хозяйственнаго Общества, Пироговскаго Съѣзда, Общества Педагогическаго и Водопроводнаго Съѣзда.

Оправдаются ли эти надежды нашихъ крамольниковъ,—мы не знаемъ, но думаемъ, что 22 апрѣля могутъ быть и въ Москвѣ приняты рѣшительныя мѣры противъ затѣяннаго новаго революціоннаго скандала. Точно такъ же мы увѣрены, что Московскіе дворяне, со своимъ предводителемъ во главѣ, съ негодованіемъ отвергнутъ мысль участвовать въ этомъ революціонномъ сборищѣ. Мы только недоумѣваемъ, почему никто изъ нихъ не высказалъ этой простой и честной мысли въ вышеупомянутыхъ письмахъ.

Объясняется это, можетъ-быть, тѣмъ, что авторы этихъ писемъ сами затѣваютъ устроить въ Москвѣ самозванный земско-дворянскій съѣздъ для обсужденія пресловутаго заявленія 22 анонимныхъ предводителей, сочинившихъ нелѣпую теорію *поднадзорнаго Самодержавія*, о которой намъ уже неоднократно приходилось говорить.

Заявленіе это полно такихъ противорѣчій и окутано въ такую туманную тайну, что Курское дворянство отказалось присоединиться къ нему, опасаясь стать жертвой какой-нибудь мистификаціи. Авторы этого двусмысленнаго заявленія, изобличенные публично рыцарски-благороднымъ княземъ Львомъ Голицынымъ, продолжаютъ трусливо прятаться за свою анонимность, при чемъ уже ходятъ слухи, что не всѣ 22, съѣхавшіеся въ Москву, предводители подписались подъ заявленіемъ о поднадзорномъ Самодержавіи, а лишь частица ихъ, и что среди подписавшихся есть уже и раскаивающіеся въ этомъ необдуманномъ поступкѣ, а потому и не желающіе открыто признаться въ немъ.

Путаница увеличивается еще тѣмъ, что къ теоріи о поднадзорномъ Самодержавіи примкнулъ и такой коноводъ революціоннаго движенія въ Россіи, какъ Д. Н. Шиповъ, отдѣлившійся отъ „обще-земскаго съѣзда“ и желающій примкнуть къ съѣзду земско-дворянскому.

Состоится ли этотъ съѣздъ, мы тоже не знаемъ. Но мы знаемъ, что если-бъ онъ состоялся, онъ не внесъ бы ни ясности, ни успокоенія въ настоящій политическій кризисъ.

Дѣло въ томъ, что въ Россіи въ настоящее время могутъ быть только двѣ партіи съ ясно очерченными программами и планами дѣйствій:

1) Партія *монархическая*, недопускающая ни малѣйшаго ограниченія Самодержавной Царской Власти и 2) партія *революціонная*, желающая ограничить или даже уничтожить Самодержавіе Русскихъ Царей.

Всѣ „промежуточныя" партіи, желающія соединить несоединимое, Самодержавіе съ народовластіемъ, Самодержавіе подъ надзоромъ „народа",— въ видѣ ли земскаго собора, или западнаго парламента,—всѣ эти партіи политическаго *двуличія* являются ничѣмъ инымъ, какъ проповѣдниками лживыхъ и вредныхъ фантазій, отъ осуществленія которыхъ да хранитъ Господь Россію!

Пусть путаются въ дебряхъ этихъ политическихъ противорѣчій, мы за ними не пойдемъ.

Мы организуемъ строгую, безусловную *Монархическую* партію на основѣ Высочайшаго Манифеста 18 февраля, которому, какъ мы уже неоднократно доказывали, Высочайшій Рескриптъ 18 февраля нисколько не противорѣчитъ.

Наша партія никакихъ компромиссовъ съ народовластіемъ не знаетъ; она требуетъ прежде всего немедленнаго водворенія нормальнаго и законного порядка во внутренней жизни Россіи, неуклоннаго продолженія войны до полной побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ, а затѣмъ уже плодотворныхъ реформъ при непремѣнномъ условіи сохраненія основъ Царскаго Самодержавія.

Такова наша программа, и мы съ радостью ежедневно получаемъ сочувственныя заявленія о полномъ къ ней присоединеніи со стороны истинно-Русскихъ людей.

Свобода иновѣрія и инославія.

День 17 апрѣля 1905 года останется на вѣки памятнымъ не только въ исторіи Русской Православной Церкви, но и въ исторіи Россіи, какъ коренной поворотный шагъ въ церковной политикѣ Русскаго Государства.

Въ неусыпной заботѣ о благѣ Своихъ подданныхъ Государь Императоръ отнынѣ рѣшилъ обезпечить каждому изъ нихъ „свободу вѣроисповѣданія и молитвы по велѣніямъ его совѣсти" и принять „дѣйствительныя мѣры къ устраненію стѣсненій въ области религіи".

Въ соотвѣтствіи съ этимъ рѣшеніемъ, Государю благоугодно было, „въ постоянномъ, по завѣтамъ предковъ, общеніи со Святою Православною Церковью", повелѣть —чтобы отпаденіе отъ Православной Вѣры въ другое христіанское исповѣданіе или вѣроученіе не подлежало преслѣдованію, и чтобы „отпавшее, по достиженіи совершеннолѣтія, отъ Православія лицо признавалось принадлежащимъ къ тому вѣроисповѣданію или вѣроученію, которое оно для себя избрало"; чтобы изъ Православной Церкви могли возвращаться въ нехристіанскую вѣру „лица, числящіяся православными, но въ дѣйствительности исповѣдующія ту нехристіанскую вѣру, къ которой до присоединенія къ Православію принадлежали сами

они или ихъ предки"; чтобы раскольники всѣхъ толковъ и согласій, „которые пріемлютъ основные догматы Церкви Православной, но не признаютъ нѣкоторыхъ принятыхъ ею обрядовъ и отправляютъ свое богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ", именовались отнынѣ „старообрядцами" и чтобы съ ними уравнены были всякаго рода сектанты (кромѣ запрещенныхъ Уголовнымъ закономъ послѣдователей изувѣрныхъ ученій) въ свободномъ отправленіи духовныхъ требъ какъ въ частныхъ, такъ и въ молитвенныхъ домахъ чрезъ избранныхъ старообрядческими и сектантскими обществами духовныхъ лицъ, утверждаемыхъ въ должностяхъ надлежащею правительственною властью, освобождаемыхъ отъ призыва на дѣйствительную военную службу и именующихся, съ разрѣшенія той же гражданской власти, принятыми ими при постригѣ именами; чтобы распечатаны были всѣ молитвенные дома, и чтобы разрѣшена была постройка и возобновленіе церквей и молитвенныхъ домовъ, а также устройство скитовъ, обителей и богоугодныхъ заведеній всѣхъ христіанскихъ исповѣданій; чтобы во всякаго рода учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе Закона Божія инославныхъ христіанскихъ исповѣданій велось на природномъ языкѣ учащихся духовными лицами подлежащихъ исповѣданій; чтобы старообрядцы и сектанты могли устраивать свои собственныя начальныя школы съ преподаваніемъ дѣтямъ Закона Божія по вѣрѣ ихъ родителей и чтобъ они имѣли для погребенія умершихъ свои особыя кладбища; чтобы старообрядцы и сектанты не были стѣснены въ своихъ правахъ на службу государственную и общественную; чтобъ прекращено было обязательное закрытіе римско-католическихъ монастырей въ губерніяхъ Царства Польскаго; чтобы всѣ лица, прошедшія курсъ римско-католическихъ духовныхъ семинарій, занимали духовныя должности въ римско-католическихъ епархіяхъ безъ повѣрочнаго испытанія по русскому языку и чтобы безотлагательно отмѣненъ былъ § 1 инструкціи о непосредственномъ участіи представителей учебнаго вѣдомства на выпускныхъ экзаменахъ этихъ семинарій. Сверхъ того, предоставлено много другихъ льготъ инославнымъ христіанскимъ общинамъ, и обѣщаны таковыя же, „касающіяся важнѣйшихъ сторонъ религіознаго быта лицъ магометанскаго исповѣданія".

Государь Императоръ призналъ за благо утвердить всѣ эти льготы по составленнымъ въ Комитетѣ Министровъ положеніямъ, „призывая благословеніе Всевышняго на это дѣло мира и любви и уповая, что оно послужитъ къ вящшему возвеличенію Православной Вѣры, порождаемой благодатью Господнею, поученіемъ, кротостью и добрыми примѣрами".

Такимъ образомъ совершенно ясно, что та свобода, которую Государь нынѣ даруетъ инославнымъ христіанамъ и иновѣрцамъ, всегда столь враждебно относившимся къ Православной Церкви, даруется имъ ради „мира и любви", и что поэтому слѣдуетъ ожидать, что и они отнынѣ будутъ относиться къ Православію съ такими же „миромъ и любовью", помня, что, по мысли Царя, даруемая имъ нынѣ свобода должна „послужить къ вящшему возвеличенію Православной Вѣры".

Мы поэтому ожидаемъ, что они сами будутъ стараться, дабы столь благія надежды Государя дѣйствительно оправдались, такъ какъ въ про-

тивномъ случаѣ, если-бъ они стали злоупотреблять дарованною имъ свободой для униженія Православной Церкви, для соблазненія ея чадъ и умаленія ея законнаго первенствующаго въ Государствѣ Россійскомъ положенія, и если-бъ они вообще содѣйствовали не утвержденію мира и любви въ пріютившей ихъ у себя Россіи, а возбужденію религіознаго междоусобія,—они могли бы ошибиться въ своихъ расчетахъ и повредить собственнымъ своимъ интересамъ. Вѣдь совершенно немыслимо, чтобы Государь могъ допустить малѣйшее покушеніе на единство и достоинство Святой Православной Церкви, столь тѣсно связанной и съ нерушимостью Царскаго Самодержавія, и съ цѣлостью, благополучіемъ и даже самимъ существованіемъ Россіи.

Вотъ почему мы будемъ надѣяться, что Господь просвѣтитъ кротостію и благоразуміемъ доселѣ столь надменные умы нашихъ старообрядцевъ, сектантовъ и инославныхъ христіанъ, которые доселѣ съ такимъ презрѣніемъ относились къ русской „мужицкой“ вѣрѣ. Они, вѣроятно, теперь поймутъ, что дарованная имъ Русскимъ подданнымъ свобода отпаденія отъ Православной Вѣры не тождественна со свободой совращенія православныхъ въ другія вѣроисповѣданія и вѣроученія, такъ какъ подобное совращеніе отнюдь не могло бы „послужить вящшему возвеличенію Православной Вѣры“.

Точно такъ же старообрядцы должны будутъ отказаться отъ своего столь фанатическаго взгляда на Православную Церковь, какъ на „раскольническую секту“; мы надѣемся, что они отнюдь не будутъ истолковывать оказанную имъ милость именоваться не „раскольниками“, а „старообрядцами“ въ томъ смыслѣ, что теперь „раскольниками“ оказались *мы*, такъ какъ де въ происшедшемъ въ XVII вѣкѣ несомнѣнномъ церковномъ расколѣ кто-нибудь да долженъ считаться „раскольникомъ“, либо Никонъ, либо Аввакумъ. Мы надѣемся, что они теперь не станутъ уже болѣе настаивать на томъ, что имъ, какъ „хранителямъ истинной древлеправославной вѣрѣ“, должны быть „возвращены“ „отнятыя у нихъ“ древнія Кремлевскія святыни, въ особенности Успенскій соборъ съ его драгоцѣнными мощами, находящіяся-де въ незаконномъ владѣніи ненавистныхъ имъ доселѣ „Никоніанъ“. Напротивъ того, мы хотимъ вѣрить, что они, проникнутые благодарностью за дарованныя имъ Царскія милости, строго ограничатся ихъ предѣлами и не будутъ уже, вопреки Царской волѣ, именовать своихъ настоятелей и наставниковъ несвойственными и незаконными титулами какихъ-то „митрополитовъ“, „архіепископовъ“ и „епископовъ“, такъ какъ и это своеволіе было бы недозволеннымъ посягательствомъ на цѣлость и величіе Православной Церкви. Эта мысль ясно высказана въ Высочайшей Государя Императора телеграммѣ на имя Московскаго генералъ-губернатора о распечатаніи алтарей старообрядческихъ часовенъ: „*Да благословитъ и умудритъ ихъ* (старообрядцевъ) *Господь*“, говоритъ Государь, „*съ полною искренностью пойти навстрѣчу желаніямъ и стремленіямъ Русской Православной Церкви возсоединить ихъ съ нею и прекратить Соборнымъ рѣшеніемъ тяжелую историческую церковную рознь, устранить которую можетъ только Церковь*“.

Мы не сомнѣваемся и въ томъ, что православное миссіонерство не прекратитъ своей апостольской дѣятельности для просвѣщенія истиннымъ свѣтомъ Христовымъ заблуждающихся иновѣрцевъ и для привлеченія ихъ въ лоно единственно-спасительной Святой Православной Церкви: мы надѣемся, что православные миссіонеры не встрѣтятъ на своемъ пути инославныхъ и иновѣрныхъ, старообрядческихъ и сектантскихъ „миссіонеровъ", соблазняющихъ Русское православное населеніе къ отпаденію отъ святой вѣры его предковъ, отъ вѣры его Царя, отъ той вѣры, которая охраняла доселѣ своимъ покровомъ духовную мощь всей Россіи. Ни для кого вѣдь не тайна, что инославные христіане и иновѣрцы во всѣхъ своихъ жалобахъ на „стѣсненія" имѣли главнымъ образомъ въ виду добиться не „свободы совѣсти", которой у нихъ никто не отнималъ, а *свободы совращенія православныхъ людей отъ ихъ вѣры*, въ чемъ дѣйствительно Русское Правительство имъ доселѣ ставило серіозныя преграды. Теперь они, мы надѣемся, сами поймутъ, что если-бъ они стали пользоваться этою свободой совращенія, то они оказались бы неблагодарными по отношенію къ Русскому Православному Царю, Который, какъ Защитникъ Православной Церкви, не можетъ допустить, чтобы чада ея совращались на ложный путь.

Это въ особенности относится и къ Полякамъ, отъ которыхъ теперь будетъ зависѣть судьба нашихъ бѣдныхъ, забытыхъ и забитыхъ православныхъ приходовъ въ Подляшьѣ, о которыхъ всегда такъ горячо заботилась православная Москва, взирающая теперь съ душевною тревогой на этихъ стойкихъ борцовъ Православной Церкви, окруженныхъ воинствующимъ католицизмомъ съ его пышными, богатыми костелами, затмевающими своимъ блескомъ убогія, мученическія церковки православныхъ людей. Устоятъ ли они теперь среди всколыхнувшагося моря польской католической свободы, среди новыхъ костеловъ, среди возрожденныхъ польскихъ монастырей? Это будетъ зависѣть отъ благородства и лойяльности Поляковъ, которые, какъ мы надѣемся, въ виду дарованной имъ религіозной свободы, не станутъ злоупотреблять ею для окатоличенія всей западной окраины Россіи и, конечно, не допустятъ, чтобы, среди начавшагося въ Польшѣ движенія, польскіе монастыри играли бы ту же роль, какъ и въ 1863 году.

И еще одна надежда, за которую мы крѣпко держимся, такъ какъ, если она оборвется, горе Россіи будетъ слишкомъ велико.

Мы говоримъ о нашихъ злополучныхъ школахъ, въ которыхъ Государь Императоръ уже неоднократно и настойчиво выражалъ желаніе видѣть „религіозно-нравственное воспитаніе" нашихъ дѣтей. Мы не хотимъ вѣрить тѣмъ опасеніямъ, которыя намъ уже теперь высказываютъ законоучители, преподающіе Слово Божіе въ среднеучебныхъ заведеніяхъ и ужасающіеся предъ тѣмъ глубокимъ безвѣріемъ, которое стало проявляться въ старшихъ классахъ училищъ, вслѣдствіе разпущенности атеистической пропаганды въ нашемъ обществѣ и въ нашей печати. Учащееся юношество пріучилось нынѣ дѣйствовать скопомъ, а такого скопа опасаются законоучители со стороны легкомысленныхъ юношей, которые могутъ сразу

заявить, что они рѣшили черезъ годъ или два, по достиженіи совершеннолѣтія, „отпасть отъ Православной Вѣры“, а потому считаютъ излишнимъ долѣе изучать Православное Богословіе. Мы отнюдь не допускаемъ возможности такихъ выходокъ, которыя могли бы имѣть успѣхъ лишь въ настоящемъ, къ счастію, уже кончившемся „учебномъ“ году, когда наши школы находились въ такомъ позорномъ, хаотическомъ положеніи. Но не можетъ же оно продолжаться и въ будущемъ году! Въ теченіе лѣта высшее учебное начальство навѣрное успѣетъ выработать мѣры, которыя осуществятъ, наконецъ, Высочайшую Волю объ утвержденіи въ нашихъ училищахъ истиннаго и прочнаго религіозно-нравственнаго воспитанія, и тогда такія школьническія затѣи, какъ вышеуказанныя, станутъ невозможными.

Будемъ же надѣяться, будемъ вѣрить, что враги Православной Церкви будутъ обезоружены примѣромъ любви, который явилъ имъ Православнѣйшій, Самодержавнѣйшій Государь, что они на любовь отвѣтятъ любовью, на миръ—миромъ, и что они отнынѣ откажутся отъ своихъ замысловъ окатоличить западъ Россіи, огерманизовать ея югъ, объисламить и обуддизировать ея востокъ, а сѣверъ и центръ ея совратить въ старообрядство.

Этого никогда не будетъ, этого не допустятъ ни Богъ, ни Царь.

Монархическая партія.

По всей Россіи образуются теперь „партіи“, но нигдѣ этотъ процессъ, ставшій необходимымъ послѣ рокового 18 февраля 1905 года, не проявляетъ такого лихорадочнаго напряженія, какъ у насъ въ Москвѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ средніе и высшіе классы Москвы раздѣлились на „партіи“, „группы“ и „фракціи“, собирающіяся на всевозможныхъ „съѣздахъ“, „сходкахъ“ и „собраніяхъ“, образующія различныя „общества“, „союзы“, „братства“, „клубы“ и формулирующія свои болѣе или менѣе пространныя и большею частію довольно туманныя „программы“ и „платформы“.

Лишь двѣ партіи имѣютъ вполнѣ ясную и точную программу: это—*конституціонная* партія и—партія *монархическая*.

Первая изъ этихъ партій, находящаяся подъ номинальнымъ руководительствомъ предсѣдателя Московской Губернской Земской Управы Ѳ. А. Головина, является, въ сущности, —какъ мы уже неоднократно говорили, —партіей чисто-*революціонною*, такъ какъ она, вопреки Манифесту и Рескрипту 18 февраля, совершенно игнорируетъ Самодержавную Власть Русскаго Царя и стремится замѣнить ее западнымъ конституціоннымъ народовластіемъ.

Съ этою цѣлью г. Головинъ вздумалъ созвать 22 апрѣля 1905 г. совершенно незаконный „общеземскій съѣздъ“ въ Москвѣ, на который Правительство уже наложило свое запрещеніе, призвавъ къ отвѣтственности самого г. Головина.

Тѣмъ не менѣе официальный органъ его партіи, *Русское Слово*, категорически заявило, что „общеземскій съѣздъ", невзирая на Правительственное запрещеніе, все-таки состоится.

Мы такимъ образомъ имѣемъ полное право называть приверженцевъ г. Головина,—а ихъ весьма много, партіей чисто-революціонною, вступающею въ открытую борьбу съ Правительствомъ, исходъ которой, въ виду неопредѣленности положенія, пока еще занимаемаго Правительствомъ, теперь предвидѣть невозможно.

Вторая партія—*монархическая*, группирующаяся вокругъ нашихъ ближайшихъ друзей и единомышленниковъ, стоитъ совершенно ясно и опредѣленно за сохраненіе всей полноты Царскаго Самодержавія безъ ограниченія его какимъ бы то ни было „народнымъ представительствомъ" въ западно-конституціонномъ значеніи этого слова.

Въ этомъ отношеніи мы совершенно раздѣляемъ мнѣніе почтенныхъ авторовъ статей *Ложное пониманіе народнаго представительства* и *Благонамѣренное недоразумѣніе* (№ 109), которыя мы рекомендуемъ особенному вниманію всѣхъ членовъ нашей *монархической* партіи, такъ какъ въ этихъ статьяхъ впервые съ полною ясностію опредѣляется точное значеніе западнаго „народнаго представительства".

Это народовластное учрежденіе совершенно несовмѣстимо съ основнымъ началомъ Русскаго Самодержавія, по которому Русскій Царь является единственнымъ представителемъ Русскаго народа, составляя неразрывно съ нимъ одно органическое цѣлое.

Въ самомъ дѣлѣ, Русскій Царь, въ особенности теперь, послѣ изданія Высочайшаго Указа 18 февраля, находится въ непосредственной связи какъ съ каждымъ отдѣльнымъ Своимъ подданнымъ, такъ и со всѣми учрежденіями Россійской Имперіи, а потому Онъ не нуждается въ какихъ-либо особыхъ „представителяхъ" этой Имперіи и ея народа въ западно-парламентарномъ значеніи этого слова.

Ничего общаго съ этимъ значеніемъ не имѣютъ тѣ „народные представители", которыхъ у насъ часто такъ называютъ по общему, неточному, словоупотребленію, и которые, въ сущности, являются лишь упоминаемыми въ Рескриптѣ 18 февраля „выборными людьми", „достойнѣйшіе изъ которыхъ" будутъ привлекаться лишь „къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ обсужденій", а вовсе не къ тому, чтобъ играть ходульную роль западныхъ „представителей народа" и „выразителей народной воли".

Таковы ясныя и строго логическія программы, какъ революціонной, такъ и монархической партій: *первая* требуетъ „народнаго представительства", то-есть конституціи безъ Самодержавія; *вторая* стоитъ за Самодержавіе безъ конституціоннаго „народнаго представительства"

Между этими двумя вполнѣ логическими и раціональными партіями находится множество промежуточныхъ, нераціональныхъ группъ и фракцій, старающихся избрать пресловутую, хромающую на оба колѣна, „золотую середину"—„Самодержавіе съ конституціей", при чемъ они въ своихъ по-

литическихъ рецептахъ соединяютъ большую дозу конституціи съ меньшею дозой Самодержавія, а другіе рекомендуютъ обратную пропорцію.

Тутъ прежде всего слѣдуетъ упомянуть Московскаго предводителя дворянства съ его компаніей анонимныхъ предводителей, которымъ принадлежитъ честь изобрѣтенія пресловутаго „поднадзорнаго Самодержавія", полная нелѣпость котораго такъ блестяще была доказана княземъ Львомъ Сергѣевичемъ Голицынымъ, а затѣмъ съ безпощадною логикой разобрана почтеннымъ авторомъ статьи *Благонамѣренное недоразумѣніе.*

Мы не знаемъ, продолжаетъ ли еще существовать эта такъ-называемая „предводительская партія", но предполагаемъ, что благоразуміе взяло верхъ надъ недомыслiемъ и что партія эта уже разсыпалась; по крайней мѣрѣ мы встрѣчаемъ подпись ея лидера подъ программой совершенно другой, повидимому, партіи вмѣстѣ съ именами весьма почтенныхъ лицъ, доселѣ державшихся совершенно иныхъ политическихъ убѣжденій, чѣмъ Московскій предводитель дворянства.

Мы говоримъ о партіи, называющейся „Шереметевскою", по имени принявшихъ участіе въ ея основаніи графовъ Павла и Петра Сергѣевичей Шереметевыхъ, или же „Союзомъ Русскихъ людей", какъ эта партія себя именуетъ въ только-что разосланной своей программѣ.

Программа эта на первый взглядъ весьма симпатична и ближе всего подходитъ къ программѣ нашей *монархической* партіи.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ не подписать обѣими руками *первый* пунктъ этой программы, ставящей „Союзу" слѣдующую задачу:

„Содѣйствовать всѣми законными средствами единенію Церкви, Престола и народа, радѣя честно и совѣстливо о всякомъ Царскомъ и народномъ дѣлѣ по правдѣ Божіей и въ единомыслiи съ Государемъ".

Какъ не сочувствовать *третьему* пункту той же программы:

„Всѣми мѣрами способствовать одолѣнію внѣшняго врага, успокоенію нашей внутренней смуты и водворенію правды, порядка и закона".

Ничего нельзя возразить и противъ *второго* пункта той же программы (въ ней всего три пункта):

„Стараться правильно выполнить Царскую Волю и безъ корысти выбирать, по первому Государеву призыву, истинно-достойныхъ людей".

Этотъ пунктъ ничего особенно характернаго для данной политической партіи не имѣетъ, такъ какъ подъ нимъ охотно подпишутся и всѣ остальныя партіи, которыя, однако, весьма различно опредѣляютъ признаки истинно-достойныхъ людей".

Но, всецѣло соглашаясь съ тремя программными пунктами „Союза Русскихъ людей", *монархическая* партія не можетъ вполнѣ согласиться съ ихъ мотивировкой.

Эта мотивировка почему-то совершенно игнорируетъ, по примѣру нашихъ „либераловъ", Высочайшій Манифестъ 18 февраля,—эту главную основу *монархической* партіи.

Ни однимъ словомъ программа „Союза" не упоминаетъ и о Высочайшемъ Указѣ 18 февраля, который,—по справедливому замѣчанію К. П.

Степанова въ его статьѣ (№ 109),—является „залогомъ нашего будущаго прогресса“, такъ какъ Указъ этотъ устраняетъ всякую идею о конституціонномъ „народномъ представительствѣ“ и этимъ сохраняетъ незыблемость и цѣлость Царскаго Самодержавія.

„Союзъ Русскихъ людей“ интересуется исключительно, какъ и наши „либералы“, однимъ лишь Высочайшимъ Рескриптомъ 18 февраля и толкуетъ его почти такъ же, какъ и наши „либералы“. Вотъ слова программы „Союза“:

„Много на Руси непорядка, и великъ онъ. Но есть у насъ Царь, Помазанникъ Божій, безкорыстный и безпристрастный. Онъ все Свое благо полагаетъ во благѣ народа и за всѣхъ насъ болѣетъ. Видитъ Самъ Государь, что правды на Руси не стало, *и голосъ народный до Престола Его не доходитъ. И вотъ Государь въ Рескриптѣ 18 февраля 1905 года повѣдалъ Свою волю призывать достойнѣйшихъ, выборныхъ отъ народа, людей*, дабы при ихъ участіи предварительно обсуждать, какіе издавать законы на благо всякаго Его подданнаго и *какъ лучше вершать Ему дѣла государственныя*.

Съ такимъ взглядомъ мы никакъ согласиться не можемъ.

Начать съ того, что утвержденіе, будто „голосъ народа до Престола Царя не доходитъ“,—есть первый основной принципъ демократическаго катихизиса. Стоитъ только согласиться съ посылкой о мнимой „неосвѣдомленности Царя“, какъ придется послѣдовательно сдѣлать всѣ уступки конституціоналистамъ вплоть до созыва конституціоннаго парламента.

Это вопросъ чисто принципіальный, который, однако, и на практикѣ разрѣшается совершенно не такъ, какъ это представляется „Союзу Русскихъ людей“.

Русскій Царь, въ особенности въ настоящее время, вовсе не тотъ „отчужденный отъ реальнаго міра затворникъ“, какимъ Его изображаютъ наши „либералы“. Кто знаетъ образъ жизни Государя Императора, знаетъ, какъ многочисленны и разнообразны были пути, по которымъ истина доходила до Царскаго Престола, и какъ близко извѣстны были Государю истинныя нужды Русскаго народа еще до изданія Указа 18 февраля, открывшаго широкій доступъ къ уму и сердцу Русскаго Царя всего того, что на умѣ и сердцѣ Его подданныхъ. Этотъ Указъ,—равнаго которому, по его глубокому значенію, нѣтъ во всемъ мірѣ,—открылъ тотъ путь, по которому голосъ народный свободно доходитъ до Государя, и мы недоумѣваемъ, почему „Союзъ Русскихъ людей“ такъ упорно игнорируетъ этотъ Указъ и приписываетъ призывъ къ единенію Царя съ народомъ не Указу, а Рескрипту 18 февраля, имѣющему совершенно другую цѣль—привлеченіе достойнѣйшихъ изъ выборныхъ людей къ спеціальной законодательной работѣ, а именно: „къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній“, и—*ни къ чему другому*.

Такова мысль Государя, и „Союзъ Русскихъ людей“, поставивъ себѣ за правило „радѣть честно и совѣстливо о всякомъ Царскомъ и народномъ дѣлѣ по правдѣ Божіей *въ единомысліи съ Царемъ*“, не долженъ приписывать Царскому Рескрипту того, чего въ немъ нѣтъ, а именно призыва Государемъ выборныхъ людей съ тою будто бы цѣлью, чтобы при ихъ участіи обсуждать, „*какъ лучше вершать дѣла государственныя*“.

Вотъ единственный вопросъ, по которому мы не можемъ сойтись съ „Союзомъ Русскихъ людей", но это—вопросъ *коренной*.

Легко можетъ быть, что современемъ „Союзъ" самъ разберется въ глубокомъ различіи между Указомъ и Рескриптомъ 18 февраля и въ ихъ политическомъ взаимоотношеніи,—и никто не сумѣетъ лучше разъяснить этотъ вопросъ „Союзу", какъ состоящій въ числѣ его членовъ вдумчивый государственный мыслитель Дмитрій Алексѣевичъ Хомяковъ.

Вся же остальная мотивировка программы „Союза Русскихъ людей", съ ея общими, весьма симпатичными, фразами, вполнѣ соотвѣтствуетъ взглядамъ и нашей *монархической партіи*, которая не боится точно и подробно формулировать свою программу, дорожа не столько разнородностью, сколько полною согласованностью политическихъ убѣжденій своихъ членовъ.

Вотъ задачи *монархической* партіи:

I. Всѣми законными мѣрами способствовать прежде всего прекращенію внутренней смуты, такъ какъ никакія внутреннія реформы, въ которыхъ такъ нуждается Россія, не могутъ принести благихъ плодовъ, коль скоро онѣ будутъ производиться подъ натискомъ теперешняго революціоннаго движенія.

II. Если Государь найдетъ нужнымъ прекратить смуту рядомъ строго согласованныхъ, разумныхъ, твердыхъ, диктаторскихъ мѣръ, монархическая партія окажетъ Государю въ проведеніи этихъ мѣръ полное содѣйствіе.

III. Когда Верховная Власть восторжествуетъ надъ внутреннею смутой и доведетъ войну съ внѣшними врагами до желаннаго, славнаго конца,—тогда лишь настанетъ время для основательныхъ зрѣло-обдуманныхъ государственныхъ реформъ, и тогда монархическая партія употребитъ всѣ свои усилія на то, чтобъ эти реформы имѣли своею цѣлью слѣдующіе результаты:

1) еще большее укрѣпленіе неограниченной Самодержавной Власти на Руси;

2) возвеличеніе единой Православной Церкви въ истинно-христіанскомъ и апостольскомъ ея призваніи;

3) свободное развитіе русской національной и культурной идеи на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи безо всякаго стѣсненія мѣстныхъ этнографическихъ особенностей, не имѣющихъ политическаго значенія;

4) широкое, децентрализованное, плодотворное развитіе мѣстной экономической жизни, не стѣсненной ни правительственнымъ, ни земскимъ бюрократизмомъ;

5) неустанное попеченіе о матеріальномъ и, въ особенности, духовномъ, благѣ крестьянскаго и рабочаго сословія, и о добромъ воспитаніи его въ правилахъ религіозной нравственности, любви къ Царю и Отечеству и законнаго гражданскаго общежитія;

6) водвореніе въ нашемъ правосудіи строгой справедливости, дабы честные граждане находили себѣ въ судахъ вѣрную опору, а порочные—законное возмездіе за свои злодѣянія;

7) водвореніе порядка въ наши школы, дабы онѣ служили своему прямому назначенію,—нравственному воспитанію юношества, доброму его просвѣщенію и серіозному служенію истинной наукѣ;

8) установленіе прочнаго порядка и мирнаго житія какъ въ городахъ, такъ въ особенности въ сельскихъ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣльческій трудъ, составляющій основу благосостоянія Россіи, возможенъ лишь при полной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, среди незыблемыхъ гарантій неприкосновенности права собственности какъ земледѣльцевъ, такъ и землевладѣльцевъ;

9) увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія путемъ раціональной организаціи переселенческаго дѣла;

и 10) вообще созданіе единой, недѣлимой, крѣпко сплоченной Россійской Имперіи.

Таковы *основные* государственные идеалы монархической партіи, которая потому называется *монархическою*, что въ настоящее время, по даннымъ обстоятельствамъ, она вынуждена почти исключительно бороться за сохраненіе *Монархической*, то-есть *Единодержавной* неограниченной Власти Русскаго Государя, на которую ополчились съ разныхъ сторонъ какъ сознательные, такъ и безсознательные враги.

Нынѣ *монархическая партія* организуется пока лишь путемъ получаемыхъ нами сочувственныхъ заявленій единомышленныхъ съ нами лицъ. Когда настанетъ время, мы, съ разрѣшенія Власти, соединимся путемъ общаго собранія для того, чтобы подробнѣе разработать нашу программу и придать нашей организаціи законную форму и прочную устойчивость.

Монархическая партія.

Мы ежедневно получаемъ, какъ изъ Москвы, такъ и изъ другихъ частей Россіи,—сочувственныя заявленія по поводу оглашенной нами программы Монархической партіи *).

Въ однихъ изъ этихъ заявленій выражается полная готовность примкнуть къ означенной партіи, въ другихъ ставятся вопросы объ ея организаціи, объ условіяхъ присоединенія къ ней, о времени и мѣстѣ ея общаго собранія.

Въ виду этого, считаемъ долгомъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, что Монархическая партія одновременно организуется въ различныхъ городахъ и селахъ Россійской Имперіи, центръ же ея находится въ Москвѣ, гдѣ и издается органъ Монархической партіи, *Московскія Вѣдомости*, при редакціи которой организовано, на первое время, Центральное Бюро, сосредоточивающее пріемъ заявленій о присоединеніи къ Монархической партіи.

Каждый желающій примкнуть къ Монархической партіи дѣлаетъ письменное заявленіе о полномъ своемъ согласіи съ программой партіи и о своей готовности теперь же посильно содѣйствовать осуществленію этой программы, присылая это заявленіе въ Бюро съ обозначеніемъ своего званія и точнаго адреса. Тамъ, гдѣ образуются отдѣльныя группы единомышленниковъ, сочувствующихъ программѣ Монархической партіи, группы эти дѣлаютъ коллективныя заявленія чрезъ одного изъ своихъ членовъ.

Монархическая партія составляется изъ членовъ, тѣсно сплоченныхъ между собой тождественностью своихъ убѣжденій, искренно сочувствую-

*) См. *Моск. Вѣд.* 1905 г., № 109.

шихъ всѣмъ, безъ исключенія, пунктамъ Монархической программы и не принадлежащихъ ни къ какой другой партіи. Монархическая партія дорожитъ не столько количествомъ своихъ членовъ, сколько полнымъ ихъ единодушіемъ и готовностью бороться за Самодержавіе Русскихъ Царей, за Православіе Русской Вѣры и за національные идеалы Русскаго народа.

Никакія общія собранія до законнаго утвержденія Устава Монархической партіи созываться не будутъ, такъ какъ дѣятельность партіи всегда будетъ происходить на строго-законномъ основаніи. Когда на то послѣдуетъ Правительственное разрѣшеніе, общее собраніе Монархической партіи будетъ созвано въ Москвѣ.

Отдѣльные оттиски программы Монархической партіи высылаются всѣмъ желающимъ изъ Центральнаго Бюро, которое высылаетъ также болѣе подробныя разъясненія по вопросу объ организаціи партіи, а также принимаетъ, для напечатанія въ органѣ партіи, статьи, служащія развитіемъ, какъ общей идеи Монархической партіи, такъ и отдѣльныхъ ея сторонъ.

Монархическая партія.

Среди все умножающихся заявленій о желаніи примкнуть къ Монархической партіи встрѣчаются и замѣтки, и цѣлыя статьи, сочувственно поясняющія программу партіи: встрѣчаются и просьбы о болѣе подробномъ обоснованіи той или другой части этой программы.

Такому именно мотивированному разъясненію программы Монархической партіи будетъ посвященъ цѣлый рядъ статей въ нашей газетѣ. Статьи эти будутъ затѣмъ изданы особою брошюрой, которая и будетъ разослана всѣмъ членамъ Монархической партіи.

Начнемъ сегодня съ самаго начала, съ *названія* Монархической партіи.

Такъ какъ наша партія ставитъ себѣ главною задачей „сохраненіе *Монархической* Самодержавной Власти Русскихъ Царей въ полной ея неприкосновенности“, то однимъ уже этимъ опредѣляется и ея названіе.

„Монархія“ значитъ „*Един*одержавіе“; это—та форма правленія, которая не допускаетъ рядомъ съ Самодержавнымъ Государемъ *никакой другой власти*; она не допускаетъ и *ограниченія* Царской Власти какими бы то ни было „конституціями“, „соборами“, „народными представителями“ и другими элементами народовластія.

Въ виду этого, „монархистами“ въ истинномъ и точномъ значеніи этого слова могутъ быть только люди, безусловно преданные *неограниченной* Самодержавной Власти Царя.

Правда, „монархистами“ величаютъ себя и приверженцы такъ-называемой „конституціонной монархіи“, —но это лишь по недоразумѣнію. При конституціи *нѣтъ* монархіи, нѣтъ *един*овластія, а есть *двое*властіе „Царя“ и „Народа“; при чемъ, по существу своему, эта форма правленія отдаетъ *главную* власть одному Народу: „le roi règne, *mais ne gouverne pas*“*). Такіе лжемонархисты, очевидно, къ Монархической партіи принадлежать не могутъ.

*) „Царь царствуетъ, но не правитъ“. Такова формула конституціонной „монархіи“.

Истинными же монархистами являются у насъ *всѣ вѣрноподданные* Самодержавнаго Русскаго Царя, остающіеся вѣрными своей присягѣ.

Таковыми именно являются всѣ милліоны русскаго народа, безвавѣтно преданные своему Царю.

Почему же всѣ эти истинные монархисты сплачиваются теперь въ „партію“?

Вѣдь до сихъ поръ они спокойно жили, каждый самъ по себѣ, каждый на своемъ мѣстѣ, при своемъ дѣлѣ, не помышляя о какой-либо политической борьбѣ, а служа лишь вѣрой и правдой своему Государю.

Что же случилось такого, что заставляетъ этихъ вѣрныхъ сыновъ Царя и Родины сходиться, сплачиваться, соединяться въ кружки и союзы и образовать общую партію?

Случилось нѣчто важное.

18 февраля Государю благоугодно было объявить, что къ предварительной законосовѣщательной работѣ будутъ привлечены „выборные отъ населенія люди“, — люди, „облеченные народнымъ довѣріемъ“.

Этою Монаршею Волею предрѣшенъ вопросъ о производствѣ въ Россіи *политическихъ выборовъ*: а кто говоритъ: *выборы*, тотъ говоритъ: *борьба*.

Дѣйствительно, Высочайшій Рескриптъ 18 февраля открылъ у насъ *совершенно новую эру*,—эру политической партійной борьбы.

Мы видимъ уже теперь, -когда еще не опредѣлены ни время, ни форма выборовъ, — какъ уже закипѣла партійная борьба на всемъ пространствѣ Россіи. Что же будетъ тогда, когда наступятъ самые выборы?

Всюду теперь образуются партіи самыхъ различныхъ наименованій, но почти всѣ онѣ имѣютъ одну и ту же цѣль: *ограничить* Самодержавіе Русскихъ Царей.

Такимъ образомъ анти-монархисты уже теперь подготовляютъ свою выборную кампанію, организуютъ свои ничтожныя въ сравненіи съ народною массой силы, придаютъ имъ посредствомъ этой организаціи необыкновенную энергію.

Съ этими анти-монархическими партіями придется бороться монархистамъ.

Какъ же имъ бороться? Каждому въ отдѣльности, идя на вѣрное пораженіе, — или въ могущественной, стройно организованной, *партіи*, идя на вѣрную побѣду?

Неужели тутъ можетъ быть сомнѣніе въ отвѣтѣ?

Конечно, нѣтъ. Разъ анти-монархическія партіи хотятъ на выборахъ провести, въ качествѣ „народныхъ представителей“, враговъ Царя,—монархисты должны, въ свою очередь, дружно сплотиться въ одну общую партію для того, чтобы выборные были *Царскіе вѣрные слуги*.

А если *монархисты* соединятся въ общую партію, то какъ же назвать эту партію, если не „партіей *Монархическою*“?

О, конечно, если бы народные выборы были по той или другой причинѣ отмѣнены, то монархистамъ нечего было бы и образовывать свою партію. Но, по всѣмъ видимостямъ, на отмѣну выборовъ разсчитывать пока невозможно: рано или поздно они будутъ произведены, и тогда монархистамъ

будетъ бѣда, если они будутъ застигнуты врасплохъ, если на выборы явятся анти-монархическія партіи и въ стройныхъ организаціяхъ, а монархисты окажутся въ томъ же жалкомъ разбродѣ, въ которомъ они находились до сихъ поръ и на который они сами постоянно жаловались, не находя въ себѣ достаточной инициативы, чтобы положить начало твердой партійной организаціи.

А потому, *чѣмъ раньше и чѣмъ лучше* организуется Монархическая партія, тѣмъ полнѣе и прочнѣе будетъ ея побѣда и на выборахъ,—если уже выборы неизбѣжны,—и тѣмъ больше будетъ основаній разсчитывать на достиженіе главной задачи Монархической партіи,—то-есть на „сохраненіе Монархической Самодержавной Власти Русскихъ Царей въ полной ея неприкосновенности".

Итакъ, мы еще разъ повторяемъ: въ виду выборовъ монархистамъ необходимо сплотиться въ *боевую партію*: а партія монархистовъ иначе какъ „Монархическою партіей" называться не можетъ.

Иные совѣтуютъ монархистамъ образовать свою партію лишь тогда, когда въ Россіи Монарха не будетъ, такъ какъ де при существованіи Монарха—Монархической партіи быть не можетъ.

Но не будетъ ли гораздо разумнѣе и своевременнѣе образовать Монархическую партію именно для того, чтобы не случилось такой ужасной бѣды, какъ „отсутствіе Монарха"?

Вотъ во Франціи монарха нѣтъ, а есть монархическія партіи. Какой же толкъ въ этихъ партіяхъ, живущихъ лишь утраченнымъ прошлымъ и невѣроятнымъ будущимъ?

Нѣтъ, Русская Монархическая партія будетъ жить *настоящимъ* Самодержавіемъ и не допуститъ, чтобъ оно стало „прошлымъ", а приложитъ всѣ свои силы къ тому, чтобъ оно создало для Россіи еще болѣе *славное многовѣковое будущее*.

Главная задача Монархической партіи *).

Монархическая партія имѣетъ главною своею задачей сохраненіе Монархической Самодержавной Власти Русскихъ Царей въ полной ея неприкосновенности.

Почему это—*главная* задача партіи?

Потому что *въ настоящее время* вся наша историческая жизнь сводится къ одному коренному вопросу: сохранится ли въ Россіи неограниченное Царское Самодержавіе, или, вмѣсто него, у насъ возникнетъ какая-то ограничивающая Самодержавнаго Царя „конституціонная" форма правленія?

Въ первомъ случаѣ—Россія сохранитъ всю свою государственную силу, всю свою жизненную, плодотворную энергію; во второмъ случаѣ—она неминуемо погибнетъ.

*) Продолжаемъ развитіе и разъясненіе программы Монархической партіи. См. *Моск. Вѣд.* 1905 г., № 121.

Можетъ ли, въ виду этого, въ настоящее время быть болѣе важная, болѣе существенная задача для всѣхъ Русскихъ людей, какъ сохраненіе Монархической, Самодержавной Царской Власти?

А развѣ есть опасность, угрожающая существованію этой Власти?

Да, несомнѣнно опасность эта есть. Откройте любую „либеральную“ газету,—а „либеральныя“ газеты составляютъ громадное, подавляющее большинство въ нашей періодической печати,—и вы въ каждой изъ нихъ ежедневно увидите организованный походъ противъ неограниченной Самодержавной Царской Власти. Прислушайтесь къ тѣмъ рѣчамъ, которыя произносятся въ думахъ, земствахъ и всякаго рода „общественныхъ“ собраніяхъ, и вы въ нихъ услышите требованія, до безконечности варьирующія основную тему „долой Самодержавіе“! Присмотритесь къ уличнымъ „мирнымъ“ и „вооруженнымъ“ демонстраціямъ и манифестаціямъ,—и вы всюду увидите революціонныя, красныя знамена и услышите дикіе крики, провозглашающіе все ту же основную революціонную тему. Прочтите хоть нѣсколько изъ тѣхъ тысячей „прокламацій“, которыми нынѣ засыпаны наши рабочіе, наши крестьяне и наши войска,—и вы въ нихъ найдете все тотъ же призывъ къ уничтоженію Самодержавія.

Можно ли послѣ этого отрицать ту опасность, которая угрожаетъ Самодержавной Власти въ Россіи?

Но коль скоро явилась эта опасность, съ нею нужно бороться, ее нужно предотвращать.

Да, говорятъ намъ, съ этою опасностью борется сама Монархія, а монархисты съ этою опасностью бороться не должны, ибо если они будутъ помогать Монархіи въ ея борьбѣ, то они этимъ самымъ окажутся врагами Монархіи, сомнѣваясь въ ея самодовлѣющей силѣ.

Если вѣрить этому софизму,—монархисты должны сложа руки смотрѣть, какъ враги Самодержавія сплачиваются въ тѣсный строй, чтобы наносить ему кровавые удары; сами же они, имѣя полную возможность соединиться и отразить эти удары, не должны этого дѣлать, подъ страхомъ прослыть союзниками не Монархіи, а ея злѣйшихъ враговъ!

Вотъ приближаются политическіе выборы, на которые враги Самодержавія явятся тѣсно сплоченною партіей и одержатъ несомнѣнную побѣду, если встрѣтятъ монархистовъ разъединенными, не сплоченными въ общую монархическую партію: но монархисты, все по тому же изумительному софизму, не должны соединяться въ общую партію, а должны, разбивъ свои силы, способствовать торжеству враговъ Самодержавія, такъ какъ въ противномъ случаѣ,—если они, монархисты, сольются въ одну общую, сильную партію,—они-де этимъ выразятъ сомнѣніе въ силѣ Монархіи и окажутся ея врагами!

Намъ предъявляютъ и другой, не менѣе странный софизмъ: такъ какъ, разумѣется, нѣтъ физической возможности, чтобы всѣ Русскіе монархисты,—а ихъ десятки милліоновъ,—вступили въ монархическую партію, то партія присвоитъ-де себѣ какую-то привилегію Монархизма и не будетъ считать монархистами тѣхъ истинно-Русскихъ людей, которые, по той или другой причинѣ, не имѣли возможности присоединиться къ партіи.

Нелѣпость этого разсужденія очевидна.

Среди тѣхъ десятковъ милліоновъ монархистовъ, которыми гордится Россія, далеко не всѣ имѣютъ возможность или охоту принять участіе въ активной дѣятельности для предотвращенія соединенными силами грозящей Самодержавію опасности. Кто же станетъ упрекать ихъ въ этомъ? Кто станетъ сомнѣваться въ чистотѣ и искренности ихъ убѣжденій? Ужъ и т. заслуга ихъ велика, что они не даютъ себя увлечь враждебнымъ Самодержавію теченіямъ, оставаясь вѣрными Царю и Отечеству.

Но тѣ единичныя лица среди стихійной массы Русскихъ монархистовъ которые и по своему темпераменту, и по своему общественному положенію, не довольствуются пассивнымъ отношеніемъ къ окружающей ихъ столь бурной дѣйствительности, тѣ монархисты, которыхъ влечетъ неудержимое стремленіе отвѣтить на зовъ Царя, приглашающаго ихъ къ борьбѣ съ крамолой,—имѣютъ полное право соединиться для этой борьбы въ одну общую Монархическую партію, дабы содѣйствовать Правительству въ исполненіи его главной въ настоящее время задачи—сохраненія Монархической Самодержавной Власти Русскихъ Царей въ полной ея неприкосновенности.

Власть эта должна быть дѣйствительно Монархическою, то-есть *Единодержавною*, такъ чтобы *никто другой* не могъ рядомъ съ Царемъ предъявлять притязанія на участіе въ той Державной дѣятельности, которая по основнымъ законамъ Россійской Имперіи предоставлена одному лишь Всероссійскому Самодержцу.

Въ виду этого, Монархическая партія самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ всякое выборное учрежденіе, которое могло бы себѣ присвоить значеніе „представительства“ народа, „голоса“ или „мнѣнія“ народа. Помимо того, что подобное значеніе, приписываемое западнымъ парламентамъ, является совершенно-ложною фикціей,—такая фикція создала бы въ Россіи первый поводъ къ расколу между Царемъ и народомъ,—къ расколу, который повелъ бы ко враждѣ и борьбѣ между ними, а слѣдовательно и къ крушенію Самодержавія въ Россіи.

Излюбленный лозунгъ нашихъ славянофиловъ: „народу мнѣніе Царю власть“, не выдерживаетъ даже самой снисходительной критики; одно изъ двухъ: либо Царь обязанъ будетъ всегда соглашаться съ (фиктивнымъ) „мнѣніемъ“ народа‘—и тогда Онъ перестанетъ быть неограниченнымъ Самодержцемъ; либо Царь будетъ иногда совершенно иного мнѣнія, чѣмъ „народные представители“, и тогда нарушится единомысліе между Царемъ и народомъ и явится тотъ расколъ, съ его страшными послѣдствіями, о которомъ мы сказали выше.

Вотъ почему Монархическая партія отвергаетъ всякіе выборные парламенты, земскіе соборы, государственныя думы и иныя лжепародныя „представительства“, способные нарушить неприкосновенность Монархической, Самодержавной Власти Русскихъ Царей.

Тяжкая потеря.

Телеграфъ принесъ намъ удручающія вѣсти съ Дальняго Востока.

Въ морскомъ бою палъ доблестный адмиралъ Рожественскій; эскадра его утратила нѣсколько крупныхъ судовъ.

Испытанія, посланныя намъ Господомъ, еще не прекратились. Надежды, возлагавшіяся всею Россіею на наши морскія силы, не оправдались, и весь центръ тяжести войны снова переносится на наши сухопутныя войска, каковы бы ни были еще не выясненныя потери, понесенныя Японцами въ морскомъ бою 14 мая.

Судьба войны, судьба Россіи снова всецѣло находится въ рукахъ генерала Линевича, и никто не сомнѣвается, что онъ стойко вынесетъ настоящій кризисъ и своею бодростью явитъ великій примѣръ всѣмъ истинно-Русскимъ людямъ, твердо вѣрящимъ въ конечную побѣду праваго Русскаго дѣла...

Для болѣе вѣрной оцѣнки истиннаго значенія прошедшаго боя будемъ ждать дальнѣйшихъ свѣдѣній объ его подробностяхъ: а пока намъ остается лишь не падать духомъ, но идти безъ страха и уныній въ дальнѣйшую борьбу за честь, славу и цѣлость Россіи.

Долгъ Россіи.

Пораженіе адмирала Рожественскаго можетъ имѣть для Россіи весьма тяжкія послѣдствія во внутренней ея жизни.

Если бы не эта внутренняя опасность,—которая можетъ отразиться роковымъ образомъ и на нашей военной мощи, и на всей нашей внѣшней политикѣ, а слѣдовательно и на всей Россіи, —несчастный бой 14 и 15 мая не представлялъ бы собою столь тревожнаго явленія.

Весь главный центръ тяжести нашей войны съ Японіей всегда былъ, оставался и понынѣ остается въ Манчжуріи. По отношенію къ міровымъ задачамъ нашихъ Манчжурскихъ арміи, экспедиція адмирала Рожественскаго имѣла значеніе лишь очень рискованной диверсіи, –диверсіи, конечно, болѣе величественной, громоздкой и сложной, чѣмъ, напримѣръ, послѣдній молодецкій набѣгъ генерала Мищенки, но, по существу своему, имѣвшей, какъ и онъ, лишь второстепенное значеніе въ общемъ стратегическомъ планѣ нашей войны: цѣль этой диверсіи состояла не въ томъ, чтобы нанести вѣрный роковой ударъ главнымъ силамъ противника, а лишь въ томъ, чтобъ испортить его коммуникаціонныя линіи.

Цѣль эта не достигнута. Но если бы даже эскадра адмирала Рожественскаго и пришла невредимою во Владивостокъ, еслибъ она затѣмъ и препятствовала морскимъ сношеніямъ Японіи съ материкомъ, — она не могла бы уже повредить японцамъ настолько, насколько повредила бы имъ годъ тому назадъ, когда главныя военныя силы Японіи еще не были перевезены на материкъ, и когда имъ еще нельзя было получать все для нихъ нужное сухимъ путемъ изъ пограничнаго и дружественнаго Китая.

Теперь же эскадра Рожественскаго могла, въ наилучшемъ случаѣ, доставить много непріятностей японцамъ, но на окончательный исходъ войны она рѣшающаго вліянія не имѣла бы. Рѣшающій голосъ принадлежалъ и долженъ принадлежать сухопутной русской мощи, доблестнымъ русскимъ войскамъ, привыкшимъ къ прочнымъ основамъ твердой земли, а не къ чуждой имъ, измѣнчивой морской стихіи.

Къ сожалѣнію, въ обществѣ и въ печати у насъ установились совершенно иные, ошибочные, взгляды на значеніе лихого набѣга адмирала Рожественскаго: всюду раздавались голоса, доказывавшіе, что „вся война зависитъ отъ успѣха его экспедиціи“; что „въ его рукахъ покоится судьба Россіи“: что „онъ одинъ положитъ конецъ японскому могуществу“

И вотъ, когда диверсія адмирала Рожественскаго потерпѣла полную неудачу,—возлагавшіяся на нее преувеличенныя надежды внезапно превратились въ столь же неосновательное, преувеличенное отчаяніе.

Наше общество оказалось столь же безумнымъ, какъ человѣкъ, который,—купивъ себѣ лотерейный билетъ и построившій всю свою будущность на надеждѣ выиграть двѣсти тысячъ,—предается смертельному унынію, когда его азартный рискъ потерпѣлъ ту неудачу, которую онъ долженъ былъ потерпѣть по теоріи вѣроятностей.

Развѣ это не было величайшимъ рискомъ для адмирала Рожественскаго броситься, при данныхъ условіяхъ, въ Корейскій проливъ, имѣя на своей сторонѣ, уже по одной боевой неопытности своего экипажа, несравненно менѣе шансовъ, чѣмъ ихъ было на сторонѣ японцевъ.

А между тѣмъ наше „интеллигентное“ общество связываетъ теперь всю судьбу Россіи съ сорвавшимся рискомъ лотерейной ставки!

Прочтите наши газеты, требующія столь недостойнаго, столь позорнаго униженія Россіи предъ Японіей! По ихъ словамъ, теперь все пропало, все погибло, такъ какъ неудавшаяся экспедиція Рожественскаго погубила не только Русскій флотъ, но и всю Россію. Намъ будто бы теперь ничего не остается, какъ пасть предъ Японіей на колѣни и просить ее о пощадѣ, стараясь умилостивить ее милліардами военной контрибуціи...

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, по всей „либеральной“ прессѣ уже раздался другой кличъ, старающійся воспользоваться мнимымъ разгромомъ всей Россіи,—въ интересахъ нашей революціонной пропаганды.

Представляя Россію какъ бы уже на краю гибели, наши газетчики требуютъ немедленнаго прекращенія „теперешняго режима“, то-есть Самодержавія, съ ограниченіемъ, или, вѣрнѣе, замѣной его „народнымъ представительствомъ“, въ видѣ „земскаго собора“ или иного какого-либо парламента. Они давно поджидали того, счастливаго для нихъ, момента, когда японцы нанесутъ Россіи какой-нибудь новый тяжелый ударъ, который можно было бы раздуть до невѣроятныхъ размѣровъ и пустить въ ходъ, какъ средство, чтобы вызвать всеобщую панику въ Россіи и этимъ содѣйствовать торжеству революціи.

Они боялись, что Рожественскій одержитъ блестящую побѣду, ибо тогда, при радостномъ настроеніи русскаго общества, они не могли бы опутать его своими революціонными софизмами; зато теперь они радуются тяжелому

горю Россіи, проливая надъ ней крокодиловы слезы и доказывая ей, что она должна угодить злѣйшимъ врагамъ своимъ, коварно совѣтующимъ ей согласиться на позорный миръ съ Японіей, отказаться отъ своего Самодержавнаго Царя и броситься въ пучину революціи.

Таково въ настоящее время возмутительное настроеніе нашего „интеллигентнаго“ общества.

Какимъ же, при данныхъ условіяхъ, можетъ быть д о л г ъ истинно-Русскихъ людей, долгъ Русскаго Правительства, долгъ Россіи?

Долгъ этотъ одинъ: при усилившейся опасности – *возвысить силу своего духа:* болѣе чѣмъ когда-либо *сосредоточить всѣ свои мысли на одной лишь войнѣ съ Японіей*, а посему *прекратить, до полной надъ ней побѣды, заботы о какихъ-либо другихъ вопросахъ*, кромѣ тѣхъ, которые имѣютъ прямое отношеніе къ достиженію этой побѣды.

„Ничтожна, негодна та нація, которая не жертвуетъ *всѣмъ* за свою честь“.—Значеніе этихъ вѣщихъ словъ германскаго поэта никто такъ глубоко не понимаетъ своимъ природнымъ чутьемъ, какъ Русскій народъ, который ни на минуту не предавался позорному упынію, когда даже въ самой Москвѣ нагло хозяйничали татары, поляки и французы. Онъ жертвовалъ своею жизнью, всѣмъ своимъ достояніемъ, чтобы спасти честь, славу и неприкосновенность святой Руси,—и потому только и удавалось ему это спасеніе.

Русскій народъ съ тѣхъ поръ не измѣнился. Онъ все тотъ же Русскій богатырь, готовый пролить до послѣдней капли свою кровь за Царя и за свою Родину и негодующій на столь чуждую ему дряблую, гнилую „интеллигенцію“, которая хочетъ, въ сумасбродно-дикомъ самомнѣніи, выставить себя „представительницей“ народныхъ чувствъ и мнѣній.

Точно такъ же и Римскія войска терпѣли подъ самымъ Римомъ тяжкія пораженія; но и Римскій народъ никогда отъ этого не приходилъ въ уныніе и считалъ измѣнникомъ всякаго гражданина, который послѣ такихъ пораженій осмѣливался заикнуться о мирѣ. Въ такія трудныя времена Римскій народъ прекращалъ дѣйствія гражданскихъ законовъ — *inter arma silent leges*—и вручалъ всю государственную власть д и к т а т о р у съ неограниченными правами до тѣхъ поръ, пока врагъ былъ разбитъ и государство снова возвращалось къ мирной жизни и обычному законному порядку.

Такое тяжелое время наступило нынѣ и у насъ на Руси, и не только теперь, послѣ трагическаго эпизода, связаннаго съ именемъ Рожественскаго, но уже давно, со времени нашихъ тяжелыхъ потерь въ Манчжуріи, когда ими поспѣшила воспользоваться наша революціонная пропаганда для возбужденія той внутренней смуты, которая, при отсутствіи диктаторской власти, съ такою легкостью заразила своимъ ядомъ наше „интеллигентное“ общество, а затѣмъ стала просачиваться въ рабочее и крестьянское населеніе.

Не встрѣчая нигдѣ серіозныхъ препятствій, революціонная крамола образовала въ тылу нашего войска,—а этимъ тыломъ является вся Азіатская и вся Европейская Россія.—громадный очагъ революціоннаго броженія, простирающаго свои дѣйствія не только на коммуникаціонные пути

нашихъ войскъ, но и на самое наше воинство, засыпая его, вплоть до передовыхъ позицій, картечью возмутительныхъ революціонныхъ прокламацій, убѣждавшихъ его бросать оружіе предъ столь же губительными, но, во всякомъ случаѣ, не столь подлыми выстрѣлами японцевъ.

Этому, невиданному доселѣ въ исторіи, позорному положенію давно пора положить конецъ.

Мы уже не въ первый разъ доказываемъ, что для этого есть одинъ лишь путь, одно лишь средство: военная диктатура. А въ настоящее время, когда, послѣ пораженія эскадры Рожественскаго, сразу усилилось революціонное движеніе въ Россіи,—диктатура эта становится безусловно-наобходимою.

О мирѣ, при данныхъ условіяхъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи.

Мы должны вести войну пять, десять, а если нужно, то и двадцать и тридцать лѣтъ, но во всякомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока Японія намъ ничѣмъ уже грозить не будетъ.

Она теперь требуетъ отъ насъ 2 милліарда рублей военной контрибуціи, дѣлая, такимъ образомъ, Русскаго Царя данникомъ Японскаго микадо, какъ въ былое время Монгольскаго ига Русь была данницей хановъ Золотой Орды. Такъ употребимъ же лучше эти два милліарда хотя бы на сооруженіе новыхъ путей на Сибирской дорогѣ, которые дадутъ намъ возможность перебросить въ Манчжурію тѣ сотни тысячъ войскъ, которыхъ достаточно будетъ, чтобы, однимъ уже своимъ численнымъ перевѣсомъ, раздавить безслѣдно войска маршала Ойямы.

Если бы мы тѣ милліоны, которые потратили на азартную экспедицію Рожественскаго,—и которые теперь брошены на дно морское, употребили на усиленіе провозоспособности Сибирской магистрали, то мы,—не по лотерейнымъ гаданіямъ, а по безошибочнымъ расчетамъ,—давно бы уже выгнали японцевъ изъ Манчжуріи.

Одновременно мы теперь же должны приступить, не жалѣя новыхъ милліоновъ, къ возстановленію нашего флота,—въ болѣе грозномъ видѣ, чѣмъ онъ былъ доселѣ,—въ виду грядущихъ опасностей, могущихъ возникнуть со стороны морскихъ державъ, подстерегающихъ наши промахи и пробѣлы въ морскомъ дѣлѣ.

Одною уже бодростью духа среди тяжкихъ обстоятельствъ мы вызовемъ къ себѣ уваженіе со стороны всего міра. А уныніе и растерянность вызовутъ къ намъ одно лишь презрѣніе.

Но вести войну съ внѣшнимъ врагомъ и готовиться къ новымъ военнымъ осложненіямъ немыслимо при одновременной борьбѣ съ внутреннею революціей.

Вѣдь всѣмъ извѣстно, что на эту нашу революцію всего болѣе разсчитываютъ японцы, точно такъ же какъ наши революціонеры всего болѣе уповаютъ на побѣды своихъ японскихъ союзниковъ. А потому, — чтобъ окончательно разстроить дьявольскіе планы какъ тѣхъ, такъ и другихъ враговъ Россіи,— необходимо сразу положить конецъ уже слишкомъ нагло разбушевавшейся въ Россіи революціонной крамолѣ. *Достигнуть же этого можно только диктатурой.*

Намъ необходимо обезопасить тылъ нашей арміи отъ враждебныхъ дѣйствій японскихъ союзниковъ, а тыломъ ея является, какъ мы сказали,—вся Россія.

Въ виду этого, всю Россію, со всѣми ея окраинами, необходимо объявить теперь же на *военномъ*, а гдѣ нужно—на *осадномъ*, положеніи, которое прекратится лишь тогда, когда исчезнетъ вся наша внутренняя смута—какъ въ печати, такъ и во всѣхъ общественныхъ и государственныхъ сферахъ,—и когда Россія получитъ возможность сосредоточить всѣ свои помыслы *исключительно на одной лишь войнѣ*, дабы довести ее до славнаго побѣдоноснаго окончанія.

Но гдѣ взять средствъ на эту войну?

Назначьте чрезвычайные, военные, подоходные налоги, доведите ихъ прогрессивно до необходимаго для спасенія Россіи уровня,—и весь православный Русскій народъ съ восторгомъ принесетъ эту жертву на алтарь Отечества: въ его душѣ еще горитъ ярымъ пламенемъ безпредѣльная, беззавѣтная любовь къ Царю и Родинѣ, которая давно уже погасла въ дряблыхъ, трусливыхъ душонкахъ нашей „интеллигенціи“, у которой вмѣсто сердца—мѣдный пятакъ.

Вотъ въ чемъ заключается въ настоящее время долгъ Россіи.

Собираться долженъ Русскій народъ по зову Царя не для того, чтобы ломать себѣ голову надъ вопросомъ: воевать за Святую Русь, или пасть на колѣни передъ японцемъ?—ибо для Русскаго человѣка такого вопроса и быть не можетъ,—а для того, чтобы жертвовать всѣмъ своимъ достояніемъ на защиту добраго имени, честной славы и неприкосновенности Матери своей, Православной Россіи.

Но времени терять нельзя. Если теперь же не будетъ остановлено революціонное движеніе, если ему будутъ сдѣланы новыя уступки, тогда дѣйствительно Россія окажется на краю гибели.

Одна лишь твердая Рука Самодержца, крѣпко держащая Государственный руль, выведетъ Россію изъ настоящей бури въ тихую, безопасную пристань. Если же эту Руку замѣнятъ у кормила сотни рукъ мнимыхъ „народныхъ представителей“,—то Государственное судно завертится въ бурномъ водоворотѣ подъ адскимъ огнемъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ и также безславно погибнетъ въ морской пучинѣ, какъ погибли въ ней грозныя нѣкогда суда адмирала Рожественскаго.

„Отвѣтственность“.

Вся наша радикальная печать вопитъ въ одинъ голосъ, что необходимо де немедленно созвать „народныхъ представителей“ для того, чтобъ именно *они*, а не Царь, рѣшили вопросъ о мирѣ или войнѣ.

Вчера мы уже указали на принципіальную и фактическую неосуществимость этой сумасбродной затѣи. Сегодня мы хотѣли бы только разъяснить всю ея внутреннюю софистическую фальшь.

„Народные представители“,—говорятъ намъ наши радикалы,—„должны снять съ Правительства *отвѣтственность* за будущій миръ и будущую войну“.

Начать съ того, что даже въ конституціонныхъ государствахъ вопросъ о войнѣ и мирѣ предоставленъ *главѣ* государства, а никакъ не „народу". И это весьма понятно. Одинъ лишь верховный глава правительства можетъ знать *всѣ* данныя для рѣшенія этого вопроса, среди которыхъ могутъ быть данныя отнюдь не подлежащія оглашенію, такъ какъ они составляютъ государственную тайну.

Но и, кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что „снятіе отвѣтственности" съ Правительства является обычнымъ софизмомъ, который демократія ставитъ, въ видѣ ловушки, монархическому правительству не для того, чтобы „облегчить ему отвѣтственность", а для того, чтобы на самомъ дѣлѣ вырвать у него изъ рукъ всю государственную власть.

Въ самомъ дѣлѣ, вникнемъ въ то, что должно произойти у насъ въ Россіи, если бы, по совѣту нашихъ радикаловъ, Правительство вздумало созвать „народныхъ представителей", чтобы изложить имъ вопросъ „*одинъ* только вопросъ"—о войнѣ или мирѣ.

Произойдетъ, прежде всего, слѣдующая неслыханная нелѣпость.

Правительство обратится къ съѣхавшимся адвокатамъ, земцамъ, профессорамъ, докторамъ и прочимъ мнимымъ выразителямъ „народной воли" со слѣдующей приблизительно рѣчью:

— *Я* имѣю всѣ данныя для рѣшенія вопроса о войнѣ или мирѣ, и тѣмъ не менѣе я не знаю, какъ его рѣшить. *Вы* этихъ данныхъ *не* имѣете, а потому возьмите рѣшеніе этого вопроса на свою отвѣтственность и рѣшите его, какъ вамъ вздумается.

Весьма естественно, что народные представители отвѣтятъ такъ:

— Если *вы*, *зная все*, не можете рѣшить этого вопроса, какъ же *мы* можемъ взять на себя отвѣтственность и рѣшить его, *ничего не зная*? Сообщите намъ *все*, — *безусловно все*, — извѣстныя вамъ данныя, явныя и тайныя причины войны, явное и тайное состояніе нашихъ финансовъ и вооруженія, явные и тайные дипломатическіе документы, явныя и тайныя условія мира, предложеннаго Японіей,—и тогда мы посмотримъ, рѣшимся ли мы взять на себя отвѣтственность въ рѣшеніи вопроса о войнѣ или мирѣ.

Такимъ образомъ отвѣтъ на „одинъ только вопросъ" превратится въ громоздкое, многосложное, долговременное и, по существу своему, совершенно невозможное *предварительное слѣдствіе* надъ Правительствомъ, во время котораго Правительство будетъ обречено на бездѣйствіе, находясь какъ бы „въ предварительномъ заключеніи", а японцы будутъ одерживать побѣду за побѣдой надъ остолбенѣвшими, безпомощными нашими войсками.

А то, можетъ-быть, „народные представители" предпочтутъ и болѣе суммарное дѣлопроизводство:

— Немедленно заключите миръ! — повелительно крикнутъ они: — и несите сами всю отвѣтственность за его позоръ. А затѣмъ, убирайтесь со своихъ насиженныхъ мѣстъ и предоставьте ихъ намъ. За прошлое мы взвалимъ всю отвѣтственность на васъ, а сами мы возьмемъ отвѣтственность за будущее, предоставляя себѣ, однако, полное право, при всякой

нашей неудачѣ, сваливать свою вину опять-таки на васъ, которые „оставили намъ такое тяжелое наслѣдіе“...

Вотъ, слѣдовательно, во что обратится то пресловутое „облегченіе“, или даже „снятіе отвѣтственности“, которыми радикальные шарлатаны стараются заманить Правительство въ пріуготовленную ему западню.

Но Правительство, — полагаемъ мы,—еще не настолько слѣпо, чтобы не видѣть подстроеннаго ему грубаго обмана, Правительство предпочтетъ исполнить свой долгъ предъ Богомъ и Родиной и дѣйствовать,—въ полномъ сознаніи своей отвѣтственности,—на истинное благо Россіи, пользуясь всѣми доступными ему путями и средствами, дабы не посрамить чести и славы Отечества и не отдать его ни въ руки внѣшнихъ враговъ, ни въ руки внутреннихъ крамольниковъ, которые добиваются созыва лженародныхъ „представителей“ не для спасенія Россіи, а для низверженія ея Царскаго Самодержавія.

Катковъ о диктатурѣ.

Мы на-дняхъ говорили о необходимости сосредоточить борьбу съ нашею внутреннею крамолою въ рукахъ *одного* лица, облеченнаго довѣріемъ Монарха и снабженнаго обширными, диктаторскими полномочіями.

Петербургскія газеты чрезвычайно испугались этой перспективы серіозной борьбы съ внутренними врагами Россіи и стали доказывать, что мы де измѣняемъ традиціямъ Каткова, который де „сталъ въ самую рѣшительную оппозицію съ диктатурой Лорисъ-Меликова, и печальный финалъ этой диктатуры доказалъ, что Катковъ не безъ основанія былъ съ нею въ оппозиціи“. Мы, видите ли, „забыли, что опытъ введенія диктатуры въ 1880 г. въ лицѣ графа Лорисъ-Меликова имѣлъ одно только послѣдствіе 1 марта“

Такъ пишется исторія легкомысленными петербургскими публицистами.

Обратимся къ реальнымъ фактамъ дѣйствительной исторіи.

Посмотримъ, прежде всего, какъ М. Н. Катковъ вообще относился къ вопросу о диктатурѣ для борьбы съ внутреннею крамолой.

Вслѣдъ за взрывомъ въ Зимнемъ Дворцѣ онъ писалъ, 6 февраля 1880 года, слѣдующее:

„Много злоумышленниковъ перебывало въ рукахъ правосудія; много произведено и производится слѣдствій, но ничего не выходитъ наружу, и всякому предоставляется дѣлать свои предположенія и догадки о крамолѣ, которая въ продолженіе двадцати лѣтъ издѣвается надъ Россіей, надъ ея Правительствомъ, надъ всѣмъ народомъ Русскимъ. Судятся люди ничтожные, явно служащіе орудіемъ невѣдомаго имъ самимъ замысла, *а все, что̀ позначительнѣе—ускользаетъ*...

„Вскорѣ послѣ 2 апрѣля была принята, повидимому, серіозная мѣра, учреждены временныя генералъ-губернаторства съ обширными полномочіями. Тогда же осмѣлились мы выразить мнѣніе, что мѣра эта окажется полумѣрой, и что никакихъ серіозныхъ послѣдствій ожидать отъ нея нельзя. Къ несчастью, такъ и выходитъ.

„Тогда же казалось намъ необходимымъ *сильное центральное дѣйствіе власти*. Борьбу съ организованною крамолой, которая, конечно, не между

мальчишками получила свое происхожденіе, *необходимо сосредоточить въ одной сильной рукѣ; необходимо, чтобъ одинъ правительственный органъ, облеченный полнымъ довѣріемъ Государя, имѣлъ диктаторскую власть борьбы со зломъ.* На немъ должна лежать вся отвѣтственность, и ему должны быть предоставлены всѣ средства дѣйствія. Прочія власти должны безпрекословно способствовать ему во всемъ, что относится къ предмету его полномочія. Не вмѣшиваясь въ спеціальности управленій, въ технику разныхъ вѣдомствъ, онъ долженъ имѣть полную свободу дѣйствій въ дѣлахъ и вопросахъ политическаго свойства. Отъ него должно исходить направленіе и соглашеніе дѣйствій генералъ-губернаторовъ: ему должны быть предоставлены контроль и провѣрка, и никакія формальности процедуры не должны имѣть силы предъ его полномочіемъ.

„Чѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе была бы такая диктатура, тѣмъ быстрѣе было бы ея дѣйствіе. Необходимо такое же въ сущности дѣйствіе, сосредоточенное и полномочное, какое оказалось столь успѣшнымъ въ борьбѣ съ польской революціонною организаціей. Опытъ того времени не можетъ не убѣдить насъ, что полумѣры только усиливаютъ и раздражаютъ зло!“...

Вслѣдъ затѣмъ, 13 февраля, наканунѣ назначенія графа Лорисъ-Меликова предсѣдателемъ Верховной Распорядительной Коммиссіи по охраненію Государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, — М. Н. Катковъ снова возвращается къ тому же вопросу въ еще болѣе настоятельной формѣ:

„Salus reipublicae — suprema lex. Всѣ законы подчиняются требованіямъ безопасности Государства, когда оно въ опасности. Послѣдовательныя, растущія въ дерзости попытки тайной крамолы противъ Царя и Царствующаго Дома не вопіютъ ли о рѣшительныхъ мѣрахъ для спасенія Государства? Когда Государство въ опасности, прежде всего требуется, чтобы Власть была совершенно свободна въ своихъ дѣйствіяхъ. Всѣ стѣсняющія ея формальности отмѣняются, всѣ учрежденія, замедляющія ея дѣйствіе, пріостанавливаются въ своихъ отправленіяхъ. Въ Англіи при подобныхъ обстоятельствахъ давно былъ бы пріостановленъ актъ *Habeas corpus*. А намъ, въ виду опасности, грозящей Государству, добрые люди совѣтуютъ еще болѣе связать себя по рукамъ и ногамъ и предлагаютъ конституцію, какъ панацею отъ всѣхъ золъ!

„Нѣтъ, не только очевидная въ эту минуту опасность, угрожающая Государству, но и хроническое состояніе Россіи требуетъ извѣстнаго дѣйствія Власти, уважающей себя, пропикнутой святостью своего призванія, разумной и зоркой. Вотъ реформа, какой всего болѣе ожидаетъ Россія! Все въ ней оживится, все ободрится, все успокоится, когда повсюду обнаружится дѣйствіе Власти здоровой и немнительной, сознающей свою силу и пропикнутой чувствомъ своихъ обязанностей. Только такого дѣйствія ожидаетъ Россія, чтобы стряхнуть съ себя кошмаръ и поправиться во всѣхъ дѣлахъ своихъ. Чары, подъ которыми мы томимся, которыя парализуютъ нашу жизнь, роняютъ нашъ духъ, ослабляютъ наше положеніе какъ великой державы, дѣлаютъ насъ позорищемъ для цѣлаго міра,—

исчезнутъ, какъ только захотимъ мы встать на наши здоровыя ноги, убѣдившись, что онѣ не стеклянныя.

„Кто наши враги? Недостаточно ловить одичалыхъ и развращенныхъ исполнителей зла. Надо поразить ихъ въ томъ, что порождаетъ и вызываетъ ихъ, что поддерживаетъ ихъ увѣренность, что придаетъ ихъ организаціи дѣйствительную силу. Прежде всего требуется, чтобы дѣйствующія власти провѣрили свои дѣйствія и досмотрѣли персоналъ своихъ совѣтниковъ и исполнителей. Кто поручится, что между агентами законнаго Правительства не находятся агенты тайной крамолы, какое бы ни было ея происхожденіе? Опытъ очень недавняго прошлаго долженъ бросить намъ свѣтъ и на настоящее положеніе.

„Пора намъ проснуться, пора развязать себѣ руки и перестать стыдиться и чего-то конфузиться въ пользованіи властью, когда дѣло идетъ о спасеніи и пользѣ Государства. Какъ только главные ея органы дадутъ всѣмъ почувствовать, что они понимаютъ свои обязанности, и начнутъ съ неуклонною энергіей и разумною послѣдовательностью дѣйствовать, полагая въ основу всему безопасность и пользу Государства,—здравый смыслъ подниметъ голову, и повсюду заговоритъ чувство чести и патріотизма.

„Все для всѣхъ связано съ безопасностью Государства. Все колеблется, когда оно колеблется. Все человѣческое, всякое общежитіе, всякая цивилизація, всякая свобода возможны лишь въ оградѣ твердаго Государства. Только увѣренное въ себѣ и совершенно безопасное Государство можетъ являться съ достоинствомъ среди другихъ державъ и отстаивать съ честію свои національные интересы. Только спокойное за себя и незыблемое Государство можетъ служить вѣрнымъ обезпеченіемъ всѣхъ законныхъ правъ и всякаго добраго дѣла внутри".

Но вотъ, наконецъ, назначенъ диктаторомъ графъ Лорисъ-Меликовъ.

Встрѣчаетъ ли М. Н. Катковъ назначеніе это несочувственно? Напротивъ того, онъ съ радостью привѣтствуетъ широту его полномочій.

Вотъ что онъ пишетъ 15 февраля:

„Обнародованъ Высочайшій именной Указъ, коимъ учреждается Верховная распорядительная комиссія порядка и общественнаго спокойствія.

„Изъ Указа явствуетъ, что районъ дѣятельности новоучрежденной Комиссіи будетъ столь же обширенъ, какъ и Россійская Имперія: но Коммиссія имѣетъ опредѣленное, спеціальное, исключительное назначеніе. Дѣло ей ввѣряемое есть одна изъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ функцій государственнаго управленія, которою обезпечиваются безопасность Государства и общественное спокойствіе. Это есть то, что называется полиціей, которая до сихъ поръ не была у насъ сосредоточена въ одной рукѣ и не имѣетъ общей самостоятельной организаціи. Условія нашего общественнаго быта и государственнаго устройства, быть-можетъ, давно уже требовали сосредоточенія этой важной отрасли управленія, ея самостоятельности и улучшенія ея организаціи. При нынѣшнихъ же обстоятельствахъ, это становится необходимостью, и вотъ учреждается Верховная Комиссія, которая, въ сущности, есть не что иное, какъ высшее полицейское управленіе, имѣющее своею ближайшею цѣлью пре-

слѣдованіе и искорененіе крамолы, злоумышляющей противъ Государства. Пользуясь ошибками и бездѣйствіемъ, съ которыми относились къ этому злу до послѣдняго времени, оно разрослось и приняло опасные размѣры, такъ что *полицейская власть выдвигается впередъ и пріобрѣтаетъ первенствующее значеніе*, которое выражается въ новоучрежденной Верховной Коммиссіи".

Увы, Лорисъ-Меликовъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ.

Мы лично еще помнимъ, какъ возмутился М. Н. Катковъ, когда, поздно почью, телеграфъ принесъ извѣстіе о томъ „призывѣ къ обществу", съ котораго Лорисъ-Меликовъ началъ свою плачевную „диктатуру сердца"! Это позорное правленіе по своимъ кровавымъ послѣдствіямъ равняется лишь столь же плачевному правленію князя Святополкъ-Мирскаго, вызвавшаго потоки крови своимъ пресловутымъ „довѣріемъ".

Развѣ это диктаторъ? восклицалъ М. Н. Катковъ, —онъ погубитъ все дѣло!

Въ своей передовой статьѣ, вызванной этою телеграммой, М. Н. Катковъ сразу высказалъ свое несочувствіе *такой* диктатурѣ, которая роковымъ образомъ должна была вести къ 1 марта и которая такъ далека была отъ идеала той диктатуры, на которой настаивалъ М. Н. Катковъ.

Вотъ какими словами отозвался онъ на „призывъ" Лориса-Меликова:

„Начальникъ Верховной Распорядительной Комиссіи призываетъ Общество къ содѣйствію въ борьбѣ съ крамолою. Давно уже обращались къ обществу съ подобнымъ призывомъ,—и нѣтъ сомнѣнія, что все здоровое, благомыслящее и честное въ обществѣ принимаетъ его къ сердцу. Но практическихъ послѣдствій можно ожидать только при условіи, чтобы Правительство своимъ образомъ дѣйствій дало тонъ и направленіе умамъ и ясно опредѣлило, чего оно требуетъ отъ общества. Нерѣшительность и безхарактерность въ правительственныхъ дѣйствіяхъ можетъ, напротивъ, привести въ уныніе общество во всемъ, что есть въ немъ здороваго и благомыслящаго.

„Нельзя желать *всякаго* содѣйствія, нельзя искать *всякаго* пособничества. Отъ иныхъ пособниковъ да сохранитъ насъ Богъ! Будемъ ли мы сильнѣе, если къ намъ неузнаваемо явятся съ пособіемъ враги? Было ли бы Правительство сильнѣе, если бы въ ряды его совѣтниковъ или исполнителей проникли обманомъ, подъ благовидною личиной, люди, враждебные Государству? Не возрастала ли бы его слабость пропорціонально такой поддержкѣ? Напротивъ, Правительство будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ будетъ рѣшительнѣе и зорче въ выборѣ пособниковъ, чѣмъ менѣе неблагонадежные или нездоровые элементы въ обществѣ будутъ имѣть вѣсъ въ его совѣтахъ.

„Въ обществѣ, не установившемся и переживающемъ переходную пору, кромѣ злонамѣренныхъ людей, бываетъ много малодушныхъ и неразумныхъ, людей надменныхъ мнимымъ знаніемъ, фантазеровъ и пустослововъ. Будутъ ли помощь и содѣйствіе такихъ людей полезны Правительству? Боже сохрани насъ отъ самой тяжкой и пагубной изо всѣхъ ошибокъ: всему безъ испытанія вѣрить и всѣмъ стараться угодить.

„Правительство будетъ тѣмъ популярнѣе, то-есть тѣмъ любимѣе народомъ, чѣмъ менѣе будетъ гоняться за популярностью, заботясь только о наилучшемъ пути и держа при всякомъ дѣлѣ государственную пользу на умѣ и народное благо въ сердцѣ.

„Рѣшительность и характеръ дѣйствуютъ обязательно. Ничто такъ не привлекаетъ людей, какъ сила убѣжденія. Правительство, дѣйствующее съ характеромъ, быстро переладитъ въ своемъ смыслѣ общественное настроеніе. Не Правительству гоняться за минутными увлеченіями толпы, которая обыкновенно сама не знаетъ, чего хочетъ, и повинуется всякой интригѣ. Вѣрьте, если хотите, мнѣнію человѣка, но *никогда не вѣрьте мнѣнію толпы*".

Лорисъ-Меликовъ былъ вскорѣ самъ наказанъ за свое исканіе дешевой популярности: 20 февраля онъ подвергся злодѣйскому покушенію, и въ тотъ же день М. Н. Катковъ написалъ слѣдующее:

„По всѣмъ признакамъ, замѣтнымъ для людей зрячихъ, „диктатура" не произвела должнаго впечатлѣнія на сферы, ожидающія „богатыя милости" отъ дѣйствія крамолы. Эти сферы надѣются, что Правительство, для искорененія крамолы, пойдетъ путемъ, какой она сама рекомендуетъ. Руководители заговора объявляютъ въ своихъ прокламаціяхъ, что не успокоятся до тѣхъ поръ, пока Власть не дастъ Россіи либеральныхъ учрежденій. Оказывается, что заговорщики хотятъ того же, чего желаютъ и заграничные, и домашніе доброжелатели Россіи.

„Власть, говорятъ, должна обратиться къ обществу и въ немъ искать себѣ опоры. Но къ какому обществу? Гдѣ эти элементы въ интеллигентныхъ сферахъ нашего общества, на которые могло бы опереться Правительство великой державы, несущей на себѣ отвѣтственность за народное благо и судьбы Россіи? Скажите, гдѣ въ эту минуту обнаруживаются такіе элементы? Не въ салонахъ ли Петербургскихъ? Не въ фельетонахъ ли Петербургскихъ газетъ? Не въ наукѣ ли нашей? Гдѣ эта наука, гдѣ ея плоды? Правительство въ настоящее время можетъ успѣшно исполнить свою задачу только строгой дисциплиной сверху до низу въ своихъ собственныхъ рядахъ. *Развѣ можно въ эту минуту думать о представительствѣ, какъ о полезной силѣ*? Развѣ дозволительно думать о чемъ-либо подобномъ въ солидарности съ гнуснѣйшимъ заговоромъ, руководимымъ вражескою рукой?

„Нѣтъ надобности обращаться къ обществу за поддержкой и пособіемъ. Только дисциплина въ правительственныхъ рядахъ,—такъ чтобы всякій въ нихъ страшился уклониться отъ своего долга и обманывать высшую власть,—и патріотизмъ въ образованныхъ сферахъ общества,—вотъ что требуется, и вотъ о чемъ надо позаботиться: начать же необходимо съ дисциплины. Когда въ правительственныхъ сферахъ возобладаетъ духъ строгой дисциплины, сами собою оживятся и поднимутся всѣ здоровыя силы общества".

Къ сожалѣнію, всѣ эти слова глубокой государственной мудрости не произвели должнаго впечатлѣнія на Лориса-Меликова: онъ продолжалъ свою злополучную, пагубную „диктатуру сердца", а затѣмъ 6 августа онъ положилъ ей конецъ, сдѣлавшись простымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ: занявшись тайнымъ изготовленіемъ своей знаменитой „конституціи", онъ

распустилъ бразды правленія и далъ полную возможность всякаго рода крамольникамъ подготовить гнусное злодѣяніе 1 марта.

Итакъ, М. Н. Катковъ былъ сторонникомъ строгой, энергичной диктатуры, „сильной государственной власти“ и былъ противникомъ дряблой „диктатуры сердца“ Лорисъ-Меликова, потому что она была диктатурой ложною и вредною.

Само собою разумѣется, что такая *ложная* диктатура была бы столь же вредна въ настоящее время, какъ и четверть вѣка тому назадъ,—и мы, понятно, не *такую* диктатуру желали бы видѣть въ Россіи, а ту, о которой мечталъ М. Н. Катковъ и которую впослѣдствіи осуществилъ графъ Д. А. Толстой, даровавшій Россіи тотъ внутренній мирный порядокъ, среди котораго могъ возсіять великій геній Александра III.

Теперь становится вполнѣ ясною вся легкомысленность утвержденія, будто „введеніе диктатуры Лорисъ-Меликова имѣло одно только послѣдствіе 1-го марта“.

На самомъ дѣлѣ 1-ое марта было послѣдствіемъ того, что Лорисъ-Меликовъ *не исполнилъ* возложеннаго на него Монархомъ чрезвычайнаго порученія: вмѣсто диктатуры, писалъ конституцію и кокетничалъ съ „обществомъ“.

А если бы въ то время въ Россіи была *настоящая* диктатура, то, конечно, не было бы и 1-го марта.

Новое назначеніе генерала Трепова.

Мы вчера говорили о необходимости учрежденія спеціальнаго органа твердой Государственной Власти для борьбы съ внутренней крамолой и привели знаменательныя слова М. Н. Каткова, въ которыхъ великій русскій публицистъ четверть вѣка тому назадъ доказывалъ эту необходимость съ такою убѣдительностью, которая сохранила всю свою силу и въ наши тревожные дни тяжелаго государственнаго кризиса.

Въ виду этого, мы не можемъ не привѣтствовать назначеніе генерала Д. Ѳ. Трепова на постъ товарища министра Внутреннихъ Дѣлъ для самостоятельнаго завѣдыванія всею государственною полиціей,—какъ начало проявленія той именно серіозной, твердой Власти, которая такъ необходима у насъ въ настоящее время.

Безгранічная преданность своему Государю, долголѣтняя служебная опытность, логическая ясность ума, безупречная рыцарская отвага и желѣзная воля,—вотъ тѣ рѣдкія въ настоящее дряблое время качества, съ какими Дмитрій Ѳедоровичъ вступаетъ, по порученію Государя, въ борьбу съ тѣми злыми силами, которыя стараются опутать и задушить Россію.

До 15 іюля 1904 года эти силы могли дѣйствовать лишь въ тайникахъ своихъ подпольныхъ берлогъ и петербургскихъ сановныхъ хоромъ. Но когда имъ, дружными усиліями, удалось избавиться отъ зоркихъ глазъ и твердыхъ рукъ убитаго ими министра,—они открыто вышли наружу, на улицу, на публичные съѣзды и банкеты, въ школы и университеты, и громко провозгласили программу своей преступной дѣятельности, напра-

вленной къ низверженію Царскаго Самодержавія въ Россіи. При этомъ, ко всеобщему удивленію, они не только не встрѣтили противодѣйствія со стороны министерской власти, но получали отъ нея выраженія полнаго, слѣпого „довѣрія".

Въ какіе-нибудь полгода все въ Россіи перевернулось вверхъ дномъ, и произошла такая революціонная „переоцѣнка цѣнностей", что измѣна была провозглашена доблестью, гнусная наглость геройствомъ, мракъ невѣжества -высшимъ просвѣщеніемъ, а патріотизмъ—варварствомъ.

Россія ринулась, очертя голову, по безумному пути, указанному ей крамолой, которая привела ее, при полной растерянности и малодушной уступчивости властей, къ кровавому дню 9 января.

Тогда всѣ сразу опомнились и поняли, что такъ дальше идти нельзя.

Въ этотъ критическій моментъ Д. Ѳ. Треповъ былъ призванъ Монаршимъ довѣріемъ къ возстановленію порядка въ Петербургѣ. Онъ исполнилъ возложенную на него задачу съ тою спокойною увѣренностью и непоколебимою рѣшительностью, которая составляетъ основную черту его характера и которая вызываетъ такую же спокойную увѣренность во всей окружающей его средѣ.

Уже черезъ нѣсколько недѣль по вступленіи генерала Трепова на постъ Петербургскаго генералъ-губернатора, весь Петербургъ зналъ, что день 9 января болѣе повториться не можетъ, и даже враги новаго генералъ-губернатора должны были признать за нимъ ту заслугу, что онъ избавилъ столицу отъ давившей ее паники.

Д. Ѳ. Треповъ, безо всякаго сомнѣнія, достигъ бы еще гораздо болѣе блестящихъ успѣховъ въ борьбѣ съ крамолой, если-бъ ему не приходилось одновременно бороться и съ упорнымъ противодѣйствіемъ въ тѣхъ кругахъ, гдѣ онъ въ правѣ былъ разсчитывать на дружное содѣйствіе, и если бы его полномочія не ограничивались однимъ лишь петербургскимъ райономъ.

Но и при этихъ стѣснительныхъ условіяхъ онъ сдѣлалъ очень много для обузданія крамолы, такъ какъ ясно понялъ то, чего, къ сожалѣнію, иные наши политики никакъ понять не могутъ, — а именно, что все громадное на видъ революціонное движеніе, охватившее будто бы всю Россію, находится въ рукахъ небольшой сравнительно шайки негодяевъ, и что все взбудораженное наше общество тотчасъ успокоится, какъ только изъ его среды будутъ извлечены эти злѣйшіе враги Россіи, ютящіеся не только въ низшихъ, но и въ высшихъ сферахъ государственной жизни.

Теперь генералъ Треповъ выступаетъ на болѣе широкую арену дѣятельности: ему поручено водворить во всей Россіи тотъ же законный порядокъ, который онъ водворилъ въ Петербургѣ,—и мы увѣрены, что онъ блестящимъ образомъ разрѣшитъ и эту задачу, если ему будутъ дружно содѣйствовать всѣ остальные органы Государственной Власти. Да мы и не можемъ допустить, чтобъ они ему не содѣйствовали въ его столь благомъ, столь необходимомъ дѣлѣ, ибо не содѣйствовать ему—значило бы содѣйствовать крамолѣ.

Съ особенною радостію, думаемъ мы, встрѣтятъ новое назначеніе генерала Трепова мѣстные представители Верховной Власти, которые теперь,

по крайней мѣрѣ въ вопросахъ государственной полиціи, будутъ получать изъ Петербурга совершенно ясныя, точныя и дѣльныя инструкціи и будутъ чувствовать за собой въ борьбѣ съ крамолой своевременную и сильную поддержку.

Высочайшимъ Указомъ отъ 21 мая Государь Императоръ предоставитъ генералу Трепову, какъ товарищу министра Внутреннихъ Дѣлъ, завѣдующему полиціей,—право закрывать различные съѣзды и „всякаго рода общества, собранія, союзы и тому подобныя учрежденія", —„если дѣятельность сихъ съѣздовъ будетъ имъ признана вредною для общественной безопасности и порядка".

Мы ожидаемъ самыхъ благихъ результатовъ отъ этой мѣры, которою Д. Ѳ. Треповъ несомнѣнно сумѣетъ воспользоваться съ должнымъ тактомъ и съ должною энергіей, и сожалѣемъ только, что ему не предоставлено такое же право для водворенія законности среди нашей разнузданной, изолгавшейся печати, приносящей такой неизмѣримый вредъ своею дерзкою крамольною пропагандой среди нашего общества и среди народныхъ массъ, которымъ она систематически проповѣдуетъ соціалистическія и конституціонныя теоріи, направленныя къ ограниченію и низверженію Царскаго Самодержавія.

Но и при данныхъ ему полномочіяхъ, генералъ Треповъ можетъ принести великія услуги дѣлу законнаго порядка въ Россіи, въ чемъ мы отъ всего сердца желаемъ ему полнаго успѣха.

Когда настанетъ время для реформъ? *)

Монархическая партія ставитъ себѣ первою, по времени, задачей—„способствовать всѣми законными мѣрами прекращенію внутренней смуты, въ томъ убѣжденіи, что никакія внутреннія реформы, *въ которыхъ такъ нуждается Россія*, не могутъ принести благихъ плодовъ, коль скоро онѣ будутъ производиться подъ натискомъ теперешняго революціоннаго движенія".

Этими словами начинается изложеніе программы Монархической партіи, и этими словами опровергается то ложное утвержденіе нашихъ противниковъ, будто Монархическая партія принципіально противится введенію какихъ бы то ни было реформъ во внутренней жизни Россіи.

Напротивъ того, Монархическая партія считаетъ внутреннія реформы *необходимыми*, такъ какъ Россіи немыслимо оставаться въ такомъ положеніи, въ которомъ она находится; но чѣмъ болѣе монархисты убѣждены въ необходимости реформъ, тѣмъ болѣе убѣждены они и въ томъ, что эти реформы должны быть зрѣло обдуманными, чтобы быть полезными и плодотворными.

Но можно ли серіозно обсуждать серіозныя реформы, когда, съ одной стороны, вниманіе всего Государства, всего народа, отвлечено тяжелою войной, и когда, съ другой стороны—внутренніе враги Россіи не даютъ ей передохнуть, засыпая ее, якобы „отъ имени народа", просьбами, требованіями и угрозами, настаивая на немедленномъ проведеніи самыхъ крайнихъ,

*) Продолжаемъ разъяснять основныя начала Монархической партіи. См. *Моск. Вѣд.* 1905 г., №№ 121 и 134.

даже соціалистическихъ реформъ и подкрѣпляя свои притязанія всякаго рода насильственными демонстраціями и государственными преступленіями.

Сколько разъ уже приходилось слышать само-собою напрашивавшееся мѣткое сравненіе, что „мы живемъ какъ бы въ сумасшедшемъ домѣ". Можно ли, поэтому, ожидать, чтобы въ этомъ сумасшедшемъ домѣ, въ этой горячечной атмосферѣ могли вырабатываться здоровыя и полезныя реформы? Конечно, нѣтъ. Зачатыя въ психопатической средѣ, реформы, по необходимости, выходятъ на свѣтъ заклейменными наслѣдственнымъ психопатическимъ недугомъ, и могутъ, въ свой чередъ, порождать во внутренней жизни Россіи одни лишь болѣзненныя явленія общественнаго и государственнаго психоза.

Вотъ почему Монархическая партія ставитъ себѣ задачей прежде всего „способствовать всѣми законными мѣрами прекращенію нашей внутренней смуты".

Само собою разумѣется, что Монархическая партія можетъ дѣйствовать только *законными* средствами.

Революціонная партія не останавливается ни предъ какими беззаконіями, чтобы достигнуть своихъ преступныхъ цѣлей. Она созываетъ незаконные съѣзды, организуетъ демонстраціи, нагло злоупотребляетъ благодушіемъ цензуры, распространяетъ милліонами возмутительныя прокламаціи, устраиваетъ глупыя, безчеловѣчныя убійства. Всѣ эти средства Монархическая партія съ негодованіемъ отвергаетъ; она строго держится законной почвы: въ этомъ ея физическая слабость, но въ этомъ и ея нравственная сила. А такъ какъ Русскіе монархисты, люди беззавѣтно преданные обожаемому Монарху, своею численностью безконечно превосходятъ жалкую кучку нашихъ революціонеровъ, то этимъ восполняется и физическая сила монархистовъ.

Въ этой строго-законной дѣятельности Монархической партіи заключается, между прочимъ, и отвѣтъ на запросы нѣкоторыхъ членовъ нашей партіи: такъ какъ дѣятельность партіи всегда будетъ происходить на строго-законномъ основаніи, то и никакія общія собранія Монархической партіи до законнаго утвержденія ея устава созываться не будутъ.

Но если Монархическая партія отвергаетъ незаконныя средства для достиженія своихъ цѣлей, то каковы же ея *законныя* средства?

Они весьма разнообразны; къ нимъ принадлежатъ: живое слово (въ проповѣдяхъ, чтеніяхъ, бесѣдахъ), печатное слово (въ повременныхъ изданіяхъ, книгахъ, брошюрахъ), устройство библіотекъ, имѣющихъ цѣлью распространеніе началъ Православія, Самодержавія и Русской народности; учрежденіе, разрѣшенныхъ Властью, союзовъ, обществъ, кружковъ и собраній, имѣющихъ ту же цѣль; взаимная поддержка членовъ Монархической партіи въ ихъ общественной и государственной дѣятельности; личная и групповая борьба на законномъ основаніи со всякими проявленіями въ общественной и государственной жизни, клонящимися ко вреду Православія, Самодержавія и Русской народности. Само собою разумѣется, что возможны и многіе другіе виды дѣятельности Монархической партіи, не преступающіе границы законности.

Но возвратимся къ главному предмету нашего разсужденія,—къ опредѣленію того времени, когда можно будетъ приступить къ нашимъ внутреннимъ реформамъ.

Время это опредѣлено въ программѣ нашей партіи слѣдующими словами:

„Когда Верховная Власть восторжествуетъ надъ внутреннею смутой и доведетъ войну съ внѣшними врагами до желаннаго, славнаго конца тогда настанетъ, по убѣжденію Монархической партіи, наиболѣе удобное время основательныхъ, зрѣло-обдуманныхъ государственныхъ реформъ".

Мы только что указали на причины, препятствующія обсужденію и введенію плодотворныхъ реформъ подъ напоромъ теперешняго революціоннаго движенія. Но и до желаннаго, славнаго конца настоящей войны Правительство, сосредоточивая всѣ свои мысли на этомъ государственномъ кризисѣ первостепенной важности, не можетъ отдать должнаго вниманія внутреннимъ реформамъ, которыя, въ виду этого, могутъ принять совершенно нежелательное и прямо вредное для Государства направленіе.

Но еще гибельнѣе были бы реформы, произведенныя по заключеніи позорнаго мира, такъ какъ всѣ онѣ были бы направлены противъ Самодержавія Русскихъ Царей.

Въ самомъ дѣлѣ, если наша революціонная партія требуетъ въ настоящее время немедленнаго заключенія мира съ Японіей, то она очень хорошо знаетъ, что миръ въ настоящее время можетъ быть заключенъ лишь на самыхъ позорныхъ для Россіи условіяхъ. Но это нисколько не смущаетъ нашихъ революціонеровъ: напротивъ, это имъ на-руку. Обвиняя теперь Самодержавное Правительство въ томъ, что оно, стоя на-стражѣ чести, славы и цѣлости Россіи, рѣшило теперь мира съ Японіей не заключать,—революціонеры съ еще большимъ азартомъ обрушились бы на Самодержавіе, если-бъ оно заключило позорный миръ, и если бы вслѣдъ затѣмъ неминуемыя тяжкія послѣдствія этого мира стали обнаруживаться „Вотъ до какихъ бѣдствій, до какого позора довелъ Россію Самодержавный режимъ",—стали бы въ одинъ голосъ вопить революціонеры,—„а потому: долой Самодержавіе"!

Какое дѣло революціонерамъ, что позорный миръ погубитъ Россію? Какое имъ вообще дѣло до Россіи? Позорный миръ имъ необходимъ, какъ орудіе противъ Самодержавія; а низвергнуть Самодержавное Правительство они хотятъ для того, чтобъ самимъ сѣсть на его мѣсто и управлять Россіей въ своихъ личныхъ интересахъ.

Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему Монархическая партія,—имѣя главною своею задачей „сохраненіе Монархической Самодержавной Власти Русскихъ Царей въ полной ея неприкосновенности",—стоитъ за продолженіе настоящей войны съ внѣшними врагами *до полнаго побѣдоноснаго ея конца.*

Лишь тогда будетъ время приступить и къ внутреннимъ реформамъ. Къ подробному перечисленію этихъ реформъ мы приступимъ въ слѣдующей статьѣ, посвященной разъясненію программы Монархической партіи.

Укрѣпленіе Самодержавія*).

Среди наиболѣе необходимыхъ государственныхъ реформъ, въ которыхъ нуждается современная Россія, Монархическая партія считаетъ, конечно, на первомъ мѣстѣ „еще большее укрѣпленіе неограниченной Монархической Самодержавной Власти".

— Какъ?—спросятъ революціонеры:—еще большее укрѣпленіе Самодержавія? Но оно уже и безъ того слишкомъ крѣпко!

— Какъ?—спросятъ иные недальновидные консерваторы:—укрѣпленіе Самодержавія? Но развѣ оно недостаточно крѣпко? А если-бъ оно было недостаточно крѣпко, то вы, признавая этотъ фактъ, еще болѣе ослабляете Самодержавіе и играете въ руку враговъ его!

Софизмъ, скрытый въ этихъ послѣднихъ словахъ, слишкомъ очевиденъ и избитъ, чтобы стоило долго на немъ останавливаться. Мы не спасемъ Самодержавія, если будемъ скрывать недостаточную его силу; напротивъ того, признавъ и устранивъ эту недостаточность, мы вмѣстѣ съ тѣмъ устранимъ и опасности, грозящія Самодержавію.

А опасность грозитъ ему съ трехъ сторонъ:

Во-первыхъ, неограниченность Монархической Самодержавной Власти уже теперь признается въ данной силѣ не на всемъ пространствѣ Русской Имперіи, а именно, на Финляндской ея окраинѣ. Самодержавная Власть Русскаго Царя считается,—по совершенно ложной „конституціонной" теоріи,—ограниченною, и эта теорія грозитъ перейти въ практику.

Во-вторыхъ, Высочайшій Рескриптъ 18 февраля совершенно ложно толкуется,—и не одною только революціонною партіей,—какъ желаніе Государя подчинить Свою Власть и Свою Волю „народнымъ представителямъ".

Въ-третьихъ, есть цѣлое вѣдомство въ Россіи, которое имѣетъ притязаніе быть самозаконнымъ государствомъ въ государствѣ, не допускающее и мысли, чтобы Самодержавный Государь имѣлъ право принимать въ области его дѣятельности какія-либо рѣшенія (кромѣ помилованія виновныхъ), если бы даже эта дѣятельность прямо противорѣчила интересамъ Государства.

Мы говоримъ, конечно, о вѣдомствѣ судебномъ, гордящемся предъ всѣми другими вѣдомствами несмѣняемостью своихъ членовъ и неизмѣнимостью своихъ верховныхъ приговоровъ.

Здѣсь вопросъ идетъ не объ одномъ принципѣ „раздѣленія властей", по которому Самодержавный Государь не смѣетъ де быть Верховнымъ Судьей Своего народа, а долженъ довольствоваться лишь законодательною и административною властью, тогда какъ судебная власть *всецѣло* должна принадлежать судебному вѣдомству; нѣтъ, въ настоящее именно время гг. юристы могутъ весьма осязательнымъ образомъ грозить Самодержавію.

Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ не знаетъ, до какой степени наша пресловутая, враждебная Самодержавію, „интеллигенція" широко представлена въ нашемъ судебномъ вѣдомствѣ? Мы не говоримъ уже о нашихъ

*) Продолжаемъ разъясненіе программы Монархической партіи. См. *Моск. Вѣд.* 1905 г., №№ 121, 134 и 145.

адвокатахъ, большинство которыхъ выступаютъ прямо коноводами нашего революціоннаго движенія; но и среди служебной магистратуры убѣжденные противники конституціоннаго парламентаризма являются лишь исключеніями.

Представьте себѣ, что произойдетъ, если Правительство будетъ предавать суду революціонныхъ дѣятелей, стремящихся къ низверженію Самодержавія, а гг. судьи будутъ, по единомыслію съ подсудимыми, оправдывать, увѣнчивая ихъ лаврами краснорѣчія судебныхъ болтуновъ!

Ни одно правительство не потерпѣло бы такого положенія вещей, и мы видѣли, что даже республиканское правительство Франціи не останавливается предъ смѣщеніемъ членовъ судебной магистратуры, коль скоро они проявляютъ дѣятельность, не согласную съ законами высшей правды. А Самодержавное Правительство въ Россіи,—по существующей теоріи несмѣняемости судей,—сдѣлать этого не смѣетъ, хотя бы отъ этой несмѣняемости зависѣла гибель самого Самодержавія!

Какъ же при этихъ обстоятельствахъ не стремиться къ реформѣ, которая поставила бы Самодержавное Правительство въ одинаковыя по крайней мѣрѣ условія, въ какихъ находится правительство республиканское?

Но вернемся къ первымъ двумъ ненормальнымъ условіямъ, не дающимъ Самодержавію возможности проявить свою Власть во всей ея неограниченной полнотѣ.

Ненормальность этихъ условій всего яснѣе видна въ Финляндіи. Тамъ мѣстными сепаратистами нагромождена изъ ложныхъ посылокъ цѣлая конституціонная теорія, по которой Самодержавный Русскій Императоръ является въ одной изъ окраинъ Своей Имперіи лишь ограниченнымъ въ своихъ Державныхъ правахъ Великимъ Княземъ, обязаннымъ повиноваться волѣ народныхъ представителей.

Намъ неоднократно и съ давнихъ уже поръ приходилось разоблачать весь обманъ, лежащій въ основѣ этой теоріи, и мы здѣсь не станемъ повторять тѣ многочисленные историческіе и правовые доводы, которые разбиваютъ до послѣднихъ остатковъ всѣ основанія этой теоріи. Но мы должны указать на дальнѣйшія опасности, порождаемыя этою теоріей какъ для Самодержавія, такъ и для всей Россіи.

Финляндскіе сепаратисты стремятся къ тому, чтобы Финляндія отнюдь не составляла части Россійской Имперіи, а считалась совершенно самостоятельнымъ государствомъ, соединеннымъ съ Россіей лишь „персональною уніей“, то-есть имѣющимъ случайно одного и того же съ нею Государя, но живущимъ отдѣльно отъ нея, по своимъ собственнымъ законамъ.

Какъ на примѣръ такихъ, будто бы благоденствующихъ и мирно живущихъ, государствъ, соединенныхъ персональной уніей, финляндскіе сепаратисты и ихъ русскіе единомышленники всегда указывали на Австрію съ Венгріей и на Швецію съ Норвегіей.

Мы всегда возражали на это, что „персональныя уніи“—созданія искусственныя, непрочныя и всегда готовыя распасться, и что если намъ принять теорію финляндскихъ сепаратистовъ, то Финляндія такъ же со-

вершенно отпадетъ отъ Россіи, какъ несомнѣнно когда-нибудь и Венгрія отпадетъ отъ Австріи, а Норвегія отъ Швеціи.

Историческія событія оправдали наши предсказанія скорѣе, чѣмъ мы ожидали: на нашихъ глазахъ совершается упорная борьба между только что названными „братскими государствами", и Норвегія уже нынѣ разорвала „персональную унію" и низложила своего короля, а не сегодня-завтра то же самое сдѣлаетъ со своимъ королемъ и Венгрія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и Финляндія низложитъ своего великаго князя и совершенно отложится отъ Россіи, если только Россія пойдетъ на удочку „персональной уніи", вмѣсто того, чтобы, наоборотъ, возстановить и утвердить навсегда такую же Самодержавную Власть Русскаго Императора въ Финляндской окраинѣ, которою Онъ неограниченно пользуется и во всей своей Имперіи.

Но опасная игра въ финляндскую автономію можетъ имѣть еще другія грозныя послѣдствія.

Русскій народъ беззавѣтно преданъ своему Самодержавному Царю и не допускаетъ мысли, чтобъ Онъ могъ быть ограниченъ чѣмъ-либо инымъ, кромѣ Своей совѣсти предъ Богомъ и изданными Имъ Самимъ законами. Подорвать эту преданность парода составляетъ главнѣйшую цѣль нашихъ революціоперовъ, отлично знающихъ, что на этой преданности покоится Самодержавная Власть Русскихъ Царей. Вотъ почему они и пытаются въ своихъ прокламаціяхъ разъяснить народу, что Русскій Царь долженъ такъ же лишиться Своего Самодержавія въ Россіи, какъ Онъ уже будто бы лишился его въ Финляндіи, на что де Онъ Самъ далъ Свое согласіе: а такъ какъ „чѣмъ же Русскіе хуже Финляндцевъ",—то слѣдовательно „Онъ Самъ будетъ очень радъ облагодѣтельствовать Своихъ Русскихъ подданныхъ такимъ же отреченіемъ отъ Своихъ Самодержавныхъ правъ, какимъ Онъ наградилъ Своихъ финляндскихъ подданныхъ".

Вотъ какими софизмами стараются развратить Русскій народъ, соблазняя его примѣромъ Финляндіи. Въ виду этого, необходимо положить предѣлъ этому соблазну и возстановить во всей Имперіи—какъ въ ея центральныхъ частяхъ, такъ и на ея окраинахъ -единое неограниченное Самодержавіе Русскаго Царя.

Это тѣмъ необходимѣе, что на нашихъ глазахъ уже начинаетъ проповѣдываться пагубнѣйшее для Россіи предложеніе—расчленить ее на отдѣльныя автономныя „области" и этимъ подготовить ея окончательный раздѣлъ! И тутъ Финляндскій сепаратизмъ играетъ свою соблазнительную роль для Балтійскихъ Нѣмцевъ, Эстовъ и Латышей, для Поляковъ и Литвиновъ, для малороссійскихъ хохломановъ, для Армянъ, Грузинъ и другихъ Кавказскихъ племенъ, для приволжскихъ инородцевъ, для Сибиряковъ и Среднеазіатскихъ этнографическихъ группъ, соединенныхъ въ теченіе вѣковъ Царями-Освободителями въ одну мощную Имперію: всѣ они возстанутъ, потребуютъ себѣ такихъ же автономныхъ правъ, какъ Финляндія—и начнется великая, кровавая, междоусобная борьба, которая разорветъ Россію на части,—и ихъ придется снова собирать воедино новому ряду Царей-Освободителей,—если только не будетъ уже слишкомъ поздно!

Нѣтъ, допустить Россію до раздѣла—немыслимо, невозможно! Всѣмъ Русскимъ монархистамъ слѣдуетъ возстать противъ этого сумасбродства, откуда бы оно ни исходило, и отвергнуть самую мысль о раздѣленіи Россіи на отдѣльныя этнографическія области, какъ несущую въ себѣ гибель, и Царскому Самодержавію, и всей Россіи.

Теперь намъ остается разсмотрѣть самую главную опасность, грозящую Самодержавію: ложное истолкованіе Высочайшаго Рескрипта 18 февраля.

Въ этомъ Рескриптѣ Государь выразилъ лишь Свою Волю, чтобы достойнѣйшіе изъ выборныхъ отъ народа людей привлекались къ участію въ предварительной законодательной работѣ.

Въ этихъ Государевыхъ словахъ нѣтъ и намека на какую-нибудь конституцію, ограничивающую Самодержавную Царскую Власть.

Тѣмъ не менѣе, революціонная печать и радикальные демагоги съ жадностью ухватились за эти слова, объявили отъ своего имени, что въ нихъ заключается отреченіе Государя отъ Своихъ Самодержавныхъ правъ,—которыя Онъ желаетъ де ограничить подчиненіемъ ихъ волѣ народныхъ представителей,—и что поэтому необходимо всѣмъ общественнымъ учрежденіямъ, не дожидаясь новаго Царскаго призыва, заняться выработкой будущей Русской конституціи, уничтожающей Царское Самодержавіе.

Къ сожалѣнію, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ не воспрепятствовало съ самаго же начала этому, совершенно-ложному, толкованію Царской Воли,—и дѣло разрослось до конституціонной агитаціи во всей странѣ: мало того, люди, назначенные Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ для подготовительной работы,—долженствующей предшествовать собранію той особой комиссіи, которой предстоитъ составить законопроектъ, соотвѣтствующій выраженной въ Рескриптѣ Высочайшей Воли,—сами поддались, въ теченіе своихъ болѣе чѣмъ двухмѣсячныхъ трудовъ, той же конституціонной агитаціи и выработали тоже не что иное, какъ самую банальную конституцію по западнымъ шаблонамъ, съ „двумя палатами“ и народными „представителями“,—совершенно игнорируя, что единственнымъ Представителемъ Русскаго Народа является его Самодержавный Государь.

Для всѣхъ очевидно, что если въ Россіи будетъ введена такая конституція, то этимъ будетъ положенъ конецъ Царскому Самодержавію. Волѣ Царя будетъ противопоставлена „Воля Народа“,—а мы слишкомъ хорошо знаемъ, къ чему всегда приводитъ такое противоположеніе: къ борьбѣ Царя съ „представителями“ народа, въ которую затѣмъ вовлекается и самъ народъ...

А такая, небывалая еще на Руси, искусственно возбужденная борьба Царя съ народомъ можетъ имѣть лишь самыя пагубныя для Самодержавія, а слѣдовательно и для всей Россіи, послѣдствія!..

Вотъ почему Монархическая партія ставитъ на первое мѣсто необходимыхъ для Россіи реформъ—„еще большее укрѣпленіе неограниченной Монархической Самодержавной Власти на Руси“, которое можетъ быть достигнуто возвращеніемъ этой Власти ея Верховныхъ судебныхъ прерогативъ, утвержденіемъ ея полноправія во всѣхъ окраинахъ Россійской Имперіи и предотвращеніемъ всякихъ законодательныхъ мѣръ, умаляю-

щихъ Царское Самодержавіе,—въ особенности всякихъ конституціонныхъ и парламентарныхъ проектовъ, стремящихся установить „народное представительство“, столь противное Русскому Государственному Праву и государственнымъ понятіямъ Русскаго Народа, и столь гибельное для всей Россіи.

„Почетный“ миръ?

Большинство нашихъ „либеральныхъ“ и иныхъ публицистовъ продолжаютъ высказывать свое традиціонное легкомысліе.

Въ то время, какъ серіозные, истинно-Русскіе люди напрягаютъ всѣ свои силы, чтобы найти и обезпечить Россіи побѣдоносный выходъ изъ настоящаго критическаго положенія, вышеназванные публицисты заладили одно требованіе: „Немедленно созвать земскій соборъ, который и сумѣетъ найти условія для заключенія почетнаго, безобиднаго для Россіи, мира съ Японіей“.

Мы уже не говоримъ о нелѣпости предположенія, будто двѣ, три сотни земскихъ и судебныхъ говоруновъ, собравшись въ одно мѣсто, сумѣютъ лучше разрѣшить вопросъ о мирѣ, чѣмъ Императорское Русское Правительство: вѣдь для всѣхъ совершенно ясно, что эти господа такъ торопятся выступить въ роли „представителей“ русскаго народа, чтобы скорѣе объявить себя „учредительнымъ собраніемъ“, захватить въ свои руки правительственную власть и распредѣлить между собой и своими присными наиболѣе выгодныя въ государствѣ мѣста. О войнѣ же съ Японіей они себѣ головы ломать не будутъ, а подмахнутъ какой угодно, хотя бы самый позорный, миръ, такъ какъ весь его позоръ они свалятъ на „предыдущій режимъ“, то-есть на Самодержавіе. До Россіи же, до ея чести и славы,—имъ никакого дѣла нѣтъ и не будетъ.

Но, въ такомъ случаѣ, можно ли вѣрить ихъ обѣщаніямъ, будто они найдутъ условія для „почетнаго“, „безобиднаго“ для Россіи, мира?

Въ той стадіи, на которой нынѣ находится русско-японская война, никакого „почетнаго“ мира для Россіи быть не можетъ. Развѣ мыслимъ былъ „почетный“ для Россіи миръ немедленно послѣ Бородина и вступленія Наполеона въ Москву? Если-бъ Александръ I, смутившись предъ тяжкими неудачами начала кампаніи и не довѣряя внутренней мощи Россіи, вступилъ съ ея врагомъ въ мирные переговоры, то онъ никакого „безобиднаго“ мира не достигъ бы, а напротивъ того,—покрылъ бы и себя, и Россію, вѣчнымъ позоромъ. Но онъ ни на минуту не усомнился въ конечномъ торжествѣ русскаго оружія, продолжалъ войну съ удвоенною энергіей, издавъ высокознаменательный, историческій манифестъ, и довелъ ее до славнаго, побѣдоноснаго конца.

Какой же въ такомъ случаѣ возможенъ „почетный“ миръ для Россіи *теперь*, когда каждое „требованіе“, предъявленное японцами, можетъ для Россіи быть лишь кровнымъ оскорбленіемъ?

Вѣдь одинъ уже тотъ фактъ, что Россія до сихъ поръ была слабѣе Японіи, что она еще не отплатила ей за коварное нападеніе, — поставилъ Россію въ глазахъ всего міра, а въ особенности въ глазахъ азіатскихъ на-

родовъ, въ тяжкое, приниженное, невыносимое положеніе, такъ что если бы даже Японія не предъявила теперь Россіи *никакихъ* „требованій“,—Россія не только не извлекла бы никакого „почета“ изъ заключеннаго теперь мира, а напротивъ того, должна была бы разстаться со своею, завѣщанною ей Александромъ III, руководящею ролью во всемірной политикѣ, уступивъ ее своимъ врагамъ, безо всякой надежды на какое-либо заступничество со стороны своихъ „друзей“.

Всякій пойметъ, какими тяжелыми послѣдствіями отозвалось бы такое положеніе вещей на всей дальнѣйшей судьбѣ Россіи.

Но обо всемъ этомъ наши демагоги и не помышляютъ. Они затвердили одно слово „земскій соборъ“ и хотятъ заставить Россію вѣрить въ это слово, какъ въ какой-то фетишъ, не отдавая себѣ ни малѣйшаго отчета, почему именно земскій соборъ спасетъ Россію.

Римляне называли революціонеровъ людьми „жадными до новыхъ вещей“ (*cupidi rerum novarum*). Это названіе какъ нельзя болѣе подходитъ и къ нашимъ мятущимся радикаламъ: имъ нужно только одно: „*новый* режимъ“, въ которомъ они сами играли бы первую роль,—а тамъ хоть пропадай и честь, и слава Россіи! Пусть развалится вся Россійская Имперія, лишь бы только имъ устроить свои дѣла и дѣлишки, по тому образцу, какъ ихъ устраиваютъ, напримѣръ, американскіе и французскіе „друзья народа“, служащіе идеальнымъ примѣромъ для нашихъ земскихъ, городскихъ и иныхъ „общественныхъ дѣятелей“.

Они обѣщаютъ выхлопотать Россіи „почетный“ миръ! Сколько самонадѣянности въ этомъ обѣщаніи, сколько легкомысленнаго шарлатанства, сколько невѣжества, какъ въ оцѣнкѣ настоящаго международнаго положенія, такъ и въ оцѣнкѣ того, что̀ для Россіи можетъ быть почетнымъ и что̀ позорнымъ!

Алчная жажда власти положительно вскружила имъ голову. Они, вѣроятно, уже теперь распредѣляютъ между собой роли Дантона, Мирабо, Демулена, Робеспьера, Марата и Сьейэса, ожидая, въ своемъ безумномъ увлеченіи, что къ нимъ примкнетъ и какой-нибудь Филиппъ Эгалитэ. Они предвидятъ, конечно, и сопротивленіе Власти, и мечутъ между собой жребій, кому изъ нихъ произнести эффектную фразу Мирабо: „скажите вашему повелителю, что мы находимся здѣсь по волѣ народа“.

Намъ необходимо постоянно помнить старое, безусловно вѣрное, политическое правило: „дѣлай всегда противоположное тому, что̀ тебѣ совѣтуютъ твои враги“. Никто не станетъ отрицать, что злѣйшій врагъ Россіи—Англія. А потому, если мы теперь находимся передъ вопросомъ о войнѣ и мирѣ, то намъ стоитъ только прислушаться къ тому, что̀ намъ совѣтуютъ Англичане, чтобы безъ колебанія остановиться на вполнѣ безошибочномъ рѣшеніи. Еще болѣе вѣрнымъ критеріемъ въ данномъ вопросѣ является еврейская печать всѣхъ странъ свѣта, такъ какъ ея ненависть ко всему русскому не прикрывается даже тою личиной джентльменскаго приличія, которою еще нѣсколько сдерживается злорадство англичанъ.

Что же намъ совѣтуютъ и англичане, и евреи? *Ввести у себя конституцію и заключить немедленно миръ съ Японіей.* Какъ разъ то же самое,

что намъ совѣтуютъ и наши радикальные реформаторы Россіи, которые всегда идутъ рука объ руку съ ея внѣшними врагами, когда вопросъ идетъ объ униженіи и разложеніи Россіи.

Впрочемъ, иные изъ нашихъ „политиковъ“ поступаютъ въ такихъ случаяхъ не вполнѣ сознательно, либо по „обще-интеллигентскому“ невѣжественному легкомыслію, либо по старческой близорукости. Зато внѣшніе враги наши даютъ намъ свои совѣты вполнѣ сознательно, разсчитывая навѣрняка, что если мы ихъ примемъ, то они послужатъ во вредъ ненавистной имъ Россіи.

Вотъ почему и евреи, и англичане, и нѣмецкіе соціалисты, и французскіе франмасоны такъ усиленно желаютъ навязать намъ и конституцію, и немедленный миръ съ Японіей. Они отлично знаютъ, что конституція окончательно обезсилитъ Россію и положитъ начало ея разложенію, такъ что легко будетъ разорвать ее на части какъ европейскимъ, такъ и азіатскимъ ея сосѣдямъ. Они еще съ большею увѣренностью разсчитываютъ и на то, что немедленный миръ можетъ для Россіи быть лишь *позорнымъ* миромъ, и что этотъ позоръ окончательно лишитъ Россію какъ въ Европѣ, такъ и въ особенности въ Азіи, того вѣкового, традиціоннаго обаянія, которымъ она доселѣ пользовалась для расширенія и укрѣпленія своего могущества.

Неужели же мы, зная, видя и слыша все, что вокругъ насъ говорятъ и дѣлаютъ наши злѣйшіе враги, будемъ слѣпо исполнять ихъ совѣты и желанія? Неужели простой здравый смыслъ не велитъ намъ съ удвоенною энергіей держаться за Самодержавіе нашихъ Царей уже по тому одному, что оно такъ непріятно нашимъ врагамъ, которые, *въ своихъ интересахъ*, столь страстно желаютъ, чтобы мы замѣнили этотъ оплотъ Россіи вреднѣйшею для нея конституціей?

Точно также мы уже по тому одному должны отвергнуть даже мысль о возможности немедленнаго для Россіи мира, что немедленный миръ соотвѣтствовалъ бы желанію нашихъ злѣйшихъ враговъ, которые отлично знаютъ, что такой миръ могъ бы для Россіи быть всѣмъ, чѣмъ угодно, но только не „почетнымъ“.

Православная церковь въ Россіи *).

Вмѣстѣ съ реформами, имѣющими цѣлью укрѣпленіе неограниченной Самодержавной Власти на Руси, Монархическая партія видитъ спасеніе Россіи въ реформахъ, содѣйствующихъ „возвеличенію единой Православной Церкви въ истинно-христіанскомъ и апостольскомъ ея призваніи“.

Ни Русскіе Государи, ни Русскій народъ не могли бы сами по себѣ ни создать, ни сохранить, ни развить всю физическую и нравственную мощь Россіи, если бъ они не были соединены между собой Православною Вѣрой и не входили въ составъ Православной Церкви.

Въ Православной Вѣрѣ они находили источники того могущественнаго упованія на торжество святой Истины, которое давало имъ силу переносить самыя тяжелыя испытанія въ теченіе своей исторической жизни;

*) Продолжаемъ разъясненіе программы Монархической партіи. См. *Моск. Вѣд.* 1905 г., №№ 121, 134, 145 и 149.

въ Православной Церкви Русскіе Государи и Русскій народъ установили, въ теченіе вѣковъ, между собой тотъ величавый патріархальный укладъ взаимныхъ отношеній, съ которымъ, по глубокому этическому значенію, не можетъ сравняться никакая западная, — ни феодальная, ни договорная,— форма правленія.

Русскій Царь и Его Русскіе подданные являются прежде всего православными христіанами, соблюдающими, ради спасенія своей души, священные завѣты Божественнаго Учителя, Іисуса Христа.

Не изъ самочиннаго властолюбія Русскій Царь управляетъ своимъ народомъ: нѣтъ, Онъ несетъ возложенный на Него Господомъ крестъ неусыпной заботы и постояннаго труда на пользу ввѣреннаго Его отцовскому попеченію народа, отвѣтствуя совѣстью передъ Богомъ за каждое Свое нерадѣніе или попустительство, въ непрестанной борьбѣ со зломъ, откуда бы оно ни угрожало Россіи вообще или Русскимъ людямъ въ частности. Всѣ Самодержавныя права Русскаго Царя вытекаютъ изъ этого христіанскаго *Его долга*.

Со своей стороны, и Русскіе люди, по христіанскому же *долгу*, а не изъ низменнаго раболѣпнаго чувства, беззавѣтно повинуются своему Царю, не какъ случайному завоевателю или супостату, а какъ Помазаннику Божьему, какъ Державному Отцу, поставленному Самимъ Богомъ надъ Русскимъ народомъ, ради его блага, ради его внутренняго счастья и его внѣшней безопасности. Вотъ почему для Русскаго народа Государь Императоръ Всероссійскій является прежде всего „Царемъ-Батюшкой“, и это именно глубоко-этическое, *умилительное*, воззрѣніе народа на своего Царя составляетъ отличительную черту *Русскаго* народа, возникшую на почвѣ Православной Церкви и не встрѣчающуюся ни у какого иного христіанскаго или иновѣрнаго народа.

Какъ же можетъ Россія, въ виду всего этого, не дорожить Святою Православною Церковью, какъ величайшимъ своимъ сокровищемъ, — не только по чувству благодарности за всѣ тѣ неоцѣнимыя блага, которыми она ей обязана, — но и по чувству самосохраненія? Унизьте, подорвите значеніе Православной Церкви въ глазахъ Русскаго народа, пошатните, истребите въ немъ его Православную Вѣру, — и вы этимъ самымъ подорвете и истребите все его глубоко-христіанское отношеніе къ Самодержавной Царской Власти.

Коль скоро онъ не будетъ видѣть въ Русскомъ Царѣ Помазанника Божія и вѣрнаго Сына Православной Церкви,—онъ уже не будетъ видѣть въ Немъ высоко-превознесенный образъ Державнаго Отца, христіански-пекущагося о Своихъ подданныхъ, а будетъ относиться къ Нему съ совершенно иными чувствами. Религіозно этическая связь между Царемъ и народомъ будетъ нарушена, они будутъ лишены священной силы, дававшей имъ возможность создавать и охранять Россію, — и тогда врагамъ ея уже легко будетъ одолѣть Русское Государство, пошатнувшееся въ своихъ главныхъ основаніяхъ.

Для предотвращенія возможности такой страшной опасности, Монархическая партія считаетъ своимъ долгомъ содѣйствовать, всѣми доступ-

ными ей законными средствами, укрѣпленію религіозныхъ узъ, связующихъ Русскаго Православнаго Царя съ Его Православнымъ Русскимъ народомъ,— путемъ охраненія Русской Православной Церкви отъ всякаго покушенія на ея святость, на ея единство и на ея истинно-христіанское и апостольское призваніе.

А подобныя покушенія грозятъ ей со всѣхъ сторонъ.

Тутъ, прежде всего, необходимо опровергнуть совершенно ложный взглядъ на основное значеніе тѣхъ законодательныхъ мѣръ, которыми Православное Русское Государство оградило святость и неприкосновенность Православной Церкви по отношенію къ другимъ инославнымъ и иновѣрнымъ религіямъ.

Всѣ эти мѣры имѣютъ *чисто-оборонительный*, а отнюдь не наступательный характеръ.

Какъ Русская Православная Церковь, такъ и Русское Православное Государство отличаются большою вѣротерпимостью по отношенію къ другимъ исповѣданіямъ. Никто въ Россійской Имперіи не стѣсняетъ свободы ни инославныхъ христіанъ, ни мусульманъ, евреевъ и язычниковъ; никто не заставляетъ ихъ отказываться отъ своей вѣры, никто не препятствуетъ имъ молиться Богу по своимъ вѣрованіямъ и обрядамъ,—но съ однимъ лишь условіемъ, чтобъ отъ этого не страдало господствующее положеніе въ Россіи Святой Православной Церкви, которая, какъ видимъ, имѣетъ незыблемое право на это положеніе какъ по историческимъ, такъ и по государственнымъ, религіозно-нравственнымъ причинамъ.

Въ виду этого, Русское Государство говоритъ населяющимъ Русскую Имперію неправославнымъ лицамъ: „Вѣруйте и молитесь какъ вамъ угодно, но не нарушайте существующихъ въ Россіи законовъ, не совращайте въ свою вѣру сыновъ Православной Церкви и не унижайте ея въ глазахъ народа, такъ какъ она законно-господствующая Церковь въ Россіи".

Таково вполнѣ справедливое положеніе, занимаемое Русскимъ Государствомъ по отношенію къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ,— и на этомъ положеніи основаны тѣ законы, которые,—отнюдь не противорѣча началамъ вѣротерпимости,—охраняютъ Православную Церковь въ Россіи отъ всякихъ покушеній на ея святость, единство и господствующее въ Государствѣ положеніе.

Къ сожалѣнію, настоятели и члены инославныхъ и иновѣрныхъ религіозныхъ общинъ не хотятъ довольствоваться свободой вѣроисповѣданія, но требуетъ себѣ свободы *вѣропроповѣдованія*. Имъ недостаточно самимъ свободно молиться по своей вѣрѣ: они стараются совратить въ эту вѣру и православныхъ Русскихъ людей, и,—приходя на этомъ пути въ столкновеніе съ государственными законами,—они вопятъ о „стѣсненіи ихъ свободы совѣсти", объ „отсутствіи вѣротерпимости", о „необходимости уравнять въ правахъ всѣ существующія въ Россіи вѣроисповѣданія".

Такъ какъ свобода вѣропровѣдованія имъ не была дана, они заговорили о „нетерпимости".

Объ этомъ скажемъ въ слѣдующей статьѣ.

Православная церковь въ Россіи *).

Во вчерашней статьѣ мы указали на то, что всѣ недовольные неразрѣшеніемъ имъ свободы вѣропроповѣданія подняли крикъ о нетерпимости.

И вотъ—создалась совершенно вымышленная легенда о мнимой „нетерпимости" Православной Церкви и Русскаго Государства,—легенда, не только прочно установившаяся среди нашей невѣжественной интеллигенціи, но повліявшая даже на работы Комитета Министровъ, очевидно, увѣровавшихъ въ нее вмѣстѣ со своимъ предсѣдателемъ и подготовившихъ реформу 17 апрѣля, которая дала полную свободу инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ не въ дѣлѣ ихъ совѣсти и ихъ религіозныхъ нуждъ,—ибо этою свободой они и раньше пользовались,—а въ дѣлѣ открытаго похода ихъ противъ Православной Церкви.

Но православная вѣротерпимость не только не вызвала вѣротерпимости иновѣрной и инославной, а, напротивъ того, впервые открыла въ могучей Россіи новую эру открытаго совращенія сыновъ Православной Церкви въ другія вѣроисповѣданія.

Какъ и слѣдовало ожидать, всего больше фанатизма въ этомъ совращеніи,—путемъ угрозъ, насилія и лживыхъ измышленій,—проявили польскіе ксендзы, о чемъ свидѣтельствуютъ вопли православнаго населенія Холмщины и Подляшья.

Поддерживать всѣми мѣрами этихъ страдальцевъ противъ изувѣрской католической пропаганды—составляетъ одну изъ первыхъ задачъ Монархической партіи, которая съ особенно-отраднымъ чувствомъ узнала,—какъ изъ офиціальнаго распоряженія Варшавскаго генералъ-губернатора, такъ и изъ извѣщенія Варшавскаго архіепископа, — что Государю Императору благоугодно было обратить вниманіе на дѣйствіе польскихъ религіозныхъ соблазнителей и принять мѣры къ защитѣ православныхъ людей отъ ихъ фанатизма.

Но опасности угрожаютъ Православной Церкви со стороны не однихъ только иновѣрцевъ: уже одинъ тотъ фактъ, что Комитетъ Министровъ счелъ себя въ правѣ совершать церковныя реформы, во вредъ Православной Церкви, безъ всякаго сношенія со Святѣйшимъ Сунодомъ,—единственнымъ законнымъ въ Государствѣ учрежденіемъ, вѣдающимъ дѣла Православной Церкви,—показываетъ, какихъ внезапныхъ нападеній Православіе въ Россіи можетъ ожидать даже не со стороны своихъ враговъ, но и со стороны государственныхъ лицъ, призванныхъ, казалось бы, относиться къ Православной Церкви съ величайшимъ благоговѣніемъ.

Но и Самъ Святѣйшій Сунодъ не является достаточною гарантіей безопасности Православной Церкви отъ искаженія ея ученій, какъ это доказываетъ учиненная Сунодомъ бракоразводная реформа, противорѣчащая ученію Самого Спасителя, такъ же какъ и поспѣшно принятое Сунодомъ рѣшеніе о немедленномъ созывѣ Церковнаго Собора и объ избраніи патріарха,

*) Продолжаемъ разъясненіе программы Русской Монархической партіи. См. *Моск. Вѣд.* 1905 г., №№ 121, 134, 145, 149 и 161.

что въ настоящее смутное время могло бы привести лишь къ такой же смутѣ и въ Православной Церкви, и къ религіознымъ волненіямъ во всей Россіи.

Все это указываетъ на необходимость глубокихъ церковныхъ реформъ въ Россіи, которыя сдѣлали бы Россійскую Имперію государствомъ по преимуществу православно-христіанскимъ и обезпечили Православной Церкви принадлежащее ей по праву господствующее положеніе въ этомъ государствѣ.

Но этого мало: будущія церковныя реформы должны поставить Православную Церковь въ такое положеніе, которое оградило бы ее отъ всякаго вторженія свѣтской власти въ чисто-духовную ея сферу, освободивъ ее, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ того бюрократизма, который развился во внутреннемъ ея управленіи и который либо задерживаетъ ея плодотворную дѣятельность, либо даетъ ей совершенно нежелательное направленіе.

Тѣ же реформы должны точно такъ же опредѣлить въ ясной и точной формѣ отношеніе Православной Церкви къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ. Предоставляя имъ полную свободу въ ихъ внутренней религіозной жизни, Православное Государство не можетъ, однако, позволить имъ чѣмъ бы то ни было вредить Православной Церкви, или умалять ея господствующее въ Россіи положеніе.

А потому пропаганда иновѣрныхъ ученій и совращеніе сыновъ Православной Церкви въ иныя вѣрованія не должны допускаться въ Россіи, такъ какъ апостольская дѣятельность распространенія истиннаго Христова ученія можетъ принадлежать у насъ только хранительницѣ этого ученія Православной Церкви.

Многихъ недальновидныхъ людей соблазняетъ примѣръ Фридриха Великаго, заявившаго, что въ его государствѣ „каждый по своему фасону можетъ спасать свою душу“.

Но при этомъ упускается изъ виду, что Фридрихъ Великій былъ атеистъ, относившійся съ полнымъ равнодушіемъ ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ.

Въ совершенно иномъ положеніи находится Благочестивѣйшій Православнѣйшій Государь Всероссійскій, Который имѣетъ передъ Господомъ священный долгъ быть защитникомъ Православной Церкви отъ всякихъ мірскихъ невзгодъ и напастей. Ни атеизма, ни религіознаго индифферентизма въ Русскомъ Государѣ быть не можетъ, а потому Онъ и не можетъ относиться безразлично ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, ставя ихъ на одну доску съ Православною Церковью. Предоставляя имъ свободу вѣры, молитвы и внутренняго устроенія, Онъ оставляетъ за одною Православною Церковью свободу миссіонерской дѣятельности, такъ какъ Онъ, въ качествѣ сына Православной Церкви, увѣренъ, что лишь она можетъ нести истинный свѣтъ христіанства какъ язычникамъ, такъ и иновѣрцамъ.

На томъ же основаніи, въ Россіи не можетъ быть и отдѣленія Церкви отъ Государства, которое мыслимо лишь тамъ, гдѣ Государство относится къ Церкви или совершенно равнодушно (какъ въ Америкѣ), или прямо враждебно (какъ во Франціи). Въ Россіи, какъ мы видѣли, ни того, ни другого быть не можетъ,—ибо съ той минуты, какъ Русскій Царь сталъ бы относиться къ Православной Церкви равнодушно или враждебно, расторглась бы историческая и религіозно-нравственная связь, существующая

между Нимъ и Его народомъ, а безъ этой связи ни Русскій Царь, ни Русскій народъ, ни, слѣдовательно, сама Россія, существовать не могутъ.

Вотъ тѣ причины, по которымъ Монархическая партія всегда будетъ стремиться къ „возвеличенію единой Православной Церкви въ истинно-христіанскомъ, апостольскомъ ея призваніи".

Въ томъ, что Православная Церковь должна быть *единая*,—никто изъ православныхъ людей не сомнѣвается; а потому всѣ мы надѣемся, что, рано или поздно, прекратятся народившіяся въ лонѣ ея сектантскія недоразумѣнія, имѣющія единую съ Православною Церковью религіозную основу, но иначе, чѣмъ она, толкующія различные вопросы внѣшней обрядности.

Мы говоримъ о нашихъ такъ-называемыхъ „старообрядцахъ", которые склонны видѣть въ дарованныхъ имъ нынѣ льготахъ какъ бы поощреніе къ полному на вѣки отпаденію отъ Православной Церкви и къ созданію, рядомъ съ ней, второй Церкви, со своей самостоятельною, офиціально-признанною, іерархіей.

Само собою разумѣется, что такой церковный расколъ не могъ бы содѣйствовать ни возвеличенію Православной Церкви, ни благу Россіи,—а потому необходимо принять всѣ мѣры къ тому, чтобы предотвратить и эту, грозящую намъ церковной почвѣ, опасность соотвѣтствующими законодательными реформами.

Что же касается другихъ неправославныхъ сектъ, то онѣ, конечно, могутъ быть терпимы лишь въ томъ случаѣ, если не дѣйствуютъ враждебно противъ Русскаго Государства и Православной Церкви, какъ это, напримѣръ, дѣлаютъ штундисты, доходящіе въ этомъ отношеніи,—какъ мы это недавно видѣли,—до изувѣрскаго фанатизма.

И тутъ, слѣдовательно, необходимы реформы, которыя создали бы твердую охрану православнаго населенія отъ этихъ враговъ, стремящихся похитить у него самое драгоцѣнное его сокровище,—Православную Вѣру.

Должны ли всѣ эти реформы производиться обыкновеннымъ законодательнымъ порядкомъ, или посредствомъ созванія особаго Церковнаго Собора; долженъ ли Святѣйшій Сунодъ преобразоваться въ смыслѣ освобожденія его дѣятельности отъ мертвящаго бюрократизма, или должно, рядомъ съ нимъ, или вмѣсто него, воскреснуть древне-русское патріаршество,—всѣхъ этихъ вопросовъ, въ настоящее тяжелое время внѣшней войны и внутренней смуты, Монархическая партія пока не поднимаетъ, твердо держась изложеннаго въ ея программѣ возрѣнія, что „никакія реформы, въ которыхъ такъ нуждается Россія, не могутъ принести благихъ плодовъ, коль скоро онѣ будутъ производиться подъ натискомъ теперешняго революціоннаго движенія".

А потому не время теперь говорить о тѣхъ путяхъ, которыми должны быть совершены намѣченныя выше церковныя реформы: достаточно указать на конечныя ихъ цѣли и на основной ихъ характеръ, соотвѣтствующій истинному благу Православной Церкви и всей Россіи.

Русскій народъ въ Россіи *).

Въ числѣ необходимыхъ для Россіи реформъ, Русская Монархическая партія ставитъ на третьемъ мѣстѣ тѣ реформы, которыя должны содѣйствовать „свободному развитію Русской національной и культурной идеи на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи, безъ стѣсненія мѣстныхъ этнографическихъ особенностей, не имѣющихъ политическаго значенія".

„Россія—для Русскихъ",—таковъ лозунгъ Русской Монархической партіи, ясно понимающей, что если предоставить Россію инородцамъ, иновѣрцамъ и иностранцамъ,—то не только въ Россіи не будетъ Самодержавной Монархіи, но не будетъ и самой Россіи.

Вотъ почему Монархическая партія стремится къ реформамъ, которыя обезпечили бы не только укрѣпленіе Самодержавной Царской Власти и господствующее положеніе Православной Церкви, но и свободное развитіе Русскаго народа, который, по полному праву, долженъ чувствовать себя въ Россіи не „въ гостяхъ", а „дома".

Въ самомъ дѣлѣ, кому должна принадлежать Россія, какъ не тому народу, который ее создалъ, ее развилъ и сдѣлалъ одною изъ первыхъ міровыхъ державъ?

Всѣ входящія въ составъ Россійской Имперіи инородческія народности всѣми силами противились созданію и развитію Россіи, а многія изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Татары, Шведы, Поляки, Кавказцы и Среднеазіатскія племена, наносили ей въ разныя времена тяжкіе удары; а потому не имъ быть хозяевами въ возникшей, несмотря на создававшіяся ими препятствія, Россіи, а Русскому народу, который одинъ со своими князьями и царями преодолѣлъ, подъ сѣнію Православной Церкви, всѣ эти препятствія и создалъ то стройное культурное государство, въ составъ котораго вошли прежніе его враги, найдя въ немъ крѣпкій оплотъ своему мирному дальнѣйшему существованію.

Точно такъ же не должны хозяйничать въ Россіи тѣ иностранцы, которые нагрянули къ намъ со временъ реформъ Петра Великаго и, найдя у насъ гостепріимный, радушный привѣтъ, стремились и доселѣ стремятся присвоить себѣ господствующее значеніе „просвѣщенныхъ колонизаторовъ и культуртрегеровъ въ варварской странѣ, именуемой Россіей".

Къ сожалѣнію, эти стремленія инородцевъ и иностранцевъ въ Россіи не остались безуспѣшными и создали Русскому народу такое положеніе въ Россіи, что онъ во многихъ ея частяхъ уже не чувствуетъ себя дома: на Кавказѣ—ему приходится подчиняться господству Армянъ; въ Сѣверозападномъ и Привислинскомъ краяхъ онъ сторонится предъ назойливыми требованіями Поляковъ; въ Балтійскихъ губерніяхъ—всѣмъ верховодятъ Нѣмцы, Латыши и Эсты, а на Финляндской окраинѣ—Рус-

*) Продолжаемъ разъясненіе программы Русской Монархической партіи. См. *Моск. Вѣд.* 1905 г., №№ 121, 134, 145, 149, 161 и 162

скій человѣкъ въ настоящее время не смѣетъ и голоса возвысить среди открыто-враждебнаго Россіи нахальства шведскихъ и финскихъ сепаратистовъ.

За послѣднее время пробудилось анти-русское движеніе и на нашихъ восточныхъ окраинахъ, среди мусульманскаго и буддійскаго населенія, желающаго занять господствующее надъ Русскими положеніе.

Мы уже не говоримъ объ Евреяхъ, старающихся экономически и политически завладѣть всею Россіей—какъ на ея окраинахъ, такъ и въ ея центральныхъ областяхъ: предъ ними Русскимъ людямъ также приходится зачастую отступать на второй планъ.

Это, столь ненормальное, положеніе Русскаго народа въ Россіи вызвано не однимъ только иноплеменнымъ натискомъ, который остался бы совершенно безуспѣшнымъ, если бъ онъ встрѣчалъ всюду и всегда должный отпоръ съ Русской стороны Достаточно взглянуть на германскихъ Поляковъ, которые, несмотря на всѣ свои старанія, не могутъ занять въ Познани того преобладающаго положенія надъ Нѣмцами, которое они пріобрѣли въ Варшавѣ и въ Вильнѣ надъ Русскими.

Дѣло въ томъ, что въ Познани Нѣмцы,—сознавая свое національное достоинство и ясно понимая интересы Германіи,—приняли строгія и дѣйствительныя мѣры противъ политическихъ фантазій полонизма. Русскія же власти въ Варшавѣ,—послѣ ухода генерала Гурко и графа Шувалова,—стараются лишь ухаживать за Поляками.

Вотъ почему Поляки уважаютъ Нѣмцевъ, а Русскихъ презираютъ. Вотъ почему революція въ Познани не мыслима, если бы даже въ Познани не было нѣмецкихъ войскъ, а въ Варшавѣ, переполненной нашими войсками, могутъ происходить на улицахъ тѣ же возмутительныя сцены антирусскаго фанатизма, которыя въ 1830 и 1863 годахъ служили предвѣстіемъ открытаго мятежа противъ Россіи.

То же самое происходитъ въ настоящее время и на Кавказѣ, и въ Финляндіи, гдѣ мѣстное населеніе преисполняется антирусскими стремленіями въ той степени, въ какой ему даются всякаго рода политическія льготы и поблажки.

Мы, слѣдовательно, сами,—въ лицѣ нашей безпочвенной „интеллигенціи“, имѣющей столько представителей въ русскихъ правительственныхъ сферахъ,—виноваты въ томъ, что Русскій народъ не чувствуетъ себя дома во всѣхъ частяхъ созданной имъ Россіи.

И дѣйствительно, если Россія въ настоящее время является достояніемъ не Русскихъ, а иноплеменниковъ и иностранцевъ, то причиной этому является наша „интеллигенція“, которую мы по полному праву называемъ безпочвенною.

Она на-слово повѣрила западнымъ „культуртрегерамъ“, увѣрившимъ ее, что Россія -страна „варварская“; она пала ницъ предъ Европой, она устыдилась своего русскаго происхожденія, отреклась отъ своего Отечества, отъ своей Вѣры, отъ своего Царя,—и стала раболѣпно унижаться предъ каждымъ Нѣмцемъ, Французомъ, Поляком, Шведомъ или Финномъ, стараясь заслужить ихъ милостивое одобреніе и встрѣчая съ ихъ стороны вполнѣ заслуженное такимъ лакействомъ презрѣніе и глумленіе.

Сколько мы видѣли въ Привислинскомъ, Сѣверо-Западномъ и Балтійскомъ краяхъ русскихъ губернаторовъ и даже генералъ-губернаторовъ, которые гнушались общеніемъ съ Русскими людьми и считали себѣ „за честь“ якшаться съ ясновельможными панами и нѣмецкими баронами, проводя время на ихъ пирахъ и охотахъ, и подчиняясь въ управленіи краемъ ихъ совѣтамъ, указаніямъ и требованіямъ!

Такіе измѣнники Россіи были типичнѣйшіе представители нашей невѣжественной „интеллигенціи“,—и имъ мы обязаны тѣмъ приниженнымъ положеніемъ Русскаго народа въ Россіи, изъ котораго ему давно пора выйти, дабы жить согласно требованіямъ Русскаго національнаго достоинства и культурной миссіи Русскаго народа.

Въ чемъ заключается эта культурная миссія? Наша интеллигенція совершенно ее отрицаетъ. Съ тѣмъ большею ясностью должна ее сознавать Русская Монархическая партія.

Древне-Еврейскій народъ внесъ въ міровую сокровищницу человѣческаго генія идею Единаго Бога; Эллада—идею мудрости и красоты: древній Римъ—идею яснаго закона и твердой государственности; Германія—идею серьезной, точной научности; Франція—идею утонченнаго, изящнаго вкуса: Англо-Саксонскія расы—идею отважной предпріимчивости.

Пройдетъ ли Русскій народъ незамѣченнымъ въ исторіи и ничего не внесетъ *своего* въ обще-человѣческую сокровищницу вѣчныхъ культурныхъ идей?

Нѣтъ, у него, есть *своя* идея, на которую указывали величайшіе его геніи: и Гоголь, и Достоевскій, и Хомяковъ, и Кирѣевскій, и Филаретъ, и Катковъ. Это идея—*истинно-христіанскаго государства*.

Плодотворные зачатки этой идеи находятся именно въ Русскомъ народѣ и ни въ какомъ другомъ, и развитіе ихъ мы видимъ въ исторіи Россіи, въ которой еще въ Кіевѣ было заложено начало той христіанской государственности, которая затѣмъ окрѣпла подъ тяжелыми ударами Монгольскаго молота и стала расцвѣтать въ Московской Руси, пока ея расцвѣту не былъ положенъ предѣлъ реформами Петра, принесшаго ее въ жертву совершенно инымъ, западнымъ идеямъ.

Но идея христіанскаго государства, изгнанная изъ правительственныхъ сферъ новой столицы, не умерла, а снова вернулась въ сердце, душу и умъ Русскаго народа, остававшагося таинственнымъ носителемъ этой идеи, пока, въ началѣ XIX вѣка, послѣ великаго народнаго подвига 1812 года, она была снова открыта лучшими Русскими людьми той эпохи, ясно ими сознана, обоснована и провозглашена на всю Россію*).

Противъ этой идеи тотчасъ же возстала вся наша „интеллигенція“, принципіально отрицавшая, чтобъ у „варварскаго“ Русскаго народа вообще могли быть какія бы то ни было культурныя идеи. Къ нимъ присоединились, конечно, всѣ инородцы и иновѣрцы, какъ въ Россіи, такъ и за гра-

*) Обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей на извѣстную книгу г. В. *Государственное ученіе Филарета* (Москва), гдѣ они найдутъ полное развитіе идеи Русскаго христіанскаго государства.

ницей, заявившіе, среди презрительнаго хохота, что о „русской культурной идеѣ“ такъ же смѣшно говорить, какъ о какой-нибудь „турецкой“ или „абиссинской“ „культурной идеѣ“.

Трудно было пробраться культурной идеѣ Русскаго народа изъ Москвы,—гдѣ она преимущественно развивалась первыми славянофилами, Филаретомъ и Катковымъ,—въ чиновно-„интеллигентный“, пропитанный шовинистическимъ духомъ, Петербургъ, дабы дойти тамъ до правительственныхъ сферъ и принять фактическое осуществленіе въ жизни Русскаго государства. И Императоръ-Самодержецъ Николай I, и Царь-Освободитель Александръ II, при всѣхъ Своихъ достоинствахъ какъ Русскіе Государи, оставались чуждыми „Московской“ идеѣ: лишь Царь-Миротворецъ Александръ III положилъ начало національной политикѣ Россіи, поставивъ на первый планъ интересы Россіи и Русскаго народа, къ великому прискорбію и негодованію всей нашей космополитической „интеллигенціи“.

Александръ III первый изъ Русскихъ Императоровъ понялъ, что Россія должна быть для Русскихъ; что Русскій народъ самъ по себѣ культурный, а не варварскій народъ; что онъ можетъ и долженъ развиваться по своимъ собственнымъ самобытнымъ законамъ, а не по иноземнымъ шаблонамъ.

Съ восшествіемъ на Престолъ нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая II появился впервые въ правительственныхъ сферахъ и тотъ религіозный элементъ—(который не успѣлъ еще выясниться въ слишкомъ кратковременное царствованіе Его Великаго Отца)—благодаря личному глубокому благочестивому чувству Государя и Государыни и столь близкой Москвѣ Великокняжеской Четы.

Началась новая эра, возбудившая самыя радостныя чувства, самыя свѣтлыя надежды всего Русскаго Православнаго Народа, почуявшаго въ глубинѣ своей души появленіе истинно-православнаго Царя, столь необходимаго и столь давно жданнаго для осуществленія русскаго идеала истинно-христіанскаго государства. Всѣмъ еще памятны лучезарные дни Московскихъ говѣній и христосованій Царя и Царицы среди Кремлевскихъ святынь и знаменательное паломничество Ихъ Величествъ и Высочествъ къ новоявленному чудотворцу всероссійскому, преподобному Серафиму Саровскому. Всѣ православные Русскіе люди привѣтствовали другъ друга съ возстановленіемъ Московской Царской Россіи на зарѣ XX столѣтія, среди всѣхъ усовершенствованій европейской цивилизаціи, но на почвѣ чисто-Русской культуры.

Осуществленіе идеала истинно-христіанскаго государства казалось столь близкимъ, что враждебная ему космополитическая и невѣрующая „интеллигенція“ и все еврейство-франмасонство встрепенулись и рѣшили всѣми силами воспрепятствовать этому осуществленію.

Кто слѣдилъ за подпольною и заграничною русскою печатью во время Саровскихъ торжествъ, тотъ знаетъ, съ какимъ цинизмомъ глумленіемъ эта печать,—столь любезная нашимъ „интеллигентамъ“, –относилась къ этому истинно-русскому общенію Царя со Своимъ народомъ. И вотъ, она забила тревогу, требуя скорѣйшаго возникновенія той революціонной

агитаціи, которая нынѣ старается разобщить Русскаго Царя съ Русскимъ народомъ, противопоставивъ Царской Волѣ „волю народа".

Русская Монархическая партія твердо увѣрена, что осуществленіе Русскаго культурнаго идеала, которое уже было столь близкимъ, рано или поздно должно совершиться—на благо не только Россіи, но и остальныхъ культурныхъ народовъ. Народы эти, перепробовавъ всѣ возможныя формы правленія, постепенно приходятъ къ сознанію полнаго ихъ несовершенства. Имъ предстоитъ еще вкусить всѣхъ прелестей соціалистическаго рабства и необузданной анархіи, послѣ чего они будутъ искать исхода изъ того тупика, въ который всѣ они, въ различное время, придутъ, разъ они вступили на путь конституціоннаго правленія.

Когда произойдетъ этотъ конечный кризисъ,—въ текущемъ ли столѣтіи, или въ будущемъ,—предвидѣть, разумѣется, трудно: но во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы Россія къ тому времени исполнила свою культурную миссію и создала у себя, въ поученіе и назиданіе всему остальному міру, то истинно-христіанское государство, о коемъ мечтаетъ Русскій народъ, который,—въ отличіе отъ всѣхъ другихъ народовъ, по своему кроткому, незлобивому характеру, по своей глубокой, искренней вѣрѣ, по своему долготерпѣнію и чисто-евангельскому міровоззрѣнію,—всего болѣе подходитъ къ идеалу православнаго христіанскаго народа.

Вотъ та культурная идея, которую Русскій народъ внесетъ тогда въ общечеловѣческую сокровищницу, являясь проповѣдникомъ не только Христіанской Государственности, но и всей вообще Христіанской Истины среди остальныхъ, сбившихся съ христіанскаго пути, народовъ.

Но для того чтобы Русскій народъ могъ исполнить это свое великое, святое, призваніе, Царская Власть должна тщательно охранять его отъ развращенія космополитическими и атеистическими идеями, воспитывая его въ истинно-національномъ и религіозномъ духѣ,—и Русская Монархическая партія должна оказывать Царской Власти въ этомъ отношеніи всякое содѣйствіе, защищая чистоту Русскихъ идеаловъ отъ всякаго искаженія и борясь законными средствами противъ всѣхъ враговъ Русской національности.

Мы говоримъ о борьбѣ законными средствами,—и тутъ намъ приходится самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергнуть избитую клевету, которою враги Русскаго народа стараются опорочить истинно-Русскихъ людей, приписывая имъ какую-то слѣпую ненависть ко всему не-русскому. Вотъ что имъ говорятъ:

„Вы хотите насильственно обрусить всѣ различныя племена, населяющія Россію: вы хотите истребить всѣ національныя различія и всѣ мѣстные обычаи, уничтожить всѣ языки, кромѣ русскаго, всѣ вѣроисповѣданія, кромѣ православнаго: вы хотите Поляка, Финна, Армянина, Киргиза и Сарта превратить силою въ Великороссовъ".

Никогда русскіе патріоты не задавались такою недостижимою цѣлью. Да если бъ она и была достижима, они не стали бы ея добиваться, такъ какъ въ этнографическомъ разнообразіи племенъ, населяющихъ Россію,

не заключается для нея никакой опасности, пока въ этомъ разнообразіи не проявляется стремленій политическаго сепаратизма.

Пусть во всѣхъ краяхъ Россіи мѣстное населеніе сохранитъ свои древніе обычаи, свой родной языкъ и вѣру своихъ отцовъ, словомъ—весь свой національный обликъ, оставаясь, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ вѣрномъ подданствѣ Самодержавнаго Царя Всероссійскаго, вотъ то требованіе, которое мы предъявляемъ всѣмъ инороднимъ племенамъ, населяющимъ наше Отечество.

Племенное разнообразіе Россіи составляетъ особую живописную ея прелесть, нарушить которую было бы преступленіемъ. Но Русскій человѣкъ, создавшій Россію, долженъ, какъ мы сказали выше, всюду въ Россіи чувствовать себя не случайнымъ гостемъ, а полноправнымъ хозяиномъ, хотя бы онъ находился среди самой чуждой ему этнографической обстановки. А для этого нужны только три условія:

1) чтобы всюду, во всей Россіи, *государственнымъ* языкомъ былъ языкъ Русскій;

2) чтобы всюду дѣйствовали Русскіе законы и—

3) чтобы всюду Православная Церковь была, какъ господствующая, въ должномъ почетѣ.

Эти три условія отнюдь не представляютъ собой чего-либо чрезвычайнаго или неслыханнаго, какъ это утверждаютъ нѣкоторые инородцы и потакающіе имъ наши космополиты—интеллигенты. Тѣ же самыя условія существуютъ во всѣхъ культурныхъ государствахъ: Французы чувствуютъ себя хозяевами въ Алжирѣ, Англичане—въ Индіи, Нѣмцы—въ Познани, ибо всѣ эти народы находятъ во всѣхъ своихъ провинціяхъ и колоніяхъ безусловно-господствующими и свой языкъ, и свою Церковь, и свои законы. Лишь мы, Русскіе, чувствуемъ себя какъ бы на чужбинѣ, когда пріѣзжаемъ, напримѣръ, на свою Финляндскую окраину, гдѣ мы не находимъ,—развѣ лишь въ нѣкоторыхъ городахъ,—ни своего языка, ни своей Церкви, ни своихъ законовъ; гдѣ насъ встрѣчаютъ, какъ, напримѣръ, въ той же Финляндіи, на Кавказѣ и въ Привислиньѣ,—какъ чужестранцевъ и враговъ; гдѣ, вмѣсто насъ, господствуютъ Шведы, Армяне и Поляки, которые о томъ только и думаютъ, какъ бы унизить и оскорбить Русскую народность и Православную Церковь.

Ни одинъ культурный народъ не стерпѣлъ бы такого отношенія къ себѣ со стороны населяющихъ его территорію инородцевъ, какое терпитъ Русскій народъ,—въ особенности въ послѣднее время,—со стороны иноплеменнаго населенія Россіи. Въ виду этого, необходимы серіозныя реформы, чтобы предоставить Русскому народу господствующее положеніе въ Россіи, которое, какъ мы видѣли, отнюдь не стѣснитъ мѣстныхъ этнографическихъ особенностей иноплеменнаго населенія Россіи,—при томъ лишь условіи, чтобъ онѣ не имѣли значенія политическаго сепаратизма.

Русскій человѣкъ третируется нынѣ на нѣкоторыхъ окраинахъ Россіи, особенно въ Финляндіи, Польшѣ и на Кавказѣ,—какъ какой-то парій, если онъ не подчиняется рабски требованіямъ мѣстныхъ сепаратистовъ. Не Шведы, Финны, Поляки и Армяне нуждаются въ защитѣ отъ

„руссификаціи“, а, напротивъ того, Русскіе граждане нуждаются въ защитѣ отъ безпощадной Шведской, Финской, Польской и Армянской тираніи, заставляющей ихъ либо бороться на каждомъ шагу за свое существованіе, безъ надежды на защиту со стороны Русскихъ властей,—либо отказаться отъ своей Родины и поступить на службу врагамъ Россіи,—либо бѣжать въ центральныя русскія губерніи, дабы перевести духъ отъ нестерпимаго гнета со стороны окраинныхъ инородцевъ.

Этого болѣе терпѣть невозможно.

Мы и выше, и сейчасъ только, упомянули, что Русскіе люди на окраинахъ Россіи не могутъ надѣяться на защиту Русскихъ властей

Нѣтъ правила безъ исключенія. У всѣхъ еще въ памяти имена графа Муравьева въ Вильнѣ, фельдмаршала Гурко и графа Шувалова въ Варшавѣ, князя Шаховскаго въ Ревелѣ и генерала Бобрикова въ Финляндіи.

Это были не только истинно-Русскіе люди, но и достойные представители Царской Власти на окраинахъ Россіи. Къ нимъ, конечно, можно присоединить еще нѣсколько менѣе видныхъ именъ честныхъ Русскихъ администраторовъ, высоко державшихся на окраинахъ Земли Русской государственной идеи.

Но и они, къ сожалѣнію, все таки являлись лишь исключеніемъ изъ общаго правила, въ силу котораго Русскіе окраинные администраторы заботятся обо всемъ, о чемъ угодно,—но только не объ интересахъ Русскаго населенія окраинъ и не о Русской государственной идеѣ.

Этому прискорбному явленію необходимо положить конецъ созданіемъ и окончательнымъ установленіемъ опредѣленной системы Русской окраинной политики, которая бы всюду твердо и неуклонно проводила идею Русской Государственности и прекратила бы ту вѣчно-колеблющуюся „политику маятника“, по которой каждый новый окраинный администраторъ разрушаетъ все то, что было сдѣлано его предмѣстникомъ.

Не личные взгляды окраинныхъ администраторовъ должны руководить ихъ дѣятельностью, а установленные Верховною Властью государственные принципы, уклоненіе отъ которыхъ должно считаться преступленіемъ.

Тогда и мѣстное населеніе нашихъ окраинъ увѣруетъ въ силу Русской Власти и въ непреложность Русскихъ государственныхъ началъ и прекратитъ свою анти-русскую и анти-правительственную агитацію, зная, что Русская политика по отношенію къ окраинамъ никогда не измѣнится, хотя бы каждый годъ мѣнялись русскіе администраторы. Теперь же весь окраинный сепаратизмъ поддерживается и развивается вслѣдствіе увѣренности мѣстнаго населенія, что никогда не слѣдуетъ уступать требованіямъ Русскаго Правительства, такъ какъ завтра же можетъ явиться на окраинѣ такой администраторъ, который ровно ничего не будетъ требовать отъ мѣстнаго населенія, а будетъ осыпать его незаслуженными любезностями и столь желанными сепаратизму поблажками...

Еще разъ повторяемъ: не изъ какого-либо „человѣконенавистничества“, не изъ „патріотическаго фанатизма“, не изъ „пустого властолюбія“ Русскій народъ долженъ чувствовать себя дома во всѣхъ частяхъ созданъ-

ной имъ Россіи,—а на основаніи самыхъ элементарныхъ принциповъ государственной политики, принятой всѣми культурными народами.

Тѣ разноплеменныя государства, въ которыхъ нѣтъ господствующаго народа, какъ, напримѣръ, въ Габсбургской монархіи, обречены на жалкое распаденіе.

Россія къ такимъ государствамъ принадлежать не должна.

Обезпечивъ на пространствѣ всей Россіи господствующее положеніе 1) Православной Церкви; 2) Русскихъ законовъ и 3) Государственнаго Русскаго языка въ административныхъ учрежденіяхъ, въ судѣ и школѣ,—Русскій народъ можетъ спокойно предоставить всѣмъ инородческимъ, населяющимъ Россію, народностямъ полную свободу вѣры, языка, литературы и обычаевъ, *лишь бы эти свободы не служили политическому сепаратизму.*

Такова, въ этомъ важномъ вопросѣ, программа Русской Монархической партіи, которая, мы надѣемся, не будетъ уже впредь подвергаться лжетолкованіямъ, клеветамъ и извращеніямъ со стороны ея противниковъ.

Русская бюрократія *).

Среди безчисленныхъ клеветъ, посредствомъ которыхъ наши „либеральные“ революціонеры стараются извратить истинное значеніе Русской Монархической партіи, особеннымъ успѣхомъ въ ихъ лагерѣ пользуется ложное утвержденіе, будто мы желаемъ во что бы то ни стало сохранить въ неприкосновенности всѣ недостатки русской бюрократической системы.

Противъ этой возмутительной лжи Русская Монархическая партія протестуетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Недостатки русской бюрократической системы проистекаютъ главнымъ образомъ изъ двухъ коренныхъ причинъ, которыми являются:

1) Чрезмѣрная централизація всего нашего административнаго строя, не дающая достаточнаго простора самодѣятельности мѣстной жизни.

2) Недостаточная добросовѣстность нашего административнаго персонала въ исполненіи имъ своего служебнаго долга.

Защищать первый изъ этихъ недостатковъ могли бы только люди политически-близорукіе, защищать второй — люди политически и нравственно безчестные. Вотъ почему Русская Монархическая партія въ числѣ безусловно-необходимыхъ для Россіи реформъ ставитъ полное устраненіе какъ того, такъ и другого коренныхъ недостатковъ русской бюрократической системы, выразивъ свое убѣжденіе въ слѣдующихъ требованіяхъ своей программы:

„4) *Широкое, децентрализованное, плодотворное развитіе мѣстной экономической и общественной жизни, не стѣсненной ни правительственнымъ, ни земскимъ бюрократизмомъ, но и не вторгающейся въ область государственной политики*“.

*) Продолжаемъ разъясненіе программы Русской Монархической партіи. См. *Моск. Вѣд.* 1905 г., №№ 121 134, 145, 149, 161, 162 и 164.

„7) *Нравственное озоровленіе всѣхъ сферъ государственной службы, на которой могутъ быть терпимы лишь лица свято, строго и безкорыстно исполняющія свой долгъ предъ Самодержавнымъ Царемъ и дорогою Родиной*".

Разсмотримъ, прежде всего, вопросъ о децентрализаціи нашего административнаго управленія.

Что децентрализація эта необходима,—въ этомъ всѣ согласны; вопросъ идетъ только объ ея размѣрахъ, о внѣшнихъ формахъ и внутреннемъ ея значеніи.

Максимальныя требованія въ этомъ отношеніи предъявляютъ наши сепаратисты, подъ которыми мы разумѣемъ не однихъ только окраинныхъ политиковъ, но и тѣхъ русскихъ людей, которые, по недомыслію или по другимъ, менѣе невиннымъ причинамъ, хотятъ расчленить Россію на отдѣльныя самостоятельныя области.

Минимальныя уступки были предъявлены нашими министерствами, когда, два года тому назадъ, въ Петербургѣ возникла мысль о децентрализаціи правительственной дѣятельности: министерства согласились предоставить мѣстнымъ своимъ органамъ лишь такія ничтожныя полномочія, какъ, напримѣръ, самостоятельное разрѣшеніе краткосрочныхъ отпусковъ мѣстнымъ чиновникамъ, безъ предварительнаго запроса въ центральномъ, петербургскомъ вѣдомствѣ.

Согласиться на первыя требованія значило бы упразднить единство Россіи, а слѣдовательно и существованіе самой Россіи. Удовольствоваться же послѣдними уступками было бы равносильно сохраненію всѣхъ недостатковъ теперешней централизаціонной системы.

Русская Монархическая партія, очевидно, ни на эти требованія, ни на эти уступки согласиться не можетъ. По ея мнѣнію, децентрализація нашей административной системы должна заключаться въ слѣдующемъ:

Во главѣ каждаго небольшого мѣстнаго административнаго центра (скажемъ, напримѣръ, уѣзда) долженъ стоять представитель центральной Власти, съ достаточными полномочіями для немедленнаго самостоятельнаго рѣшенія всѣхъ вопросовъ мѣстной жизни.

При этомъ уѣздномъ администраторѣ состоитъ земскій совѣтъ изъ *всѣхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ*, обладающихъ извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ, и изъ *представителей уѣзднаго духовенства и крестьянства*. Совѣтъ этотъ имѣетъ тѣ же функціи, какъ и теперешнія земства, но подъ контролемъ уѣзднаго представителя центральной Власти, который одинъ отвѣчаетъ предъ этою Властью за законный порядокъ во ввѣренномъ ему уѣздѣ.

Должны ли уѣзды,—эти мелкія административныя единицы,—обязательно соединяться въ прежнія, исторически и этнографически создавшіяся, „губерніи", съ губернскими земствами и съ губернаторами во главѣ?

Мы полагаемъ, что нѣтъ: ибо тогда снова создался бы прежній, правительственный и земскій бюрократизмъ.

Но отдѣльные уѣзды могутъ свободно, по собственному усмотрѣнію, соединяться съ сосѣдними уѣздами въ постоянныя или временныя особыя

группы по причинамъ хозяйственно-экономическимъ,—вслѣдствіе ли однородности природныхъ, земледѣльческихъ или промышленныхъ условій, или вслѣдствіе общихъ хозяйственныхъ предпріятій, какъ, напримѣръ, шоссейныхъ или желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, исправленія рѣчныхъ путей сообщенія, общихъ санитарныхъ мѣръ въ виду эпидемій и т. д.

Въ настоящее время у насъ есть губерніи, въ которыхъ уѣзды принадлежатъ въ хозяйственномъ отношеніи къ совершенно различнымъ категоріямъ и, тѣмъ не менѣе, принуждены вести одно общее „губернское“ хозяйство, тогда какъ имъ гораздо естественнѣе и выгоднѣе было бы вести общее хозяйство съ однородными съ ними уѣздами сосѣднихъ губерній.

Это неудобство исчезло бы при изложенной выше системѣ группировки самостоятельныхъ въ хозяйственномъ отношеніи уѣздовъ.

Съ устраненіемъ земскихъ выборовъ, исчезла бы земская политическая партійная борьба, столь мѣшающая серіознымъ хозяйственнымъ дѣламъ. Съ устраненіемъ губернскихъ земствъ, прекратились бы и рабскія подчиненія уѣздныхъ земствъ губернскимъ политиканамъ.

Сверхъ того, въ значительной степени облегчились бы и обязанности, и отвѣтственность мѣстныхъ представителей центральной власти, такъ какъ хорошо управлять уѣздомъ и отвѣтствовать за его благосостояніе было бы гораздо легче, чѣмъ теперешнее управленіе цѣлою губерніей (равняющеюся иногда, по своимъ размѣрамъ, западно-европейскому государству), съ жалкимъ составомъ земскихъ начальниковъ, исправниковъ и становыхъ приставовъ. Губернаторъ фактически не можетъ отвѣчать за все то, что происходитъ въ уѣздахъ его губерніи, а въ настоящее смутное время отвѣтственность эта болѣе чѣмъ когда-либо необходима. Ее вполнѣ можетъ нести уѣздный начальникъ (назовемъ его пока этимъ именемъ), который зналъ бы свой уѣздъ, какъ свои пять пальцевъ. Въ большинствѣ случаевъ такимъ уѣзднымъ начальникомъ могъ бы быть уѣздный предводитель дворянства, если бы Правительство нашло его соотвѣтствующимъ такой отвѣтственной должности.

Соединившаяся по экономическому вопросу группа уѣздовъ имѣла бы по данному вопросу выборную комиссію, въ которой были бы представлены всѣ согласившіеся между собой уѣзды. Точно также могли бы соединяться, въ случаѣ надобности, нѣсколько уѣздовъ въ одну административную группу, имѣя во главѣ губернатора или генералъ-губернатора,—для общаго направленія государственной политики по какому-либо административному вопросу, напримѣръ, для водворенія нарушеннаго въ нѣсколькихъ уѣздахъ законнаго порядка, для введенія какихъ-либо новыхъ законоположеній въ той или иной области и т. п.

Мы здѣсь не пишемъ законопроекта. Мы хотимъ только показать, что Русская Монархическая партія желаетъ покончить съ бюрократическимъ централизмомъ и идетъ въ своихъ децентрализаціонныхъ идеалахъ гораздо дальше нашихъ либераловъ, которые мечтаютъ лишь о самоуправляющихся областяхъ, тогда какъ мы даже уѣздамъ желали бы дать истинное самоуправленіе.

А истиннымъ самоуправленіемъ въ данномъ случаѣ можетъ быть только самоуправленіе *экономическое*: ибо тогда только децентрализованная мѣстная жизнь будетъ плодотворно развиваться, если она,—освобожденная отъ правительственнаго и земскаго бюрократизма,—будетъ серіозно и дѣятельно заниматься разрѣшеніемъ своихъ экономическихъ вопросовъ, отнюдь не вторгаясь въ область государственной политики, которая всецѣло должна входить въ сферу дѣятельности Верховной Власти. Для насъ слишкомъ краснорѣчивъ примѣръ политической дѣятельности нашихъ,—преимущественно губернскихъ,—земствъ, приведшей къ настоящей, столь тяжко ощущаемой нами, революціонной смутѣ.

Легко себѣ представить, до какой степени оживится наша уѣздная жизнь, если во всѣ уѣзды будутъ перенесены тѣ мѣстные центры провинціальной администраціи, которые нынѣ дѣйствуютъ въ губернскихъ городахъ; если возникающіе въ уѣздахъ вопросы мѣстной жизни тутъ же въ уѣздахъ будутъ получать свое быстрое, окончательное разрѣшеніе, безо всякой бюрократической проволочки, безъ необходимости совершать пресловутыя паломничества въ далекія петербургскія пріемныя,—гдѣ нынѣ бѣднымъ провинціаламъ, послѣ долгаго безполезнаго томленія, даются съ утонченною любезностью всевозможныя обѣщанія, осуществленіе которыхъ впослѣдствіи оказывается столь проблематичнымъ!

Мы еще разъ повторяемъ, что мы не настаиваемъ на вышеуказанной *формѣ* необходимой децентрализаціи административнаго управленія Россіей: но мы настаиваемъ на ея *сущности*, которая состоитъ въ томъ, чтобы наша *уѣздная* жизнь пріобрѣла бо́льшую экономическую самостоятельность, а сдѣдовательно и бо́льшую самодѣятельность.

Но, конечно, главное зло бюрократизма лежитъ не въ тѣхъ или иныхъ *учрежденіяхъ*: оно лежитъ въ *людяхъ*,—и пока не будетъ произведено нравственное оздоровленіе всѣхъ сферъ государственной службы, мы отъ недостатковъ нашей бюрократической, хотя бы и децентрализованной, системы не избавимся.

Но тутъ мы должны оговориться. Наши революціонеры огульно обвиняютъ весь личный составъ русской администраціи во всевозможныхъ, чудовищныхъ, бюрократическихъ преступленіяхъ, дабы этимъ обвиненіемъ набросить тѣнь на этическую сторону всего нашего Самодержавнаго строя. Съ такимъ тенденціознымъ взглядомъ согласиться нельзя. Существуютъ тысячи русскихъ чиновниковъ,—какъ на высшихъ, такъ и на низшихъ постахъ,—которые безупречно исполняютъ свои обязанности, служа вѣрой и правдой своему Царю и своей Родинѣ, не за страхъ только, но и за совѣсть. Тяжело имъ слышать бросаемыя имъ нынѣ въ лицо обвиненія въ томъ, въ чемъ они совершенно неповинны,—обвиненія, которыя относятся лишь къ ихъ недобросовѣстнымъ товарищамъ, дискредитирующимъ все русское чиновничество.

Вотъ съ этою *недобросовѣстностью* значительной части нашего административнаго персонала въ исполненіи имъ своего служебнаго долга—намъ необходимо окончательно разстаться.

Недобросовѣстность эта является, — увы, — недостаткомъ не одной только нашей бюрократіи: она является общимъ недостаткомъ всей нашей интеллигенціи.

Подъ „недобросовѣстностью“ мы разумѣемъ, прежде всего, небрежное, „халатное“ отношеніе къ своимъ обязанностямъ, предпочтеніе внѣшняго, формальнаго рѣшенія дѣлъ серіозному изученію ихъ по существу, и гибельное равнодушіе къ продолженію горячо-начатаго дѣла. Это—чуть ли не наши національные пороки, проявляющіеся на каждомъ шагу въ нашей частной, общественной и государственной жизни. Что же удивительнаго, что они проявляются и въ нашей бюрократіи?

Мало того, даже одна изъ либеральныхъ нашихъ газетъ еще недавно совершенно вѣрно констатировала тотъ фактъ, что „во всякомъ изъ насъ сидитъ бюрократъ“:

„Чиновниками, исполняющими механически свои обязанности, являются не только служащіе конторъ, но нерѣдко и представители свободныхъ профессій, которые, по привычкѣ, мыслятъ и дѣйствуютъ автоматически. Плевелы излишней, вредной формалистики всходятъ и растутъ не только въ правительственныхъ учрежденіяхъ,—они свободно процвѣтаютъ также въ частныхъ Обществахъ, Банкахъ и Конторахъ“. (*Кіевское Слово* № 6.255.)

Всѣ эти недостатки: небрежность, формализмъ и равнодушіе къ своимъ обязанностямъ будутъ и впредь процвѣтать въ нашемъ обществѣ и въ нашей бюрократіи, будь у насъ конституція или республика, если мы не предпримемъ радикальныхъ мѣръ къ ихъ искорененію.

Мѣры эти могутъ быть лишь двухъ родовъ: *воспитательныя* и *карательныя*.

Во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ школа имѣетъ общепризнанное назначеніе: развивать въ своихъ питомцахъ *чувство долга*, воспитывать въ нихъ будущихъ гражданъ, свято исполняющихъ свои обязанности.

Лишь въ Россіи школа за послѣдніе годы утратила это назначеніе,—съ тѣхъ поръ, какъ нашлись профессора, провозгласившіе для себя и для своихъ учениковъ *неисполненіе* своего прямого долга—гражданскою доблестью. Да и вообще въ нашихъ школахъ водворился въ настоящее время такой хаосъ анархіи, что онѣ сами совершенно прекратили исполненіе своихъ обязанностей, а потому и не могутъ развивать чувство долга въ своихъ питомцахъ. Необходима, поэтому, коренная реформа нашихъ школъ (о которой мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, при разъясненіи соотвѣтствующаго—8-го—пункта программы Русской Монархической партіи).

Реформа эта должна ввести, наконецъ, въ наши школы то серіозное религіозно-нравственное воспитаніе, о которомъ уже неоднократно, и такъ настойчиво, раздавались напоминанія, съ высоты Престола,—воспитаніе, пріучающее молодыхъ людей къ строгой дисциплинѣ въ исполненіи своихъ обязанностей. Отъ такой реформированной школы мы будемъ въ правѣ ожидать, что она будетъ выпускать въ жизнь дѣйствительно-воспитанныхъ гражданъ, которые не будутъ относиться къ своимъ служебнымъ обязан-

ностямъ съ тою небрежностью, съ тѣмъ внѣшнимъ формализмомъ и съ тѣмъ отсутствіемъ постояннаго интереса и усердія, какими отличается значительная часть нашей теперешней бюрократіи. А до тѣхъ поръ нравственное оздоровленіе всѣхъ сферъ государственной службы возможно лишь путемъ карательнымъ.

Всякая небрежность, всякая нерадивость на государственной службѣ должна преслѣдоваться строгими административными и судебными карами. Мы уже не говоримъ о той недобросовѣстности, которая связана съ корыстными преступленіями, со взяточничествомъ и хищеніемъ казеннаго имущества,—этою язвой, прикрываемою въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ благовидными предлогами и наименованіями.

Съ этою язвой Правительство безусловно обязано бороться съ безпощадною строгостью, не опасаясь какихъ-либо „скандаловъ", а идя прямо имъ навстрѣчу, такъ какъ инымъ образомъ съ этимъ великимъ, позорнымъ зломъ нѣкоторыхъ бюрократическихъ нашихъ сферъ, принесшимъ уже столько неисчислимаго вреда Россіи,—справиться невозможно.

„Конституція", „парламентъ" тутъ не помогутъ. Развѣ мы не видимъ колоссальныхъ хищеній въ военномъ и морскомъ министерствахъ парламентарной Англіи? Развѣ бюрократы республиканскихъ Соединенныхъ Штатовъ не побили всемірный рекордъ безсовѣстной продажности и баснословнаго взяточничества?

Мы еще разъ повторяемъ: не въ *учрежденіяхъ* дѣло, а въ *людяхъ*, въ ихъ нравственномъ характерѣ, въ ихъ нравственной дисциплинѣ. Въ автократической старой Пруссіи строго дисциплинированные чиновники стояли неизмѣримо выше, чѣмъ прославившіеся своею распущенностью чиновники вышеупомянутыхъ „конституціонныхъ" странъ.

И у насъ, въ Россіи, безо всякаго сомнѣнія, бюрократизмъ не измѣнится, если за оздоровленіе его не примется самымъ энергическимъ образомъ само Правительство, которое одною уже этою энергіей въ данномъ вопросѣ возвыситъ свое авторитетное обаяніе въ глазахъ всего народа.

Если наше „общество" такъ легко поддается революціонной пропагандѣ, то это не потому только, что оно съ молокомъ матери всосало возмущеніе язвами нашего бюрократизма, заклейменными и нашею литературой, и нашею печатью,—а главнымъ образомъ потому, что оно искренно предается иллюзіи, будто всѣ эти язвы находятся въ непосредственной зависимости отъ Царскаго Самодержавія!

Разрушить эту вздорную, вредную иллюзію,—это первая обязанность уважающаго себя Самодержавнаго Правительства. Оно обладаетъ всѣми средствами для необходимаго возстановленія истины, которая заключается въ томъ, что не только нѣтъ ничего общаго между принципомъ Царскаго Самодержавія и распущенностью чиновничества, но что это—понятія прямо противоположныя.

Если Русскій Государь обладаетъ Самодержавною Властью, ничѣмъ, кромѣ законовъ, не ограниченною,—то кто же, какъ не Онъ, можетъ, чрезъ Свое Правительство и чрезъ Свой судъ, создать въ Своемъ государствѣ образцовое во всѣхъ отношеніяхъ чиновничество, путемъ назначенія на

отвѣтственныя должности лишь достойнѣйшихъ въ нравственномъ и правительственномъ отношеніяхъ людей, и путемъ безпощаднаго и немедленнаго изгнанія изъ государственной службы людей нерадивыхъ, безчестныхъ и идущихъ въ разрѣзъ съ политикой Правительства?

И тутъ также открывается широкое поприще для усовершенствованія нашей административной системы, которое положитъ конецъ вопіющей ненормальности, нигдѣ, кромѣ Россіи, не существующей и заключающейся въ томъ, что—при назначеніи чиновниковъ даже на высокія административныя должности—принимаются въ расчетъ всевозможныя стороны ихъ индивидуальности, за исключеніемъ только ихъ политическихъ убѣжденій.

„Какое мнѣ дѣло до убѣжденій моихъ чиновниковъ, лишь бы они были умные, работящіе люди“... Такое изреченіе можетъ исходить, и—увы—неоднократно исходило изъ устъ лишь русскихъ министровъ, создававшихъ вокругъ себя цѣлыя арміи дѣйствительно способныхъ и дѣловитыхъ чиновниковъ, которые весь свой умъ и всю свою дѣловитость направляли на искаженіе и извращеніе Высочайшихъ предначертаній и благонамѣреннѣйшихъ министерскихъ предписаній, придавая имъ совершенно обратное, антиправительственное значеніе, не забывая при этомъ и своихъ личныхъ, корыстныхъ интересовъ.

Со всѣми этими аномаліями, недостойными великой Державы, Императорское Правительство можетъ и должно разъ навсегда покончить, создавъ такой контингентъ своего административнаго персонала, который отличался бы не только умомъ и дѣловитостью, но и безупречною добросовѣстностью, а прежде всего—беззавѣтною преданностью своему Самодержавному Царю и жизненнымъ интересамъ своей Родины.

Одесскій ужасъ.

„Прискорбное, позорное и безпримѣрное въ лѣтописяхъ Русскаго флота событіе“.

Такими словами *Правительственное Сообщеніе* характеризуетъ тотъ ужасъ, который произошелъ на палубѣ нашего черноморскаго броненосца *Князь Потемкинъ-Таврическій.*

Дѣйствительно, позоръ этотъ такъ великъ, что еще болѣе преувеличивать его въ глазахъ нашихъ друзей и злорадствующихъ враговъ не слѣдуетъ.

Врагамъ этимъ хотѣлось бы вывести изъ мятежа, вспыхнувшаго на *Потемкинѣ*, общее заключеніе о полной будто бы анархіи, охватившей весь нашъ Черноморскій флотъ и даже всю нашу сухопутную армію! Объ этой „повальной анархіи“ поспѣшила въ лишующихъ статьяхъ оповѣстить весь міръ заграничная еврейская печать, протянувшая руку своимъ соотечественникамъ, съ дьявольскимъ коваретвомъ организовавшимъ возмутительную Одесскую катастрофу.

Но подробности этой катастрофы сами говорятъ противъ этого огульнаго поклепа на честь Русскихъ моряковъ и воиновъ.

Когда пробравшіеся на *Потемкина* „штатскіе“ революціонеры подали сигналъ къ бунту рѣзкимъ заявленіемъ о „недовольствѣ пищей“, то—на вопросъ капитана Гиляровскаго, кто не участвуетъ въ этомъ протестѣ,—„передъ фронтомъ выступило *большинство* изъ судовой команды“, заявившее этимъ свое осужденіе взбунтовавшемуся меньшинству нижнихъ чиновъ. Тогда это меньшинство схватило ружья, стало стрѣлять залпами, перебило офицеровъ и командира броненосца и силой заставило своихъ товарищей, лишившихся своего начальства, подчиниться революціонной шайкѣ, захватившей власть на броненосцѣ. Кромѣ офицеровъ, бунтари убили еще около тридцати человѣкъ судовой команды, оставшихся вѣрными своей присягѣ. Возстала и команда миноносца № 267 противъ мятежниковъ, которые, однако, засыпали миноносецъ залпами изъ ружей и мелкихъ орудій и этимъ терроризовали своихъ товарищей на обоихъ судахъ, ни за что не желавшихъ первоначально примыкать къ дерзкому бунту...

Еще поучительнѣе въ этомъ отношеніи подробности бунта, начавшагося было на броненосцѣ *Георгій Побѣдоносецъ*.

Часть команды этого судна устроила овацію бунтарямъ *Потемкина*, когда онъ проходилъ мимо *Георгія Побѣдоносца*. Тогда съ *Потемкина*,—„на палубѣ котораго было замѣчено *до тридцати постороннихъ лицъ въ штатскихъ костюмахъ*“,—были посланы на миноносецъ № 267 „*студенты-евреи* и нижніе чины, которые завладѣли командованіемъ *Георгія* и посовѣтовали его нижнимъ чинамъ бросить офицеровъ въ море, *на что нижніе чины не согласились*“.

Мало того, значительная часть команды *Георгія Побѣдоносца* не поддалась вліянію революціонеровъ и взяла надъ ними перевѣсъ, такъ что бунтари на *Князѣ Потемкинѣ* угрожали даже *Георгію* разгромомъ его изъ тяжелыхъ орудій. Но команда *Георгія* не убоялась этихъ угрозъ, заставивъ прибывшихъ къ ней „*постороннихъ*“ отплыть обратно на мятежный броненосецъ,—и тотчасъ за симъ послала къ командующему войсками Одесскаго военнаго округа боцмана и нѣсколько матросовъ, для изъявленія покорности и съ просьбой о возвращеніи на судно ихъ офицерскаго состава.

Въ заключеніе *Правительственное сообщеніе* передаетъ, что „команда *Георгія Побѣдоносца*, выражая полное раскаяніе въ дерзновенно-содѣянномъ, возлагаетъ свое упованіе на Монаршее милосердіе и, выдавъ 67 человѣкъ наиболѣе виновныхъ, приняла присягу со слезами раскаянія“.

Нѣтъ, живъ еще прежній духъ Черноморскаго флота; большинство его моряковъ, подобно всѣмъ истинно-Русскимъ людямъ, еще беззавѣтно преданы Царю и Родинѣ и находятъ еще въ самихъ себѣ силы бороться противъ опутывающей ихъ коварной революціонной пропаганды.

А потому,—пока еще не поздно,—Правительству необходимо придти имъ на помощь въ этой борьбѣ съ нашими внутренними врагами, которымъ,—какъ мы, къ сожалѣнію, видимъ,—уже удалось совратить съ пути долга нѣкоторую часть нижнихъ морскихъ чиновъ изъ состава Черноморскаго флота. Давно уже длится адская работа нашихъ революціонеровъ-соціалистовъ, направленная противъ вѣрности присягѣ нашей арміи вообще и нашего флота въ особенности. Не удивительно, что наибольшимъ сравни-

тельно успѣхомъ работа эта увѣнчалась на Черномъ морѣ, въ виду близости такого крупнаго очага еврейскаго бунтарства, какъ Одесса.

Не безъ грѣха является и небрежное отношеніе офицеровъ Черноморскаго флота къ революціонной пропагандѣ среди ввѣренныхъ имъ нижнихъ чиновъ, такъ какъ они,—если бы дѣйствовали дружно съ органами государственной охраны,—уберегли бы свои команды отъ этой страшной, разъѣдающей ихъ язвы. Теперь они убѣдились, на страшномъ и позорномъ примѣрѣ *Потемкина*, къ чему неизбѣжно приводитъ такое малодушное попустительство.

Еще не поздно,—говоримъ мы,—спасти остальную, еще здоровую, часть нашего флота отъ этой язвы. Но для этого нужно разъ навсегда сбросить съ себя и дряблое малодушіе, и вредное ляже-гуманничаніе. Если бы во-время были приняты строгія карательныя мѣры противъ двухъ-трехъ десятковъ совращенныхъ революціонерами нижнихъ чиновъ; если бъ энергически былъ положенъ окончательный предѣлъ подлой дѣятельности самихъ революціонеровъ,—Одесса не была бы сожжена, русская торговля не потерпѣла бы многомилліонныхъ убытковъ, лѣтопись Русскаго флота не омрачилась бы столь „прискорбнымъ, позорнымъ и безпримѣрнымъ событіемъ“, —и Россіи не пришлось бы сдѣлаться предметомъ злораднаго ликованія своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ.

Пробудимся ли мы хоть теперь къ сознанію необходимости серіозной, благоразумной и твердой энергіи въ безпощадномъ и благовременномъ подавленіи революціонной гидры,—или мы попрежнему будемъ изумленно разводить руками предъ ея дерзостью и принимать мѣры строгости лишь *послѣ* совершеннаго ею зла?

Мы уже неоднократно высказывали убѣжденіе, что спасти Россію отъ все болѣе усиливающагося революціоннаго движенія могутъ не уступки этому движенію, которыя лишь увеличиваютъ его дерзость; спасти Россію можетъ лишь временная экстренная мѣра,—*диктаторская власть*, съ объявленіемъ всѣхъ крупныхъ центровъ Россіи на военномъ положеніи, для *предупрежденія* новыхъ прискорбныхъ, позорныхъ и безпримѣрныхъ въ лѣтописяхъ Россіи событій...

Царская воля.

Самодержавный Русскій Царь всегда стоялъ и будетъ стоять выше всѣхъ партій, выше всѣхъ бытовыхъ или искусственныхъ группъ Русскаго народа и иноплеменнаго населенія, пользующагося охраной Русской Державы.

Русскій Царь съ одинаковымъ вниманіемъ выслушиваетъ всѣхъ Своихъ вѣрноподданныхъ, обращающихся къ Нему со своими просьбами, ходатайствами и мнѣніями, но, само собою разумѣется, удостоиваетъ ихъ не одинаковыми проявленіями Своей Монаршей Воли, одобряющей лишь справедливыя, законныя мысли, находящіяся въ полномъ согласіи съ мыслями и предначертаніями Самого Монарха.

6 іюня была осчастливлена Высочайшимъ пріемомъ группа лицъ, выдававшихъ себя за выразителей народныхъ желаній. Лица эти, руководимыя княземъ С. Н. Трубецкимъ, въ своихъ рѣчахъ, обращенныхъ къ Госу-

дарю, надѣялись услышать Высочайшее сочувствіе ихъ радикальнымъ вожделѣніямъ, клонящимся къ коренному государственному перевороту, къ разрушенію самобытныхъ основъ Россіи, къ упраздненію всего нашего сословнаго строя, къ созыву „народныхъ представителей", которые явились бы, по примѣру чуждыхъ намъ парламентарныхъ государствъ, выразителями Народной Воли въ противоположность Волѣ Царской.

Какъ и слѣдовало ожидать, надежды этихъ самозванцевъ не оправдались.

Государь Императоръ, ясно сознавая, что „народные представители" могутъ быть только въ демократическомъ, а не Самодержавномъ государствѣ, въ которомъ единственнымъ Представителемъ народа является Самъ Государь, слова повторилъ слова, сказанныя Имъ въ Высочайшемъ Рескриптѣ отъ 18 февраля, о томъ, что будутъ созваны не „представители народа", а „*выборные люди*". Вмѣстѣ съ тѣмъ, Его Величеству угодно было въ ясной, категорической формѣ отвергнуть всякую мысль о какихъ-либо новшествахъ, идущихъ вразрѣзъ съ Русскою стариной, съ самобытными Русскими началами. Вотъ эти знаменательныя слова, разсѣявшія всѣ пагубныя иллюзіи нашихъ конституціоналистовъ:

„Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всею Русью, общеніе между Мной и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ".

Еще опредѣленнѣе высказалъ эту Свою основную, непоколебимую мысль Русскій Самодержецъ въ отвѣтѣ, которымъ онъ осчастливилъ представлявшуюся Ему 21 іюня другую группу Русскихъ людей, отъ лица которыхъ говорили графъ Шереметевъ, графъ Бобринскій и Орловскій земскій гласный Нарышкинъ:

„Мнѣ въ особенности отрадно то, что вами руководили чувства преданности и любви къ родной старинѣ. Только то государство сильно и крѣпко, которое свято хранитъ завѣты прошлаго. Мы сами противъ этого погрѣшили, и Богъ за это, можетъ-быть, насъ и караетъ".

Къ „завѣтамъ прошлаго" принадлежитъ и *сословный строй* Русскаго Государства. Противъ этого строя, являющагося твердымъ оплотомъ Царскаго Самодержавія, направленъ, какъ извѣстно, главный походъ нашихъ революціонеровъ. Участвуя въ этомъ походѣ, князь С. Н. Трубецкой осмѣлился 6 іюня, восхваляя „народное представительство", обратиться къ Государю съ такими словами:

„Нельзя желать, чтобы представительство было сословнымъ. Какъ Русскій Царь—не Царь дворянъ, не Царь крестьянъ или купцовъ, не Царь сословій, а Царь всея Руси, такъ и выборные люди отъ всего населенія, призываемые, чтобы дѣлать совмѣстно съ Вами Ваше Государево дѣло, должны служить не сословнымъ, а общественнымъ интересамъ".

Возражая на эти дерзкія слова, приписывающія будущему чисто-совѣщательному, „*какъ было встарь*", собранію права на какое-то „совмѣстное съ Государемъ Государево дѣло", которое вслѣдствіе этого перестало бы быть дѣломъ Государевымъ,—графъ Бобринскій 21 іюня выска-

зался безо всякихъ оговорокъ *за сохраненіе сословнаго строя въ Россіи*. Свою мысль онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Вамъ говорили, Государь, что Русскій Царь уже не Царь дворянъ и не Царь крестьянъ,—и болѣзненно содрогулось сердце дворянства, свято памятующаго слова Державныхъ Предковъ Вашихъ, называвшихъ себя первыми дворянами Россіи. А что до крестьянства, то кто отважится ему сообщить, что отнынѣ Русскій царь—не его Царь? Нѣтъ, Государь, Вы—Царь дворянъ и Царь крестьянъ и всѣхъ другихъ сословій, и Царь каждаго изъ насъ, именно потому, что Царь всея Руси есть Царь каждаго и всѣхъ. Онъ является естественнымъ Представителемъ Русскаго народа. Онъ одинъ—и никто иной".

Въ томъ же смыслѣ говорилъ и наканунѣ этого дня, 20 іюня, губернскій предводитель Курскаго дворянства, графъ В. Ф. Дорреръ, имѣвшій счастіе, во главѣ депутаціи отъ Курскаго дворянства, представить Государю Императору всеподданнѣйшій адресъ дворянъ Курской губерніи, составленный въ чрезвычайномъ губернскомъ дворянскомъ собраніи 9-го сего іюня, слѣдовательно въ то время, когда уже была оглашена противосословная выходка князя Трубецкого.

По прочтеніи этого адреса (прекрасный текстъ котораго, къ сожалѣнію, почему-то не напечатанъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*), графъ Доррер словесно доложилъ Его Императорскому Величеству высказанныя на дворянскомъ собраніи пожеланія Курскаго дворянства о томъ, „*чтобы въ будущемъ законо-совѣщательномъ учрежденіи дворянское и крестьянское сословія были представлены какъ таковыя, то-есть посословно*, независимо отъ тѣхъ группъ населенія, которыя не сохранили своихъ сословныхъ особенностей".

Такимъ образомъ предъ Государемъ Императоромъ были высказаны два совершенно противоположныя мнѣнія, изъ коихъ первое клонилось къ разрушенію сословнаго строя Россіи, а другое—къ сохраненію его.

Какова же въ этомъ отношеніи Государева Воля, долженствующая впредь быть обязательною для всѣхъ Его вѣрноподданныхъ?

Воля эта выразилась въ слѣдующихъ словахъ, которыми Государь Императоръ удостоилъ депутацію Курскаго дворянства:

„Я Вамъ очень благодаренъ, господа; передайте Мой привѣтъ Курскому дворянству за столь твердо и сердечно выраженныя мысли. Я вполнѣ сознаю ту пользу, которую можетъ принести въ будущемъ законо-совѣщательномъ учрежденіи присутствіе двухъ основныхъ земельныхъ сословій — дворянства и крестьянства, которыя искони дѣлили радость и горе со своими Царями".

Итакъ, мы можемъ быть покойны: начиная съ 18 февраля, Государь Императоръ ни въ чемъ не измѣнилъ Своихъ предположеній относительно возвѣщеннаго Имъ „привлеченія достойнѣйшихъ избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній", но „*при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи*".

Какъ бы ни старалась революціонная партія перетолковать эти Высочайшія слова въ смыслѣ замѣны Царскаго Самодержавія конституціоннымъ парламентаризмомъ, какъ бы ни тщились земскіе и городскіе демагоги ввести въ заблужденіе общество и народъ относительно истиннаго значенія грядущаго съѣзда выборныхъ людей, которыхъ имъ такъ хотѣлось бы превратить въ безсословныхъ „народныхъ представителей", ораторствующихъ въ скопированномъ по западному образцу парламентѣ, имѣющемъ разрушить всю самобытность Россіи,—Царская Воля осталась неизмѣнною: 6, 20 и 21 іюня Государь Императоръ съ полною точностью опредѣлилъ:

1) что будущее собраніе будетъ не законодательнымъ, а лишь законосовѣщательнымъ;

2) что члены этого собранія не будутъ имѣть значенія демократическихъ „народныхъ представителей", немыслимыхъ въ Самодержавномъ государствѣ;

3) что сословный строй дворянства и крестьянства и впредь будетъ сохраненъ;

4) что оба эти сословія будутъ присутствовать въ будущемъ законосовѣщательномъ учрежденіи, которое, слѣдовательно, не будетъ безсословнымъ, какъ того добиваются наши революціонеры;

5) что Россія и впредь будетъ „свято хранить завѣты прошлаго".

6) что единеніе между Царемъ и всею Русью установится отнюдь не на какихъ-либо новыхъ началахъ, а такъ именно, „*какъ было встарь*", ибо это единеніе „ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго *самобытнымъ Русскимъ началамъ*", то-есть неограниченному Царскому Самодержавію.

Такова Воля Царя.

Этой Волѣ обязаны подчиниться всѣ вѣрноподданные Русскаго Государя.

Кто ей не подчинится, кто будетъ добиваться иной формы будущаго совѣщательнаго собранія съ цѣлью порвать съ самобытными Русскими началами и создать безсословный парламентъ, могущій ограничить Царское Самодержавіе,—тотъ будетъ ослушникомъ Царской Воли.

Новая кровавая жертва.

Въ революціонномъ лагерѣ нашихъ „либераловъ"—великое торжество:

Убитъ Московскій градоначальникъ графъ Шуваловъ.

А для Русскаго Царя и для всѣхъ истинно-русскихъ людей это—великое горе!

Великое горе — не только потому, что Россія лишилась въ графѣ Павлѣ Павловичѣ Шуваловѣ вѣрнаго слуги Царю и Родинѣ, запечатлѣвшаго своею жизнью беззавѣтную преданность своему долгу, но и потому, что мученическая смерть его является новымъ доказательствомъ тѣхъ успѣховъ, которыхъ въ такое короткое время безпрепятственно достигла революціонная крамола.

Русскій Царь видитъ, какъ лучшія Его намѣренія подвергаются злокозненнымъ лжетолкованіямъ и извращеніямъ; какъ лучшіе, преданнѣйшіе

Его слуги становятся жертвами гнусныхъ убійствъ, безъ всякой пользы для торжества правды и законнаго порядка; какъ адская подпольная интрига развращаетъ Его войско, увлекая его къ мятежу и къ клятвопреступному нарушенію воинской присяги. Какъ же не горевать Русскому Царю?

А Русскій народъ горюетъ, видя, что тѣ люди, которымъ Царь поручилъ высшее наблюденіе за безопасностью и законнымъ строемъ въ Государствѣ, — либо не стоятъ на высотѣ своего назначенія и содѣйствуютъ своею пассивностью наглымъ домогательствамъ революціонной банды, — либо, исполняя свой долгъ, падаютъ подъ ея ударами.

И это прискорбное, возмутительное положеніе вещей длится вотъ уже скоро годъ, и конца ему все еще не предвидится.

А потому весьма понятно, какъ глубоко отозвались въ сердцѣ Русскаго народа задушевныя, полныя томящей горести слова его возлюбленнаго Монарха, произнесенныя Имъ еще на-дняхъ, 21-го іюня:

„Только то государство сильно и крѣпко, которое свято хранитъ завѣты прошлаго. Мы сами противъ этого погрѣшили, и Богъ за это, можетъ-быть, насъ и караетъ".

„Да, мы во многомъ погрѣшили противъ завѣтовъ прошлаго! Мы не только перестали ихъ свято хранить, но мы сами дерзко нарушали ихъ. Мы сами подрывали силу и крѣпость нашего Государства, и сами теперь видимъ плоды нашего неразумія, сами чувствуемъ строгую и справедливую кару Божію.

Когда же прекратится эта кара? Когда же мы умилостивимъ Господа? Когда Онъ преложитъ гнѣвъ на милость?

Это вполнѣ зависитъ отъ насъ.

Коль скоро мы сознали, что мы сами своими грѣхами навлекли на себя и на всю Россію весь ужасъ обрушившихся на нее бѣдствій, мы должны прежде всего покаяться въ этихъ своихъ грѣхахъ, но не на словахъ только, а на дѣлѣ. Если Богъ насъ караетъ за наше отступничество отъ завѣтовъ прошлаго, за наше увлеченіе обманчивымъ маревомъ западныхъ лжеученій, то мы обязаны немедленно же положить конецъ этимъ увлеченіямъ и вернуться на тотъ правильный Царскій путь, слѣдуя по которому, Россія не теряла силу и крѣпость, а все болѣе ее пріобрѣтала, ставъ при Царѣ-Миротворцѣ первою Державой въ мірѣ.

Великій назидательный примѣръ прошлаго столь счастливаго, столь благодатнаго, царствованія у всѣхъ еще на памяти. Неужели такъ трудно вернуться къ тому, что было лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ? Неужели такъ трудно воскресить то, что даже еще окончательно не угасло? Вѣдь Онъ, этотъ Великій Государь, въ полномъ смыслѣ „свято хранилъ завѣты прошлаго", а потому Господь не каралъ ни Его, ни Россіи, даровавъ Ему и ей мирное и славное житіе. Такъ почему же сошли мы съ Его пути? Почему нарушили Его Волю? Почему увлеклись чуждыми Ему мечтаніями? Почему наворотили мы въ годину тяжкой внѣшней непогоды цѣлую гору внутреннихъ поспѣшныхъ реформъ, взбаламутившихъ Русское море еще болѣе тяжкими бурями? Почему?

Не станемъ доискиваться причинъ, вслѣдствіе которыхъ мы такъ легкомысленно и малодушно забыли примѣръ Великаго Царя. Довольно уже того, что мы, наконецъ, подъ ударами заслуженной кары Божіей, *сознали* свой грѣхъ и въ немъ *покаялись*. Такимъ образомъ, первый шагъ къ нашему возрожденію и къ возрожденію Россіи уже сдѣланъ.

Но вѣдь не остановимся же мы на этомъ первомъ шагѣ? Это было бы не только грѣшно и преступно, это было бы просто безумно!

Сегодня графъ Шуваловъ палъ еще жертвой за наши, сознанныя нами, заблужденія. Неужели мы останемся при этихъ заблужденіяхъ и будемъ, сложа руки, съ душевнымъ прискорбіемъ, созерцать, какъ, вслѣдствіе этого, ежедневно будутъ падать новыя жертвы нашихъ заблужденій, — и все такъ же безпрепятственно и безполезно?

Конечно, когда мы, наконецъ, воспрянемъ изъ нашего летаргическаго сна и встанемъ единодушно на защиту Престола, повинуясь повсемѣстнымъ, разумнымъ и цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ сосредоточенной въ сильной рукѣ Правительственной Власти, — то и тогда, въ необходимой борьбѣ съ внутренними врагами, намъ придется на первое время принести необходимыя жертвы. Но это будутъ жертвы осмысленныя, за которыми постепенно будетъ водворяться законный порядокъ въ Государствѣ, тогда какъ доселѣ каждая жертва, павшая отъ рукъ крамолы, значила лишь новое ея торжество.

Такъ пусть же будетъ торжество,—справляемое нынѣ въ революціонномъ лагерѣ нашихъ „либераловъ“,—*послѣднимъ* ихъ торжествомъ! Пусть кровавая жертва, принесенная графомъ Шуваловымъ своему долгу предъ Царемъ и Отечествомъ, будетъ *послѣднею* искупительною жертвой за наши прегрѣшенія!

Станемъ снова, по примѣру Царя-Миротворца, на стражѣ завѣтовъ прошлаго, стряхнемъ съ себя все охватившее насъ дьявольское наваожденіе, такъ какъ инымъ путемъ мы Отечеству нашему силу и крѣпость не вернемъ, и отъ кары Божьей не избавимся.

Да, великую жертву принесъ своему Царю графъ Павелъ Павловичъ Шуваловъ.

Уже одно то, что онъ въ столь трудное, столь тревожное и безпутное время принялъ возложенное на него Высочайшее порученіе водворить въ Москвѣ расшатанный законный порядокъ, было великимъ гражданскимъ подвигомъ съ его стороны.

Вѣрный завѣтамъ своего отца, истиннаго Русскаго человѣка, онъ не поколебался промѣнять спокойную жизнь на лихорадочную, лишенную дневного и ночного отдыха, дѣятельность на посту градоначальника Москвы, ставшей, послѣ преждевременной мученической кончины своего Августѣйшаго Генералъ-Губернатора, центральнымъ очагомъ всей теперешней революціонной крамолы.

Съ первыхъ же шаговъ своихъ въ Первопрестольной столицѣ графъ Павелъ Павловичъ сумѣлъ своею привѣтливостью и своимъ добрымъ сердцемъ завоевать искреннее сочувствіе Московскаго населенія, снова свободно вздохнувшаго послѣ пережитаго имъ краткаго, но тяжкаго періода

безвластія. Всѣ распоряженія новаго градоначальника отличались разумною ясностью, цѣлесообразностью и строгою законностью. Лица, обращавшіяся къ графу со своими нуждами, встрѣчали въ немъ сердечную привѣтливость, сочувственное вниманіе и полную готовность придти на помощь и словомъ, и дѣломъ. Административный опытъ, вынесенный имъ изъ своей предыдущей службы, въ особенности въ Одессѣ, которая и доселѣ не можетъ забыть его плодотворной дѣятельности, давалъ ему возможность не колеблясь принимать въ своемъ управленіи Москвой тѣ именно мѣры, которыя наиболѣе соотвѣтствовали и времени, и мѣсту. Всюду чувствовались его зоркій глазъ опытнаго наблюдателя и твердая рука блюстителя законнаго порядка. Трудолюбіе его не знало границъ: работая до двухъ, трехъ часовъ ночи, онъ уже въ ранніе утренніе часы объѣзжалъ Москву, чтобы затѣмъ безъ устали посвятить себя дѣламъ своей службы.

И такого градоначальника лишилась Москва! Такого выдающагося администратора лишилась Россія, надѣявшаяся видѣть его еще долго на плодотворной службѣ своему Царю!

Миръ праху твоему, добрый, доблестный, истинно-Русскій человѣкъ! Ты пріялъ, подобно многимъ другимъ, столь же вѣрнымъ, слугамъ Царскимъ, мученическій вѣнецъ. Помолись же вмѣстѣ съ нами предъ Престоломъ Всевышняго, чтобъ Онъ вразумилъ насъ избавиться отъ нашихъ прегрѣшеній, и вернуться къ завѣтамъ прошлаго, дабы избавиться отъ тяготѣющей надъ нами кары Божьей!

Грустныя воспоминанія.

Въ первый разъ, послѣ долгаго ряда лѣтъ, Москва встрѣчаетъ священный для нея день 5 іюля, вознося свои молитвы не за живущаго земною жизнію Великаго Князя Сергѣя Александровича, а за въ Бозѣ почивающаго раба Божія, Благовѣрнаго Великаго Князя-Мученика Сергія.

Скоро уже минетъ полгода со дня Его кончины,—и холодный ужасъ охватываетъ умъ истинно-Русскихъ людей при мысли о томъ, сколько бѣдствій испытала Россія во внутренней всей жизни въ теченіе этого тяжелаго полугодія,—бѣдствій, которыя, можетъ-быть, были бы предотвращены, если бы Великій Князь не палъ жертвой той крамолы, которая возненавидѣла Его за Его стойкія, истинно-русскія, убѣжденія, и которая устранила Его со своего, донынѣ столь успѣшнаго пути.

Если крамола избрала нынѣ себѣ древнюю столицу Россіи главнымъ центромъ своей адской дѣятельности, –то именно потому, что Москва лишилась въ лицѣ Великаго Князя своего земного Ангела-Хранителя.

Съ тѣхъ поръ, какъ почилъ навѣки Великій Князь, будущность Россіи подернулась мрачною пеленой,—и думать объ этой будущности невозможно безъ ужасающихъ предчувствій.

Изъ этого мрака умъ невольно стремится въ недавнее, столь свѣтлое, прошлое,—въ счастливое царствованіе Царя-Миротворца. Вспоминается то безмятежное время, когда Великій Князь, еще не назначенный Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ, проводилъ свои лѣтніе досуги въ селѣ Ильинскомъ, близъ столь дорогой Его сердцу Москвы.

И вотъ, воскресаетъ въ памяти то, что было шестнадцать лѣтъ тому назадъ—5 іюля 1889 года.

Въ этотъ день въ село Ильинское прибыла къ Августѣйшему имениннику депутація отъ крестьянъ разныхъ губерній, живущихъ въ Москвѣ, отъ московскихъ биржевыхъ и желѣзнодорожныхъ артелей и отъ хоругвеносцевъ, чтобы поднести Великому Князю икону и адресъ.

Адресъ былъ прочтенъ находившимся въ депутаціи М. С. Грачевымъ, съ ходатайствомъ о принятіи Его Высочествомъ подъ Свое покровительство созданіе въ Москвѣ Александра-Невскаго храма въ память освобожденія крестьянъ. Въ адресѣ этомъ были, между прочимъ, слѣдующія слова:

„Благовѣрный Княже! Мы сердечно утѣшаемся, видя, что житіе твое, сіяющее истинно-христіанскимъ благочестіемъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ надеждамъ о Тебѣ, выраженнымъ въ бесѣдѣ, произнесенной приснопамятнымъ великимъ іерархомъ отечественной Церкви, въ Бозѣ почившимъ Филаретомъ, митрополитомъ Московскимъ, при празднованіи рожденія Твоего, въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ, въ Троицкомъ соборѣ, въ 1857 году.

„Въ этой глубоконазидательной своей проповѣди прозорливый Святитель Божій,—изобразивъ дивную картину прекрасной семейной трапезы Великаго Царя-Отца великаго семейства—народа Русскаго, окружаемаго четырьмя сынами, *яко новосажденіемъ масличнымъ*, и указавъ при этомъ на то, что Ты явился на свѣтъ Божій уже пятымъ вожделѣннымъ Сыномъ Царевымъ,—вдохновенно сказалъ, между прочимъ, сіи благознаменательныя слова:

„„Нынѣ съ весной возникаетъ еще *новосажденіе*, расширяющее садъ Его (то-есть Великаго Царя-Освободителя) и обѣщающее, вслѣдъ за предшествовавшими, возрасти, процвѣсть и приносить сладкіе и питательные плоды для Россіи““.

„Великая Россія воочію видитъ, къ своему утѣшенію, что Ты, по милости Божіей, уже возросъ, процвѣлъ и приносишь плоды сладкіе и питательные, ибо Ты, нося имя Преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Сергія, посѣянъ въ душѣ Своей и сердцѣ начала тѣхъ же высоконравственныхъ и религіозныхъ качествъ, какими полна была Его великая христіанская душа; въ особенности же Ты являешься полнымъ подражателемъ Ему въ любви къ Богу и любви къ построенію храмовъ Божіихъ, чему непререкаемымъ свидѣтельствомъ служитъ недавно устроенный преимущественно твоими попеченіями и прошлою осенью въ присутствіи Твоемъ освященный въ Святыхъ мѣстахъ Палестинскихъ храмъ Господень“.

Да, дѣйствительно, святитель Филаретъ, со свойственною ему прозорливостью, еще въ 1857 году съ изумительною вѣрностью, при рожденіи Великаго Князя, провидѣлъ тѣ духовныя качества, которыя составили преимущественную черту характера Великаго Князя,—Его преданность Православной Вѣрѣ и Святой Руси.

Какъ плодотворна была дѣятельность Великаго Князя въ этомъ направленіи,—лучше всѣхъ знаемъ мы, Москвичи, такъ какъ на нашихъ глазахъ протекла эта дѣятельность, которая обѣщала намъ еще много дивныхъ плодовъ для нашей дорогой Родины, если бъ она не пресѣклась

имѣетъ съ жизнью Великаго Князя на безутѣшное горе всѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи.

Съ памятью о Великомъ Князѣ Сергіи Александровичѣ отнынѣ неразрывно связывается память и о Державномъ Его Братѣ, ибо завѣты Великаго Государя Александра III никѣмъ не были такъ вѣрно поняты и такъ свято хранимы, какъ Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ.

Отходя отъ насъ въ лучшій міръ, Онъ оставилъ эти завѣты всей Россіи, часть которой, увы, успѣла уже предать эти завѣты преступному забвенію.

Вотъ почему на нее нагрянули теперь всѣ удручающія ее бѣдствія!

Она избавится отъ нихъ лишь тогда, когда снова вернется къ священнымъ завѣтамъ Александра III и будетъ соблюдать ихъ столь же строго, какъ соблюдалъ ихъ нашъ незабвенный Московскій Великій Князь.

Во что обратится Земскій Соборъ.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что если у насъ соберется Земскій Соборъ, — онъ неминуемо превратится въ конституціонный парламентъ.

Но мы и на этомъ парламентѣ не остановимся, какъ это вполнѣ ясно и убѣдительно доказываетъ А. А. Кирѣевъ въ *Новомъ Времени* (№ 10541).

„У насъ конституціонализмъ (ежели бы, на несчастіе наше, ввели его въ Россіи) продержится весьма недолго: его легче шыли сметутъ соціалъ-демократы Гапоновскаго пошиба. Они уже заранѣе, теперь, не обинуясь, заявляютъ, что всякіе эти (слѣдуютъ имена наиболѣе выдавшихся конституціоналистовъ, въ особенности участниковъ съѣзда земцевъ и иныхъ лицъ 6, 7 и 8 ноября) и другіе ни на что негодные „буржуи“ будутъ немедленно изгнаны.

„Недолго, вѣроятно, продержится и этотъ Гапоновскій „режимъ“: его вѣроятно, смететъ крестьянство.

„Говорю, что все это осуществится (или можетъ осуществиться) очень скоро, потому что мы, Русскіе, отчаянные радикалы (когда начинаемъ дѣйствовать), а радикалы мы потому, во-первыхъ, что мы Славяне, а у Славянина радикализмъ въ крови, а во-вторыхъ, потому, что мы мало культурны“.

Вотъ слѣдовательно, какъ опасно затѣвать Земскій Соборъ, ибо, если у насъ нѣтъ никакихъ гарантій, что конституціонализмъ не превратится въ „Гапоновскій режимъ“, то у насъ еще менѣе гарантій, что Земскій Соборъ не превратится въ конституціонный парламентъ, — все по той же самой, столь вѣрно отмѣченной А. А. Кирѣевымъ, причинѣ, заключающейся въ томъ, что мы „отчаянные радикалы“, вслѣдствіе того, что мы Славяне и, сверхъ того, еще мало культурны.

И, тѣмъ не менѣе, славянофилы стоятъ за Земскій Соборъ!

Нѣтъ людей въ Россіи, которые бы такъ ясно и трезво видѣли опасность парламентаризма для Россіи, какъ славянофилы. И нѣтъ, кромѣ нихъ,

никого, кто бы такъ искренно, чистосердечно и наивно старался о навлеченіи на Россію этой страшной опасности!

Мы ничего не имѣемъ въ принципѣ противъ этого Земскаго Собора, о которомъ такъ сладостно мечтаетъ благодушная фантазія славянофиловъ, но на практикѣ мы считаемъ *современное* введеніе Земскаго Собора легкомысленнѣйшимъ и опаснѣйшимъ экспериментомъ, такъ какъ Земскій Соборъ говоря словами А. А. Кирѣева, „продержится весьма недолго, его легче были сметутъ“ конституціоналисты Петрункевичскаго пошиба, которые, „уже заранѣе, генерь, не обинуясь, заявляютъ, что всякіе эти ни на что негодные“ славянофилы „будутъ немедленно изгнаны“.

Или, можетъ-быть, славянофилы могутъ указать на какія-либо серіозныя гарантіи, которыя предохранятъ превращеніе Земскаго Собора въ парламентъ?

Пусть, въ такомъ случаѣ, они укажутъ на эти гарантіи.

Или, можетъ-быть, они увѣрены, что, когда у насъ откроется Земскій Соборъ, мы сразу перестанемъ быть „отчаянными радикалами“, переставъ быть Славянами и сдѣлавшись сразу высоко культурными?

Тогда пусть они укажутъ, на чемъ они основываютъ свою увѣренность въ такую сверхъестественную метаморфозу.

Что доказываетъ Нижегородскій погромъ.

Отсутствіе сильной Правительственной Власти всегда влечетъ за собой два пагубныя послѣдствія:

1) усиленіе дерзости злонамѣренныхъ людей, и

2) дикій самосудъ населенія.

Это правило—безъ исключенія.

Возьмите самую культурную страну и прекратите въ ней дѣйствія правительственной власти: неминуемо, почуявъ безнаказанность, преступная анти-соціальная часть общества проявитъ всю свою наглость, а благонамѣренное населеніе, видя свою беззащитность со стороны правительства, вынуждено будетъ само защищать себя отъ преступниковъ и расправляться съ ними варварскимъ самосудомъ.

То, что произошло въ Нижнемъ-Новгородѣ, лишній разъ подтверждаетъ эту аксіому.

Еще 9 іюля нашъ корреспондентъ телеграфировалъ намъ изъ Нижняго-Новгорода:

„На ярмарку начинаютъ стягиваться агитаторы и возбуждать народъ къ смутѣ и различнымъ безобразіямъ. Уже начались сходки, на которыхъ говорятъ зажигательныя рѣчи. Купечество подавлено вопросомъ, каково будетъ отношеніе Власти къ начинающемуся движенію. Общее убѣжденіе таково, что ярмарка можетъ пройти спокойно, если съ первыхъ же поръ будутъ приняты рѣшительныя и энергичныя мѣры противъ агитаторовъ. Купечество собирается къ мѣстному начальству, намѣреваясь указать ему на тревожные признаки“. (*Моск. Вѣд.*, 1905 г., № 186.)

Мѣстное начальство, во главѣ котораго стоитъ такой опытный и серіозный руководитель, какъ генералъ Унтербергеръ, несомнѣнно и само

видѣло эти тревожные признаки, но,—не располагая полномочіями военнаго положенія и сдерживаемое рекомендуемою изъ Петербурга столь модною нынѣ дряблою „гуманностью“,—лишено было возможности нѣсколькими сильными ударами парализовать агитаторовъ и заранѣе разстроить задуманныя ими преступныя агитаціи и демонстраціи.

Изумленное населеніе видѣло, какъ 9 іюля безпрепятственно устраивались революціонныя демонстраціи, „при чемъ въ одномъ изъ этихъ случаевъ демонстранты собирались за казеннымъ виннымъ складомъ“,—какъ это констатируетъ офиціальное сообщеніе, ни словомъ не упоминающее о томъ, встрѣтила ли эта возмутительная демонстрація какое-либо противодѣйствіе со стороны полиціи; говорится лишь, что „мимо проѣхалъ полицеймейстеръ“.

Мирные рабочіе, видя бездѣйствіе власти предъ возмущавшею ихъ революціонною демонстраціей, крикнули полицеймейстеру, „что они сами справятся съ демонстрантами, такъ какъ тѣ являются виновниками постоянныхъ забастовокъ, вслѣдствіе чего они, рабочіе, лишаются заработка и голодаютъ“.

И дѣйствительно, рабочіе были возмущены и наглостію революціонеровъ, и бездѣйствіемъ полиціи. Нашъ корреспондентъ сообщаетъ намъ слѣдующія подробности:

„За Народнымъ Домомъ собралась толпа революціонеровъ съ красными и черными флагами, при чемъ раздавались и читались вслухъ возмутительныя прокламаціи. Магазины въ городѣ, въ продолженіе всего дня, были заперты, и всякія работы почти повсемѣстно были прекращены. Революціонеры смѣло расхаживали на глазахъ полиціи по всему городу, наводя страхъ на обывателей“.

Но, при всемъ своемъ вполнѣ понятномъ возмущеніи подобнымъ зрѣлищемъ, рабочее населеніе еще ждало энергичныхъ дѣйствій властей и къ самосуду не приступало. Вѣдь власти были достаточно предупреждены и могли бы въ ночь съ 9 на 10 іюля принять всѣ необходимыя мѣры, чтобы впезапнымъ арестомъ главныхъ агитаторовъ сдѣлать на слѣдующій день невозможною революціонную демонстрацію, а слѣдовательно и невозможнымъ безобразный самосудъ толпы.

Ничего этого, очевидно, сдѣлано не было, такъ какъ это, вѣроятно, противорѣчило „гуманности“.

И вотъ, „10 іюля, около 5 часовъ пополудни“, по словамъ офиціальнаго сообщенія, „*вновь происходило сборище демонстрантовъ на томъ же мѣстѣ*“ (!); „рядомъ же, около Народнаго Дома, была замѣчена значительная толпа рабочихъ, которые, повидимому, находились въ крайне возбужденномъ состояніи“.

Возбужденіе это было вполнѣ понятно, такъ какъ вчерашніе демонстранты снова безпаказанно и безпрепятственно принялись за свое возмутительное дѣло, а власти никакихъ мѣръ къ прекращенію этого преступнаго безобразія не принимали.

Въ самомъ дѣлѣ, офиціальное сообщеніе подробно говоритъ о томъ, что дѣлали стоявшіе другъ противъ друга возбужденные *революціонеры* и

рабочіе,—но что въ это время дѣлала *полиція*, объ этомъ ничего не сообщается.

Кто же началъ безпорядки? Разумѣется, не рабочіе,—долготерпѣніе которыхъ было поистинѣ изумительно,—а революціонеры.

Вотъ что говоритъ офиціальное сообщеніе:

„Въ это время неизвѣстными лицами изъ *демонстрантовъ* было произведено нѣсколько выстрѣловъ, причемъ *былъ раненъ одинъ изъ стоявшихъ въ группѣ рабочихъ*".

И вотъ начался дикій, безобразный самосудъ толпы... „Тѣ изъ революціонеровъ, которые толпѣ были извѣстны, или при которыхъ нашлось огнестрѣльное оружіе, подверглись избіенію. Въ то же время толпа громко кричала и выражала свою ненависть къ демонстрантамъ, какъ иниціаторамъ забастовокъ и виновникамъ нуждъ рабочихъ".

И лишь тогда, когда этотъ судъ Линча достигъ своего апогея, *впервые* упоминается въ офиціальномъ сообщеніи о полиціи и казакахъ. Но въ какой они оказались роли!

„Полиціи и казакамъ приходилось разбиваться на мелкіе отряды и бросаться въ разныя стороны". *Для чего?—Для спасенія революціонеровъ!..*

„Толпа настолько разсвирѣпѣла, что часто кидалась и на чиновъ полиціи, и войскъ, стараясь отбивать отъ нихъ свои жертвы силой. Начальнику губерніи и полицеймейстеру приходилось принимать личное участіе въ освобожденіи избиваемыхъ".

Корреспондентъ нашъ говоритъ:

„Возмущенный всѣмъ происходящимъ, простой народъ не вытерпѣлъ (когда революціонеры стали стрѣлять) и бросился избивать ихъ, несмотря на то, что у многихъ изъ нихъ было въ рукахъ оружіе... Много арестовано курсистокъ и студентовъ. *Полиція и казаки не трогали никого.* На площади все время присутствовалъ полицеймейстеръ баронъ А. А. Таубе, а въ 8 часовъ вечера пріѣхалъ губернаторъ; но разъяренная толпа не унималась и била зачинщиковъ бунта. Рабочіе открыто заявляли: „„Если кто намъ будетъ давать прокламаціи, того будемъ прямо бить"".

Ничего бы этого не случилось, если бы полиція и казаки своевременно предотвратили или прекратили преступную демонстрацію революціонеровъ, прежде чѣмъ послѣдніе начали стрѣлять въ толпу.

Тогда полиціи и казакамъ не пришлось бы во время погрома стоять на сторонѣ революціонеровъ, такъ какъ вообще никакого погрома и не произошло бы. А если бы въ Нижнемъ-Новгородѣ своевременно было введено военное положеніе, то даже не было бы и никакихъ поводовъ къ погрому!

Но военное положеніе у насъ, къ сожалѣнію, вводится лишь *по окончаніи* погромовъ, когда уже нечего болѣе спасать, а не *передъ* разгромами, когда еще все спасти можно.

Прочтите, напримѣръ, *Правительственное Сообщеніе* о Тифлисскихъ безпорядкахъ. Вамъ все время перечисляютъ тѣ ужасы, которые творили преступники,—и вы все время спрашиваете себя: „Ну, хорошо, а что же въ это время дѣлали власти?" И лишь въ самомъ концѣ своего *Сооб-*

щенія Правительство, *какъ бы извиняясь*, признается, что, *послѣ* всѣхъ этихъ ужасовъ, оно вынуждено было ввести военное положеніе.

А между тѣмъ, если бы Правительство имѣло мужество исполнять свой прямой долгъ,—оно давно уже ввело бы военное положеніе во всѣхъ крупныхъ центрахъ, гдѣ необходимо обезопасить жизнь и достояніе населенія. Тогда вся Россія могла бы быть покойна, въ полной увѣренности, что *никогда* не будетъ тѣхъ безобразій, которыя были въ Тифлисѣ, Эриванѣ, Одессѣ, Лодзи и Нижнемъ-Новгородѣ *).

Нижній-Новгородъ! Завтра тамъ открывается ярмарка, на которую свезены товары на многіе милліоны рублей! Что же, и тутъ мы введемъ военное положеніе лишь тогда, когда всѣ товары будутъ разграблены?

Мы снова возвращаемся къ той же самой мысли, которую уже неоднократно высказывали.

Намъ нужна диктатура.

Значитъ ли это, что долженъ быть назначенъ особый диктаторъ, съ прекращеніемъ всей нормальной жизни во всемъ государствѣ, какъ это было на Литвѣ, при графѣ М. Н. Муравьевѣ, этомъ доблестномъ Русскомъ мужѣ, сохранившемъ цѣлость и единство Имперіи?

Нѣтъ, такой экстренной мѣры намъ пока еще не надо, и, Богъ дастъ, она намъ и впередъ не понадобится.

Намъ нужна диктатура графа Д. А. Толстого, который не *прекратилъ*, а *воскресилъ* нормальную жизнь Россіи, заставивъ снова дѣйствовать существующіе, но временно забытые, законы и подвергнувъ строгой карѣ нарушителей законовъ.

И теперь у насъ такое же положеніе. Если бы явился министръ Внутреннихъ Дѣлъ, который рѣшился бы *строго, неуклонно и послѣдовательно* примѣнять существующіе законы, ограждающіе порядокъ въ Государствѣ, и привелъ бы къ полному безсилію всѣхъ нарушителей этого законнаго порядка,—то у насъ и явилась бы та диктатура, которая одна только и можетъ спасти Россію.

Но при этомъ необходимо одно условіе: чтобы всѣ остальные министры не противодѣйствовали, а всѣми мѣрами содѣйствовали министру Внутреннихъ Дѣлъ въ исполненіи его прямой, столь спасительной для Россіи, обязанности, какъ это было и при графѣ Д. А. Толстомъ, который пользовался такимъ довѣріемъ своего Государя, что никому и въ голову не приходило какое бы то ни было противодѣйствіе его режиму, сразу

*) Въ одну изъ подмосковныхъ большихъ мануфактурныхъ фабрикъ пробрались агитаторы и начали мутить рабочихъ. Назначена была уже сходка для провозглашенія забастовки. Благоразумная часть рабочихъ сама обратилась къ администраціи фабрики съ просьбой о томъ, чтобъ она похлопотала о присылкѣ войскъ. По прибытіи войскъ, все сразу успокоилось, агитаторы исчезли, сходка не состоялась, и работа на фабрикѣ идетъ полнымъ ходомъ. По просьбѣ рабочихъ, войска оставались нѣсколько дней при фабрикѣ, пока все не успокоилось. Здѣсь, слѣдовательно, мы видимъ, какъ народъ уповаетъ на власть, и какъ власть оправдываетъ упованіе народа. Не то было въ Нижнемъ-Новгородѣ: народъ *долго* ждалъ проявленія власти и не вытерпѣлъ лишь тогда, когда власть дала вооруженнымъ революціонерамъ возможность стрѣлять въ безоружную толпу.

оздоровившему Россію и поднявшему ее на такой уровень всемірной славы, котораго она дотолѣ никогда не достигала.

Вотъ о какой диктатурѣ мы говоримъ.

А если она не будетъ теперь же введена, то скоро наступитъ время, когда намъ безъ Муравьева обойтись уже будетъ невозможно.

Возможна ли въ Россіи революція?

Завтра, 20 іюля, день скорбнаго воспоминанія о почившемъ великомъ Русскомъ человѣкѣ и величайшемъ Русскомъ публицистѣ Михаилѣ Никифоровичѣ Катковѣ.

Ежегодно въ этотъ день насъ съ особою силой привлекаетъ къ себѣ величавый образъ этого благороднаго ратоборца за мощь, честь и славу Россіи, но ни разу намъ не приходилось вспоминать о немъ съ такою невыразимою скорбью и томящею тоской, какъ нынѣ.

Съ краской глубокаго стыда на лицѣ, мы должны признать, что все, созданное творческою мыслію Каткова для обезпеченія величія Россіи, все осуществленное по этой мысли Великимъ Государемъ-Миротворцемъ,—все это нынѣ подорвано, а отчасти уже разрушено, а то, что еще случайно уцѣлѣло, грозитъ близкимъ страшнымъ паденіемъ.

„Въ Россіи невозможна революція", говорилъ и убѣдительно доказывалъ Катковъ, и то же самое убѣжденно повторяли и друзья, и враги Россіи, видя, съ одной стороны, Всевластнаго Самодержавнаго Царя, а съ другой — несмѣтные милліоны беззавѣтно преданнаго Ему Русскаго народа.

И дѣйствительно, еще годъ тому назадъ всѣ съ полною увѣренностью твердили ту же аксіому: „въ Россіи революція невозможна".

И вотъ теперь оказалось, что революція у насъ не только возможна, но уже и началась!

Чѣмъ же объяснить такое внезапное и быстрое опроверженіе аксіомы, казавшейся столь неопровержимою?

Тѣмъ, что случилось нѣчто совершенно непредвидѣнное, безсмысленное, противоестественное.

Правительство, въ лицѣ князя Святополкъ-Мирскаго, само побраталось съ революціей на глазахъ недоумѣвающаго, и теперь уже негодующаго, народа!

Революція была невозможна, такъ какъ главари ея находились въ изгнаніи. Они обратили вниманіе Правительства на то, что имъ въ такомъ стѣсненномъ положеніи начать революцію невозможно.

И вотъ Правительство нашло ихъ доводы вполнѣ убѣдительными и немедленно вернуло изъ изгнанія и Петрункевичей, и Родичевыхъ, и болѣе мелкихъ, но столь же дерзкихъ ихъ сообщниковъ, предоставивъ имъ полную свободу начать революцію, когда и какъ имъ угодно.

Революція была невозможна, такъ какъ въ Россіи существуютъ законы, строго карающіе публичныя революціонныя рѣчи, революціонные сходки и съѣзды, а также и революціонныя статьи въ газетахъ и журналахъ. Кра-

мольники стали громко жаловаться на такое законное стѣсненіе ихъ преступной дѣятельности. „Какъ же намъ теперь устраивать революцію, когда насъ за каждую направленную противъ Самодержавія рѣчь или статью могутъ арестовать и предать уголовному суду?“

Правительство тотчасъ же вошло въ положеніе этихъ несчастныхъ людей и, не отмѣняя существующихъ законовъ, притворилось, будто не слышитъ и не видитъ тѣхъ зажигательныхъ революціонныхъ рѣчей и статей, которыми крамольники стали открыто пропагандировать свои идеи. Это свое притворство Правительство прикрыло благовиднымъ словомъ „довѣрія“, безъ котораго, конечно, революція въ Россіи была бы невозможна.

Революція была невозможна, такъ какъ, по существующимъ законамъ, революціонеры не могли устраивать „общероссійскихъ съѣздовъ“, дабы тамъ, „отъ имени всего народа“, вырабатывать программы для низверженія Царскаго Самодержавія.

Правительство любезно предоставило крамольникамъ полную возможность устраивать революціонные съѣзды, выражая лишь, „для очищенія совѣсти“, формальный противъ нихъ „протестъ“, и нисколько не удивилось, когда ни одинъ изъ крамольниковъ не обратилъ на этотъ протестъ ни малѣйшаго вниманія.

Революція была невозможна въ Россіи, такъ какъ въ распоряженіи главарей крамолы не было достаточно „пушечнаго мяса“, не было организованной арміи молодыхъ, неопытныхъ, наивныхъ людей, которые согласились бы устраивать публичныя революціонныя демонстраціи, а въ случаѣ надобности — и баррикады. „Мы безъ рабочихъ и студентовъ“, говорили крамольники, „революціи устроить не можемъ, а существующіе законы не позволяютъ рабочимъ и студентамъ, бросивъ свою работу, посвятить себя исключительно революціи“.

И тутъ Правительство нашло вполнѣ возможнымъ удовлетворить весьма естественныя желанія крамолы: оно признало революціонныя „забастовки“ студентовъ и рабочихъ явленіемъ вполнѣ законнымъ и предоставило крамолѣ полную свободу вербовать себѣ на фабрикахъ и въ университетахъ столько новобранцевъ, сколько ей потребуется для организуемой ею революціонной арміи.

Революція была невозможна въ Россіи, такъ какъ Русскій народъ, преданный своему Царю, возсталъ бы противъ Его враговъ, дабы вмѣстѣ съ Царскою вооруженною силой положить конецъ ихъ преступной дѣятельности. И на это неудобство, могущее препятствовать успѣхамъ этой дѣятельности, указали Правительству революціонеры.

Желаніе ихъ исполнилось и въ этомъ отношеніи: мы видѣли на-дняхъ, какъ въ Нижнемъ Новгородѣ казаки и полиція не препятствовали революціонерамъ четыре дня подъ рядъ творить свои преступныя дѣла, всячески спасая ихъ отъ негодующаго народа, который мѣстныя власти, такъ же, какъ и крамола, нынѣ уже не считаютъ доблестною ратью преданныхъ Царю Русскихъ людей, желающихъ мирно жить и вынужденныхъ прибѣ-

гать къ самозащитѣ,—а какими-то „черными сотнями“, мѣшающими столь желанному крамолѣ низверженію Царской Самодержавной Власти!

Революція была невозможна въ Россіи, такъ какъ крамольники, желавшіе развращать своею преступною пропагандой сельское населеніе, встрѣчали препятствіе въ лицѣ земскихъ начальниковъ, вѣрой и правдой несшихъ свою нелегкую службу Царю и Отечеству,

И вотъ крамольники уже ликуютъ, такъ какъ-де Правительство обѣщало имъ совершенно упразднить земскихъ начальниковъ, или, по крайней мѣрѣ, связать ихъ въ ихъ дѣятельности по рукамъ и по ногамъ.

Революція была невозможна въ Россіи, такъ какъ наиболѣе враждебные Россіи инородные и иновѣрные элементы сдерживались въ своей враждѣ разумными законами, не дававшими имъ возможности содѣйствовать русскимъ крамольникамъ въ ихъ революціонной дѣятельности.

Правительство поспѣшило предоставить этимъ инородцамъ и иновѣрцамъ полную свободу для сокрушенія Самодержавія и Православія въ Россіи, зная, что Православная Церковь является главнымъ оплотомъ Самодержавной Власти Русскихъ Царей.

Революція была невозможна въ Россіи,—но она стала не только возможною, но даже неизбѣжною, съ тѣхъ поръ какъ князь Святополкъ-Мирскій, съ совершенно невѣроятною предупредительною услужливостью, сталъ исполнять всѣ требованія и капризы революціонеровъ, которые, благодаря этому, быстро успѣли занять такія позиціи, съ которыхъ Правительство и теперь почему-то еще не рѣшается ихъ выгнать.

Катковъ умеръ въ увѣренности, что Самодержавіе въ Россіи несокрушимо.

Точно такъ же Мольтке, умирая, выразилъ полную увѣренность, что онъ превратилъ Мецъ въ несокрушимую твердыню.

И Катковъ, и Мольтке были правы.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно было бы упрекнуть Мольтке въ легкомысленной самоувѣренности, если бы, въ случаѣ новой Франко-Германской войны, къ Мецу подошли бы двѣ или три роты французскихъ солдатъ съ дерзкимъ требованіемъ, чтобы крѣпость сдалась имъ на капитуляцію, и если бы комендантъ крѣпости, выпустивъ, „для очистки совѣсти“, нѣсколько холостыхъ зарядовъ, покорно исполнилъ бы всѣ требованія этой смѣлой кучки, открылъ бы предъ нею ворота несокрушимой крѣпости, предоставляя въ распоряженіе непріятеля всѣ накопленные въ ней боевые и жизненные припасы? При такихъ условіяхъ Мецъ былъ бы, конечно, взятъ Французами, и, тѣмъ не менѣе, Мольтке остался бы правъ, объявивъ Мецъ несокрушимою твердыней.

Точно такъ же правъ былъ и Катковъ, вѣруя въ несокрушимость Самодержавія Русскихъ Царей и въ невозможность революціи въ Россіи,—ибо онъ не могъ предвидѣть, что Правительство въ Россіи совершитъ тотъ невѣроятный безсмысленный поступокъ, котораго, конечно, никогда не совершилъ бы комендантъ Меца.

Жизненные интересы крестьянскаго и рабочаго сословія *).

Русская Монархическая партія считаетъ, между прочимъ, необходимымъ осуществленіе такой реформы, которая обезпечивала бы „неустанное попеченіе о матеріальномъ и, въ особенности, о духовномъ благѣ крестьянскаго и рабочаго сословія, а также о добромъ воспитаніи его въ правилахъ религіозной нравственности, любви къ Царю и Отечеству и законнаго гражданскаго общежитія".

Такъ какъ Монархическая партія имѣетъ главною своею задачей сохраненіе Самодержавной Власти Русскихъ Царей, которая основана на беззавѣтныхъ чувствахъ вѣрноподданства Русскаго народа, то весьма понятно, почему въ ея глазахъ неустанная Царская забота о благѣ и жизненныхъ интересахъ нашихъ народныхъ сословій имѣетъ такое выдающееся значеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ наша революціонная партія желала бы всего болѣе убѣдить нашихъ крестьянъ и рабочихъ?

Въ томъ, что Царь де о нихъ забылъ и думать: что, поэтому, имъ самимъ приходится заботиться о своемъ матеріальномъ и духовномъ благѣ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, имъ останется только погибнуть.

Соціалисты же, со своей стороны, выставляютъ Царя въ глазахъ народа какимъ-то алчнымъ хищникомъ, который только и думаетъ, какъ бы „высосать послѣдніе соки" изъ несчастныхъ крестьянъ и рабочихъ.

Эта возмутительная ложь, распространяемая въ сотняхъ тысячъ подпольныхъ листковъ среди крестьянъ и рабочихъ, встрѣчаетъ пока еще, слава Богу, отпоръ въ здравыхъ, вѣками упаслѣдованныхъ, взглядахъ народа на Царя, какъ на Богомъ поставленнаго родного Отца Своего народа, какъ на перваго его Печальника и многомилостиваго Благодѣтеля.

Этотъ столь вѣрный народный взглядъ на Царя является источникомъ той беззавѣтной преданности Монарху, которая составляетъ отличительную черту характера Русскаго народа.

Какъ же Царю не дорожить этою преданностью? Какъ же Ему всячески не стараться, и словомъ и дѣломъ, оправдать то высокое значеніе, которое Онъ имѣетъ въ глазахъ Своего народа? Какъ же Ему не заботиться о матеріальномъ и духовномъ благѣ крестьянскаго и рабочаго сословій?

Но забота Царя о крестьянахъ, и въ особенности о рабочихъ, и правительственное признаніе и разрѣшеніе рабочаго вопроса не являются ли,— какъ иные думаютъ,—именно тѣмъ *соціализмомъ*, который объявилъ безпощадную, непримиримую войну теперешнему обществу и Государству?

Нисколько. Соціалистическая безумная доктрина признаетъ лишь *одинъ* классъ въ государствѣ достойнымъ заботъ и попеченія—классъ рабочихъ: всѣ остальные классы и сословія должны быть уничтожены, и все государство должно быть превращено въ громадный рабочій домъ, въ которомъ всѣ будутъ равны предъ закономъ, обязывающимъ всѣхъ безъ различія быть рабочими. Это какая-то безпробудная, страшная каторга, которая, къ

*) Продолжаемъ разъясненіе программы Русской Монархической партіи См. *Моск. Вѣд.* 1905 г., №№ 121, 134, 145, 149, 161, 162, 164 и 168.

счастію, никогда и нигдѣ осуществлена быть не можетъ, но къ которой стремятся соціалисты, увлекая за собой бѣдный, довѣрчивый рабочій людъ.

Совершенно иная задача представляется Русскому Царю въ Его заботѣ о Своемъ рабочемъ народѣ: народъ этотъ составляетъ не все населеніе государства, а лишь значительную часть его: рядомъ съ нимъ существуютъ другія сословія и группы Русскаго народа, которыя одинаково дороги сердцу Царя, какъ и крестьянское, и рабочее сословіе.

Стоя выше всѣхъ этихъ сословій и группъ, какъ отецъ стоитъ выше своихъ дѣтей, Царь съ одинаковою любовію печется о матеріальномъ и духовномъ благѣ какъ дворянъ, такъ и крестьянъ, какъ духовенства, такъ и купечества, какъ мѣщанъ и ремесленниковъ, такъ и фабричныхъ рабочихъ. Онъ всѣми мѣрами старается, чтобы всѣмъ имъ хорошо жилось въ Россіи, и Онъ одинъ въ Своемъ безпристрастіи можетъ мирно согласовать всѣ ихъ различные интересы и привести ихъ къ одной общей гармоніи.

Еще въ недавнее время жизненные интересы крестьянства, и въ особенности рабочаго класса, въ Россіи были плохо изслѣдованы, и Царь, поэтому, при всемъ желаніи Своемъ, не могъ въ должной мѣрѣ издавать соотвѣтствующіе законы для обезпеченія матеріальнаго и духовнаго блага трудящагося люда въ Россіи.

Но время это прошло. „Рабочій вопросъ“ нынѣ выдвинутъ Царемъ на первый планъ, онъ подвергается тщательному изслѣдованію и изученію, и за послѣднее десятилѣтіе уже изданъ цѣлый рядъ законовъ для повышенія благосостоянія рабочихъ, для охраны ихъ силъ и здоровья отъ чрезмѣрной изнурительной работы, для обезпеченія ихъ жизни, и вообще для огражденія ихъ отъ всякихъ невзгодъ и притѣсненій. Къ этимъ законамъ присоединятся еще новыя, уже намѣченныя, мѣропріятія, которыя дѣйствительно обезпечатъ благосостояніе рабочихъ въ Россіи въ наиболѣе желательной степени.

Но, благодаря этому попеченію Царя о рабочихъ, у соціалистическихъ агитаторовъ исчезаетъ почва изъ-подъ ногъ для ихъ революціонной пропаганды среди рабочаго класса: вотъ почему они такъ усиленно стараются увлечь рабочихъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ, дабы, съ одной стороны, остановить Правительство въ его заботахъ о рабочихъ, а съ другой—чтобы подстрекнуть рабочихъ къ низверженію Правительства, которое де ничего для нихъ не дѣлаетъ.

Въ виду этого легко понять, въ чемъ должны заключаться тѣ преобразованія, которыя дадутъ Правительству возможность съ успѣхомъ заботиться о матеріальномъ и духовномъ благѣ крестьянскаго и рабочаго сословія.

Прежде всего, разумѣется, необходимо создать надежную и крѣпкую охрану, которая ни подъ какимъ видомъ не допускала бы соціалистическо-революціонной пропаганды въ среду крестьянства и рабочаго люда.

Какъ организовать эту охрану, это—дѣло полицейской техники, въ подробности которой мы, конечно, входить не будемъ.

По всей вѣроятности, увеличеніе и усиленіе надзора за преступною пропагандой потребуетъ новыхъ государственныхъ расходовъ; но на нихъ,

конечно, скупиться нечего, разъ дѣло идетъ о матеріальномъ и духовномъ благѣ Русскаго народа. Уже и то будетъ великимъ успѣхомъ въ данномъ направленіи, что охрана народа отъ политической отравы будетъ правильно поставлена, если не въ количественномъ, то въ качественномъ отношеніи: достаточно будетъ очистить личный составъ фабричныхъ инспекторовъ отъ проникшихъ въ него соціалистическихъ элементовъ, а составъ земскихъ начальниковъ и всѣхъ близко къ крестьянству стоящихъ должностныхъ лицъ—отъ единомышленниковъ Родичевыхъ и Петрункевичей, чтобы сдѣлать значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ охраны народа отъ соціалистической и революціонной пропаганды.

Но, рядомъ съ этими необходимыми мѣрами репрессіи, должны быть осуществлены положительныя, созидательныя мѣры, направленныя къ „доброму воспитанію народа въ правилахъ религіозной нравственности, въ любви къ Царю и Отечеству и законнаго гражданскаго общежитія".

Пора, наконецъ, Правительству сознаться въ той громадной, сдѣланной имъ, ошибкѣ, которая граничитъ съ преступленіемъ,—въ допущенномъ имъ религіозномъ и политическомъ развращеніи народа, отданнаго на произволъ „либеральнымъ" земскимъ педагогамъ.

Вмѣсто того чтобы настойчиво требовать себѣ необходимые милліоны изъ государственной казны для покрытія Россіи густою сѣтью своихъ собственныхъ народныхъ школъ,—Министерство Народнаго Просвѣщенія всегда трепетало предъ суровыми отказами всемогущаго министра Финансовъ и довольствовалось, сравнительно съ другими министерствами, позорными, истинно-нищенскими крохами; такимъ образомъ оно выпустило изъ своихъ рукъ народное образованіе, которымъ съ алчною жадностью поспѣшило завладѣть „либеральное" земство. Правда, надзоръ за земскими школами номинально остался за Министерствомъ, но именно только номинально: хозяевами въ земскихъ школахъ были и досель остаются гг. земцы, а какъ они въ нихъ хозяйничаютъ, ясно показали правительственныя ревизіи въ нѣкоторыхъ земскихъ губерніяхъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія знало, какъ развращается народъ въ земскихъ школахъ, но оставалось предъ этимъ возмутительнымъ зрѣлищемъ въ безсильномъ оцѣпенѣніи. Не оно, а Духовное Вѣдомство воспрянуло противъ этого ужаса и стало, по мѣрѣ силъ, противодѣйствовать ему учрежденіемъ церковно-приходскихъ школъ.

И вотъ, Россія раздѣлилась на поприщѣ народнаго воспитанія на два враждебные лагеря: на земскія и на церковныя школы, просвѣщающія народъ въ діаметрально-противоположномъ направленіи, а Министерство Народнаго Просвѣщенія безпомощно и пассивно взираетъ на это странное зрѣлище, подобнаго которому нѣтъ нигдѣ, ни въ какомъ иномъ государствѣ вселенной, такъ какъ оно прямо противорѣчитъ и здравому смыслу, и благу народа, и жизненнымъ интересамъ Государства.

Вездѣ, во всѣхъ культурныхъ странахъ, народная школа находится въ рукахъ правительства. Мы можемъ сожалѣть, что теперешнее правительство республиканской Франціи состоитъ изъ атеистовъ и франмасоновъ, но мы ничего не можемъ возразить противъ того права, которымъ оно

пользуется, подчиняя своей власти всѣ народныя школы Франціи. Неужели же Самодержавное Всевластное Правительство не имѣетъ права, обязанности и силы сдѣлать то, что дѣлаетъ правительство Французской республики?

Правительство обязано заботиться о духовномъ и матеріальномъ благѣ не только современнаго поколѣнія народа, но и будущихъ его поколѣній. Въ самомъ дѣлѣ, Правительство имѣетъ прямою своею задачей укрѣплять и охранять *прочность* ввѣреннаго ему Государства, а потому оно должно заботиться не только объ его настоящей, но и о будущей его прочности, а будущая прочность его всецѣло зависитъ отъ будущихъ поколѣній его народа.

Вотъ почему Правительство Самодержавной, Православной Россіи обязано прилагать всѣ мѣры къ тому, чтобы Россія и впредь оставалась Православною и Самодержавною, а слѣдовательно, чтобъ и все воспитаніе молодого народнаго поколѣнія велось въ духѣ Православной Церкви и беззавѣтной преданности Самодержавному Царю.

Вотъ почему одною изъ первыхъ великихъ реформъ въ Россіи, по окончаніи настоящей войны, должна быть реформа народной школы въ томъ смыслѣ, чтобы школа эта была всецѣло въ рукахъ Правительства—Министерства Народнаго Просвѣщенія или Духовнаго Вѣдомства,—чтобы школы эти давали доброе воспитаніе въ правилахъ религіозной нравственности, любви къ Царю и Отечеству, чтобы школъ этихъ было вполнѣ достаточное количество, дабы сдѣлать всю Россію грамотною, но чтобы къ школамъ этимъ не имѣли ни малѣйшаго повода и ни малѣйшей возможности прикасаться элементы, враждебные Церкви, Царю и государственно-общественному строю Россіи.

„Печальное“ происшествіе.

21 іюля въ Балашовѣ собрались въ гостинницѣ забастовавшіе земскіе врачи и „постороннія лица“ и стали пѣть революціонныя пѣсни. Въ то же самое время собралась въ залѣ Земскаго Собранія „публика“ и стала, въ ожиданіи собранія врачей, также распѣвать революціонныя пѣсни, глумиться надъ портретомъ Государя Императора, искажая его надрѣзами и вообще ведя себя „въ высшей степени безобразно“.

Офиціальное сообщеніе, напечатанное въ *Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, называетъ такое происшествіе „печальнымъ“!

Русскій народъ назоветъ такое дикое проявленіе крамолы *преступнымъ*, *возмутительнымъ*, но онъ еще болѣе возпегодуетъ, если узнаетъ, что для мѣстныхъ властей оно является только „*печальнымъ*“!

Но, можетъ быть, „печальнымъ“ Саратовскія власти называютъ совершенно другое происшествіе, вызванное вышеприведенными дѣйствіями мѣстныхъ крамольниковъ.

Дѣло въ томъ, что обыватели города, совершенно основательно озлобленные противъ забастовавшаго медицинскаго персонала, собрались въ количествѣ 2.000 человѣкъ противъ гостиницы, въ которой происходило совѣщаніе врачей и посторонпихъ лицъ и изъ окна которой раздавалось

пѣніе революціонныхъ пѣсенъ. Обыватели держали въ передовыхъ рядахъ портретъ Государя Императора и пѣли Народный гимнъ. Само собою разумѣется, патріотическое чувство обывателей было сильно оскорблено не только вызывающимъ преступнымъ поведеніемъ земскихъ врачей и „постороннихъ лицъ“, но и безобразіями, творившимися, какъ мы видѣли, въ залѣ Земскаго Собранія, а также разбросанными по городу объявленіями врачей съ тенденціознымъ объясненіемъ причинъ устроенной ими забастовки и, сверхъ того, совершившимся 18 іюля, но случайно неудавшимся, покушеніемъ на убійство Саратовскаго губернатора около села Суркова.

Но справедливое негодованіе обывателей достигло крайняго напряженія, когда они увидали, что крамольники, совершившіе всѣ эти возмутительныя преступленія, *остаются безнаказанными*, что власти ихъ не только не арестуютъ, но даже *даютъ имъ возможность, подъ охраной казаковъ, отправиться на вокзалъ желѣзной дороги, чтобы затѣмъ свободно разъѣхаться на всѣ четыре стороны*!!

Тогда нѣкоторыя лица изъ толпы начали бросать въ уѣзжавшихъ камнями, при чемъ охранявшій крамольниковъ губернаторъ получилъ поврежденіе пальца, и ему съ большимъ трудомъ удалось оградить спасаемыхъ имъ негодяевъ отъ возмущенной ихъ безнаказанностью толпы, разгромившей затѣмъ два дома и избившей попавшихся на улицѣ двухъ врачей.

Вотъ что мѣстныя власти называютъ „печальнымъ происшествіемъ“!

Населеніе, видите ли, должно было равнодушно смотрѣть, какъ власти охраняютъ безнаказанность крамольниковъ!

Въ глазахъ мѣстныхъ властей революціонныя дикія выходки, направленныя противъ Государя, очевидно, никакого значенія не имѣютъ; явные преступники не арестуются, *имъ дается возможность бѣжать*! Развѣ это не верхъ дикаго безобразія?

Да, въ глазахъ всѣхъ истинно-Русскихъ людей это дико, безобразно. Но въ глазахъ мѣстныхъ властей „дикимъ“ является негодованіе обывателей, возмущенныхъ этими преступными безобразіями.

Мѣстныя власти обвиняютъ обывателей въ „дикомъ патріотизмѣ“.

Мало того, обывателямъ приходится выслушать отъ мѣстныхъ властей еще строжайшія угрозы:

„Каковы бы поводы ни выставлялись для такого самосуда“,—говоритъ губернаторъ, въ официальномъ сообщеніи,—„они являются беззаконіемъ и дикимъ произволомъ, котораго я не потерплю. Противъ виновныхъ будетъ возбуждено преслѣдованіе, а въ случаѣ повторенія подобнаго насилія, оно будетъ прекращено военною силой“.

Итакъ, виновными оказываются не крамольники, безнаказанно пѣвшіе революціонныя пѣсни и изрѣзавшіе портретъ Государя, а вѣрноподданные Русскіе люди, державшіе предъ собой, какъ святыню, дорогое изображеніе обожаемаго Царя и отвѣчавшіе пѣніемъ Народнаго Гимна на крамольные крики дикихъ революціонеровъ, истощившихъ терпѣніе мирныхъ обывателей и вынудившихъ ихъ, наконецъ, прибѣгнуть къ самосуду!

Не противъ крамольниковъ будетъ возбуждено преслѣдованіе, а противъ вѣрноподданныхъ Русскихъ людей, и не крамольникамъ грозятъ

военною силой, въ случаѣ повторенія подобнаго ихъ преступнаго безобразія, а обывателямъ, если они снова возмутятся этимъ безобразіемъ и его безнаказанностью и осмѣлятся самовольно прекратить его насиліемъ.

Мѣстныя власти отмѣчаютъ случившееся при этомъ еще другое „печальное“ происшествіе:

„Къ сожалѣнію, нѣсколько казаковъ, эвакуировавшихъ врачей на вокзалъ, раздраженные безпорядками и *угрожающими жестами одного изъ сопровождаемыхъ ими*, нанесли имъ нѣсколько ударовъ нагайкой, не имѣвшихъ сколько-нибудь серіозныхъ послѣдствій“.

Нужно надѣяться, что крамола приметъ во вниманіе эти смягчающія обстоятельства и не отомститъ за нихъ мѣстнымъ властямъ, такъ самоотверженно содѣйствовавшимъ благополучному спасенію мятежниковъ.

Боже мой, до чего мы, однако, дожили!

Беззаконіе, какого бы рода оно ни было, терпимо быть не можетъ, и само собою разумѣется, что мѣстныя власти не должны допускать никакихъ беззаконій ни со своей стороны, ни со стороны крамольниковъ, ни со стороны благонамѣренныхъ обывателей. Но сваливать всю вину на послѣднихъ при происшедшемъ въ Балашовѣ беззаконіи едва ли справедливо. Но еще болѣе несправедливо находить „дикость“ не въ преступленіяхъ крамолы, а въ патріотизмѣ обывателей!

„Дикій патріотизмъ“! Что за дикое выраженіе! Если патріотъ видитъ *безнаказанное* оскорбленіе своей Родины и своего Государя, то онъ будетъ безчувственнымъ дикаремъ, если отнесется равнодушно къ этому возмутительному зрѣлищу и самъ не приметъ мѣры къ его прекращенію и къ наказанію виновныхъ.

А вотъ дѣйствительно и печальнымъ, и дикимъ, является бездѣйствіе мѣстныхъ властей!

Кто разрѣшилъ происшедшее въ гостиницѣ совѣщаніе забастовавшихъ врачей и постороннихъ лицъ?

Кто допустилъ это беззаконное собраніе, если оно никѣмъ не было разрѣшено?

Почему была допущена столь же беззаконная сходка революціонеровъ въ залѣ Земскаго Собранія?

Почему было допущено преступное проявленіе этихъ революціонеровъ, распѣвавшихъ революціонныя пѣсни и надругавшихся надъ священнымъ изображеніемъ Государя Императора?

Почему власти не прекратили всего этого своими законными средствами? Почему онѣ не подвергли виновныхъ строгому аресту на глазахъ населенія, столь глубоко оскорбленнаго въ своихъ патріотическихъ чувствахъ?

На всѣ эти, сами собой напрашивающіеся, вопросы — официальное сообщеніе никакого отвѣта не даетъ.

А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что если бы мѣстныя власти исполнили свой долгъ со всею строгостью закона, то и крамольники, и мирное населеніе нарушить закона не могли бы.

Такъ будетъ и впредь. Если Правительство не желаетъ самосуда толпы, то оно само должно энергичными, безпощадными, законными мѣрами

устранять всякіе поводы къ такому самосуду. Лишь тогда, когда власти сами будутъ строго соблюдать законъ и охранять его отъ нарушенія крамольниками, они въ правѣ будутъ требовать строгаго соблюденія закона и отъ вѣрноподданныхъ Русскихъ людей.

Россія на распутіи.

Давно ожидавшійся критическій моментъ наступилъ:

Какъ въ своей внѣшней, такъ и въ своей внутренней жизни, Россія стоитъ въ настоящее время на распутіи.

Отъ того рѣшенія, которое она приметъ въ ближайшіе два, три дня, зависитъ вся будущая ея судьба.

Предъ нею открываются два пути: одинъ прямой, тотъ самый, по которому она шла въ теченіе всей своей исторической жизни; другой—совершенно новый, ею не испытанный, уводящій ее въ сторону, въ невѣдомыя дебри.

Первый путь—путь трудный, но славный. На немъ сейчасъ врагами Россіи нагромождены разныя непреодолимыя на первый взглядъ препятствія, побѣдить которыя Россія, однако, имѣетъ полную возможность, вооружившись терпѣніемъ, энергіей и здравымъ смысломъ. А побѣдивъ эти препятствія, Россія вступитъ снова на ровный путь, который поведетъ ее попрежнему изъ славы въ славу.

Другой путь на первый взглядъ заманчиво-легкій и удобный: но онъ очень скоро затѣмъ круто поворачиваетъ и ведетъ къ краю бездонной пропасти, въ которую можно слетѣть въ одно мгновеніе ока, но изъ которой уже выйти невозможно.

Для того чтобы вступить на этотъ заманчиво-скользкій путь—Россіи стоитъ только сдѣлать тѣ уступки, которыхъ отъ нея требуютъ съ настойчивымъ единодушіемъ ея внутренніе и внѣшніе враги: какъ Японцы, Англичане, такъ и Русскіе крамольники подсовываютъ ей для подписи бумагу, на которой стоятъ роковыя слова „*Позорный миръ*“. Какъ Русскіе крамольники, такъ Англичане и Японцы, съ нетерпѣніемъ ждутъ, что она подпишетъ другую бумагу, на которой стоятъ не менѣе роковыя слова: „*Уничтоженіе Самодержавія*“

Къ общимъ смысломъ какъ той, такъ и другой подписи является: „*Конецъ Россіи*“.

Да, конецъ Россіи! Ибо какая же это будетъ Россія, къ которой всѣ внѣшніе ея враги будутъ относиться съ надменнымъ презрѣніемъ и дерзкимъ задираніемъ, зная, что она,—послѣ первыхъ военныхъ неудачъ, когда у нея еще не тронута милліонная армія, и когда непріятель еще не вступилъ въ ея необъятные предѣлы,—уже падаетъ ницъ предъ своимъ врагомъ, принимая диктуемыя имъ тяжкія, позорныя условія, и обязуется платить ему громадную дань.

Да, конецъ Россіи! Ибо какая же это будетъ Россія, которая, при наличности десятковъ милліоновъ вѣрнаго Царю народа, допуститъ, по дерзкому требованію крамольной шайки, исчезновеніе Царскаго Самодержавія и вслѣдствіе этого сдѣлается ареной кровавыхъ національныхъ сословныхъ и религіозныхъ междоусобій? Развѣ такая Россія, раздираемая оже-

сточенными внутренними смутами, сможетъ пережить безпощадные удары, наносимые ей внѣшними врагами? Развѣ при неминуемой совокупности этихъ условій не настанетъ конецъ Россіи?

Вотъ куда приведетъ Россію второй путь, столь заманчивый тѣми надписями, которыя мишурнымъ блескомъ сіяютъ у его входа: „*Миръ*“ и „*Свобода*“. За этимъ „миромъ“ кроются *позоръ* и *разореніе*, за этою „свободой“—*потоки крови* и *разложеніе*.

Неужели Россія изберетъ этотъ второй путь?

Неужели она дастъ себя опутать тяжелыми оковами своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ?

Неужели она не останется вѣрна своему прошлому, когда она, подъ сѣнью Православной Церкви и Царскаго Самодержавія, превозмогала не такія еще тяжкія и внѣшнія, и внутреннія бури?

Неужели она изъ двухъ открытыхъ передъ нею путей не изберетъ перваго?

Правда, у входа его не красуются обманчивыя громкія зазыванія, а, напротивъ того, раздаются трезвыя, но правдивыя слова, призывающія къ *покаянію*, къ *упорному труду*, къ *строгому образу жизни* и къ *энергической защитѣ законовъ*. Но зато плодами этого труда, этой борьбы и этой энергіи явятся не кратковременный, а *прочный* миръ, не мишурная, а *истинная* свобода, не позорный конецъ, а *пышный расцвѣтъ возродившейся Россіи*.

Первые августовскіе дни 1905 года останутся на вѣчныя времена памятными въ лѣтописяхъ исторіи.

Смотря по тѣмъ рѣшеніямъ, которыя будутъ приняты Россіей въ эти роковые дни, они будутъ воспоминаться съ радостью либо ея врагами, либо ея друзьями.

Враги Россіи будутъ ликовать, если она нынѣ сдѣлаетъ первые шаги къ подписанію позорнаго мира и къ подрыву Царскаго Самодержавія: а друзья ея вѣчно будутъ благодарить Всевышняго, если Онъ услышитъ ихъ мольбы и отвратитъ въ эти дни страшную, надвинувшуюся надъ Россіей грозу и дастъ ей непоколебимую твердость, дабы выйти побѣдительницей надъ соблазнами, которыми ее улещаетъ вражья сила.

Молись же объ этой побѣдѣ, православный Русскій народъ, пока еще не палъ роковой жребій, пока еще не наступилъ тотъ скорбный часъ, когда Русскому человѣку придется говорить словами поэта:

Не близъ себя-ль я видѣлъ первый путь,
Которымъ къ долгу возвратиться могъ?
Куда жъ внезапно завлеченъ я нынѣ?
Обратный путь мнѣ загражденъ стѣною;
Изъ собственныхъ моихъ воздвигшись дѣлъ,
Огромной мнѣ она препоной стала!

О, да не будетъ у насъ повода къ такому неумолимому укору совѣсти!

Еще порогъ не оскверненъ; еще
Къ нему не прикасалось преступленье!
Но какъ узка граница межъ двумя
Путями жизни!..

Господи, помилуй Россію!

Новый путь.

Свершилось!

Россія, такъ долго стоявшая на распутіи, повернула со старой испытанной дороги на новый, совершенно невѣдомый ей, путь.

Съ 6 августа 1905 года начинается новый томъ въ тысячелѣтней исторіи Россіи, и никто еще не знаетъ, какое заглавіе дастъ ему пелицеприятная исторія.

Мы же пока воздержимся отъ какихъ-либо характеристикъ того шага, который сразу направилъ Россію въ безпроглядный мракъ неизвѣстной будущности, и, какъ убѣжденные монархисты, преклонимся предъ Самодержавною Волей Русскаго Царя.

И прежде всего, возблагодаримъ Бога: при всемъ тяжкомъ переворотѣ, совершившемся нынѣ въ нашемъ историческомъ строѣ, основные законы Имперіи, охраняющіе Царское Самодержавіе, остались цѣлыми и невредимыми! Они-то теперь и будутъ предметомъ яростныхъ сокрушительныхъ стремленій нашихъ внутреннихъ враговъ: а потому они-то и должны быть отнынѣ болѣе чѣмъ когда-либо тѣмъ оплотомъ, отъ твердой и единодушной защиты котораго будетъ зависѣть вся судьба Россіи.

А что революціонныя партіи не удовлетворятся громадными уступками, которыя онѣ получили отъ Правительства, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Онѣ уже теперь открыто высказываютъ свои намѣренія считать утвержденную Государемъ Императоромъ законодательную реформу лишь „первымъ шагомъ“ къ исполненію ихъ крамольныхъ требованій, на которыхъ они теперь будутъ настаивать съ еще большею дерзостью и еще большимъ упорствомъ, ободренные достигнутыми уже успѣхами и получивъ въ свое распоряженіе такое могущественное орудіе, какъ Государственную Думу и ведущіе въ нее выборы, которые они прямо называютъ „болѣе благопріятными условіями для осуществленія“ требуемыхъ ими реформъ.

Сохраненіе незыблемости Самодержавной Царской Власти подтверждается какъ въ Высочайшемъ Манифестѣ 6 августа, въ которомъ прямо говорится о „*неприкосновенности* Основного закона Россійской Имперіи о существѣ *Самодержавной Власти*“, такъ и въ „Торжественномъ Обѣщаніи членовъ Государственной Думы“, въ которомъ они обязуются „предъ Всемогущимъ Богомъ хранить *вѣрность* Его Императорскому Величеству Государю Императору и *Самодержцу Всероссійскому*“.

Затѣмъ мы видимъ, что, слава Богу, не осуществилась надежда нашихъ революціонеровъ, противъ которой мы еще на-дняхъ такъ рѣшительно протестовали,—надежда на то, что, будто бы, законопроекты, отвергнутые $^2/_3$ членовъ Государственной Думы, совершенно не будутъ восходить на усмотрѣніе Государя Императора!

Законодательныя права Русскаго Царя остаются, и при существованіи Государственной Думы, неприкосновенными: Государь можетъ утверждать или не утверждать, по Своему усмотрѣнію, восходящіе до Него законы безъ всякаго отношенія къ тому, какія заключенія по нимъ высказаны

большинствомъ или меньшинствомъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, за которою въ новомъ законѣ строго проведено признаніе лишь законо-*совѣщательныхъ* правъ.

Вотъ противъ этого именно пункта и будетъ направлена главная атака нашихъ крамольниковъ, которые, конечно, сверхъ того, будутъ ратовать и противъ ценза выборщиковъ, и противъ двухстепенности выборовъ, и противъ контроля Сената надъ членами Государственной Думы, и противъ многихъ другихъ подробностей новаго закона, не соотвѣтствующихъ революціоннымъ ихъ вожделѣніямъ.

Эти атаки придется дружно отбивать какъ Правительству Его Императорскаго Величества, такъ и всѣмъ Его вѣрнымъ подданнымъ, которыхъ Государь Императоръ, въ Своемъ Манифестѣ 18 февраля, призвалъ къ совмѣстной борьбѣ противъ крамолы.

Борьба эта отнынѣ значительно облегчится тѣмъ, что теперь, наконецъ, прекратился невыносимый кошмаръ неизвѣстности, который давилъ всю Россію, не знавшую истинныхъ намѣреній Правительства,—кошмаръ, тянувшійся съ 18 февраля по 6 августа 1905 года.

Въ самомъ дѣлѣ, 18 февраля Высочайшій Рескриптъ далъ лишь краткія, не вполнѣ опредѣленныя, указанія относительно характера возвѣщеннаго имъ новаго законосовѣщательнаго учрежденія.

Этою неопредѣленностью Царскихъ намѣреній поспѣшила воспользоваться крамола, чтобъ истолковать эти намѣренія въ желательномъ ей смыслѣ, увѣряя всѣхъ и каждаго, будто Государь обѣщалъ отказаться отъ Самодержавія и дать Россіи „конституцію". Съ другой стороны, крамольники воспользовались Высочайшимъ Указомъ 18 февраля, открывшимъ всѣмъ Русскимъ людямъ и учрежденіямъ возможность представлять Государю виды и предположенія по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства: ссылаясь на этотъ Указъ, крамольники стали разрабатывать проекты низверженія Самодержавной Власти во всѣхъ земскихъ, городскихъ и иныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, прекративъ нормальное ихъ функціонированіе и превративъ ихъ, такъ же какъ и высшія учебныя заведенія, въ чисто-якобинскіе клубы.

Неимовѣрная продолжительность работы комиссіи А. Г. Булыгина, которая сама блуждала въ дебряхъ конституціонныхъ вожделѣній, дала нашимъ революціонерамъ вполнѣ достаточное время безнаказанно взбудоражить всю Россію своими „банкетами", „съѣздами", „союзами" и „демонстраціями", противъ которыхъ мѣстныя власти не принимали законныхъ мѣръ репрессіи, такъ какъ и для нихъ всѣ государственные и даже Основные Законы Имперіи казались чуть не окончательно обреченными на отмѣну.

Вотъ причины только что пережитаго нами безпримѣрнаго, невообразимаго хаоса.

Теперь, слава Богу, причина эта устранена. Можно быть какого угодно мнѣнія объ учрежденіи Государственной Думы, но учрежденіе это нынѣ стало безспорнымъ фактомъ, въ которомъ совершенно ясно и опредѣленно выразилась непреклонная Воля Россійскаго Самодержца.

Никто уже теперь не можетъ сомнѣваться въ томъ, что Державная Воля эта сохранила въ полной незыблемости Основные Законы Имперіи о существѣ Самодержавной Власти, что ни о какой западно-европейской „конституціи“ у насъ и рѣчи быть не можетъ, и что „заботу о дальнѣйшемъ усовершенствованіи учрежденія Государственной Думы“ Государь Императоръ *„всецѣло сохраняетъ за Собой“*, совершенно изъемля эту заботу изъ компетенціи Государственной Думы, а тѣмъ паче изъ компетенціи частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій.

Особымъ Высочайшимъ Указомъ нынѣ отмѣненъ и вышеупомянутый Указъ 18 февраля, такъ что наши земства, города, общества и союзы уже не будутъ имѣть предлога заниматься совершенно незаконнымъ для нихъ обсужденіемъ Государственныхъ порядковъ. Какъ ни жаль отмѣны этого Указа, установившаго непосредственное общеніе народа со своимъ Царемъ, какъ ни жаль замѣны его Государственною Думой, которая отнынѣ станетъ непроницаемою стѣной между *дѣйствительнымъ народомъ* и Государемъ, по злоупотребленія этимъ Указомъ, при бездѣйствіи Власти, зашли такъ далеко, что лучше уже,—надѣемся, временно,—пожертвовать этимъ непосредственнымъ единеніемъ Царя со Своимъ народомъ, лишь бы положить конецъ самовольному, противозаконному политиканству нашихъ земскихъ и городскихъ демагоговъ.

Въ этомъ отношеніи весьма знаменательны слова, сказанныя 5 августа Московскимъ генералъ-губернаторомъ при пріемѣ Московской Губернской Земской Управы:

„Теперь нужда въ подобныхъ съѣздахъ и собраніяхъ уже прошла“,—сказалъ генералъ-адъютантъ Дурново; — „въ случаѣ же, если, по обнародованіи новаго закона о Государственной Думѣ, земскіе дѣятели будутъ устраивать съѣзды или собранія для составленія другихъ проектовъ народнаго представительства,—я принужденъ буду прибѣгнуть къ принятію строгихъ мѣръ противъ этого“.

Отъ всей души истинно-Русскіе люди привѣтствуютъ эти твердыя, разумныя слова, видя въ нихъ знаменательный симптомъ возрожденія законнаго порядка не въ одной только Первопрестольной Столицѣ, но и во всей Россійской Имперіи.

Отнынѣ, когда Воля Государя стала для всѣхъ ясною и очевидною, сразу опредѣляются и признаки, съ одной стороны, вѣрныхъ подданныхъ Царя, а съ другой—бунтующихъ противъ Него крамольниковъ, и для Власти уже не можетъ быть никакихъ колебаній въ томъ, какъ отличить первыхъ отъ послѣднихъ, и какими мѣрами законной строгости, *на первыхъ же нынѣ порахъ*, положить рѣшительный предѣлъ предстоящей крамольной агитаціи.

Лишь при этихъ условіяхъ, при давно ожидаемомъ возрожденіи твердой, разумной Правительственной Власти, исполнится столь горячо высказанное желаніе Царя о томъ, чтобы, „съ помощью Бога и единодушными усиліями всѣхъ своихъ сыновъ, Россія вышла съ торжествомъ изъ постигшихъ ее нынѣ тяжкихъ испытаній и возродилась въ запечатлѣнныхъ тысячелѣтнею ея исторіей могуществѣ и славѣ“.

Миръ.

17 августа раннимъ утромъ пришли первыя депеши *Петербургскаго Агентства*, принесшія вѣсть изъ Портсмута о томъ, что Русскіе и Японскіе уполномоченные нашли возможнымъ придти къ соглашенію относительно условій мирнаго договора, который еще нѣсколько часовъ тому назадъ казался совершенно неосуществимымъ.

Затѣмъ, въ теченіе цѣлаго дня, приходили другія телеграммы, подтверждавшія это столь неожиданное извѣстіе, вызывая въ обществѣ самые разнообразные толки. Одни не хотѣли вѣрить въ возможность мира, другіе привѣтствовали его, какъ уже совершившійся фактъ, третьи сравнивали выгодныя и невыгодныя его стороны, четвертые относились къ нему съ пессимизмомъ.

Это разнорѣчіе было вызвано главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что самыя условія предполагаемаго мирнаго договора переданы телеграфомъ въ такихъ еще неясныхъ очертаніяхъ, что о подробностяхъ ихъ нельзя составить себѣ опредѣленнаго представленія, а между тѣмъ одно лишь серіозное изученіе этихъ подробностей можетъ дать отвѣтъ на вопросъ, волнующій въ настоящую минуту всѣхъ Русскихъ людей, относительно того, насколько предстоящій миръ будетъ выгоденъ или невыгоденъ для Россіи, и каковы будутъ его послѣдствія.

Лишь одно соображеніе можетъ успокоить Русскихъ людей.

Телеграфъ сообщаетъ, что „Японцы приняли условія, лично установленныя Государемъ Императоромъ и сообщенныя президенту Рузвельту".

Вся Россія знаетъ, какъ рѣшительно Государь неоднократно заявлялъ Свое твердое намѣреніе не соглашаться на позорный для Россіи миръ. Если теперь Государь, послѣ неудачныхъ переговоровъ нашего уполномоченнаго съ представителями Японіи въ Портсмутѣ, лично взялъ въ Свои руки охрану чести и достоинства Россіи, то можно надѣяться, что установленныя Имъ условія не содержатъ въ себѣ ничего, что могло бы оскорбить Россію въ ея нравственныхъ и матеріальныхъ интересахъ, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ времени.

Но каковы бы ни были эти, пока еще въ точности неизвѣстныя, условія, на которыхъ Россія согласилась прекратить войну, навязанную ей Японіей, можно съ увѣренностью сказать, что условія эти могли бы быть гораздо выгоднѣе для Россіи, если бъ она не находилась въ томъ ненормальномъ положеніи, въ которое ее поставила внутренняя смута, возбужденная вольными и невольными союзниками Японцевъ.

Россіи все это время пришлось вести параллельно двѣ войны за свое международное и государственное положеніе — войну внѣшнюю и войну внутреннюю. Если она ни той, ни другой не вела съ достаточною энергіей, а потому ни въ той, ни въ другой не достигла желанныхъ успѣховъ, то это отчасти можетъ объясниться тѣмъ, что одна война мѣшала другой, и Россія не могла въ достаточной степени сосредоточиться ни на внѣшнихъ, ни на внутреннихъ своихъ врагахъ.

Если теперь, какъ нужно полагать, война на Дальнемъ Востокѣ прекратится, то у Россіи будутъ, наконецъ, развязаны руки, чтобы побѣдоносно прекратить и внутреннюю войну. Это ей будетъ тѣмъ легче, что здѣсь уже не будетъ надобности въ торжественныхъ „мирныхъ переговорахъ“ съ представителями враждующаго государства, а слѣдовательно не нужно будетъ и назначать для этихъ переговоровъ особеннаго „уполномоченнаго“, ввѣряя ему честь и достоинство Россіи: пѣтъ, положить конецъ внутренней войнѣ Правительство имѣетъ не только право, но и обязанность, безо всякихъ переговоровъ съ врагомъ, а посредствомъ энергичныхъ, разумныхъ и послѣдовательныхъ мѣръ, клонящихся къ окончательному его подавленію.

Внѣшній нашъ врагъ былъ коварепъ, хитеръ, но онъ не былъ измѣнникомъ, а потому съ нимъ по окончаніи войны можно вступать въ договорныя отношенія: наши же внутренніе враги, всѣ эти крамольники, нарушившіе свою присягу, являются прямыми измѣнниками Отечества, съ которыми не договариваются, а которыхъ судятъ и казнятъ.

Съ прекращеніемъ войны все вниманіе Россіи сосредоточится на внутренней ея жизни и главнымъ образомъ на усмиреніи смуты, которая уже теперь готовится захватить въ свои руки всѣ предстоящіе выборы въ Государственную Думу, дабы предоставить въ ней всѣ мѣста врагамъ Самодержавнаго Царя.

Противодѣйствовать этимъ замысламъ является отнынѣ главною заботой всѣхъ истинно-Русскихъ людей, и на этомъ противодѣйствіи сосредоточимъ мы теперь все свое вниманіе.

С. Ю. Витте и евреи.

Въ петербургской газетѣ *Слово* (№ 237), близко стоящей къ С. Ю. Витте, напечатано слѣдующее:

„Органъ американскихъ Евреевъ *The America Hebrew* далъ слѣдующій отчетъ о портсмутской бесѣдѣ статсъ-секретаря Витте съ нью-іоркскими банкирами Шифомъ, Зелигманомъ, Лезизеномъ, Страусомъ и Краузе:

„Господинъ Витте очень либералепъ и благожелателенъ въ своемъ личномъ образѣ мыслей относительно Евреевъ, но онъ выразилъ откровенно мнѣніе, что всякій иной способъ рѣшенія еврейскаго вопроса въ Россіи, кромѣ постепенной отмѣны ограниченій, былъ бы не практиченъ.

„Делегація серіозно старалась убѣдить его въ необходимости быстрыхъ мѣропріятій при дарованіи Евреямъ не частичныхъ льготъ и облегченій, а полнѣйшихъ гражданскихъ правъ, какими пользуются другіе русскіе граждане. Делегаты объявили прямо, что симпатіи Американскаго народа къ Россіи утрачены ею исключительно вслѣдствіе обращенія съ Евреями въ послѣднія 25 лѣтъ, естественными послѣдствіями котораго были Кишиневъ, Житомиръ и прочіе безчисленные эксцессы. *Америка не возвратится де къ своимъ прежнимъ симпатіямъ для Россіи, пока она фактически не дастъ равноправности своимъ Евреямъ**). Делегаты думаютъ, что ихъ заявленія произвели сильное впечатлѣніе на г. Витте.

*) Курсивъ подлинника.

„Г. Витте указалъ, что узаконенія 6 августа даруютъ Евреямъ какъ активное, такъ и пассивное избирательное право. Когда Государственная Дума начнетъ дѣйствовать, то весь еврейскій вопросъ будетъ подлежать ея рѣшенію, и онъ надѣется, что исходъ будетъ вполнѣ благонадежнымъ.

„О займѣ не было рѣчи. Но, конечно, говорилось о вліяніи отношенія Русскаго Правительства къ Евреямъ на всѣ его финансовые планы.

„*Frankfurter Zeitung* сообщаетъ, что разговоръ съ нью-іоркскими банкирами Евреями *состоялся по желанію С. Ю. Витте*“ *).

Комментаріи излишни.

Русская монархическая партія.

Изъ обители Преподобнаго Сергія раздался голосъ Русской Православной Церкви, раздался величавый звонъ вѣчевого колокола, призывающаго всю Россію къ единодушному, честному исполненію Воли Государевой.

Мы говоримъ о „*Голосѣ изъ обители Преподобнаго Сергія по случаю Манифеста 6 августа*“, изданнаго на-дняхъ въ видѣ *Троицкаго Листка*, который нынѣ распространяется по всей Россіи и съ благоговѣніемъ читается всѣмъ Русскимъ народомъ.

Текстъ этого высокознаменательнаго акта приведенъ нами полностью въ нумерѣ *Моск. Вѣд.* отъ 30 августа, и читатели наши несомнѣнно оцѣнили всю глубокую мудрость и историческую важность этого документа.

„Настало время,—говорится въ этомъ призывѣ,—исполнить завѣтное желаніе Царя: выбрать и послать Ему вѣрныхъ, истинно-Русскихъ, православныхъ, искренно преданныхъ своей Вѣрѣ, Царю и Отечеству людей въ Его Государственную Думу“.

Русскіе люди такимъ образомъ призываются не только Высочайшимъ Манифестомъ Самодержца Всероссійскаго, но и голосомъ Церковнымъ къ исполненію своихъ вѣрноподданническихъ обязанностей, уклониться отъ которыхъ не позволитъ имъ ихъ прямой долгъ какъ передъ Царемъ, такъ и передъ Богомъ.

Внутренніе враги Россіи спорятъ въ настоящее врема между собой,—принимать ли имъ участіе въ предстоящихъ народныхъ выборахъ въ Государственную Думу, или же „бойкотировать“ ее, такъ какъ она не соотвѣтствуетъ ихъ крамольнымъ вожделѣніямъ.

Для истинно-Русскихъ людей въ этомъ вопросѣ не можетъ быть ни малѣйшаго колебанія: обязанность ихъ, коль скоро по закону они имѣютъ право участвовать въ народныхъ выборахъ, совершенно ясна: они всѣ до единаго *обязаны* воспользоваться этимъ правомъ, коль скоро этого требуютъ и Царь, и Церковь.

Обязанность ихъ двоякая: *во-первыхъ*—выбрать и послать Царю „вѣрныхъ, искренно-преданныхъ своей Вѣрѣ, Царю и Отечеству людей“, и во-вторыхъ—*противодѣйствовать* законными средствами выбору,—какъ сказано въ Церковномъ воззваніи,—„людей чуждыхъ намъ по вѣрѣ и крови,

*) Курсивъ подлинника.

мечтающихъ ограничить Власть Царскую и захватить ее въ свои нечистыя руки". На эту обязанность указываетъ и Священное Писаніе: *„удали неправеднаго отъ Царя, и Престолъ Его утвердится правдою"* (Пр. Сол. 25, 4—5).

Да, теперь всюду въ Россіи откроется политическая ожесточенная борьба. Да иначе и быть не можетъ.

Тамъ, гдѣ назначаются политическіе выборы,—тамъ неизбѣжна борьба партій изъ-за окончательной побѣды выставленныхъ ими кандидатовъ.

Доселѣ Россія была свободна отъ этой борьбы; отнынѣ, пока у насъ будетъ существовать выборная Государственная Дума, борьба эта становится для Россіи обязательною.

Но такъ же, какъ во время борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, не весь народъ принимаетъ въ ней участіе, а выдѣляетъ изъ себя боевую силу, именуемую „арміей", такъ и во внутренней борьбѣ выдѣляются изъ народа боевыя силы, именуемыя „партіями", которыя борются изъ-за побѣды тѣхъ или другихъ государственныхъ принциповъ.

За какой же принципъ должны бороться на выборахъ всѣ Русскіе люди, которыхъ нынѣ призываютъ къ исполненію ихъ вѣрноподданническихъ обязанностей Царскій Манифестъ и *„Голосъ изъ обители Преподобнаго Сергія?"*

Прежде всего—за принципъ *Монархическій.*

Этотъ принципъ свято хранится въ сердцахъ тѣхъ милліоновъ Русскихъ людей, предки коихъ создали Великое Православное Самодержавное Россійское Государство. На *уничтоженіе* этого Монархическаго принципа направлены теперь всѣ старанія внутреннихъ враговъ Россіи, которые, какъ сказано въ Церковномъ призывѣ, „мечтаютъ ограничить Власть Царскую, захватить ее въ свои нечистыя руки, сдѣлать такъ, чтобы Царь подписывалъ только то, что они выдумаютъ и положатъ на своемъ незаконномъ совѣтѣ".

Вотъ почему всѣ милліоны истинно-Русскихъ людей сосредоточиваютъ въ настоящее время свои мысли на томъ, чтобы сохранить Монархическую Самодержавную Власть Русскихъ Царей въ полной ея неприкосновенности, твердо сознавая, что съ крушеніемъ Царскаго Самодержавія въ Россіи наступитъ крушеніе и самого Отечества нашего.

Но всѣ эти милліоны принять участіе въ предстоящей выборной борьбѣ не могутъ: изъ нихъ выдѣляются единомышленные имъ люди, съ такими же твердыми, какъ и у нихъ, монархическими убѣжденіями, -люди, которые, по своему положенію, по своимъ средствамъ и по своему праву, могутъ всецѣло отдать себя выборной борьбѣ, тѣсно сплотившись въ единую „Русскую Монархическую партію".

„Русская Монархическая партія", какъ боевая сила, естественно выдѣленная изъ необъятной монархической громады Русскаго народа, уже образовалась, какъ извѣстно нашимъ читателямъ и въ Москвѣ, и въ другихъ мѣстахъ Россіи; она ежедневно пополняется новыми членами, сознательно примкнувшими къ той опредѣленной политической программѣ названной партіи, которая впервые была оглашена на страницахъ *Московскихъ Вѣдомостей.*

Пока еще не изданъ былъ законъ о Государственной Думѣ, пока еще можно было надѣяться, что Россію минуетъ необходимость внутренней партійной борьбы, намъ приходилось слышать нѣкоторыя недоумѣнія по поводу необходимости образованія особой Монархической партіи въ Россіи, въ которой-де всѣ милліоны Русскаго народа уже сами по себѣ являются монархистами.

Но теперь, когда въ Россіи предстоятъ политическіе выборы, на которыхъ должны будутъ столкнуться въ непримиримой борьбѣ монархисты и анти-монархисты, когда эта борьба можетъ вестись только организованными партіями,—всякія сомнѣнія относительно необходимости существованія Русской Монархической партіи, борющейся за монархическіе идеалы Русскаго народа, лично не имѣющаго возможности принимать участіе въ этой борьбѣ,—всѣ эти сомнѣнія должны совершенно исчезнуть.

Въ чемъ же заключаются въ настоящее ближайшее время задачи Русской Монархической партіи?

Окончаніе войны и созывъ Государственной Думы измѣнили до нѣкоторой степени тѣ обстоятельства, при которыхъ создалась опубликованная въ апрѣлѣ 1905 г., программа нашей партіи,—но сама программа отъ этого не измѣнилась: приблизилось лишь время ея осуществленія, и измѣнились способы этого осуществленія.

Тѣ внутреннія реформы, которыхъ добивается Русская Монархическая партія (и которыя мы ниже еще разъ перечисляемъ во всеобщее свѣдѣніе), должны будутъ обсуждаться въ Государственной Думѣ.

Хотя высказываемыя мнѣнія и заключенія членовъ Государственной Думы нисколько для Россійскаго Самодержца не обязательны, тѣмъ не менѣе весьма важно, чтобы въ Государственной Думѣ засѣдали истинно-Русскіе люди, которые отнеслись бы съ полнымъ сочувствіемъ къ этимъ столь необходимымъ реформамъ, выяснили бы ихъ истинный смыслъ и придали бы имъ форму ясныхъ, непреложныхъ законовъ, согласныхъ съ видами Государя и соотвѣтствующихъ благу народа.

Въ виду этого, ближайшей задачей Русской Монархической партіи является такая ея организація, которая обезпечивала бы ей побѣду на предстоящихъ выборахъ.

Конечно, настоящая борьба начнется лишь тогда, когда составятся и обнародуются списки лицъ, имѣющихъ право участвовать въ выборахъ, и когда Правительство установитъ нормы, въ предѣлахъ которыхъ можно будетъ вести выборную борьбу, а это, по всему вѣроятію, будетъ не раньше мѣсяца. Но уже теперь наша Монархическая боевая сила должна готовиться къ этой борьбѣ, всюду образуя кадры убѣжденныхъ борцовъ за Русскую Монархическую идею.

Въ такихъ большихъ центрахъ, какъ Петербургъ и Москва, въ которыхъ законные участники въ выборной кампаніи едва ли будутъ скоро окончательно намѣчены, образованіе монархическихъ боевыхъ кадровъ по необходимости будетъ дѣломъ довольно сложнымъ, къ которому Центральное Бюро Монархической партіи уже приступило, но въ другихъ городахъ, въ которыхъ уже теперь напередъ извѣстны всѣ лица, имѣющія право

участвовать въ выборахъ, могутъ уже нынѣ быть намѣчены, не только личный составъ мѣстной Монархической партіи, но и кандидаты въ выборщики и даже кандидаты въ члены Государственной Думы.

Все дѣло заключается въ томъ, чтобы единомышленные истинно-Русскіе люди сблизились, сдружились, тѣсно соединились въ общую группу убѣжденныхъ патріотовъ, готовыхъ на выборахъ отстаивать идею неограниченнаго Самодержавія Русскихъ Царей, противодѣйствовать выбору враговъ этого Самодержавія и добиться избранія лишь „вѣрныхъ, истинно-преданныхъ своей Вѣрѣ, Царю и Отечеству людей".

Организація Русской Монархической партіи сосредоточена въ Москвѣ въ Центральномъ Бюро партіи, находящемся, на первое время, при редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*. Въ этомъ Бюро сосредоточиваются приходящія изо всей Россіи заявленія о присоединеніи къ партіи со стороны какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ группъ, признающихъ необходимость осуществленія основныхъ задачъ партіи. Здѣсь же сосредоточиваются заявленія объ организаціи мѣстныхъ отдѣленій партіи и о намѣчаемыхъ ими выборныхъ кандидатахъ, списокъ которыхъ, какъ „кандидатовъ Русской Монархической партіи", будетъ своевременно, при началѣ выборной кампаніи объявленъ въ нашей газетѣ, служащей органомъ этой партіи. Изъ того же Центральнаго Бюро будутъ своевременно даваться мѣстнымъ отдѣленіямъ партіи необходимыя свѣдѣнія и указанія относительно веденія этой кампаніи.

Кампанія эта должна кончиться полною побѣдой Русскаго Монархическаго принципа; да иначе и не можетъ быть, коль скоро Русскіе люди, послушные зову Царя и голосу Церкви, станутъ единою крѣпкою стѣной вокругъ обожаемаго ими Монарха и, по слову Писанія, „удалятъ неправеднаго отъ Царя", дабы „Престолъ Его утвердился правдою".

—

Повторямъ здѣсь программу Монархической партіи и просимъ лицъ, согласныхъ съ нею, примкнуть къ ней письменными заявленіями въ Центральное Бюро партіи.

Задачи Монархической партіи:

1) Укрѣпленіе неограниченной Монархической, Самодержавной Власти на Руси.

2) Возвеличеніе единой Православной Церкви въ истинно-христіанскомъ и апостольскомъ ея призваніи.

3) Свободное развитіе русской національной и культурной идеи на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи, безъ стѣсненія мѣстныхъ этнографическихъ особенностей, не имѣющихъ политическаго значенія.

4) Широкое, децентрализованное, плодотворное развитіе мѣстной экономической и общественной жизни, не стѣсненной ни правительственнымъ, ни земскимъ бюрократизмомъ, но и не вторгающейся въ область государственной политики.

5) Неустанное попеченіе о матеріальномъ и, въ особенности, о духовномъ благѣ крестьянскаго и рабочаго сословія, и о добромъ воспитаніи

его въ правилахъ религіозной нравственности, любви къ Царю и Отечеству и законнаго гражданскаго общежитія.

6) Водвореніе въ нашемъ правосудіи строгой справедливости, дабы честные граждане находили себѣ въ судахъ вѣрную опору, а порочные — законное возмездіе за свои злодѣянія.

7) Нравственное оздоровленіе всѣхъ сферъ государственной службы, на которой могутъ быть терпимы лишь лица свято, строго и безкорыстно исполняющія свой долгъ предъ Самодержавнымъ Царемъ и дорогою Родиной.

8) Водвореніе порядка въ наши школы, дабы онѣ соотвѣтствовали своему прямому назначенію, — нравственному національному воспитанію юношества, доброму его просвѣщенію и серіозному служенію истинной наукѣ.

9) Установленіе прочнаго порядка и мирнаго житія какъ въ городахъ, такъ въ особенности въ сельскихъ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣльческій трудъ, составляющій основу благосостоянія Россіи, возможенъ лишь при полной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, среди незыблемыхъ гарантій нерушимости права собственности какъ земледѣльцевъ, такъ и землевладѣльцевъ.

10) Увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія путемъ раціональной организаціи переселенческаго дѣла.

11) Вообще созданіе и сохраненіе единой, недѣлимой, крѣпко-сплоченной Россійской Имперіи.

Монархическая партія составляется изъ членовъ, тѣсно сплоченныхъ между собой тождественностью своихъ убѣжденій и искренно сочувствующихъ всѣмъ пунктамъ настоящей программы. Монархическая партія дорожитъ не столько количествомъ своихъ членовъ, сколько *полнымъ имъ единодушіемъ* и готовностью бороться за Самодержавіе Русскихъ Царей, за Православіе Русской Вѣры и за національные идеалы Русскаго народа.

Патріотическій долгъ православнаго духовенства.

Предъ нами глубокознаменательная *Рѣчь* высокопреосвященнаго Владиміра, Митрополита Московскаго и Коломенскаго, произнесенная имъ послѣ молебна предъ началомъ чтеній для рабочихъ въ 1905—1906 академическомъ году *).

Въ горячихъ, глубоко-прочувствованныхъ словахъ, дышащихъ не только религіознымъ порывомъ Православнаго Пастыря, заботящагося о душевномъ спасеніи своей паствы, но и патріотическимъ влеченіемъ Русскаго человѣка, видящаго наступающую грозу политически-соціальнаго государственнаго переворота въ Россіи, высокопреосвященный Владыка Московскій наглядно характеризуетъ грядущую опасность и прозорливо указываетъ на средства къ ея предотвращенію.

„Говоря о врагахъ нашихъ“,—учитъ насъ Владыка, „я разумѣю тѣхъ, безъ сомнѣнія, извѣстныхъ уже вамъ послѣдователей западной со-

*) Изданіе Комиссіи по устройству общеобразовательныхъ чтеній для фабрично-заводскихъ рабочихъ города Москвы. Москва, 1905 г.

ціалъ-демократической партіи рабочихъ, которые такъ много сѣютъ сейчасъ у насъ смуты, желая все передѣлать по-своему. Много они и сейчасъ причинили бѣдъ и скорбей нашему обществу вообще и рабочему классу въ особенности, но еще болѣе могутъ принести ихъ въ будущемъ, если мы будемъ закрывать глаза отъ того страшнаго вреда, какимъ грозитъ ихъ губительное ученіе, и не будемъ предпринимать мѣръ къ его предотвращенію".

Объяснивъ всю ложь проповѣдуемаго нашими революціонерами соціалъ-демократическаго ученія, губящаго умственный и нравственный строй тѣхъ лицъ, которыя, по наивности, впадаютъ въ его сѣти, Высокопреосвященнѣйшій Владиміръ указываетъ и на происходящую отъ сего государственную опасность:

„Какую опасность скрываетъ это нравственно-религіозное банкротство тысячей отдѣльныхъ существъ для общественнаго порядка! Какъ легко можетъ это отчаяніе перейти въ ярость, неистовство и изступленіе, въ которомъ человѣкъ все разрушаетъ, потому что ничего не находитъ достойнаго жизни, во всемъ сомнѣвается, потому что необходимо долженъ усомниться въ себѣ самомъ! Тогда остается ожидать отъ него только одного,—совершенной разнузданности всѣхъ страстей, буйства, разрушенія и ниспроверженія всего, рѣзни, революціи. Ибо, что въ этомъ случаѣ можетъ удержать отъ какого бы то ни было преступленія того, въ комъ нѣтъ страха Божія и сознанія небесной кары за свои поступки? Въ этомъ случаѣ человѣкъ можетъ сдѣлаться звѣремъ и даже хуже звѣря. Въ религіозномъ отчаяніи нашихъ народныхъ массъ и въ подавленіи у нихъ религіознаго чувства, въ уничтоженіи христіанства, котораго такъ усиленно добивается фанатическая и сатанинская агитація соціалъ-демократовъ, заключается, слѣдовательно, гораздо больше опасности, чѣмъ въ политическихъ и хозяйственныхъ вожделѣніяхъ рабочихъ. Настоящія страшныя событія, совершающіяся въ нашемъ Отечествѣ,—эти грабежи и поджоги, эти всевозможныя насилія и кровопролитныя столкновенія,—достаточно ясно, кажется, подтверждаютъ мысль эту".

Вотъ почему Владыка Митрополитъ указываетъ на „благопотребность" чтеній для рабочихъ:

„При своемъ строго-церковномъ и патріотическомъ характерѣ, они не были бы излишними и во всякое время, но въ тысячу кратъ благопотребнѣе и цѣлесообразнѣе они въ настоящее тревожное время, когда враги нашей Церкви и Отечества такъ усиленно стараются подорвать нашу вѣру и расшатать патріотическія убѣжденія".

Итакъ, этимъ врагамъ намъ нужно противодѣйствовать, не закрывая глазъ на „страшный вредъ ихъ губительнаго ученія", а „предпринимая мѣры къ его предотвращенію". Указывая на эти мѣры, Московскій Владыка говоритъ:

„О, если бы у насъ побольше было единодушія и ревности о сохраненіи христіанскаго настроенія какъ въ себѣ самихъ, такъ и въ сердцахъ ближнихъ нашихъ, если бы всѣ мы, какъ одинъ человѣкъ, возстали на защиту отнимаемой у насъ православно-христіанской вѣры, то у насъ не

нашли бы мѣста такія богоборныя ученія, какъ ученіе соціалъ-демократовъ, съ его анархизмомъ, коммунизмомъ и атеизмомъ, намъ не пришлось бы быть свидѣтелями такихъ страшныхъ, кровавыхъ событій, какія, подъ вліяніемъ его, совершаются сейчасъ въ нашемъ Отечествѣ, не пришлось бы трепетать и за свою личную безопасность".

И вотъ, высокопреосвященнѣйшій Владиміръ призываетъ всѣхъ насъ къ общей единой работѣ для предотвращенія опасности, грозящей намъ со стороны анархизма, коммунизма и атеизма:

„Для достиженія этой цѣли всѣ призваны работать и содѣйствовать другъ другу, всѣ, сердцу коихъ близко благо нашего народа и, въ частности, наше личное благо. Въ осуществленіи этой задачи въ рабочемъ мірѣ, послѣ пастырей, можете принести большую пользу и вы, боголюбивые слушатели нашихъ чтеній, если вы выносимымъ отсюда сокровищемъ будете дѣлиться и съ вашими сотоварищами, которые успѣли заразиться духомъ невѣрія".

Таковы глубокомудрыя слова, раздающіяся въ наше тревожное, смутное время со святительской каѳедры митрополита Филарета.

Слова эти достойны не только этого незабвеннаго архипастыря Московскаго, оказавшаго столько безцѣнныхъ услугъ и Церкви Православной, и Государству Россійскому, но и великихъ Московскихъ духовныхъ подвижниковъ, Преподобнаго Сергія Радонежскаго, приснопамятныхъ Московскихъ Святителей, патріарха Гермогена и всѣхъ тѣхъ истинно-Православныхъ и истинно-Русскихъ пастырей, для которыхъ дѣло Православной Русской Церкви и дѣло Православной Россіи было дѣломъ единымъ, нераздѣльнымъ, которыхъ поэтому Русскій народъ глубоко чтитъ, какъ великихъ поборниковъ не только истины Христовой, но и истины государственно-національной. Такъ же, какъ они указывали на внутреннюю опасность, грозившую Россіи, и старались сами предотвратить ее, призывая къ сему святому дѣлу всѣхъ безъ исключенія Русскихъ людей,—такъ нынѣ призываетъ насъ и благочестивѣйшій Преемникъ ихъ на Московской каѳедрѣ къ осуществленію такой же задачи въ современной жизни, за которую „*послѣ* пастырей" могутъ приняться и пасомые.

Итакъ—*первое* мѣсто въ этомъ религіозно-патріотическомъ подвигѣ принадлежитъ нашимъ духовнымъ пастырямъ, которымъ самъ митрополитъ Московскій подаетъ великій примѣръ истинно-христіанскаго рвенія на защиту Христовой Церкви и дорогой намъ Православной Отчизны.

Мы увѣрены, что и безъ этого святительскаго призыва Русское духовенство сознаетъ свой долгъ предъ Россіей, ибо гдѣ же намъ искать истинно-Русскихъ людей, сохранившихъ твердую вѣру завѣтамъ нашихъ предковъ, какъ не въ Русскомъ духовенствѣ? Но, къ сожалѣнію, духовенство наше, вслѣдствіе нашихъ ненормальныхъ бытовыхъ условій жизни, которыхъ мы здѣсь разбирать не будемъ, поневолѣ живетъ пассивною, затертою жизнью, вслѣдствіе которой и могли овладѣть Россіей богопротивные враги ея, презрительно относящіеся и къ Христу, и къ Его служителямъ.

Въ спокойныя, мирныя времена Русскаго Государства пассивность нашего духовенства еще не дастъ себя особенно рѣзко чувствовать, какъ серіозный пробѣлъ въ нашей государственно-общественной жизни. Но во времена государственныхъ бурь, такой пробѣлъ былъ бы невыносимъ уже по одной своей неестественности. Вотъ почему всякій разъ, когда въ Россіи наступали тяжкіе внутренніе перевороты, Русское духовенство сбрасывало съ себя свою пассивность и становилось во главѣ защитниковъ Русскаго Государства и Русскаго народа: такъ было и во времена борьбы съ Татарскимъ игомъ, такъ было и во время Польскаго погрома.

Такое же лихолѣтье наступило и нынѣ на Руси: безбоязная соціалъ-демократическая партія грозитъ захватить въ свои руки, пользуясь предстоящими народными выборами, всю Государственную Думу, ниспровергнуть Самодержавіе Русскихъ Царей и предать безпощадному гоненію Православную Церковь въ Россіи. Какъ же не встать на защиту этихъ сокровищъ Русскаго народа Русскому духовенству, которое яснѣе и глубже всѣхъ чуетъ опасность, грозящую всей Россіи и, прежде всего, ему же самому? Оно ждало только авторитетнаго призыва къ активной дѣятельности на пользу Церкви и Отечеству,—и этотъ призывъ раздался изъ сердца самой же Православной Церкви, изъ Обители Преподобнаго Сергія и изъ устъ Московскаго Первосвятителя.

Въ этихъ призывахъ Русское духовенство найдетъ не только полное одобреніе своихъ глубоко-патріотическихъ чувствъ, но и могущественное ободреніе къ ихъ открытому, дѣятельному проявленію.

Правда, Церковь Христова несокрушима, и врата адовы не одолѣютъ ея.

Но можетъ ли быть для Русскаго духовенства безразличнымъ, что Церковь Христова, существуя въ Россіи, будетъ подвергаться безбоязнымъ гоненіямъ отъ завладѣвшихъ Правительствомъ атеистовъ, какъ это нынѣ дѣлается во Франціи, и чему иные уже готовятся подражать въ Россіи, пользуясь закономъ 17 апрѣля 1905 года? Можетъ ли, поэтому, для Русскаго духовенства быть безразличнымъ, изъ *кого* будетъ состоять будущая Государственная Дума,—изъ Русскихъ ли Православныхъ людей, или изъ евреевъ и всякаго рода безбожниковъ? А потому не можетъ для Русскаго духовенства быть безразличнымъ, *кто* окажется побѣдителемъ на предстоящихъ народныхъ выборахъ.

Если мы выше говорили о пассивной роли нашего духовенства въ вопросахъ государственной жизни, то мы преимущественно имѣли въ виду духовенство центральной Россіи. На нашихъ окраинахъ Русское Православное духовенство всегда было во главѣ тѣхъ людей, которые отстаивали въ активной борьбѣ Православную Церковь и Русскую національность. Достаточно указать на ту великую пользу, которую принесли родной Землѣ тѣ Западно-Русскія „Церковныя братства", которыя такъ доблестно боролись съ хищническими происками католической Польши.

Нынѣ хищническіе происки враговъ Православія и Русской народности распространились по всей Россіи, и въ центральныхъ нашихъ губерніяхъ. Православная Церковь подвергается такимъ же гоненіямъ со

стороны нашихъ иновѣрныхъ и безвѣрныхъ интеллигентовъ, какъ и на нашихъ окраинахъ.

А потому тяжко погрѣшилъ бы предъ Православною Церковію тотъ православный пастырь, который, подъ предлогомъ національнаго индифферентизма, сталъ бы равнодушно относиться къ судьбѣ Православной Церкви въ Россіи, столь тѣсно связанной съ Самодержавными правами ея Государственной Власти и съ цѣлостію и чистотой національнаго характера Русскаго народа.

Правда, Православная Церковь можетъ существовать и при языческомъ правительствѣ, и при католическихъ властяхъ, и даже въ анархической коммунѣ.

Но развѣ для православнаго пастыря безразлично, будетъ ли его духовное стадо пастись въ дикомъ лѣсу, наполненномъ хищными звѣрями, или на безопасныхъ пажитяхъ, охраняемыхъ твердыми законами Православной свѣтской Власти?

Вотъ почему Преподобный Сергій, побуждаемый *истинною христіанскою любовію* къ своей паствѣ, боролся за то, чтобъ она находилась подъ охраной Православныхъ Московскихъ Великихъ Князей, а не подъ игомъ Татаръ. Вотъ почему патріархъ Гермогенъ, движимый *тою же христіанскою любовію*, положилъ жизнь свою за свою паству, борясь съ хищными волками-Поляками, стремившимися поглотить ее.

Вотъ почему и современные намъ Русскіе пастыри должны, съ заповѣданною имъ Спасителемъ *христіанскою любовью къ ближнимъ*, полагать всѣ свои силы на то, чтобы столь дорогая, имъ врученная Богомъ, паства не жила во враждебной ей средѣ, стремящейся лишить ее душевнаго спасенія лукавыми соблазнами и дерзкими угрозами, а чтобъ она жила спокойно и безопасно подъ крѣпкимъ кровомъ Православнаго Самодержавія Русскаго Царя.

Итакъ, Русскіе пастыри должны бороться за спасеніе своего духовнаго стада. Такъ велитъ имъ Богъ, такъ велитъ имъ Церковь Христова.

Борьба эта можетъ быть самая разнообразная, но въ настоящее время она сосредоточивается на предстоящихъ народныхъ выборахъ.

А потому не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Русское духовенство сумѣетъ исполнить свой долгъ предъ Богомъ, предъ Церковію, предъ своимъ Царемъ и своимъ народомъ, и станетъ, по словамъ Митрополита Московскаго, „какъ одинъ человѣкъ на защиту отнимаемой у насъ Православно-христіанской вѣры“, на защиту Русскаго Царскаго Самодержавія, отъ котораго зависитъ судьба Православной Церкви въ Россіи, на защиту Русскаго народа, столь беззавѣтно преданнаго Православной Церкви и готоваго, какъ мы это не разъ видѣли, положить за нее свою жизнь.

Но что можетъ сдѣлать Православное Русское духовенство на предстоящихъ народныхъ выборахъ?

Очень много. Почти что все.

Всѣ необъятныя массы Русскаго народа приступятъ къ выборамъ—какъ къ дѣлу совершенно для нихъ новому, непонятному. Они будутъ нуждаться въ руководительныхъ совѣтахъ какъ въ томъ, чтобы разобраться

въ дебряхъ новаго избирательнаго закона, такъ и въ томъ, чтобы не ошибиться въ выборѣ тѣхъ людей, которыхъ отъ нихъ ожидаетъ Русскій Царь для Своей Государственной Думы.

Кто же можетъ быть лучшимъ руководителемъ и наставникомъ Русскаго народа въ этихъ жизненныхъ его вопросахъ, отъ которыхъ зависитъ вся его судьба, какъ не духовные его пастыри, столь близко его знающіе, столь тѣсно съ нимъ живущіе одною истинно-Русскою приходскою жизнію? Въ такихъ наставительныхъ совѣтахъ Русское духовенство не откажетъ своимъ пасомымъ: мало того, оно пойдетъ имъ навстрѣчу съ этими совѣтами, отстраняя отъ своей паствы тѣхъ хищныхъ волковъ, которые уже начали свою адскую работу, сбивая съ толку Русскихъ людей своими то льстивыми, то возмутительными рѣчами, газетами, брошюрами и прокламаціями.

Русскому духовенству открывается, слѣдовательно, широкое поле дѣятельности на пользу Православной Церкви и Православнаго народа,— и мы увѣрены, что наши пастыри съ подвижническимъ восторгомъ примутъ на себя нелегкое бремя этой Христолюбивой дѣятельности въ вѣчное спасеніе какъ своихъ душъ, такъ и душъ своихъ пасомыхъ.

Въ этомъ святомъ дѣлѣ они будутъ воодушевляться тѣми словами, съ которыми обратился ко всѣмъ Русскимъ людямъ священный Голосъ изъ обители Преподобнаго Сергія:

„Не бывать тому, чтобы люди чужіе, или хотя бы и свои, но отколовшіеся отъ родного народа, ставшіе ему чужими по духу, по вѣрѣ, не бывать тому, чтобы они у насъ на Руси брали верхъ надъ истинно-Русскими и истинно-Православными людьми! У насъ и Царь родной, истинно-православный и воистину благочестивѣйшій Царь: пусть же и Русь вся живетъ законами Русскими, по родному, завѣтному, старому преданію, въ единеніи Царя съ народомъ и народа со своимъ возлюбленнымъ, Божіимъ Помазанникомъ, Царемъ“.

Военная диктатура.

3 октября Москва цѣлый день принуждена была присутствовать при возмутительнѣйшемъ зрѣлищѣ.

Съ утра и до поздняго вечера открыто происходило на ея улицахъ не только наглое глумленіе надъ Самодержавною Властью, но и кощунственное издѣвательство надъ Православною Церковію.

Погребальное пѣніе, сопровождавшее по церковному чину похоронную процессію съ тѣломъ князя С. Н. Трубецкого, прерывалось и заглушалось дикимъ ораніемъ дерзкихъ революціонныхъ пѣсенъ, исполнявшихся разбушевавшеюся многотысячною толпой буйствующей молодежи. Эта буйная вольница не щадила своими безобразными выходками не только чувства Русскаго народа, среди котораго проходила печальная процессія, превращенная въ залихватскій революціонный разгулъ, но и чувства убитыхъ горемъ родственниковъ, которые глубоко были смущены всею праздновавшеюся надъ прахомъ дорогого имъ человѣка позорною оргіей. Что творилось въ оградѣ и у святыхъ воротъ Донского монастыря, въ этой мирной

обители, въ которую внезапно ввалилась съ красными знаменами фанатическая ватага крамольниковъ, не поддается описанію.

А за два дня предъ этимъ такія же возмущающія душу сцены разыгрались въ Кіевѣ, гдѣ также на похоронахъ церковное пѣніе сопровождалось безобразными криками противъ Самодержавія и громкими звуками бунтовскихъ пѣсенъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ Россія, она ничего подобнаго не видала и не слыхала. Что же ей еще предстоитъ увидать и услыхать?

Все это глубоко возмутительно.

Но возмущаться уже нѣтъ болѣе силъ. Нѣтъ силъ жаловаться, протестовать. Къ чему теперь слова, которыхъ никто не слушаетъ, слова, которыя заглушаются торжествующимъ рычаніемъ спущеннаго съ цѣпи революціоннаго хищнаго чудовища? Къ чему слова, когда тѣ, къ которымъ они обращены, въ ослѣпленіи своемъ, ихъ и слушать не хотятъ?

Теперь не слова нужны, а *дѣйствія*. Дѣйствія разумныя, строгія, рѣшительныя.

Нужна диктатура.

Вся честная, благоразумная, мирная Россія давно уже ждетъ ея, какъ единственнаго спасенія отъ крамолы. Предстоящіе выборы въ Государственную Думу и сама Дума не спасутъ насъ отъ крамолы, а только удесятерятъ ея силу.

Одна лишь умная, сильная и послѣдовательная въ своихъ дѣйствіяхъ диктатура можетъ возстановить законный порядокъ, нарушенный шайкой крамольниковъ на всемъ пространствѣ Россіи.

Правительство у насъ какъ-будто совѣстится объявлять на военномъ положеніи мѣстности, объятыя крамольнымъ пожаромъ, какъ-будто военное положеніе является какимъ-то бѣдствіемъ для народа.

Какое глубокое заблужденіе!

Кому же изъ честныхъ гражданъ военное положеніе можетъ быть страшнымъ? Его страшатся лишь измѣнники и крамольники, отъ которыхъ Правительство *обязано* избавить мирное, честное населеніе.

А Правительство исполняетъ этотъ свой прямой долгъ съ какою-то малодушною нерѣшительностью, и если иногда объявляетъ военное положеніе, то не для предупрежденія кровопролитныхъ катастрофъ, а уже послѣ ихъ полнаго разгара!

Къ тому же, объявленіе на военномъ положеніи отдѣльныхъ городовъ и мѣстностей не достигаетъ своей цѣли, такъ какъ злоумышленники спасаются въ сосѣднія мѣстности, гдѣ и дѣйствуютъ на полной свободѣ.

Нѣтъ, Россія можетъ быть спасена отъ всеобъемлющей крамолы такою же всеобъемлющею военною диктатурой.

И чѣмъ скорѣе эта диктатура будетъ объявлена, тѣмъ меньше потребуется жертвъ для возстановленія законнаго порядка въ Россіи.

Русская Монархическая партія.

7 октября цѣлый день Центральное Бюро Монархической партіи осаждалось лицами, желавшими присоединиться къ партіи или внести свою

ленту на открытую Монархическою партіей подписку для поднесенія иконы и московской хлѣба-соли столь недостойно оскорбленному Московскою Думой славному 34-му Донскому казачьему полку. Другіе являлись, чтобы выразить свое сочувствіе назначенію А. С. Шмакова кандидатомъ Монархической партіи въ Государственную Думу: третьи, наконецъ, выражали свои сожалѣнія о томъ, что они, состоя членами Монархической партіи, не могли принять участія во вчерашнемъ ея собраніи.

Все это обязываетъ насъ сказать нѣсколько словъ о настоящемъ положеніи Русской Монархической партіи.

Основаніе партіи было положено 24 апрѣля 1905 года, когда, послѣ цѣлаго ряда статей въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, доказывавшихъ, что, въ виду предстоящихъ политическихъ выборовъ, для борьбы съ боевою партіей *конституціоналистовъ*, необходимо образовать такую же боевую партію убѣжденныхъ *монархистовъ*,—впервые выразили свое желаніе образовать боевую Монархическую партію князь Дмитрій Николаевичъ *Долгоруковъ*, баронъ Григорій Григорьевичъ *Розенъ* и дворянинъ Леонидъ Владиміровичъ *Генике*.

Затѣмъ начался ежедневный притокъ новыхъ членовъ, образовано было Центральное Бюро партіи на первое время при редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*, на столбцахъ которыхъ напечатаны были программа партіи и цѣлый рядъ статей, служившихъ разъясненіемъ отдѣльныхъ ея пунктовъ.

Въ теченіе наступившаго, затѣмъ, лѣта нельзя было еще думать о какихъ-либо собраніяхъ партіи, которая тѣмъ временемъ неудержимо росла въ количественномъ отношеніи, распространяясь по всей Россіи, такъ что къ началу осени она имѣла уже свои центры болѣе чѣмъ въ 60 провинціальныхъ городахъ.

1 сентября состоялось первое частное собраніе Русской Монархической партіи, рѣшившее придать партіи боевую организацію для борьбы на предстоящихъ выборахъ въ созываемую Высочайшимъ Манифестомъ 6 августа Государственную Думу.

9 сентября состоялось второе частное собраніе партіи, на которомъ опредѣленъ былъ составъ Избирательнаго Комитета Монархической партіи, немедленно принявшійся за разработку подробной Программы партіи и Воззванія ея къ избирателямъ, а также къ составленію общаго плана избирательной кампаніи въ Москвѣ.

Послѣ цѣлаго мѣсяца усерднѣйшей работы, Избирательный Комитетъ окончилъ порученный ему первый подготовительный къ выборамъ трудъ, и Центральное Бюро могло созвать 6 октября болѣе многочисленное собраніе; однакоже, и на это собраніе, въ виду неимѣнія у Бюро достаточно-обширнаго помѣщенія, могла быть приглашена лишь одна треть московскихъ членовъ партіи.

Краткій отчетъ объ этомъ собраніи, въ которомъ Монархическая партія впервые открыла свою дѣятельность, напечатанъ во вчерашнемъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* (№ 266).

Избирательный Комитетъ представилъ Собранію выработанныя имъ Программу Монархической партіи и Воззванія къ избирателямъ, которыя,

по разсмотрѣніи и утвержденіи ихъ особо избранною комиссіей, немедленно будутъ напечатаны въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и разосланы по всей Россіи. Сверхъ того, Избирательный Комитетъ представилъ проектъ подробнаго плана выборной кампаніи въ нашей Столицѣ.

Но самыми выдающимися постановленіями Собранія 6 октября были:

1) единодушно принятое предложеніе чествовать 34-й Донской казачій полкъ поднесеніемъ ему иконы и адреса отъ Монархической партіи и предложенія ему хлѣба-соли отъ Москвичей, лишенныхъ истинно-Русскаго представительства въ виду захвата Московской Городской Думы жидовствующею интеллигенціею, и

2) столь же единодушное провозглашеніе славнаго борца за русскіе идеалы и за честь Русскаго воинства—Алексѣя Семеновича Шмакова, первымъ кандидатомъ отъ Москвы въ члены Государственной Думы.

Намъ нечего объяснять важность этихъ двухъ постановленій нашимъ читателямъ, которые хорошо знакомы съ событіями послѣднихъ дней, выдвинувшими на первый планъ живѣйшій интересъ къ 34-му Донскому казачьему полку и къ доблестному защитнику недостойно поруганной его чести, Алексѣю Семеновичу Шмакову.

Имя этого благороднаго, безстрашнаго бойца, неутомимо защищающаго Русскій народъ отъ грозящаго ему еврейскаго рабства, извѣстно всей Россіи, и Редакція наша завалена письмами, выражающими ему свое горячее сочувствіе. Извѣстіе о предстоящемъ выборѣ его въ Государственную Думу, предложенномъ Русскою Монархическою партіей, исполнитъ, мы увѣрены, всѣхъ преданныхъ Царю и Родинѣ, Москвичей истинною радостью.

Не меньшимъ сочувствіемъ будетъ, конечно, встрѣчено намѣреніе чествовать 34-й Донской казачій полкъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ поступающія отъ жителей Москвы, изъ всѣхъ слоевъ общества, пожертвованія, сборъ которыхъ открытъ при Редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*.

Такимъ образомъ первые шаги теперь уже окончательно-организованной Русской Монархической партіи совершились при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ, дающихъ возможность надѣяться, что Господь не оставитъ ее и въ дальнѣйшихъ ея начинаніяхъ.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ напомнить, что въ члены Русской Монархической партіи могутъ записываться всѣ совершеннолѣтніе Русскіе подданные, безъ различія пола, сословія, состоянія, вѣроисповѣданія, за исключеніемъ евреевъ. Особенно отраднымъ явленіемъ мы считаемъ, что къ Русской Монархической партіи уже примкнуло значительное количество представителей Московскаго православнаго духовенства.

Совершенно невѣроятная рѣчь.

Биржевыя Вѣдомости, какъ намъ передаютъ по телефону, напечатали, со словъ берлинскихъ газетъ, переданную по телеграфу изъ Петербурга совершенно невѣроятную рѣчь графа Витте, произнесенную имъ въ засѣданіи Коммиссіи графа Сольскаго во вторникъ вечеромъ, 4 октября 1905 г.

Графъ Витте сказалъ будто бы слѣдующее:

„Правительство должно уяснить себѣ, чего оно хочетъ -репрессивныхъ мѣропріятій или законномѣрность свободы. Я лично за свободу. Произвольныя мѣропріятія сами по себѣ безсмысленны. Газеты наиболѣе радикальныя причиняютъ Правительству меньше вреда, чѣмъ газета Григмута и т. п. рептилій.

„Нельзя также отдѣлываться обѣщаніемъ свободы на время выборовъ въ Государственную Думу, оставляя при этомъ въ силѣ статьи цензурнаго устава. Правительство должно заявить, что оно внесетъ въ Думу законопроектъ о свободѣ печати, а до того времени необходимо дать газетамъ полную свободу, привлекая ихъ къ отвѣтственности только въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ входятъ въ конфликтъ съ уголовнымъ закономъ. И во всѣхъ другихъ областяхъ необходимо положить конецъ произволу —этому главному несчастью нашему.

„Каждое правительство должно слѣдовать политикѣ открытой, не боящейся свѣта. Наше несчастье заключается не въ томъ, что мы наканунѣ анархіи или революціи, а въ томъ, что противники анархіи и даже противники конституціи не желаютъ работать вмѣстѣ съ Правительствомъ. Наше несчастье еще заключается въ томъ, что Правительство, чуждаясь откровенности, отнимаетъ одною рукой то, что даетъ другою. Вотъ почему нѣтъ довѣрія Правительству. Безъ поддержки же со стороны общественнаго мнѣнія никакое Правительство не справится съ революціоннымъ движеніемъ. Репрессивныя мѣропріятія отталкиваютъ отъ Правительства тѣ колеблющіеся элементы, въ которыхъ оно могло бы находить опору.

„Необходимо принять опредѣленное рѣшеніе еще до созыва Государственной Думы.

„Безъ всякаго сомнѣнія, будущая Дума пока остается загадкой. Но въ виду недовѣрія, съ которымъ большинство населенія относится къ бюрократіи, Дума окажется фрондирующею. Правительство поэтому должно всячески заботиться о томъ, чтобы предотвратить всякія подозрѣнія, всякіе толки о томъ, что оно вліяло на выборы. Во всемъ цивилизованномъ мірѣ теоріей и практикой установлено, что выборы должны совершаться безо всякаго посторонняго воздѣйствія.

„Свобода выборовъ безъ свободы печати и собраній есть нѣчто нелѣпое. Если Правительство этого не признаетъ, то Дума не будетъ имѣть никакого авторитета. Сразу упрочится вездѣ убѣжденіе, что населеніе лишено было возможности свободно выбирать. Надо все сдѣлать для того, чтобъ отъ Правительства не отстранились умѣренные элементы, которые возможно станутъ на его сторону.

„Не слѣдуетъ забывать, что съ 6 августа основные законы существуютъ лишь на бумагѣ. Государственная Дума пока остается только небольшою дырой, которую народные представители превращаютъ въ широко-раскрытую дверь, какъ только соберутся".

Какъ извѣстно нашимъ читателямъ, мы не принадлежимъ къ поклонникамъ еврействующей политики графа С. Ю. Витте, а потому мы находимъ вполнѣ естественнымъ сдѣланный имъ столь же рѣзкій, сколь и несправедливый отзывъ о нашей газетѣ.

Но что касается остальной части рѣчи и особенно ея конца, мы въ данномъ случаѣ должны заступиться за графа Витте противъ взведенной на него очевидной клеветы, источникомъ которой являются, навѣрное, тѣ же заграничные еврейскіе источники, которые, преклоняясь предъ своимъ идоломъ, готовы приписать ему Богъ вѣсть какіе честолюбивые и властолюбивые замыслы.

Утверждать, будто „основные законы“ Россійской Имперіи,—то-есть законы о Самодержавіи Русскаго Царя, „существуютъ только на бумагѣ“, утверждать такой революціонный тезисъ *не могъ* вѣрноподданный Русскій человѣкъ, въ какой бы близости съ Евреями онъ ни стоялъ.

Мы увѣрены, что графъ Витте не замедлитъ опровергнуть эту позорящую клевету, которую на него взвели черезчуръ услужливые друзья.

Русская Монархическая партія.

Монархическая партія имѣетъ главною своею задачей сохраненіе Монархической Самодержавной Власти Русскихъ Царей.

Монархическая партія ставитъ себѣ первою, по времени, задачей способствовать всѣми законными мѣрами прекращенію внутренней смуты, въ томъ убѣжденіи, что никакія внутреннія реформы, въ которыхъ такъ нуждается Россія, не могутъ принести благихъ плодовъ, коль скоро онѣ будутъ производиться подъ натискомъ теперешняго революціоннаго движенія.

Когда Верховная Власть восторжествуетъ надъ внутреннею смутой, тогда настанетъ, по убѣжденію Монархической партіи, наиболѣе удобное время для основательныхъ, зрѣло-обдуманныхъ, государственныхъ реформъ, и тогда Монархическая партія употребитъ всѣ свои усилія на то, чтобъ эти реформы имѣли своей цѣлью результаты, выраженные въ слѣдующихъ *Основныхъ, постоянныхъ Положеніяхъ*, изъ которыхъ вытекаютъ изложенные ниже *Выводы*, относящіеся преимущественно къ переживаемому нынѣ критическому времени.

I.

Возвеличеніе единой Православной Церкви въ истинно-христіанскомъ и апостольскомъ ея призваніи.

Православная Церковь въ Россіи не находится въ настоящее время на подобающей ей высотѣ. На *окраинахъ* нашихъ она терпитъ гоненіе отъ инославныхъ церквей, а въ *центрѣ* Россіи она является не руководительницей Русской духовной жизни и нравственности, а занимаетъ второстепенное, подчиненное мѣсто, совершенно не соотвѣтствующее ея высокому призванію въ Русскомъ Государствѣ. Но Православной Церкви грозитъ еще горшая будущность въ Россіи, если исполнится намѣреніе ея враговъ, желающихъ или совершенно обезсилить Русскую Православную Церковь, или превратить ее, по ихъ собственному образцу, въ орудіе невѣрія и развращенности.

Монархическая партія, видящая въ Православной Церкви вѣрнѣйшій залогъ укрѣпленія Самодержавной Власти и благоденствія Русскаго народа,

ставитъ себѣ цѣлью обезпечить Православной Церкви подобающее ей по закону первенствующее мѣсто въ Русской Имперіи и то внутреннее благоустройство, при которомъ она могла бы дѣйствительно получить духовное и нравственное руководительство въ жизни Русскаго Государства и народа, между прочимъ и посредствомъ правильной организаціи церковно-приходской жизни, направляемой истинно-православными служителями Божіими. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это благоустройство должно дать Церкви широкую возможность распространять святое Христово ученіе, какъ въ самой Россіи, такъ и внѣ предѣловъ ея, среди лицъ и племенъ, не постигшихъ еще его истины.

II.

Укрѣпленіе Монархической Самодержавной Власти на Руси.

Самодержавной Власти Русскаго Монарха грозитъ въ настоящее время великая опасность. Враги этой Власти хотятъ ограничить ее посредствомъ Государственной Думы, превративъ Думу въ конституціонный парламентъ, рѣшеніямъ котораго Государь долженъ будетъ безпрекословно подчиняться.

Монархическая партія будетъ отстаивать Самодержавную Власть въ томъ неприкосновенномъ ея видѣ, въ какомъ Государь получилъ ее отъ Своихъ Царственныхъ Предковъ, создавшихъ, съ помощію Божіею и самоотверженнымъ трудомъ Русскаго народа, все величіе Россіи, благодаря именно этой Власти, безъ которой Россія существовать не можетъ.

III.

Свободное развитіе Русской національности и культурной идеи на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи, безъ стѣсненія мѣстныхъ національныхъ особенностей, не имѣющихъ политическаго значенія.

Измѣнники Россіи, соединившіеся съ различными инородцами, населяющими Россійскую Имперію, задумали отдѣлить отъ Россіи ея окраины и превратить ее въ первобытное состояніе небольшого государства, включающаго въ себя одинъ только великорусскія губерніи.

Но и въ этихъ губерніяхъ они хотятъ предоставить инородцамъ и иновѣрцамъ, особенно Евреямъ, тѣ же права, какъ и коренному Русскому Народу.

Монархическая партія стоитъ за сохраненіе *единства и цѣлости* великой Россійской Имперіи, надъ которою должна царить *единая неограниченная* **Самодержавная Власть** Русскаго Монарха и свободно и достойно живущая *Русская Православная* **Церковь**, при *единомъ Русскомъ государственномъ* **языкѣ** *единомъ Русскомъ* **законѣ** и единой *Русской Государственной* **школѣ**. При этихъ непремѣнныхъ условіяхъ, мѣстныя національныя особенности отдѣльныхъ группъ населенія могутъ свободно существовать и развиваться, если только онѣ не будутъ клониться къ нарушенію вышеупомянутыхъ пяти условій Русскаго Государственнаго единства.

Во всякомъ случаѣ, Русскій народъ долженъ какъ въ центрѣ своего Отечества, такъ и на его окраинахъ, чувствовать себя хозяиномъ того дома, въ которомъ онъ гостепріимно пріютилъ какъ мирныхъ инородцевъ, такъ и бывшихъ враговъ Россіи, обезпечивъ имъ условія безопасной, трудолюбивой жизни. Гдѣ бы ни находился Русскій человѣкъ въ Россіи, всюду онъ долженъ имѣть возможность молиться въ благолѣпномъ *русскомъ* Православномъ храмѣ, подчиняться только *русскимъ* законамъ, изданнымъ Самодержавнымъ *Русскимъ* Царемъ, говорить на *русскомъ* языкѣ, понимаемомъ всѣмъ окружающимъ его населеніемъ, которое должно обучать своихъ дѣтей въ государственной *русской* школѣ, воспитывающей вѣрноподданныхъ *русскихъ* гражданъ. Нигдѣ и ни въ чемъ Русскій человѣкъ не долженъ испытывать какихъ-либо стѣсненій отъ инородцевъ и иновѣрцевъ.

IV.

Непоколебимость авторитета Государственной Власти.

Какова бы ни была форма Государственнаго устройства, *сильная Государственная Власть* есть особое условіе для жизнеспособности Государства, для охраненія его отъ разложенія внутри и отъ потери своего независимаго существованія среди прочихъ государствъ *).

Монархическая партія считаетъ необходимымъ, чтобы сильная, разумная и справедливая Государственная Власть, сосредоточенная въ рукахъ Самодержавнаго Монарха, твердою рукой возстановила нарушенныя жизненныя условія Россійской Имперіи, всюду водворяя законный порядокъ и обезпечивая мирную и безопасную жизнь гражданъ, а затѣмъ энергично охраняла ихъ отъ возобновленія смуты, улучшая ихъ гражданское благополучіе строго согласованными, полезными реформами.

V.

Участіе въ высшемъ государственномъ управленіи, по выбору Государя, выдающихся по дарованіямъ, жизненному опыту и преданности Самодержавію Русскихъ людей.

Государственный Совѣтъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, представляетъ собой собраніе почти исключительно бывшихъ государственныхъ дѣятелей, которые, по преклонности лѣтъ или по инымъ причинамъ, не могли долѣе оставаться на дѣйствительной службѣ. Обладая несомнѣннымъ *служебнымъ* опытомъ, они большею частью чужды правительственнаго *жизненнаго* опыта; а такъ какъ назначеніе ихъ въ Государственный Совѣтъ является лишь завершеніемъ ихъ долголѣтней, болѣе или менѣе полезной для Россіи, служебной карьеры, а не признаніемъ ихъ дѣйствительно-выдающихся дарованій, то они въ Государственномъ Совѣтѣ далеко не приносятъ той пользы, которой Государь въ правѣ ожидать отъ этого столь важнаго Правительственнаго учрежденія.

*) Въ этомъ тезисѣ Монархическая партія *буквально* сходится съ „партіей Правового порядка“, съ тою разницей, что послѣдняя сильную Государственную Власть видитъ въ парламентѣ, а Монархическая партія—въ Самодержавномъ Монархѣ.

Въ виду этого Монархическая партія считаетъ необходимымъ преобразованіе Государственнаго Совѣта въ учрежденіе, въ которое назначались бы Государемъ исключительно такія вѣрноподданныя Ему лица, которыя, по мнѣнію Монарха, выдаются среди Русскаго народа особыми заслугами, какъ на государственномъ поприщѣ, такъ и въ другихъ сферахъ Русской жизни, а потому могутъ быть дѣйствительно полезными совѣтниками Самодержавнаго Русскаго Царя въ дѣлахъ законодательства. Но члены этого Государственнаго учрежденія не должны, однако, ограничивать своими рѣшеніями Государя, Который можетъ соглашаться съ тѣми или другими подпесенными на Его благовоззрѣніе мнѣніями, высказанными въ этомъ Государственномъ учрежденіи,—или окончательно рѣшить данный вопросъ по собственному Своему усмотрѣнію.

VI.

Сохраненіе сословнаго строя Русскаго народа.

Поклонники революціоннаго лжеученія о всеобщемъ равенствѣ людей поставили себѣ задачей уничтожить сословный строй Русскаго народа, превративъ его въ необозримую массу отдѣльныхъ лицъ, не связанныхъ между собой ни общностью своего происхожденія, ни общностью того значенія, которое они, по своимъ занятіямъ, имѣютъ въ Государствѣ, ни общностью своихъ спеціальныхъ интересовъ.

Монархическая партія видитъ въ этомъ безконечномъ раздробленіи Русскаго народа и превращеніи его въ ничтожныя песчинки грозную опасность для Государства, которое должно строиться не изъ песка, а изъ крупныхъ прочныхъ камней. Такими лежащими въ краю угловъ камнями являются исторически-сложившіяся сословія Русскаго народа, которыя имѣютъ, каждое, свое особое служебное назначеніе и свои интересы въ Государственномъ организмѣ, объединяемыя въ должномъ согласіи Самодержавнымъ Русскимъ Монархомъ.

Въ виду этого, Монархическая партія всегда будетъ отстаивать сохраненіе въ Русскомъ народѣ всѣхъ сословій, а въ особенности — *духовнаго*, *дворянскаго* и *крестьянскаго*, которымъ нынѣ грозитъ наибольшая опасность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Монархическая партія полагаетъ, что выборные люди, какъ въ земствахъ, такъ и въ другихъ учрежденіяхъ, могутъ быть полезны лишь въ томъ случаѣ, если они избраны сословіями.

VII.

Свободное, децентрализованное, плодотворное развитіе мѣстной хозяйственной и общественной жизни, не стѣсненной ни правительственнымъ, ни земскимъ бюрократизмомъ, но и не стремящейся въ область государственной политики.

Мѣстная общественная жизнь въ Россіи представляетъ собой совершенно ненормальное явленіе: съ одной стороны, административная власть и хозяйственная самодѣятельность находятся въ совершенно ненужной и

часто даже вредной зависимости отъ незнающей провинціи петербургской бюрократіи, а съ другой стороны, она самовольно вырвалась изъ этой опеки въ лицѣ безотвѣтственнаго земства, которое преступило предѣлы, положенные ему закономъ, и явилось сознательнымъ противникомъ Правительственной Власти, подчинивъ мѣстную жизнь своему тенденціозному, еще болѣе деспотическому, бюрократизму.

Наши либеральные земцы и думцы уже открыто объявили войну Правительству и желаютъ придать мѣстной жизни совершенно независимое отъ общей Государственной Власти существованіе, которое не усилитъ, а только ослабитъ мѣстныя жизненныя средства.

Монархическая партія стоитъ за свободное развитіе мѣстной административной и общественной самодѣятельности, но съ тѣмъ, чтобъ она не противорѣчила общей Государственной политикѣ Правительственной Власти, а являлась доброю и вѣрною помощницей въ ея трудной задачѣ.

VIII.

Неустанное попеченіе о матеріальномъ и духовномъ благѣ крестьянскаго и рабочаго сословія, и о добромъ воспитаніи его въ правилахъ религіозной нравственности, любви къ Царю и Отечеству и законнаго гражданскаго общежитія.

Соціалисты сѣютъ свою преступную смуту преимущественно среди крестьянскаго рабочаго сословія, которое они, пользуясь его темнотой, отвлекаютъ отъ Церкви Христовой, возстановляютъ противъ Царя Самодержавнаго и возбуждаютъ противъ остальныхъ сословій Русскаго народа, обѣщая крестьянамъ и рабочимъ совершенно призрачныя, несбыточныя блага, если они послушаютъ ихъ пагубныхъ совѣтовъ.

Монархическая партія будетъ стараться освободить крестьянъ и рабочее сословіе отъ этой лжи, которою его опутываютъ соціалисты. Съ этою цѣлью Монархическая партія будетъ всячески содѣйствовать широкому распространенію народныхъ школъ, заботящихся не только о томъ, чтобы обучить дѣтей крестьянъ и рабочихъ грамотѣ и полезнымъ ремесламъ, но и дать имъ прочное религіозное воспитаніе, возбудить въ нихъ любовь къ Царю и Отечеству и пріучить къ исполненію своего долга и къ соблюденію законнаго порядка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Монархическая партія будетъ содѣйствовать преобразованію крестьянскаго и рабочаго законодательства, которое должно улучшить условія жизни какъ крестьянскаго, такъ и рабочаго населенія и обезпечить имъ мирное и полезное развитіе.

IX.

Въ основѣ Государственнаго правосудія должно лежать начало строгой справедливости, дабы честные граждане находили себѣ въ судахъ вѣрную опору, а порочные—законное возмездіе за свои злодѣянія.

Александръ II даровалъ Россіи новый судъ, который, по благу Русскаго народа, покончилъ съ мрачнымъ, дореформеннымъ кривосудіемъ. Но съ теченіемъ времени въ новомъ судѣ обнаружились недостатки, которые

дѣйствуютъ развращающимъ образомъ и далѣе терпимы быть не могутъ. Тяжкія преступленія зачастую либо совершенно оправдываются нашими судами, либо караются ничтожными наказаніями, вслѣдствіе чего преступность въ Государствѣ быстро увеличивается, а нравственность народа столь же быстро падаетъ. Кромѣ того, нашъ судъ, дѣйствуя въ этомъ отношеніи по указаніямъ „либеральныхъ“ партій, стремится занять въ Русскомъ Государствѣ положеніе особаго самостоятельнаго государства, ставя свои рѣшенія выше Царской справедливости и ограничивая этимъ Самодержавную Власть Государя.

Монархическая партія, считая судъ важнѣйшею практическою школой народной нравственности, ставитъ своею задачей содѣйствовать тому, чтобы Русскій судъ былъ судомъ всѣмъ доступнымъ, грознымъ, правымъ и скорымъ, дабы всѣмъ обижаемымъ не отказывалось въ защитѣ закона, а насильникамъ не оказывалось никакого попустительства или послабленія. Право милованія должно принадлежать одному Государю, единственному источнику земного правосудія, Котораго, поэтому, никто, а тѣмъ менѣе установленный Имъ судъ, ограничивать не можетъ.

X.

Государственная служба должна стоять высоко и честно; слугами Царя могутъ быть лишь лица свято, строго и бескорыстно исполняющія свой долгъ предъ Самодержавнымъ Царемъ и Отечествомъ.

Государственная служба, какъ показали послѣднія событія, не стоитъ у насъ на должной высотѣ. Во всѣхъ ея сферахъ встрѣчаются лица, нарушающія законы Государства или потакающія ихъ нарушителямъ, изъ малодушія или своекорыстія; содѣйствуя этимъ пониженію Правительственнаго авторитета и развращенію общества, они, сверхъ того, причиняютъ неисчислимый вредъ Государству.

Монархическая партія съ негодованіемъ отвергаетъ этихъ невѣрныхъ и лукавыхъ слугъ Царя, полагая, что на Царской службѣ не могутъ быть терпимы лица, считающія служеніе свое за выпавшую на ихъ долю привилегію, а не за долгъ и обязанность, исполняемые не за страхъ, а за совѣсть передъ Царемъ-Самодержцемъ и Родиной.

Наши „либералы“ стараются отождествить Самодержавіе съ дурною бюрократіей и увѣряютъ, что лишь одинъ конституціонный парламентъ можетъ дать Россіи хорошее чиновничество. Они намѣренно скрываютъ отъ Русскаго народа, что парламентаризмъ самъ по себѣ устранить язву бюрократизма не можетъ, чему служатъ примѣромъ, съ одной стороны, парламентарныя Франція и Сѣверная Америка, прославившіяся на весь свѣтъ своимъ дурнымъ чиновничествомъ, и даже Англія съ проворовавшеюся бюрократіей во время Бурской войны, а съ другой—Германія, въ которой чиновники стояли на болѣе высокой степени дѣловитости и честности до введенія парламентаризма, нежели въ настоящее время.

Монархическая партія полагаетъ, что освободить Россію отъ дурного бюрократизма можетъ лишь неограниченный въ Своей Власти Монархъ, Который однимъ почеркомъ пера можетъ замѣнить плохого чиновника хоро-

шимъ,—а также строгій и справедливый судъ, къ которому должны быть привлекаемы всѣ безъ всякаго изъятія неисправные и въ особенности корыстолюбивые чиновники, хотя бы и занимающіе высшія служебныя мѣста въ Государствѣ. Право почина въ дѣлѣ такого привлеченія должно быть обезпечено за каждымъ вѣрноподданнымъ.

XI.

Задачей русской школы должно быть нравственное, національное воспитаніе юношества, доброе его просвѣщеніе и серіозное служеніе истинной наукѣ.

Ни одна часть Русскаго Государственнаго организма не пала такъ низко въ настоящее время, какъ Русская школа. А между тѣмъ въ ней заключается вся будущность Россіи. Водвореніе порядка въ наши школы и ихъ оздоровленіе будетъ дѣломъ труднымъ и продолжительнымъ, въ виду многочисленности тяжкихъ грѣховъ, допущенныхъ въ послѣднее время на этомъ поприщѣ государственной дѣятельности.

„Либеральныя“ партіи требуютъ въ одинъ голосъ еще большаго разрушенія Русской школы дарованіемъ ей всевозможныхъ правъ безъ наложенія на нее какихъ-либо обязанностей, дабы школа еще дальше отошла отъ науки, еще болѣе извратилась, воспитывая въ своихъ питомцахъ лишь будущихъ революціонеровъ.

Монархическая партія будетъ требовать возрожденія нашихъ среднихъ и высшихъ школъ и возвращенія ихъ къ законному порядку и къ прямымъ ихъ высокимъ задачамъ, дабы онѣ, ставъ въ научномъ отношеніи на одинъ уровень съ лучшими европейскими школами, давали подрастающему юношеству здоровое, религіозно-нравственное и національное воспитаніе.

XII.

Охраненіе прочнаго порядка и мирнаго житія какъ въ городахъ, такъ въ особенности въ сельскихъ мѣстностяхъ.

Земледѣльческій трудъ, составляющій основу благосостоянія Россіи, возможенъ лишь при полной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, среди незыблемой обезпеченности права собственности какъ земледѣльцевъ, такъ и землевладѣльцевъ; а между тѣмъ обезпеченность эта въ настоящее время исчезла: землевладѣльцы бѣгутъ изъ деревни, считая свой трудъ безполезнымъ и опасаясь разрушительныхъ аграрныхъ преступленій, а крестьяне становятся жертвой дерзкихъ смутьяновъ, которые подбиваютъ ихъ на эти преступленія.

Монархическая партія, видя въ этомъ непормальномъ состояніи сельской жизни источникъ внутренняго разложенія Россіи, всегда будетъ содѣйствовать возстановленію сильною, справедливою Властью законнаго порядка въ сельской жизни и введенію ея въ твердыя, ясно-опредѣленныя законныя нормы. Тою же Властью долженъ быть возстановленъ прочный порядокъ и въ городахъ, улицы и площади которыхъ не должны находиться подъ постоянною угрозой политическихъ демонстрацій и всякаго рода безчинствъ и преступленій.

XIII.

Улучшеніе крестьянскаго быта поднятіемъ сельско-хозяйственной культуры, правильною организаціей сельскаго кредита, учрежденіемъ сельскихъ земледѣльческихъ школъ, а также цѣлесообразнымъ землеустройствомъ и разселеніемъ, въ особенности же раціональнымъ веденіемъ переселенческаго дѣла.

Малоземелье, которымъ страдаютъ многіе крестьяне центральныхъ губерній, является несомнѣнно однимъ изъ источниковъ ихъ тяжелаго экономическаго положенія. Этимъ пользуются агитаторы-соціалисты, чтобы внушить крестьянамъ убѣжденіе, будто бы для нихъ нѣтъ другого средства выйти изъ своего бѣдственнаго положенія какъ перейти въ ряды крамольниковъ и насильственно захватывать чужую собственность.

Монархическая партія, видящая въ неприкосновенности имущественныхъ правъ важнѣйшій залогъ здороваго развитія и процвѣтанія Государства и прочнаго укрѣпленія народной нравственности, не допускаетъ мысли, чтобъ естественный приростъ населенія въ нашихъ центральныхъ губерніяхъ влекъ за собой преступныя насилія въ видѣ захвата чужой собственности или принудительнаго отчужденія крупныхъ владѣній для удовлетворенія мелкихъ собственниковъ.

Для устраненія тяжелаго положенія крестьянства существуютъ другія законныя и вполнѣ цѣлесообразныя средства. Даже сравнительно небольшой земельный надѣлъ можетъ давать гораздо больше прибыли, нежели теперь, если только его обрабатывать усиленнымъ и улучшеннымъ образомъ, и если принять общія мѣры облѣсенія, обводненія, борьбы съ оврагами, песками и т. п.

Но принимать эти мѣры крестьяне безъ посторонней помощи не могутъ. И Правительство, и земство должны оказывать имъ всякое содѣйствіе мелкимъ земельнымъ, въ особенности меліоративнымъ и кустарнымъ, кредитомъ и учрежденіемъ сельскихъ школъ съ принадлежащею имъ землей, въ которыхъ крестьянскія дѣти пріучались бы къ разумному, улучшенному сельскому труду.

Но этимъ законная борьба съ малоземельемъ не ограничивается. Правительство уже обратило свое вниманіе на необходимость систематичнаго землеустройства, которое дало бы крестьянскому землевладѣнію возможность, — при непремѣнномъ сохраненіи неотчуждаемости крестьянской земли въ некрестьянскія руки, — принять наиболѣе удобную и цѣлесообразную, смотря по мѣстности, форму, напримѣръ — раціональнаго разселенія слишкомъ скученныхъ дворовъ.

Тѣмъ не менѣе, останется еще значительная часть прироста крестьянскаго народа, которая предпочтетъ переселиться въ другія, еще свободныя мѣста своего Отечества.

На то существуютъ громадныя владѣнія Россіи, въ особенности на Востокѣ, чтобы туда переходилъ излишекъ Русскаго населенія, не находящій себѣ мѣста въ центральныхъ губерніяхъ.

Эту истину давно уже позналь и самъ Русскій народъ, неудержимо стремящійся къ переселенію въ восточные края Россіи.

Но переселеніе это долгое время было какимъ-то безпорядочнымъ, стихійнымъ явленіемъ, приносившимъ крестьянамъ далеко не ту пользу, которой можно было отъ него ожидать. И лишь за послѣднее время Правительство намѣчаетъ правильную организацію крестьянскихъ переселеній, прервавшихся въ виду послѣдней войны на Дальнемъ Востокѣ.

Въ виду этого, Монархическая партія считаетъ дѣломъ первостепенной важности примѣненіе всѣхъ вышеуказанныхъ законныхъ способовъ для дѣйствительнаго улучшенія крестьянскаго быта; столь же необходимо возобновленіе Правительственной заботы о правильной организаціи переселенческаго дѣла, имѣющаго серіозное Государственное значеніе какъ въ смыслѣ облегченія центральныхъ губерній, такъ и въ смыслѣ прикрѣпленія къ Россіи дальнихъ окраинъ посредствомъ заселенія ихъ Русскимъ народомъ.

Такими окраинами являются не только Сѣверный край, Сибирь и Средняя Азія, но и Кавказъ, а также тѣ южныя и юго-восточныя губерніи Россіи, которыя, къ великому для нея ущербу, находятся въ рукахъ Армянъ, Нѣмцевъ и Евреевъ. Въ этомъ отношеніи дѣятельность Крестьянскаго Банка должна быть преобразована въ смыслѣ большей систематичности и послѣдовательности въ государственномъ какъ въ экономическомъ, такъ и политическомъ отношеніяхъ.

Само собою разумѣется, что переселеніе крестьянъ можетъ быть для нихъ лишь добровольнымъ, при чемъ особенно желательны переселенія и помѣщиковъ-дворянъ, такъ какъ вообще правильное сельское хозяйство возможно лишь при зрѣло-обдуманной комбинаціи крупнаго и мелкаго землевладѣнія.

XIV.

Содѣйствіе развитію плодотворнаго національнаго народнаго труда во всѣхъ областяхъ его примѣненія.

Признавая, что источникомъ матеріальнаго благосостоянія народа является производительный трудъ, Монархическая партія ставитъ своею задачей попеченіе о всестороннемъ развитіи его въ интересахъ благоустройства какъ частнаго, такъ и государственнаго хозяйства Россіи.

Главный промыселъ Русскаго народа составляетъ сельское хозяйство, которое по переписи 1897 года даетъ средства къ существованію 70% населенія. Къ сожалѣнію, нашему сельскому хозяйству приходится переживать весьма тяжелое время. Оно производитъ продукты не только для внутренняго потребленія, но и для сбыта на иностранные рынки, регулируя этимъ вывозомъ нашъ международный разсчетный балансъ. Поэтому финансовый результатъ нашего сельскаго хозяйства, какъ владѣльческаго, такъ и крестьянскаго, въ значительной степени зависитъ отъ уровня цѣнъ землевладѣльческихъ продуктовъ на международномъ рынкѣ. Между тѣмъ эти цѣны, подъ вліяніемъ конкурренціи внѣевропейскихъ странъ и высокихъ таможенныхъ пошлинъ въ европейскихъ государствахъ, держатся на довольно низкомъ уровнѣ, сводя до ничтожныхъ размѣровъ выручку русскаго земледѣлія за его продукты. Такое печальное положеніе продол-

жается уже болѣе двадцати лѣтъ, истощая силы и средства нашего сельскаго хозяйства, которое все болѣе слабѣетъ и хирѣетъ. Вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ производительность сельскаго хозяйства не повышается, а понижается, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ хроническіе неурожаи, ставшіе у насъ обычнымъ явленіемъ.

Къ тому же въ недавнее еще время правительственныя сферы относились къ сельскому хозяйству съ очевиднымъ пренебреженіемъ, въ угоду искусственному возбужденію преимущественно иностранной промышленности.

Для облегченія этого тяжелаго положенія Монархическая партія считаетъ своею обязанностью, по мѣрѣ силъ и возможности, заботиться о повышеніи производительности нашего сельскаго хозяйства, объ улучшеніи сбыта его продуктовъ и о приведеніи сельскаго хозяйства и русской промышленности въ должное равновѣсіе.

Важное и все болѣе возрастающее значеніе въ хозяйственной дѣятельности страны принадлежитъ *обрабатывающей* промышленности, которая даетъ обширные заработки населенію, являясь во многихъ случаяхъ необходимымъ подспорьемъ для земледѣлія. Вслѣдствіе этого, обрабатывающая промышленность во всѣхъ ея видахъ составляетъ необходимое условіе хозяйственнаго благоустройства Россіи. Для достиженія плодотворныхъ результатовъ нельзя ограничиваться пассивными мѣрами, какъ, напримѣръ, охраной производства отъ иностранной конкурренціи, а необходимъ переходъ къ болѣе энергичной активной политикѣ, вызывающей развитіе новыхъ отраслей національнаго труда.

Главнымъ тормазомъ развитія промышленнаго производства, особенно для среднихъ и мелкихъ предпріятій, являются у насъ недостатокъ капиталовъ и отсутствіе правильно-организованнаго промышленнаго кредита. У насъ, напримѣръ, до сихъ поръ нѣтъ еще промышленныхъ банковъ, обязанности которыхъ весьма плохо и съ большою помѣхой для своихъ основныхъ задачъ выполняетъ Государственный Банкъ.

Въ виду этого, Монархическая партія будетъ заботиться о возможно полномъ и широкомъ развитіи кредита въ наиболѣе совершенныхъ его формахъ для оплодотворенія производительнаго русскаго народнаго труда. Одновременно съ этимъ, въ интересахъ производства, она будетъ стремиться и къ установленію такой комбинаціи силъ, которая приводитъ къ наиболѣе выгоднымъ результатамъ при наименьшей затратѣ энергіи.

XV.

Экономія въ расходахъ и соображеніе налоговъ со средствами плательщиковъ.

За послѣднее десятилѣтіе, предшествовавшее злосчастной войнѣ съ Японіей, въ Россіи наблюдался необычайно быстрый ростъ Государственнаго бюджета. За это время Государственные расходы удвоились, и надо было изыскивать средства для покрытія ихъ путемъ введенія новыхъ и увеличенія существующихъ налоговъ, что легло тяжкимъ бременемъ на скудные достатки массы населенія.

Между тѣмъ многіе, и притомъ очень крупные, расходы не вызывались неотложными потребностями времени, не имѣли производительнаго характера. Такъ, напримѣръ, сотни милліоновъ рублей были затрачены на рискованныя предпріятія Дальняго Востока: на постройку южной части Китайской Восточной желѣзной дороги, на сооруженіе города Дальняго и на преждевременное учрежденіе морского пароходства въ водахъ Великаго Океана. Эти предпріятія не могли имѣть практическаго значенія для интересовъ русской промышленности, большинство отраслей которой еще нуждается въ таможенномъ покровительствѣ и не можетъ вступать въ борьбу съ соперниками на открытомъ рынкѣ. Но эти грандіозныя затраты вызвали тревогу въ средѣ соперничающихъ съ Россіей государствъ и привели къ тяжелой войнѣ, которая завершилась уничтоженіемъ этихъ полу-русскихъ предпріятій на Дальнемъ Востокѣ. Непроизводительныя затраты потерпѣли полное крушеніе и вызвали массу потерь и новыхъ расходовъ, надолго обремепившихъ нашъ государственный бюджетъ.

Монархическая партія считаетъ своею обязанностью заботиться объ устраненіи подобныхъ непроизводительныхъ затратъ, не отвѣчающихъ потребностямъ мѣста и времени, и о введеніи возможной экономіи въ расходы бюджета, въ интересахъ благоустройства какъ государственнаго, такъ и частнаго хозяйства Россіи.

Одновременно съ этимъ, оскудѣніе достатковъ населенія выдвигаетъ на очередь вопросъ о реформѣ государственнаго бюджета и, между прочимъ, о постепенномъ измѣненіи основы его, покоящейся на питейномъ налогѣ. Кромѣ того, въ настоящее время многіе продукты массоваго потребленія, сдѣлавшіеся предметами первой необходимости, какъ, напримѣръ, чай, керосинъ, сахаръ, обложены весьма высокими налогами. Монархическая партія признаетъ необходимымъ понизить обложеніе ихъ, стремясь къ примѣненію въ государственномъ бюджетѣ принципа сообразованія налоговъ со средствами плательщиковъ.

Монархическая партія одновременно организуется въ различныхъ городахъ и селеніяхъ Россійской Имперіи, центръ же ея находится въ Москвѣ, гдѣ и издается органъ Монархической партіи, *Московскія Вѣдомости*. При редакціи этой газеты организовано, на первое время, Центральное Бюро, сосредоточивающее пріемъ заявленій о присоединеніи къ Монархической партіи и руководящее ея дѣйствіями, а также Избирательный Комитетъ для веденія предстоящей выборной кампаніи.

Въ члены Монархической партіи могутъ вступать Русскіе подданные обоего пола, достигшіе совершеннолѣтія, безъ различія сословій, состояній и вѣроисповѣданій, за исключеніемъ евреевъ.

Каждый, желающій примкнуть къ Монархической партіи, дѣлаетъ письменное заявленіе о полномъ своемъ согласіи съ программой партіи и о своей готовности теперь же посильно содѣйствовать осуществленію этой программы. Заявленіе это присылается въ Центральное Бюро съ обозначеніемъ имени, отчества, званія и точнаго адреса. Тамъ, гдѣ образуются отдѣльныя группы единомышленниковъ, сочувствующихъ программѣ

Монархической партіи, группы эти дѣлаютъ коллективныя заявленія чрезъ одного изъ своихъ членовъ.

Монархическая партія дорожитъ не столько количествомъ своихъ членовъ, сколько *полнымъ ихъ единодушіемъ* и готовностью бороться за Самодержавіе Русскихъ Царей, за Православіе Русской Вѣры и за національные идеалы Русскаго народа.

Въ виду этого, Монархическая партія составляется изъ членовъ, тѣсно сплоченныхъ между собой тождественностью своихъ убѣжденій и искренно сочувствующихъ всѣмъ *Основнымъ постояннымъ Положеніямъ* настоящей программы.

На собраніяхъ партіи принципіальное оспариваніе этихъ *Основныхъ Положеній* не допускается. Кто не согласенъ хотя бы съ однимъ изъ этихъ *Положеній*, тотъ не вступаетъ въ партію, или, вступивъ въ нее по недоразумѣнію, заявляетъ о своемъ выходѣ изъ нея.

Точно такъ же Центральное Бюро партіи обязано исключать изъ партіи тѣхъ ея членовъ, которые своею дѣятельностью оказались бы въ противорѣчіи тому или другому *Основному Положенію* настоящей программы.

О состоявшемся выбытіи или исключеніи членовъ Центральное Бюро доводитъ до свѣдѣнія ближайшаго Общаго Собранія партіи.

Обсужденіе и развитіе изложенныхъ выше *Выводовъ* изъ *Основныхъ Положеній* программы свободно предоставляется каждому члену Монархической партіи какъ въ частныхъ, такъ и въ общихъ Собраніяхъ; внесеніе же въ программу новыхъ *Основныхъ Положеній* и *Выводовъ* и какихъ-либо измѣненій въ послѣднихъ допускается лишь по постановленію Общихъ Собраній или назначенныхъ ими для сего комиссій.

Вышеизложенная Программа Монархической партіи высылается всѣмъ желающимъ изъ Центральнаго Бюро.

Русская Монархическая партія.

Собраніе 18-го октября.

Во вторникъ, 18-го октября, состоялось экстренное собраніе Русской Монархической Партіи въ Москвѣ, въ виду обнародованія Высочайшаго Манифеста 17-го октября и всеподданнѣйшаго доклада графа Витте.

Собраніе выслушало прежде всего докладъ члена Монархической партіи хоругвеносца І. Г. Ствoлова о томъ, какъ депутація Народной Охраны ѣздила въ Петербургъ для поднесенія иконы и вѣрноподданническаго адреса Государю Императору, и о милостивомъ пріемѣ, котораго удостоилъ депутацію Государь 11 октября. Простой, искренній разсказъ г. Ствoлова о тѣхъ словахъ, которыми Государь успокоивалъ и утѣшалъ истинно-Русскихъ людей, тревожившихся въ виду охватившей всю Россію смуты, глубоко тронули присутствовавшихъ.

Затѣмъ г. Ствoловъ передалъ подробности возвращенія депутаціи 17 октября въ Москву, въ тотъ самый моментъ, когда желѣзнодорожные рабочіе Николаевскаго, Ярославскаго и Рязанскаго вокзаловъ, ничего еще

не знавшіе о Манифестѣ, по собственному влеченію Русскаго сердца, рѣшили положить конецъ крамольной забастовкѣ и возносили молитвы къ Господу передъ началомъ возобновленія работъ. І. Г. Стволовъ, тутъ же на вокзалѣ, обратился съ рѣчью ко всей массѣ рабочихъ, и разсказалъ имъ о слышанныхъ имъ милостивыхъ словахъ Государя, вызвавъ этимъ среди рабочихъ безпредѣльный патріотическій восторгъ.

То было вчера, а сегодня, 18 октября, Москва сдѣлалась сценой возмутительныхъ революціонныхъ манифестацій, свидѣтелями которыхъ были многіе изъ присутствовавшихъ на собраніи членовъ Монархической партіи. Они передали въ живомъ изложеніи то, что видѣли на разныхъ пунктахъ Москвы, гдѣ демонстранты разрывали національные флаги и съ революціонными пѣснями и красными флагами выражали свое недовольство Царскимъ Манифестомъ, требуя полнаго сверженія Самодержавія.

Особенно возмущены были собравшіеся извѣстіемъ, что даже надъ домомъ генералъ-губернатора нѣкоторое время развѣвались красные флаги, самовольно водруженные крамольниками.

Нѣкоторые члены Монархической партіи, пріѣхавшіе на собраніе прямо изъ засѣданія Городской Думы, съ негодованіемъ передавали о томъ, какъ революціонные вожаки въ постановленіи Думы, по поводу Высочайшаго Манифеста, упорствовали въ недопущеніи и намека на благодарность за дарованныя имъ въ Манифестѣ милости, считая эти милости не добровольнымъ актомъ Верховной Воли, а результатомъ первой побѣды „народа“ (?) надъ Самодержавіемъ.

Выслушавъ всѣ эти свидѣтельскія показанія объ этихъ столь прискорбныхъ явленіяхъ, собраніе Монархической Партіи приступило къ обсужденію вопроса, какова должна быть роль Партіи при столь важномъ измѣненіи Государственнаго положенія.

Послѣ продолжительнаго обмѣна мнѣній среди присутствовавшихъ членовъ, проявившихъ полное единодушіе, все собраніе пришло къ тому заключенію, что теперь Монархической партіи предстоитъ болѣе широкая задача, нежели та предвыборная кампанія, ради которой Монархическая партія первоначально была образована.

Въ виду этого, Монархическая партія намѣтила себѣ, на этомъ новомъ поприщѣ охраненія и возстановленія Самодержавной Власти Русскихъ Царей, цѣлый рядъ безусловно законныхъ средствъ, которыми Монархическая партія, соблюдая строгую дисциплину, будетъ пользоваться для достиженія своей главной цѣли, памятуя свой вѣрноподданническій долгъ передъ Царемъ и свои обязанности передъ Русскимъ народомъ, свято чтущимъ своего Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго Батюшку-Царя.

Диктатура графа Витте.

Графъ С. Ю. Витте назначенъ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, и ему поручено составленіе объединеннаго министерскаго Кабинета по собственному его выбору.

Эта чрезвычайная, примѣняемая впервые въ Россіи, мѣра вызвана необычайною анархіей, овладѣвшею Россіей и возбужденною отчасти тою

несогласованностью политики, которой держались различныя вѣдомства, а также полнымъ отсутствіемъ ясно выраженной и послѣдовательной Правительственной политики.

Теперь надъ всею Россіей будетъ господствовать одна воля,—воля графа Витте, который такимъ образомъ и является диктаторомъ Россіи.

Воля эта должна быть направлена къ достиженію результатовъ, указанныхъ Государемъ въ Манифестѣ 17 октября.

Вотъ что мы читаемъ въ этой части Манифеста:

Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи Нашей великою скорбью преисполняютъ сердце Наше.

Благо Россійскаго Государя неразрывно съ благомъ народа, и печаль народа—Его печаль. Отъ волненій, нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое нестроеніе народное и угроза цѣлости и единству Державы Нашей.

Великій обѣтъ Царскаго служенія повелѣваетъ Намъ всѣми силами разума и власти Нашей стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для Государства смуты.

Повелѣвъ подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій, въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга, Мы, для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ преднамѣчаемыхъ Нами къ умиротворенію государственной жизни мѣръ, признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго Правительства.

Итакъ, графу Витте повелѣно Государемъ принять мѣры „къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для Государства смуты“ и „къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій“, отъ которыхъ „можетъ явиться глубокое нестроеніе народное и угроза цѣлости и единству Государевой Державы“.

Можетъ ли графъ Витте исполнить возложенную на него Государемъ задачу?

Не будучи поклонниками государственной политики графа Витте, мы, тѣмъ не менѣе, на этотъ вопросъ должны дать утвердительный отвѣтъ.

Зная непреклонную силу воли графа Витте, всегда достигающаго того, къ чему онъ стремится, зная его желѣзную руку, которую многіе имѣли случай почувствовать надъ собой, зная свободу его отъ какихъ-либо предвзятыхъ принциповъ,—мы увѣрены, что если онъ искренно и серіозно того *захочетъ*, онъ *сумѣетъ* прекратить столь опасную для Государства смуту.

И дѣйствительно, въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ графъ Витте выражаетъ свое явное несочувствіе „организованнымъ дѣйствіямъ *крайнихъ партій*“ и полагаетъ, что „дѣятельность Власти на всѣхъ ступеняхъ должна быть охвачена“, между прочимъ, „слѣдующимъ руководящимъ

принципомъ: *противодѣйствіе дѣйствіямъ явно угрожающимъ обществу и Государству*, опираясь на законы и въ духовномъ единеніи съ благоразумнымъ большинствомъ общества". Онъ ясно понимаетъ, что „Правительству надлежитъ руководствоваться господствующею въ большинствѣ общества идеей, *а не отголосками хотя бы и рѣзко выраженныхъ требованій отдѣльныхъ кружковъ*, удовлетвореніе которыхъ невозможно уже потому, что они постоянно мѣняются". Точно также графъ Витте прямо заявляетъ, что онъ не сторонникъ той абсолютной свободы, которой требуютъ крайнія партіи, а что „*предоставленіе населенію правъ гражданской свободы должно сопутствоваться законнымъ ограниченіемъ ея для твердаго огражденія правъ третьихъ лицъ, спокойствія и безопасности Государства*". Наконецъ, графъ Витте напоминаетъ обществу, что осуществленіе новыхъ реформъ „возможно лишь при широкомъ и дѣятельномъ содѣйствіи общества и *при соотвѣтствующемъ спокойствіи, которое позволило бы направить силы къ плодотворной работѣ*". „*Не можетъ быть*, говоритъ онъ, „*чтобы русское общество желало анархіи, угрожающей, помимо всѣхъ ужасовъ борьбы, расчлененіемъ Государства*". „Вотъ почему далеко не достаточно Власти выступить съ лозунгомъ гражданской свободы: *чтобы водворить въ странѣ порядокъ, нужны трудъ, неослабѣвающая твердость и послѣдовательность*".

Какъ же не согласиться съ этими доводами всеподданнѣйшаго доклада графа Витте, на основаніи которыхъ Государь Императоръ поручилъ ему водворить нарушенный въ Россіи порядокъ, исчезнувшій вмѣстѣ съ исчезновеніемъ твердой, разумной Правительственной Власти, возвращенія которой такъ давно уже почти безнадежно жаждетъ Русскій народъ? Если графъ Витте дѣйствительно исполнитъ возложенную на него Государемъ великую и трудную задачу, если онъ дѣйствительно возстановитъ авторитетъ Власти и прекратитъ бушующую нынѣ въ Россіи анархію, то одна уже эта его заслуга достойна полнаго ему сочувствія и содѣйствія Русскаго общества.

Вотъ почему и мы, убѣжденные монархисты, будемъ всѣми законными мѣрами содѣйствовать графу Витте въ подавленіи этой революціонной анархіи.

Мы кореннымъ образомъ расходимся съ графомъ Витте во взглядахъ на Основные Законы Россійской Имперіи, которые будто бы написаны „только на бумагѣ", а не въ сердцахъ Русскихъ людей, а также, въ особенности, во взглядахъ на Самодержавную Власть Русскихъ Царей, которою Они будто бы могутъ „не дорожить", тогда какъ она вручена Имъ Богомъ и Русскимъ народомъ, какъ драгоцѣнная святыня, которой никто не можетъ умалить ни на одну іоту.

Но эти и другія весьма существенныя и всѣмъ извѣстныя наши разногласія съ графомъ Витте должны пока умолкнуть предъ роковою опасностью, надвинувшеюся на Россію и грозящею не только ея Основнымъ Законамъ, но и самому ея существованію.

Всѣ принципіальныя разногласія, раздѣлившія благонамѣренную часть Русскаго общества, должны исчезнуть предъ этою грозною опасностью,

ибо *первымъ закономъ для всѣхъ должно быть спасеніе Отечества*, а потому мы всѣ должны сплотиться вокругъ человѣка, обѣщающаго и могущаго спасти Россію отъ революціонной анархіи, созданной „крайними партіями", кто бы этотъ человѣкъ ни былъ, и до тѣхъ поръ, пока мы будемъ видѣть, что онъ *искренно и серіозно* посвящаетъ себя подавленію этой анархіи и водворенію твердой законной Власти въ Государствѣ.

Русская Монархическая Партія тѣмъ болѣе должна содѣйствовать графу Витте *въ этомъ дѣлѣ*, что она, какъ это выражено въ ея программѣ, „ставитъ себѣ первою, по времени, задачей способствовать всѣми законными мѣрами прекращенію внутренней смуты, въ томъ убѣжденіи, что никакія внутреннія реформы, въ которыхъ такъ нуждается Россія, не могутъ принести благихъ плодовъ, коль скоро онѣ будутъ производиться подъ натискомъ теперешняго революціоннаго движенія".

Но, сверхъ того, мы своими дѣйствіями не должны создавать никакихъ препятствій графу Витте при водвореніи имъ законнаго порядка въ Россіи уже потому, что эти препятствія создаются ему въ такомъ изобиліи нашими общими съ нимъ врагами—соціалъ-демократами, соціалъ-революціонерами и прочими анархистами всякихъ наименованій.

Когда князь Святополкъ-Мирскій произнесъ, въ первый день своего министерства, роковое слово „довѣріе",—революціонеры даровали ему цѣлые два медовые мѣсяца.

Графу Витте они не дали даже одного медоваго дня.

Поздними вечеромъ 17 октября обнародованъ былъ его всеподданнѣйшій докладъ о необходимости даровать Россіи „гражданскую свободу", а 18 октября „крайнія партіи" уже открыто выразили ему свое недовѣріе: какъ въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ, улицы обагрились кровью вслѣдствіе ярыхъ революціонныхъ манифестацій всевозможныхъ революціонеровъ съ развѣвающимися красными анархическими знаменами.

Стачки рабочихъ еще болѣе усилились; во многихъ мѣстахъ вспыхнула жестокая фанатическая междоусобная война; вся революціонная печать, всѣ революціонные кружки и общества и, между прочимъ, Московская Городская Дума демонстративно воздержались отъ выраженія чувства благодарности за милостивыя слова о расширеніи гражданской свободы въ Манифестѣ 17 октября, и нынѣ дерзко торжествуютъ свою „первую побѣду" надъ Верховной Властью, немедленно требуя отъ Нея новыхъ уступокъ, очевидно намѣреваясь проложить себѣ путь къ полному упраздненію этой Власти.

Вотъ требованія, выставленныя немедленно, 19 октября, въ офиціальномъ органѣ русской революціи:

1. Повсемѣстное снятіе военнаго положенія.
2. Уничтоженіе охраннаго положенія.
3. Упраздненіе корпуса жандармовъ и полицейскихъ охранныхъ отдѣленій.
4. Упраздненіе урядниковъ и сельскихъ стражниковъ.
5. Возвращеніе казаковъ на Донъ и ихъ разоруженіе.

6. Демобилизація военныхъ частей, призванныхъ для подавленія революціи.

7. Передача полиціи въ вѣдѣніе муниципалитетовъ.

8. Уничтоженіе цензуры и всего Управленія по дѣламъ печати.

9. Установленіе отвѣтственности только по суду.

10. Освобожденіе политическихъ преступниковъ, находящихся въ Шлиссельбургѣ, на каторгѣ, въ тюрьмѣ и ссылкѣ.

11. Открытіе границъ для эмигрантовъ.

12. Уничтоженіе черты осѣдлости для евреевъ.

13. Организація народной милиціи *).

Вотъ чѣмъ отвѣтили революціоперы графу Витте въ первые же два дня его диктатуры.

Намъ остается только внимательно слѣдить за дальнѣйшими дѣйствіями революціонныхъ партій, встрѣтившихъ политическую программу графа Витте столь внезапнымъ, небывалымъ усиленіемъ своей апархической агитаціи,—а также и за тѣми мѣрами, которыя графъ Витте приметъ для того, чтобы Власть и Законъ окончательно восторжествовали надъ тѣмъ безвластіемъ и беззаконіемъ, отъ которыхъ уже такъ долго мученически истекаетъ кровью Россія.

Политика графа Витте.

Въ обнародованномъ 24 октября „Правительственномъ Сообщеніи“, исходящемъ, несомнѣнно, отъ теперешняго руководителя русской внутренней политики графа Витте, подвергаются вполнѣ справедливому укору „группы лицъ, считающихъ себя неудовлетворенными Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ 17 октября“, за то что они „въ чрезмѣрно рѣзкихъ проявленіяхъ выражаютъ свое недовольство, возбуждая тѣмъ негодованіе въ людяхъ, принявшихъ съ благодарностью актъ Высочайшей Власти“.

Тѣмъ лицамъ, въ коихъ „живетъ врожденное Русскому народу чувство преданности своему Государю“, графъ Витте противопоставляетъ „стремленія лицъ, противящихся Царской Волѣ и вызывающихъ безпорядки“. Этимъ лицамъ онъ совѣтуетъ „сохранять умѣренность въ дѣйствіяхъ, чтобы не возстановить противъ себя сильнѣе спокойную часть населенія“. На этой именно части населенія, „на мирно настроенномъ, вдумчивомъ большинствѣ Русскаго общества, для котораго дорого будущее развитіе Россіи на основѣ гражданской свободы и территоріальной цѣлости“, графъ Витте и желаетъ опереться, „разсчитывая особенно въ этомъ случаѣ на содѣйствіе русской печати“.

Мы первые, еще 20 октября, заявили, что въ дѣлѣ умиротворенія Россіи мы не только не станемъ противодѣйствовать графу Витте, — несмотря на принципіальныя съ нимъ разногласія въ оцѣнкѣ Основныхъ Законовъ Россійской Имперіи и въ другихъ существенныхъ вопросахъ,— но даже готовы содѣйствовать ему въ столь необходимомъ возстановленіи

*) *Русское Слово, 1905 г., № 274.*

законнаго порядка въ Россіи *). Дабы не дать повода разнымъ кривотолкамъ, намѣренно извращающимъ наши слова и мысли, мы наложили на себя въ теченіе послѣднихъ дней молчаніе, не желая обострять критическое положеніе какою бы то ни было полемикой. Мы, взамѣнъ того, отмѣчали лишь событія нагрянувшаго на Россію смутнаго времени и наблюдали за тѣми мѣрами, которыя графъ Витте принимаетъ для возстановленія законнаго порядка,

Не такъ поступили тѣ органы печати, которые всегда стояли гораздо ближе къ графу Витте, нежели мы.

Они, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не даровали ему даже ни одного „медоваго“ дня, а, на другой же день послѣ обнародованія его Всеподданнѣйшаго Доклада, дружно напали на него съ особымъ ожесточеніемъ, выражая ему свое недовѣріе, возбуждая противъ него общественное мнѣніе и одобряя направленныя противъ Высочайшаго Манифеста общественныя и уличныя революціонныя демонстраціи, приведшія всюду къ такимъ прискорбнымъ результатамъ и до невозможности затруднившія возстановленіе въ Россіи законнаго порядка.

Какія же мѣры припялъ графъ Витте для того, чтобы спасти Россію отъ этого все растущаго революціоннаго движенія, грозящаго не только мирному ея развитію и ея цѣлости, но и ея существованію?

По краткости времени, онъ, конечно, еще никакихъ существенныхъ мѣръ принять не могъ, и мы вполнѣ понимаемъ его затруднительное положеніе, котораго бывшіе его друзья никакъ понять не хотятъ, требуя отъ него *немедленной* отмѣны старыхъ законовъ, когда еще не изданы новые, дабы водворить въ Россіи столь желательную для нихъ эру *полнаго беззаконія и безвластія.*

Судя, однако, по первымъ словамъ и дѣйствіямъ графа Витте, мы, къ сожалѣнію, далеко не увѣрены въ томъ, что онъ, окончательно укрѣпясь въ своей власти, дѣйствительно справится съ революціоннымъ движеніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, графъ Витте все время старается умиротворить вожаковъ этого движенія,—орудующихъ и въ печати, и въ различныхъ общественныхъ съѣздахъ и учрежденіяхъ,—то взывая къ ихъ „благоразумію“, то обѣщая сдѣлать имъ все новыя и новыя уступки.

Но развѣ можно надѣяться на „благоразуміе“ людей, совершенно опьяненныхъ тѣмъ успѣхомъ, которымъ до сихъ поръ такъ блестяще увѣнчивались всѣ ихъ революціонныя затѣи, вслѣдствіе полнаго бездѣйствія Правительственной Власти? Нетерпѣніе ихъ захватить, наконецъ, эту власть въ собственныя руки такъ велико, что они ни о какихъ дальнѣйшихъ отсрочкахъ и слышать не хотятъ. Никакимъ „обѣщаніямъ“ они уже болѣе не желаютъ вѣрить, а обращаются къ графу Витте съ единственнымъ требованіемъ: „вынь, да положь“!

Вотъ если бы графъ Витте имъ сказалъ: „До сихъ поръ Правительства не было, и вы брали себѣ все, что хотѣли; теперь же Правительство

---

*) *См. Моск. Вѣд. 1905 г., № 279.*

есть, и оно не дастъ вамъ того, что не соотвѣтствуетъ благу Россіи",— тогда революціонные вожаки поняли бы, что отнынѣ настала эра законнаго порядка. Они, можетъ-быть, попытались бы еще разъ нарушить этотъ порядокъ, но попытка ихъ потерпѣла бы жалкое фіаско, и они присмирѣли бы, давъ графу Витте полную возможность спокойно и обдуманно исполнять возложенныя на него Верховною Волей задачи.

Теперь же, встрѣчая со стороны графа Витте, вмѣсто твердаго отпора ихъ незаконнымъ требованіямъ, лишь просьбу немного повременить и обѣщаніе впослѣдствіи исполнить эти требованія,— они этимъ только поощряются въ своей дерзкой настойчивости.

Разсмотримъ, однако, какова сущность тѣхъ требованій, которыя всюду предъявляются нашими революціонерами.

Тутъ мы, прежде всего, должны отдать полную справедливость графу Витте въ его строгой правдивости.

Наши революціонеры предъявляютъ свои требованія отъ имени „в с е г о н а р о д а".

Графъ Витте,— какъ въ своемъ Всеподданнѣйшемъ Докладѣ, такъ и въ „Правительственномъ Сообщеніи",—говоритъ только о желаніяхъ которыя де высказываетъ „б о л ь ш и н с т в о о б щ е с т в а" и которыя онъ находитъ нужнымъ удовлетворить.

Онъ, такимъ образомъ, ни въ комъ не хочетъ создавать иллюзію, будто „свободы слова, печати, собраній" и „общихъ, прямыхъ, равныхъ, тайныхъ выборовъ" требуетъ весь Русскій народъ; онъ, какъ думаетъ, такъ и говоритъ, что ихъ требуетъ *только* „большинство общества", составляющее, какъ всѣмъ извѣстно, ничтожную частицу всего Русскаго Народа.

Но, въ сущности, даже и не вся эта частица играетъ активную роль въ настоящемъ движеніи, а лишь революціонная ея накипь.

Въ самомъ дѣлѣ, разсмотрите всѣ требованія „Русскаго народа", которыя предъявляются графу Витте его бывшими друзьями, и найдите среди нихъ хоть одно, которое не имѣло бы прямой цѣли облегчить и усилить революціонное движеніе и обезпечить ему полную побѣду.

Революціонерамъ нужны опытные *вожаки*,— поэтому они требуютъ полной *амнистіи* всѣмъ государственнымъ преступникамъ.

Революціонерамъ необходима самая широкая, *безпрепятственная пропаганда революціоннаго движенія* среди всѣхъ слоевъ народа,—поэтому они требуютъ неограниченной *свободы слова и печати*.

Революціонерамъ необходимо *сплачиваться* для составленія своихъ революціонныхъ затѣй,—поэтому они требуютъ полнѣйшей *свободы союзовъ и собраній*.

Революціонерамъ необходимо безпрепятственно совершать свои возмутительныя *уличныя демонстраціи*, а въ случаѣ надобности и *преступленія*,—поэтому они требуютъ *удаленія изъ городовъ* Императорскихъ войскъ, *смѣщенія* такихъ энергичныхъ и разумныхъ защитниковъ Престола, какъ генерала Трепова, организаціи революціонныхъ бандъ, подъ названіемъ *„народной милиціи"*, и т. д.

Революціонерамъ необходимо *лишить Царя Самодержавной Власти*,—и вотъ они требуютъ созыва „*Учредительнаго Собранія*“.

Таковы всѣ ихъ требованія. Всѣ безъ исключенія.

Народу эти требованія *совершенно чужды*. Они предъявляются въ интересахъ одной только революціи. А потому и исполненіе этихъ требованій идетъ вовсе не на пользу народу, а на пользу одной только революціи.

„Революція въ Россіи невозможна“. Кто не повторялъ сотни разъ этой банальной истины, основываясь на простыхъ, очевидныхъ данныхъ, а именно на томъ, что Русское Правительство, во всеоружіи своемъ, грозно и непобѣдимо, и что Русскій народъ безвавѣтно преданъ своему Самодержавному Царю.

Съ такою же полною увѣренностью мы предсказали бы человѣку, вооруженному съ головы до ногъ, встрѣтившемуся въ лѣсу съ жалкимъ безоружнымъ оборванцемъ, который вздумалъ бы напасть на него,—полную невредимость и полную побѣду надъ такимъ жалкимъ разбойникомъ. Но если бы послѣдній сталъ сперва вымаливать и выпрашивать различныя части вооруженія у того человѣка, котораго онъ избралъ своею жертвою, а тотъ, къ нашему изумленію, сталъ бы безропотно передавать ему и свой ножъ, и свой кинжалъ, и свою шпагу, вслѣдствіе чего разбойникъ, уже съ оружіемъ въ рукахъ, сталъ бы насильно требовать выдачи ему и револьвера, и винтовки,—то мы, конечно, измѣнили бы свое мнѣніе объ исходѣ этой встрѣчи, и сказали бы, что, при такихъ, *совершенно невѣроятныхъ*, условіяхъ, безоружный впачалѣ разбойникъ можетъ окончательно ограбить и убить своего, бывшаго въ полномъ вооруженіи, противника.

Въ Россіи революція невозможна. Но если Правительство будетъ безропотно отдавать революціонерамъ всѣ тѣ части своего вооруженія, которыя и созданы для предохраненія Россіи отъ революціи; если Правительство предоставитъ революціонерамъ полную свободу развращать словомъ и печатью Русскій народъ; если Правительство будетъ проявлять эту ничѣмъ необъяснимую самоубійственную слабость, пребывая въ какомъ-то пассивномъ гипнозѣ, тогда придется признать, что, при такихъ, *совершенно невѣроятныхъ*, условіяхъ, революція въ Россіи возможна.

Революціонерамъ въ настоящее время нужна,—мы еще разъ это повторяемъ,—*полная безнаказанность* всей ихъ пропаганды, всѣхъ ихъ дѣйствій.

Вотъ чего они съ такою настойчивостью требуютъ отъ графа Витте.

Судьба Россіи зависитъ отъ того, исполнитъ ли онъ ихъ требованія, которыя тогда тотчасъ-же еще болѣе возрастутъ въ своей дерзости,—или же онъ поставитъ имъ предѣлъ, во имя закона, во имя своего долга, во имя здраваго смысла, во имя блага и цѣлости Россіи.

Все это намъ покажутъ ближайшія событія, за развитіемъ которыхъ, съ сердечнымъ трепетомъ, будутъ слѣдить всѣ Русскіе люди.

Мы же отъ души желаемъ графу Витте стать на настоящую *государственную* точку зрѣнія и, понявъ, наконецъ, истинную сущность своихъ бывшихъ друзей, спасти отъ нихъ Россію.

Если онъ *захочетъ*, онъ сумѣетъ это сдѣлать.

Территоріальная цѣлость.

Графъ Витте въ „Правительственномъ Сообщеніи“ отъ 24 октября заявилъ, что ему „дорого будущее развитіе Россіи на основѣ гражданской свободы и *территоріальной цѣлости*“.

Съ другой стороны, онъ заявилъ, что изъ всѣхъ русскихъ партій ему всего болѣе по душѣ та партія „земскихъ и городскихъ дѣятелей“, которая на своемъ Московскомъ Съѣздѣ 14 сентября *единогласно* (кромѣ г. Гучкова) постановила искромсать всю Россію на отдѣльныя автономныя государства.

Графъ Витте даже вызывалъ къ себѣ въ Петербургъ представителей именно этой, столь дорогой его сердцу, партіи,—высказавшейся, какъ извѣстно, между прочимъ, и за черный передѣлъ,—и бесѣдовалъ съ этими представителями, какъ передаютъ газеты, нисколько не возражая противъ предположеннаго ими расчлененія Россіи...

Впрочемъ, этотъ вопросъ принадлежитъ, можетъ-быть, къ тѣмъ „частностямъ“, въ которыхъ, по словамъ графа Витте, онъ расходится съ земскими и городскими дѣятелями.

Но въ чемъ же заключается идеалъ „территоріальной цѣлости“ графа Витте?

Вотъ, напримѣръ, Финляндія. У нея очень опредѣленный идеалъ: установить сперва „личную унію“ съ Россіей,—точно такую, какая существовала между Швеціей и Норвегіей и еще на ниточкѣ держится между Австріей и Венгріей,—съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи совершенно отложиться отъ Россіи, опираясь на собственную свою армію, точно такъ же, какъ это не сегодня—завтра сдѣлаетъ Венгрія по отношенію къ Австріи, и какъ это уже сдѣлала Норвегія по отношенію къ Швеціи.

Такому идеалу графъ Витте, очевидно, сочувствовать не можетъ, разъ онъ стоитъ за „территоріальную цѣлость“ Россійской Имперіи.

А между тѣмъ покойный Финляндскій генералъ-губернаторъ Н. И. Бобриковъ, все время содѣйствовавшій, согласно Волѣ Государя Императора, тѣснѣйшему сближенію Финляндіи съ Россіей, ни въ комъ не находилъ въ Петербургѣ болѣе убѣжденнаго противника, чѣмъ въ бывшемъ министрѣ Финансовъ С. Ю. Витте, открыто принимавшемъ сторону финляндскихъ сепаратистовъ.

Теперь, въ первые же дни властнаго управленія Россіей графомъ Витте, идеалъ этихъ сепаратистовъ осуществился: все, что сдѣлано было Императорскимъ Правительствомъ для укрѣпленія связей, соединяющихъ Финляндію съ Россіей, разрушено; Финляндія сразу приблизилась къ фиктивной „личной уніи“ австро-венгерскаго и шведо-норвежскаго типа, съ тѣмъ, конечно, чтобы вернуть себѣ свои войска и порвать всякія связи съ Россіей.

Мы не знаемъ, участвовалъ ли графъ Витте въ этомъ осуществленіи идеала своихъ финскихъ друзей,—какъ это утверждаютъ петербургскія газеты,—но, во всякомъ случаѣ, для Россіи важно узнать, какъ онъ относится къ этому идеалу, разъ онъ стоитъ за „территоріальную цѣлость Россіи“.

Вѣдь примѣру, поданному Финляндцами, несомнѣнно послѣдуютъ Поляки, которые, какъ извѣстно, не перестаютъ мечтать объ „автономіи" Польши и которые привыкли считать графа Витте своимъ благодѣтелемъ съ тѣхъ поръ, какъ, при его содѣйствіи, они получили столько льготъ въ дѣлѣ ихъ католическо-національной пропаганды.

О Кавказѣ и говорить нечего: на немъ уже вспыхнулъ огонь возстанія, вину котораго, конечно, никто графу Витте приписывать не станетъ.

Тѣмъ не менѣе онъ, какъ руководитель внутренней политики Россіи, долженъ занять опредѣленную позицію и по отношенію къ Кавказской автономіи, и по отношенію ко всѣмъ другимъ „автономіямъ", о которыхъ мечтаютъ не только различные, населяющіе Россію инородцы, но и столь близкіе сердцу графа Витте русскіе (?) „земскіе и городскіе дѣятели".

Мы не можемъ допустить, чтобы въ устахъ графа Витте, желающаго быть серіознымъ государственнымъ дѣятелемъ, сочувствіе „территоріальной цѣлости" Россіи было пустою фразой: а если онъ этою цѣлостью дѣйствительно дорожитъ,—мы ожидаемъ отъ него и серіозныхъ *дѣйствій* для мощнаго охраненія единства и цѣлости Россіи.

Въ противномъ случаѣ начавшееся съ Финляндіи расчленепіе нашего Отечества, а слѣдовательно и его конечная гибель, окажутся непредотвратимыми катастрофами...

А графъ Витте не этимъ, конечно, пожелаетъ быть помянутымъ въ исторіи Россіи.

Паника революціонеровъ.

Мы не знаемъ, съ чего господа революціонеры, проживающіе въ Москвѣ и Петербургѣ, вообразили, что въ ночь съ 29 на 30 октября Русскій народъ подвергнетъ ихъ какому-то всеобщему разгрому.

Революціонныя газеты были полны подробностей этой предстоящей будто бы кровавой „Варѳоломеевой ночи" и ея „ужасовъ".

„Одна молва о нихъ,—писала 29 октября *Вечерняя Почта*,—леденитъ кровь въ жилахъ. Собираютъ адреса студентовъ, докторовъ, адвокатовъ, профессоровъ, гласныхъ и другихъ ненавистныхъ реакціи лицъ, и составленъ планъ одновременнаго ихъ убійства".

Другіе революціонные органы указывали даже на то, что въ Москвѣ „избіеніе" крамольниковъ начнется непремѣнно съ Арбата. Редакціи этихъ органовъ, еще недавно требовавшихъ удаленія войскъ изъ Москвы, вымолили себѣ у градоначальника на эту ночь военную охрану. Изъ Петербурга цѣлые поѣзда увозили еще съ пятницы перепугавшихся „борцовъ" въ Финляндію.

Словомъ—паника была форменная, но совершенно безпричинная: ночь съ субботы на воскресенье прошла какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ самымъ спокойнымъ образомъ.

Дѣло въ томъ, что Русскій народъ и не думаетъ производить какія-либо насилія надъ крамольниками съ тѣхъ поръ, какъ они попрятались въ свои норы, почуявъ, что имъ грозитъ не „черная сотня", а сотня милліоновъ Русскаго народа, который не нуждается въ какихъ-либо „подстре-

кателяхъ" и „провокаторахъ", ибо онъ самъ, своимъ здравымъ умомъ, ясно различаетъ, кто *за* Царя и кто *противъ* Него,

Господа крамольники могутъ быть покойны: пока они будутъ держать себя, какъ теперь принято говорить, „корректно", пока они не будутъ возмущать Русскаго народа революціонными демонстраціями и красными флагами, пока они не будутъ стрѣлять въ изображенія Государя и оскорблять русскій національный флагъ, пока они не будутъ глумиться надъ Русскимъ народомъ „красными похоронами", „Марсельезами" и другими, направленными противъ Царя, пѣснями и криками, пока они не будутъ издѣваться надъ тѣмъ, что дорого и свято Русскому сердцу, Русскій народъ ихъ и пальцемъ не тронетъ.

Но если они снова выступятъ со своимъ революціоннымъ движеніемъ, тогда пусть ужъ они сами пеняютъ на себя.

Это предвидятъ и сами крамольники. Вотъ что они пишутъ въ своемъ органѣ *Сынъ Отечества* (№ 217):

„Мы не должны скрывать отъ себя, что противореволюціонное движеніе въ народѣ *возможно*. Въ борьбу теперь, по необходимости, будутъ втянуты самые широкіе круги населенія, мало до сихъ поръ въ ней участвовавшіе. Въ конечномъ счетѣ революціонное движеніе должно взять верхъ (??), ибо въ немъ — правда (?) жизни, въ немъ—выраженіе жизненной потребности (?). Но революціонный процессъ настолько тягостенъ и сложенъ, въ народной массѣ такъ много темноты, что уродливыя уклоненія возможны, почти неизбѣжны.

„Въ такой моментъ слово получаетъ особенно громадное значеніе. При заревѣ пожаровъ и трескѣ разрывающихся бомбъ люди перерождаются быстро. Въ такія минуты слово дѣйствуетъ такъ же вѣрно и такъ же быстро, какъ ударъ кинжала. На пропагандѣ должны теперь сосредоточить свои силы всѣ, кто борется за будущее Россіи: земства, союзы, партіи и всякія другія организаціи. Въ народную массу должно броситъ милліоны листковъ и брошюръ. Каждое общественное помѣщеніе должно превратиться въ народную аудиторію. Ясная рѣчь должна замѣнить недоговоренныя слова подпольной литературы, а ротаціонная машина—жалкій станокъ подполья.

„Въ оставшуюся до сихъ поръ нейтральною массу должны быть брошены не только общія идеи и перспективы, но и практическіе выводы для переживаемаго дня. И самые важные изъ нихъ слѣдующіе: 1) оставаться въ сторонѣ отъ движенія теперь фактически невозможно: 2) потрясенія будутъ тѣмъ глубже и спокойствія тѣмъ меньше, чѣмъ больше охранители стараго порядка найдутъ опоры въ народѣ.

„Мы напоминаемъ, что изъ всѣхъ моментовъ, когда необходимо „„бить вмѣстѣ"" общаго врага, а не другъ друга, переживаемый нами моментъ—одинъ изъ самыхъ важныхъ, почти рѣшающій.

„Есть ли у насъ возможность вести теперь широкую пропаганду и агитацію? Свобода слова и собраній возвѣщена Манифестомъ: осуществить ее—наша обязанность".

Итакъ, гг. революціонеры поняли, что помимо народа они ничего сдѣлать не могутъ, что они опять, какъ въ 70-хъ годахъ, „поторопились",

что имъ снова нужно сперва „идти въ народъ“, но уже не съ подпольною ложью, а съ ложью, напечатанною на ротаціонной машинѣ.

По народъ имъ не повѣритъ и не выдастъ имъ своего Царя!

Объединеніе старообрядцевъ.

Мы печатаемъ (№ 298) документъ, важность котораго по достоинству оцѣнятъ всѣ Русскіе люди, знающіе и любящіе свою Родину.

Это — „Воззваніе Союза Старообрядцевъ“.

Тутъ все знаменательно: и то, что старообрядцы Рогожскаго и Преображенскаго толка вступили между собою въ союзъ, и тотъ грозный поводъ, который заставилъ ихъ впервые сблизиться и соединиться: знаменательно, наконецъ, и самое содержаніе обнародованнаго ими сообща „Воззванія“.

Кто не знаетъ прискорбныхъ историческихъ и религіозныхъ недоразумѣній, разобщившихъ Русскихъ православныхъ людей въ самомъ священномъ, въ самомъ дорогомъ ихъ чувствѣ, въ беззавѣтной ихъ преданности Церкви Христовой! Разошлись они, не поняв другъ друга, въ неудержимомъ стремленіи обрѣсти истинную Вѣру, и образовали не двѣ и не три духовныя общины, а гораздо большее число „церквей“ и „толковъ“, относящихся другъ къ другу не только съ недовѣріемъ, но иногда и съ враждою, къ великому горю всей земли Русской.

Горе это тѣмъ болѣе велико, что разошлись по различнымъ толкамъ какъ разъ самые лучшіе, самые крѣпкіе въ Вѣрѣ, представители коренного Великорусскаго народа, который своимъ умомъ и трудомъ, подъ благословеніемъ Русскихъ Угодниковъ Божіихъ и подъ водительствомъ Русскихъ Князей и Царей, создалъ всю Великую Державу Россійскую и на своихъ плечахъ вынесъ ее изъ долгихъ и лютыхъ напастей на первое мѣсто среди прочихъ державъ вселенной.

Это не тѣ жалкіе южно-русскіе сектанты, которые увлекаются западными безбожными лжеученіями; это не „штундисты“, которые глумятся надъ иконами святыми, и, забывая Бога, забываютъ и Царя. Нѣтъ, это люди крѣпкіе, дорожащіе Русскою старипой вообще и Русскою церковною старипой въ особенности, не отступающіе ни на іоту отъ ископнаго христіанскаго ученія, а потому и преданные и сердцемъ и умомъ Помазаннику Божію, Русскому Царю.

Эти „старообрядцы“ были бы лучшимъ украшеніемъ нашей Православной Церкви, которая потому именно такъ тоскуетъ о нихъ, открывая имъ свои материнскія объятія. Если бы Господь сподобилъ насъ съ ними соединиться, то не изъ ихъ среды выходили бы тѣ „либеральные“ современные „іереи“, позорящіе свой санъ революціонною болтовней и наглымъ мятежомъ противъ епископской власти. Не изъ ихъ среды выходили бы и тѣ „профессора“ и „студенты“ Духовныхъ Академій, которые подъ красными флагами братаются на площадяхъ съ безбожными крамольниками...

Но будущность Русской Церкви Христовой въ рукахъ Божіихъ. Мы твердо вѣруемъ, что наступитъ время, когда всѣ коренные Русскіе люди сольются въ одномъ общемъ *церковномъ* согласіи.

Теперь же наступило время соединиться имъ всѣмъ въ одномъ общемъ согласіи *патріотическомъ*.

И вотъ старообрядцы даютъ намъ высокій примѣръ этого согласія.

Двѣ многочисленнѣйшія общины коренного Русскаго народа, держащагося „старой Вѣры Россійской“, двѣ общины, духовные центры которыхъ пребываютъ въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ, пріемлющемъ священство, и на кладбищѣ Преображенскомъ „безпоповскомъ“, двѣ эти общины, никогда ни въ чемъ не сходившіяся ни въ духовной, ни въ общественной, ни въ частной жизни, — нынѣ впервые подали другъ другу руки для союза гражданскаго, патріотическаго.

Онѣ почуяли Русскою душой своею великую надвинувшуюся на Россію опасность, предъ которою должны умолкнуть всѣ распри, всѣ несогласія, всѣ раздоры и всякая вражда.

Русскіе люди прежде всего — люди Русскіе, и сильнѣе всего говоритъ въ нихъ Русское сердце, когда они видятъ, что Родинѣ ихъ грозитъ гибель, что на Русь Святую ополчились измѣнники, „издѣвающіеся надъ Русскимъ именемъ, разоряющіе всю страну Русскую, глумящіеся надъ Вѣрою Христіанскою и старающіеся уничтожить Власть Царскую“.

И вотъ старообрядцы, соединясь въ одну общую многомилліонную крѣпкую дружину, взываютъ къ своимъ единовѣрцамъ, къ Народу Русскому, чтобы онъ воспрянулъ на защиту Родины своей, чтобы онъ „снова въ ней сталъ хозяиномъ и не являлся забитымъ рабомъ иновѣрныхъ и инородныхъ измѣнниковъ“.

Какъ вѣрно и мѣтко эти Русскіе люди поняли и выразили всю сущность даннаго историческаго кризиса:

„Дѣло идетъ, — говорятъ они, — не о томъ только, какъ Царю править нами, а о томъ, быть ли Русской Землѣ Православной или не быть, останется ли цѣлымъ и несокрушимымъ наше Царство Русское“.

Что можемъ мы прибавить къ этому? Мы можемъ лишь обратиться съ тѣми же словами ко всѣмъ сынамъ господствующей Русской Православной Церкви, съ благодарностію пріемля великій примѣръ, данный намъ нашими братьями по крови и вѣрѣ. Мы вмѣстѣ съ ними воскликнемъ:

„Собирайтесь же, люди Русскіе, православные, всѣхъ сословій, званій и состояній, и всей землей подумайте, какъ охранить Вѣру Христіанскую отеческую, и какъ защитить всѣхъ насъ, Русскихъ людей, всю нашу народность Русскую отъ разоренія, уничтоженія и насилія измѣнническаго“.

И народъ Русскій не останется глухъ къ такому воззванію: въ этомъ не усомнится никто, кто знаетъ душу Русскаго народа.

А вотъ правительство графа Витте этой души не знаетъ.

Если Русскій народъ обратится къ нему съ вырвавшимся изъ наболѣвшей души единымъ крикомъ: „спаси Россію отъ измѣнниковъ, спаси Церковь Православную отъ жидовъ и безбожниковъ, спаси Самодержавіе Русскаго Царя отъ крамольниковъ“, — графъ Витте презрительно отвернется отъ Русскаго народа и будетъ попрежнему прислушиваться къ рѣчамъ его злѣйшихъ враговъ, разныхъ болтающихъ на съѣздахъ „земскихъ“ и „городскихъ“ авантюристовъ, у которыхъ съ Русскимъ народомъ

ничего нѣтъ общаго, которые только и мечтаютъ о томъ, чтобы заковать Русскаго Царя въ конституціонныя цѣпи.

Нѣтъ, графъ Витте, вы съ этими „земцами" Россію не спасете, а погубите. Вы не имѣете права игнорировать законныя духовныя стремленія коренного Русскаго народа, столь ясно выраженныя въ „Воззваніи" Союза Старообрядцевъ, на которое отзовется единою душою весь стомилліонный Русскій народъ.

Вы были бы сильны и непобѣдимы, если бы сразу поняли, что Русское Правительство должно опираться на глубокія твердыя массы здороваго Русскаго народа, а не на невѣжественную, безпочвенную, жалкую кучку наглыхъ шарлатановъ, присвоившихъ себѣ совершенно ложную кличку русской „интеллигенціи".

Истинною *Русскою* интеллигенціей можетъ являться лишь та образованная часть Русскаго народа, которая въ ясномъ, отчетливомъ сознаніи стремится къ тѣмъ же высокимъ идеаламъ, которые свято хранятся въ глубокихъ тайникахъ Русской народной души.

Истинная *Русская* интеллигенція должна быть олицетвореніемъ этихъ идеаловъ.

А столь много кричащая о себѣ ляже-интеллигенція напрягаетъ всѣ свои усилія лишь на то, чтобы *разрушить* эти идеалы. Вся она представляетъ собою широко расписанную бутафорскую декорацію, за которою нѣтъ ничего кромѣ зіяющей пустоты.

И на эту-то жалкую картонную бутафорію, не имѣющую никакой опоры въ народѣ, хочетъ опереться правительство графа Витте!

Неужели онъ не понимаетъ, что единственною опорой для Русскаго Правительства можетъ быть только коренной Русскій Православный Народъ?

Тотъ Правитель, который сольется душой и сердцемъ съ лучшими, возвышеннѣйшими стремленіями этого народа,—тотъ только и спасетъ Россію.

Привѣтъ союзу землевладѣльцевъ.

Въ Москвѣ положено начало давно уже ожидавшейся общественной организаціи,—Союзу Землевладѣльцевъ: 17 ноября послѣдовало торжественное открытіе Учредительнаго его Съѣзда.

Мы говоримъ, что учрежденіе этого Союза давно уже ожидалось не только Русскими землевладѣльцами, но всѣми истинно-Русскими людьми, а также и тою частію Правительства, въ которой жива Русская душа, свободная отъ эгоистическихъ разсчетовъ и бюрократическаго формализма.

Въ самомъ дѣлѣ, отсутствіе организованнаго представительства *земельныхъ* интересовъ Россіи, интересовъ землевладѣльческихъ и сельскохозяйственныхъ, отразилось на всей судьбѣ Россіи самымъ прискорбнымъ, самымъ тяжкимъ образомъ.

Торгово-промышленное населеніе Россіи давно уже прочно организовано и крѣпко сплочено въ биржевыхъ комитетахъ, купеческихъ обществахъ и всякаго рода синдикатахъ. Вездѣ, гдѣ можно и нужно, они съ твердостію и единодушіемъ отстаиваютъ свои интересы, и Правительство

поэтому всегда внимательно прислушивается къ ихъ голосу и сообразуется съ ихъ требованіями. При заключеніи торговыхъ договоровъ Правительство шагу не дѣлаетъ, не справившись съ мнѣніями и желаніями торгово-промышленнаго люда, и мы видимъ, поэтому, что торговля и промышленность въ Россіи приняли въ короткое, сравнительно, время такое колоссальное развитіе, съ которымъ не можетъ сравниться ни одна отрасль нашего государственно-общественнаго организма.

Совершенно въ иномъ положеніи доселѣ находились Русскіе землевладѣльцы и сельскіе хозяева: они дѣйствовали разрозненно, а потому на ихъ нужды Правительство никакого вниманія не обращало. Правда, учреждено было даже цѣлое Министерство Земледѣлія, но отъ этого ни земледѣльцамъ, ни земледѣлію легче не стало: каждый земледѣлецъ принужденъ былъ отстаивать первостепенные экономическіе интересы Россіи отъ своего собственнаго лица, какъ-будто они были лишь его частными интересами, а потому никто въ Министерствѣ на нихъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Къ тому же во всевластномъ Министерствѣ Финансовъ, при С. Ю. Витте, читалось одно лишь евангеліе отъ Маркса, предающее проклятію земледѣліе ради усиленія промышленности и конечнаго торжества соціалистическаго пролетаріата.

Кто изъ Русскихъ сельскихъ хозяевъ не помнитъ того глубокаго презрѣнія, съ которымъ его встрѣчали во всѣхъ департаментахъ и канцеляріяхъ, подвѣдомственныхъ С. Ю. Витте, этому слѣпому поклоннику давно уже отжившихъ утопій Карла Маркса, въ угоду которымъ творилось фанатическое разореніе Русскаго сельскаго хозяйства, этого важнѣйшаго жизненнаго нерва всего Государства Россійскаго? Никто въ Петербургѣ не хотѣлъ слушать сельскихъ хозяевъ, доказывавшихъ всю нелѣпость этихъ разрушительныхъ доктринъ, какъ бы ни были вѣски и убѣдительны эти доказательства,—и все потому, что они приводились отдѣльными лицами, а не мощною землевладѣльческою организаціей, которая заставила бы даже такого предвзятаго марксиста, какъ С. Ю. Витте, обратить должное вниманіе на жизненные интересы Россіи и предотвратила бы всю ту пагубную экономическую политику, которая нынѣ приведена графомъ Витте къ такому вопіющему результату.

Посмотрите на Пруссію. Сельское хозяйство играетъ въ ней сравнительно ничтожную роль, и, тѣмъ не менѣе, образовавшійся тамъ твердосплоченный Союзъ сельскихъ хозяевъ играетъ первостепенную роль въ государственныхъ дѣлахъ всей Германіи и вліяетъ на правительство при заключеніи торговыхъ договоровъ гораздо сильнѣе, чѣмъ даже наши торгово-промышленные союзы на Русское Правительство. А потому, если бъ удалось сплотиться Русскимъ сельскимъ хозяевамъ въ одно единодушное цѣлое, они получили бы въ судьбахъ Россіи выдающуюся роль, соотвѣтствующую великому значенію землевладѣнія и сельскаго хозяйства въ Россійской Имперіи.

Вотъ почему мы отъ всей души привѣтствуемъ возникновеніе въ Первопрестольной Столицѣ давно жданнаго, давно желаннаго Союза Землевладѣльцевъ.

Но мы имѣемъ и другую причину радоваться возникновенію этого новаго Союза. Онъ увеличиваетъ собою число тѣхъ патріотическихъ истинно-Русскихъ обществъ и союзовъ, которые нынѣ всюду возникаютъ для общественной борьбы съ революціей.

Мы печатаемъ сегодня всю пространную, глубоко-обдуманную программу новаго Союза, которая въ своихъ существенныхъ частяхъ такъ близко подходитъ къ программѣ Русской Монархической Партіи, какъ по основной своей идеѣ, такъ и по общимъ съ нею цѣлямъ и средствамъ къ ихъ достиженію.

Какъ Монархическая Партія, такъ и Союзъ Землевладѣльцевъ—воздвигаютъ всю свою программу на краеугольномъ камнѣ Царскаго Самодержавія. Объ организаціи стремятся къ возрожденію этого Самодержавія во всей его лучезарной чистотѣ для спасенія Россіи отъ всѣхъ тѣхъ гибельныхъ напастей, которымъ она подверглась съ тѣхъ поръ, какъ политика графа Витте приступила къ извращенію основныхъ идей исторической Россіи, къ приниженію Православной Вѣры, къ ограниченію Самодержавія Русскихъ Царей и къ нарушенію національныхъ правъ Русскаго народа.

До сихъ поръ графъ Витте принималъ за голосъ Русскаго народа лишь дерзкія требованія революціоннаго „Союза союзовъ“ и конституціонную болтовню „земскихъ“ и „городскихъ“ дѣятелей и, можетъ-быть, искренно заблуждаясь, вводилъ въ заблужденіе и другихъ, выдавая требованія крамолы за народныя желанія. Теперь же до него стали доходить выраженія истинныхъ желаній Русскаго народа.

Такимъ выраженіемъ было появившееся на-дняхъ воззваніе Союза Старообрядцевъ; такимъ является и обнародованная нынѣ программа Союза Русскихъ Землевладѣльцевъ, которая знаменуетъ собою начало сознательной, организованной, безкровной, но упорной борьбы Русскаго народа и истинной Русской интеллигенціи противъ революціи, на защиту коренныхъ Русскихъ вѣковѣчныхъ идеаловъ.

Туманъ, искусственно возбужденный врагами Россіи вокругъ Царскаго Престола, начинаетъ разсѣиваться, и до Царя начинаютъ доходить мольбы и вопли забитаго и затертаго революціоннымъ движеніемъ коренного Русскаго народа, беззавѣтно-преданнаго своему Самодержавному Царю и ищущаго вмѣстѣ съ Нимъ спасенія отъ крамольной смуты.

Да соединятся же всѣ столь многочисленныя уже противореволюціонныя монархическія общества, кружки, партіи и союзы! Да падетъ предъ ихъ дружными челобитными новая непроницаемая стѣна, — стѣна, возникшая въ послѣдніе мѣсяцы между Царемъ и народомъ! Пусть никто и ничто не отдѣляетъ любвеобильнаго Отца отъ беззавѣтно-преданныхъ Ему дѣтей. Пусть Онъ выслушаетъ, наконецъ, искренній голосъ и истинныя желанія Своихъ, родныхъ Ему по вѣрѣ и крови, коренныхъ Русскихъ людей, которые одни могутъ сказать Ему всю правду о томъ, какъ они страдаютъ отъ отсутствія твердой Власти и отъ крамолы, возбужденной безбожными врагами Россіи для окончательной ея гибели.

Еще разъ отъ всего сердца привѣтствуемъ Союзъ Землевладѣльцевъ,

и пожелаемъ ему достигнуть всего того великаго государственнаго и народнаго блага, которое онъ поставилъ себѣ цѣлью.

Возрожденіе твердой власти.

Въ печатаемомъ нами Словѣ отца Іоанна Кронштадтскаго (№ 322) слышится призывъ къ твердой Правительственной Власти.

Будемъ надѣяться, что это *послѣдній* призывъ къ ней, и что впредь мы будемъ уже слышать призывы исходящіе отъ самой Власти, требующей исполненія нами нашего вѣрноподданническаго долга и содѣйствія ей въ искорененіи крамолы.

О, какъ желалось бы вѣрить этому давно жданному, давно желанному повороту въ Правительственной политикѣ! Какъ хотѣлось бы придать первымъ появившимся признакамъ твердой Власти значеніе не скоропреходящихъ порывовъ, а прочныхъ, безповоротныхъ шаговъ!

Вчера мы напечатали Высочайшій Указъ, предоставляющій генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ самостоятельное право объявлять, при извѣстныхъ условіяхъ, подчиненныя имъ мѣстности въ положеніе усиленной или чрезвычайной охраны и даже на военномъ положеніи.

Вчера же мы воспроизвели *Правительственное Сообщеніе*, изъ коего видно, что Министерство Внутреннихъ Дѣлъ теперь уже получило возможность обратить серіозное вниманіе на неслыханную ни въ одномъ культурномъ государствѣ преступную разнузданность нашей печати.

Сегодня обнародовано новое *Правительственное Сообщеніе* несравненно болѣе важнаго характера. Мы изъ него узнаемъ, что Правительство усвоило себѣ, наконецъ, тотъ единственный правильный взглядъ на крамолу, который цѣлый годъ ежедневно тщетно высказывался всѣми здравомыслящими Русскими людьми и монархическою печатью. Никакихъ уступокъ Правительство революціонному движенію теперь уже дѣлать не намѣрено, а если оно не утихнетъ, то Правительство прибѣгнетъ къ совершенно исключительнымъ мѣрамъ.

И сегодня же Москва обрадована вступительною рѣчью своего новаго генералъ-губернатора, явившагося въ Первопрестольную Столицу какъ представитель и исполнитель Высочайшей Воли Государя Императора.

Давно Москва не слыхала такихъ твердыхъ, разумныхъ, полныхъ достоинства и справедливости словъ, какъ тѣ, въ которыхъ генералъ-адъютантъ Дубасовъ изложилъ свою программу дѣйствій. При этихъ словахъ все вѣрноподданное населеніе Москвы воспрянуло духомъ и несомнѣнно приложитъ всѣ старанія, чтобы содѣйствовать своему новому генералъ-губернатору въ исполненіи его нелегкой задачи.

Да, это дѣйствительно многообѣщающіе признаки близящагося возстановленія законнаго порядка на Руси, и коренного поворота Правительственной политики на покинутый ею правильный путь.

Если бъ этотъ поворотъ совершился годъ назадъ, тотчасъ послѣ пер-

выхъ роковыхъ послѣдствій политики „довѣрія“,—Россія наслаждалась бы теперь полнымъ законнымъ порядкомъ и миромъ!

Но этотъ ужасный, безумный 1905 годъ клонится уже къ закату. Дай Богъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ похоронены были и всѣ вольныя и невольныя ошибки Правительства, и все преступное безуміе нашей „интеллигенціи“!

Да будутъ первые признаки возрожденія твердой, разумной Правительственной политики предвѣстниками спасенія Россіи изъ того омута, въ которомъ она завязла, утративъ возможность нормальной, здоровой жизни!

Будемъ вѣрить, что въ знаменательный день 1-го декабря разсѣялся туманъ, опутавшій было Петербургскія сферы, и что отнынѣ онѣ будутъ трезво и правильно смотрѣть на истинную пользу Россіи!..

На Красной площади.

Незабвеннымъ останется въ лѣтописяхъ Москвы то величавое торжество, которому мы 6 декабря были свидѣтелями: на Красной Площади, подъ стѣнами Кремлевскими, происходило всенародное моленіе за Царя и Родину!

Русскій народъ не запомнитъ времени, когда бы тезоименитство Русскаго Императора праздновалось на Руси при болѣе тяжкихъ обстоятельствахъ, чѣмъ въ текущемъ многоскорбномъ году. Россія потрясена въ основахъ своего существованія; внутренніе враги ея объявили войну и Православной Церкви, и Царскому Самодержавію, и Русскому народу: они захватили въ свои руки всѣ жизненныя артеріи Государства; они сѣютъ смуту въ школахъ, въ духовенствѣ, въ войскахъ и въ крестьянствѣ, побуждая его къ дикому разбою съ цѣлью полнаго уничтоженія дворянства; они бунтуютъ рабочее сословіе, подрывая этимъ въ корнѣ промышленныя и торговыя силы всей страны,—они всѣмъ этимъ ведутъ Россію не впередъ, не къ свободѣ, а назадъ, къ кулачному праву, къ дикой анархіи, къ полному варварству и рабству.

При такихъ мрачныхъ, удручающихъ обстоятельствахъ наступило 6-е декабря, „зимній Николинъ день“,—праздникъ всегда по преимуществу дорогой каждому Русскому сердцу, и вдвойнѣ дорогой въ настоящее время, какъ тезоименитство Самодержавнаго Царя-Батюшки! Къ Нему въ этотъ день переносятся всѣ мысли и чувства Русскихъ людей, и они себѣ не могутъ представить Его инымъ, какъ только изнемогающихъ подъ страданіями не только лично за Себя, но и за Россію, и за весь народъ Русскій.

„Мы-то страдаемъ,—говорятъ Русскіе люди,—и страдаемъ жгучею болью; а каково-то Ему, Сердечному! Всего ужаса Его духовныхъ мукъ мы и представить не можемъ!“

И вотъ совершенно естественно возникла мысль у преданныхъ Царю Москвичей собраться 6 декабря всѣмъ вмѣстѣ и сотворить всенародную молитву на славной нашей Красной площади.

Но достаточно было высказать одну эту мысль, чтобы всполошить всѣхъ внутреннихъ враговъ Россіи!

Русскій народъ вѣритъ, что для врага рода человѣческаго нѣтъ ничего страшнѣе, какъ *Крестъ и молитва*. Это какъ нельзя наглядпѣе оправдалось

и пыпѣ: какъ только враги наши узнали, что на Красной площади возвысится *Крестъ*, и вокругъ него изъ тысячей устъ вознесется къ Господу *молитва* Русскихъ людей за Русскаго Царя,—ими тотчасъ же овладѣла паника, и они начали вопить, что насталъ послѣдній часъ ихъ!

Они рѣшили во что бы то ни стало не допускать этого всенароднаго мирнаго торжества. Съ этою цѣлью они пустили въ ходъ всѣ средства, которыя имъ подсказывала адская ихъ злоба. Вплоть до кануна праздника, и даже въ самое его утро, они старательно наполняли свои газеты и листки всевозможною ложью и клеветой, направленными какъ противъ иниціаторовъ всенароднаго моленія, такъ и противъ здраваго смысла и прирожденнаго такта Русскаго народа, всегда относящагося съ должнымъ благоговѣніемъ къ церковнымъ торжествамъ.

Въ послѣдніе дни мы могли читать въ Московской революціонной печати увѣренія въ томъ, что подъ видомъ всенароднаго моленія организуется всенародное избіеніе крамольниковъ, что народъ созывается на Красную площадь для того, чтобы изъ него организовать „боевыя дружины“ для предстоящей Варѳоломеевой ночи, что для предотвращенія такого повальнаго погрома молебствіе на Красной площади должно быть строжайше воспрещено генералъ-губернаторомъ, къ которому являлись де протестующія противъ молебствія депутаціи; печатались статьи, воспрещавшія духовнымъ лицамъ участвовать въ этомъ церковномъ торжествѣ, и, наконецъ, вчера и сегодня усиленно поддерживался нелѣпый слухъ, будто генералъ-адъютантъ Дубасовъ поспѣшилъ отмѣнить это торжество, и что поэтому на Красную площадь 6 декабря идти никому не слѣдуетъ.

Съ другой стороны, тѣ же крамольники распустили слухъ, что они, въ количествѣ 4.000 вооруженныхъ человѣкъ, придутъ на площадь и „сорвутъ“ все церковное торжество, приводя этимъ въ ужасъ мирную, но малодушную часть Московскаго населенія.

И вотъ теперь сразу рушились всѣ зловѣщія предсказанія и угрозы, всѣ лживыя увѣренія крамольниковъ и вся низкая клевета ихъ листковъ!

Торжественное молебствіе на Красной площади прошло не только въ полномъ порядкѣ и благочиніи, но носило съ начала и до конца такой возвышенно-благоговѣйный, церковно-патріотическій характеръ, что, хотя вся исполинская площадь была залита народомъ, при полномъ отсутствіи войскъ и жандармовъ,—даже и мысли никому не приходило о возможности какого-либо насилія или враждебнаго столкновенія!

Всѣ расчеты нашихъ враговъ рушились! Всѣ надежды ихъ на мнимое малодушіе новаго генералъ-губернатора разлетѣлись въ прахъ!

Дѣйствительно, генералъ-адъютанту Дубасову стоило лишь сказать одно слово,—и торжественное молебствіе на Красной площади было бы отмѣнено.

Но онъ этого слова не сказалъ. Онъ сразу понялъ всю силу вѣрноподданной Москвы и повѣрилъ ей. Онъ понялъ всю слабость крамолы и пренебрегъ ею. Этимъ онъ сразу слился душой съ Москвой,—и величавое торжество 6 декабря сдѣлало генералъ-адъютанта Дубасова истиннымъ

Москвичемъ, сразу завоевавшимъ всѣ сердца преданнаго Царю Московскаго населенія!

Такъ да будетъ и впредь!

Да будетъ стыдно тѣмъ Москвичамъ, которые устрашились крамолы и на Красную площадь сегодня не пошли! Вѣдь вся мнимая сила крамолы заключается въ нашей трусости. Мы вѣримъ ея бахвальству и безпрекословно исполняемъ ея нахальныя требованія, какъ, напримѣръ, въ забастовкахъ! Какой позоръ для всѣхъ этихъ Русскихъ людей, отдающихъ себя въ кабалу жидамъ и полякамъ.

Мы всюду должны дѣйствовать открыто и прямо, какъ намъ велятъ нашъ долгъ и наша совѣсть, —и тогда никакая крамола насъ не одолѣетъ!

Вѣдь это было бы неслыханнымъ дѣломъ, если бы свободные Русскіе люди „страха ради Іудейска“ отказались отъ духовнаго своего влеченія всенародно молиться за своего Царя! А къ этому ихъ побуждала вся почти печать, утратившая всякое чувство русскаго достоинства.

Если евреи боялись 6 декабря какого-то чрезвычайнаго „погрома“, то это весьма понятно, какъ въ виду ихъ спеціальнаго характера, такъ и въ виду ихъ полнаго незнанія Русскаго народа, который никогда *безъ дерзкаго вызова со стороны евреевъ и крамольниковъ* самосуда надъ ними не творилъ и творить не станетъ.

Но непростительно Русскимъ людямъ не знать Русскаго народа и приписывать ему не религіозныя побужденія ко всенародной молитвѣ за Царя, а какіе-то хищническіе инстинкты дикаго звѣря!

Но оставимъ этихъ жалкихъ слѣпцовъ, отколовшихся отъ Русскаго народа!

Намъ гораздо дороже этотъ великій народъ съ его цѣльною, искреннею вѣрой, съ его беззавѣтною преданностью Самодержавному Царю, съ его неустрашимою рѣшимостью всюду открыто и честно исповѣдывать свои думы и свои чувства.

Поучимтесь, господа, у этого народа! Открыто выступимъ по пути нашего долга,—и вы увидите, какъ жалко съежится предъ нами всякая крамола.

Революція.

Россія дождалась неизбѣжныхъ послѣдствій той роковой политической ошибки, отъ которой она вотъ уже цѣлый годъ изнемогаетъ, теряя лучшія свои силы, губя драгоцѣннѣйшіе залоги своего существованія, готовя себѣ будущность, полную хаотическаго мрака.

На улицахъ Первопрестольной Столицы цѣлую недѣлю не только развѣвались красныя знамена революціи,—къ этому Москва привыкла еще съ 17 октября,—но разбушевался кровавый уличный мятежъ съ баррикадами, забастовками, взрывами, человѣческими жертвами, безпощаднымъ терроромъ, парализовавшимъ всю общественную жизнь столицы и повлекшимъ за собою милліонные убытки для Правительства, для общества и для населенія не одной только Москвы!

О, конечно, Правительство въ концѣ концовъ какъ-нибудь справится

съ этимъ дерзкимъ бунтомъ Московскихъ „декабристовъ"; но гдѣ гарантіи, что такой же кровавый мятежъ не вспыхнетъ завтра въ другомъ городѣ,—въ Харьковѣ, въ Кіевѣ, въ Петербургѣ,—а затѣмъ не возобновится и въ той же Москвѣ?

Такихъ гарантій у насъ нѣтъ.

Да ихъ и быть не можетъ, пока Россія будетъ томиться подъ тяжестью все той же роковой ошибки, которая довела ее до настоящаго положенія.

Петербургскія сферы въ этой содѣянной ими ошибкѣ все еще сознаться не хотятъ и продолжаютъ упорно настаивать на ней, тщательно содѣйствуя широкому развитію всѣхъ ея пагубныхъ развѣтвленій и преданно удивляясь, что эта пагуба не спасаетъ, а только еще болѣе губитъ Россію.

Они несомнѣнно удивились и Московскому мятежу точно такъ же, какъ они удивились крамольнымъ оргіямъ, которыми былъ встрѣченъ Манифестъ 17 октября. А между тѣмъ и эти оргіи, и теперешній мятежъ не только явились *неизбѣжными* послѣдствіями предыдущихъ политическихъ ошибокъ, но ясно предвидѣлись всѣми благоразумными Русскими людьми и неоднократно предсказывались на страницахъ нашего изданія.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько разъ намъ приходилось повторять тѣ двѣ азбучныя политическія истины, до которыхъ никакъ не можетъ додуматься правительство графа Витте. Повторимъ ихъ еще разъ:

1) Никакія внутреннія реформы, въ которыхъ такъ нуждается Россія, не могутъ принести благихъ плодовъ, коль скоро онѣ будутъ производиться подъ натискомъ революціоннаго движенія.

2) Всякая уступка революціонному движенію не ослабляетъ его, а всегда только усиливаетъ.

Эти истины такъ просты и ясны, что ни одинъ благоразумный государственный человѣкъ не сталъ бы вводить какія-либо внутреннія реформы, не возстановивъ сперва, во что бы то ни стало, полный законный порядокъ въ странѣ, объятой революціоннымъ пожаромъ.

А графъ Витте этого не можетъ или не хочетъ понять: онъ не только производитъ капитальнѣйшія реформы во всемъ государственномъ строѣ Россіи среди губящей всю Россію революціонной смуты, но онъ еще поощряетъ и усиливаетъ эту смуту, уступая ея дерзкимъ требованіямъ!

Какъ же этой смутѣ, при столь благопріятныхъ для нея условіяхъ, не перейти въ открытое вооруженное возстаніе?

Въ такое именно возстаніе она въ Москвѣ и перешла, и, если эти условія не исчезнутъ, не исчезнетъ и революціонное движеніе, а будетъ лишь усиливаться и расширяться.

Намъ могутъ возразить, что въ Москвѣ подняли возстаніе не *конституціоналисты*, которымъ графъ Витте дѣлаетъ всевозможныя и невозможныя уступки, а *соціалисты*, которымъ онъ пока еще никакихъ уступокъ не дѣлалъ.

Но это возраженіе не выдерживаетъ критики. Его могутъ дѣлать лица, совершенно не знакомыя со свойствомъ политическихъ партій, идущихъ на приступъ противъ Монархической Власти.

Развѣ мы не видимъ, какъ всюду „среднія“ и крайнія“ партіи вначалѣ съ трогательнымъ единодушіемъ братаются, когда дѣло идетъ о сверженіи Монархіи, и какъ онѣ тогда дружно кричатъ „долой Самодержавіе“? А затѣмъ, когда онѣ общими усиліями приближаются къ своей цѣли, когда Монархія начинаетъ дѣлать имъ уступки, тогда всѣ онѣ пользуются этими уступками для своихъ спеціальныхъ партійныхъ цѣлей, при чемъ „крайнія“ партіи ведутъ уже отдѣльную борьбу не только противъ Монархіи, но и противъ среднихъ партій,

То же самое происходитъ и у насъ. Графъ Витте, по самой силѣ вещей, не могъ дать всевозможныя „свободы“ для успокоенія одной лишь своей „конституціонной“ партіи, такъ какъ реформы даются не для отдѣльныхъ партій, а для всего населенія. И вотъ фактическою неограниченною свободой слова, печати, союзовъ и собраній, наступившею тотчасъ послѣ 17 октября, воспользовались не только „конституціоналисты“, но и соціалисты, и анархисты, и Поляки, и Армяне, и Латыши, и всѣ враги Россіи: они обрадовались дарованной имъ безнаказанности, чтобы путемъ широчайшей пропаганды побудить и крестьянъ, и рабочихъ, и инородцевъ, и весь городской пролетаріатъ къ тѣмъ грабежамъ и мятежамъ, которые нынѣ разлились по всей Россіи.

У насъ въ Москвѣ теперешній мятежъ готовился открыто передъ нашими глазами и передъ глазами высшаго представителя Верховной Власти, допускавшаго водруженіе революціонныхъ флаговъ надъ своимъ домомъ, обнажавшаго голову передъ звуками бунтовскихъ пѣсенъ, позволявшаго крамолѣ устраивать публичныя демонстраціи въ родѣ „красныхъ“ похоронъ и не препятствовавшаго организаціи всевозможныхъ революціонныхъ союзовъ, сходокъ и собраній. Ради революціонной пропаганды, въ Москвѣ открыто попирались самые ясные, самые категорическіе законы,—и ни высшая административная, ни высшая судебная власть ничего не дѣлали для ихъ возстановленія.

Легко понять, какъ все это вліяло на неопытную молодежь и на близорукую массу общества, которая всегда льнетъ къ сильной власти. А власть эта оказывалась въ рукахъ не Правительства, а революціонеровъ.

Всѣ благоразумные Москвичи предвидѣли готовившееся возстаніе, но когда они на него указывали, ихъ называли „пессимистами“, а насъ, за тѣ же указанія, обвиняли въ томъ, что мы запугиваемъ общество и Правительство „краснымъ призракомъ“.

И вотъ явился этотъ призракъ—и сталъ грозною, кровавою дѣйствительностью.

Послужитъ ли Московская революція должнымъ предостереженіемъ правительству графа Витте?

Мы сомнѣваемся. Оно несомнѣнно будетъ издавать въ это смутное время все новые и новые „либеральные“ законы—въ томъ убѣжденіи, что они де удовлетворятъ и успокоятъ „конституціонныя“ партіи...

Но вѣдь борьба теперь идетъ уже не между Самодержавіемъ и конституціей, а между Самодержавіемъ и соціальною республикой.

У насъ совершенно официально и повсюдно организовались и открыто дѣйствуютъ нѣсколько явно-соціалистическихъ партій, которыя первыя воспользуются, въ цѣляхъ своей пропаганды, всѣми „либеральными“ законами графа Витте, какъ удобнѣйшимъ оружіемъ не только противъ его правительства, но и противъ всего государственнаго и общественнаго строя. Они заглушатъ своими криками робкій шопотъ „конституціоналистовъ“: они сорвутъ выборы наглою стамбуловщиной; они все время будутъ держать страну подъ ужасомъ новаго вооруженнаго возстанія, къ болѣе основательному подготовленію котораго новые законы дадутъ имъ полную и широкую возможность.

Если они на этотъ разъ не довели своего плана до конца, то потому, что ошиблись въ силѣ той пропаганды, которую они такъ старательно вели въ войскахъ: они были увѣрены, что значительная часть войскъ Московскаго гарнизона измѣнитъ своей присягѣ и перейдетъ на сторону революціи.

Въ этомъ они, слава Богу, ошиблись!

Но, узнавъ свою ошибку, они несомнѣнно постараются ее исправить, къ будущему своему возстанію, новою, еще болѣе искусною пропагандой. А какъ же можетъ быть пресѣчена эта пропаганда, если правительство графа Витте не хочетъ видѣть своей ошибки и упорно подливаетъ масло въ огонь революціи своими новыми „либеральными“ законами, которые тотчасъ же превращаются въ законы революціонные?

Развѣ были бы мыслимы только-что пережитые нами Московскіе и еще предстоящіе ужасы, если бъ этими законами не была предоставлена возможность такой широкой революціонной пропаганды, какая вожакамъ революціи никогда и во снѣ не снилась и которая никогда ни въ какомъ другомъ государствѣ и не существовала?

Московская революція своимъ упорствомъ, своимъ фанатизмомъ показала намъ, на что способны наши противники. Это былъ только первый ихъ опытъ, причинившій всей Россіи такой неисчислимый вредъ.

Правительство обязано принять всѣ мѣры, чтобъ этотъ *первый* ихъ опытъ былъ и *послѣднимъ* ихъ опытомъ.

Для того чтобы достигнуть этой цѣли, есть только одно средство, на которое мы не перестаемъ указывать: *всероссійская военная диктатура* для возстановленія полнаго законнаго порядка во всей Россійской Имперіи, послѣ чего только и могутъ начаться внутреннія реформы.

Пока этотъ порядокъ не будетъ возстановленъ,—мы будемъ идти не *впередъ*, а *назадъ*, не къ свѣту просвѣщенія и культуры, а къ мраку невѣжества и варварства, къ анархіи и кулачному праву.

Кто виноватъ?

Кто виноватъ въ Московской революціи?

Казалось бы, тотъ, кто виноватъ и въ революціи всероссійской, среди которой Московскій мятежъ является лишь однимъ изъ типичныхъ эпизодовъ.

Нѣтъ. Оказывается, по мнѣнію иныхъ политиковъ, что въ Московской революціи виновны исключительно мы, Москвичи.

Того же мнѣнія,—какъ намъ пишутъ изъ Петербурга, — держится и графъ Витте. Онъ де тутъ ни при чемъ. Вольно было Москвичамъ допустить у себя организацію „боевыхъ дружинъ“ и постройку баррикадъ. И это—Москвичи! Они все носятся со своею „Первопрестольною Столицей“, со своими „Кремлевскими святынями“, а чтобы защитить ихъ отъ революціи, они и пальцемъ не пошевельнули! Вотъ они — патріоты своего отечества!

Такъ говорятъ о насъ въ Петербургѣ тѣ лица, которыя, стоя у разбитаго правительственнаго кормила, ведутъ государственный корабль со сломанными мачтами среди вызванной ими же бури къ неминуемой гибели, и желаютъ свалить всю бѣду съ больной головы на здоровую!

Это, видите ли, мы, Москвичи, виноваты въ томъ, что мы, слыша со стороны революціонныхъ партій призывы къ вооруженному возстанію, къ кровавой бойнѣ, не приняли надлежащихъ мѣръ къ прекращенію этихъ призывовъ!

Но тѣ же призывы слышало и Петербургское Правительство. Не оно ли само дало возможность разпущенной имъ прессѣ открыто печатать зажигательныя статьи, призывавшія пролетаріевъ къ безпощадной борьбѣ съ имущими классами? Не оно ли заботилось о безнаказанности этихъ возмутительныхъ статей и всѣхъ тѣхъ „красныхъ“ карикатуръ, издѣвавшихся надо всѣмъ, что только свято Русскому народу?

Что могли дѣлать мы, мирные граждане, видя, какъ вся Москва была залита этою гнусною „литературой“, возбуждавшею самые низкіе инстинкты и быстро распространявшеюся среди рабочихъ и неучащейся молодежи? Мы возмущались, мы негодовали, мы предсказывали грозныя послѣдствія этой лившейся на насъ, преимущественно изъ Петербурга,— всенародной отравы, но, не имѣя въ своихъ рукахъ ни цензуры, ни суда, ни административныхъ полномочій, мы обречены были на безпомощное созерцаніе готовившейся вокругъ насъ кровавой революціи. И теперь мы же оказываемся виновными въ ней!

Мы виновны, вѣроятно, въ томъ, что у революціонеровъ оказались прекрасно организованныя и отлично вооруженныя „боевыя дружины“, а у насъ, мирныхъ Москвичей, никакихъ такихъ дружинъ не оказалось.

Но вѣдь „боевыя дружины“ существуютъ у насъ не со вчерашняго дня, а съ 17 октября, если не раньше; онѣ впервые были организованы подъ покровомъ той университетской „автономіи“, которая въ конецъ погубила наши высшія учебныя заведенія, но которая была дана имъ не Москвой, а Петербургомъ. Мы опять-таки досадовали, негодовали, возмущались, видя тѣ безобразія, которыя творились въ нашемъ Университетѣ, въ которомъ тысячи рабочихъ призывались къ фанатическому мятежу: но могли ли мы прекратить эти изступленные „митинги“, когда ни полиція, ни войска не дерзали переступать „священнаго порога храма наукъ“, въ которомъ, съ вѣдома высшей администраціи, подготовлялась разразившаяся нынѣ Московская революція со всѣми ея „боевыми дружинами“?

Да, это правда, мы со своей стороны „боевыми дружинами“ не обзавелись. Но если бы мы только посмѣли заикнуться о нихъ, мы тотчасъ встрѣтили бы со стороны не только революціонной печати, но и со стороны суда и тогдашней Московской высшей администраціи тѣ непреоборимыя препятствія, которыя такъ легко и безслѣдно сглаживались предъ организаціей революціонныхъ дружинъ, открыто собиравшихъ деньги „на оружіе“ и пріобрѣтавшихъ его въ самыхъ широкихъ размѣрахъ!

Мы, можетъ-быть, виновны и въ томъ, что не шли съ голыми руками противъ баррикадъ, изъ-за которыхъ „боевыя дружины“ открывали безпощадный огонь изъ своихъ Маузеровъ и Браунинговъ?

Или мы виновны въ томъ, что мы не „подавили возстаніе своимъ мирнымъ милліоннымъ протестующимъ голосомъ“, какъ насъ въ этомъ упрекаетъ одинъ Московскій журналистъ?

Но этотъ упрекъ болѣе красивъ чѣмъ справедливъ.

Вооруженныя возстанія побѣждаются не голыми руками и не „милліоннымъ голосомъ“, а вооруженною же репрессіей.

Если Правительство своею легкомысленною близорукостью, — мы выражаемся очень мягко,—дало революціонерамъ полную возможность исподоволь тщательно подготовить Московскій кровавый мятежъ, то одно Правительство имѣетъ прямую обязанность и всѣ средства, чтобы его подавить.

Можно быть различнаго мнѣнія о степени „опеки“ Правительства надъ обществомъ во времена мирной, нормальной Государственной жизни. Но всѣ несомнѣнно согласятся въ томъ, что первѣйшая обязанность Правительства заключается въ огражденіи Государства отъ внѣшней и внутренней войны и въ обезпеченіи обществу мирной, безопасной жизни. Вѣдь для этой именно цѣли народъ и содержитъ свое Правительство, чтобъ оно принимало всѣ необходимыя мѣры для его охраны отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, для этого онъ и платитъ ему подати, для этого онъ и несетъ всѣ свои повинности, для этого онъ предоставляетъ Правительству и военную, и административную, и судебную власть.

И вотъ, когда спокойствіе народа нарушается дерзкимъ мятежомъ, когда этотъ мятежъ овладѣваетъ столицей, покрываетъ ея улицы и площади баррикадами, прекращаетъ всю общественную жизнь и наноситъ неисчислимый вредъ всему Государству,—можетъ ли тогда Правительство, какъ Пилатъ, умывать свои руки, сваливая всю вину допущеннаго имъ же самимъ мятежа на мирныхъ безоружныхъ гражданъ? Вѣдь эти граждане сами имѣютъ законное право требовать отъ Правительства защиты отъ той бѣды, которая никогда бы не нагрянула на городъ, если бы Правительство стояло на высотѣ своего долга и всегда и во всемъ исполняло свою прямую обязанность.

Нѣтъ, не мы, Москвичи, виновны въ тѣхъ кровавыхъ событіяхъ, которыя опозорили нашу столицу. Мы *не могли* препятствовать ихъ подготовленію, такъ какъ оно совершалось подъ снисходительнымъ попеченіемъ правительства графа Витте: мы не могли препятствовать революціонной

пропагандѣ, всюду разносившейся „освобожденною имъ революціонною печатью; мы не могли бороться съ охватившею всю Россію, при его „премьерствѣ“, революціонною бурей, съ которою отнынѣ можно справиться лишь кровью и желѣзомъ.

Нѣтъ, не мы виноваты въ этой бурѣ.

Графъ Витте и Россія.

Та революціонная вспышка, которая нынѣ подавлена въ Москвѣ благодаря энергіи ея высшихъ административныхъ властей, доблести Русскаго войска и самоотверженности столичной полиціи,- представляетъ собой далеко не одиночное явленіе, могущее быть поставленнымъ въ исключительную вину мѣстному населенію: нѣтъ, Московская революція находится въ тѣсной связи съ общимъ революціоннымъ пожаромъ, который начинаетъ разгораться со всѣхъ четырехъ концовъ Россіи.

Кто подложилъ огонь подъ Русь Святую, кто раздулъ его до того всепожирающаго пожара, который грозитъ разбушеваться по всему необъятному пространству нашей Родины?

Тотъ, кому это выгодно. Is fecit cui prodest.

Кому же выгодна гибель Россіи? Конечно, не православнымъ Русскимъ людямъ, а иновѣрцамъ и иноземцамъ, исконнымъ врагамъ Россіи, которые ждутъ-не-дождутся того крушенія Всероссійскаго Государства, которое дастъ имъ возможность растерзать его на клочки въ видѣ лакомой добычи.

Но почему же эти хищные волки, ненавидящіе величіе и славу Россіи, выступили со своимъ адскимъ замысломъ именно теперь, почему они теперь именно возымѣли такую наглость, такую силу, о какой они еще годъ тому назадъ и мечтать не смѣли? Кто открылъ имъ ворота въ Русскую несокрушимую твердыню, кто отдалъ имъ на произволъ Русскія завѣтныя сокровища, кто предоставилъ имъ хозяйничать по-басурмански въ Русской землѣ и издѣваться надъ Русскими людьми, подвергая ихъ въ нравственное рабство посредствомъ коварныхъ подвоховъ и грубаго террора? Кто далъ имъ въ руки разрушительныя орудія необузданнаго устнаго и печатнаго слова, которыя они обратили исключительно противъ Россіи, Русскаго Царя и Народа? Къ кому всѣ эти злѣйшіе наши враги—Поляки, Финны, Евреи, Армяне—обращаются, какъ къ своему патрону, покровителю и заступнику, надѣлившему ихъ уже столькими щедротами и обѣщающему имъ отдать Россію „на равныхъ правахъ“ съ Русскими? Кто въ теченіе цѣлаго года допускалъ систематическое развитіе того „освободительнаго“ движенія, которое нынѣ огнемъ и мечомъ опустошаетъ Россію?

Поставить эти вопросы—значитъ и отвѣтить на нихъ. Ибо у кого же при этихъ вопросахъ не явится на устахъ имя пресловутаго графа Витте?

Глубоко ошибаются послѣдователи недавно еще столь модной „матеріалистической“ исторической теоріи, отрицающей роковое вліяніе отдѣльныхъ выдающихся дѣятелей на ходъ историческихъ событій, и глубоко правъ Карлейль, доказывавшій, что исторія народовъ зависитъ отъ тѣхъ отдѣльныхъ крупныхъ личностей, которыя въ сущности ее и дѣлаютъ.

Исторію Россіи въ настоящее время дѣлаетъ графъ Витте, и дѣлаетъ ее,—въ этомъ всѣ согласны,—такъ худо, что хуже ее и дѣлать нельзя.

Впрочемъ, это зависитъ отъ точки зрѣнія. Если смотрѣть на правленіе графа Витте глазами внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ Россіи,—графъ Витте *блестяще* ведетъ нашу Родину къ ея гибели. Возьмите хотя бы нашу Московскую революцію: съ технической стороны она была безукоризненна, и если бы революціонные главари не ошиблись въ своихъ разсчетахъ на измѣну Московскаго гарнизона, Москвой управлялъ бы теперь какой-нибудь Иржевальскій или Щепкинъ.

Но вся Россія смотритъ на графа Витте *русскими* глазами. Можетъ ли, однако, онъ смотрѣть ей въ глаза? Можетъ ли онъ не краснѣть передъ ней, передъ ея исторіей, передъ ея славой, передъ ея добрымъ именемъ?

Неужели онъ не чувствуетъ, не слышитъ ея горькихъ укоровъ? Неужели онъ самъ равнодушно можетъ видѣть всѣ тѣ ужасы, отъ которыхъ она страдаетъ, изнемогаетъ, гибнетъ?

О, конечно, графъ Витте всегда готовъ свалить всякую вину то на своего Монарха, то на своихъ подчиненныхъ, то на своихъ враговъ. Онъ самъ всегда чистъ какъ ангелъ, и непогрѣшимъ какъ папа, и умнѣе всѣхъ Русскихъ людей взятыхъ вмѣстѣ.

Но почему же никто въ Россіи въ эту его ангельскую чистоту и въ этотъ его непогрѣшимый умъ не вѣритъ? Почему онъ, вѣчно искавшій популярности и рекламировавшій себя „другомъ народа“, потерпѣлъ такое фіаско въ этихъ рекламахъ и сдѣлался предметомъ такой всеобщей ненависти Русскаго народа, видящаго въ немъ злого генія Россіи?

А потому, что Русскій народъ нигдѣ не видитъ ни примѣровъ его высокой чистоты, ни доказательствъ его геніальнаго ума, приходя въ ужасъ отъ цѣлаго ряда его вольныхъ или невольныхъ ошибокъ, отъ безсистемности его политики, отъ его незнанія Русской исторіи, отъ его непониманія характера и быта Русскаго народа, отъ всего того невѣжественнаго дилеттантизма, который привелъ Россію, въ теченіе одного года, въ состояніе полной анархіи.

Намъ возразятъ, что если бы Россія годъ тому назадъ была крѣпка, то она не могла бы такъ быстро придти въ разложеніе.

Какой жалкій софизмъ! Подожгите сразу со всѣхъ сторонъ крѣпко сложенный вѣковой домъ, и онъ сгоритъ въ одну ночь. Поставьте во главѣ даже такихъ „крѣпкихъ“ государствъ, какъ Англія и Германія, такого „небывалаго“ государственнаго человѣка, какъ графъ Витте, который отмѣняетъ старые законы, не замѣняя ихъ новыми, и даетъ полную свободу революціонно-соціалистической пропагандѣ,—и черезъ годъ такого режима и Англія, и Германія погрязли бы въ такой же анархіи, въ какой нынѣ гибнетъ Россія. Правда, что онѣ, какъ культурныя государства, не потерпѣли бы и двухъ недѣль такого сумасброднаго режима, и у нихъ, поэтому, не мыслимъ былъ бы ни такой „премьеръ“, ни такой позорный результатъ его правленія.

Итакъ, что же мы хотимъ сказать? Что Россія не культурное государство?

Да, европейской культуры у нея нѣтъ и быть не можетъ; европейскою культурой нельзя такъ быстро обзавестись, какъ европейскою цивилизаціей съ ея техническими совершенствами; культура вырабатывается длиннымъ рядомъ вѣковъ, а не въ какія-нибудь 200 лѣтъ; къ тому же культура тогда только цѣнна и плодотворна, когда она самобытна, національна.

Такова именно и европейская культура; потому именно она и предохраняетъ старыя европейскія націи отъ такихъ головоломныхъ дилетантскихъ опытовъ, какъ тотъ, о которомъ мы говорили выше.

Но такова же и наша національная русская культура. Если бъ мы оставались ей вѣрными, органически развивая ее сообразно съ жизненными потребностями Русскаго народа, перенимая у Европы лишь ея внѣшнюю цивилизацію, а не ея совершенно чуждый намъ церковный, государственный и общественный бытъ,—то и Россія была бы застрахована отъ такого „режима“, какой навязалъ ей графъ Витте.

Каждый мѣсяцъ такого режима ухудшаетъ положеніе Россіи въ геометрической прогрессіи. Нельзя безъ ужаса думать о томъ, во что обратится наша несчастная Родина, если этотъ режимъ продолжится еще нѣсколько не мѣсяцевъ даже, а недѣль!

Такъ думаетъ Россія. Но не такъ думаютъ дорожащіе графомъ Витте внѣшніе и внутреніе враги Россіи. Они хотятъ склонить Россію подъ свое ярмо.

Посмотримъ, удастся ли имъ это.

Совѣтчики графа Витте.

Что теперь будетъ дѣлать графъ Витте?

Такой вопросъ ставятъ себѣ тѣ Русскіе люди, которые считаютъ графа Витте серіознымъ государственнымъ человѣкомъ, задумывающимся надъ трудными задачами современной русской политики. Вѣдь есть еще у насъ такіе наивные люди, которые благоговѣютъ передъ „громаднымъ умомъ“ нашего премьера и увѣрены, что онъ непремѣнно выдумаетъ какое-то новое, оригинальное средство, чтобы спасти Россію изъ той революціонной анархіи, въ которую онъ самъ же ее ввергъ.

Но такихъ благодушныхъ простаковъ осталось теперь очень мало. Болѣе вдумчивые люди давно уже раскусили истинную цѣну того „громаднаго ума“, который себѣ приписываетъ графъ Витте, и въ особенности степень его „государственной мудрости“, которая никогда даже не пыталась возвышаться надъ самыми банальными и пошлыми „либеральными“ софизмами.

Тѣ самые софизмы, предъ которыми благоговѣютъ наши шаблонные „либералы“, являются для графа Витте высшимъ идеаломъ государственной политики. Всѣ еще помнятъ, съ какою поспѣшностью графъ Витте, едва успѣвъ достигнуть премьерства, сталъ совѣтоваться съ такими заурядными либеральными манекенами, какъ гг. Стаховичъ, Родичевъ, Шиповъ, Струве и тому подобные земскіе и городскіе болтуны, которые для графа Витте, очевидно, являются великими мудрецами и глубокими государственными мыслителями, совѣтами которыхъ онъ несомнѣнно дорожитъ,

какъ древніе Греки дорожили изреченіями Дельфійскаго оракула. Это тѣ люди, которые организовали межеумочный „Союзъ 17-го октября“, къ которому такъ охотно присоединяются всѣ жалкія посредственности съ кущыми мыслями и широкими бюрократическими аппетитами*).

А потому, если вы хотите знать, что думаетъ и что предполагаетъ дѣлать графъ Витте, вамъ достаточно взять одинъ изъ органовъ этихъ господъ, хотя бы, напримѣръ, *Русскія Вѣдомости*, чтобы безошибочно предсказать дальнѣйшій ходъ политики нашего премьера.

Посмотримъ, что эта газета совѣтуетъ дѣлать графу Витте послѣ Московской революціи, вызванной тою именно политикой, которую Сергѣй Юльевичъ старается выполнить по катехизису „либеральной“ партіи.

Московская газета совѣтуетъ ему,—какъ „единственный возможный путь“,—*продолженіе* все той же самой „либеральной“ политики, несмотря на всю ея очевидную ошибочность,—той политики, которая своими легкомысленными уступками довела Россію до кроваваго мятежа и которая новыми уступками окончательно ее погубитъ!

И мы можемъ быть увѣрены, что графъ Витте свято исполнитъ всѣ совѣты, преподаваемые ему въ столь авторитетномъ органѣ, статьи котораго являются для него альфой и омегой государственной науки.

Въ той же „либеральной“ печати было высказано мнѣніе, что Россія только тогда успокоится, если Самодержавіе Русскаго Царя окончательно будетъ устранено: внѣшнимъ же признакомъ этого устраненія должна де быть торжественная присяга (!), которую Государь долженъ принести той конституціи, которая окончательно свяжетъ Его Державную Волю, превративъ Его въ того конституціоннаго автомата, который только „царитъ, но не правитъ“.

И вотъ, — какъ намъ пишутъ изъ Петербурга, — графъ Витте уже спѣшитъ исполнить это предписаніе, данное ему его „либеральными“ совѣтчиками, и занятъ въ настоящее время изготовленіемъ того церемоніала, по которому Помазанникъ Божій, Русскій Самодержавный Государь, долженъ отречься (!) отъ той Самодержавной Власти, которою Онъ облеченъ Волею Господа Бога и рѣшеніемъ Русскаго Народа, вручившаго династіи Романовыхъ Царскій вѣнецъ для пошенія и сохраненія въ неприкосновенномъ его видѣ.

Если таковы, дѣйствительно, замыслы графа Витте, то они не должны застигнуть врасплохъ весь Православный Русскій Народъ, который не мыслитъ Русскаго Царя инымъ, какъ Самодержавнымъ, ясно сознавая, что Россійская Имперія безъ Самодержавнаго Царя существовать не можетъ.

Въ виду всего этого, Русскому Народу необходимо дружно сплотиться вокругъ своего возлюбленнаго Царя-Самодержца и зорко слѣдить за графомъ Витте и его присяжными совѣтчиками.

*) На-дняхъ мы познакомимъ нашихъ читателей съ замѣчательною статьей нашего историка Н. М. Павлова, *По поводу воззванія „Союза 17-го октября“*, въ которой по достоинству оцѣнена эта партія политическихъ оппортунистовъ. (См. *Моск. Вѣд.* 1905 г., № 329)

„Революціонныя приготовленія".

Намъ такъ рѣдко приходится хвалить правительство графа Витте, что насъ въ какомъ-нибудь пристрастіи къ нему упрекнуть не могутъ.

А потому намъ несомнѣнно повѣрятъ въ той искренности, съ которою мы выскажемъ полное одобреніе изданному графомъ Витте 19 декабря новому „Правительственному Сообщенію", грозящему „раздавить въ зародышѣ будущій мятежъ всѣми имѣющимися у Правительства средствами" *).

Впрочемъ, мы не знаемъ, принадлежитъ ли это похвальное намѣреніе самому графу Витте, или лишь министру Внутреннихъ Дѣлъ П. Н. Дурново, которому Сергѣй Юльевичъ неоднократно приписывалъ всѣ нелиберальныя, то-есть *разумныя*, правительственныя мѣры, сохраняя за собой монополію либерально-популярныхъ мѣръ.

Но допустимъ, что на этотъ разъ графъ Витте узналъ о послѣднемъ „Правительственномъ Сообщеніи" не изъ „*Правительственнаго Вѣстника*", а самъ его наканунѣ послалъ въ этотъ офиціальный органъ для оглашенія на всю Россію своего твердаго намѣренія вступить, наконецъ, въ борьбу съ „революціонными обществами", грозящими „поднять въ началѣ будущаго года общее возстаніе". Можетъ-быть, онъ дѣйствительно начинаетъ новый курсъ своей азартной политики, открыто заявляя, что онъ „не допуститъ мятежа и смуты и самымъ рѣшительнымъ образомъ будетъ устанять всякія революціонныя приготовленія, а, въ случаѣ мятежа, раздавитъ его въ зародышѣ всѣми имѣющимися у него средствами".

Прекрасно сказано! Привѣтствуемъ эту первую ласточку грядущей, можетъ-быть, весны. Не той весны, которую годъ тому назадъ предсказалъ г. Суворинъ и которая перевернула вверхъ дномъ всю Россію и залила ее потоками крови,—а той весны, которая вернетъ намъ тишину, счастье и законный порядокъ.

Но не успѣли мы увлечься такою призрачною надеждой, какъ болѣе внимательное изученіе самаго текста „Правительственнаго Сообщенія" поколебало нашу увѣренность.

Въ самомъ дѣлѣ, графъ Витте, съ одной стороны, заявляетъ, что онъ „не допуститъ мятежа и смуты", а съ другой—допуститъ возможность возникновенія „мятежа", который онъ тогда предполагаетъ „раздавить въ зародышѣ".

Мы же полагаемъ, что если графъ Витте *дѣйствительно* намѣренъ рѣшительными мѣрами „устранить всякія революціонныя приготовленія", то никакой у насъ ни смуты, ни мятежа, ни революціи не будетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы графъ Витте выказалъ свою „рѣшительность" не на *словахъ*, а на *дѣлѣ*, и не *послѣ* Московскаго кроваваго мятежа, а *до* него,—то само собою разумѣется, что мы въ Москвѣ не пережили бы той ужасной недѣли, которая въ сущности и до сихъ поръ еще не кончилась.

*) См. *Моск. Вѣд.* 1905 г., № 328.

Почему же графъ Витте не напечаталъ своего грознаго „Правительственнаго Сообщенія“ *до* начала Московскаго мятежа? Почему онъ *до* него принялъ самыя рѣшительныя мѣры не для того, чтобы „раздавить его въ зародышѣ всѣми имѣющимися у него средствами“, а, наоборотъ, для того, чтобы облегчить ему всѣ революціонныя подготовленія?

Вѣдь это только „среди англійской публики преобладаетъ „тотъ странный взглядъ, о которомъ спѣшитъ сообщить лондонскій корреспондентъ *Новаго Времени* (№ 10.691),—ad majorem Sergii gloriam,—будто „подавленіе Московскаго мятежа“ вызвано „энергіей и распорядительностью, выказанными графомъ Витте“. Мы, въ Москвѣ, отлично знаемъ, что эту энергію и распорядительность выказалъ генералъ-адъютантъ Дубасовъ при содѣйствіи доблестнаго Семеновскаго полка и остальнаго Московскаго гарнизона,—а вовсе не графъ Витте, который, наоборотъ, своею погоней за дешевою популярностью среди русскихъ и еврейскихъ „либераловъ“ и среди „братцевъ“-рабочихъ, далъ крамолѣ полную возможность огорошить мирную Москву своимъ адскимъ замысломъ.

Но теперь,—будемъ надѣяться,—графъ Витте опомнился: громъ грянулъ, и онъ перекрестился.

Допустимъ на минуту это предположеніе, и посмотримъ, какія онъ теперь приметъ „самыя рѣшительныя“ мѣры для того, чтобы „не допустить мятежа и смуты“ и „устранить *всякія* революціонныя приготовленія“.

Вы слышите:—*всякія*.

Какими же способами подготовляется революція?

Во-первыхъ, собираются *деньги* на возстаніе.

Во-вторыхъ, заготовляются *боевые припасы*.

Въ-третьихъ, вербуются *люди*.

Въ-четвертыхъ, формируется революціонный штабъ изъ опытныхъ *вожаковъ*, которые берутъ и распредѣляютъ запасенный капиталъ и оружіе, составляютъ изъ навербованныхъ людей организованныя и дисциплинированныя дружины, опредѣляютъ планъ вооруженныхъ дѣйствій и затѣмъ ими руководятъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что *третій* видъ революціонныхъ приготовленій имѣетъ первостепенное значеніе. Если нѣтъ революціонной многочисленной арміи, то ни деньги, ни оружіе, ни вожаки никакой революціи устроить не могутъ.

Итакъ, если графъ Витте дѣйствительно хочетъ „самымъ рѣшительнымъ образомъ устранить всякія революціонныя приготовленія“, онъ несомнѣнно обратитъ особенное вниманіе на вербовку революціонной арміи и сдѣлаетъ ее невозможною.

Онъ знаетъ, какъ вербуется эта армія: революціонною пропагандой, ведущеюся преимущественно печатнымъ словомъ. Онъ знаетъ, — ему ли не знать, когда онъ такъ близко стоитъ къ еврейскимъ капиталистамъ,— онъ знаетъ, какая уйма денегъ была до 17 октября потрачена на революціонную пропаганду, которая велась въ усиленномъ темпѣ посредствомъ подпольной и заграничной литературы, развозившейся по всей Россіи цѣ-

лою тучей крамольныхъ агентовъ, проникавшихъ и въ фабрики, и въ школы, и въ деревни, и въ войска, и въ духовенство.

Съ 17 октября эта тайная пропаганда сразу сократилась, уступивъ мѣсто пропагандѣ явной.

Подпольные листки стали „легальными“ газетами, выросшими, какъ грибы послѣ дождя, а крамольные агенты передали свою обязанность правительственной почтѣ, усердно и аккуратно развозящей эту революціонную заразу по всей Россіи для того, чтобы подготовить къ революціи и рабочихъ, и студентовъ, и гимназистовъ, и крестьянъ, и солдатъ, и матросовъ, и священниковъ Гапопо-Петровскаго толка!

Къ чему теперь печатать революціонную литературу на чердакахъ, въ подвалахъ или за границей, когда въ любой „легальной“ газетѣ, возникшей при режимѣ графа Витте, открыто проповѣдуется соціальная революція съ такимъ цинизмомъ, предъ которымъ побѣднѣло даже возмутительное когда-то *Освобожденіе* г. Струве, который потому и вернулся снова въ Россію подъ дружеское крылышко графа Витте? Мы уже не говоримъ о тѣхъ „красныхъ“ мерзостяхъ, которыя открыто продаются на всѣхъ углахъ улицъ и въ которыхъ наглый цинизмъ въ словахъ и рисункахъ издѣвается надо всѣмъ, что для Русскаго человѣка свято и почтенно...

Всю эту революціонную, развратную литературу создала легкомысленная,—чтобы не употребить другого слова,—политика графа Витте, и литература эта, въ свою очередь, приготовила революцію.

Какъ же теперь отнесется Сергѣй Юльевичъ къ этому явному „революціонному приготовленію“? Понялъ ли онъ всю его важность, всю его преступность?

Если *да*, то онъ немедленно „рѣшительнымъ образомъ“ устранитъ эту революціонную пропаганду.

Если *нѣтъ*, онъ, ради пустого звука „свободы печати“ не только не устранитъ „всякихъ революціонныхъ приготовленій“, но самъ—вольно или невольно—столь же „рѣшительнымъ образомъ“ подготовитъ революцію.

Вопросы русской жизни.

I.

„Непредвидѣнная“ смута.

Возвращаясь къ своимъ еженедѣльнымъ бесѣдамъ съ нашими читателями послѣ двухмѣсячнаго молчанія, вызваннаго продолжительною болѣзнію, мы думаемъ, что это наше молчаніе можетъ найти себѣ оправданіе и въ томъ, что тѣ страшныя событія, которыя пережила Россія въ эти два мѣсяца, были сами по себѣ настолько краснорѣчивы и назидательны, что ни въ какихъ особыхъ поясвительныхъ комментаріяхъ не нуждались.

Къ тому же, трезвый голосъ здраваго смысла совершенно затерялся бы среди разнузданной оргіи фанатическихъ голосовъ, требовавшихъ въ печати, на улицѣ, въ собраніяхъ и на „банкетахъ“ уничтоженія Самодержавія въ теченіе всего декабря мѣсяца, вплоть до рокового 9 января, когда, наконецъ, эти безумныя, преступныя рѣчи смѣнились столь же безумными и преступными дѣйствіями, вынудившими, наконецъ, Правительство прибѣгнуть къ давно ожидавшимся энергическимъ мѣрамъ.

Что могли мы говорить въ теченіе этого возмутительнаго хаоса, среди этого хулиганства мыслей и дѣйствій, когда наши „либералы“, пользуясь полною безнаказанностью, старались превзойти другъ друга въ дерзости словъ и дѣйствій, громя, въ одиночку и скопомъ, государственные законы, подобно тому, какъ, при такой же безнаказанности, уличные хулиганы разбиваютъ стекла, громятъ магазины и безчинствуютъ, издѣваясь надъ всѣми юридическими и нравственными законами гражданскаго общежитія?

Мы могли бы лишь констатировать все это безобразіе, которое и безъ того было очевидно всѣмъ благоразумнымъ Русскимъ людямъ: мы могли бы лишь доказывать государственную опасность этого безобразія и предсказывать его неминуемыя послѣдствія, взявъ на себя неблагодарную роль Кассандры, которой, въ ослѣпленіи своемъ, никто не хочетъ вѣрить.

Вѣдь не только для общества, но и для Правительства вся эта либеральная декабрская оргія была какою-то неожиданностью, которую будто бы „никто не могъ предвидѣть“.

Такъ было и въ 1880 году, когда въ Петербургѣ никто не хотѣлъ вѣрить Каткову, указывавшему на грядущіе ужасы, пока, наконецъ, катастрофа 1 марта не оправдала всѣхъ его предсказаній.

„*Московскія Вѣдомости* вѣчно говорятъ о какой-то крамолѣ, которой вовсе и не существуетъ“,—такъ твердили 25 лѣтъ тому назадъ наканунѣ 1 марта; такъ твердили и въ настоящее время наканунѣ 9 января, снова доказавшаго, какъ справедливы и основательны были *Московскія Вѣдомости* въ своихъ предсказаніяхъ и предостереженіяхъ.

Еще *28 сентября*,—тотчасъ послѣ провозглашенія пресловутаго „довѣрія“ земству и обществу, долженствовавшаго умиротворить всю Россію,—мы указали на всю ошибочность этой иллюзіи и предсказали за два мѣсяца всѣ *декабрскія* безобразія, которыя своею „неожиданностью“ такъ озадачили весь Петербургъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ что было напечатано 28 сентября прошлаго 1904 года въ № 268 нашей газеты:

„На всѣхъ предстоящихъ земскихъ собраніяхъ будетъ организована всеобщая единообразная *levée de boucliers*.

„Одновременно вся „либеральная“ печать будетъ бить въ набатъ. Когда раздадутся требованія въ земскихъ собраніяхъ, городскихъ думахъ, ученыхъ обществахъ, различныхъ общественныхъ съѣздахъ и организаціяхъ, тогда всѣ органы „либеральной“ прессы въ одинъ голосъ заявятъ, что „русское общественное мнѣніе изрекло свою волю“, предъ которою, какъ предъ волей народа, остается только преклониться. Для успѣха этой всероссійской агитаціи будутъ свободно обсуждать въ печати вопросы государственнаго устройства, какъ будто никакой цензуры не существуетъ; въ земскихъ собраніяхъ будутъ трактовать объ этихъ вопросахъ, не стѣсняясь законами, опредѣляющими земскую компетенцію; будутъ устраивать общероссійскіе земскіе съѣзды, не испрашивая на то разрѣшенія; будутъ заниматься въ ученыхъ обществахъ и общественныхъ организаціяхъ разрѣшеніемъ государственныхъ вопросовъ; будутъ считать чрезвычайныя полномочія администраціи какъ бы уже прекратившимися.

„Присвоивъ себѣ эту фактическую свободу, публицисты и ораторы „либеральной“ партіи будутъ постепенно, но неукоснительно, повышать свой топъ, освобождаясь отъ условныхъ выраженій „эзопова языка“, а называя вещи настоящимъ именемъ, такъ чтобы черезъ нѣкоторое время уже могъ быть формулированъ ультиматумъ съ совершенно ясными и категорически-выраженными дальнѣйшими пунктами „либеральной“ программы, *до конечной ея цѣли включительно*“.

Вотъ что мы говорили въ *сентябрѣ* прошлаго года; а намъ отвѣчали:

— *Московскія Вѣдомости* неисправимы: онѣ всюду видятъ крамолу.

А когда въ *декабрѣ* все нами предсказанное *буквально* осуществилось, то въ Петербургскихъ сферахъ съ изумленіемъ себя спрашивали:

— Ахъ, какой ужасъ! Кто могъ этого ожидать?

Мы вовсе не думаемъ приписывать себѣ какой-либо особый даръ прозорливости, такъ какъ для того, чтобы предвидѣть то, что затѣмъ случилось, достаточно простого здраваго смысла и нѣкотораго историческаго опыта, дающаго возможность установить такія безошибочныя формулы государственной политики, какъ, напримѣръ, та формула, которая гласитъ, что „всякая уступка революціонному движенію *никогда* его не успокаиваетъ, а *всегда* только усиливаетъ“, или та, на основаніи которой можно съ увѣренностью утверждать, что „общественное мнѣніе всегда стоитъ на сторонѣ сильной, благоразумной Правительственной Власти, но тотчасъ отъ нея отворачивается, коль скоро сама Власть себѣ не довѣряетъ и ищетъ помощи въ управляемомъ ею обществѣ“.

Все это азбука, все это аксіомы,—но что вы подѣлаете съ людьми, для которыхъ не ясно даже то, что дважды два—четыре?

Вотъ и теперь: развѣ такъ трудно предвидѣть, что случится въ ближайшіе мѣсяцы, смотря по тому, пойдетъ ли новый министръ Внутреннихъ Дѣлъ на-„лѣво“ или на-„право“? Въ первомъ случаѣ Россія еще стремительнѣе, чѣмъ прежде, будетъ опрометью нестись къ своей гибели, во второмъ—она образумится и снова воспрянетъ къ силѣ и къ славѣ.

Будемъ твердо надѣяться, что Россію ожидаетъ именно эта послѣдняя счастливая судьба! Но новому министру придется, несомнѣнно, преодолѣть нелегкою борьбой много препятствій, созданныхъ, при предшествовавшемъ режимѣ поощряющей безнаказанности, хулиганами мысли и слова.

II.

Долготерпѣніе.

„И началъ говорить имъ притчами: нѣкоторый человѣкъ насадилъ виноградникъ и обнесъ оградою, и выкопалъ точило и построилъ башню, и, отдавъ его виноградарямъ, отлучился. И послалъ въ свое время къ виноградарямъ слугу — принять отъ виноградарей плодовъ изъ виноградника. Они же, схвативши его, били и отослали ни съ чѣмъ. Опять послалъ къ нимъ другого слугу: и тому камнями разбили голову и отпустили его съ безчестіемъ. И опять иного послалъ: и того убили, и многихъ другихъ то били, то убивали. Имѣя же еще одного сына, любезнаго ему, напослѣдокъ послалъ и его къ нимъ, говоря: постыдятся сына моего. Но виноградари сказали другъ другу: это наслѣдникъ; пойдемъ убьемъ его и наслѣдство будетъ наше. И, схвативши его, убили и выбросили вонъ изъ виноградника. Что же сдѣлаетъ хозяинъ виноградника? Придетъ и предастъ смерти виноградарей, и отдастъ виноградникъ другимъ“.

Такъ говорилъ Господь Іисусъ Христосъ о долготерпѣніи Божіемъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ святые евангелисты Маркъ, Матѳей и Лука.

Долго терпитъ Господь! Долго ждетъ Онъ, чтобы грѣшники сами покаялись. Сколько было побито и убито посланныхъ, прежде чѣмъ кара постигла злодѣевъ! Но въ концѣ концовъ она все-таки постигла ихъ, ибо и долготерпѣніе Господне имѣетъ свои предѣлы, и когда оно истощится, то горе злодѣямъ!

Долго терпитъ и Царь Православный, желая въ кроткомъ сердцѣ Своемъ видѣть пробужденіе добрыхъ чувствъ въ тѣхъ злодѣяхъ, которые прокрались въ среду Его вѣрныхъ подданныхъ, соблазняя ихъ на мятежъ противъ Царя и устраняя ихъ избіеніемъ вѣрныхъ слугъ его?

Но неужели это долготерпѣніе еще не истощилось даже и тогда, когда злодѣи дошли до такого остервенѣнія, что подняли преступную руку на столь близкаго и родного Государю человѣка и звѣрскимъ образомъ пресѣкли жизнь его?

Неужели, по словамъ Апокалипсиса, на вопли убіенныхъ о судѣ и мщеніи за кровь ихъ, у насъ вновь послѣдуетъ апокалипсическій отвѣтъ, чтобъ „они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники ихъ и

братья ихъ, которые будутъ убиты, какъ и они, дополнятъ число"? (Апокал., гл. 6, 10, 11).

Позволительно ли земному Царю, ревнуя по Боякескомъ долготерпѣніи, стремиться къ тому, чтобы превзойти долготерпѣніе Божественное?

Богъ сторицею вознаградитъ убіенныхъ. А чѣмъ можетъ вознаградить ихъ земной Судія и Владыка? Чѣмъ можетъ Онъ оправдать коспѣніе меча для покаранія злыхъ, врученнаго Ему при мѵропомазаніи?

Мы всѣ молимъ Бога, чтобъ Онъ хранилъ Царя, дабы Царь здравствовалъ „на страхъ врагамъ", и въ этихъ словахъ лежитъ глубокій смыслъ.

Россія имѣетъ и внѣ своихъ предѣловъ, и у себя дома, несчетное число враговъ, явныхъ и тайныхъ, сильныхъ и коварныхъ, но съ одинаковой злобой стремящихся къ ея гибели,—и они давно погубили бы Россію, если бы ея не оборонялъ Своею крѣпкою и грозною мощью Богомъ поставленный Вождь ея.

Пока они Его страшатся—Россія спокойна, но если исчезнетъ этотъ страхъ, то Россія погибла.

III.

Жрецы и Тартюфы науки.

Въ нашихъ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ ясно обнаружились въ настоящее время три совершенно различные типа професоровъ:

1) серіозные люди науки;

2) безсовѣстные научные шарлатаны;

3) жалкіе трусы и лицемѣры, не принадлежащіе ни къ той, ни къ другой категоріи, но желающіе принадлежать за-разъ къ обѣимъ.

Серіозные профессора ставятъ науку выше всего, и въ этомъ они совершенно сходятся со всѣми истинными учеными всѣхъ странъ и всѣхъ временъ. Они понимаютъ великое значеніе науки въ человѣчествѣ вообще и въ настоящее время въ особенности, а потому преданы ей всѣми фибрами своей души и своего ума, желая всѣми силами служить ея успѣху и широкому ея распространенію, посвящая въ ея тайны даровитую учащуюся молодежь путемъ непрестанныхъ усердныхъ, строго-научныхъ занятій. Не ища дешевой популярности и дорожа выше всего серіозными научными интересами, эти ученые дорожатъ и научными успѣхами своихъ учениковъ. Они знаютъ цѣну времени; они скорбятъ о каждомъ, потерянномъ для науки, днѣ, не говоря уже о тѣхъ недѣляхъ и мѣсяцахъ антинаучной праздности, охватившей наши университеты и причиняющей неисчислимый вредъ культурному развитію Государства. Для этихъ ученыхъ наука не есть праздное слово: она для нихъ святыня, и лишь *такіе ученые* могутъ называться истинными жрецами науки, лишь ими слѣдуетъ дорожить, какъ руководителями учащейся молодежи.

Всѣ остальные профессора, примкнувшіе къ антинаучной „забастовкѣ", однимъ уже этимъ дѣйствіемъ доказали, какого сорта ихъ ученость. Они плюнули на науку, скинули маску и открыто показали себя развратителями

нашего юношества, каковыми они всегда и были. Ибо и въ то время, когда эти Тартюфы науки, подъ личиной „ученаго професора“, читали свои лекціи, они не о наукѣ думали, а исключительно о революціонномъ развращеніи своихъ слушателей. Они охарактеризованы въ знаменательномъ прошеніи студента Џкуровича къ ректору одного изъ университетовъ, напечатанномъ въ газетѣ *День* (№ 39). Вотъ содержаніе этого прошенія:

„Поступая въ Русскій Университетъ, я надѣялся встрѣтить тамъ истинно-Русскихъ людей, убѣжденныхъ и преданныхъ наукѣ профессоровъ, не потерявшихъ національнаго сознанія и чувства: надѣялся тамъ встрѣтить умственно и нравственно состоятельную русскую молодежь, вооружающуюся необходимымъ для жизни запасомъ знаній, для того, чтобы успѣшно могла работать на пользу своего Отечества. Но, вмѣсто истинно-Русскихъ профессоровъ, я встрѣтилъ ненавистниковъ Русскаго народа и политическихъ хулигановъ; встрѣтилъ безнравственную и умственно-сокращенную молодежь, воспитанную политическими агитаторами въ духѣ ненависти къ устоямъ Русскаго народа и славянской культуры. Подстрекатели этой молодежи, вдобавокъ подбиваемой и профессорами, получаютъ большія суммы пособій черезъ Евреевъ, устраивающихъ смуты и безпорядки, дабы уничтожить коренныя основы русской мощи. Агитирующіе профессора, студенты, Евреи и то общество, которое считаетъ себя „русскою интеллигенціей“,—вотъ причины мобилизаціи толпы рабочихъ, которую политическіе разрушители подъ знаменіемъ Креста влекутъ на пути разрушенія.

„*Считая для себя позоромъ находиться среди такихъ политическихъ разрушителей, возмущающихъ мое славянское сердце*, покорнѣйше прошу ваше превосходительство вычеркнуть меня изъ списка студентовъ“.

Противъ этихъ лженаучныхъ шарлатановъ до сихъ поръ *тщетно* борются въ университетѣ серіозные люди науки, принадлежащіе къ вышеупомянутой первой категоріи профессоровъ, такъ какъ,—находясь въ меньшинствѣ, не встрѣчая ни малѣйшей поддержки со стороны Правительства и имѣя противъ себя развращенное шарлатанами большинство студентовъ,—они обречены на безсиліе и бездѣйствіе.

Къ третьей категоріи принадлежатъ тѣ лицемѣры, которые увѣряютъ, что они „готовы читать лекціи“, но вмѣстѣ съ тѣмъ подстрекаютъ студентовъ къ забастовкамъ, а затѣмъ притворно жалуются, что они „при всемъ желаніи“ не могутъ читать лекцій, потому что студенты либо совсѣмъ не будутъ ихъ слушать, либо будутъ устраивать имъ скандалы и „химическія“ обструкціи. Квалифицировать поведеніе этого сорта людей мы предоставляемъ нашимъ читателямъ. Во всякомъ случаѣ, они въ нравственномъ отношеніи стоятъ неизмѣримо ниже откровенныхъ цинниковъ второй категоріи, прямо присоединившихся къ крамолѣ, требующей низверженія Самодержавія.

Таковы три категоріи профессоровъ, съ которыми имѣетъ дѣло Правительство въ теперешнемъ безобразномъ и позорномъ для Россіи университетскомъ хаосѣ.

А потому Правительство должно твердо помнить, что профессоръ про-

фессору рознь, что есть профессора, искренно преданные наукѣ, которые одни только и должны идти въ счетъ, которые одни только и имѣютъ право на занятіе научныхъ каѳедръ и на научное образованіе юношества, которыхъ однихъ только Правительство и должно слушать; тогда какъ остальные профессора, явно или тайно примкнувшіе къ антинаучной „забастовкѣ“,—будутъ ли они дерзкими крамольниками или извивающимися лицемѣрами,—въ университетахъ терпимы быть не могутъ, какъ люди ничего общаго съ истинною наукой не имѣющіе, а сознательно развращающіе русскую молодежь и наносящіе тягчайшій вредъ научному просвѣщенію Россіи.

IV.

Опасная пропаганда.

Крамольники усиленно распускаютъ по Москвѣ слухи, будто убійца Великаго Князя бѣжалъ, при чемъ разказываются даже романическія подробности его бѣгства.

Слухи эти---совершеннѣйшій вздоръ. Извергъ до сихъ поръ находится подъ крѣпкою охраной. Но съ какою же цѣлью распускаются эти слухи?

Цѣль очень ясна: нужно пріучить общество снисходительнѣе относиться къ „политическимъ“ преступленіямъ, а на гнусныхъ политическихъ убійцъ смотрѣть, какъ на „героевъ“, которымъ не грозитъ висѣлица, а предстоитъ красивая роль въ обществѣ и на судѣ, сравнительная безнаказанность или романическое бѣгство.

Привлеченіе „общественныхъ“ симпатій къ этимъ нравственнымъ уродамъ необходимо крамолѣ еще и въ другомъ отношеніи, а именно для болѣе легкой вербовки лицъ, посылаемыхъ на эти возмутительныя преступленія.

Въ прежнее время на „политическія“ убійства шли только лица, не дорожившія, по той или другой причинѣ, своею жизнію и шедшіе на вѣрную смерть. Такихъ лицъ, очевидно, найти было очень трудно. Nous avons changé tout ça Теперь, когда кровавому, подлому дѣлу въ перспективѣ не столько грозитъ позорная смерть, сколько улыбается судебное и общественное „геройство“ и значительная вѣроятность удачнаго бѣгства—теперь охотниковъ на адскія злодѣйства находится, несомнѣнно, гораздо больше.

Наша „либеральная пресса“ со своей стороны дѣлаетъ тоже все отъ нея зависящее для популяризаціи „политическихъ“ звѣрскихъ убійствъ.

Вотъ образчикъ такой популяризаціи, на который мы натолкнулись въ одной изъ петербургскихъ газетъ, даже не ультра-радикальной окраски.

Разсказавъ о томъ, какъ Герценъ, — будучи несомнѣнно, по мнѣнію газеты, „благороднымъ человѣкомъ, не способнымъ на какую-нибудь низость или даже на самую малую неделикатность“, — велѣлъ подать шампанское, когда получилъ извѣстіе о кончинѣ Императора Николая Павловича, и пилъ со своими друзьями, празднуя „великій праздникъ радости“*),—авторъ статьи продолжаетъ:

*) Статья эта напечатана въ газетѣ *Слово*, въ № 71 отъ 18 февраля, въ пятидесятилѣтнюю годовщину кончины Императора Николая I.

„Когда получено было извѣстіе объ убійствѣ Сипягина, я былъ въ гостяхъ у почтеннаго старца, князя... Дослушавъ разсказъ вѣстника, онъ истово перекрестился:

„— Слава Тебѣ, Боже!

„А потомъ, спохватившись:

„— Да, можетъ-быть, только подстрѣлили? Еще, пожалуй, оправится?

„— Нѣтъ, нѣтъ, хорошо убили!

„Старецъ еще разъ перекрестился.

„— Куда-бъ онъ завелъ насъ! Господь все-таки не оставляетъ Россію!

„Слышите ли: я честнымъ словомъ завѣряю, что это правда, и повѣрьте мнѣ, что въ гостяхъ я былъ не у террориста, а у благопамѣреннѣйшаго человѣка и пламеннаго патріота“...

Такая откровенная пропаганда политическихъ убійствъ несомнѣнно еще болѣе увеличитъ кадръ сбитыхъ съ толку людей, которые пожелаютъ кровавымъ злодѣйствомъ вызвать восторги „благонамѣреннѣйшихъ людей и пламенныхъ патріотовъ!“ Вѣдь эти „патріоты“ даже дважды „истово перекрестятся“ и будутъ славить Господа Бога, узнавъ, что дерзко-брошенная бомба въ клочки изорвала или мѣткій ударъ отравленнаго кинжала наповалъ убилъ вѣрнаго слугу Царскаго! Даже Самъ Господь Богъ кощунственно призывается для благословенія такихъ адскихъ злодѣяній!

Неужели вы думаете, что это циническое и, какъ теперь принято у насъ, совершенно безнаказанное прославленіе звѣрскихъ злодѣйствъ не дѣйствуетъ самымъ развращающимъ образомъ на наше общество и въ особенности на нашу неопытную, пылкую молодежь, въ сознаніи которой и безъ того, подъ вліяніемъ молодыхъ, перепутавшихся доктринъ толстовства и ницшеанства, границы между добромъ и зломъ почти уже исчезли? Какъ тутъ не расти смутѣ на улицѣ, въ школѣ, обществѣ и печати, если эта смута прежде всего находится въ головѣ современныхъ дѣятелей, у которыхъ всѣ понятія расшатались до такой степени, что они не могутъ высказать ни одной ясной, опредѣленной мысли, не прибавивъ къ ней тутъ же очевиднаго противорѣчія? А между тѣмъ крамола мыслитъ и дѣйствуетъ очень ясно и опредѣленно, соблюдая строгую послѣдовательность въ своей разрушительной, какъ „легальной“, такъ и подпольной, дѣятельности.

И смотрите, какихъ она въ короткое время достигла успѣховъ! Вся Россія ею взбаламучена, и никто не отваживается рѣшительно противостать ей! А теперь она достигла даже безнаказанности въ пропагандѣ политическихъ убійствъ! Ей дѣлаютъ уступку за уступкой, а она становится все болѣе требовательною, все болѣе наглою.

И наступитъ время, когда всѣ безъ исключенія ясно поймутъ ту азбучную истину, что крамолу ничѣмъ нельзя побороть, кромѣ сильной, диктаторской власти.

Когда въ 1863 году М. Н. Муравьевъ явился въ Вильну, то положеніе, созданное крамолой въ Литвѣ, было несравненно хуже, опаснѣе и безнадежнѣе, нежели то положеніе, въ которое крамола пока привела Россію. И Муравьевъ въ короткое время возстановилъ порядокъ не только

на Литвѣ, но косвеннымъ образомъ и въ сосѣдней Польшѣ, открывъ для обѣихъ этихъ окраинъ Россіи долгій періодъ мирнаго развитія и преуспѣянія.

Да, но вѣдь диктатура Муравьева потребовала жертвъ? Конечно, хотя ихъ было гораздо меньше, нежели обыкновенно думаютъ. А затѣмъ, развѣ вы полагаете, что то революціонное состояніе, въ которое крамола привела Россію, не потребуетъ тоже жертвъ, даже противъ нашего желанія? Увы, онѣ уже были и еще будутъ.

Вся разница въ томъ, что если теперь же немедленно начнется энергичное повсемѣстное „искорененіе крамолы", котораго требуетъ Высочайшій Манифестъ 18 февраля, то жертвъ будетъ во сто разъ меньше, чѣмъ если это искорененіе начнется черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда оно уже станетъ до-зарѣзу необходимымъ...

V.

Либеральная „свобода слова и печати".

Въ петербургской газетѣ *Слово* (№ 76) напечатано слѣдующее изумительное телефонное извѣстіе изъ Москвы:

„Въ Думской Коммиссіи по выработкѣ мѣропріятій для предотвращенія возможности безпорядковъ въ Москвѣ, сегодня (22 февраля) доложено о томъ крайнемъ вредѣ, который приносятъ публичныя чтенія, устраиваемыя въ Епархіальномъ домѣ. Чтенія эти разжигаютъ низменные инстинкты, возбуждаютъ рознь и вселяютъ ненависть въ низшіе классы московскаго населенія противъ интеллигенціи. Такъ какъ, послѣ всесторонняго разсмотрѣнія вопроса, вредъ, приносимый этими чтеніями, вполнѣ подтвердился (?), то Комиссія постановила: возбудить черезъ городского голову ходатайство передъ подлежащимъ начальствомъ о прекращеніи публичныхъ чтеній въ Епархіальномъ домѣ".

Само собою разумѣется, что чтенія въ Московскомъ Епархіальномъ домѣ, устраиваемыя духовенствомъ, отличаются строго-христіанскимъ духомъ, благоразумною сдержанностью и истинною любовію къ народу. Великая, приносимая ими, польза признается всѣмъ населеніемъ Москвы, такъ какъ они, напоминая народу объ его христіанскомъ долгѣ и объ его долгѣ предъ Царемъ и Отечествомъ, предохраняютъ его отъ увлеченія революціонными доктринами, которыми его старается опутать крамола.

Но то, что̀ народу и Государству полезно, то, очевидно, крамолѣ вредно. Вотъ почему она и встревожилась этими духовными чтеніями, вотъ почему она рѣшила принять мѣры къ ихъ прекращенію.

Духовные ораторы въ Епархіальномъ домѣ, а также и консервативныя газеты предостерегаютъ населеніе противъ крамолы, а не противъ интеллигенціи: если сама интеллигенція отождествляетъ себя съ крамолой, то это ея дѣло, пусть она и несетъ всѣ послѣдствія такого самообвиненія.

Она теперь говоритъ о „разжиганіи низменныхъ инстинктовъ" о „возбужденіи розни и ненависти".

Но кто же возбудилъ эту рознь и ненависть, какъ не сама же кра-

мола своими революціонными „демонстраціями“ и „забастовками“? Часть общества примкнула къ ней, другая осталась вѣрна Царю и противъ крамолы возмутилась. Вотъ вамъ и рознь, вотъ вамъ и ненависть. Это явленія, сопровождающія всякую революцію, всякое междоусобіе, а тѣмъ болѣе имъ естественно было возникнуть въ Россіи, гдѣ весь многомилліонный Русскій народъ и громадная часть русскаго общества считаютъ своимъ долгомъ стоять на стражѣ Самодержавія, отражая направленный противъ него натискъ революціонной крамолы, тѣмъ болѣе, что Самъ Государь призываетъ Свой вѣрный народъ „содѣйствовать Ему словомъ и дѣломъ въ искорененіи крамолы“.

Или, можетъ-быть, крамола ожидала, что, когда она будетъ устраивать уличныя демонстраціи съ разными анархическими знаменами и криками „долой Самодержавіе“, то вся полиція обязана будетъ почтительно взять подъ козырекъ передъ толпой наглыхъ бунтарей, а населеніе будетъ безмолвно или даже съ радостію взирать на эту революціонную оргію? Неужели крамольники такъ мало знаютъ Русскій народъ, что могли надѣяться на то, что онъ враговъ своего Царя сочтетъ своими друзьями? Неужели они не предвидѣли, что онъ встрѣтитъ внутреннихъ враговъ Россіи съ такимъ же мужественнымъ противодѣйствіемъ, съ какимъ онъ встрѣчаетъ внѣшнихъ ея враговъ? Если крамольники всего этого не предвидѣли и не знали, они должны пенять на самихъ себя, если они внесли рознь и ненависть въ населеніе Россіи.

Если кто подстрекаетъ народъ противъ имущихъ классовъ, то это опять-таки не кто иной, какъ тѣ же крамольники-соціалисты, которые своими прокламаціями заставили вспыхнуть цѣлый рядъ „аграрныхъ“ неистовствъ въ Орловской, Полтавской, Черниговской и другихъ губерніяхъ. Или они, можетъ-быть, будутъ завѣрять, что соціалистическія прокламаціи не возбуждаютъ одну часть населенія противъ другой? Кто организовалъ вооруженныя шайки, разгромившія на дняхъ въ Глуховскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, громадный сахарный заводъ Терещенко и помѣщичьи владѣнія Шауфусъ, гр. Мейендорфа и другія? Консервативныя и духовныя статьи и рѣчи,—или гнусная, подпольная пропаганда крамольниковъ?

Наши „либералы“ требуютъ „свободы слова и печати“ исключительно только для того, чтобы имъ однимъ была доставлена привилегія писать, говорить и кричать противъ Царскаго Самодержавія. Но если кто осмѣлится устно или печатно высказаться противъ крамольниковъ, то они забываютъ всѣ свои фразы о свободѣ слова и печати и тащатъ своихъ противниковъ въ полицейскій участокъ.

Такъ *Русское Слово* (№ 51) сообщаетъ, что мнѣніе Думской Коммиссіи, осудившей распространеніе въ народѣ направленныхъ противъ крамолы листковъ, было сообщено,—очевидно черезъ городского голову, — Московскому градоначальнику!

Легко себѣ представить, какъ будутъ понимать „свободу печати“ теперешніе „либералы“, когда они захватятъ въ свои руки Правительственную власть! Это будетъ точь-въ-точь такой же деспотическій терроръ, какой устроили въ концѣ XVIII вѣка во Франціи якобинцы, тоже вѣдь кри-

чающіе о всякихъ „свободахъ“ вообще, а о „свободѣ слова и печати“ въ особенности.

Всѣ эти лицемѣры требуютъ свободы только для себя, а не для другихъ а потому и всѣ ихъ громогласныя статьи и рѣчи о „свободѣ слова и печати“ гроша мѣднаго не стоятъ.

Ни одинъ духовный ораторъ, ни одна консервативная газета не направливали народа на интеллигенцію вообще: они предостерегали и будутъ предостерегать народъ только противъ той части интеллигенціи, которая распространяетъ революціонныя прокламаціи, устраиваетъ антиправительственныя демонстраціи, принимаетъ резолюціи, направленныя противъ Царскаго Самодержавія, натравливаетъ крестьянъ и рабочихъ на имущіе классы и провозглашаетъ тосты за гнусныхъ убійцъ вѣрныхъ Царскихъ слугъ.

Если это господамъ „либераламъ“ не нравится, то они этимъ только показываютъ, что стоятъ не на сторонѣ Царя и Его народа, а на сторонѣ Его враговъ.

VI.

Кое-что о бюрократіи.

На страницахъ нашихъ „легальныхъ“ революціонныхъ газетъ и журналовъ вы теперь на каждомъ шагу встрѣтите слово „бюрократія“.

Слову этому придается значеніе какого-то ужаснаго, безусловнаго зла: „бюрократія“ давитъ Россію невыносимымъ рабскимъ гнетомъ; „бюрократія“ отдѣляетъ Царя отъ народа высокою, непроницаемою стѣной; „бюрократія“ препятствуетъ либеральному прогрессу Россіи: „бюрократія“ вызвала всѣ неудачи наши на Дальнемъ Востокѣ: Рескриптъ 18 февраля низвергнулъ „бюрократію“ и замѣнилъ ее народнымъ преставительствомъ, а потому теперь Россія будетъ блаженствовать: если Россія не избавится отъ „бюрократіи“, то Русскій народъ погибнетъ и т. д. и т. д.

При этомъ нужно замѣтить, что революціонная печать не дѣлаетъ никакого различія между бюрократіей и Самодержавіемъ, считая оба эти понятія чуть не синонимами и во всякомъ случаѣ столь тѣсно между собою связанными, что низверженіе бюрократіи должно неминуемо влечь за собою низверженіе и Самодержавія.

Монархическія газеты точно такъ же видятъ всѣ недостатки нашей бюрократіи, то-есть нашей чиновничьей администраціи, и ими не менѣе возмущаются, чѣмъ революціонная партія. Но мы, монархисты, требуемъ, чтобы *дурная* бюрократія была замѣнена бюрократіей хорошею, чтобы *дурные* чиновники были изгнаны, и на ихъ мѣсто были назначены *хорошіе*, при сохраненіи принципа Самодержавія: наши же революціонеры требуютъ замѣны бюрократіи—демократіей, что, очевидно, безъ уничтоженія Самодержавія невозможно.

Въ чемъ заключаются главные недостатки, въ которыхъ упрекаютъ русскую бюрократію? Въ ея лѣни, формализмѣ, самодовольствѣ, подкупности, равнодушіи къ интересамъ Государства, въ небрежномъ отношеніи къ своему служебному долгу.

Вы видите, мы нарочно сгущаемъ краски, чтобы насъ не обвиняли въ восхваленіи нашей бюрократіи; но мы вмѣстѣ съ тѣмъ настаиваемъ на томъ, что всѣ перечисленные недостатки русской бюрократіи вовсе не обусловливаются Самодержавнымъ образомъ правленія.

Да, наша бюрократія „лѣнива", но когда у насъ во главѣ вѣдомства является энергичный, дѣятельный министръ, вся подчиненная ему часть бюрократіи работаетъ не лѣниво, а съ лихорадочною быстротой: а если, хотя бы во Франціи, министромъ является лѣнтяй и бездѣльникъ, какъ, напримѣръ, г. Пельтанъ, то и всѣ подчиненные ему республиканскіе чиновники оказываются столь же лѣнивыми, какъ и самые лѣнивые русскіе бюрократы. Да и австрійскіе бюрократы особеннымъ прилежаніемъ не отличаются, какъ о томъ свидѣтельствуетъ вѣнскій популярный стишокъ:

Der Bureaukrat kennt seine Pflicht:
Von zehn bis zwei mehr thut er nicht*).

Что касается „формализма", то имъ французскіе, прусскіе и австрійскіе бюрократы прославились гораздо больше, чѣмъ русскіе, да и въ величавомъ самодовольствѣ русскій бюрократъ никогда не достигнетъ той степени важной напыщенности, какою отличаются, напримѣръ, прусскіе бюрократы и представители французской „*administration*", надъ которыми такъ потѣшаются французскіе сатирики. Слѣдовательно, и тутъ Самодержавіе ни при чемъ.

Даже „подкупность" не составляетъ привилегіи русской бюрократіи, такъ какъ ее въ этомъ отношеніи далеко превзошла не только своею дерзостью, но и своею безнаказанностью бюрократія сѣверо-американская, давно побившая рекордъ взяточничества и воровства казенныхъ денегъ. И мы не видимъ причины, почему въ Самодержавной Россіи министръ, будучи самъ честнымъ и неподкупнымъ, не могъ бы очистить свое вѣдомство отъ всѣхъ негодяевъ-взяточниковъ, замѣнивъ ихъ столь же честными и неподкупными людьми, какъ и онъ самъ, если этого отъ него потребуетъ Государь, отъ Котораго участь министра гораздо болѣе зависитъ, чѣмъ судьба американскаго министра отъ президента американской республики.

Гораздо опаснѣе тотъ недостатокъ русской бюрократіи, который мы обозначили словами „равнодушіе къ интересамъ Государства" и „небрежное исполненіе своего служебнаго долга". Это дѣйствительно позорная спеціальность русской бюрократіи.

Нигдѣ, ни въ одномъ государствѣ, ни въ свободной Франціи, ни въ деспотической Турціи, вы не встрѣтите чиновниковъ, открыто и безнаказанно глумящихся надъ своимъ начальствомъ, ругающихъ свое правительство и идущихъ рука объ руку съ его врагами. Лишь въ одной Россіи вы встрѣтите громадную, чуть ли не большую часть правительственныхъ чиновниковъ которыхъ иначе, какъ предателями, назвать нельзя. Къ нимъ принадлежатъ не только тьмы „либеральствующихъ" мелкихъ и среднихъ „рыцарей 20-го числа", но и тѣ петербургскіе сановные революціонеры, которыхъ князь

*) Бюрократъ знаетъ свою обязанность: съ десяти часовъ до двухъ: больше онъ не работаетъ.

Мещерскій такъ мѣтко заклеймилъ подъ общимъ титуломъ „либеральныхъ тайныхъ совѣтниковъ“, изъ которыхъ двухъ онъ на-дняхъ прямо назвалъ подлецами за публичное ихъ глумленіе надъ Самодержавіемъ.

Такіе явные измѣнники не мыслимы ни въ какомъ государствѣ, кромѣ Россіи. Попробовалъ бы во Франціи какой-нибудь правительственный чиновникъ публично издѣваться надъ своимъ правительствомъ. Правительство немедленно выбросило бы провинившагося чиновника на улицу. А въ Россіи такіе чиновники преспокойно оставляются на своемъ мѣстѣ, либо въ крайнемъ случаѣ увольняются съ разными наградами и пенсіями, или же переводятся въ высшія коллегіальныя учрежденія, гдѣ продолжаютъ дѣйствовать въ томъ же антиправительственномъ направленіи.

Мы выше говорили о томъ, что нашу бюрократію обвиняютъ въ созданіи „высокой непроницаемой стѣны вокругъ Царя, отдѣляющей его отъ народа“. Эта нелѣпая фикція изобрѣтена и особенно культивируется нашими „либералами“, чтобы представить Государя какимъ-то жалкимъ узникомъ, ничего ровно не знающимъ, что происходитъ въ Его Государствѣ.

Мы не станемъ здѣсь разбирать всю вздорность этой фикціи. Всѣмъ извѣстно, сколько различныхъ путей открыто Государю для общенія со Своимъ народомъ, и какъ широко Государь пользуется этими путями; но если даже и представить себѣ Самодержавіе въ видѣ крѣпкой твердыни, въ которую пробрались теперь революціонеры, то кто же измѣнническимъ открылъ имъ ворота въ эту крѣпость, какъ не тѣ же „либеральные“ сановные бюрократы?

Развѣ гг. Шиповы, Петрункевичи и К° были бы въ силахъ создать то хаотическое революціонное броженіе, отъ котораго нынѣ такъ страдаетъ Россія, если бы сочувствовавшая имъ бюрократія не дала имъ полную возможность и всѣ необходимыя средства для успѣшнаго исполненія ихъ преступной затѣи?

Да, въ этомъ отношеніи „либеральная“ часть нашей бюрократіи кругомъ виновата. Но кто же можетъ избавить ее отъ этого недостатка, какъ не Самодержавіе, примѣнивъ къ нимъ столь же строгія, какъ и разумныя, мѣры энергической репрессіи?

Разъ представители Правительственной администраціи перешли въ лагерь враговъ Россіи, они должны не только потерпѣть ту же участь, какъ и эти враги, но еще подвергнуться усугубленной карѣ за свою измѣну. И чѣмъ выше они стоятъ на іерархической лѣстницѣ, тѣмъ тяжелѣе должна быть эта кара, которая лишила бы ихъ возможности вторично вернуться на государственную службу: ибо измѣнникъ всегда останется измѣнникомъ.

Что же касается нашей революціонной партіи, то мы не понимаемъ, за что она такъ нападаетъ на русскую бюрократію, которой она всецѣло обязана своими доселѣ одержанными побѣдами.

Впрочемъ, и то правда, что измѣнниковъ презираютъ даже тѣ, кому они своею измѣной старались подслужиться.

VII.

Еще о бюрократіи.

Мы въ прошлый разъ перечислили всѣ тяжкіе грѣхи нашей бюрократіи за которые ее, по справедливости, корятъ и наши революціонеры, и наши монархисты (№ 64).

Разница только въ томъ, что *революціонеры*, отождествляя дурную бюрократію съ Самодержавіемъ, требуютъ низверженія Самодержавной Власти и замѣны ея конституціонною или республиканскою демократіей, при которой, будто бы, не только *дурной*, но и вообще *никакой* (?) бюрократіи не будетъ,—тогда какъ мы, *монархисты*, утверждаемъ, что какъ дурная, такъ и хорошая бюрократія можетъ существовать при всякомъ образѣ правленія (какъ мы это доказали въ прошлый разъ на примѣрѣ Франціи, Америки, Пруссіи, Австріи и т. д.), и что, слѣдовательно, при каждой формѣ правленія, въ томъ числѣ и при Самодержавіи, *дурная* бюрократія всегда можетъ превратиться въ *безупречную*, если только того захочетъ Верховная Власть и если Ея Волю исполнитъ Правительство по долгу и совѣсти.

Но есть еще одинъ грѣхъ нашей бюрократіи, на который указываемъ одни только мы, монархисты, тогда какъ революціонеры ему вполнѣ сочувствуютъ.

Грѣхъ этотъ—легкомысленный, поверхностный *космополитизмъ*.

Этимъ грѣхомъ страдаетъ въ особенности наша высшая бюрократія со своимъ традиціоннымъ равнодушіемъ къ національному достоинству и національнымъ интересамъ Россійской Имперіи, и со своимъ подобострастіемъ предъ иностранными державами и инородческимъ населеніемъ Россіи.

Да, дѣйствительно, значительная, и притомъ руководящая, часть нашей бюрократіи стыдится быть русскою, болѣзненно морщится при словѣ „патріотизмъ“ и гораздо болѣе дорожитъ добрымъ мнѣніемъ враждебной намъ Европы, чѣмъ сочувствіемъ Русскаго народа.

И вотъ являются среди насъ, монархистовъ, наивные люди, которые говорятъ:

— Необходимо парализовать космополитизмъ нашей бюрократіи національнымъ нашей интеллигенціи. Если въ Петербургѣ будутъ засѣдать и вершить государственныя дѣла, посредствомъ своего совѣщательнаго голоса, представители нашей интеллигенціи, то они будутъ содѣйствовать націонализаціи нашей бюрократіи.

Несообразность такого предположенія сама бросается въ глаза, и, тѣмъ не менѣе, приходится еще *доказывать* ее! Видно, такое уже настало сумасбродное время, что даже благоразумные люди путаются въ азбукѣ и въ таблицѣ умноженія.

Если большинство нашей бюрократіи *страдаетъ* космополитизмомъ, то большинство нашей интеллигенціи *заражено имъ съ головы до ногъ*.

Если наша бюрократія относится *равнодушно* къ достоинству, силѣ и единству Россіи, то интеллигенція относится къ нимъ съ *открытою враждой*.

Если бюрократія *признаетъ*, напримѣръ, необходимость существованія Православной Церкви лишь съ точки зрѣнія чиновничьяго формализма, то интеллигенція *совсѣмъ не признаетъ Церкви и открыто ее ругаетъ*.

Если бюрократія *подобострастно* преклоняется предъ Европой, то интеллигенція преклоняется предъ нею, *рабольпно презирая все то, что только есть самобытнаго въ Россіи и въ Русскомъ народѣ*.

А потому, если русская интеллигенція будетъ призвана вліять на русскую бюрократію, то она не только не будетъ содѣйствовать ея національзаціи, а, напротивъ того, превратитъ бюрократію въ свою союзницу для открытаго, дружнаго похода противъ національной русской идеи.

Дѣло въ томъ, что, по своему характеру и воспитанію, русская бюрократія и русская интеллигенція ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются.

Когда мы говоримъ о позорномъ космополитизмѣ нашей бюрократіи и нашей интеллигенціи, мы говоримъ, въ сущности, о коренномъ нашемъ русскомъ недостаткѣ, такъ ярко проявившемся со времени Петра.

Возьмите, напримѣръ, японцевъ: они усвоили себѣ нѣкоторыя черты европейской цивилизаціи, но никто изъ нихъ своего національнаго чувства не утратилъ, никто изъ нихъ предъ Европой въ прахъ не простерся.

А мы, Русскіе, только и думаемъ о томъ, какъ бы сдѣлаться „настоящими“ Европейцами, какъ бы заплевать и стряхнуть съ себя всѣ наши національныя и культурныя особенности. Лишь *исключительно* сильные и талантливые люди возстали среди насъ въ XIX вѣкѣ противъ этого позорнаго самооскопленія и самооплеванія. Такими людьми были у насъ Пушкинъ, Хомяковъ, Кирѣевскій, Аксаковы, Филаретъ, Катковъ, Константинъ Леонтьевъ и ихъ послѣдователи.

Вся остальная масса русскаго образованнаго общества, русской „интеллигенціи“, отъ нихъ всегда отворачивалась, отталкивая отъ себя всю самобытную Россію со всѣмъ ея кореннымъ Русскимъ, православнымъ народомъ, предательски бросаясь на колѣни предъ „Европой“ и добиваясь отъ нея похвалы за подлую измѣну Россіи.

Этому несчастному природному недостатку нашего общества могла бы противодѣйствовать серіозная, строго-національная школа, которая воспитывала бы въ своихъ стѣнахъ истинно-Русскихъ людей, преданныхъ своему народу, Православной вѣрѣ и Самодержавному Царю. Но увы, *воспитывающей* школы у насъ и прежде не было, когда была хорошая обучающая школа. Теперь же у насъ, къ истинному позору передъ всѣмъ свѣтомъ, нѣтъ ровно никакой школы, такъ что о какомъ-либо намекѣ на національное воспитаніе у насъ и рѣчи быть не можетъ *).

*) Во избѣжаніе недоразумѣнія, считаемъ долгомъ напомнить, что *національное* значеніе школы лежитъ не въ ея *программѣ*, а въ національномъ убѣжденіи ея преподавателей и воспитателей. Лучшая въ мірѣ научная школа, классическая, воспитываетъ и въ Англіи, и въ Германіи, и во Франціи, *стойкихъ въ національномъ отношеніи* англичанъ, нѣмцевъ и французовъ, потому что педагогическій персоналъ въ этихъ государствахъ проникнутъ своею національною идеей (лишь во Франціи за послѣднее время онъ измѣнился къ худшему); у насъ же громадная масса педагоговъ либо совершенно равнодушна къ національной идеѣ, либо прямо ей враждебна.

Вотъ чѣмъ объясняется космополитизмъ какъ нашей интеллигенціи, не состоящей на государственной службѣ, такъ и въ той части ея, которая случайно или намѣренно поступила на эту службу и такимъ образомъ стала „бюрократіей“.

Если наша „интеллигенція“ теперь идетъ противъ „бюрократіи“, то это не потому, чтобъ интеллигенція хотѣла уничтожить бюрократію вслѣдствіе „непримиримости ихъ обоюдныхъ убѣжденій“, а просто потому, что „интеллигенція“ сама хочетъ занять мѣсто „бюрократіи“, чтобъ удобнѣе примоститься къ казенному пирогу и уплетать его съ еще большимъ размахомъ жадности и цинизма, нежели это теперь дѣлаетъ уже сидящая на бюрократическихъ мѣстахъ интеллигенція.

Вѣдь не для блага же Русскаго народа затѣяна вся эта сумасбродная революція, отъ которой такъ страдаетъ Русскій народъ, а лишь для того, чтобъ открыть дорогу гг. Шиповымъ, Щепкинымъ, Родичевымъ и прочимъ Петрункевичамъ, возмечтавшимъ во что бы то ни стало быть министрами и обѣщавшимъ своимъ присяжнымъ теплыя бюрократическія мѣста.

И вотъ, ради тщеславія и властолюбія этихъ господъ, у насъ бастуютъ студенты, профессора, рабочіе, бастуютъ даже министры... и гибнетъ Россія!

VIII.

Карточные домики.

Если-бъ я былъ карикатуристомъ, я нарисовалъ бы такую картинку:

Въ дѣтской, близъ большого закрытаго окна, сидятъ вокругъ большого стола на высокихъ дѣтскихъ стульчикахъ, въ дѣтскихъ костюмахъ, съ наивнымъ дѣтскимъ выраженіемъ на бородатыхъ лицахъ, представители нашего „центра“, то-есть той нашей полумонархической-полуреволюціонной партіи съ ея многочисленными фракціями, которая не имѣетъ мужества выступить ни за чистое Самодержавіе, ни за чистую демократію, а старается выдумать „что-нибудь среднее“, дабы угодить „и нашимъ, и вашимъ“.

И вотъ одинъ бородатый мальчуганъ съ пресеріознымъ личикомъ строитъ съ большою осторожностью карточный домикъ подъ названіемъ „Земскій Соборъ“: а другой дрожащими ручками сооружаетъ изъ карточныхъ листиковъ цѣлый дворецъ со многими перегородками, подъ названіемъ „Сословная Государственная Дума“: третій умудряется изъ пяти картъ сдѣлать скромный шалашикъ, примащивая его къ стоящему на столѣ большому ящику, подъ названіемъ „Государственный Совѣтъ“: четвертый устраиваетъ изъ трехъ картъ какую-то маленькую ячейку, именуя ее „мелкою приходскою единицей“: пятый пытается создать какое-то безформенное и безыменное „ни то, ни се“, въ которомъ будетъ сидѣть какое-то подпадзорное Самодержавіе: шестой держитъ въ рукахъ карточные листики, но еще самъ не знаетъ, какъ и во что ихъ сложить,—и каждый изъ нихъ твердо увѣренъ, что онъ дѣлаетъ „очень важное и прочное дѣло“, отъ котораго зависитъ спасеніе Россіи.

А между тѣмъ тамъ, за окномъ, бушуетъ страшная буря, то и дѣло потрясая плохо запертую раму, въ которую вотъ-вотъ ворвется бѣшеный

вѣтеръ со страшнымъ свистомъ, разнесетъ всю мирную дѣтскую и сразу смететъ со стола не только всѣ выстроенные на немъ карточные домики, но вмѣстѣ съ ними и самихъ благодушныхъ ихъ строителей.

Буря эта—демократическая революція, которая нынѣ безпрепятственно бушуетъ по всей Россіи, и которая не нынче—завтра готовится разрушить не только карточные домики нашей „центральной“ партіи, но и вѣковые устои Россіи.

А наивныя дѣтки даже и не подозрѣваютъ всего этого грядущаго ужаса и серіозно спорятъ между собой о преимуществахъ своихъ проектовъ и выхваляютъ другъ передъ другомъ незыблемую и спасительную прочность своихъ карточныхъ сооруженій!

Нѣтъ, шутки въ сторону. Я никакъ не могу понять, какъ могутъ серіозные люди, въ настоящее время крайняго революціоннаго броженія, глубокомысленно разсуждать, должепъ ли у насъ быть „земскій соборъ“, или должна быть „сословная дума“, „церковный приходъ“ или „полувыборный государственный совѣтъ“! Какъ можно заниматься черченіемъ на пескѣ такихъ Архимедовыхъ круговъ, когда врагъ уже ворвался въ городъ? Какъ можно тратить время на праздное обсужденіе эфемерныхъ государственныхъ формъ, когда у насъ нѣтъ главнаго условія для прочной защиты даже вѣковыхъ основъ отъ революціонной бури: когда у насъ нѣтъ твердой сильной Власти, которая могла бы однимъ рѣшительнымъ ударомъ положить предѣлъ бурной оргіи всеразрушительной, безпощадной революціи?

Въ Россіи въ настоящее время стоятъ другъ противъ друга двѣ элементарныя силы: Самодержавіе и Народовластіе. Борьба между ними уже началась, борьба на жизнь и смерть.

Побѣдителемъ окажется тотъ принципъ, у котораго сейчасъ налицо имѣется больше нравственной и физической силы. Въ концѣ концовъ Россія останется либо чисто Самодержавною, либо народовластною (все равно, будетъ ли монархія конституціонно порабощена народу или республикански совершенно устранена).

И въ этой гигантской борьбѣ, какой бы исходъ ей ни предстоялъ, будутъ безжалостно и безслѣдно сметены бурнымъ вихремъ всѣ жалкіе карточные домики тѣхъ наивныхъ фантазеровъ, которые такъ дѣтски-серіозно теперь надъ ними трудятся, не понимая всей безполезности своего недолговѣчнаго труда.

Бросьте, господа, эти недостойныя вашего возраста занятія!

Наступившую уже революцію вы не задержите хитро-придуманнымъ, искусственно-благонамѣреннымъ выборнымъ учрежденіемъ съ сословными дѣленіями, когда разнузданная революціонная пропаганда со всѣхъ сторонъ уже требуетъ широчайшихъ демократическихъ выборовъ.

Вѣдь и въ школьномъ вопросѣ та же революціонная пропаганда открыто заявляетъ въ своемъ органѣ *Право* (№ 10), что теперь даже самый либеральный университетскій уставъ ея уже нисколько не удовлетворитъ, и что забастовки попрежнему будутъ продолжаться вплоть до низверженія Царскаго Самодержавія, „такъ какъ теперешнее время требуетъ не академической, а совершенно иной реформы—политической“.

Итакъ, въ государственномъ и школьномъ вопросѣ всѣ, даже самыя радикальныя, уступки и реформы не удовлетворятъ революціи, пока передъ ней не сдастся на капитуляцію Самодержавіе.

А потому и Самодержавію теперь совершенно безполезно заниматься карточными домиками, когда у него должна быть одна только забота—твердымъ и мѣткимъ ударомъ сокрушить революцію, не щадя ни ея главы, ни всѣхъ ея второстепенныхъ организацій.

Тогда, *но лишь тогда*,—можно будетъ спокойно и цѣлесообразно заняться плодотворными реформами, въ которыхъ такъ нуждается Россія и которыя могутъ осуществиться лишь подъ благодатною сѣнью Самодержавной Власти.

IX.

Таинственные незнакомцы.

Въ Москву таинственно съѣхались два десятка губернскихъ предводителей дворянства, вели между собой таинственные переговоры, результатомъ которыхъ явилось особое „заявленіе“ этихъ господъ, сообщенное всѣмъ газетамъ, при чемъ, однако, эти дѣйствительно тайные предводители приняли всѣ мѣры, чтобъ имена ихъ покрыты были непроницаемою тайной.

Такимъ образомъ получилось то „заявленіе предводителей“, которое теперь гуляетъ по газетамъ и журналамъ, вызывая въ обществѣ совершенно-ложное впечатлѣніе, будто въ немъ слышится голосъ *всѣхъ* предводителей, и „даже всего Русскаго дворянства“!

Мы не хотимъ думать, чтобы такая анонимность этого документа преслѣдовала именно эту недобросовѣстную цѣль, стремясь выдать часть за цѣлое,—такъ какъ это было бы не только не честно, но и немыслимо для лицъ, имѣющихъ честь быть представителями русскаго благороднаго дворянства. Но мы, тѣмъ не менѣе, недоумѣваемъ, чѣмъ можно объяснить эту анонимность, дающую поводъ къ разнымъ невыгоднымъ для таинственныхъ предводителей толкамъ, которымъ необходимо какъ можно скорѣе положить предѣлъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же допустить, чтобы укоренилось мнѣніе, будто могутъ существовать предводители русскаго дворянства, которые не имѣютъ мужества открыто высказывать свои убѣжденія, которые боятся нести отвѣтственность за свои слова и черезчуръ благоразумно прячутся за анонимность.

Въ столь серіозныхъ вопросахъ всякая мистификація неумѣстна и предосудительна, а потому мы настоятельно совѣтуемъ съѣзжавшимся въ Москву предводителямъ немедля открыто и гласно назвать свои имена, такъ-какъ въ противномъ случаѣ поступокъ ихъ не найдетъ себѣ никакого оправданія въ глазахъ русскаго общества и подтвердитъ лишь основательность вышеприведенныхъ толковъ, набрасывающихъ столь невыгодную тѣнь на чистоту намѣреній и благородство пріемовъ таинственныхъ незнакомцевъ.

Что касается содержанія ихъ пресловутаго „заявленія“, то оно уже оцѣнено по достоинству въ № 77 нашей газеты княземъ Л. С. Голицынымъ, котораго нисколько не опровергалъ Московскій предводитель дворянства, взявшій подъ свою защиту анонимныхъ предводителей, заявивъ, что „они всѣ единодушно и безусловно стоятъ противъ всякихъ попытокъ къ ограниченію Самодержавной Власти Государя“ *)

Да, дѣйствительно, все это написано въ началѣ ихъ заявленія, но въ концѣ они измѣняютъ себѣ и выставляютъ чисто-конституціонныя требованія, совершенно не согласуемыя съ неограниченною Самодержавною Властью Государя.

Одно уже то обстоятельство, что они высказываются за конституціонную фикцію, по которой Государь будто бы можетъ узнавать правду о народѣ не иначе какъ чрезъ народное представительство, которое, по той же фикціи, выражаетъ „волю народа“, ясно показываетъ, насколько далеки господа анонимные предводители отъ пониманія истиннаго, неограниченнаго Самодержавія и вообще отъ здраваго взгляда на элементарные государственные принципы.

„Народное представительство“ давно уже осуждено всѣми серіозными государственными людьми, какъ очевидная ложь: депутаты избираемые, — какъ мы это вездѣ видимъ въ конституціонныхъ странахъ, — посредствомъ подкупа и партійныхъ грязныхъ интригъ, посредствомъ наглаго обмана народа политическими шарлатанами, посредствомъ насилія большинства ограниченныхъ людей надъ меньшинствомъ людей умныхъ, — эти депутаты являются представителями своихъ личныхъ или партійныхъ интересовъ, но уже никакъ не народнаго блага.

И за такихъ-то политикановъ распинаются наши таинственные предводители, желая навязать ихъ Россійскому Самодержцу, какъ „вѣрныхъ истолкователей народной воли“, отъ которыхъ Онъ обязанъ былъ бы выслушивать все то, что они Ему будутъ говорить „отъ имени народа“ въ качествѣ „непреложной правды“! А если Государь не согласится съ ихъ мнѣніемъ, съ „мнѣніемъ народа“, тогда возникъ бы „конфликтъ“ между Царемъ и „народомъ“, возникла бы борьба между Самодержавіемъ и демократическимъ принципомъ...

Этого именно и добиваются наши конституціоналисты. Но неужели и вы этого хотите, гг. таинственные незнакомцы?

Самодержавіе, находящееся подъ контролемъ народнаго представительства, есть не что иное, какъ самая банальная, самая пошлая конституціонная лже-монархія.

Истинное Самодержавіе возможно только въ полной, чистой формѣ, ограниченной лишь изданными Царемъ законами и Его отвѣтственностью, какъ христіанина, предъ Богомъ.

А то подначальное Самодержавіе, которое измыслили анонимные пред-

*) См. *Москов Вѣдом.* 1905 г., № 78. Московскій предводитель заявляетъ, что онъ говоритъ „пока отъ себя лично“. Мы тщетно ждали отвѣтовъ остальныхъ предводителей: они никакъне рѣшаются снять съ себя маски.

водители, задумавшіе соединить несоединимое, есть не что иное, какъ *contradictio in adjecto*, или наглядная несообразность.

Вѣдь не достаточно на бутыль чернилъ наклеить ярлыкъ „молоко“, чтобы увѣрить всѣхъ, что въ бутыли дѣйствительно содержится чистая, бѣлоснѣжная жидкость. Точно такъ же никогда не будетъ Самодержавіемъ тотъ политическій ералашъ, который составили таинственные незнакомцы, хотя они и наклеили на него бьющій въ глаза ярлыкъ „Самодержавіе“.

X.

„Черный передѣлъ“.

31 марта (1905 г.) весь Петербургъ съ тревогой говорилъ о слухѣ, нашедшемъ себѣ отраженіе и въ *Гражданинѣ* князя Мещерскаго (№ 26) въ слѣдующей формулировкѣ:

„Слышалъ, что одинъ важный сановникъ сказалъ въ Сельскохозяйственномъ Совѣщаніи:

„— Не пройдетъ года, какъ въ этой самой залѣ мы будемъ обсуждать проектъ новаго передѣла земли“.

А наканунѣ, 30 марта, уже подписаны были Государемъ Императоромъ два чрезвычайно важные акта: 1) Именной Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату, объ *упраздненіи Сельскохозяйственнаго Совѣщанія*, и 2) Высочайшій Рескриптъ на имя И. Л. Горемыкина объ образованіи подъ его предсѣдательствомъ Особаго Совѣщанія по вопросамъ о мѣрахъ къ *укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія при непремѣнномъ условіи огражденія частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ*.

Такимъ образомъ, пророчество „важнаго сановника“ оказалось ложнымъ, чѣмъ несомнѣнно огорчаются профессоръ Мануиловъ и его великосвѣтскіе слушатели, но чему отъ всей души порадуются всѣ истинно-Русскіе люди.

Вышеуказанными актами Государевой Воли не только крестьянскій вопросъ окончательно извлеченъ изъ рукъ С. Ю. Витте, но и рѣшеніе его предуказано въ смыслѣ совершенно обратномъ пресловутой Запискѣ недавно еще всемогущаго сановника, подобно тому, какъ незадолго передъ тѣмъ церковные вопросы ограждены были отъ его вліянія изъятіемъ ихъ изъ Особаго Совѣщанія при Комитетѣ Министровъ и передачей ихъ, по принадлежности, въ Святѣйшій Сунодъ.

Всѣ еще помнятъ, какъ, съ назначеніемъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кутлера товарищемъ министра Внутреннихъ Дѣлъ (князя Святополкъ-Мирскаго), возникло предположеніе о передачѣ *всей* крестьянской реформы, основы которой такъ твердо были положены покойнымъ В. К. Плеве, изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ Сельскохозяйственное Совѣщаніе, въ которомъ С. Ю. Витте рѣшалъ судьбу русскаго крестьянства, а слѣдовательно и всей Россіи, по рецептамъ мнимыхъ „ученыхъ“ болтуновъ, прототипомъ которыхъ является профессоръ Мануиловъ.

Но даже самъ князь Святополкъ-Мирскій, съ перваго разу не почуявшій грозящей крестьянству опасности, подъ конецъ своего черезчуръ

„довѣрчиваго" управленія внутренними дѣлами Россіи, понялъ эту опасность, и своимъ декабрскимъ циркуляромъ, отчасти загладившимъ собой нѣкоторые недостатки этого управленія, рѣшительно отвергъ вліяніе С. Ю. Витте на рѣшеніе крестьянской реформы и подтвердилъ неуклонное ея развитіе по тѣмъ нормамъ, которыя были одобрены Государемъ Императоромъ, по проекту, столь тщательно выработанному ближайшими сотрудниками В. К. Плеве.

Но, тѣмъ не менѣе, въ злополучномъ Сельскохозяйственномъ Совѣщаніи, положившемъ начало настоящему революціонному движенію допущеніемъ и поощреніемъ безпредѣльной „либеральной" болтовни въ мѣстныхъ совѣщаніяхъ, по сознательно допущенному недоразумѣнію, крестьянская реформа продолжала обсуждаться параллельно съ реформой В. К. Плеве и въ совершенно противоположномъ ей духѣ, чрезвычайно тормозя ее тѣмъ, что никто, въ сущности, во всей Россіи не зналъ, которая же реформа „настоящая": реформа В. К. Плеве или реформа С. Ю. Витте?

Смятеніе всѣхъ истинно-Русскихъ людей увеличилось еще больше съ появленіемъ вышеупомянутой записки С. Ю. Витте, въ которой проповѣдывались теоріи, клонящіяся къ упраздненію нашего крестьянскаго сословія и къ ослабленію крѣпкихъ основъ его землевладѣнія. А къ этому присоединилась еще проповѣдь „чернаго передѣла" въ московскихъ аристократическихъ кружкахъ, въ Петербургѣ же, какъ мы видѣли, подтвердилъ ту же проповѣдь „важный саповникъ" въ Сельскохозяйственномъ Совѣщаніи, скрѣпивъ ее даже категорическимъ пророчествомъ. Тогда тревога истинныхъ друзей народа усилилась до крайняго напряженія.

И вотъ эта тревога сразу замѣнилась радостнымъ чувствомъ облегченія.

Высочайшіе Указъ и Рескриптъ 30 марта положили конецъ всѣмъ опасеніямъ и недоумѣніямъ, нанесли рѣшительный ударъ внутреннимъ врагамъ Россіи, старающимся взбаламутить русскую деревню преступными слухами о „черномъ передѣлѣ" и пробудили радостную надежду во всѣхъ благомыслящихъ Русскихъ людяхъ на близкое освобожденіе и другихъ коренныхъ вопросовъ Русской жизни отъ тлетворнаго вліянія таинственной силы, на которую возлагаютъ всѣ свои упованія какъ внутренніе, такъ и внѣшніе враги Россіи.

Высочайшій Рескриптъ И. Л. Горемыкину переноситъ этому опытному знатоку крестьянскаго дѣла не все крестьянское дѣло, реформа котораго и впредь будетъ осуществляться въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ по проекту В. К. Плеве, а лишь существенѣйшую его часть — вопросъ объ укрѣпленіи и расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, при непремѣнномъ охраненіи частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ, какъ со стороны грабительскихъ шаекъ, такъ и со стороны саповныхъ и „ученыхъ" соціалистовъ.

Мы увѣрены, что этотъ Рескриптъ произведетъ прекрасное впечатлѣніе на нашихъ деревенскихъ жителей; но для этого необходимо дать ему

самое широкое оглашеніе и распространеніе во всѣхъ сельскихъ мѣстностяхъ Россіи, и притомъ съ церковной каѳедры. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, несомнѣнно, сумѣетъ облечь это оповѣщеніе въ должную форму по соглашеніи со Святѣйшимъ Сѵнодомъ. Это сразу положитъ предѣлъ пропагандѣ „чернаго передѣла“, которую такъ активно ведутъ наши подпольные и „легальные“ революціонеры.

Рескриптъ 30 марта указываетъ на *переселеніе*, какъ на самый раціональный способъ увеличенія поверхности крестьянскаго землевладѣнія, и читатели *Московскихъ Вѣдомостей* знаютъ всю важность этого вопроса, въ особенности изъ прекрасныхъ статей П. А. Павлова, К. П. Степанова и др. Можно поэтому надѣяться, что, вмѣстѣ съ нашими читателями, и всѣ остальные истинно-Русскіе люди будутъ привѣтствовать Рескриптъ 30 марта, какъ начало *правильнаго* хода всѣхъ внутреннихъ реформъ въ Россіи.

XI.

Чего они хотѣли.

Идея была у нихъ, по своей смѣлости и дальновидности, дѣйствительно грандіозная: поставить Самодержавіе въ необходимость подписать позорный миръ, и этимъ на вѣки погубить и Самодержавіе, и Россію.

Для осуществленія этой идеи, конечно, недостаточно было одного лишь хора революціонной печати и банкетныхъ крикуновъ, кстати и некстати требующихъ немедленнаго заключенія мира, съ тѣмъ, чтобы на другой же день послѣ его подписанія обратиться съ яростными упреками противъ Самодержавія, которое де „довело Россію до такого позорнаго униженія“. Нѣтъ, для всѣхъ теперь уже ясно, что газетныя статьи и крики демагоговъ не могутъ смутить Самодержца, твердо увѣреннаго, что Господь не оставитъ Россію и даруетъ ей, послѣ тяжкой и долгой борьбы, желанную, свѣтлую побѣду.

Необходимо было изобрѣсти болѣе сильное, внушительное средство.

И вотъ явилась вышеупомянутая идея расколоть несокрушимую доселѣ вѣковую тріединую силу Россіи -Православіе, Самодержавіе и Народность, возстановить, хотя бы призрачно, Церковь и Народъ противъ Царя, и черезъ нихъ потребовать отъ Царя немедленнаго прекращенія войны путемъ все того же позорнаго мира.

Чтобы достигнуть этого, необходимымъ являлось созданіе фикціи „народной воли“ въ лицѣ земскаго собора, государственной думы или иного „представляющаго народъ“ собранія, а съ другой стороны, фикціи „воли Божіей“ въ лицѣ церковнаго собора и послушнаго внѣшнему вліянію патріарха. Развѣ тогда Самодержавіе могло бы устоять противъ дружнаго натиска „Церкви“ и „Народа“, если-бъ они одновременно потребовали немедленнаго заключенія мира?

Таковъ былъ грандіозный планъ, который, однако, теперь на половину рушился.

Мы говоримъ: „на половину“, такъ какъ церковная реформа,—которая сама по себѣ такъ нужна для Россіи и которая такъ внезапно была вы-

двинута по совершенно чуждымъ Церкви побужденіямъ,—признана Государемъ Императоромъ „невозможною въ переживаемое нынѣ тревожное время“, такъ какъ это „столь великое дѣло требуетъ и спокойствія и обдуманности“. Но не меньшаго спокойствія и обдуманности требуетъ столь же великое дѣло гражданскихъ государственныхъ реформъ, грозящихъ принять теперь, подъ вліяніемъ революціонной смуты, характеръ чисто народовластный, стремящійся,—подъ личинами „земскаго собора“ и „государственной думы“,—создать фикцію „народной воли“, которая будетъ предъявлять свои требованія Самодержавному Царю, искусственно возбуждая раздоръ между Царемъ и народомъ, дабы въ концѣ концовъ ограничить, а затѣмъ уничтожить Царское Самодержавіе.

Мы вполнѣ понимаемъ ту поспѣшную стремительность, которую смута старается придать всѣмъ нашимъ внутреннимъ реформамъ и которую она хотѣла было навязать и реформѣ церковной: она боится, какъ бы ея не предупредили благія вѣсти съ Дальняго Востока, которыя придадутъ бодрость Правительству и народу въ борьбѣ ихъ съ революціей. Вотъ почему она спѣшитъ на всѣхъ парахъ со всякаго рода наскоро и кое-какъ составленными демократическими проектами; вотъ почему она въ такомъ отчаяніи, что до сихъ поръ еще не созвано хоть какое-нибудь „представительное“ собраніе, которое могло бы диктовать Самодержавію „народную волю“ относительно всего, что нужно смутѣ и, между прочимъ, относительно немедленнаго подписанія позорнаго мира.

Но такая поспѣшность, очевидно, не можетъ соотвѣтствовать ни интересамъ Государства, ни интересамъ народа, ни интересамъ Самодержавія.

Вотъ почему мы находили бы вполнѣ логичнымъ и цѣлесообразнымъ, если бы и всѣ наши гражданскія реформы тоже признаны были *невозможными* въ переживаемое нынѣ тревожное время, и если-бъ онѣ отложены были до тѣхъ поръ, пока возстановленъ будетъ внѣшній и внутренній миръ, столь необходимый для того спокойствія и той обдуманности, среди которыхъ только и можетъ достодолжнымъ образомъ вершиться великое дѣло внутренняго обновленія Россіи подъ сѣнью Самодержавной Власти.

Они хотѣли разъединить Царя, Церковь и Народъ; а *мы* поэтому должны стремиться еще болѣе усилить столь необходимую для Россіи неразрывную сплоченность этихъ ея драгоцѣннѣйшихъ государственныхъ устоевъ.

Въ этомъ и заключается цѣль нашей *Монархической* партіи.

XII.

Новый московскій градоначальникъ.

— Какой же это, спросятъ насъ,—„вопросъ русской жизни“? Развѣ для Россіи не все равно, кто въ Москвѣ занимаетъ постъ градоначальника?

Нѣтъ, не все равно.

Какъ Петербургъ, такъ и Москва въ настоящее тревожное время имѣютъ въ вопросахъ государственнаго порядка и общественнаго благоустройства,—первостепенное значеніе для всей Россіи.

Стоитъ только вспомнить, какую роль въ исторіи настоящаго революціоннаго движенія сыграло Петербургское 9 января, чтобы понять, насколько судьба цѣлаго Государства находится въ зависимости отъ того,—охраняется ли безопасность столицы стоящимъ на высотѣ своего призванія градоначальникомъ,—или же жители столицы предоставлены,—вслѣдствіе нераспорядительности и ложной гуманности столичной администраціи,—на произволъ революціонныхъ и хулиганскихъ демагоговъ?

Если бы генералъ Треповъ былъ назначенъ на свой Петербургскій постъ не *послѣ* 9 января, а хотя бы недѣлей раньше этого роковаго числа,—можно было бы быть увѣреннымъ, что день 9 января не ознаменовался бы тѣми безобразіями, которыя вызваны были Гапономъ. Этотъ негодяй не только не былъ бы предметомъ „гуманныхъ“ ухаживаній со стороны забывшихъ свои обязанности высокопоставленныхъ лицъ, но и былъ бы вовремя поставленъ въ невозможность причинить тотъ вредъ, который онъ принесъ и которымъ теперь бахвалится въ заграничныхъ анархистскихъ вертепахъ.

А что касается его единомышленниковъ въ Россіи, то они ни имѣли бы повода проливать крокодиловы слезы о несчастныхъ „жертвахъ настоящаго режима“, которыхъ они сами же обратили въ „пушечное мясо“, ради болѣе успѣшной революціонной пропаганды.

То, что было въ Петербургѣ, легко могло случиться и въ Москвѣ, съ тѣхъ поръ какъ Первопрестольная Столица лишилась такихъ попечителей о порядкѣ и благоустройствѣ въ ней, какими были незабвенные для нея въ Бозѣ почивающій Августѣйшій ея Генералъ-Губернаторъ и вѣрный помощникъ его Д. Ѳ. Треповъ.

Лишь съ назначеніемъ генерала Козлова на Московскій генералъ-губернаторскій постъ, Москвичи вздохнули свободно, зная, что судьба ихъ снова находится въ надежныхъ и крѣпкихъ рукахъ.

Еще болѣе успокоились жители Москвы, когда до нихъ дошла вѣсть, что градоначальникомъ Первопрестольной Столицы назначенъ графъ Павелъ Павловичъ Шуваловъ, бывшій Одесскій градоначальникъ, сынъ Балканскаго героя и государственнаго дѣятеля графа Павла Андреевича Шувалова, давно уже ставшаго постояннымъ жителемъ любимой имъ Москвы.

Но и графъ Павелъ Павловичъ не чуждъ Москвѣ. Въ качествѣ адъютанта, а затѣмъ завѣдующаго дворомъ Августѣйшаго Генералъ-Губернатора Великаго Князя Сергѣя Александровича, онъ провелъ около шести лѣтъ въ Москвѣ, близко знакомясь съ ея жизнью и ея интересами, забота о коихъ станетъ отнынѣ главнымъ предметомъ его административной дѣятельности.

Къ этой дѣятельности графъ П. П. Шуваловъ долженъ образомъ подготовился въ Одессѣ, которая, по пестрому составу своего населенія, представляетъ, можетъ-быть, еще болѣе трудную задачу для администратора, чѣмъ Москва. Въ виду этого, графъ Павелъ Павловичъ является не новичкомъ на посту градоначальника, а вполнѣ опытнымъ, закаленнымъ во всѣхъ спеціальностяхъ этой должности дѣятелемъ, составившимъ себѣ прочную репутацію въ качествѣ дѣльнаго, разумнаго, энергичнаго админи-

стратора: доступнаго всѣмъ нуждающимся въ его помощи и совѣтѣ, отзывчиваго на всѣ общественныя и частныя нужды, и—прежде всего безгранично преданнаго слуги своему Государю и строгаго исполнителя своего служебнаго долга.

Графъ П. П. Шуваловъ имѣлъ возможность тщательно изучить, на своемъ прежнемъ градоначальническомъ посту, тотъ рабочій вопросъ, который нынѣ играетъ столь выдающуюся роль во всей Россіи, въ особенности же въ такомъ крупномъ промышленномъ центрѣ, какъ Москва.

Одесскіе рабочіе, даже самые скромные, забитые, не могли нахвалиться своимъ градоначальникомъ, который такъ горячо принималъ къ сердцу ихъ дѣйствительныя нужды. Мы всѣ еще помнимъ, съ какимъ сожалѣніемъ разставался Одесскій рабочій людъ съ графомъ Шуваловымъ, когда онъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, покидалъ Одессу, а потому мы увѣрены, что въ Москвѣ всѣ честные труженики найдутъ въ новомъ градоначальникѣ „отца роднаго“, который заботливо и сердечно войдетъ во всѣ ихъ интересы и нужды; при немъ не заглохнутъ, не останутся втунѣ тѣ добрыя начала, которыя примѣнены были къ этому дѣлу Д. Ѳ. Треповымъ.

Дружное взаимодѣйствіе такихъ серіозныхъ людей *дѣла*, какъ генералъ Козловъ и графъ Шуваловъ, отразится, безъ сомнѣнія, самымъ благотворнымъ образомъ на порядкѣ и благоустройствѣ Москвы, которая должна въ этомъ отношеніи стать, какъ и Петербургъ, образцомъ для всѣхъ остальныхъ городовъ Россіи, являя примѣръ закоснѣлаго мирнаго житія и истиннаго преуспѣянія.

Да пошлетъ же Господь обоимъ нашимъ градоправителямъ необходимыя силы для достиженія этой, столь желанной для всей Россіи, благой цѣли.

XIII.

Наши монтаньяры.

Столбнякъ, который нашелъ на все русское общество по полученіи страшной вѣсти съ Дальняго Востока, начинаетъ проходить.

Очнувшись, русскіе граждане начинаютъ отдавать себѣ отчетъ и въ томъ, что произошло, и въ томъ, что теперь нужно дѣлать.

И вотъ сразу образовались двѣ рѣзко разграниченныя и противоположныя группы:

Одни говорятъ: „Все пропало! Скорѣе миръ, на какихъ бы то ни было условіяхъ“!

Другіе возражаютъ: „Ни слова о мирѣ! Не война, а позорный миръ погубитъ Россію. Россія должна встать во всеоружіи и довести войну до побѣдоноснаго конца“.

Этого второго, единственно-достойнаго Россіи, мнѣнія, какъ теперь выяснилось, держится и Императорское Русское Правительство, которое ни на минуту не потеряло яснаго сознанія своего долга и, по полученіи извѣстія о гибели эскадры адмирала Рожественскаго, немедленно рѣшило

продолжать войну съ удвоенною энергіей и построить новый флотъ, который превзойдетъ въ два съ половиной раза прежній его полный составъ.

Этого никакъ не ожидали наши радикалы. Они съ такимъ радостнымъ восторгомъ ухватились за наше народное горе для того, чтобы, раздувъ его до невѣроятныхъ размѣровъ, навести панику на Правительство, одурманить его страшными фразами и тутъ же вытащить у него согласіе на ту республиканскую конституцію, которую сочинилъ великій московскій монтаньяръ Николай Щепкинъ.

И вотъ, къ ужасу ихъ, Правительство не поддалось одурманенью. Какъ бы ни кричали всѣ радикальныя газеты о необходимости немедленнаго созыва „народныхъ представителей", какъ бы ни надрывался обезумѣвшій старикъ въ *Новомъ Времени*, оглашая чиновный Петербургъ фанатическими воззвами о необходимости „земскаго собора", какъ бы ни требовалъ того же самаго „собора" самъ С. Ю. Витте въ своихъ авторитетныхъ бесѣдахъ съ петербургскими газетчиками, Правительство осталось спокойнымъ и непоколебимымъ, рѣшивъ самостоятельно вопросъ о войнѣ и мирѣ безо всякаго созыва всенародныхъ болтуновъ, которымъ такъ страстно хотѣлось взять подъ свое гаерское начало Русскаго Царя.

Увидавъ, что эта затѣя ихъ сорвалась, московскіе монтаньяры не признали себя побѣжденными:

— Ты не хочешь насъ созвать,—говорятъ они Правительству,—ты не хочешь выслушать „голосъ народа" изъ нашихъ устъ, такъ мы сами созовемъ себя въ самовольный парламентъ и объявимъ тебѣ волю народа.

И вотъ московскіе демагоги, съ г. Щепкинымъ и кн. Голицынымъ во главѣ, уже готовятся созвать въ Москвѣ какой-то всероссійскій съѣздъ городскихъ головъ и представителей земскихъ управъ, дабы дебатировать вопросъ о мирѣ и войнѣ и затѣмъ навязать свое рѣшеніе Правительству.

Что можетъ быть комичнѣе этихъ непрошенныхъ совѣтниковъ, этихъ московскихъ фанфароновъ, лѣзущихъ во что бы то ни стало въ „государственные дѣятели"!

Еще въ 1858 году покойный Щербина мѣтко охарактеризовалъ „московскихъ красныхъ" въ своей извѣстной эпиграммѣ:

Монтаньяры Вшивой Горки!
„Красный цвѣтъ лишь дурно милъ"!
Такъ народъ нашъ дальнозоркій.
Этой мѣткой поговоркой
Васъ на вѣки заклеймилъ.

Московскіе красные дурни вскорѣ поймутъ всю непристойность самозванной ихъ роли, когда Правительство положитъ предѣлъ всѣмъ ихъ „монтаньярскимъ" затѣямъ, нарушающимъ внутренній миръ Государства

Даже *Биржевыя Вѣдомости* пишутъ:

„Неужели теперь еще надо доказывать, что внѣшній миръ, котораго мы всѣ жаждемъ, можетъ получиться не иначе, какъ результатъ мира внутренняго, потрясеннаго у насъ въ своихъ основахъ"?

Да, это такъ. Для достиженія *мира внѣшняго*,—мира славнаго, достойнаго Россіи, ея Царей и народа, а объ иномъ мирѣ не должно и не можетъ быть и рѣчи,—для достиженія этого мира *необходимо* прежде всего *установленіе* твердаго, *ничѣмъ и никѣмъ неколебимаго внутренняго мира*.

Этотъ внутренній миръ можетъ быть водворенъ повсемѣстно въ Россіи и на всѣхъ ея окраинахъ *только неотложнымъ установленіемъ всеобъемлющей, полной и безпощадно-строгой диктатуры*.

Все должно подчиниться этой военной дикататурѣ, все должно смолкнуть и приникнуть предъ нею,—и суды, и всяческая администрація съ самаго верху и донизу,—не говоря уже о той тли, какую представляютъ собою разныя разбушевавшіяся козявки—польскія и шведо-финскія, армянскія и еврейскія, лже-земскія и мнимо-интеллигентныя,—всѣ эти „монтаньяры Вшивой Горки", позорящіе своимъ революціоннымъ фиглярствомъ Первопрестольную Москву...

XIV.

Во что обратится Земскій Соборъ?

(Отвѣтъ А. А. Кирѣеву).

L'art de la discussion c'est l'art de nettement poser les questions et de nettement y répandre. P. L. Courier.

Глубокоуважаемый А. А. Кирѣевъ, очевидно, не понялъ поставленнаго нами вопроса о Земскомъ Соборѣ, и мы готовы взять всю вину этого непониманія на себя. Мы, вѣроятно, недостаточно точно поставили свой вопросъ и этимъ ввели генерала Кирѣева въ заблужденіе.

Правда, намъ самимъ вопросъ казался поставленнымъ вполнѣ точно и опредѣленно, но вѣдь часто то, что̀ самому автору представляется яснѣе дня, является туманнымъ для читателя.

Въ самомъ дѣлѣ, въ № 188 „*Московскихъ Вѣдомостей*" (1905 г.) было нами сказано слѣдующее:

„Мы ничего не имѣемъ въ принципѣ противъ того Земскаго Собора, о которомъ такъ сладко мечтаетъ благодушная фантазія славянофиловъ, но на практикѣ мы считаемъ *современное* введеніе Земскаго Собора легкомысленнѣйшимъ и опаснѣйшимъ экспериментомъ, такъ какъ Земскій Соборъ *продержится весьма недолго*, его легче пыли сметутъ конституціоналисты Петрункевичскаго пошиба, которые уже заранѣе, не обинуясь, заявляютъ, что всякіе эти ни на что̀ негодные славянофилы будутъ немедленно изгнаны".

Намъ казалось, что изъ этихъ словъ всѣ ясно поймутъ, что мы возражаемъ не противъ преимуществъ стараго, самобытнаго Земскаго Собора, а противъ его *устойчивости*, если онъ будетъ введенъ при современныхъ условіяхъ.

Еще яснѣе выразили мы свою мысль въ слѣдующихъ словахъ:

„Можетъ-быть, славянофилы могутъ указать на какія-либо серіозныя гарантіи, которыя предохранятъ превращеніе Земскаго Собора въ парламентъ? Пусть въ такомъ случаѣ они укажутъ на эти гарантіи".

А. А. Кирѣевъ этихъ именно гарантій не указываетъ. Онъ, очевидно, понялъ нашъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что мы опасаемся какой-либо катастрофы *при самомъ введеніи* старовавѣтнаго Земскаго Собора: поэтому онъ и отвѣчаетъ:

„Опасная операція замѣны строя бюрократическаго земско-соборнымъ удастся несомнѣнно: нашъ сильный, хотя и распатываемый, организмъ вынесетъ его легко".

Но объ этомъ, о *введеніи* Земскаго Собора, мы съ А. А. Кирѣевымъ и не споримъ. Мы сомнѣваемся лишь въ *долговѣчности* этого прекраснаго, по своей мысли, Земскаго Собора,—и просимъ указать намъ гарантіи именно этой долговѣчности.

Но *этихъ* именно гарантій намъ и не даютъ.

Можетъ-быть, мы и теперь ставимъ свой вопросъ недостаточно ясно и рискуемъ получить отвѣтъ не на этотъ вопросъ, а на совершенно другой, котораго мы вовсе и не поднимали?

Постараемся же выразиться еще яснѣе, еще опредѣленнѣе, и обратимся съ этою цѣлью къ слѣдующему сравненію:

Вы видите архитектора, который задумалъ построить прекрасное зданіе въ строго-выдержанномъ старомъ стилѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько столѣтій тому назадъ возвышалось точно такое же зданіе. Архитекторъ въ упоеніи отъ своей мечты и отъ полученнаго имъ, наконецъ, разрѣшенія осуществить эту мечту.

Но вотъ вы замѣчаете, что та почва, на которой онъ предназначилъ воздвигнуть свою постройку и которая триста лѣтъ тому назадъ представляла собою твердый материковый грунтъ, нынѣ превратилась въ топкое болото.

— Что вы дѣлаете? говорите вы зодчему: — Ваше зданіе простоитъ какой-нибудь годъ, а затѣмъ оно провалится въ болото!

— Помилуйте, отвѣчаетъ онъ вамъ, мое зданіе построено въ чистосамобытномъ старомъ стилѣ, и вы увидите, что открытіе и освященіе его произойдетъ безо всякой катастрофы.

— Какъ, развѣ *стильность и прочность* зданія, — спрашиваете вы, — одно и то же? Развѣ мы не въ правѣ требовать отъ васъ, какъ архитектора, *двухъ* совершенно отличныхъ другъ отъ друга гарантій: 1) гарантіи строго-выдержанной *стильности* зданія и 2) гарантіи безусловно прочной его *устойчивости?* Вы намъ даете только *первую* гарантію и *упорно умалчиваете о второй.*

— Я вамъ гарантирую,—настаиваетъ зодчій, что зданіе будетъ открыто безо всякой катастрофы и что церемонія этого торжественнаго открытія несомнѣнно удастся.

— Но къ чему же намъ вся стильность зданія и церемоніальная торжественность его открытія, если оно со всѣми своими стильными украшеніями обречено на неминуемый провалъ въ болото? Вѣдь вы видите, что та почва, на которой вы хотите строить свое зданіе, совершенно измѣнилась? Тамъ, гдѣ прежде былъ твердый, крѣпкій грунтъ, теперь совершенно топкое болото, которое несомнѣнно все засосетъ, что бы вы на немъ ни

построили. Такъ не лучше ли *сперва* осушить это болото, *превратить его въ такую же твердую почву, какъ это было встарь*, а *затѣмъ уже* возводить соотвѣтствующее этой почвѣ чудное зданіе въ старомъ стилѣ, которое насъ первыхъ приведетъ въ восторгъ.

— Да, это будетъ чудное зданіе; знаете, тамъ будетъ отведено подобающее мѣсто представителямъ нашей Церкви, а другое обширное помѣщеніе для крестьянства.

— Позвольте, вы опять про другое: все зданіе будетъ прекрасно, мы не споримъ, *но оно будетъ стоять на болотѣ*, а болото засосетъ его вмѣстѣ съ духовенствомъ и крестьянствомъ, и тѣмъ болѣе будетъ жаль этого зданія, чѣмъ красивѣе было оно по идеѣ.

— Да, оно будетъ очень красиво, тамъ будетъ полная самобытность..

— Кромѣ той почвы, на которой оно будетъ стоять и которая, какъ вы видите, совершенно утратила свой прежній самобытный видъ и нынѣ представляетъ не что иное, какъ болото. Или, можетъ-быть, вы можете указать на какія-либо серіозныя гарантіи, которыя предохранятъ потопленіе старозавѣтнаго зданія въ современной трясинѣ?

Кажется, теперь наша мысль выражена совершенно ясно, такъ что славянофилы вполнѣ поймутъ ее.

Мы просимъ ихъ указать намъ гарантіи безопасности не *введенія* у насъ старозавѣтнаго Земскаго Собора, а гарантіи его устойчиваго *существованія*, гарантіи того, что онъ не будетъ сметенъ парламентаризмомъ, а явится исключеніемъ изъ того безусловно вѣрнаго правила, которое установлено тѣмъ же А. А. Кирѣевымъ и доказываетъ, какъ быстро у насъ сметаются „режимы“:

„Мы, Русскіе, отчаянные радикалы, когда начинаемъ дѣйствовать, а радикалы мы потому, *во-первыхъ*, что мы Славяне, а у Славянина радикализмъ въ крови, а *во-вторыхъ*, потому, что мы мало культурны“.

Намъ остается въ заключеніе только повторить тѣ вопросы, на которые глубокоуважаемый А. А. Кирѣевъ намъ не отвѣтилъ:

„Или, можетъ-быть, славянофилы могутъ указать на какія-либо серіозныя гарантіи, которыя предохранятъ превращеніе Земскаго Собора въ парламентъ?

„Пусть, въ такомъ случаѣ, они укажутъ на эти гарантіи.

„Или, можетъ-быть, они увѣрены, что когда у насъ откроется Земскій Соборъ, мы сразу перестанемъ быть „отчаянными радикалами“, переставъ быть Славянами и сдѣлавшись сразу высоко культурными?

„Тогда пусть они укажутъ, на чемъ они основываютъ свою увѣренность въ такую сверхъестественную метаморфозу“.

Ждемъ категорическихъ отвѣтовъ на наши категорическіе вопросы.

XV.

Революція и самосудъ.

Всѣ Русскіе люди прочли несомнѣнно съ великимъ нравственнымъ облегченіемъ Высочайшую отмѣтку по поводу Балашовскихъ безпорядковъ:

„Революціонныя проявленія дольше не могутъ быть терпимы: вмѣстѣ съ тѣмъ не должны дозволяться самоуправныя дѣйствія толпы“.

Итакъ, великое недоразумѣніе, подъ которымъ цѣлый годъ такъ страдала Россія, нынѣ исчезло.

Тѣ безобразныя явленія, которыя наши „либералы“ считали „прогрессивными“, „вполнѣ естественными“ и даже „необходимыми“,—явленія, предъ которыми мѣстныя власти, сбитыя съ толку общимъ хаотическимъ кошмаромъ, стояли зачастую въ недоумѣніи, не зная, сочувствовать ли имъ или противодѣйствовать; всѣ эти уличныя демонстраціи съ красными знаменами, возмутительными пѣснями и криками; всѣ эти самовольныя собранія съ зажигательными рѣчами противъ Самодержавія; всѣ эти дикія нарушенія законнаго порядка, которыя такъ типически обнаружились въ Балашовѣ и чуть не ежедневно происходили и происходятъ въ другихъ городахъ Россіи,—всѣ они признаны Государемъ *„революціонными проявленіями“*, которыя *„дольше не могутъ быть терпимы“*.

Теперь уже не можетъ быть никакого недоразумѣнія.

Такія сцены, которыя разыгрались въ Балашовѣ, гдѣ даже подверглось оскорбленію священное изображеніе Государя Императора, не могутъ считаться, какъ это хотѣлось бы нашимъ „либераламъ“, невинными проявленіями какой-то „общественной нервозности“, какого-то „броженія взволнованной интеллигенціи“,—нѣтъ, это весьма характерное проявленіе *революціи*, подготовляемой раскинутою по всей Россіи спеціально-организованною шайкой преступныхъ крамольниковъ; *революціи*, направленной противъ Царскаго Самодержавія: *революціи*, которая сдѣлала столь быстрые успѣхи, благодаря добровольной или вынужденной бездѣятельности правительственныхъ властей; *революціи*, которой отнынѣ долженъ быть положенъ рѣшительный конецъ, такъ какъ *„революціонныя проявленія дольше не могутъ быть терпимы“*.

Такова Царская Воля, и если теперь еще мѣстныя власти стали бы потакать этой революціи своею бездѣятельностью, непредусмотрительностью или уступчивостью, то онѣ этимъ самымъ стали бы ослушниками этой непреложной Державной Воли.

Та же Верховная Воля возлагаетъ на мѣстныя власти еще другую обязанность, указывая имъ, что *„не должны дозволяться самоуправныя дѣйствія толпы“*.

Но эту обязанность мѣстнымъ властямъ легко будетъ исполнить, если только онѣ добросовѣстно будутъ исполнять первую изъ возложенныхъ на нихъ обязанностей.

Мало того, если онѣ дѣйствительно нигдѣ не дадутъ осуществиться „революціоннымъ проявленіямъ“, то имъ вовсе и не придется заботиться

о „недозволеніи самоуправныхъ дѣйствій толпы“, по той простой причинѣ, что эти самоуправныя дѣйствія нигдѣ болѣе и проявляться не будутъ.

Развѣ былъ *хоть одинъ* случай, чтобы толпа обратилась къ безобразному самосуду, не будучи къ тому вызвана „революціонными проявленіями“? Конечно, нѣтъ.

Всѣ ужасы самоуправныхъ дѣйствій толпы проявляются лишь тогда, когда она видитъ *безнаказанность* революціонеровъ, когда она видитъ, что власти бездѣйствуютъ и отступаютъ предъ дерзкими преступниками, кричащими „долой Самодержавіе!“, — когда толпа видитъ, что надъ этими крамольниками нѣтъ никакого законнаго суда, никакой правительственной расправы.

Вездѣ, гдѣ за послѣднее время проявился народный самосудъ, мы видимъ одно и то же логическое сцѣпленіе фактовъ: лишь тамъ, гдѣ надъ явною крамолой не было *законнаго* суда правительственнаго, явился *незаконный* судъ народа; лишь тамъ, гдѣ *терпѣлись революціонныя проявленія*, возникали и *самоуправныя дѣйствія толпы*.

Нынѣ, слава Богу, по Волѣ Самодержавнаго Монарха, должна прекратиться *причина* народнаго самосуда, а слѣдовательно прекратится само собою и это дикое, грозное явленіе, всегда возникающее въ разстроенномъ государствѣ, покинутомъ Властью, и всегда прекращающееся, коль скоро Власть возвращается къ исполненію своихъ обязанностей, коль скоро Власть, всюду во всей странѣ, во всѣхъ слояхъ ея населенія, во всѣхъ ея учрежденіяхъ, водворяетъ твердою рукой, съ непоколебимою послѣдовательностью, прочный, законный миръ и порядокъ, при которыхъ немыслимы какія бы то ни было революціонныя проявленія.

XVI.

Выборы и „свобода печати“.

Вступивъ, вслѣдствіе закона 6 августа, на новый, невѣдомый ей путь, Россія сразу окунулась, впервые за тысячелѣтнее свое существованіе, въ тотъ политическій хаосъ, который вызываетъ эпидемію остраго помѣшательства даже въ привычныхъ къ политической борьбѣ западныхъ государствахъ, — въ хаосъ, называемый „предвыборною горячкой“.

Хаосъ этотъ обѣщаетъ быть въ Россіи сугубо-запутаннымъ и безпросвѣтнымъ не только по новизнѣ своей, но и потому, что Правительство, повидимому, не отдаетъ себѣ яснаго отчета, какова должна быть его собственная роль въ этомъ сумбурѣ, насколько оно должно содѣйствовать или противодѣйствовать ему.

Для разрѣшенія этого труднаго вопроса учреждено даже цѣлое Особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ графа Сольскаго.

Вотъ къ этому-то Совѣщанію нынѣ обращаются съ различными требованіями газетные и иные представители нашей крамолы, старающіеся, между прочимъ, обезпечить для „предвыборной агитаціи“ полную разнузданность печати, дабы еще болѣе замутить предстоящій хаосъ.

„Безъ полной свободы печати,—говорятъ эти господа, — выборы не мыслимы".

Это произносится самоувѣреннымъ тономъ, какъ аксіома, не требующая доказательствъ. А между тѣмъ это—грубый софизмъ, основательность котораго никакими доводами доказать невозможно.

Начать съ того, что роль „свободной печати" во время западно-европейскихъ выборныхъ агитацій, по общему признанію всѣхъ серіозныхъ людей, отличается такою *наглою, возмутительною лживостью* въ восхваленіи или опороченіи того или другого кандидата, въ защитѣ или разгромѣ той или другой партіи, что ничего болѣе отвратительнаго себѣ и представить нельзя. Въ особенности въ наиболѣе „свободныхъ" странахъ, какъ, напримѣръ, во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ, эти печатныя органы самой циничной лжи и клеветы, на которыя затрачиваются колоссальныя суммы денегъ, доходятъ до такого сумасброднаго разгара, что объ *истинѣ* и *справедливости* во время выборовъ никто уже не заботится, лишь бы только сокрушить своего противника самою безсовѣстною ложью...

Этою разнузданностью печати создалась на Западѣ Европы и въ Америкѣ такая ужасающая политическая безнравственность, о которой, слава Богу, до сихъ поръ у насъ въ Россіи никто и понятія не имѣлъ.

И этотъ-то вопіющій политическій развратъ Правительство должно, по требованію крамолы, перенести въ Россію, узаконивъ разнузданность нашей печати на время „предвыборной агитаціи"!

Неужели Особое Совѣщаніе графа Сольскаго подчинится этому требованію? Неужели оно не вспомнитъ, что у насъ еще, благодареніе Богу, конституціи нѣтъ, что пѣтъ у насъ и „народнаго представительства", *о которомъ нѣтъ ни единаго слова въ Манифестѣ и Законѣ 6 августа*, и что у насъ остается доселѣ нерушимою Самодержавная Власть Царя, которую не дозволено колебать даже привилегированнымъ въ свободорѣчіи членамъ Государственной Думы.

А потому можно ли хоть на минуту допустить, чтобы простымъ смертнымъ, хотя бы и крамольникамъ, было дозволено во время выборовъ печатать и кричать „долой Самодержавіе"?

Вѣдь нужно же говорить прямо и называть вещи своими именами.

Для крамолы полная свобода печати нужна *единственно* для того, чтобы ввести въ народѣ *широкую безнаказанную пропаганду противъ Самодержавія Русскаго Царя.*

Это ясно, какъ Божій день; этого никто отрицать не можетъ.

Этого, слѣдовательно, не можетъ отрицать и Особое Совѣщаніе графа Сольскаго.

А потому,—оставаясь вѣрнымъ своему Самодержавному Царю, основываясь на точномъ смыслѣ Высочайшаго Манифеста и закона 6 августа, и ясно понимая, что въ необузданности печати крамола получитъ могущественнѣйшее орудіе для низверженія Царскаго Самодержавія,—Особое Совѣщаніе графа Сольскаго *не можетъ* уступить требованіямъ крамолы, а слѣдовательно, едва ли оно возьметъ на свою совѣсть такой тяжелый грѣхъ передъ Царемъ и передъ всею Россіей.

Вѣдь вся внутренняя смута держится въ Россіи исключительно революціонною, какъ подпольною, такъ и „легальною“, *печатью*, такъ какъ крамола сумѣла захватить въ свои цѣпкія, большею частью еврейскія, руки всѣ почти наши газеты и журналы.

Все число нашихъ „конституціонныхъ“ коноводовъ едва ли превосходитъ какія-нибудь жалкія *три сотни*.

Эти три сотни были бы совершенно безпомощны и безсильны, имѣя противъ себя, съ одной стороны, твердую закономѣрную Правительственную Власть, а съ другой — всю многомилліонную, беззавѣтно-преданную Самодержавному Царю, Россію. Но вотъ теперь они имѣютъ въ своей власти почти всю русскую печать, и *лишь благодаря этой печати* они создали фикцію какого-то единодушнаго, будто-бы всероссійскаго, враждебнаго Самодержавію, „общественнаго мнѣнія“, которымъ они всячески стараются запугать и Правительство, и Русскихъ людей.

Прямая, здравая логика должна указать Правительству на тотъ путь, который сразу лишитъ эту шайку 300 крамольниковъ всей ея силы, и на тотъ путь, который увеличитъ эту силу во сто разъ и дастъ ей дѣйствительную возможность осуществить свой адскій замыселъ.

Неужели можно допустить, что Особое Совѣщаніе графа Сольскаго выберетъ этотъ второй путь?

XVII.

Парламентаризмъ и національнизмъ.

Парламентаризмъ есть медленный ядъ, разлагающій государственный организмъ, въ который ему удалось проникнуть.

Но этотъ ядъ имѣетъ свое противоядіе, которое, правда, не уничтожаетъ гибельныхъ дѣйствій яда, но до извѣстной степени задерживаетъ и парализуетъ ихъ.

Противоядіе это—здоровое, сильное національное чувство.

Если столь значительная часть современнаго русскаго образованнаго общества такъ слѣпо увлекается парламентаризмомъ, то это вслѣдствіе того, что она очень мало знакома съ исторіей европейской парламентарной эволюціи.

Когда мы утверждаемъ, что парламентаризмъ погубитъ Россію, наши „конституціоналисты“ намъ возражаютъ:

— А вотъ не погибли же Франція, Германія, Италія, Испанія и Греція отъ перехода ихъ къ парламентаризму. Въ такихъ же точно условіяхъ, какъ они, находится теперь и Россія: такъ чего же ей опасаться этой эволюціи?

Въ томъ-то и дѣло, что всѣ эти государства вовсе не находились „въ точно такихъ же условіяхъ“, когда вводили у себя парламентаризмъ, въ какихъ нынѣ находится Россія.

Какъ въ концѣ XVIII вѣка Франція перешла къ парламентаризму при сильнѣйшемъ разгарѣ единодушнаго національнаго самосознанія, такъ точно и въ серединѣ XIX вѣка парламентаризація Германіи и Италіи

совершилась при восторженныхъ крикахъ пылкаго національнаго націонализма, требовавшихъ *единой* Германіи, *единой* Италіи. То же самое наблюдалось и въ Греціи, гдѣ зарожденіе парламентаризма шло объ руку съ ультранаціональною панъ-эллинскою идеей. Словомъ, вездѣ, одновременно съ зараженіемъ ядомъ парламентаризма, западно-европейскія государства вырабатывали у себя антитоксины, въ видѣ сильнѣйшаго возбужденія національнаго чувства, которое и противодѣйствовало въ болѣе или менѣе сильной степени тлетворному процессу парламентарной заразы.

Дѣло въ томъ, что зараза эта проникала въ такіе крѣпко исторически-сложившіеся организмы, какъ, напримѣръ, Франція или Испанія, въ которыхъ ни одной изъ ихъ окраинныхъ провинцій и въ голову не могла придти какая-либо сепаратистическая мысль; даже Эльзасъ, который еще за сто лѣтъ передъ тѣмъ былъ чисто-германскою страной, успѣлъ уже такъ тѣсно сжиться къ началу Революціи со своимъ новымъ отечествомъ, что онъ не воспользовался наступившею великою смутой, чтобъ отложиться отъ Франціи, и даже въ 1871 году пришлось насильственно, цѣной кровопролитной войны, оторвать отъ Франціи эту ея провинцію, которая объявила себя „болѣе французскою, чѣмъ сама Франція“.

Или же парламентаризмъ проникалъ въ такія государства, части которыхъ были разрознены, какъ, напримѣръ, въ Италію, Германію и Грецію, и тамъ пламенный національный порывъ къ возсоединенію этихъ частей былъ такъ силенъ, что на долгое время задерживалъ разлагающее дѣйствіе парламентаризма.

Но дѣло обстояло совершенно иначе, напримѣръ, въ разноплеменной, не слившейся воедино, Габсбургской монархіи.

Вотъ что по этому поводу пишетъ извѣстный знатокъ государственнаго права, профессоръ Гумпломичъ:

„Австрійскій парламентаризмъ существуетъ вотъ уже болѣе 40 лѣтъ. И что онъ доказываетъ? Что онъ не возможенъ. Къ намъ его пересадили съ Запада. Но у насъ онъ привился очень плохо. Призракъ его еще могъ кое-какъ поддерживаться, когда большинство въ парламентѣ принадлежало Нѣмцамъ, а именно въ 70-хъ годахъ. Но когда господство Нѣмцевъ стало уступать господству другихъ націй, то обнаружилось съ полною ясностью, что національныя распри дѣлаютъ парламентаризмъ невозможнымъ. *Политическія и соціальныя* партіи въ парламентѣ возможны, но *національныя* партіи тамъ не мыслимы. Ибо борьба *націй* во всѣхъ отношеніяхъ отличается отъ борьбы *партій* въ національномъ организмѣ. Объ это внутреннее противорѣчіе между парламентомъ и борьбой національностей разбивается даже самое изощренное государственное искусство самыхъ способныхъ министровъ. Противъ этого зла не помогаютъ ни распущеніе парламентовъ, ни новые выборы: ибо это *зло* зависитъ не отъ случайнаго образованія партій, а отъ ожесточенной борьбы національностей“ *).

Итакъ тамъ, гдѣ *единое государство* не совпадаетъ съ *единою націей* — парламентаризмъ не возможенъ. Организмъ такого государства, уже раз-

*) *Zukunft*, 1905 г., № 18, стр. 189.

слабленнаго входящими въ его составъ разнородными, не только не слившимися воедино, но прямо враждебными другъ другу центробѣжными элементами, представляетъ самую благодарную почву для разрушительнаго дѣйствія такого яда, какъ парламентаризмъ.

Мы это именно и видимъ на примѣрѣ Габсбургской монархіи: она не только распалась на двѣ части, въ которыхъ государственная жизнь пріостановилась и переживаетъ самый тяжелый, безысходный „кризисъ", но она уже дала трещины по всѣмъ плохо спаянным національнымъ швамъ и, при первомъ сильномъ толчкѣ, разсыплется на мелкія крохи.

Та же самая участь, но въ болѣе тяжкомъ видѣ, грозитъ и Россіи, въ которой, при теперешней парламентаризаціи, съ такою ужасающею силой даютъ себя чувствовать не центростремительныя, а центробѣжныя національныя силы.

Итальянскіе конституціоналисты кричали въ 1848 и 1860 году: „да здравствуетъ *единая, неразд*ѣльная Италія!" Нѣмцы въ томъ же 1848 и въ 1871 году всѣ поголовно увлекались идеей о „*единой* Германіи".

А наши конституціоналисты? Чего они добиваются? Болѣе прочнаго объединенія Россіи? Наоборотъ, они возмущаются такою идеей: они и слышать не хотятъ о какихъ бы то ни было русскихъ національныхъ стремленіяхъ: они стремятся къ расчлененію, къ распластанію, къ разгрому Россіи.

Такого уродливаго явленія мы не видимъ даже въ Габсбургской монархіи. Центробѣжными элементами тамъ являются различныя Славянскія племена, Венгерцы, Итальянцы и Румыны. Нѣмцы же стоятъ за твердое объединеніе созданнаго ими государства. У насъ же къ расчлененію Россіи стремятся не только наши инородцы, но и коренные русскіе „интеллигенты"!

А потому легко понять, какую страшную и быструю катастрофу готовитъ парламентаризмъ Русскому государству.

Эту *существенную* разницу между Россіей и Австро-Венгріей, съ одной стороны, и прочими западно-европейскими государствами, съ другой, прекрасно видимъ не только мы, но и наши противники, сидящіе въ редакціяхъ „либеральныхъ" газетъ и на каѳедрахъ русскихъ Университетовъ.

Но *мы* объ этомъ различіи говоримъ, а они о немъ *молчатъ*, дабы *обмануть* Русское Правительство и Русское общество.

Вотъ этого *обмана* мы имъ простить не можемъ: вотъ противъ этого *обмана* мы ведемъ и будемъ вести борьбу.

XVIII.

Русскіе масоны.

Какъ русскіе масоны? Да развѣ въ Россіи есть масоны?

Что за наивный вопросъ! Съ тѣхъ поръ, какъ они, во второй половинѣ XVIII вѣка, проникли въ Россію, они въ ней не переводились и, несмотря на удары, нанесенные ихъ „ложамъ" Екатериной II и Николаемъ I они и до сихъ поръ существуютъ въ Россіи, въ видѣ и отдѣльныхъ

лищъ, и тайныхъ обществъ. Эти тайныя ложи приняли въ послѣднее время даже чрезвычайно сильное развитіе, благодаря интенсивному вліянію западно-европейскихъ масоновъ, начавшемуся приблизительно лѣтъ пятнадцать тому назадъ.

Россія всегда была предметомъ особой ненависти со стороны масоновъ, видѣвшихъ въ ней самый твердый оплотъ христіанства, а *разрушеніе христіанства* является главною конечною цѣлью современнаго масонства. Въ политическія революціи, которыя предпринимаются и совершаются масонами,—какъ, напримѣръ, въ 1789 году во Франціи, въ 1848 году въ центральной Европѣ и въ 1904 году въ Россіи,—служили лишь средствомъ къ достиженію главной цѣли—къ одолѣнію Церкви Христовой, которую масоны ненавидятъ съ безпощаднымъ слѣпымъ фанатизмомъ.

Эта сатанинская злоба противъ Христа, съ одной стороны, и несмѣтныя богатства, находящіяся въ распоряженіи масоновъ, съ другой, ясно указываютъ на тѣснѣйшую связь масонства съ могущественными тайными и явными еврейскими обществами, среди которыхъ пресловутый „Всемірный Израильскій Союзъ“ играетъ такую же разрушительную роль въ міровой политикѣ, какую еврейскій „Бундъ“ играетъ въ Россіи.

Какое же послѣ этого можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что существуютъ русскіе масоны? Ихъ называютъ по именамъ, и чѣмъ ближе они стоятъ къ евреямъ, тѣмъ больше они уже успѣли сдѣлать вреда Россіи, возбуждая въ ней революціонную смуту и нанося какъ прямые, такъ и косвенные удары Церкви Христовой. Невольно думаешь о нихъ, когда читаешь приведенный въ воззваніи Троицко-Сергіевой обители текстъ Священнаго Писанія: *„удали неправеднаго отъ Царя и Престолъ Его утвердится правдою“*. (Пр. Сол. 25, 4—5).

Уже давно подготовлялись безпощадные удары, наносимые теперь и Самодержавію, и Православію въ Россіи, и нанесятся они вѣрною рукой именно *теперь*, когда Правительство у насъ явилось тѣмъ *locus minoris resistentiae*, на которое сразу устремляются всѣ смертельные недуги, поражающіе государственный организмъ. Не даромъ года два тому назадъ масонская пропаганда началась у насъ въ Москвѣ публичною лекціей, въ которой франмасоны, эти заклятые, лицемѣрные враги Христа, восхвалялись до небесъ предъ аудиторіей учащагося юношества.

Точно такъ же было и во Франціи, гдѣ окончательный ударъ, разразившійся въ 1793 году надъ королевскою династіей, исподволь готовился въ теченіе десятковъ лѣтъ и былъ инсценированъ съ изумительною режиссерскою ловкостью, которою вообще отличаются масонскіе драматурги.

Развѣ не столь же изумительна ихъ ловкость, которая нынѣ развертывается предъ нашими глазами въ отданной имъ на произволъ несчастной Россіи?

Навязанная намъ внезапная война, когда мы скованы были навязаннымъ намъ гипнозомъ всеобщаго „мира“: убійства Бобрикова и Плеве и замѣна ихъ лицами, угодными масонской шайкѣ; одновременная вспышка открытой революціи на всѣхъ нашихъ—и западныхъ и южныхъ—окраинахъ: наводненіе всей Россіи милліонами антимонархическихъ и антидина-

ческихъ прокламацій: организація обширнѣйшихъ рабочихъ и учебныхъ стачекъ: небывалыя доселѣ циническія уличныя и иныя демонстраціи съ красными анархическими флагами, съ неслыханными доселѣ въ Россіи криками „долой Самодержавіе“ и съ дерзкими разрываніями Царскихъ изображеній,—все это сразу выступило на сцену въ теченіе какого-нибудь года, какъ бы по звонку опытнаго режиссера, давно уже терпѣливо работавшаго надъ внезапнымъ ошеломляющимъ появленіемъ этого грандіознаго „массоваго эффекта“.

Тутъ дѣйствительно видна рука опытнаго макіавеллистическаго организатора, тщательно подготовившаго всю сцену для этого неожиданнаго, поразившаго всю вселенную, театральнаго удара. Даже первый годъ Французской Революціи блѣднѣетъ предъ этою мастерскою инсценировкой Русской Революціи, въ которой каждый мѣсяцъ равняется цѣлому году Французской революціонной оргіи. Такъ „чисто“ работаютъ только масоны, широко оперирующіе враждебными христіанству капиталами.

А еще спрашиваютъ, есть ли въ Россіи масоны?

XIX.

Тиранія лженаучнаго софизма.

Позоръ переживаемыхъ нами событій, исказившихъ до неузнаваемости внутреннюю жизнь Россіи, заключается въ томъ глубокомъ невѣжествѣ, съ которымъ мы безсмысленно стараемся подражать государственнымъ формамъ Европы, давно уже осужденнымъ, какъ научною теоріей, такъ и жизненною практикой.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы всѣ опрометью несемся къ *народовластію*, основанному на той „всеобщей, равной, тайной“ подачѣ голосовъ, которой такъ пеистово требуютъ наши революціонеры. Правительство, шагъ за шагомъ, уступаетъ имъ во всѣхъ ихъ безумныхъ требованіяхъ, и мы не видимъ причины, почему оно въ концѣ-концовъ не уступитъ имъ и въ этомъ крайнемъ безуміи, —въ особенности, если, какъ всѣ говорятъ, будетъ стоять во главѣ Правительства г. Витте.

А между тѣмъ вся эта система всеобщихъ выборовъ основана на грубомъ лженаучномъ софизмѣ, согласиться съ которымъ ни одинъ серіозный человѣкъ не можетъ.

Вотъ что, между прочимъ, по этому поводу говоритъ Поль Бурже:

„Франція 1789 года искренно вѣрила, вмѣстѣ съ Руссо, въ *природную доброту* человѣка. А между тѣмъ наука, которая въ данномъ случаѣ совершенно согласна съ религіей, утверждаетъ, что *человѣкъ природы* является полною противоположностью той разумной и идиллической личности, фантасмагорическій силуэтъ которой просвѣчиваетъ сквозь пашвыя глупости (niiseries) *Деклараціи правъ человѣка*. Вотъ что говорилъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ одинъ изъ послѣдователей Дарвина, Анри Тэнъ, въ 1865 году: „„Человѣкъ есть животное по своей природѣ и структурѣ, и никогда природа и структура не дадутъ сгладиться первой складкѣ. У че-

ловѣка есть клыки, какъ у собаки и лисицы, и онъ ими впивается въ тѣло ближнихъ своихъ"".

„Христіане объясняютъ прирожденное зло, таящееся въ человѣкѣ, первороднымъ грѣхомъ. Дарвинисты объясняютъ это зло животнымъ происхожденіемъ человѣка. Тѣ и другіе стоятъ на *строго-научной* почвѣ, такъ какъ они принимаютъ очевидность неоспоримаго факта.

„Наоборотъ, весь длинный рядъ революціонеровъ игнорировалъ этотъ фактъ, начиная съ Руссо вплоть до утопистовъ современнаго соціализма, въ особенности же редакторы вышеупомянутой *Декларации правъ* и безумцы 1848 года, которымъ мы обязаны чудовищностью (monstruosité) всеобщей подачи голосовъ. Вѣдь эта подача голосовъ является лишь реальнымъ осуществленіемъ лженаучнаго догмата о *первородной добротѣ* человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, если каждый человѣкъ, по природѣ своей, добръ и разуменъ, онъ, по природѣ своей, имѣетъ право участвовать въ управленіи своей страны. Вѣдь *природный разумъ* по существу своему долженъ быть *равнымъ* у всѣхъ людей! Выводъ этотъ столь же нелѣпъ, какъ и посылки, на которыхъ онъ основанъ. Какъ у насъ смѣялись бы надъ подобными глупостями, если бы намъ не приходилось такъ дорого платиться за нихъ" *).

Бѣдная Франція, находящаяся подъ тиранніей этого лженаучнаго софизма, уже платится за всѣ его глупости. А намъ расплата эта предстоитъ еще впереди. Отъ милліардной контрибуціи Японцамъ намъ удалось какъ-нибудь отвертѣться,—по крайней мѣрѣ отъ уплаты этой контрибуціи наличными деньгами, такъ какъ мы уплатили ее въ несравненно большемъ размѣрѣ уступкой юлъ-Сахалина,—но ужъ отъ контрибуціи милліардами денегъ и тысячами человѣческихъ жизней мы ничѣмъ не откупимся, если введемъ у себя ту чудовищную глупость „всеобщей, равной, тайной подачи голосовъ", которая, по своему существу, есть поощренія наукѣ, данная грубымъ „либеральнымъ" невѣжествомъ.

*) *Réforme Sociale* 1905. № 15—16. p. 303.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1904 г.

Вопросы русской жизни.

		Стран.
1	Школьныя традиціи *(Моск. Вѣд.*, № 4).	5
2.	Вѣковой вопросъ дворянства (№ 11)	7
3.	Анти-японская политика Англіи (№ 18)	11
4.	Земская школа (№ 25)	13
5.	Наше народное просвѣщеніе (№ 32).	16
6.	Наши друзья и враги (№ 39)	18
7.	Міровая борьба (№ 45).	21
8.	„Вѣчный миръ“ (№ 52)	24
9.	Духовная гигіена нашихъ войскъ (№ 59)	27
10.	„Правду, и только правду“ (№ 66)	29
11.	Огорченные (№ 73)	31
12.	Земскія мистеріи (№ 80)	35
13.	Личность въ исторіи (№ 92)	36
14.	Общественные безобразники (№ 99)	39
15.	Гдѣ міровая задача Россіи? (№ 106).	41
16.	Жалкіе люди (№ 113)	45
17.	Общественная дисциплина (№ 120)	48
18.	Фундаментъ Русскаго Самодержавія (№ 127).	50
19.	„Не время!“ (№ 134)	53
20.	Москва и Петербургъ (№ 140)	56
21.	Задача генерала Глазова (№ 147).	57
22.	Николай Ивановичъ Бобриковъ (№ 154)	59
23.	Новая англійская баснія (№ 161)	61
24.	Проблескъ свѣта въ школьномъ мракѣ (№ 168).	64
25.	Новѣйшій памфлетъ гр. Толстого (№ 175)	67
26.	Реформы русской семьи (№ 182)	69
27	Антонъ Павловичъ Чеховъ (№ 189)..	72
28.	Вячеславъ Константиновичъ Плеве (№ 196).	75

Стран.

29. „Кабинетный“ вопросъ (№ 203) 78
30. Надежда Россіи (№ 210) 80
31. За что̀ убили Плеве? (№ 217) 83
32. Къ вопросу объ „общеземскихъ“ агитаціяхъ (№ 224) 86
33. Кто будетъ министромъ? (№ 231) 88
34. Кто виноватъ? (№ 238). 89
35. „Элементарные факты современной исторіи“ (№ 245). 92
36. Что̀ намъ завѣщала Екатерина Великая? (№ 252) 94
37. Политическая задача Государственнаго Совѣта (№ 259) . . . 97
38. Гдѣ намъ строить суда (№ 266) 100
39. Преждевременныя ликованія (№ 273) 104
40. Маклаки парламентаризма (№ 280) 105
41. Союзники японцевъ (№ 287). 108
42. Надежда „либераловъ“ (№ 294) 110
43. Предположенный эскамотажъ (№ 301) 112
44. Новая клевета на Каткова (№ 308) 115
45. Самодержавіе, правовой порядокъ и бюрократія (№ 315) . . . 117
46. Софисты конституціонализма (№ 322). 120

1905 г.

47. Газетная провокація (№ 30) 123
48. Опасное недоразумѣніе (№ 32). 125
49. Славянофильскія иллюзіи (№ 33). 128
50. „Только одинъ вопросъ“ (№ 34) 130
51. Кровь, вопіющая къ Небу (№ 36) 132
52. Политика уступокъ (№ 36) 134
53. Сообщники убійцы (№ 38) 136
54. Чего они хотятъ? (№ 42) 138
55. Что̀ надо дѣлать? (№ 43) 141
56. Издѣвательства надъ учащимся юношествомъ (№ 48) 144
57. Царское слово (№ 50) 147
58. Первый шагъ (№ 51) 149
59. Царская воля и наша „интеллигенція“ (№ 53). . . . . —
60. Три акта (№ 55). 152
61. Организація Монархической партіи (№ 61) 156
62. Къ организаціи Монархической партіи (№ 62). 161
63. Новое политическое преступленіе (№ 67) 163
64. Мукденъ русской революціи (№ 82). 166
65. Московскіе съѣзды (№ 98). 167
66. Свобода иновѣрія и инославія (№ 108) 169
67. Монархическая партія (№ 109). 173
68. Монархическая партія (№ 114). 178
69. Монархическая партія (№ 121). 179
70. Главная задача Монархической партіи (№ 134) 181

Стран.

71. Тяжелая потеря (№ 134) 184
72. Долгъ Россіи (№ 136) . . . . . —
73. „Отвѣтственность“ (№ 139) 188
74. Катковъ о диктатурѣ (№ 140) 190
75. Новое назначеніе генерала Трепова (№ 141). 195
76. Когда настанетъ время для реформъ (№ 145) 197
77. Укрѣпленіе Самодержавія (№ 149) 200
78. „Почетный“ миръ? (№ 156) 204
79. Православная церковь въ Россіи (№ 161) 206
80. Православная церковь въ Россіи (№ 162) 209
81. Русскій народъ въ Россіи (№ 164) 212
82. Русская бюрократія (№ 168) 219
83. Одесскій ужасъ (№ 169) 225
84. Царская воля (№ 173) 227
85. Новая кровавая жертва (№ 175) 230
86. Грустныя воспоминанія (№ 181) 233
87. Во что обратится Земскій Соборъ (№ 188) 235
88. Что доказываетъ Нижегородскій погромъ (№ 190) 236
89. Возможна ли въ Россіи революція? (№ 196) 240
90. Жизненные интересы крестьянскаго и рабочаго сословія (№ 198). 243
91. „Печальное происшествіе“ (№ 203) 246
92. Россія на распутіи (№ 207) 249
93. Новый путь (№ 214) 251
94. Миръ (№ 225) 254
95. С. Ю. Витте и евреи (№ 237) 255
96. Русская Монархическая партія (№ 240) 256
97. Патріотическій долгъ православнаго духовенства (№ 248) . . 260
98. Военная диктатура (№ 264) 265
99. Русская Монархическая партія (№ 267) 266
100. Совершенно невѣроятная рѣчь (№ 268) 268
101. Русская Монархическая партія (№ 274) 270
102. Русская Монархическія партіи: собраніе 18-го октября (№ 279). 281
103. Диктатура графа Витте (№ 279) 282
104. Политика графа Витте (№ 284) 286
105. Территоріальная цѣлость (№ 285) 290
106. Паника революціонеровъ (№ 289) 291
107. Объединеніе старообрядцевъ (298) 293
108. Привѣтъ союзу землевладѣльцевъ (№ 304) 295
109. Возрожденіе твердой власти (№ 322) 298
110. На Красной площади (№ 323) 299
111. Революція (№ 324) 301
112. Кто виноватъ? (№ 325) 304
113. Графъ Витте и Россія (№ 326) 307
114. Совѣтчики графа Витте (№ 327) 309
115. „Революціонныя приготовленія“ (№ 328) 311

(К. 15624)

Вопросы русской жизни.

Стран.

116. „Непредвидѣнная“ смута (№ 30) 314
117. Долготерпѣніе (№ 37) 316
118. Жрецы и Тартюфы науки (№ 44) 317
119. Опасная пропаганда (№ 51) 319
120. Либеральная „свобода слова и печати“ (№ 58) 321
121. Кое-что о бюрократіи (№ 64) 323
122. Еще о бюрократіи (№ 71) 326
123. Карточные домики (№ 78) 328
124. Таинственные незнакомцы (№ 85) 330
125. „Черный передѣлъ“ (№ 92) 332
126. Чего они хотѣли (№ 99) 334
127. Новый Московскій градоначальникъ (№ 118) 335
128. Наши монтаньяры (№ 138) 337
129. Во что̀ обратится Земскій Соборъ? (№ 193) 339
130. Революція и самосудъ (№ 221) 342
131. Выборы и „свобода печати“ (№ 228) 343
132. Парламентаризмъ и національнизмъ (№ 235) 345
133. Русскіе масоны (№ 242) 347
134. Тираннія лженаучнаго софизма (№ 249) 349

2007044874